КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

ISBN 978-5-94457-244-8

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ 238

ISSN 0130-2620

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

238

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
238

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 902/904
ББК 63.4
К 78

Краткие сообщения Института археологии
Вып. 238 2015

Главный редактор:
Академик РАН Н. А. Макаров

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:
д-р П. Бан, проф. А. Блюене, проф. М. Вагнер, проф. М. Волошин, д. и. н. М. С. Гаджиев, проф. О. Далли, проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин, д. и. н. А. К. Левыкин, чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд, д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:
д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская, д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, к. и. н. А. Р. Канторович, к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции), член-корр. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, к. и. н. Н. М. Чаиркина, д. и. н. В. Е. Щелинский

К 78 Краткие сообщения Института археологии. Вып. 238 / Ин-т археологии РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 336 с., ил., вклейка.

ISSN 0130-2620
ISBN 978-5-94457-244-8

УДК 902/904
ББК 63.4

BRIEF COMMUNICATIONS OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
Editor-in-chief Academician N. A. MAKAROV

На задней стороне обложки изображен бронзовый перстень, селище Тарбаево 5 (к статье Н. А. Макарова и А. Н. Федориной)

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу «Пресса России», т. 1, индекс 11907.
Электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru.

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19;
Телефон +7 (499) 126-47-98, Факс +7 (499) 126-06-30
E-mail: ksia@iaran.ru

ISBN 978-5-94457-244-8

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2015
© Авторы, 2015
© Языки славянской культуры, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ
«НА ПОРОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
(ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И ИНЫМ ИСТОЧНИКАМ)»
НОЯБРЬ 2014 г.

Гуляев В. И. Введение 7
Бондаренко Д. М. Государство: сущность феномена 13
Корниенко Т. В. Социокультурные изменения в североместопотамских сообществах эпохи эпипалеолита и докерамического неолита как важный этап на пути к цивилизации 26
Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н. Телль Хазна I. Между первой и второй городскими революциями в Хабурской степи Северной Месопотамии 35
Авилова Л. И. О слитках металла из анатолийских кладов (эпоха бронзы) 49
Антонова Е. В. Об обрядах создателей «цивилизации Окса» 68
Дмитриев С. В. Доместикация в Китае: попытка обобщения данных 82
Афанасьев Г. Е. О самоидентификации Хазарского каганата в IX в. (по данным системы обороны) 98

ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

Макаров Н. А., Федорина А. Н. Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X–XI вв. 115
Масленников А. А. О боспорской хронографии и боспорской археологии (Опыт сравнительно-относительной хронологии городищ европейского Боспора периода «зрелого» эллинизма) 132
Березин Я. Б., Маслов В. Е. Погребения с кромлехом у северного подножия горы Машук . . . 151
Внуков С. Ю. Продолжительность использования античных винных амфор 161
Храпунов И. Н., Казанский М. М. Погребение № 114 на могильнике Нейзац (предгорный Крым) и древности кочевников Северного Причерноморья второй половины V – первой половины VI в. 170
Гиппиус А. А., Седов Вл. В. Надпись-граффито на стене Николо-Дворищенского собора 195
Щербаков В. Л. Технология изготовления рабочих топоров в центре Северо-Восточной Руси 203
Завьялов В. И., Терехова Н. Н. К проблеме становления железной индустрии на Среднем Енисее (технологический аспект) 212
Ковалев А. А. Синьчжуантоу М30 – погребение знатного представителя пазырыкцев-«лоуфаней» на службе вана китайского царства Янь (середина III в. до н. э.) 229

БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Медникова М. Б. Биоархеология неандертальских погребений с территории Франции и Крыма 243

Шишлина Н. И., Ларионова Ю. О., Эрлих В. Р., Ковалев Д. С., ван дер Плихт Й. Погребение майкопской культуры из могильника Синюха: результаты изотопного исследования 262
Казарницкий А. А., Туркина И. С. Форма могильной ямы и положение скелета: опыт анализа изменчивости методами геометрической морфометрии 277
Тарасова А. А. Оценка степени родства населения средневекового Ярославля по данным антропологии 288
Горбаненко С. А. Палеоэтноботанические материалы пражской культуры 299

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 319
ОТ РЕДАКЦИИ. Правила оформления рукописей 321
ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА 325

CONTENTS

PROCEEDINGS OF CONFERENCE
«ON THE THRESHOLD OF CIVILIZATION AND STATEHOOD
(BASED ON ARCHAEOLOGICAL AND OTHER SOURCES)»
NOVEMBER 2014

Gulyaev V. I. Introduction 7
Bondarenko D. M. State: the nature of the phenomenon 13
Korniyenko T. V. Socio-cultural changes in North Mesopotamian communities in the Epipalaeolithic epoch and pre-pottery Neolithic as a stage on the path to civilization. . . 26
Munchayev R. M., Amirov Sh. N. Tell Hazna I. Between the first and second urban revolutions in the Khabur steppe of North Mesopotamia 35
Avilova L. I. On metal ingots from Anatolian hoards (Bronze Age). 49
Antonova Ye. V. On the rituals of the creators of the «Oxus civilization» 68
Dmitriyev S. V. Domestication in China: an attempt to generalize data. 82
Afanasyev G. Ye. On the self-identification of the Khazar Khaganate in the 9th century (based on data of the defence system). 98

PROBLEMS AND MATERIALS

Makarov N. A., Fedorina A. N. Phenomenon of «large settlements» in North-Eastern Rus in the 10th and 11th centuries 115
Maslennikov A. A. On Bosporan chronography and Bosporan archaeology (Comparative-relative chronology of fortified settlements in the European Bosporus in the period of «mature» Hellenism) 132
Berezin Ya. B., Maslov V. Ye. Burials with kromleh at the northern foothill of mount Mashuk 151
Vnukov S. Yu. Duration of the period Classical wine amphorae were used 161
Khrapunov I. N., Kazansky M. M. Burial 114 at the Neizats cemetery (the foothills of the Crimea Mountains) and antiquities of the nomads of the North Pontic region in the second half of the 5th – first half of the 6th cc. 170
Gippius A. A., Sedov Vl. V. A graffito inscription on the wall of St. Nicolas in Dvorishche cathedral (Novgorod). 195
Shcherbakov V. L. Technology used for manufacturing working axes in the centre of North-Eastern Rus 203
Zavyalov V. I., Terekhova N. N. On the question of the development of iron industry in the middle reaches of the Yenisei River (technological aspect) 212
Kovalev A. A. Xinzhuangtou M30 – a burial of a noble representative of the Loufans – one of the Pazyryk culture peoples in the service of the Yan kingdom (mid-3rd century BC) . . 229

BIOARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS

Mednikova M. B. Bioarchaeology of Neanderthal burials in the territory of France and the Crimea. 243

Shishlina N. I., Larionova Yu. O., Erlikh V. R., Kovalev D. S., van der Plicht J.
Maikop grave from the Sinyukha burial ground: results of stable isotope study 262
Kazarnitsky A. A., Turkina I. S. Burial pit shape and skeleton positions:
experiment to analyse the variability by methods of geometric morphometry 277
Tarasova A. A. Assessment of the degree of kinships in the population of
medieval Yaroslavl based on anthropological data 288
Gorbanenko S. A. Palaeobotanical materials of the Prague culture 299

ABBREVIATIONS 319
SUBMISSION GUIDE 321
COLOUR PLATES 325

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ «НА ПОРОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И ИНЫМ ИСТОЧНИКАМ) НОЯБРЬ 2014 г.

В. И. Гуляев

ВВЕДЕНИЕ

Резюме. Публикуемая подборка статей частично отражает тематику Всероссийской научной конференции «На пороге цивилизации и государственности», прошедшей в ИА РАН в ноябре 2014 г. по инициативе Отдела теории и методики ИА РАН. Тема была выбрана далеко не случайно. Она очень важна и в общетеоретическом и практическом плане. Исследователи, занимающиеся проблемами перехода общества (независимо от территории и хронологии) от первобытнообщинного уровня к государственному, всегда ощущают огромные трудности теоретического и практического характера. Часто для этого переходного периода нет письменных свидетельств, социологическая информация, содержащаяся в археологических материалах, крайне скудна. В идеале такую тематику лучше всего разрабатывать на комплексной основе (письменные, археологические и прочие источники), но, к сожалению, это скорее исключение, чем правило. Известный оптимизм в решении этих сложных вопросов внушает широкое внедрение в последние годы в археологию естественных наук. Предлагаемая читателю серия работ отражает современную ситуацию в данной области.

Ключевые слова: цивилизация, государство, переходный период, археологические материалы, письменные источники, конференция.

Предлагаемые читателю 7 статей представляют собой частичное отражение тематики Всероссийской научной конференции «На пороге цивилизации и государственности», прошедшей в ИА РАН в ноябре 2014 г. по инициативе Отдела теории и методики ИА РАН. Тема была выбрана далеко неслучайно. Она очень важна и в общетеоретическом и практическом плане. С другой стороны, исследователи, занимающиеся проблемами перехода изучаемого ими общества (независимо от территории и хронологии) от первобытнообщинного уровня к государственному, всегда ощущают огромные трудности теоретического и практического характера. Часто для этого переходного периода нет письменных

свидетельств, археологические материалы крайне скупы на социологическую информацию. В идеале такую тематику лучше всего разрабатывать на комплексной основе (письменные, археологические и прочие источники), но, к сожалению, это скорее исключение, чем правило. Известный оптимизм в решении этих сложных вопросов внушает широкое внедрение в последние годы в археологию естественных наук.

Не подлежит сомнению, что существует огромный массив информации о вождествах разного уровня и ранних государствах в традиционных обществах Азии, Африки, Америки в виде этноисторических источников. Но не менее важно задействовать при решении сложной проблемы перехода от вождества к государству и колоссальный по объему, но далеко не всегда информативный археологический материал. Исследования в данном направлении ведутся во все возрастающих масштабах, в том числе и в России (напомню здесь о представительной международной конференции во Владивостоке в 2012 г. – см. Политическая антропология традиционных и современных обществ. Материалы международной конференции. Владивосток, 2012). Не является исключением и тематика нашей конференции, в докладах которой основное внимание уделялось как раз археологическим источникам.

Принципиально важна в теоретическом плане статья Д. М. Бондаренко «Государство: сущность феномена». Разрабатывая свои взгляды на этноисторических материалах традиционных обществ Африки к югу от Сахары, автор считает, что исключительной особенностью государственного общества является специализация, выражающаяся в профессионализации управления, то есть в формировании бюрократии, что напрямую связано с переходом от доминирования в обществе родственных связей к приоритету связей территориальных.

Т. В. Корниенко посвящает свою статью социокультурной трансформации северомесопотамского общества эпохи раннего неолита как важному этапу на пути к цивилизации. Полученные к настоящему времени археологические свидетельства функционирования ранних долговременных поселений в зоне Плодородного полумесяца дают представление о демографическом росте и увеличении плотности населения (совместном проживании от нескольких сот до нескольких тысяч человек), усложнении социальной структуры, изменениях в хозяйственной сфере, питании, физиологических и психологических характеристиках человека. Анализ распространения в регионе многочисленных символически оформленных объектов различных категорий позволил автору предложить вывод о формировании новой идеологии и новых принципов осуществления культовых практик, появлении и функционировании сложных символических систем.

Нельзя не упомянуть принципиально важную статью Р. М. Мунчаева и Ш. Н. Амирова «Телль Хазна I. Между первой и городской революцией в Хабурской степи Северной Месопотамии», основанную на самых новых материалах «из первых рук» – результатах работ Сирийской экспедиции ИА РАН. Статья посвящена особенностям становления цивилизации в Хабурской степи. В этом процессе выделяются два этапа. Первый – эпоха урбанизации, социальные процессы IV тыс. до н. э. исследуются на богатом материале монументальных сооружений общественного и религиозного характера. Второй период становления

цивилизации связан с формированием государственности (середина – вторая половина III тыс. до н. э.), когда складывается весь комплекс ее признаков, включая письменность. Завершение жизни на поселении Телль Хазна I авторы связывают с аридизацией климата, что подорвало возможности неполивного земледелия в Хабурской степи.

Л. И. Авилова рассматривает в своей работе слитки металлов, входящие в состав кладов, найденных на территории Анатолии (Турция). Эти комплексы датируются поздним энеолитом и среднебронзовым веком (РБВ II-III). Автор характеризует состав кладов, материал и морфологию находок. Для золотых слитков и заготовок выделяется несколько четких весовых стандартов. Анатолийские материалы сопоставляются с весовыми системами, применявшимися в Сиро-Месопотамии в III–II тыс. до н. э. Исследователь считает, что использование металлических изделий стандартизованной формы и веса в качестве эквивалента ценности является признаком существования в регионе раннегосударственных структур в рамках развития цивилизации ближневосточного типа.

Исследование вещественных следов обрядов бесписьменных культур, считает Е. В. Антонова, важный момент реконструкции бытия оставивших их людей. На примере жертвенных обрядов «цивилизации Окса» (Бактрийско-Маргианского археологического комплекса) автор прослеживает высокий уровень развития местного земледельческого общества и говорит о выгодном положении его на перекрестке торговых путей (связи с Ираном, долиной Инда, Месопотамией, Сирией и Анатолией в конце III – начале II тыс. до н. э.).

Статья С. В. Дмитриева «Доместикация в Китае: попытка обобщения данных» знакомит читателя с современным состоянием исследования одомашнивания животных на территории Китая. Обсуждается хронология процессов одомашнивания основных животных, выделяются центры этих процессов, особое внимание автор уделяет результатам применения методов ДНК-анализа. Китай расценивается как один из основных центров доместикации сельскохозяйственных животных, несмотря на то, что многие виды были привнесены сюда из иных центров.

Статья Г. Е. Афанасьева «О самоидентификации хазарского каганата в IX в. (по данным системы обороны)» посвящена важнейшей и спорной проблеме – определению территории хазарского государства на основе чисто археологического источника – системы фортификационных сооружений. Проведенный автором тщательный анализ местонахождения крепостей позволил заметно уточнить этническую территорию хазарских племен в IX в. Установлено, что центральным регионом Хазарского каганата были земли Нижнего Дона от Таганрогского залива до Волго-Донской переволоки.

Каковы же причины происхождения государства и цивилизации? Как возникают общества со сложной структурой? Чем можно объяснить те важные изменения в идеологии, экономике и культуре, которые достаточны для появления сложных обществ и ранних государств? Вопросы сложные и не поддающиеся быстрому решению. Не могли дать окончательного ответа на них и 27 докладов, прочитанных на конференции, и те статьи, которые приводятся в этом выпуске КСИА.

Но в ходе дискуссий удалось «нащупать» несколько общих и принципиально важных положений.

Во-первых, можно уверенно сказать, что возникновению цивилизации и государства, как правило, предшествовал кардинальный переворот в труде как способе обмена веществ между людьми и природой, который часто именуется в археологической литературе «неолитической революцией» и который привел к замене присваивающей системы хозяйства производящей. Именно в результате этого переворота появился прибавочный продукт – основа всякого дальнейшего развития по восходящей линии.

Для теоретической разработки проблемы ранних цивилизаций особенно важны материалы и факты из первичных очагов городских цивилизаций: в Старом Свете это Месопотамия, Египет и др.; в Новом – Мезоамерика и Перу. Во всех названных регионах процесс возникновения и развития государства протекал в «чистом» виде, без ощутимого влияния со стороны более высоких культур.

Видимо, можно считать доказанным, что в этих первичных очагах цивилизации самой ранней формой территориально-политической организации общества были города-государства («номы»), то есть крупный городской (столичный) центр и его округа с рядом более мелких селений.

И. М. Дьяконов – один из наиболее крупных отечественных специалистов по истории Древнего Востока – дал самую развернутую и обоснованную на сегодняшний день характеристику раннеклассовых обществ этого региона – древнейших из пока известных науке. Суть его выводов заключается в том, что иерархия общин – это сердцевина и исходный элемент любой местной социальной организации: от «микроячейки» в виде «домовой общины» (большой патриархальной семьи) до «макро-общины» в лице «номового» государства (города-государства) (*Дьяконов И. М.*, 1966. Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей // ВДИ. № 1. С. 24–34).

Остановимся на этих важных положениях более подробно. И. М. Дьяконов считает, что по мере развития производительных сил и разделения труда родоплеменная организация постепенно разлагается, распадаясь на «домовые» (большесемейные) общины. «Домовая община» – это хозяйство большой семьи, составляющей патриархальный род или входящей в таковой. Однако будучи недостаточно мощной единицей для самостоятельного существования на том уровне развития производства, «домовая община» входит, как правило, в более крупное общинное объединение, основанное на принципах соседства, а не родства, – в сельскую общину (шумерское «uru», аккадское «ālu»). Интересно отметить, что в Шумере и город, и любое селение также называли «uru», подобно сельской общине.

«Домовая община» является обязательной хозяйственной формой существования патриархальной семьи (или рода) и поэтому существует столько же времени, сколько и патриархальная семья (род), в том числе, и даже главным образом, в классовом обществе.

«Домовая община» владела своими средствами производства, и власть в ней осуществлял патриарх – глава дома, отец – *pater familias*. Но право собственности на землю принадлежало сельской общине. Это выражалось, во-первых, в регулярных переделах земли внутри общины и, во-вторых, в участии представителей «домовых общин» во всех делах, касающихся использования земли.

Сельская (соседская) община управлялась собранием глав больших семей («домовых общин»). Впрочем, общинное самоуправление в условиях классового общества (и даже еще раньше, в условиях «военной демократии») обычно видоизменяется в том направлении, что существует совет старейшин, в который чаще всего входят уже не все главы «домовых общин», а лишь главы наиболее богатых родов (представители родовой знати). Наряду с советом, существует общее собрание всех свободных, носящих оружие. Оно, впрочем, играет обычно довольно пассивную роль при совете старейшин, поскольку большинство воинов находится в патриархальной зависимости от родовой знати.

«Государство первоначально возникает в пределах общины или тесно связанных между собой общин. Сначала оно продолжает по форме управляться так, как община управлялась и раньше, то есть советом старейшин при участи народного собрания совместно с вождем-жрецом и вождем-военачальником. Чаще всего военачальник постепенно узурпирует должность жреца и становится на его место…», превращаясь со временем в единовластного царя (*Дьяконов И. М.*, 1968. Проблемы экономики. О структуре обществ Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. // ВДИ. № 4. С. 19).

Сведения об авторе.

Гуляев Валерий Иванович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: viguliaev@yandex.ru.

Proceedings of conference «On the threshold of civilization and statehood (based on archaeological and other sources)» November 2014

V. I. Gulyaev

Introduction

Abstract. The selection of articles published in this issue contains some of the materials presented at the all-Russian academic conference «On the threshold of civilization and statehood» held in the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences in November 2014. The meeting was originally proposed by the Department for theory and methodology of the Institute of Archaeology. The choice of subject was far from a coincidence. It was very important both with regard to general theory and also in a practical sense. Scholars working on the question of society's transition (regardless of territory or chronology) from a primitive level to statehood, are always conscious of the enormous problems connected with it – problems of both a practical and theoretical nature. There are often few written sources relating to that transition and the sociological information to be gleaned from archaeological materials is very meagre. Ideally research into this subject should be multi-disciplinary (using written, archaeological and other sources), but unfortunately such opportunities are the exception rather than the rule. A certain degree of optimism relating to solution of these complex issues has arisen thanks to the wide

application of natural sciences in archaeology in recent years. This series of publications reflects the current situation in this field.

Keywords: civilization, state, transitional period, archaeological materials, written sources, conference.

About the author.

Gulyaev Valeriy I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: viguliaev@yandex.ru.

Д. М. Бондаренко

ГОСУДАРСТВО: СУЩНОСТЬ ФЕНОМЕНА

Резюме. В рамках подавляющего большинства современных теорий государство рассматривается как специализированный централизованный институт управления обществом, обладающий узаконенным правом на применение насилия. В противоположность этому, наш подход основан на убежденности в том, что государство следует понимать не просто как особую систему политических институтов, но в первую очередь – как тип общества, которому эта система институтов адекватна. Следование этому подходу предопределяет необходимость уделить особое внимание выходу на передний план в государственном обществе неродственных – территориальных – социальных связей (факта, обычно не отражающегося в современных определениях государства вследствие взгляда на него как лишь на форму политической организации). Мы также утверждаем, что политическая централизация не может рассматриваться как специфически государственный признак, поскольку он присущ и многим формам негосударственного общества. В то же время особенностью исключительно государственного общества является специализация, выражающаяся в профессионализации управления, т. е. в формировании бюрократии, что напрямую связано с переходом от доминирования в обществе родственных связей к приоритету связей территориальных. Что же касается права на легитимное насилие, то его не следует делать центральным пунктом теории государства, поскольку оно является величиной зависимой: оно обусловлено появлением бюрократии и осуществляется ею в рамках бюрократических (государственных) политических институтов.

Ключевые слова: теория государства, государство, общество, социальные связи, родство, территориальность, политические институты, политическая централизация, специализация управления, бюрократия.

К настоящему времени в мировой науке было предложено множество дефиниций государства. Их практически нереально свести к одному «обобщающему» определению, но все же можно утверждать, что в подавляющем большинстве современных теорий государства оно рассматривается как система специализированных и централизованных институтов управления обществом. Подход же, развиваемый в данной статье, основан на понимании государства не только как особой системы политических институтов, но прежде всего как типа общества, которому эта система адекватна, – «государственного общества» (*Bondarenko*, 2008).

В то же время в некоторых случаях, вполне возможно, имеет смысл в аналитических целях различать два аспекта государства и вести о нем речь в политическом и социальном смыслах. Общество – явление более широкое. С одной стороны, в нем политические характеристики дополняются и переплетаются с социальными (а через них – и с экономическими). С другой же стороны, социальная и политическая подсистемы общества часто развиваются асинхронно, причем чаще[1] быстрее эволюционирует вторая, достигая параметров системы управления государственного типа раньше, чем в социальной подсистеме территориальный принцип организации начинает преобладать над родственным. А. Джонсон и Т. Ёрл пишут: «Тогда как в вождествах руководство осуществляется общими региональными институтами, в государствах возросший уровень интеграции требует для выполнения задач контроля и управления специализированных региональных институтов. … С этим ростом разработанности аппарата управления приходит и рост стратификации. Теперь элиты не связаны узами родства с населением, которым управляют…» (*Johnson, Earle*, 2000. P. 304).

Мы полагаем, что ученый может использовать любое определение государства, если оно внутренне не противоречиво, удовлетворяет задачам его конкретного исследования и используется последовательно на всем его протяжении. Однако в рамках общей теории понятие государства не следует редуцировать до его политического компонента, иначе «смешиваются два независимых понятия – государство и государственный институт» (*Белков*, 1993. С. 32). Например, это допускают создатели концепции «архаического государства», для которых оно – лишь «политический или управленческий элемент» общества (*Marcus, Feinman*, 1998. P. 4). В трудах последнего времени и А. Тестар прямо пишет, что «государство есть нечто политическое», а «возникновение государства – это политический факт» (*Testart*, 2012. P. 105, 107). В противоположность таким подходам, Х. Классен открыто заявляет, что государство – «… это особый вид социальной организации, выражающий особый тип общественного устройства в социуме» (*Claessen*, 2003. P. 161). Именно такое видение всецело совпадает со взглядом автора данной статьи.

Холистический подход к государству, при котором оно рассматривается как тип социума, которому соответствует определенная система политических институтов, предопределяет необходимость обратить особое внимание на выдвижение в государственном обществе на передний план неродственных (территориальных) связей – обстоятельство, игнорируемое в современных определениях государства, авторы которых видят в нем лишь форму политической организации. Однако, как известно, первые теоретики государства в антропологии, Г. Мэйн (Мэн) (1873; 1876) и Л. Морган (2012), противопоставляли основанные на родстве догосударственные социумы («общества статуса», *societas*) территориально организованным обществам государственным («общества контракта»,

[1] Но не всегда: важнейшим исключением является Европа, в ряде регионов которой (Греции, Италии, Скандинавии) однолинейные родственные институты исчезли уже на грани бронзового и железного веков, уступив место нуклеарной семье и территориальной соседской общине (см., например: *Roussel*, 1976; *Фролов*, 1988. С. 79, 80; *Дождев*, 2002; *Earle*, 1997. P. 25, 26, 163; *Kristiansen*, 1998. P. 45, 46).

civitas). При этом уже на заре XX в. Г. Шурц (*Schurtz*, 1902), а окончательно – в середине прошлого столетия британские структуралисты и американские боасианцы наглядно показали, что Мэйн и Морган – как и позже следовавший за Морганом Ф. Энгельс (1985) – противопоставляли два принципа организации общества чрезмерно жестко. Ими и рядом других ученых были приведены убедительные свидетельства важности территориальных связей в негосударственных социумах. В результате уже в 1965 г. Й. Льюис имел все основания утверждать, что «принципиально территориальный характер социальных и политических связей в целом в самом деле обычно считается само собой разумеющимся и относящимся к сегментарным линиджным обществам в той же мере, что и к другим типам общества» (*Lewis*, 1965. P. 96). Год спустя Э. Уинтер категорично утверждал, что, хотя дихотомия родства и территориальности была «полезна», когда ее ввел Мэйн, «то время миновало» (*Winter*, 1966. P. 173). Примерно с тех же годов археологи и антропологи без колебаний пишут о территориальности как атрибуте даже наиболее архаических культур – неспециализированных охотников-собирателей (*Campbell*, 1968; Mobility and Territoriality…, 1992; и др.). Наконец, социобиологи, основываясь, прежде всего, на этнографических материалах по тем же обществам, утверждают, что «чувство территориальности» (ощущение определенной территории как своей и нежелание допускать на нее чужаков) – черта, присущая людям изначально, будучи унаследованной от дочеловеческих предков (*Ardrey*, 1966; *Malmberg*, 1980).

Со своей стороны, историки (в особенности медиевисты) продемонстрировали, что типологически не-, а по происхождению – догосударственные институты родства сохраняли большое значение в доиндустриальных государственных обществах. С. Рейнолдс даже сетовала в 1990 г., что, хотя «все, что мы знаем о средневековом [западноевропейском] обществе не оставляет сомнений в важности родства, … мы (медиевисты. – *Д. Б.*) в прошлом были склонны сосредотачиваться на родстве в ущерб другим связям» (*Reynolds*, 1990. P. 4). Что же касается археологов, то к середине 1950-х гг. «опыт полевых исследований показывал снова и снова, что тысячи лет и во многих широтах родственные связи сосуществовали с докапиталистическим государством» (*Murra*, 1980. P. XXI). В итоге стало понятно, что проблема родственного и территориального начал в организации социума – всегда вопрос соотношения между ними, а не присутствия или отсутствия одного из них, хотя общая тенденция социальной истории и в самом деле состоит в постепенном все большем замещении родственных институтов территориальными. При этом А. Тестар настаивает на исключении контроля над ясно очерченной территорией из определения государства, обращая внимание на то, что увязывание государства как коллектива сограждан с определенной территорией является лишь правовой традицией Нового времени (*Testart*, 2005. P. 81, 82). Действительно, в архаических обществах власть суверена, как правило, воспринимается как власть над людьми, а не некой частью земной поверхности (см., например: African Frontier…, 1987).

Таким образом, нельзя не признать, что М. Фрид был предельно точен, утверждая, что государство базируется не на неродственной, а на «надродственной» социальной основе (*Fried*, 1970. P. 692, 693).

Принимая во внимание вышесказанное, мы, тем не менее, согласны, что «наиболее фундаментальное… различие (между государственными и негосударственными обществами. – *Д. Б.*) – то, что государства организованы по политическому и территориальному принципу, а не по родственному принципу…» (*Diamond*, 1997. P. 280). Следовательно, мы также считаем «родство – территориальность» правомерным и заслуживающим внимания критерием различения государственных и негосударственных обществ (*Bondarenko*, 2008. P. 19–22). Показательно, что даже высокоразвитые негосударственные общества, например сложные вождества, принято характеризовать как в основе своей родственные (см., например: *Earle*, 1997. P. 5). Что должно быть четко осознано и не забываться при использовании этого критерия – его эволюционная природа: «Деления [в обществе], основанные на родстве, *постепенно* утрачивают значение в пользу институциональных, политических и экономических делений» (*Tymowski*, 2008. P. 172; выделено нами. – *Д. Б.*). В этом смысле история есть континуум социально-политических форм, располагающихся в типологической последовательности. В этой последовательности можно обнаружить общую динамику от большей к меньшей важности родственных связей в сравнении с территориальными, которая в итоге привела к тому, что «родство и другие типы аскриптивных отношений перестали быть центральными организующими принципами общества» (*Hallpike*, 1986. P. 1). Итак, ни в коем случае не стоит ожидать скачка от полного (или даже почти полного) доминирования родства к абсолютному преобладанию территориальных связей.

Мы не будем утверждать (в противоположность Мэйну, Моргану и Энгельсу), что государство в полном смысле слова, т. е. в его и социальном, и политическом значении, начинается тогда, когда территориальное деление общества вытесняет родственное практически полностью. Однако мы также не согласны с Х. Классеном, полагающим, что «зачаточное», но все же государство может «… ассоциироваться с доминирующими в политической сфере родственными, семейными и общинными связями» (*Claessen*, 1978. P. 589)[2]. Наша позиция – промежуточная между постулатами классиков эволюционизма XIX в. и концепцией «раннего государства», главным создателем которой является Классен. Держа в уме старую идею о доминировании в государстве территориальных связей над родственными, с одной стороны, и учитывая вышеупомянутые достижения антропологов и историков XX в., мы будем исходить из того, что о государстве в полном смысле слова (государственном обществе) следует вести речь в ситуации, когда территориальные связи явно (но не подавляюще) доминируют над родственными на надлокальных уровнях сложности социума. Этот порог ниже установленного Мэйном и Морганом, но выше приемлемого для Классена и его последователей.

Фактически, в нашем понимании, «завершенное государство» (государственное общество) соответствует только «переходному раннему государству» в «канонической» схеме эволюции раннего государства, «…в котором в административном аппарате преобладали назначенные чиновники и где родство

[2] См. нашу дискуссию с Классеном по этому вопросу (*Bondarenko*, 2008. P. 23; *Claessen et al.*, 2008. P. 245, 246).

влияло только на отдельные второстепенные аспекты управления…» (*Claessen*, 1978. P. 589). Что же касается государства в узком, сугубо политическом смысле – «незавершенного государства», то таковым можно считать «типичное раннее государство»: «…вид государства, в котором родственные связи [еще только] уравновешивались территориальными, ... [но] где чиновники и обладатели титулов – неродственники [уже] играли ведущую роль в системе управления…» (Ibid.). Безусловно, такие категории, как «явное (но не подавляющее) доминирование», недостаточно четко определяемы и даже оставляют слишком много возможностей для проявления субъективизма и волюнтаризма исследователя – не как, например, при определении государства через категорию «отсутствие родственных связей». Но такая «мягкая» категоризация отражает и передает эволюционный характер, постепенность процесса формирования государства.

На еще один важный момент обратил внимание Д. Андерсон: «…существует огромное количество социальных и природных факторов, способствующих организационной нестабильности в вождествах, среди которых тот факт, что наследование власти основывалось на родстве, и поэтому сколько угодно близких родственников вождя имели право занять его место, был, возможно, наиглавнейшим фактором, неизменно приводившим в таких обществах к непрерывной конкуренции между группировками и вооруженным столкновениям между соперничающими элитами» (*Anderson*, 1997. P. 253). Это утверждение лежит в русле концепции Р. Коэна, постулирующего способность государства противостоять распаду как его важнейшую характерную черту (*Cohen*, 1981). Вероятно, Коэн излишне категоричен, но всё же, как представляется, есть фактические и теоретические основания считать государство в целом более прочной социально-политической конструкцией, нежели догосударственные сложные общества (*Tainter*, 1988. P. 27). Залогом относительно большей устойчивости государства стали замена родства как базового организационного принципа территориальностью и появление в неразрывной связи с этим (*Diamond*, 1997. P. 281; *Bondarenko*, 2006. P. 64) специализированной профессиональной администрации.

Надежным верифицируемым источниками признаком выдвижения на передний план территориальных связей (т. е. сложения «законченного государства») нам видится получение верховной властью права и практической возможности по своему усмотрению перекраивать традиционное, в основе своей общинное, членение территории страны. Если это так, то есть основания утверждать, что, даже если эти родственные образования сохраняют изначальные структуру и внутреннее самоуправление, они уже не более чем административные (в том числе налоговые) единицы государственного общества. Естественно для такой ситуации, они управляются лицами, назначенными или утвержденными вне общины – в политическом центре регионального или еще более высокого уровня. Особенно наглядные примеры вышесказанного дает Ближний Восток III–II тыс. до н. э.

Для раннего государства жизненно необходимо подчинить общину, адаптировать ее к своим нуждам: в противном случае политическая система быстро приходит в упадок (как, к примеру, в Кенедугу и державе Самори – западноафриканских политических образованиях XIX в. [*Tymowski*, 1985; 1987. P. 65, 66]). В успешном государстве верховная власть не развивает далее общинную

«матрицу», «а наоборот, начинает реструктуризировать общество по своему подобию» (*Беляев*, 2000. С. 195). Как правильно отмечает Д. Куртц, «… сокращение влияния на граждан [социально-политической] организации локального уровня» есть «главная цель» легитимационных стратегий государств (*Kurtz*, 1991. P. 162). Если этого удается добиться, происходит «охват локальной сферы государством» (*Tanabe*, 1996. P. 154), т. е. именно оно определяет форму и суть социально-политических институтов более низкого уровня, отношений в них. Действительно, даже в очень сложных негосударственных обществах (не менее сложных, чем многие ранние государства) наблюдается ситуация, при которой охват всей социально-политической конструкции происходит не «сверху» (как должно быть в государстве), а «снизу» – с уровня локальной общины. Государство стремится охватить все сферы общественной жизни, включая такую важную, как семейная (*Trigger*, 2003. P. 194, 271, 274), и с его становлением ситуация, когда локальные институты (семья, линидж, община) прямо влияли на форму и суть институтов надлокальных, меняется на противоположную. Как и само появление и существование бюрократии, это становится возможным именно благодаря выдвижению на передний план территориальных связей: только в таких условиях человек, не связанный родственными узами ни с кем из членов общины, может эффективно выполнять функции главы или «куратора главы» общины, будучи назначенным извне. Реальность этого может служить еще одним верифицируемым признаком государственного характера общества.

На сегодняшний день в основе большинства теорий государства в антропологии лежат две приписываемые ему характеристики: политическая централизация и специализированная (бюрократическая) система управления. Также широко распространено убеждение в том, что «…тенденция к бюрократизации в раннем государстве была тесно связана с централизацией» (*Skalník*, 1978. P. 600).

Однако, по нашему мнению, политическая централизация не должна считаться специфически государственной чертой, поскольку она присуща многим негосударственным формам социума, включая, в частности, вождество – «автономную политическую единицу, состоящую из некоторого количества деревень или общин, находящихся под постоянным контролем верховного вождя» (*Carneiro*, 1981. P. 45). «…Централизованность – яснейший индикатор вождества», – резюмирует в известном обзоре работ о вождестве Т. Ёрл (*Earle*, 1987. P. 289). Еще более политическая централизованность очевидна в сложном вождестве – автономной политической единице, состоящей из некоторого количества вождеств, находящихся под постоянным контролем верховного вождя одного из них (см., например: *Earle*, 1978. P. 173–185; *Pauketat*, 1994; *Johnson, Earle*, 2000. P. 301–303). Более того, при определенных условиях власть может быть централизована даже в простых – не имеющих надобщинных институтов управления – обществах (*Sahlins*, 1963; *Godelier*, 1982; Big Men…, 1991; *Redmond*, 1998. P. 3).

В то же время специализация управленческого аппарата, выражающаяся в его профессионализации, – особенность именно и исключительно государств. Не случайно в ее появлении ученые обычно видят грань между государством и всеми негосударственными формами социально-политической организации,

включая политически централизованные вождества и сложные вождества. В конечном счете, Э. С. Годинер (1991. С. 51) в целом права, отмечая, что любая, даже самая сложная, теория сводит государство к «специализированному институту управления обществом»; по крайней мере, этот постулат является в них. Таким образом, мы согласны с тем, что, в частности, вождества – это «общества с централизованной, но не специализированной внутренне властью», а государства – «общества с централизованной и также внутренне специализированной властью» (*Spencer*, 1998. P. 5; см. также: *Earle*, 1987. P. 289). Как подчеркивал Ш. Айзенштадт (*Eisenstatdt*, 1971. P. 74, 76), государства и не-государства различаются не наличием или отсутствием политической централизации, а «…степенью структурной дифференциации, с которой они представляют себя. … О примитивных (догосударственных. – *Д. Б.*) обществах поэтому можно сказать, что в них наличествует децентрализованная центральность, если это выражение не слишком парадоксально». «Государственная администрация, с этой точки зрения, бюрократическая по самой своей природе», – заключает Ч. Спенсер (*Spencer*, 2003. P. 11185). Действительно, административный аппарат становится специализированным, когда он «наполняется» профессиональными управленцами, тем самым образующими бюрократию. Пусть в ранних государствах бюрократический аппарат может быть развит довольно слабо, все же следует полагать, что само его наличие необходимо для признания политической системы того или иного общества государственной. В то же время даже в наиболее сложных негосударственных обществах, таких как союзы племен или сложные вождества, система управления не была бюрократической.

Подход к феномену государства, основанный на выявлении его единой сущности и универсальных черт, в XX в. стал в равной мере характерен для марксистов, (нео)эволюционистов и структуралистов. Однако в настоящее время этот подход, коренящийся в европейской политической, философской, правовой и антропологической мысли начиная с Античности, иногда жестко критикуется и даже отвергается как проявление «колониального дискурса», но в первую очередь – на том основании, что, претендуя на универсальность, он исторически отражает исключительно западный подход к феномену государства и даже якобы основан на историческом опыте одной лишь Европы (в наиболее радикальной версии – только буржуазной Западной Европы Нового времени (*Entrèves*, 1969; *Vincent*, 1987; *Белков*, 1993; 1995; *Creveld*, 1999). Эта критика впервые возникла более полувека назад среди ученых из Третьего мира, в эпоху деколонизации стремившихся обосновать всесторонность своеобразия и уникальность сущности родных культур. Но с 1980-х гг. такой взгляд на проблему государства начал проявляться и в европейской теоретической мысли. Мы же полагаем, что европоцентризм теории государства обусловлен тем фактом, что зрелая современная наука как таковая родилась в постсредневековой Европе как итог ее развития в Древности и Средневековье. Сам современный научный метод мышления, включая антропологическую мысль, глубоко коренится в европейской традиции. Европейское интеллектуальное наследие более очевидно в общественных науках, но если бы могли существовать культурно обусловленные варианты естественных наук, то, несомненно, велись бы дискуссии и о европоцентризме в физике или химии. Современная наука как способ познания

мира по происхождению и сути – феномен европейский. В этом смысле все современные науки изначально были и всегда будут в той или иной мере европоцентричными. Именно обществоведы должны обращать на это особое внимание, но этот факт, по нашему убеждению, отнюдь не лишает смысла поиски универсальных критериев и определения государства, его места во всемирной социальной истории.

ЛИТЕРАТУРА

Белков П. Л., 1993. Проблема генезиса государства: перерастает ли вождество в государство? // Цивилизации Тропической Африки: общества, культуры, языки: Мат-лы выездной сессии, проведенной Научным советом по проблемам Африки, г. Санкт-Петербург, 5–7 мая 1992 г. / Отв. ред. И. В. Следзевский. М.: ИАфр РАН. С. 29–40.

Белков П. Л., 1995. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / Отв. ред. В. А. Попов. М.: Восточная литература. С. 165–187.

Беляев Д. Д., 2000. Раннее государство у майя классического периода: эпиграфические и археологические данные // Альтернативные пути к цивилизации / Ред. Е. В. Комарова. М.: Логос. С. 186–196.

Годинер Э. С., 1991. Политическая антропология о происхождении государства // Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. С. Я. Козлов, П. И. Пучков. М.: Наука. С. 51–77.

Дождев Д. В., 2002. Рим (VIII–II вв. до н. э.) // Цивилизационные модели политогенеза / Отв. ред. Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаев, М. Л. Бутовская и др. М.: ЦЦРИ РАН. С. 275–305.

Морган Л. Г., 2012. Древнее общество, или Исследование линий общественного прогресса от дикости через варварство к цивилизации. М.: ЛиброКом. 360 с.

Мэн Г. С., 1873. Древнее право. Его связь с древней историей общества и его отношение к новым идеям. СПб.: Кожанчиков. 312 с.

Мэн Г. С., 1876. Древнейшая история учреждений: лекции. СПб.: Знание. 319 с.

Фролов Э. Д., 1988. Рождение греческого полиса. Л.: ЛГУ. 266 с.

Энгельс Ф., 1985. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат. 238 с.

African Frontier…, 1987 – The African Frontier: The Reproduction of Traditional African Societies / Ed. I. Kopytoff. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press. 288 p.

Anderson D. G., 1997. The Role of Cahokia in the Evolution of Southeastern Mississippian Society // Cahokia Domination and Ideology in the Mississippian World / Eds T. R. Pauketat, T. E. Emerson. Lincoln; London: University of Nebraska Press. P. 248–268.

Ardrey R., 1966. The Territorial Imperative: A Personal Inquiry into the Animal Origins of Property and Nation. N. Y.: Atheneum. 400 p.

Big Men…, 1991 – Big Men and Great Men: Personification of Power in Melanesia / Eds M. Godelier, M. Strathern. Cambridge: Cambridge University Press; Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme. 328 p.

Bondarenko D. M., 2006. Homoarchy: A Principle of Culture's Organization. The 13th–19th Centuries Benin Kingdom as a Non-State Supercomplex Society. Moscow: KomKniga. 184 p.

Bondarenko D. M., 2008. Kinship, Territoriality and the Early State Lower Limit // Social Evolution and History. Vol. 7. Iss. 1. P. 19–53.

Campbell J. M., 1968. Territoriality among Ancient Hunters: Interpretations from Ethnography and Nature // Anthropological Archaeology in the Americas / Ed. B. J. Meggers. Washington: Anthropological Society of Washington. P. 1–21.

Carneiro R. L., 1981. The Chiefdom: Precursor of the State // The Transition to Statehood in the New World / Eds G. D. Jones, R. R. Kautz. Cambridge: Cambridge University Press. P. 37–79.
Claessen H. J. M., 1978. The Early State: A Structural Approach // The Early State / Eds H. J. M. Claessen, P. Skalník. The Hague: Mouton. P. 533–596.
Claessen H. J. M., 2003. Aspects of Law and Order in Early State Societies // The Law's Beginnings / Ed. F. J. M. Feldbrugge. Leiden: Brill/Nijhoff. P. 161–179.
Claessen H. J. M., *Hagesteijn R. R.*, *Velde P. van de*, 2008. Early State Today // Social Evolution and History. Vol. 7. Iss. 1. P. 245–265.
Cohen R., 1981. Evolution, Fission, and the Early State // The Study of the State / Eds H. J. M. Claessen, P. Skalník. The Hague: Mouton. P. 87–116.
Creveld M. van, 1999. The Rise and Decline of the State. Cambridge: Cambridge University Press. 448 p.
Diamond J., 1997. Guns, Germs, and Steel. The Fates of Human Societies. N. Y.; London: Norton. 496 p.
Earle T. K., 1978. Economic and Social Organization of a Complex Chiefdom: The Halelea District, Kaua'i, Hawaii. Ann Arbor: University of Michigan Press. 205 p.
Earle T. K., 1987. Chiefdoms in Archaeological and Ethnohistorical Perspective // Annual Review of Anthropology. Vol. 16. P. 279–308.
Earle T. K., 1997. How Chiefs Come to Power. The Political Economy in Prehistory. Stanford: Stanford University Press. 268 p.
Eisenstadt S. N., 1971. Social Differentiation and Stratification. Glenview; London: Scott, Foresman and Company. 248 p.
Entrèves A. P. d', 1969. The Notion of the State. An Introduction to Political Theory. Oxford: Clarendon Press. 233 p.
Fried M. H., 1970. On the Evolution of Social Stratification and the State // The Logic of Social Hierarchies / Eds E. O. Laumann, P. M. Siegel, R. W. Hodge. Chicago: Markham. P. 684–695.
Godelier M., 1982. La Production des Grands Hommes. Paris: Fayard. 373 p.
Hallpike C. R., 1986. The Principles of Social Evolution. Oxford: Clarendon Press. 288 p.
Johnson A. W., Earle T. K., 2000. The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Agrarian State. Stanford: Stanford University Press. 456 p.
Kristiansen K., 1998. Europe before History. Cambridge: Cambridge University Press. 540 p.
Kurtz D. V., 1991. Strategies of Legitimation and the Aztec State // Anthropological Approaches to Political Behavior / Eds F. McGlynn, A. Tuden. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. P. 146–165.
Lewis I. M., 1965. Arguments with Ethnography. Comparative Approaches to History, Politics and Religion. London; New Brunswick: Athlone Press. 208 p.
Malmberg T., 1980. Human Territoriality. Survey of Behavioral Territories in Man with Preliminary Analysis and Discussion of Meaning, The Hague: Mouton. 346 p.
Marcus J., Feinman G. M., 1998. Introduction // Archaic States / Eds G. M. Feinman, J. Marcus. Santa Fe: School of American Research. P. 3–13.
Mobility and Territoriality…, 1992 – Social and Spatial Boundaries among Foragers, Fishers, Pastoralists and Peripatetics / Eds M. J. Casimir, A. Rao. Oxford: Berg. 404 p.
Murra J. V., 1980. The Economic Organization of the Inca State. Greenwich: JAI Press. 640 p.
Pauketat T. R., 1994. The Ascent of Chiefs: Cahokia and Mississippian Politics in Native North America. Tuscaloosa; London: University of Alabama Press. 235 p.
Redmond E. M., 1998. The Dynamics of Chieftaincy and the Development of Chiefdoms // Chiefdoms and Chieftaincy in the Americas / Ed. E. M. Redmond. Gainesville: University Press of Florida. P. 1–17.
Reynolds S., 1990. Kingdoms and Communities in Western Europe, 900–1300. Oxford: Clarendon Press. 387 p.
Roussel D., 1976. Tribu et cité: Etudes sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux epoques archaïque et classique. Paris: Plon. 347 p.
Sahlins M. D., 1963. Poor Man, Rich Man, Big Man, Chief: Political types in Melanesia and Polynesia // Comparative Studies in Society and History. Vol. 5. P. 285–303.

Schurtz H., 1902. Alterklassen und Männerbünde. Eine Darstellung der Grundformen der Gesellschaft. Berlin: Reimer. 458 S.

Skalník P., 1978. The Early State as a Process // The Early State / Eds H. J. M. Claessen, P. Skalník. The Hague: Mouton. P. 597–618.

Spencer C. S., 1998. A Mathematical Model of Primary State Formation // Cultural Dynamics. Vol. 10. P. 5–20.

Spencer C. S., 2003. War and Early State Formation in Oaxaca, Mexico // PNAS USA. Vol. 100. P. 11185–11187.

Tainter J. A., 1988. The Collapse of Complex Societies. Cambridge: Cambridge University Press. 264 p.

Tanabe A., 1996. Indigenous Power, Hierarchy and Dominance: State Formation in Orissa, India // Ideology and the Formation of Early States / Eds H. J. M. Claessen, J. G. Oosten. Leiden: Brill. P. 154–165.

Testart A., 2005. Eléments de classification des sociétés. Paris: Editions Errance. 160 p.

Testart A., 2012. Comment on L. R. Carneiro's Article on the Origin of the State: «The Circumscription Theory: A Clarification, Amplification, and Reformulation» // Social Evolution and History. Vol. 11. Iss. 2. P. 105–109.

Trigger B. G., 2003. Understanding Early Civilizations: A Comparative Study. Cambridge: Cambridge University Press. 757 p.

Tymowski M., 1985. The Evolution of Primitive Political Organization from Extended Family to Early State // Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization / Eds H. J. M. Claessen, P. van de Velde, M. E. Smith. South Hadley: Bergin and Garvey. P. 183–195.

Tymowski M., 1987. The Early State and After in Precolonial West Sudan. Problems of the Stability of Political Organizations and the Obstacles to Their Development // Early State Dynamics / Eds H. J. M. Claessen, P. van de Velde. Leiden: Brill. P. 54–69.

Tymowski M., 2008. State and Tribe in the History of Medieval Europe and Black Africa – a Comparative Approach // Social Evolution and History. Vol. 7. Iss. 1. P. 171–197.

Vincent A., 1987. Theories of the State. London: Blackwell. 260 p.

Winter E. H., 1966. Territorial Groupings and Religion among the Iraqw // Anthropological Approaches to the Study of Religion / Ed. M. Banton. London: Tavistock. P. 155–174.

Сведения об авторе.

Бондаренко Дмитрий Михайлович, Институт Африки РАН, ул. Спиридоновка, 30/1, Москва, 123001, Россия; e-mail: dbondar@homtail.com, dmitrimb@mail.ru.

D. M. Bondarenko

State: The nature of the phenomenon

Abstract. Within the framework of the overwhelming majority of modern theories, the state is considered as a specialized and centralized institution for governing a society, to what its right to exercise coercive authority – legitimized violence is often added as the state's critical characteristic feature. Contrariwise, my approach stems from the presumption that the state should be perceived not as a specific set of political institutions only but, first and foremost, as a type of society to which this set of institutions is adequate. Following this approach leads to the necessity of paying special attention to coming to the fore of the non-kin, territorial relations in state society – the point often evicted from many contemporary definitions of the state due to the wide-spread vision of it as merely a specific form of political organization. I also argue that political centralization cannot be regarded as a feature specific for the state,

as it is applicable to many non-state forms of societies. In the meantime, the feature typical for the state only, is specialization resulting in administrators' professionalization, that is, in the formation of bureaucracy, related directly to the non-kin social ties coming into prominence. As for the right to coerce, it should not be made the central point of the state concept because it is a dependent variable itself: the specificity of monopoly of the legitimate violence in state society is precisely that it is exercised through and by bureaucrats who operate within bureaucratic institutions.

Keywords: state theory, state, society, social ties, kinship, territoriality, political institutions, political centralization, administrative specialization, bureaucracy.

REFERENCES

African Frontier…, 1987 – The African Frontier: The Reproduction of Traditional African Societies. I. Kopytoff, ed. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press. 288 p.

Anderson D. G., 1997. The Role of Cahokia in the Evolution of Southeastern Mississippian Society. *Cahokia Domination and Ideology in the Mississippian World*. T. R. Pauketat, T. E. Emerson, eds. Lincoln; London: University of Nebraska Press, pp. 248–268.

Ardrey R., 1966. The Territorial Imperative: A Personal Inquiry into the Animal Origins of Property and Nation. New York: Atheneum. 400 p.

Belkov P. L., 1993. Problema genezisa gosudarstva: pererastaet li vozhdestvo v gosudarstvo? [Problem of genesis of state: does chiefdom become state?]. *Tsivilizatsii Tropicheskoy Afriki: obshchestva, kul'tury, yazyki: materialy vyezdnoy sessii, provedennoy Nauchnym sovetom po problemam Afriki [Civilizations of tropical Africa: societies, cultures, languages: proceedings of visiting session held by Scientific council for problems of Africa]*. I. V. Sledzevskiy, ed. Moscow: Institut Afriki RAN, pp. 29–40.

Belkov P. L., 1995. Rannee gosudarstvo, predgosudarstvo, protogosudarstvo: igra v terminy? [Early state, pre-state, proto-state: game in terms?]. *Rannie formy politicheskoy organizatsii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti [Early forms of political organization: from promotove society to state]*. V. A. Popov, ed. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 165–187.

Belyaev D. D., 2000. Rannee gosudarstvo u mayya klassicheskogo perioda: epigraficheskie i arkheologicheskie dannye [Early state of the Maya in classical period: epigraphic and archaeological data]. *Al ternativnye puti k tsivilizatsii [Alternative ways to civilization]*. E. V. Komarova, ed. Moscow: Logos, pp. 186–196.

Big Men..., 1991 – Big Men and Great Men: Personification of Power in Melanesia. M. Godelier, M. Strathern, eds. Cambridge: Cambridge University Press; Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme. 328 p.

Bondarenko D. M., 2006. Homoarchy: A Principle of Culture's Organization. The 13th–19th Centuries Benin Kingdom as a Non-State Supercomplex Society. Moscow: KomKniga. 184 p.

Bondarenko D. M., 2008. Kinship, Territoriality and the Early State Lower Limit. *Social Evolution and History*, vol. 7, iss. 1, pp. 19–53.

Campbell J. M., 1968. Territoriality among Ancient Hunters: Interpretations from Ethnography and Nature. *Anthropological Archaeology in the Americas*. B. J. Meggers, ed. Washington: Anthropological Society of Washington, pp. 1–21.

Carneiro R. L., 1981. The Chiefdom: Precursor of the State. *The Transition to Statehood in the New World*. G. D. Jones, R. R. Kautz, eds. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 37–79.

Claessen H. J. M., 1978. The Early State: A Structural Approach. *The Early State*. H. J. M. Claessen, P. Skalník, eds. The Hague: Mouton, pp. 533–596.

Claessen H. J. M., 2003. Aspects of Law and Order in Early State Societies. *The Law's Beginnings*. F. J. M. Feldbrugge, ed. Leiden: Brill/Nijhoff, pp. 161–179.

Claessen H. J. M., Hagesteijn R. R., Velde P. van de, 2008. Early State Today. *Social Evolution and History*, vol. 7, iss. 1, pp. 245–265.

Cohen R., 1981. Evolution, Fission, and the Early State. *The Study of the State*. H. J. M. Claessen, P. Skalník, eds. The Hague: Mouton, pp. 87–116.

Creveld M. van, 1999. The Rise and Decline of the State. Cambridge: Cambridge University Press. 448 p.

Diamond J., 1997. Guns, Germs, and Steel. The Fates of Human Societies. New York; London: Norton. 496 p.

Dozhdev D. V., 2002. Rim (VIII–II vv. do n. e.) [Rome (VIII–II cc. BC)]. *Tsivilizatsionnye modeli politogeneza [Civilization models of policy genesis]*. Moscow: Tsentr tsivilizatsionnykh i regional'nykh issledovaniy RAN, pp. 275–305.

Earle T. K., 1978. Economic and Social Organization of a Complex Chiefdom: The Halelea District, Kaua'i, Hawaii. Ann Arbor: University of Michigan Press. 205 p.

Earle T. K., 1987. Chiefdoms in Archaeological and Ethnohistorical Perspective. *Annual Review of Anthropology*, 16, pp. 279–308.

Earle T. K., 1997. How Chiefs Come to Power. The Political Economy in Prehistory. Stanford: Stanford University Press. 268 p.

Eisenstadt S. N., 1971. Social Differentiation and Stratification. Glenview; London: Scott, Foresman and Company. 248 p.

Engel's F., 1985. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva [Origin of family, private property and state]. Moscow: Politizdat. 238 p.

Entrèves A.P. d', 1969. The Notion of the State. An Introduction to Political Theory. Oxford: Clarendon Press. 233 p.

Fried M. H., 1970. On the Evolution of Social Stratification and the State. *The Logic of Social Hierarchies*. E. O. Laumann, P. M. Siegel, R. W. Hodge, eds. Chicago: Markham, pp. 684–695.

Frolov E. D., 1988. Rozhdenie grecheskogo polisa [Birth of Greek city-state]. Leningrad: Leningradsky gosudarstvenny universitet. 266 p.

Godelier M., 1982. La Production des Grands Hommes. Paris: Fayard. 373 p.

Godiner E. S., 1991. Politicheskaya antropologiya o proiskhozhdenii gosudarstva [Political anthropology on origin of state]. *Etnologicheskaya nauka za rubezhom: problemy, poiski, resheniya [Ethnological science abroad: problems, search, solutions]*. S. Ya. Kozlov, P. I. Puchkov, eds. Moscow: Nauka, pp. 51–77.

Hallpike C. R., 1986. The Principles of Social Evolution. Oxford: Clarendon Press. 288 p.

Johnson A. W., Earle T. K., 2000. The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Agrarian State. Stanford: Stanford University Press. 456 p.

Kristiansen K., 1998. Europe before History. Cambridge: Cambridge University Press. 540 p.

Kurtz D. V., 1991. Strategies of Legitimation and the Aztec State. *Anthropological Approaches to Political Behavior*. F. McGlynn, A. Tuden, eds. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, pp. 146–165.

Lewis I. M., 1999. Arguments with Ethnography. Comparative Approaches to History, Politics and Religion. London; New Brunswick: Athlone Press. 208 p.

Malmberg T., 1980. Human Territoriality. Survey of Behavioral Territories in Man with Preliminary Analysis and Discussion of Meaning. The Hague: Mouton. 346 p.

Marcus J., Feinman G. M., 1998. Introduction. *Archaic States*. G. M. Feinman, J. Marcus, eds. Santa Fe: School of American Research, pp. 3–13.

Men G. S., 1873. Drevnee pravo. Ego svyaz' s drevney istoriey obshchestva i ego otnoshenie k novym ideyam [Early justice. Its relationship with early history of society and its attitude to new ideas]. St. Petersburg: Kozhanchikov. 312 p.

Men G. S., 1876. Drevneyshaya istoriya uchrezhdeniy: lektsii [Earliest history of institutions: lectures]. St. Petersburg: Znanie. 319 p.

Mobility and Territoriality..., 1992 – Mobility and Territoriality: Social and Spatial Boundaries among Foragers, Fishers, Pastoralists and Peripatetics. M. J. Casimir, A. Rao, eds. Oxford: Berg. 404 p.

Morgan L. G., 2012. Drevnee obshchestvo, ili Issledovanie liniy obshchestvennogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii [Ancient society, or Researches in the lines of human progress from savagery though barbarism to civilization]. Moscow: LibroKom. 360 p.

Murra J. V., 1980. The Economic Organization of the Inca State. Greenwich: JAI Press. 640 p.

Pauketat T. R., 1994. The Ascent of Chiefs: Cahokia and Mississippian Politics in Native North America. Tuscaloosa; London: University of Alabama Press. 235 p.

Redmond E. M., 1998. The Dynamics of Chieftaincy and the Development of Chiefdoms. *Chiefdoms and Chieftaincy in the Americas*. E. M. Redmond, ed. Gainesville: University Press of Florida, pp. 1–17.

Reynolds S., 1990. Kingdoms and Communities in Western Europe, 900–1300. Oxford: Clarendon Press. 387 p.

Roussel D., 1976. Tribu et cité: Etudes sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux epoques archaïque et classique. Paris: Plon. 347 p.

Sahlins M. D., 1963. Poor Man, Rich Man, *Big Man, Chief: Political types in Melanesia and Polynesia. Comparative* Studies in Society and History, 5, pp. 285–303.

Schurtz H., 1902. Alterklassen und Männerbünde. Eine Darstellung der Grundformen der Gesellschaft. Berlin: Reimer. 458 p.

Skalník P., 1978. The Early State as a Process. *The Early State*. H. J. M. Claessen, P. Skalník, eds. The Hague: Mouton, pp. 597–618.

Spencer C. S., 1998. A Mathematical Model of Primary State Formation. *Cultural Dynamics*, 10, pp. 5–20.

Spencer C. S., 2003. War and Early State Formation in Oaxaca, Mexico. *PNAS USA*, 100, pp. 11185–11187.

Tainter J. A., 1988. The Collapse of Complex Societies. Cambridge: Cambridge University Press. 264 p.

Tanabe A., 1996. Indigenous Power, Hierarchy and Dominance: State Formation in Orissa, India. *Ideology and the Formation of Early States*. H. J. M. Claessen, J. G. Oosten, eds. Leiden: Brill, pp. 154–165.

Testart A., 2005. Eléments de classification des sociétés. Paris: Editions Errance. 160 p.

Testart A., 2012. Comment on L. R. Carneiro's Article on the Origin of the State: «The Circumscription Theory: A Clarification, Amplification, and Reformulation». *Social Evolution and History*, vol. 11, iss. 2, pp. 105–109.

Trigger B. G., 2003. Understanding Early Civilizations: A Comparative Study. Cambridge: Cambridge University Press. 757 p.

Tymowski M., 1985. The Evolution of Primitive Political Organization from Extended Family to Early State. *Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization*. H. J. M. Claessen, P. van de Velde, M. E. Smith, eds. South Hadley: Bergin and Garvey, pp. 183–195.

Tymowski M., 1987. The Early State and After in Precolonial West Sudan. Problems of the Stability of Political Organizations and the Obstacles to Their Development. *Early State Dynamics*. H. J. M. Claessen, P. van de Velde, eds. Leiden: Brill, pp. 54–69.

Tymowski M., 2008. State and Tribe in the History of Medieval Europe and Black Africa – a Comparative Approach. *Social Evolution and History*, vol. 7, iss. 1, pp. 171–197.

Vincent A., 1987. Theories of the State. London: Blackwell. 260 p.

Winter E. H., 1966. Territorial Groupings and Religion among the Iraqw. *Anthropological Approaches to the Study of Religion*. M. Banton, ed. London: Tavistock, pp. 155–174.

About the author.

Bondarenko Dmitri M., Institute for African Studies Russian Academy of Sciences, ul. Spiridonovka, 30/1, Moscow, 123001, Russian Federation; e-mail: dbondar@homtail.com, dmitrimb@mail.ru.

Т. В. Корниенко

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СЕВЕРОМЕСОПОТАМСКИХ СООБЩЕСТВАХ ЭПОХИ ЭПИПАЛЕОЛИТА И ДОКЕРАМИЧЕСКОГО НЕОЛИТА КАК ВАЖНЫЙ ЭТАП НА ПУТИ К ЦИВИЛИЗАЦИИ*

Резюме. Изучение социокультурных трансформаций центральной части Плодородного полумесяца в эпоху неолитизации имеет большую важность для понимания истоков цивилизации. Развитие раннеземледельческих культур Верхнего и Центрального Двуречья, ставших заметным компонентом в сложении шумерских городов-государств, в значительной степени базируется на достижениях населения докерамического неолита Северной Месопотамии. Автором отмечается формирование общего культурного пространства в зоне Плодородного полумесяца на этапе перехода к неолитическому образу жизни, а также определяются региональные характеристики в особенностях идеологии, ритуала и символических системах Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита. Новые идеологические представления стали ответом на вызов переходного к неолиту времени. Начало оформления религии как социального института явилось важнейшей адаптационной стратегией, которая помогала преодолеть стресс от распространения оседлого образа жизни, способствуя формированию общинной и надобщинной (региональной) идентичности.

Ключевые слова: эпипалеолит, докерамический неолит, Северная Месопотамия, «революция символов», социокультурные изменения.

С конца XX – начала XXI в. междисциплинарные исследования переднеазиатских сообществ переходной к неолитическому образу жизни эпохи особое внимание уделяют социокультурным трансформациям в процессе неолитизации. Археологические свидетельства функционирования ранних долговременных поселений в зоне Плодородного полумесяца дают представление о демографическом росте и увеличении плотности населения (совместном проживании от нескольких сот до нескольких тысяч человек), усложнении социальной структуры, изменениях в хозяйственной сфере, питании, физиологических и психологических характеристиках человека. Анализ распространения в регионе многочисленных символически оформленных объектов различных категорий позволил сделать

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 15-51-00019 а(ф).

вывод о формировании новой идеологии и новых принципов осуществления культовых практик, появлении и функционировании сложных символических систем, взаимодействовавших в рамках обширного информационного пространства. В наиболее концентрированном виде эта тема была заявлена французским археологом Жаком Ковеном, автором теории о «революции символов» (*Cauvin*, 1994), открывшим новое направление в изучении ключевых вопросов «неолитической революции». В настоящее время феномен «революции символов» эпохи раннего неолита продолжает активно обсуждаться.

Символы, как известно, представляют собой эффективное средство создания, усиления и укрепления общинной идентичности, средство воздействия на индивидуальное и социальное поведение (*Cohen*, 1985; Dialogue on The Early…, 2005; *Шмидт*, 2011; и др.). Нейробиология демонстрирует возможности воздействия на процесс познания, память и поведение с помощью ритуальных действий (символическая деятельность), архитектурных сооружений (пространственный символизм) и других приемов с использованием символов. Такое воздействие может быть явным, очевидным, либо проявляться на подсознательном уровне, как при фиксировании установки – прайминге[1] (*Edelson et al*., 2011; *Benz, Bauer*, 2013).

Британский исследователь Тревор Уоткинс, говоря о развитии познавательных способностей человека и общества, подчеркивает резкое отличие уровня развития символической репрезентации и символического поведения в Юго-Западной Азии эпохи раннего неолита от уровня эпох предшествующего времени: в неолите представлено не просто большее количество однородных атрибутов верхнепалеолитического периода, а качественно иная ситуация. В нескольких своих работах он отмечает, что основные характеристики современных свойств

[1] Фиксирование установки, прайминг (от англ. to prime – инструктировать заранее, натаскивать, давать установку и т. п.) – эффект имплицитной памяти, при котором обработка воздействия заданного стимула определяется предшествующим действием того же самого или каким-то образом связанного с ним стимула. Вместе с тем реакция на действие данного стимула оказывает влияние на реакцию, возникающую в ответ на последующие стимулы. Прайминг-эффект определяют как «изменение способности опознать или извлечь из памяти объект в результате особой предшествующей встречи с этим объектом» (*Schacter, Buckner*, 1998. P. 185). Вместо «объекта» речь может идти об отдельном физическом признаке объекта (если это рисунок – например, о его цвете или размере), о его структуре (если это фраза, то как именно она была построена) или о предметном значении. В последнем случае речь пойдет о «предшествующей встрече» с объектом, который так или иначе семантически связан или сходен с данным (см.: *Фаликман*). К эффектам прайминга психологи относят изменение скорости или точности решения задачи (перцептивной, мыслительной или мнемической) после предъявления информации, связанной с содержанием или с контекстом этой задачи, но не соотносящейся прямо с ее целью и требованиями, а также повышение вероятности спонтанного воспроизведения этой информации в подходящих условиях. Поскольку прайминг, вне зависимости от намерений человека, может повлиять на решение задачи как положительно, так и отрицательно, этот феномен традиционно относится к классу непроизвольных и неосознаваемых влияний на решение задач (*Фаликман, Койфман*, 2005). Эффект прайминга используется в политтехнологиях, рекламе, педагогике и других сферах общественной жизни.

человеческого познания и культуры (гибкость ума, способность к освоению систем символической репрезентации, представление их в информационных средствах на материальных носителях, контекстно обусловленное или распределенное мышление) уже существовали двенадцать тысяч лет назад, в начале эпохи неолита (*Watkins*,1992; 2006; 2009; и др.). Ранее, в том числе в эпоху верхнего палеолита, их проявление было менее выражено. Рассматриваемые характеристики, по мнению Т. Уоткинса, столь мощно эволюционировали по той причине, что они оказались необходимыми для построения новых крупных корезидентных сообществ, которые начинают формироваться в периоды эпипалеолита и раннего неолита[2].

Прежде всего, на территории Леванта и Северной Месопотамии, по политическим причинам исследованным лучше, чем восточное крыло Плодородного полумесяца, в эпоху перехода от эпипалеолита к раннему неолиту фиксируются многочисленные и выразительные свидетельства символического содержания различных категорий: общественные сооружения культового назначения; моделированные с использованием глины, извести, красок, гипса и ракушек, выставлявшиеся в специальных местах человеческие черепа; крупномасштабная антропо- и зооморфная каменная скульптура; монолитные, часто Т-образные, оформленные в геральдическом или натуралистичном стиле рельефами антропо- и зооморфного содержания известняковые стелы; антропо- и зооморфные статуэтки; каменные полномасштабные маски, изображающие лицо человека, и их миниатюры; тайники (или ритуальные групповые «захоронения») человеческих черепов, а также выполненных в человеческий рост, сделанных из камыша, извести и гипса антропоморфных фигур, одно- и двухголовых бюстов; и многое-многое другое. Взлет символизма, на что обращает внимание Ю. Е. Березкин, для территории Северной Месопотамии фиксируется в эпоху PPNA, т. е. раньше, чем в Леванте, где наиболее выразительные и массово представленные символические объекты встречены в слоях времени PPNB (*Березкин*, 2013. С. 169–171; подробнее см.: *Корниенко*, 2006. С. 16–84; 2011; 2012).

Так называемые «палочки с насечками», известные по раскопкам Халлан Чеми; древнейшие печати и их оттиски из ряда поселений (Букраса, Рас Шамры, Кёртык Тепе, Телль эль-Коума II и пр.); а также «фишки» в виде различных тригонометрических фигур (Чайоню, Айн Гхасал, Иерихон, Бейсамун, Бейда, Немрик, Гандж Даре, Магзалия и пр.) свидетельствуют о функционировании в эпоху раннего неолита различных систем учета и контроля, использующих для своих целей символы. В вышедшей в 1992 г. монографии Д. Шмандт-Бессера доказательно проводится мысль о том, что шумерское письмо постепенно

[2] «These capacities were evolved to the high degree that we can recognize because they were essential to the building (both metaphorically and literally) of the new large, permanently co-resident communities that developed through the Epipalaeolithic and early Neolithic» (*Watkins*, 2013. P. 6). В данном случае Т. Уоткинс, очевидно, имеет в виду появление в отмеченную эпоху значительных по численности оседлых сообществ, а также крупных межплеменных региональных союзов, когда принцип территориального единства начинает играть важную роль в жизни социума (см. также: *Корниенко*, 2006. С. 81–84; 2011. С. 91).

сформировалось из счетной системы, ранними знаками которой служили так называемые фишки/«tokens», использовавшиеся на Ближнем Востоке еще с эпохи докерамического неолита для учета предметов отдельных категорий (*Schmandt-Besserat*, 1992a; 1992b; *Березкин*, 2000). Другими (не обязательно альтернативными) источниками соответствующих идей, вполне вероятно, могли быть знаки и изображения на печатях, каменных сосудах, мегалитических стелах, поперечно-желобчатых изделиях, по меткому определению К. Шмидта, – «неолитические иероглифы» (*Шмидт*, 2011. С. 216–221), выразительно и в большом количестве представленные в материалах ранненеолитических поселений Передней Азии. Таким образом, в целом среди важнейших материально фиксируемых достижений развития информационно-коммуникативных систем в истории человечества «революцию символов» можно определить как первый из сыгравших ключевую роль этапов в эволюции человеческих сообществ. Далее этот ряд будет продолжен изобретением письма, печати и компьютерных технологий.

Изучение социокультурных трансформаций центральной части зоны Плодородного полумесяца в эпоху неолитизации, несомненно, имеет большую важность для понимания истоков цивилизации, поскольку в значительной степени на достижениях населения докерамического неолита Северной Месопотамии базируется развитие раннеземледельческих культур Верхнего и Центрального Двуречья, ставших заметным компонентом в сложении шумерских городов-государств[3] (*Бадер*, 1989; *Корниенко*, 2006; *Kornienko*, 2010).

Большинство современных исследователей отмечает формирование общего культурного пространства в зоне Плодородного полумесяца на этапе перехода к неолитическому образу жизни. Для конкретных ее областей определяются региональные характеристики. Среди утвердившихся в эпоху докерамического неолита особенностей идеологии, ритуала и символических систем Северной Месопотамии выделим:

- стандартизацию и широкое распространение символов;
- коллективизм и выражение общинного единства, сплоченности;
- культ плодородия/плодовитости/фертильности;
- связь человек – животное;
- многочисленность и разнообразие изображений животных при меньшей вариативности в изображениях человека;
- доминирование мужских символов и образов;
- проявление лиминальности[4];

[3] Кроме того, распространение культурного влияния достижений докерамического неолита Северной Месопотамии хорошо прослеживается на материалах Центральной и Западной Анатолии неолитического и энеолитического времени (Vor 12.000…, 2007; *Hodder, Meskell*, 2011; и др.).

[4] Лиминальность (англ. liminality, от лат. Līmen – порог, пороговая величина) – стадия перехода системы из одного состояния в другое, связанная с утратой структуры, иерархии, статуса элементов. В данном случае имеется в виду «пороговое», переходное состояние северомесопотамского сообщества от эпипалеолита к неолитическому образу жизни, что нашло отражение в действовавших на тот момент символических системах.

– упорядочивание («доместикацию») пространства и времени, что особенно ярко проявилось: в строительстве (на специально для этого подготовленных, отделенных от хозяйственной и жилой зоны участках) монументальных общественных сооружений и их оформлении как специальных мест для проведения ритуала; в погребении умерших на территории поселений – под полами жилых домов или на специально для этого отведенных участках/в постройках; других проявлениях межпоколенческих связей коллективов людей, долгое время проживающих на одной и той же территории;
– укрепление отношений внутри общины через совместные ритуальные действия живых соплеменников, важным элементом которых являлись пиры, и через поддержание осязаемых связей с умершими реальными и/или мифическими предками, божествами-покровителями;
– цикличность в осуществлении обрядов, связанная с наблюдениями за природными ритмами коллективами, постоянно проживающими на одной и той же территории, приобретаемом ими в это время опыте разведения растений и животных, активизирующим представления о взаимозависимости таких концептов, как «жизнь» и «смерть»;
– выявление нескольких уровней осуществления обрядовых действий с точки зрения их общественной значимости – от индивидуальных до собиравших по несколько сотен (возможно, тысяч) человек межплеменных.

Большинство из вышеперечисленных социокультурных характеристик общие для зоны Плодородного полумесяца эпохи неолититизации. Однако некоторые из них (такие, например, как монументальное строительство общественных сооружений культового назначения, Т-образные каменные стелы, достигающие в высоту 5–7 м, доминирование мужских символов и образов, а также изображений различных видов хищных и опасных животных часто в агрессивных позах) специфичны именно для Северной Месопотамии времени PPNAи переходного PPNA/PPNB периода. Для выяснения причин этой специфики необходимо дальнейшее изучение всего комплекса сопутствующих материалов. В том числе большое значение в данном случае, как представляется, будут иметь исследования палеоклиматологов, палеозоологов, палеобиологов и палеоантропологов.

Общее эмоциональное воздействие, производимое символическими системами Северной Месопотамии, несет ощущение напряженности и масштабной концентрации усилий, связанных, очевидно, с вызовами переходного времени. Одна из причин этой напряженности состоит в постепенном переходе к совместному долговременному проживанию большого количества людей на общей территории. Конкретные механизмы и обстоятельства данного перехода для населения центральной части, как и других областей, зоны Плодородного полумесяца предстоит еще уточнять. Новые идеологические представления, ставшие ответом на отмеченный вызов, и начало оформления религии в качестве социального института[5] явились важнейшей адаптационной стратегией, которая

[5] С основными присущими ей атрибутами, включая обряды, ритуал, сложную символику, специально оформленные сооружения для проведения общих собраний, выделение служителей культа и пр.

помогала преодолеть стресс от распространения оседлого образа жизни, способствуя формированию общинной и надобщинной (региональной) идентичности. Материальная культура в целом и данные символических систем в частности отражают проявление и культивацию чувства сплоченности и единства в коллективах Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита. О том, что такая адаптационная стратегия успешно работала, говорит отсутствие данных о распространении агрессии и насилия по результатам палеоантропологического анализа (*Erdal, Erdal*, 2012); свидетельства поддержания на поселениях системы видимого эгалитаризма; существование устойчивых связей между различными коллективами, зафиксированное, помимо прочего, функционированием общих символических систем с едиными стандартами на значительной территории и такого крупного межплеменного ритуального центра, как Гёбекли Тепе.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер Н. О., 1989. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука. 368 с.

Березкин Ю. Е., 2000. Рец. на кн.: *Schmandt-Besserat D.* Before Writing / Forward by W. W. Hallo. Vol. 1: From Counting to Cuneform. 269 p.; Vol. 2: A Catalogue of Near East Tokens. 416 p. 1992. Austin: University of Texas Press // Археологические вести. № 7. С. 334–338.

Березкин Ю. Е., 2013. Между общиной и государством. Среднемасштабные общества нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб.: МАЭ РАН. 256 с.

Корниенко Т. В., 2006. Первые храмы Месопотамии. Формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху. СПб.: Алетейя. 312 с.

Корниенко Т. В., 2011. Стелы Северной Месопотамии эпохи раннего неолита: предварительный обзор // Археологические вести. № 17. С. 70–95.

Корниенко Т. В., 2012. Моделирование черепов на территории Леванта в период докерамического неолита Б // РА. № 4. С. 80–89.

Фаликман М. В. Прайминг и прайминг-эффекты (эффекты предшествования). URL: http://old.virtualcoglab.ru/projects/priming.html. Дата обращения: 31.10.2014.

Фаликман М. В., Койфман А. Я., 2005. Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. № 3. С. 86–97; № 4. С. 81–90.

Шмидт К., 2011. Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гёбекли Тепе. СПб.: Алетейя. 320 с.

Benz M., Bauer J., 2013. Symbols of power – Symbols of crisis? A Psycho-social approach to Early Neolithic symbol systems // Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research. № 2. P. 11–24.

Cauvin J., 1994. Naissance des divinités. Naissance de l'agriculture. La Révolution des symboles au Néolithique. Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique. 304 p.

Cohen A. P., 1985. The Symbolic Construction of Community. Chichester: E. Horwood; London; New York: Tavistock Publications. 128 p.

Dialogue on The Early…, 2005 – Dialogue on The Early Neolithic Origin of Ritual Centers // Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research. № 2. P. 3–53.

Edelson M., Sharot T., Dolan R. J., Duda Y., 2011. Following the crowd: brain substrates of long-term memory conformity // Science. Vol. 333. № 6038. P. 108–111.

Erdal Y. S., Erdal O. D., 2012. Organized violence in Anatolia: A retrospective research on the injuries from the Neolithic to Early Bronze Age // International Journal of Paleopathology. № 2. P. 78–92.

Hodder I., Meskell L., 2011. A Curious and Sometimes a Trifle Macabre Artistry: Some Aspects of Symbolism in Neolithic Turkey // Current Anthropology. Vol. 52. № 2. P. 235–263.

Kornienko T. V., 2010. Two Stages in the Process of Forming Cult Construction Tradition in Prehistoric Mesopotamia // Proceedings of the 6th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East (May, 5–10th 2008, «Sapienza» – Università di Roma) / Eds P. Matthiae, F. Pinnock, L. Nigro, N. Marchetti. Vol. 1. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. P. 807–819.

Schacter D. L., Buckner R. L., 1998. Priming and the brain. Review // Neuron. Vol. 20. P. 185–195.

Schmandt-Besserat D., 1992a. Before Writing. Vol. 1: From Counting to Cuneform. Forward by W. W. Hallo. Austin: University of Texas Press. 269 p.

Schmandt-Besserat D., 1992b. Before Writing. Vol. 2: A Catalogue of Near Eastern Tokens. Forward by W. W. Hallo. Austin: University of Texas Press. 416 p.

Vor 12.000…, 2007 – Vor 12.000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit / Hrsg. Badisches Lendesmuseum Karlsruhe. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag. 595 S.

Watkins T., 1992. The beginning of the Neolithic: searching for meaning in material culture change // Paléorient. Vol. 18. № 1. P. 63–75.

Watkins T., 2006. Architecture and the symbolic construction of new worlds // Domesticating Space: Construction, Community, and Cosmology in the Late Prehistoric Near East / Eds E. B. Banning, M. Chazan. Berlin: Ex oriente. P. 15–24. (Studies in Early Near Eastern Production, Subsistence, and Environment; 12.)

Watkins T., 2009. Ordering time and space: Creating a cultural world // Proceedings of the 5th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East / Eds J. Cordoba, M. Molist, C. Perez, I. Rubio, S. Martinez. Madrid: Universidad Autonoma de Madrid. P. 647–659.

Watkins T., 2013. Neolithisation Needs Evolution, as Evolution Needs Neolithisation // Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research. № 2. P. 5–10.

Сведения об авторе.

Корниенко Татьяна Владимировна, Воронежский государственный педагогический университет, ул. Ленина, 86, Воронеж, 394043, Россия; e-mail: zigzina@rambler.ru.

T. V. Korniyenko

Socio-cultural changes in North Mesopotamian communities in the Epipalaeolithic epoch and pre-pottery Neolithic as a stage on the path to civilization

Abstract. The study of socio-cultural transformations in the central part of the Fertile Crescent in the epoch of neolitization is extremely important for understanding of the origins of civilization. The development of early farming cultures in Upper and Central Mesopotamia, which had become a prominent component in the formation of Sumerian city-states, stemmed to a significant degree from the achievements of the population of the pre-pottery Neolithic in North Mesopotamia. The author draws attention to the formation of a broad cultural space in the zone of the Fertile Crescent at the transition to a Neolithic way of life. Attention is paid to the way in which regional characteristics were emerging in aspects of ideology, ritual and systems of symbols in North Mesopotamia in the pre-pottery Neolithic. New ideological concepts were taking shape in response to the challenge of the transition to the Neolithic. The initial organization of religion as a social institution was a most important adaptation strategy, able overcome the stress caused by the spread

of a settled way of life, which in its turn made possible the emergence of a communal and supra-communal (regional) sense of identity.

Keywords: Epipalaeolithic, pre-pottery Neolithic, North Mesopotamia, «revolution of symbols», socio-cultural changes.

REFERENCES

Bader N. O., 1989. Drevneyshie zemledel'tsy Severnoy Mesopotamii [Earliest farmers of North Mesopotamia]. Moscow: Nauka. 368 p.

Benz M., Bauer J., 2013. Symbols of power – Symbols of crisis? A Psycho-social approach to Early Neolithic symbol systems. *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*, 2, pp. 11–24.

Berezkin Yu. E., 2000. Book Review: Schmandt-Besserat, Denise. Before Writing. Forward by William W. Hallo. Vol. 1. From Counting to Cuneiform. 269 p. Vol. 2. A Catalogue of Near East Tokens. 416 p. 1992. Austin: University of Texas Press. *AV*, 7, pp. 334–338.

Berezkin Yu. E., 2013. Mezhdu obshchinoy i gosudarstvom. Srednemasshtabnye obshchestva nuklearnoy Ameriki i Peredney Azii v istoricheskoy dinamike [Between community and state. Middle-scale societies of nuclear America and Western Asia in historic dynamics]. St. Petersburg: Muzey antropologii i etnografii RAN. 256 p.

Cauvin J., 1994. Naissance des divinités. Naissance de l'agriculture. La Révolution des symboles au Néolithique. Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique. 304 p.

Cohen A. P., 1985. The Symbolic Construction of Community. Chichester: E. Horwood; London; New York: Tavistock Publications. 128 p.

Dialogue on The Early…, 2005 – Dialogue on The Early Neolithic Origin of Ritual Centers. *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*, 2, pp. 3–53.

Edelson M., Sharot T., Dolan R. J., Duda Y., 2011. Following the crowd: brain substrates of long-term memory conformity. *Science*, vol. 333, № 6038, pp. 108–111.

Erdal Y. S., Erdal O. D., 2012. Organized violence in Anatolia: A retrospective research on the injuries from the Neolithic to Early Bronze Age. *International Journal of Paleopathology*, 2, pp. 78–92.

Falikman M. V. Praiming i praiming-effekty (effekty predshestvovaniya) [Praiming and praiming-effects (effects of precedence)]. Electronic resurce. Acsess mode: http://old.virtualcoglab.ru/projects/priming.html. Date of acsess: 31.10.2014.

Falikman M. V., Koyfman A. Ya., 2005. Vidy prayminga v issledovaniyakh vospriyatiya i pertseptivnogo vnimaniya [Forms of priming in researches of perception and perceptive attention]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [News of Moscow university. Ser. 14. Psychology]*, 3, pp. 86–97; 4, pp. 81–90.

Hodder I., Meskell L., 2011. A Curious and Sometimes a Trifle Macabre Artistry: Some Aspects of Symbolism in Neolithic Turkey. *Current Anthropology*, vol. 52, no. 2, pp. 235–263.

Kornienko T. V., 2006. Pervye khramy Mesopotamii. Formirovanie traditsii kul'tovogo stroitel'stva na territorii Mesopotamii v dopis'mennuyu epokhu [First temples of Mesopotamia. Formation of cult construction in territory of Mesopotamia in pre-literate epoch]. St. Petersburg: Aleteyya. 312 p.

Kornienko T. V., 2010. Two Stages in the Process of Forming Cult Construction Tradition in Prehistoric Mesopotamia. *Proceedings of the 6th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East*, 1. P. Matthiae,F. Pinnock, L. Nigro, N. Marchetti, eds. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, pp. 807–819.

Kornienko T. V., 2011. Stely Severnoy Mesopotamii epokhi rannego neolita: predvaritel'nyy obzor [Stelae of North Mesopotamia of Early Neolithic epoch: preliminary review]. *AV*, 17, pp. 70–95.

Kornienko T. V., 2012. Modelirovanie cherepov na territorii Levanta v period dokeramicheskogo neolita B [Skull modeling in territory of Levant in period of prepottery Neolithic B]. *RA*, 4, pp. 80–89.

Schacter D. L., Buckner R. L., 1998. Priming and the brain. Review. *Neuron*, 20, pp. 185–195.

Schmandt-Besserat D., 1992a. Before Writing, 1. From Counting to Cuneiform. William W. Hallo, foreword. Austin: University of Texas Press. 269 p.

Schmandt-Besserat D., 1992b. Before Writing, 2. A Catalogue of Near Eastern Tokens. William W. Hallo, foreword. Austin: University of Texas Press. 416 p.

Shmidt K., 2011. Oni stroili pervye khramy. Tainstvennoe svyatilishche okhotnikov kamennogo veka. Arkheologicheskie otkrytiya v Gebekli Tepe [They built first temples. Mysterious sanctuaries of Stone Age hunters. Archaeological discoveries in Goebekli Tepe]. St. Petersburg: Aleteyya. 320 p.

Vor 12.000..., 2007 – Vor 12.000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit. Badisches Lendesmuseum Karlsruhe, Hrsg. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag. 595 p.

Watkins T., 1992. The beginning of the Neolithic: searching for meaning in material culture change. *Paléorient*, vol. 18, no. 1, pp. 63–75.

Watkins T., 2006. Architecture and the symbolic construction of new worlds. *Domesticating Space: Construction, Community, and Cosmology in the Late Prehistoric Near East*. E. B. Banning, M. Chazan, eds. Berlin: Ex oriente. P. 15–24. (Studies in Early Near Eastern Production, Subsistence, and Environment; 12).

Watkins T., 2009. Ordering time and space: Creating a cultural world. *Proceedings of the 5th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East*. J. Cordoba, M. Molist, C. Perez, I. Rubio, S. Martinez, eds. Madrid: Universidad Autonoma de Madrid, pp. 647–659.

Watkins T., 2013. Neolithisation Needs Evolution, as Evolution Needs Neolithisation. *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*, 2, pp. 5–10.

About the author.

Kornienko Tatiana V., Voronezh State Pedagogical University, ul. Lenina, 86, Voronezh, 394043, Russian Federation; e-mail: zigzina@rambler.ru.

Р. М. Мунчаев, Ш. Н. Амиров

ТЕЛЛЬ ХАЗНА I. МЕЖДУ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ГОРОДСКИМИ РЕВОЛЮЦИЯМИ В ХАБУРСКОЙ СТЕПИ СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ

Резюме. Городской образ жизни в Хабурской степи Северной Месопотамии связан с культурными влияниями Шумера и документирован в регионе с начала IV тыс. до н. э. Так, размеры Телль Брака (исторический Нагар) к 3800 г. до н. э. достигали 130 га. К числу поселений, расположенных поблизости к Телль Браку, относится поселение Телль Хазна I. Здесь на рубеже IV–III тыс. до н. э. фиксируется монументальное храмовое строительство и свидетельства административного управления. Несмотря на наличие ряда признаков ранней государственности, на поселении Телль Хазна I отсутствует главный признак цивилизации – письменность. Около XXVII в. до н. э. аридизация климата сделала жизнь на поселении Телль Хазна I и ряде других поселений южной части Хабурской степи невозможной. Второй период государственного строительства был реализован в Хабурской степи в середине – второй половине III тыс. до н. э. Он ознаменован сложением всего комплекса признаков, характеризующих цивилизацию, включая использование письменности (с XXV в. до н. э.). Для топографии городских поселений Северной Месопотамии в это время характерна радиально-концентрическая планировка в форме короны. Такие поселения известны в немецкоязычной археологической литературе как «Kranzhügel».

Ключевые слова: городская революция, Северная Месопотамия, храмовые поселения, культура Ниневия 5, круглоплановые поселения типа «Kranzhügel».

Становление цивилизации в Хабурской степи Северной Месопотамии обрело завершенную форму к XXV в. до н. э. Для этого периода характерны активные урбанизационные процессы, охватившие в это время главным образом северную часть региона. Основные города Хабурской степи этого периода (рис. 1) это Телль Брак (Нагар), Телль Лейлан (Шехна), Телль Мюзан (Уркиш), Телль Бейдар (Набада), Телль Арбид, Телль Айлюн и ряд других. Зафиксирован демографический рост, выразившийся в значительном увеличении размеров отдельных поселений в середине III тыс. до н. э. с 15 до 90 га (*Weiss et al.*, 1993; *Weiss*, 2013). Начиная с середины III тыс. до н. э. в регионе впервые складываются государственные образования, объединявшие не только ближайшую округу, но и достаточно обширные территории. (*Амиров*, 2010. С. 251). Для этого

периода характерны значительные общественные работы, направленные на возведение монументальных оборонительных, религиозных и светских сооружений. Перераспределение общественного продукта в это время находилось под контролем скорее светских, чем религиозных лидеров, живущих в дворцовых зданиях. Наконец, о сложении качественно новой организации общества говорят первые свидетельства использования письменности, обнаруженные в Телле Бейдар, датированные второй половиной периода РД III (*Lebeau*, 1998. P. 211; *Lebeau, Suleiman*, 2005. P. 89, 90; *Sallaberger*, 2005. P. 91). Таким образом, общества Северной Месопотамии начиная с середины III тыс. до н. э. обладали всем набором традиционно выделяемых признаков, характерных для становления цивилизации (см.: *Childe*, 1950. P. 9–17; *Renfrew*, 1972. P. 3–7).

Однако городская революция середины III тыс. до н. э. была лишь завершением процесса становления цивилизации и формирования городского образа жизни, начавшегося в Хабурской степи значительно ранее. Пионерами и проводниками модели государственного строительства в Хабурском регионе были два городских поселения: Телль Брак и Телль Хамукар, расположенные на восточных границах Хабурской степи (рис. 1) и тесно связанные товарным обменом с наиболее крупными центрами Северной Месопотамии, такими как Телль аль-Хава и Телль Куюнджик (историческая Ниневия), и опосредствовано – с Южной Месопотамией, начиная с раннеурукского времени. Городской образ жизни на этих поселениях документирован с начала IV тыс. до н. э. Размеры телля Брак (исторический Нагар) к 3800 г. до н. э. достигали 130 га (*McMahon*, 2013. P. 68). Уже на этом этапе на телле Брак отмечены элементы социальной иерархии, выражавшиеся в монументальном общественном строительстве.

Модель иерархической общественной организации, свойственная первым городам Хабурской степи, была воспроизведена прежде всего на поселениях, связанных с ними торговыми контактами (например, вдоль основного торгового пути, ведшего от Брака на север по руслу Джаг-Джага во внутренние районы Хабурской степи). И, во вторую очередь, на поселениях земледельческой округи, непосредственно примыкавшей к упомянутым городам в юго-восточной части Хабурской степи. К этой категории поселений, в частности, принадлежит Телль Хазна I и группа поселений, расположенных вдоль нижнего течения вади Ханзир в 20–25 км от Брака (рис. 1).

Эти поселения расположены в южной части Хабурской степи, в полосе маргинального неполивного земледелия, что определило крайнюю зависимость урожайности региона от климатических колебаний, а следовательно, и вытекающую из этого социальную активность общин.

Группа поселений, расположенных в этой полосе дождевания (из исследованных археологически, помимо Телль Хазны I, это Телль Кашкашок III и Телль Фарес аш Шарки), документирует как синхронное заселение южной части Хабурской степи в начале IV тыс. до н. э., так и примерно синхронное завершение жизни этих поселений в конце XXVIII – XXVII в. до н. э.

Надо отметить, что процессы экономического и общественного развития в IV тыс. до н. э. в Хабурской степи проходили на фоне исключительно благоприятных климатических условий. Это время максимального увлажнения климата в полосе неполивного земледелия «плодородного полумесяца» Месопотамии и, соответственно, время получения максимального прибавочного

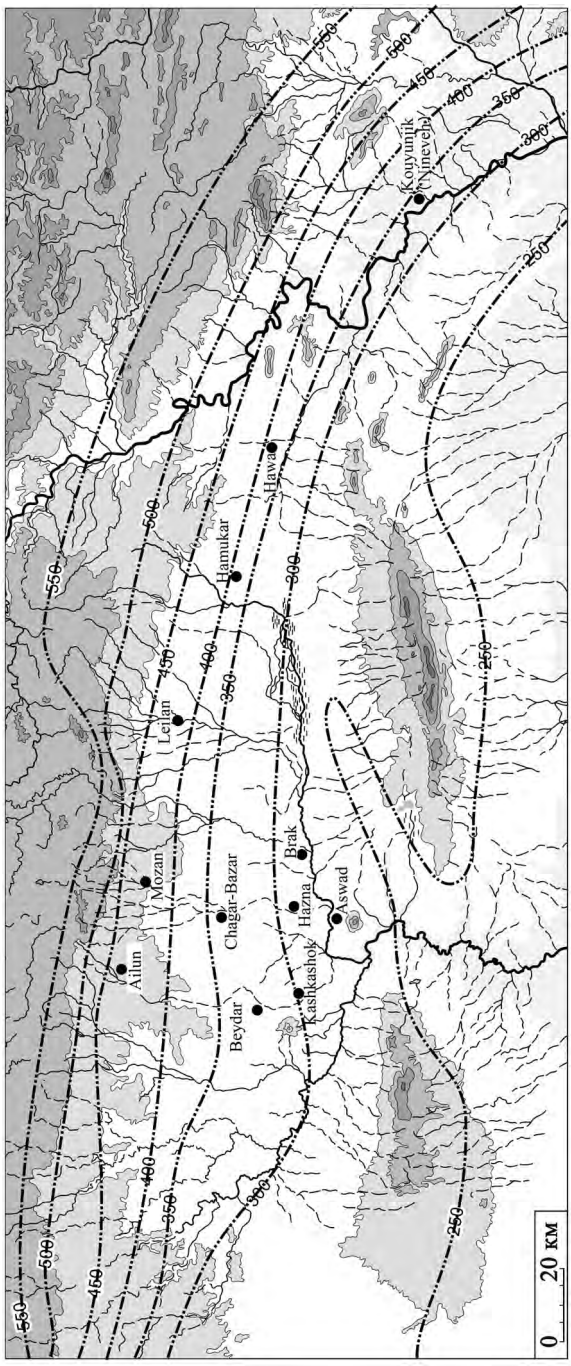


Рис. 1. Восточная Джезира. Поселения IV–III тыс. до н. э. и современное распределение осадков в регионе

продукта, что позволяло общинам поселений южной части «Хабурского треугольника» использовать значительную часть общественного труда на непроизводственные цели. В частности, наличие избыточного общественного продукта позволило общине Хазны организовать возведение монументальных зданий для отправления культовых действий. Результатом этой достаточно долговременной строительной деятельности является многофункциональный храмовый комплекс, построенный по единому централизованному плану и представленный монументальной общественной архитектурой.

В рамках предложенной 6-членной периодизации культурного слоя Телль Хазны 1 храмовый комплекс находится в пределах IV–III периодов. Слои IV периода соответствуют времени возведения архитектурных сооружений комплекса, а слои III периода – времени функционирования храмового комплекса как единой, центрально управляемой системы.

Соответственно, слои II периода документируют вторичное (как сакральное, так и бытовое) использование общественных сооружений предшествующего времени и ограниченное возведение конструкций, связанных с религиозной практикой. Слои наиболее позднего I периода отражают функционирование поселения как ординарного населенного пункта, лишенного каких-либо выраженных следов культового строительства и частично использующего для ритуальных церемоний сакральные конструкции предшествующего времени (*Amirov*, 2008. С. 137–150; 2014. С. 293–304).

Монументальное общественное строительство, которое свидетельствует об иерархической организации общины Хазны и ее округи, датируется в пределах последних веков IV тыс. до н. э. и приходится на финальный период культурных влияний древнейшей цивилизации Шумера на население Северной Месопотамии. Храмовый комплекс Телль Хазны I является репликой храмовой системной организации и строительной техники, сложившихся к этому времени в Южной Месопотамии.

К этому же времени относится становление поселенческой иерархии вдоль вади Ханзир, прослеженной в ходе наших разведок (*Амиров*, 2010. С. 36–56). На рубеже IV–III тыс. до н. э. храмовые поселения, подобные Телль Хазне I, идеологически объединяют кластеры расположенных поблизости рядовых поселков и демонстрируют устойчивое функционирование достаточно сложного иерархически организованного религиозно-бюрократического аппарата. В частности, храмовый центр Хазны I объединял примыкающую к поселению округу, куда входили, по меньшей мере, еще три ближайших поселения.

В целом храмовый комплекс Хазны функционировал как единый, централизованно управляемый организм в течение примерно 200–250 лет. В дальнейшем он переживает системное разрушение централизованной организации, вторичное использование религиозных зданий предшествующего времени и полное перерождение на самом позднем этапе жизни сложного, иерархически организованного общественного организма в рядовое поселение, лишенное очевидных общественных сооружений, связанных с культом. Объяснением деструктивных процессов, затронувших в III тыс. до н. э. не только Телль Хазну, но и множество других общин неполивного земледельческого пояса Северной Месопотамии, может служить уменьшение прибавочного продукта, которое стало следствием

прогрессирующей аридизации климата. Кульминацией этого аридного цикла, длившегося около 500 лет, стал так называемый «аккадский климатический коллапс» (*Weiss*, 2013. P. 105–109).

Структуру поселения Телль Хазна I эпохи монументального строительства формируют три концентрических овала, образованных конструкциями циклопического характера и расположенных друг над другом в виде террас (цв. рис. 2: с. 325). Ярусно-концентрический характер монументальной застройки поселения был предопределен рельефом уже существующих культурных отложений, соответственно, возведение зданий храмового комплекса было подчинено геометрической парадигме, заданной в предшествующий период жизни поселения.

Внешний овал прослежен в восточной части Телля Хазны I на длину более 80 м. Он представляет собой, судя по всему, незамкнутую обводную стену поселения, имеющую в верхней части ширину около 2 м, наклонную поверхность типа гласиса со стороны внешнего фаса ограждающей стены, ширину в основании около 6 м и высоту от основания до сохранившегося верхнего обреза стены около 7 м. Эта массивная стена едва ли могла иметь оборонительное значение. Скорее она связана с защитой от пронизывающих восточных осеннее-зимних ветров, приносящих снег и дождь. Второй замкнутый овал поселения, получивший условное название «теменос», имеет диаметр по линии запад – восток около 80 м. Он сформирован плотно пристроенными друг к другу массивными сооружениями очевидного общественного назначения (цв. рис. 3: с. 325). Наконец третий овал, также сформированный из массивных конструкций, расположен в центральной и, соответственно, самой высокой части поселения, имеет по линии запад – восток диаметр около 40 м. С точки зрения системной организации общины Хазны и ее сателлитов наибольшее значение имеют монументальные конструкции, образующие замкнутый овал «теменоса», которые отделяют бытовую жизнь общины от сакральной. В свою очередь, внутри «теменоса» был выявлен обособленный участок, связанный с жертвенной и церемониальной практикой. Этот участок был отделен от других общественно значимых зданий и служб, находящихся внутри огороженного пространства поселения и связанных со светским и хозяйственным администрированием, таким как централизованное хранение зерна, его учет, распределение. На этом же участке зафиксированы отдельные жилые помещения храмово-общинной элиты и т. п. (цв. рис. 4, с. 326).

В религиозно-жертвенном секторе огороженного пространства «теменоса» исключительное значение имеет исследование (как снаружи, так и внутри) наиболее ранней из известных до настоящего времени молельных башен Месопотамии. Это сооружение является, по сути, прототипом месопотамских зиккуратов более позднего времени (*Амиров*, 2010. С. 101–116; *Мунчаев и др.*, 2004. С. 32–41).

Однако самое крупное сооружение «теменоса» Телля Хазны I находится в «светском» секторе огороженного участка. Это башнеобразная конструкция № 110 – сооружение казематного типа, имеющее две камеры со сводчатыми, вероятно, исходно купольными перекрытиями. Эта конструкция является составной частью «теменоса». Доступ к ней был возможен только из внутренней части «теменоса» и, соответственно, находился под контролем религиозно-бюрократической

элиты общины. Это здание было интерпретировано как основное общественное зернохранилище (*Амиров*, 2010. С. 150–157; *Мунчаев и др.*, 2004. С. 63–66).

Таким образом, на Телле Хазна I мы имеем архитектурные свидетельства выделения управленческой элиты и можем заключить, что уровень социальной организации общины Телля Хазна I (как и ряда других поселений юго-восточной части Хабурской степи), достигнутый к началу III тыс. до н. э., был несколько выше, чем уровень организации большинства общин синхронных поселений.

Еще одним исключительно важным свидетельством, с одной стороны, централизованной организации коллективного труда общины и, с другой – завершения окончательного оформления общественной архитектуры «теменоса» Хазны, подчиненной единому плану, является создание сети улиц и системы контролируемой доступности к значимым общественным сооружениям.

На Телле Хазна I были также отмечены и другие признаки сложения ранних форм администрирования. В частности, в слоях времени первоначального функционирования храмового комплекса, в непосредственной близости от общественного зернохранилища была обнаружена счетная таблетка, которая свидетельствовала о централизованном контроле и учете общественного продукта (зерна), находившегося в обособленном от общины хранилище.

Однако в то же время, несмотря на наличие на Телле Хазна I признаков достаточно сложной общественной организации, примеры имущественного расслоения, выраженные, в частности, в знаках собственности, значительно менее выразительны, чем в поселениях, задействованных в системе межрегиональной торговли. Печати и их оттиски на Телле Хазна I достаточно редки и приурочены главным образом к наиболее позднему периоду жизни поселения.

Как отмечалось выше, строительство и функционирование храмового комплекса Телля Хазны I как единой системы, которая находилась под централизованным управлением, датируются примерно рубежом IV–III тыс. до н. э. и приходятся на исключительно благоприятный с климатической точки зрения период. Первые признаки грядущего климатического коллапса отмечены на поселении в начале XXIX в. до н. э., когда поселение было ненадолго оставлено жителями (*Амиров*, 2010. С. 126–129)[1]. После возвращения жителей поселение функционировало еще около 100–150 лет. На позднем этапе его жизни наблюдается уменьшение материальных возможностей общины и разрушение ее социальной организации.

В течение первой половины III тыс. до н. э., во время периода, получившего наименование «Ниневия 5», как на самом поселении Телль Хазна I, так и на многих других синхронных поселениях Северной Месопотамии мы отмечаем прерывание культурных импульсов, идущих из Шумера. В отличие от предшествующего периода, когда в Северной Месопотамии воспроизводились монументальные храмы, подобные шумерским, в течение периода Ниневия 5 в Джезире религиозные здания приобретают форму небольших сооружений, напоминающих скорее святилища, которые не предполагают наличия сложной, иерархически организованной клерикальной организации.

[1] Аналогичное наблюдение было сделано и на других поселениях этой части Джезиры, например, на поселении Хараб Сайар около Телля Хуэйры (*Hempelmann*, 2013. P. 153–161).

Свидетельства разрушения системной иерархической организации общины Хазны видны в деградации всех общественных служб поселения начиная со слоев 2 яруса, которые датируются началом периода РД I. В течение этого периода отмечено начало разрушения системы коммуникаций поселения. Сначала в жертвенно-ритуальном секторе «темеиоса» зафиксировано частичное прерывание коммуникаций, связанных с религиозной практикой[2], а в течение позднего периода жизни поселения, что соответствует второй половине периода РД I, система улиц поселения практически перестает использоваться по прямому назначению. В светском секторе «темеиоса» постепенно выходит из употребления здание общественного зернохранилища, что является исключительно важной характеристикой организации общины позднего периода жизни поселения. В целом меняется облик архитектурного оформления поселения Телля Хазна I: жилые конструкции начинают возводиться в центральной части поселения, перекрывая общественные культовые здания предшествующего времени. Если обобщенно анализировать развитие комплекса монументальных сооружений Телля Хазна I во времени, то на основании доступных нам в настоящее время данных мы можем говорить о том, что в III ярусе бытовая жизнь немногочисленной общины (храмового персонала) концентрируется в промежутке между обводной стеной поселения и внешним овалом огороженного участка, возможно, и за внешним овалом обводной стены (цв. рис. 4), а общественная жизнь, как религиозная, так и административная (включая перераспределение общественного продукта), концентрируется внутри огороженного участка. (цв. рис. 4). Во II ярусе бытовые домостроения появляются уже внутри огороженного участка, а ритуально-религиозная активность концентрируется преимущественно внутри перестроенного внутреннего овала «темеиоса», расположенного в центральной части поселения (цв. рис. 5: с. 327). В I ярусе бытовые домостроения проникают и внутрь центрального огороженного участка, здесь же зафиксированы и отдельные следы ритуально-жертвенной практики этого периода жизни поселения (цв. рис. 6: с. 328).

Ухудшение качества жизни и обнищание общины на позднем этапе жизни поселения видны по целому ряду признаков. Для этого времени отмечена исключительно высокая детская смертность популяции, ухудшение качества домостроений, впервые зафиксировано использование глины в качестве сырья для изготовления цилиндрических печатей и украшений и т. п.

Окончательно оседлое население Телля Хазна I было вынуждено оставить поселение и переселиться, вероятно, в более северную часть региона около 2750–2700 гг. до н. э., в конце периода РД I – начале РД II, когда аридизация климата не оставила возможности заниматься неполивным земледелием. Еще некоторое время спустя (в течение периода РД II) люди (вероятно, потомки общинников Телля Хазна I) еще возвращались для сезонного пребывания на заброшенном поселении, не превратившемся еще в телль (*Amirov*, 2014. P. 298; *Мунчаев*, 2002. С. 314–330).

[2] К началу 2 периода, в частности, относится возведение конструкции № 24, перегородившей дорогу ритуальных процессий № 165. Эта строительная акция разрушила систему организации ритуала, существовавшего в предшествующее время (*Амиров*, 2010. С. 126–129).

Таким образом, для времени функционирования храмового комплекса мы фиксируем на Телле Хазна I ряд признаков, характерных для формационного этапа цивилизации и раннегосударственного строительства, среди которых следует отметить: монументальную общественную архитектуру, очевидно, религиозного характера, которая свидетельствует, с одной стороны, о выделении обособленной религиозно-бюрократической элиты, а с другой – предполагает использование значительных объемов коллективного отчужденного труда. Также на поселении зафиксировано наличие отчужденного хранения, контроля и учета общественного продукта. Ряд признаков свидетельствует об элементах перераспределения общественного продукта как платы за отчуждаемый труд. Возможно, что организация зернохранения периода расцвета экономики и бюрократической организации поселения Телля Хазна I рубежа IV–III тыс. до н. э. может быть охарактеризована как высокоорганизованное общинное хранение с элементами административного управления.

Но в то же время Телль Хазна I и подобные ему поселения не имеют одного важного признака, который позволил бы классифицировать их как памятники эпохи цивилизации. Принципиальным признаком, маркирующим наступление цивилизации, в Северной Месопотамии является использование письменноти, появившейся в Шумере в конце IV тыс. до н. э. Свидетельства использования счетных таблеток для учета общественных запасов зерна на целом ряде поселений Хабурской степи, таких как Хазна I, Кашкашок III, Ракай, Атидж, в конце IV и главным образом в первой половиные III тыс. до н. э., свидетельствуют о том, что поселения Хабурской степи переживали формационный этап, близкий к появлению письменной культуры. Однако первые известные нам письменные документы в этой части Северной Месопотамии датированы XXV в. до н. э. (*Sallaberger*, 2005. P. 37–43), т. е. временем, когда большинство поселений южной части Хабурской степи было покинуто жителями.

Также на поселении Хазна I времени существования храмового комплекса отсутствуют признаки, которые можно было бы интерпретировать как инструментарий физического социального принуждения, равно как полностью отсутствуют признаки милитаризации общества. Хотя элементы контроля над доступом на территорию поселения и внутрь огороженного пространства «темеоса», безусловно, имели место. Следует помнить, что в это время в Южной Месопотамии уже происходили первые вооруженные столкновения, связанные с пограничными спорами между номовыми государствами Шумера.

Таким образом, собранные данные свидетельствуют о том, что Хабурская степь знала два периода общественной (протогосударственной) консолидации. Первый из них, датируемый рубежом IV–III тыс. до н. э., пока отмечен только в юго-восточной части «Хабурского треугольника». Этот период связан со значительной ролью религиозных (храмовых) структур в мобилизации общества. Причем признаки усложнения общественной организации зафиксированы не только в протогородских центрах (как Телль Брак), но и в сельских поселениях типа Телль Хазны I.

Аридизация климата, отмеченная в Джезире начиная примерно со второй трети III тыс. до н. э., оказалась критической для многих поселений, расположенных в южной части Хабурской степи. Прежде всего она коснулась поселений, чья

экономика, подобно Теллю Хазна I, опиралась не на торговлю, а исключительно на плодородие своей земледельческой округи, но также иссушение климата отразилось и на городских поселениях, расположенных на торговых путях (Бейдар, Чагар Базар, Арбид).

Ряд сельских центров (храмовых поселений) этого района уже имел к этому времени структуры, организующие контроль (возможно, и элементы перераспределения) общественного продукта, которые в связи с ухудшением климата не получили возможности дальнейшего развития. Результатом уменьшения прибавочного продукта в южной части Хабурской степи стало, с одной стороны, разрушение внутренней стратификации общин храмовых поселений, а с другой – разрушение иерархически организованной системы соподчинения поселений этого района.

В целом мы можем заключить, что материалы Телля Хазна I и ряда других поселений являются свидетельством первого, незавершенного, этапа городской революции в Северной Месопотамии, в результате которого поселения южной части Хабурской степи (в районе Телль Брака) в начале III тыс. до н. э. подошли достаточно близко к порогу цивилизации, но в силу изменения климатических условий не смогли сделать этот шаг (*Амиров*, 2010. С. 251, 252).

Второй период государственного строительства, датируемый серединой – второй половиной III тыс. до н. э., получил импульс на фоне отмеченных процессов аридизации климата, охвативших южную часть Хабурской степи до начала периода РД III, и был реализован в северном, наиболее увлажненном поясе региона.

Можно только предполагать, сколько времени занял бы этот процесс при сохранении стабильно благоприятных климатических условий. С одной стороны, как отмечалось, уменьшение плодородия (в течение периода РД I) затормозило общественное развитие. Но, с другой стороны, климатический кризис (в конце периода РД I), вызвавший миграцию из земледельческих районов южной части «Хабурского треугольника», послужил катализатором «городской революции» и всех вытекающих отсюда последствий в северной части Хабурской степи, ускорив процессы становления государственности.

Этот этап становления государственности в степях Джезиры, в отличие от первого, ознаменован сложением всего комплекса признаков, характеризующих цивилизацию. Он связан, прежде всего, со светским характером государственной организации и «дворцом» в качестве организатора хранения и перераспределения общественного продукта.

Следует также отметить, что типичной формой городских поселений, которые распространяются в Северной Месопотамии в 2700–2200 гг. до н. э., становятся округлые в плане поселения, чья топография определена внешней обводной стеной, прорезанной в ряде мест проемами городских ворот (*Meyer*, 2007). Этот план напоминает корону, соответственно, поселения этого плана называются из немецкой археологической традиции «Kranzhügel».

Телль Хазна I, как и Телль Кашкашок III, относятся к числу наиболее ранних поселений Северной Месопотамии с централизованной радиально-кольцевой планировкой (*Мунчаев и др.*, 2011; *Munchaev, Amirov*, 2012). Но в отличие от городских поселений этого типа, где особенности планировки «Kranzhügel»

представлены в классически завершенном, сложившемся виде, план Телля Хазна I, безусловно, не имеет всего набора внешних признаков, позволяющих его отнести к числу поселений этого вида. Тем не менее, особенности централизованной планировки сближают его именно с этой категорией поселений Северной Месопотамии. Вероятно, памятники типа Телля Хазна I с их концентрической системой стен и радиальных улиц отражают некий формационный этап сложения этой категории поселений, окончательно оформившейся к середине III тыс. до н. э. Однако в отличие от городских поселений категории «Kranzhügel», таких как Телль Хуэйра (*Meyer*, 2007; 2010; *Orthmann*, 1990), Телль Бейдар (*Bretschneider*, 2000; *Van Lerberghe, Voet*, 2001), Телль Мабтух, Свейха (*Danti, Zettler*, 1998; 2006; *Wilkinson*, 2004; *Holland*, 2006; *Danti*, 2010) и многих других, населенные пункты (подобно Теллю Хазна I), прекратившие свое существование в первой половине III тыс. до н. э., не обрели признаков, которые позволили бы отнести их к этой категории северо-месопотамских поселений эпохи цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

Амиров Ш. Н., 2010. Хабурская степь Северной Месопотамии в IV – первой половине III тыс. до н. э. М.: Таус. 411 с.

Мунчаев Р. М., 2002. Погребальный комплекс III тыс. до н. э. в Телль Хазне I (Северо-Восточная Сирия) // Проблемы археологии Евразии: К 80-летию Н. Я. Мерперта: Сб. ст. / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. М.: ИА РАН. С. 314–330.

Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н., Сулейман А., 2011. Поселения Телль Хазна I и Кашкашок III в Северо-Восточной Сирии – сравнительный анализ // РА. № 2. С. 27–42.

Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Амиров Ш. Н., 2004. Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III вв. до н. э. в Северо-Восточной Сирии. М.: Наука. 488 с.

Amirov Sh., 2008. Towards Understanding Religious Character of Tell Hazna I Oval // Proceedings of 5th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East (Madrid, April 3–8, 2006) / Eds J. M. Cordoba, M. Molist, M. C. Perez, I. Rubio, S. Martinez. Vol. I. P. 137–150.

Amirov Sh., 2014. Life and death of the Tell Hazna I settlement // Proceedings of 8th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East (Warsaw, April 30 – May 4 2012) / Eds P. Bieliński, M. Gawlikowski, R. Koliński, D. Ławecka, A. Sołtysiak, Z. Wygnańska. Vol. I. P. 293–304.

Bretschneider J., 2000. Nabada: The Buried City // Scientific American. Vol. 283. P. 74–81.

Childe V. G., 1950. The Urban Revolution // The Town Planning Review. Vol. 21, No. 1 (Apr.). P. 3–17.

Danti M. D., 2010. Late Middle Holocene Climate and Northern Mesopotamia // Climate Crises in Human History / Eds A. B. Mainwaring, R. Giegengack, C. Vita-Finzi. Washington: American Philosophical Society Transactions; Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology. P. 139–172. (American Philosophical Society Transactions.)

Danti M. D., Zettler R. L., 1998. The Evolution of the Tell es-Sweyhat (Syria) Settlement System in the Third Millennium B. C. // Espace Naturel, Espace Habité en Syrie du Nord (10e–2e millénaires av. J-C.) / Eds M. Fortin, O. Aurenche. Québec: Canadian Society for Mesopotamian Studies; Lyon: Maison de l'Orient Méditerranéen. P. 209–228. (Canadian Society for Mesopotamian Studies Bulletin; 33.) (Travaux de la Maison de l'Orient; 28.)

Danti M. D., Zettler R. L., 2006. The Early Bronze Age in the Upper Euphrates River Valley and Northwest Jezireh, Syria // Euphrates River Valley Settlement: The Carchemish Sector in the Third

Millennium BC / Ed. E. Peltenburg. Oxford: Council for British Research in the Levant: Oxbow Books). P. 164–183. (Levant. Supplementary Series; 5.)

Hempelmann R., 2013. Tell Chuera, Kharab Sayyar und die Urbanisierung der westlichen Djazira / mit beiträgen von T. Babour, M. Hüls. Wiesbaden: Harassowitz Verlag. 448 S. (Vorderasiatische Forschungen der Max Freiherr von Oppenheim-Stiftung; 2, 4).

Holland T. A., 2006. Excavations at Tell es-Sweyhat, Syria. Vol. 2: Archaeology of the Bronze Age, Hellenistic and Roman Remains at an Ancient Town on the Euphrates River. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago. 620 p. (Oriental Institute Publications; 125).

Lebeau M., 1998. Tell Beydar (1995–1997) // Chronique Archeologique en Syrie. Vol. II. Damascus. 254 p.

Lebeau M., Suleiman A., 2005. Tell Beydar/Nabada. An Early Bronze Age City in Syrian Jezirah // Tell Beydar/Nabada. An Early Bronze Age City in Syrian Jezirah: 10 Years of Research (1992–2002) / Eds M. Lebeau, A. Suleiman et al. Damascus. P. 89–91. (Documents d'archeologie syrienne; VI.)

McMahon A., 2013. Tell Brak: Early Northern Mesopotamian Urbanism, Economic Complexity and Social Stress, fifth-fourth millennia BC // 100 Jahre archaologische Feldforscungen in Nordost-Syrien – eine Bilanz / Hrsg. D. Bonatz, L. Martin. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. P. 65–78.

Meyer J. W., 2007. «Town Planning in the 3rd millennium Tell Chuera». Power and Architecture. Monumental Public Architecture in the Bronze Age Near East and Aegean / Eds J. Bretschneider, J. Driessen, K. van Leberghe. Leuven: Peeters Press. P. 129–142. (Orientalia Lovaniensia Analecta; Vol. 156.)

Meyer J. W., 2010. Ausgrabungen in Tell Chuera in Nordost-Syrien. Bd. 2: Vorbericht zu den Grabungskampagnen 1998 bis 2005. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 320 S.

Munchaev R., Amirov Sh., 2012. Twin sites: Tell Khazna I and Tell Kashkashok III in the Khabur Valley (Syria) // «L'Heure Immobile» Entre Ciel Et Terre. Melanges en l'Honneur d'Antoine Souleiman / Eds Ph. Quenet, M. al-Maqdissi. Turnhout: Brepols Publishers. P. 93–116. (Subartu; XXXI.)

Orthmann W., 1990. L'architecture religieuse de Tell Chuera // Akkadica. Vol. 69. P. 1–18.

Renfrew C., 1972. The Emergence of Civilisation. The Cyclades and the Aegean in the Third Millennium BC. Oxford. 624 p.

Sallaberger W., 2005. Les Textes Cuneformes de Tell Beydar // Tell Beydar/Nabada. An Early Bronze Age City in Syrian Jezirah: 10 Years of Research (1992–2002) / Eds M. Lebeau, A. Suleiman et al. Damascus. P. 91–96. (Documents d'archeologie syrienne; VI.)

Van Lerberghe K., Voet G., 2001. Tell Beydar: Environmental and Technical Studies. Turnhout: Brepols. 232 p. (Subartu; VI.)

Weiss H., 2013. Tell Leylan and the Dynamics of Social and Environmental Forces across The Mesopotamian Dry-Farming Landscape // 100 Jahre archaolo-gische Feldforscungen in Nordost-Syrien – eine Bilanz / Hrsg. D. Bonatz, L. Martin. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. P. 101–116.

Weiss H., Courty M.-A., Wettenstorm W., Guichard F., Senior L., Meadow R., Curnow A., 1993. The Genesis and Collapse of Third Millennium North Mesopotamian Civilization // Science. Vol. 291. P. 995–1008.

Wilkinson T. J., 2004. Tell es-Sweyhat. Vol. 1: On the Margin of the Euphrates: Settlement and Land Use at Tell es-Sweyhat and in the Upper Lake Assad Area, Syria. Chicago: The Oriental Institute. 280 p. (Oriental Institute Publications; 124.)

Сведения об авторах.

Мунчаев Рауф Магомедович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: raufmunchaev@mail.ru;

Амиров Шахмардан Назимович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: shahmardan@mail.ru.

R. M. Munchayev, Sh. N. Amirov

Tell Hazna I. Between the first and second urban revolutions in the Khabur steppe of North Mesopotamia

Abstract. The urban way of life in the Khabur steppe of North Mesopotamia is bound up with the cultural influences from Sumer and has been recorded in the region since the beginning of the 4th mill. BC. For example, Tell Brak (ancient city of Nagar) had reached a size of 130 ha by 3800 BC. The Tell Hazna I settlement is one of those located near Tell Brak. A monumental temple building dating from late 4th – early 3rd mill. BC investigated there evidences lively administrative activity. Despite the presence of a number of signs of early statehood, the Tell Hazna I inhabitants did not use written language – the key feature of civilization. Around the 27th c. BC the increasingly arid climate made life at the settlement of Tell Hazna I and a number of other sites in the southern part of the Khabur steppe impossible. The second period of progress towards the formation of a state in the Khabur steppe dates back to the middle and second half of the 3rd mill. BC. It can be recognized thanks to the emergence of the whole range of features characterizing civilization, including the use of a written language (from the 25th c. BC). A characteristic feature of the topography of the urban settlements in North Mesopotamia at that time was the radial-concentric lay-out in the shape of a crown. Settlements of this kind have gone down in archaeological literature under German term «Kranzhügel» (crown mounds).

Keywords: urban revolution, North Mesopotamia, settlements containing temples, Nineveh-5 culture, circular settlements of «Kranzhügel» type.

REFERENCES

Amirov Sh., 2008. Towards Understanding Religious Character of Tell Hazna I Oval. *Proceedings of 5th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East*, I. J. M. Cordoba, ed. Madrid, pp. 137–150.

Amirov Sh., 2014. Life and death of the Tell Hazna I settlement. *Proceedings of 8th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East*, I. P. Bieliński, ed. Warsaw, pp. 293–304.

Amirov Sh. N., 2010. Khaburskaya step' Severnoy Mesopotamii v IV – pervoy polovine III tys. do n. e. [Khabur steppe of North Mesopotamia in IV– first part of III mill. BC]. Moscow: Taus. 411 p.

Bretschneider J., 2000. Nabada: The Buried City. *Scientific American*, 283, pp. 74–81.

Childe V. G., 1950. The Urban Revolution. *The Town Planning Review*, vol. 21, No. 1 (Apr.), pp. 3–17.

Danti M. D., Zettler R. L., 1998. The Evolution of the Tell es-Sweyhat (Syria) Settlement System in the Third Millennium BC. *Espace Naturel, Espace Habité en Syrie du Nord (10e–2e millénaires av. J-C.)*. M. Fortin, O. Aurenche, eds. Québec: Canadian Society for Mesopotamian Studies; Lyon: Maison de l'Orient Méditerranéen, pp. 209–228. (Canadian Society for Mesopotamian Studies Bulletin; 33). (Travaux de la Maison de l'Orient; 28).

Danti M. D., 2010. Late Middle Holocene Climate and Northern Mesopotamia. *Climate Crises in Human History*. A. B. Mainwaring, ed. Washington: American Philosophical Society; Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, pp. 139–172. (American Philosophical Society Transactions).

Danti M. D., Zettler R. L., 2006. The Early Bronze Age in the Upper Euphrates River Valley and Northwest Jezireh, Syria. *Euphrates River Valley Settlement: The Carchemish Sector in the Third*

Millennium BC. E. Peltenburg, ed. Oxford: Council for British Research in the Levant: Oxbow Books, pp. 164–183. (Levant. Supplementary Series; 5).

Hempelmann R., 2013. Tell Chuera, Kharab Sayyar und die Urbanisierung der westlichen Djazira. Taos Babour, Mattias Hüls, eds. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 448 p. (Vorderasiatische Forschungen der Max Freiherr von Oppenheim-Stiftung; 2, 4).

Holland T. A., 2006. Excavations at Tell es-Sweyhat, Syria, 2. Archaeology of the Bronze Age, Hellenistic and Roman Remains at an Ancient Town on the Euphrates River. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago. 620 p. (Oriental Institute Publications; 125).

Lebeau M., 1998. Tell Beydar (1995–1997). *Chronique Archeologique en Syrie.* Vol. II. Damascus. 254 p.

Lebeau M., Suleiman A., 2005. Tell Beydar/Nabada. An Early Bronze Age City in Syrian Jezirah. *Tell Beydar/Nabada. An Early Bronze Age City in Syrian Jezirah: 10 Years of Research (1992–2002)*. M. Lebeau, A. Suleiman, eds. Damascus. pp. 89–91. (Documents d'archeologie syrienne; VI).

Mc Mahon A., 2013. Tell Brak: Early Northern Mesopotamian Urbanism, Economic Complexity and Social Stress, fifth-fourth millennia BC. *100 Jahre archaologische Feldforschungen in Nordost-Syrien – eine Bilanz*. Von D. Bonatz, L. Martin, eds. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, pp. 65–78.

Meyer J. W., 2007. Town Planning in the 3rd millennium Tell Chuera. *Power and Architecture. Monumental Public Architecture in the Bronze Age Near East and Aegean*. J. Bretschneider, ed. Leuven: Peeters Press, pp. 129–142. (Orientalia Lovaniensia Analecta; 156).

Meyer J. W., 2010. Ausgrabungen in Tell Chuera in Nordost-Syrien, 2, II. Vorbericht zu den Grabungskampagnen 1998 bis 2005. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 320 p.

Munchaev R., Amirov Sh., 2012. Twin sites: Tell Khazna I and Tell Kashkashok III in the Khabur Valley (Syria). «*L'Heure Immobile» Entre Ciel Et Terre. Melanges en l'Honneur d'Antoine Souleiman.* Ph. Quenet, M. al-Maqdissi, eds. Turnhout: Brepols Publishers, pp. 93–116. (Subartu; XXXI).

Munchaev R. M., 2002. Pogrebal'nyy kompleks III tys. do n. e. v Tell' Khazne I (Severo-Vostochnaya Siriya) [Burial complex of III mill. BC in Tell Hazna I (North-Eastern Syria)]. *Problemy arkheologii Evrazii: k 80-letiyu N. Ya. Merperta: sbornik statey [Problems of archaeology of Eurasia: towards 80th anniversary of N. Ya. Merpert: collection of articles]*. R. M. Munchaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 314–330.

Munchaev R. M., Amirov Sh. N., Suleyman A., 2011. Poseleniya Tell' Khazna I i Kashkashok III v Severo-Vostochnoy Sirii – sravnitel'nyy analiz [Settlements Tell Hazna I and Kashkashok III in North-Eastern Syria – comparative analysis]. *RA*, 2, pp. 27–42.

Orthmann W., 1990. L'architecture religieuse de Tell Chuera. *Akkadica*, 69, pp. 1–18.

Renfrew C., 1972. The Emergence of Civilisation. The Cyclades and the Aegean in the Third Millennium BC. Oxford. 624 p.

Sallaberger W., 2005. Les Textes Cuneformes de Tell Beydar // Tell Beydar/Nabada. An Early Bronze Age City in the Syrian Jezirah: 10 Years of Research (1992–2002). M. Lebeau, A. Suleiman, eds. Damascus, pp. 91–96. (Documents d'archeologie syrienne; VI).

Van Lerberghe K., Voet G., 2001. Tell Beydar: Environmental and Technical Studies. Turnhout: Brepols. 232 p. (Subartu; VI).

Weiss H., 2013. Tell Leylan and the Dynamics of Social and Environmental Forces across The Mesopotamian Dry-Farming Landscape. *100 Jahre archaologische Feldforscungen in Nordost-Syrien – eine Bilanz*. D. Bonatz, L. Martin, eds. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, pp. 101–116.

Weiss H., Courty M.-A., Wettenstorm W., Guichard F., Senior L., Meadow R., Curnow A., 1993. The Genesis and Collapse of Third Millennium North Mesopotamian Civilization. *Science*, 291, pp. 995–1008.

Wilkinson T. J., 2004. Tell es-Sweyhat, Volume 1. On the Margin of the Euphrates: Settlement and Land Use at Tell es-Sweyhat and in the Upper Lake Assad Area, Syria. Chicago: The Oriental Institute. 280 p. (Oriental Institute Publications; 124).

About the authors.

Munchaev Rauf M., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: raufmunchaev@mail.ru;

Amirov Shahmardan N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: shahmardan@mail.ru.

Л. И. Авилова

О СЛИТКАХ МЕТАЛЛА ИЗ АНАТОЛИЙСКИХ КЛАДОВ (ЭПОХА БРОНЗЫ)

Резюме. В статье рассматриваются слитки металлов, входящие в состав кладов, найденных на территории Анатолии. Комплексы датируются поздним энеолитом и среднебронзовым веком (РБВ II–III). Автор характеризует контекст кладов, материал и морфологию находок. Приводятся весовые характеристики находок; для золотых слитков и заготовок выделяется три весовых стандарта – ок. 2 г, ок. 5 г и ок. 10 г. Анатолийские материалы сопоставляются с весовыми системами, применявшимися в Сиро-Месопотамии в III–II тыс. до н. э. Использование металлических изделий стандартизованной формы и веса в качестве эквивалента ценности является признаком наличия в регионе раннегосударственных структур в рамках развития цивилизации ближневосточного типа. Приводятся данные об использовании ближневосточных весовых стандартов на территории Северного Причерноморья.

Ключевые слова: Анатолия, энеолит, бронзовый век, клады, металлические изделия, слитки, заготовки, морфология, весовые стандарты, социально-экономическое развитие, раннее государство.

Производство и использование металла в древности перспективно рассматривать как фактор эволюции экономики и социальных отношений. Особенно важны материалы, связанные с проблемой внедрения металла в экономику и социальную сферу, в том числе его использования как эквивалента ценности. Факт применения стандартных металлических эквивалентов ценности имеет отношение к исследованию общих вопросов реконструкции экономических систем Древнего Востока, в частности, роли металла в системе обмена.

В области изучения ранней истории металлопроизводства на Ближнем Востоке одной из недостаточно разработанных тем является появление и распространение стандартизированных металлических слитков. В настоящее время нет достаточной ясности в вопросе о том, где, когда и в какой форме появились наиболее ранние экземпляры, в каком ареале они бытовали, чем объясняется их концентрация. Между тем это важно для определения направления культурно-исторических и производственных связей древнего населения (*Gopher et al.*, 1990). Автору уже приходилось писать о морфологии, территориальном и хронологическом распределении стандартных слитков меди/бронзы, золота и серебра

на Ближнем и Среднем Востоке, где такие находки впервые появляются в эпоху позднего энеолита – ранней бронзы (*Авилова, Терехова*, 2006; *Avilova, Terejova*, 2007). К настоящему времени собрана и систематизирована более подробная информация по слиткам и заготовкам из анатолийских кладов эпохи раннего металла (энеолит и бронзовый век) (*Авилова*, 2008; 2011).

В историческом плане данная тема разрабатывалась преимущественно на материалах Древнего Востока, поскольку в этом регионе имеются наиболее ранние письменные свидетельства циркуляции металла в различных сферах (дань, военная добыча, обмен и дарообмен), в частности, в роли «ранних денег». Так, в документах из Сиро-Месопотамии раннединастического (РД) и аккадского периодов о купле-продаже земли упоминаются различные ценности, в том числе металлические изделия. Цена поля выражалась в определенном количестве меди, серебра и ячменя. Кроме того, продавец получал «подарки» – серебряные изделия и кольца определенного веса, бронзовое оружие, повозки и колесницы, одежду, ткани (*Дьяконов*, 1959. С. 57). Об использовании металлов как средства платы за земельные участки свидетельствуют надписи на каменных таблетках (кудурру) эпохи РД III – Аккада (*Gelb et al.*, 1991). Имеются письменные документы о циркуляции серебра в виде предметов определенных форм (чаш, браслетов, кинжалов, колец), использованных в качестве подарков ритуального или политического характера, с указанием их веса. Тексты последней трети III тыс. до н. э. из дворцового архива Эблы также фиксируют циркуляцию металлических изделий стандартного веса (браслеты, серьги, подвески, кинжалы) среди лиц высокого ранга и членов царской семьи (*Archi*, 1985; *Matthiae*, 2005. P. 26, 27). Несмотря на отсутствие в Анатолии столь ранних письменных источников, представляется небезынтересным рассмотреть анатолийский материал с этой точки зрения, поскольку клады, содержащие металлические слитки и заготовки, здесь известны начиная с позднего энеолита. Основной целью статьи является изучение контекста анатолийских находок, выяснение закономерностей весовых и размерных характеристик слитков и заготовок в свете проблемы применения стандартных металлических эквивалентов ценности.

В древности металл обменивали с применением процедуры взвешивания. Традиция взвешивания металла при совершении торговых операций продолжала существовать и в исторический период, после начала чеканки монет. Археологически это явление фиксируется на материалах позднейших ближневосточных кладов, начиная с VI в. до н. э., где монеты присутствуют вместе с серебряными слитками и ломом (*Peyronel*, 2010. P. 931). Комплексы кладов, в которых драгоценные металлы представлены не только в форме готовых изделий, но и колец, спиралей, прутков, слитков различной формы, позволяют более точно определить место археологического материала в системе экономических отношений древности.

Методика. Металлам присуща высокая практическая ценность, наряду с ней металлические вещи имеют и «внеэкономическую» ценность как символы престижа. Такие свойства, как прочность и способность к переработке, сделали металл наиболее подходящим материалом для длительного хранения и сокрытия в виде кладов. Автор отдает себе отчет в том, насколько сложна работа с комплексами, многие из которых происходят из старых недостаточно документированных раскопок (материалы Г. Шлимана). В ряде случаев невозможно устано-

вить, являются ли комплексы закрытыми, соответственно, не для всех можно провести достоверные подсчеты. Не всегда можно уверенно идентифицировать находки именно как клады (сокровища). Но поскольку эти блестящие комплексы давно вошли в научную литературу, стали основой для обсуждения важнейших проблем экономического и социального развития древнего общества, ограничиваться редкими кладами, найденными в ходе современных раскопок, было бы неверно: в таком случае источниковая база исследований оказалась бы неправомерно суженной. Чтобы избежать существенных ошибок в интерпретации материала, я по возможности привожу сведения, относящиеся к критике источника по каждому учтенному комплексу: датировка, археологический контекст, степень сохранности, количественные характеристики и пр. С учетом этих данных проводится оценка контекста находок и их морфологический и статистический анализ.

Характеристика кладовых комплексов включает качественную и количественную стороны. Для получения сопоставимых характеристик учитывается общее количество вещей, набор функциональных категорий изделий и их доля в процентах от общего числа находок (табл. 1). Наиболее значимыми категориями являются орудия/оружие, украшения, металлические сосуды, предметы с выраженной символической функцией, а также интересующие нас слитки и заготовки. Учитывается материал изготовления (медь/бронза, золото, серебро); доля различных металлов также указывается в процентах к общему числу изделий в кладе.

При анализе кладов можно выделять в их составе четыре морфолого-функциональные группы находок:

а) готовые изделия;
б) вещи более или менее стандартизированной формы;
в) слитки и заготовки;
г) лом металла.

Последние три группы изделий можно рассматривать как предназначенные для обмена или переработки. В одном комплексе могут присутствовать все перечисленные группы предметов. Близкую классификацию предлагает Л. Пейронел (*Peyronel*, 2010. P. 927).

Материалы. В нашей базе данных по Анатолии учтено всего 30 кладовых комплексов (МВ – 1, РБВ – 3, СБВ – 19, ПБВ – 7). Кладов, в которых присутствуют предметы, определяемые как слитки и заготовки, учтено всего 7, один для энеолита и шесть для среднебронзового века.

Единственный достоверный клад позднего энеолита известен из слоя XXXIV поселения Бейджесултан (Юго-Западная Анатолия) (*Lloyd, Mellaart*, 1962. P. 21, 280–283. Fig. F8. Tab. 34) (рис. 1, *1–15*). В нем 15 предметов (14 медно-бронзовых, 1 серебряный), они были обнаружены в сосуде, находившемся у очага в жилище. Около половины изделий являются орудиями: это 2 шила с упором и 3 без упора, долото, обломок ножа и 3 иглы. Украшение одно – серебряное колечко. Еще 4 предмета авторы публикации именуют неоконченными изделиями, указывая, что они не имеют острого рабочего окончания и упора (рис. 1, *8–10*) и, скорее всего, являются заготовками или формой хранения металла. Таким образом, в кладе наряду с предметами повседневного применения представлено

Таблица 1. Состав анатолийских кладов, содержащих слитки и заготовки

Хрон.	Памятник, комплекс	Всего предметов	Орудия/ оружие	Украшения	Сосуды	Символич. предметы	Слитки, заготовки	Материал		
								бронза	золото	серебро
МВ	Бейджесултан 34	15	10 – 67 %	1 – 7 %			4 – 26 %	14 – 93 %		1 – 7%
СБВ	Троя II клад A	27 262	37 – 0,01 %	27 121 – 99,5 %	13	85 – 0,04 %	6 Ag, 1 бр.	42 – 0,02 %	27 210 – 99,8 %	7
	Троя II клад D	834		382 – 46 %			452 Au – 54 %		834 – 100 %	
	Троя II клад J	171		105 – 61 %		5 – 3 %	61 Au – 36 %		169 – 99 %	2 – 1 %
	Троя II клад L	100					100 %		50 %	50 %
	Троя II клад F	12		6 – 50 %			6 Au – 50 %		12 – 100 %	
	Троя II клад R	8		5 – 63 %			3 Au – 37 %	2 – 25 %	6 – 75 %	
	Махматлар	28	8 – 29 %		2 – 7 %		18 Ag – 64 %	8 – 29 %	2 – 7 %	18 – 64 %

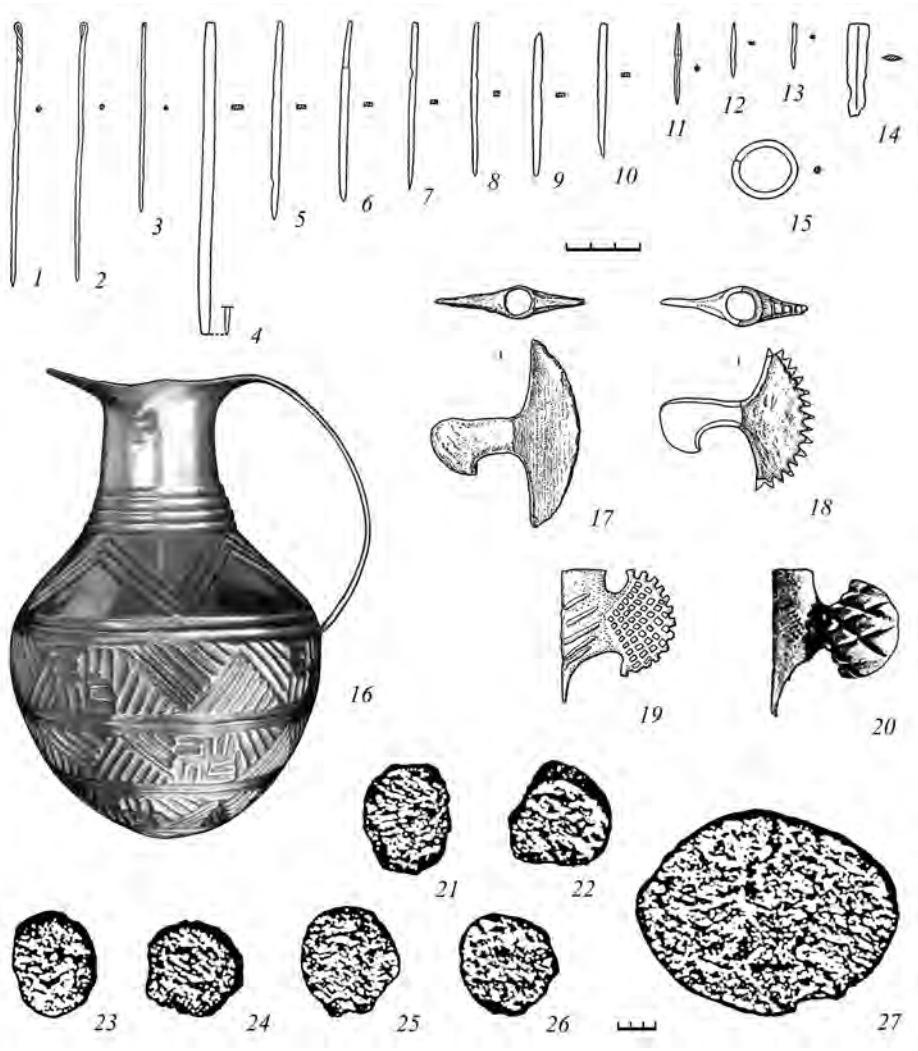


Рис. 1. Металлические изделия из анатолийских кладов

1–15 – Бейджесултан, слой XXXIV; *16–27* – Махматлар

1–14, 17–20 – медь/бронза; *15, 21–27* – серебро; *16* – золото

несколько заготовок. Значительное для раннего времени число металлических вещей, присутствие обломанного изделия, нескольких стержней-заготовок без рабочего окончания и единственного для своего времени серебряного украшения свидетельствует о высокой ценности металла и его концентрации в отдельной семейной группе.

В период ЕВА III (середина III тыс. до н. э. или средний бронзовый век, по историко-металлургической периодизации – см.: *Авилова*, 2008. С. 22, 23. Табл. 1) клады металлических вещей становятся достаточно многочисленными.

Рис. 2. Слитки металла и орудия металлопроизводства с территории Ближнего Востока

Крупнейшая серия известна из Трои II (в БД учтено 13 кладов, из них 5 наряду с многочисленными драгоценными изделиями содержат слитки и заготовки из золота и серебра). Памятник, впервые исследованный Г. Шлиманом (*Schliemann*, 1881), поныне остается одним из важнейших для Анатолии и Юго-Восточной Европы (*Blegen et al.*, 1950; 1951; 1953; *Easton et al.*, 2002). Точное число кладов определить не удается, исследователи приводят цифры от 19 до 21 (*Трейстер*, 1996. С. 197, 198). Противоречия в дневниковых записях и публикациях Шлимана привели к обвинениям исследователя в том, что он сам сформировал, по крайней мере, один самый крупный комплекс, известный как «клад Приама» (клад А), из отдельных предметов, обнаруженных в разных местах древнего города. Эти обвинения встречаются и в современных публикациях (*Traill*, 1983). Однако подозрения в фальсификации не представляются обоснованными (*Easton*, 1984; 1994), поскольку позднейшими раскопками в слое IIg также выявлены клады драгоценных украшений: в помещении 206 найдено ожерелье (151 золотая бусина), в помещении 252 – 1284 находки (1281 золотая бусина, 2 булавки, кольцо-серьга) (*Blegen et al*., 1950).

Наиболее полной и качественной публикацией комплексов является каталог выставки «Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана», проходившей в Москве в ГМИИ им. А. С. Пушкина в 1996–1997 гг. (Сокровища…, 1996). Приведу краткие сведения по составу тех кладов, в которых имеются слитки и заготовки (табл. 1).

Клад A. Клад, по-видимому, находился в каменном ящике под полом помещения у ворот городской оборонительной системы. Он представлял собой плотную массу вещей, сохранявшую форму параллелепипеда (Бронзовый век…, 2013. С. 429, 430). Точное число изделий установить невозможно, так как они хранятся в разных музейных собраниях. Наиболее крупная серия находится в ГМИИ им. А. С. Пушкина. В нашей БД учтено 27 262 индивидуальных находки (27 210 золотых, 10 серебряных, 42 медно-бронзовых), в том числе: слитков серебра – 6 (рис. 2, *1–6*), слитков-заготовок из золота – 9; слиток бронзы – 1 (рис. 2, *14*).

Клад D. 834 золотые находки: 1 булавка, 5 колец-серег дольчатых, 2 кольца-серьги с зернью, 1 пронизь 4-спиральная, 373 бусины полых крупных, ~ 450 проволочных петель «бахромы», 2 браслета сломанных.

Клад F содержит 12 золотых находок, в том числе 6 слитков-заготовок, из них 1 стержень с отверстиями и 5 стержней с насечками (рис. 2, *10–13*).

Клад J. 171 находка, из них 169 золотых, в том числе 61 проволочное кольцо в связке (рис. 2, *15*).

1–6 – Троя II, клад A, слитки серебра; *7* – Ур, Царский некрополь, слиток серебра; *8* – Троя II, клад R, золотая проволока; *9* – Троя II, клад L, мелкие бесформенные слитки и слиток-пруток (золото); *10–13* – Троя II, клад F, золотые слитки-заготовки; *14* – Троя II, клад A, слиток бронзы; *15* – Троя II, клад J, низка из 61 проволочного кольца (золото); *16* – Троя, каменные гири; *17* – Телль Хуэра, клад в комн. 2 (серебро); *18* – Телль Брак, клад на участке HS3, кольца (серебро); *19* – сцена взвешивания кольцевидных слитков. Фивы, роспись гробницы Рехмера, середина XV в. до н. э.

Клад R. Из 8 находок 3 – отрезки золотой проволоки, свернутые в виде спирали (рис. 2, *8*) – заготовки и/или форма хранения драгоценного металла.

Клад L включает 36 линзовидных изделий из горного хрусталя, а также конгломерат из множества мелких металлических находок: бронзовых бляшек или пластин, золотых бус и бляшек, колечек, маленьких золотых (длиной 0,6–0,9 см) и больших серебряных (длиной 1,7–1,8 см) кованых гвоздиков со шляпками, обрывков золотой фольги, серебряных пластин. Клад содержит мелкие золотые глобулы и мелкие бесформенные слитки золота (рис. 2, *9*) и серебра. Количество изделий определено условно, по иллюстрациям: ок. 50 золотых предметов и ок. 50 серебряных. Число бронзовых вещей неизвестно, поскольку они сильно разрушены коррозией.

Комплекс *Махматлар* в Центральной Анатолии был найден крестьянами, последующими раскопками его состав и контекст уточнить не удалось. По керамике и металлическим находкам, имеющим аналогии в некрополе Аладжахейюк, комплекс датируется серединой – второй половиной III тыс. до н. э. и, видимо, является кладом (*Koşay, Akok*, 1950). Сохранилось два золотых сосуда – кувшин с геометрическим орнаментом (рис. 1, *16*) и неорнаментированный кубок, 8 медно-бронзовых проушных топоров разных типов, в основном секир с полукруглым лезвием и коротким обухом, загнутым в виде крюка (рис. 1, *17–20*), узколезвийный топор с плоским обухом в виде гребня. В кладе было также 18 слитков серебра, помещенных в сосуд (рис. 1, *21–27*).

Весовые и размерные характеристики находок. Шесть серебряных слитков из клада A Трои II (*Schmidt*, 1902. № 5967–5972) имеют стандартную форму и незначительно различаются по размерам и весу (рис. 2, *1–6*). По этим параметрам они делятся на три пары (*Renfrew*, 1972. P. 409, 410. Tab. 19.I). Как видно из табл. 2, размеры и вес слитков выдержаны с большой точностью, особенно если учитывать коррозию металла.

Таблица 2. Размер и вес серебряных слитков из клада A в Трое (по: *Renfrew*, 1972)

Длина, см	Вес, г
17,5	170,8
17,4	172
18,5	172,3
18,3	173,8
21,3	182,7
21,6	189,2

Размеры и вес золотых заготовок из клада F очень близки – длина ок. 10 см, вес 9,87–10,48 г. Все 5 кованых стержней размечены 53–59 регулярными насечками (Сокровища…, 1996. № 128–132) (рис. 2, *11–13*), очевидно, для того, чтобы отрубать равные кусочки металла для изготовления мелких украшений. В том же кладе есть еще три литых стержневидных заготовки меньшего размера с регулярно расположенными отверстиями (рис. 2, *10*). Длина заготовки

№ 124 – 5,3 см, вес 2,24 г. Вероятно, она предназначалась для изготовления бус. По мнению М. Ю. Трейстера, это заготовки для пластин-распределителей цепочек, подобных деталям большой диадемы из клада A (*Трейстер*, 2013. С. 144).

Три золотых проволочных спирали с обрубленными концами из клада R (рис. 2, *8*) имеют следующие размеры (Сокровища…, 1996. № 242–244): 2,8 × 2,6 см, вес – 9,45 г; 2,1 × 1,8 см, вес – 2,01 г; 1,7 × 1,8 см, вес – 2,06 г. Две последние заготовки близки по размерам и весу.

Связка золотых колец, нанизанных на медный прут, из клада J состоит из 61 изделия стандартной формы (один оборот 4-гранной проволоки), размер и вес колец: диаметр – 0,6 см, вес – 9,4 г (рис. 2, *15*).

В кладе D имеется так называемая «бахрома» из ок. 450 петлеобразных золотых предметов, также в виде отрезков 4-гранной кованой проволоки, согнутых в виде петель и нанизанных на медную проволоку. Вес каждой петли – 4,97 г. Учитывая чрезвычайную простоту изделий, можно предположить, что они являлись не украшением, а формой хранения золота.

Мелкие слитки золота и серебра в кладе L имеют неправильную форму, их размеры – до 1 × 0,6 × 0,5 см (рис. 2, *9*), в этом же кладе присутствуют мелкие золотые глобулы, обрывки золотой фольги, серебряные пластины, золотые и серебряные гвоздики (Там же. С. 170). Наиболее вероятно, что такое множество мелких предметов является формой хранения материала и заготовок, принадлежавших мастеру-ювелиру. С этим предположением согласуется наличие серии хрустальных «линз», которые, возможно, представляли собой оптические приспособления для изготовления мелких деталей ювелирных украшений (*Трейстер*, 2013. С. 144).

Лом драгоценного металла представлен разорванными и деформированными пластинчатыми браслетами из клада D.

Серебряные слитки из клада *Махматлар* имеют форму лепешки, насколько можно судить по некачественной фотографии (рис. 1, *21–27*). Их размеры в публикации не указаны, но, исходя из линейного масштаба, можно вычислить, что диаметр большого слитка составляет 17–18 см, малых – 6–7 см. Вес самого крупного слитка – 4,630 кг, шесть слитков имеют вес 426 г, три – 425 г, два – 424 г, по одному слитку весом 416, 428, 440, 436, 430, 494 г (*Koşay, Akok*, 1950. P. 484). Это редчайший случай нахождения большой массы сырого серебра в слитках.

К эпохе средней бронзы относятся как минимум две находки слитков меди/бронзы. Один малый слиток входит в состав троянского клада A, он бесформенный, малого размера (5 × 5,5 см, вес не указан) (рис. 2, *14*) (Бронзовый век…, 2013. Кат. № 135.1.7). Вторая находка связана не с кладом, а с медным рудником Козлу в Центральной Анатолии. Здесь на сезонном поселении горняков и металлургов начала III тыс. до н. э. был обнаружен крупный плосковыпуклый слиток черновой меди 40 см в диаметре (*Giles, Kuijpers*, 1974).

При обсуждении вопроса о весовых характеристиках описанных слитков и заготовок следует учитывать мощное воздействие месопотамской и восточно-средиземноморской цивилизаций на отдаленные территории, вплоть до Северо-Западной Анатолии. Показательно, что точная аналогия слиткам серебра из клада A имеется в Царском некрополе Ура (*Woolley*, 1934. Pl. 190 d, длина – 13,7 см, вес не указан) (рис. 2, *7*). Эта аналогия подтверждает перспективность

сопоставлений весовых стандартов анатолийских слитков-заготовок с древними весовыми системами Месопотамии и Сирии. О связи этих систем писали многие авторы начиная с Г. Шлимана, затем Флиндерс Питри в своей классической работе по древнейшей метрологии (*Flinders Petrie*, 1926); о возможном соответствии веса троянских серебряных слитков месопотамским стандартам писал К. Рэнфрю (*Renfrew*, 1972), а также ряд современных исследователей (библиографию см.: *Bobokhyan*, 2009).

Приведу конкретные сведения. Для Месопотамии эпохи 3-й династии Ура (конец III тыс. до н. э.) известны следующие меры веса: 1 сикль – 8,33 г, 1 мина (60 сиклей) – 500 г. В предшествующий период РД эти единицы имели больший вес, мина весила 550–680 г (*Powell*, 1987. P. 508). Более поздние весовые системы известны достаточно хорошо. Так, месопотамская (вавилонская) мина весом 504 г состояла из 60 сиклей по 8,4 г; сирийская (эблаитская и кархемишская) весом 469,8 г – из 60 сиклей по 7,83 г; угаритская (470 г) – из 50 сиклей по 9,4 г. Близкий вес имеет египетская единица веса – кедет (кет) весом 9,1 г, составляющая 1/10 дебена. Более поздняя хеттская мина весом также 470 г состоит из 40 сиклей по 11,75 г (*Трейстер*, 1996. С. 217); по другим расчетам, хеттская мина весила 456 г и состояла из 40 сиклей по 11,4 г (*Monroe*, 2010).

Несомненно, в условиях развитых торговых связей, характерных для Трои II и периода ЕВА II в целом, применялись весовые стандарты, о чем свидетельствует значительная серия каменных гирь. В слоях Трои с I по VII найдено свыше 100 гирь (*Bobokhyan*, 2009). Значительная часть находок, в особенности из раскопок К. Блегена и М. Корфманна, стратифицирована, для многих указан вес. Особенно информативна в этом отношении работа А. А. Бобохяна (Ibid.). Проведенные сопоставления выявили, что в Трое применялся целый набор весовых стандартов:

1) 5,0–5,5 г; а также двойной 10,4 г; 2) 8,4–8,7 г (месопотамский стандарт); 3) 9,4 г (левантинский стандарт) (Ibid. P. 26, 27). Вес троянского сикля для интересующего нас периода Трои II составляет 5,0–5,5 г; более поздний микенский сикль мог весить 5,5, 6,5, 8,4 г и 9,4 (Ibid. P. 44).

Вес трех гирь из Трои, хранящихся в ГМИИ (рис. 2, *16*), составляет 820,8 г; 43,4 г и 23,1 г (Бронзовый век…, 2013. Кат. № 136. 4). Исходя из приведенного выше предполагаемого веса троянского сикля, вес малых гирь может быть приравнен к 4 и 8, а большой – к 150 сиклям.

Судя по приведенным данным, весовой стандарт золотых стержней из клада F, проволоки из клада R и колец из клада J составляет приблизительно 10 г, а мелких проволочных колечек из клада R – ок. 2 г. Проволочные петли из клада D весят ок. 5 г. Как видим, для небольших золотых заготовок (и, соответственно, изделий) в Трое II применялись стандарты, кратные троянскому сиклю – один сикль (5 г), половина сикля (ок. 2 г) и два сикля (ок. 10 г).

Стандартизированные слитки серебра из Трои II (клад A) имеют другой весовой стандарт – 170–190 г. При сопоставлении его с вавилонским стандартом один слиток оказывается приблизительно равен третьей части мины (*Renfrew*, 1972. P. 410). Можно считать, что общий вес 6 слитков (1060,8 г) равен приблизительно двум месопотамским минам по 504 г.

Слитки сырого серебра из клада Махматлар значительно крупнее. 11 малых слитков имеют очень близкий вес – 424–426 г, вес остальных шести колеблется от 416 до 494 г. Вес малых слитков из Махматлара приближается к 1 мине, большого слитка – к 10 минам. Общий вес 18 слитков – 11,953 кг, или 24 месопотамских мины.

Особый интерес представляет проблема использования весовых систем на территориях, не входивших в зону ближневосточных и средиземноморских цивилизаций. Знакомство с ними демонстрируют, в частности, памятники ингульской катакомбной культуры Северного Причерноморья (середина – вторая половина III тыс. до н. э., что соответствует Трое II). В погребениях мастеров-литейщиков из могильников Малая Терновка и Калиновский обнаружены свидетельства применения весовых стандартов, чрезвычайно близких ближневосточным. Это литейные формы и льячки для отливки предметов стандартной округло-вытянутой формы, определяемых авторами как гири. Эксперименты по установлению веса заливавшегося металла показали, что использовалась весовая система, в основе которой лежали единицы весом 8,4 г и 9,1 г. Авторы исследования обоснованно связывают их с месопотамским сиклем и египетским кетом, подчеркивая, что применение «ранних денег» в виде слитков стандартизированной формы и веса было необходимо при обмене металлом (*Кубышев, Черняков*, 1985. С. 49–51)[1].

Соблюдение мер веса и объема в древности (как и в современности) регулировалось на государственном уровне, ему придавалось чрезвычайно большое значение, оно имело статус божественных установлений: «Да будут у вас правильные весы и правильная ефа и правильный бат» (Иез. 45, 10), обман при купле и продаже порицается (Ам. 8, 5), осуждение «уменьшенной меры и неверных весов» имеется в Притч. 11, 1; Мих. 6, 10–13 и др.

В упоминавшейся работе о роли серебра в экономике Древнего Востока Л. Пейронел анализирует клады из Месопотамии и Сирии начиная с РД III до поздневавилонского периода включительно. Он отмечает некоторые общие характеристики комплексов: серебро в кладах присутствует в форме слитков, их фрагментов, спиралей, колец, прутков и лома. Целые украшения в составе кладов редки, очевидно, они рассматривались в одном ряду с другими формами хранения металла (слиток, стержень-пруток, сломанное изделие). Интересно, что клады, содержащие только одну категорию изделий, неизвестны. Клады помещались обычно под полами жилых помещений, в небольших сосудах, иногда запечатанных глиной или битумом. В этой связи следует упомянуть клад из Телль Брака (Северная Сирия), датируемый аккадской эпохой (XXIV–XXII вв. до н. э.). В сосуде, помещенном под полом жилища и запечатанном глиной, находились как готовые изделия (золотая пластина с изображением львов), так и набор серебряных слитков, колец, обломков (*Mallowan*, 1947. P. 166, 176–179, Pl. 33–36) (рис. 2, *18*). Несомненно, часть находок была предназначена для переработки и/или обмена, в любом случае состав клада свидетельствует о процессах накопления богатства. Сходный состав имеет клад из Телль Хуэры (конец РД,

[1] Пользуюсь случаем выразить благодарность А. Н. Гею, обратившему мое внимание на эту статью.

середина III тыс. до н. э.): 10 серебряных слитков неправильной формы, кольца и их фрагменты, лом серебра (всего около 70 предметов) (*Moortgat*, 1960. P. 7 ff. Fig. 11; 12) (рис. 2, *17*).

Среди серийных находок в анатолийских кладах присутствуют кольца из серебра и золота, целые и фрагментированные. Часто их считают деталями сложных украшений, но кольца могли иметь другое назначение. Такие простейшие по форме предметы стандартного облика, размера и веса были удобны для транспортировки и обменных операций, могли служить ранними эквивалентами ценности. Шумерские и аккадские тексты III тыс. до н. э. содержат упоминания о производстве и обмене стандартными металлическими кольцами, их название – šewirum – в переводе означает «кольцо» (*Peyronel*, 2010). На находки металлических колец впервые обратил внимание Дж. Дэйтон. Он высказал предположение, что многочисленные кольца из месопотамских памятников представляют собой стандартные слитки металла, имеющие определенные весовые характеристики и предназначенные для обмена (использования в качестве «ранних денег») (*Dayton*, 1974). Ученый провел статистические подсчеты для 77 металлических колец из Мари, Суз и Ура, пытаясь выяснить соотношение между их весом и весовыми мерами ячменя и пшеницы в Месопотамии. Однако соответствий найти не удалось, вероятно, потому, что в расчет не был принят материал изготовления, кроме того, отличить кольцевидные слитки от украшений не всегда возможно. Какую-то роль, видимо, играла и потеря веса в результате коррозии меди-бронзы. Как показано выше, вес каждого слитка или заготовки даже в одном комплексе может варьировать, поэтому наиболее вероятно было взвешивание не одного предмета, а их связок (см. сцену взвешивания кольцевидных слитков на росписи из гробницы Рехмера – рис. 2, *19*) (подобным образом в древнем и средневековом Китае счет денег велся на связки монет).

О роли металлических колец в качестве платежного средства писал Р. Мури, который предположил, что основной функцией кольцевидных слитков была не переработка, а обмен (*Moorey*, 1994. P. 245). В более поздних работах М. Пауэлла установлено, что в текстах 3-й династии Ура упоминаются кольца металла определенного веса – от 1 до 10 сиклей. Статистический анализ 635 упоминаний показал, что преобладали кольца весом 5 сиклей (541 кольцо), тогда как другие стандарты встречались гораздо реже (33 кольца весом 1–4 сикля, 61 кольцо весом 6–10 сиклей) (*Powell*, 1978. P. 214, 215; Tab. I). Такое разнообразие весовых характеристик связано с тем, что, несмотря на стандартизацию формы и отчасти веса, серебро в качестве платежного средства принимали на вес. Вес металлических колец из Бешик-Яссытепе анализировал М. Корфманн, сопоставляя их с весовыми системами Ближнего Востока и Египта (*Korfmann*, 1994).

Основным эквивалентом обмена в Хеттской империи было серебро. Обычно цена продукта выражалась в сиклях, реже в минах; один сикль серебра соответствовал цене овцы или 150 л пшеницы (*Floreano*, 2001; *Hout*, 2005. P. 615). Обширные сведения о тарифах на товары и сделки с указанием твердых расценок имеются в хеттских законах, причем «покупательная способность» серебра достаточно высока. Хеттский сикль имел вес 11,75 г, за эту цену можно

было арендовать упряжного быка сроком на месяц. Месячная плата наемного работника составляла 6 сиклей. В расчетах стоимостью меньше $^1/_2$ сикля применялось не серебро, а весовые меры ячменя (*Hoffner*, 1997). Древние тексты часто упоминают весовые меры серебра при описании торговых сделок: «Ефрон отвечал Аврааму и сказал ему: господин мой! послушай меня: земля стоит четыреста сиклей серебра; для меня и для тебя что это? похорони умершую твою. Авраам выслушал Ефрона; и отвесил Авраам Ефрону серебра, сколько он объявил вслух сынов Хетовых, четыреста сиклей серебра, какое ходит у купцов» (Быт. 23, 14–16). При упоминании ювелирных украшений также встречаются указания на их вес: «Когда верблюды перестали пить, тогда человек тот взял золотую серьгу, весом полсикля, и два запястья на руки ее, весом в десять сиклей золота…» (Быт. 24, 22–23).

При обсуждении весовых стандартов слитков и готовых изделий важно учитывать, с каким металлом мы имеем дело, поскольку соотношение веса и цены серебра и других металлов сильно варьировало в разное время и для разных центров. Так, в древней Вавилонии (первая половина II тыс. до н. э.) соотношение цены золота к меди составляло приблизительно 1:1000, серебра к меди – 1:180 (*Янковская*, 1986). Из более ранних и полных сведений месопотамских текстов, в основном III тыс. до н. э., хорошо видно, что эти пропорции заметно колебались в рамках одного периода. Так, во время 3-й династии Ура в городах Лагаш, Ниппур и Умма за один сикль серебра могли давать от 50 до 150 сиклей меди (*Joannés*, 1993. S. 99, 100).

Заключение. Начиная с позднего энеолита в Анатолии наблюдается применение металлических изделий стандартизованной формы (стержни-заготовки из Бейджесултана XXXIV). Их сосуществование в одном комплексе с готовыми изделиями и ломом металла, сокрытие в виде клада в жилище свидетельствует о высокой ценности металла, документирует процесс концентрации ценностей в отдельной семейной группе, выработки форм хранения богатства.

Для раннебронзового века Анатолии клады, содержащие слитки металла, пока неизвестны. В эпоху средней бронзы наблюдается заметное ускорение темпов социально-экономического развития: возникают ранние государства с поселениями городского типа, дворцовыми постройками, могильниками социальной элиты. Резкий рост происходит и в области металлопроизводства: показатели его объемов и уровня развития близки характеристикам, полученным для Месопотамии (*Авилова*, 2011. Табл. 45). Индикатором этого прорыва служат, в частности, богатейшие коллекции металлических изделий из могильников элиты и кладов. В состав последних входят не только сокровища и символы власти правителей городов-государств. В них присутствуют специфические категории находок, указывающие на высокоразвитое ремесло и обмен (полуфабрикаты, серебряные и золотые слитки разных типов, лом металла).

При обращении драгоценных металлов использовались слитки и заготовки разных форм: как мелкие аморфные, так и оформленные в виде заготовок стандартной формы, размера и веса. Простейшие по форме предметы стандартного облика (стержни, кольца, отрезки проволоки) соответствовали целям транспортировки и проведения обменных операций и в силу этого могли служить ранними эквивалентами ценности. О возможности использования троянских золотых

стержней с насечками как «прообраза денег» писал М. Ю. Трейстер (2013. С. 144). Поскольку вес каждого слитка или заготовки даже в одном комплексе может несколько варьировать, наиболее вероятно было взвешивание не одного предмета, а их связок.

В III тыс. до н. э. в Центральной Анатолии вероятно использование весовых стандартов, близких месопотамским, – мины весом 470–500 г (слитки сырого серебра из Махматлара). Для небольших золотых изделий в Трое применялись три весовых стандарта – ок. 2 г, ок. 5 г и ок. 10 г, кратных восточно-средиземноморскому сиклю весом ок. 5 г.

Неполное совпадение приводимых весовых стандартов не должно нас удивлять, так как мы не всегда можем установить, какая система весов использовалась в каждом конкретном случае и какая система счисления была в употреблении. Так, в позднебронзовом и железном веках на Ближнем Востоке применялись одновременно три системы счисления – 60-ричная (месопотамская), 50-ричная (восточно-средиземноморская) и 40-ричная (хеттская), что нашло свое отражение, в частности, в известном пассаже Иезекииля: «В сикле двадцать гер; а двадцать сиклей, двадцать пять сиклей и пятнадцать сиклей составлять будут у вас мину» (Иез. 45, 12) (*Hoffner*, 1997. P. 33). Интереснейшие данные по этому вопросу содержат материалы из остатков кораблекрушения в Улубуруне (у южных берегов Турции). Груз корабля XIV в. до н. э. среди многих ценностей (в том числе крупных товарных слитков меди и олова) содержал несколько наборов каменных гирь (всего 149 экз.). Гири различались по форме и весу. В основном использовался сикль весом 9,3–9,4 г (наличествуют кратные ему мелкие и крупные гири). Кроме того, в небольшом числе представлены наборы гирь других стандартов: месопотамский сикль весом 8,3–8,4 г и сиро-ханаанская единица «peyem» весом 7,4–8,0 г. Автор публикации делает вывод о том, что на корабле находилось три-четыре купца, каждый имел как минимум два набора гирь, включая мелкие разновесы. Для операций с ценностями – золотом и серебром – применялись более мелкие весовые стандарты (*Pulak*, 2008. P. 300). Для нашей темы эти находки важны как доказательство одновременного использования разных весовых систем в зависимости от материала торговых операций.

Известно, что в античности в разных регионах под одним названием существовали различные меры веса, применявшиеся к разным материалам. Геродот пишет, что персы взимали дань серебром, используя вавилонский талант, равный 1 и $^1/_6$ эвбейского, тогда как последний использовался при операциях с золотом (Геродот III, 89).

Таким образом, начало чеканки монеты в VI в. до н. э. стало завершением длительного процесса внедрения стандартизации в систему обмена продуктами. На Ближнем Востоке это явление связано с необходимостью административного учета и перераспределения продуктов (для чего первоначально служили так называемые «калькули» – счетные фишки, применявшиеся для обозначения различных видов продукции, часто встречаемые на поселениях Месопотамии и культурно связанных с ней регионов начиная с неолита (см.: *Amiet*, 1986. Figs 26–31; *Антонова*, 1998. С. 193–197).

В III тыс. до н. э. ближневосточное общество достигает уровня развития ранних государств, в экономике которых роль эквивалента ценности играют

металлы, циркулирующие в определенных весовых соотношениях, причем установление стандартов находится под контролем аппарата власти (см.: *Кореневский*, 2013. С. 80–82). Таким образом, в список критериев ранних цивилизаций ближневосточного типа следует включать, по нашему мнению, не только монументальную архитектуру, городские поселения и письменность (*Массон*, 1989. С. 8), но также регулируемые системы обмена, основанные на весовых соотношениях металлов. Это явление находило практическое воплощение, в частности, в использовании слитков и заготовок стандартной формы и веса. Развитие обмена наиболее ценными видами материалов (в особенности металлом) дало толчок распространению ближневосточных весовых систем на отдаленные территории, в том числе Северное Причерноморье.

ЛИТЕРАТУРА

Авилова Л. И., 2008. Металл Ближнего Востока. Модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. М.: Памятники исторической мысли. 227 с.

Авилова Л. И., 2011. Металл Ближнего Востока. Социально-экономические и культурные процессы. Saarbrücken: LAP Lambert academic publishing. 356 с.

Авилова Л. И., Терехова Н. Н., 2006. Стандартные слитки металла на Ближнем Востоке в эпоху энеолита – бронзового века // КСИА. Вып. 220. С. 14–33.

Антонова Е. В., 1998. Месопотамия на пути к первым государствам. М.: Наука, главная редакция восточной литературы. 223 с.

Бронзовый век…, 2013. Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н. э.: каталог выставки. СПб.: Чистый лист. 648 с.

Дьяконов И. М., 1959. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер / Отв. ред. В. И. Авдиев. М.: Восточная литература. 306 с.

Кореневский С. Н., 2013. О понятиях «цивилизация, протоцивилизация» и знаках на керамике в культурах Подунавья, Кавказа и Переднего Востока в V–III тыс. до н. э. // КСИА. Вып. 230. С. 63–84.

Кубышев А. И., Черняков И. Т., 1985. К проблеме существования весовой системы у племен бронзового века степей Восточной Европы (на материалах погребения литейщика катакомбной культуры) // СА. № 1. С. 39–54.

Массон В. М., 1989. Первые цивилизации. Л.: Наука. 275 с.

Сокровища…, 1996. Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана: каталог выставки / Ред. И. А. Данилова. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина: Леонардо Арте. 297 с.

Трейстер М. Ю., 1996. Троянские клады: (атрибуции, хронология, исторический контекст) // Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана. Каталог выставки / Ред. И. А. Данилова. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина; Леонардо Арте. С. 197–240.

Трейстер М. Ю., 2013. Троянские клады // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н. э.: Каталог выставки. СПб.: Чистый лист. С. 140–154.

Янковская Н. Б., 1986. К проблеме оптовой торговли Каниша (XIX в. до н. э.) // ВДИ. № 2. С. 17–24.

Amiet P., 1986. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. Editions de la Réunion des musées nationaux. Paris: Editions de la Réunion des musées nationaux. 332 p.

Archi A., 1985. Circulations d'objets et métals précieux de poids standardisé à Ebla // Miscellanea Babylonica / Eds J.-M. Durand, J.-R. Kupper. Paris: Editions Recherche sur les civilisations. P. 25–34.

Avilova L. I., Terejova N. N., 2007. Lingotes normalizados de metal en el Proximo Oriente desde el Eneolitico a la Edad del Bronce // Aula Orientalis. Vol. 25. P. 185–193.

Blegen C. W., Caskey J. L., Rawson M., 1951. Troy / Eds C. W. Blegen, J. Caskey. Vol. II: The third, fourth and fifth settlements. Princeton: Univ. Press. 325 p.

Blegen C. W., Caskey J. L., Rawson M., 1953. Troy / Eds C. W. Blegen, J. Caskey, M. Rawson. Vol. III: The sixth settlement. Princeton: Univ. Press. 288 p.

Blegen C. W., Caskey J. L., Rawson M., Sperling J., 1950. Troy / Eds: C. W. Blegen, J. Caskey. Vol. I: General introduction. The first and second settlements. Princeton: Univ. Press. 396 p.

Bobokhyan A., 2009. Trading implements in early Troy // AS. Vol. 59. P. 20–50.

Dayton J. E., 1974. Money in the Near East before coinage // Berytus. Vol. 23. P. 41–52.

Easton D. F., 1984. «Priam's treasure» // AS. Vol. 34. P. 141–169.

Easton D. F., 1994. Priam's gold: the full story // AS. Vol. 44. P. 221–243.

Easton D. F., Hawkins J. D., Sherratt A. G., Sherratt E. S., 2002. Troy in recent perspective // AS. Vol. 52. P. 75–109.

Flinders Petrie W. M., 1926. Ancient weights and measures. London: University College. 51 p.

Floreano E., 2001. The role of silver in the domestic economic system of the Hittite Empire // Altorientalische Forschungen. Bd. 28, 2. P. 209–235.

Gelb I. J., Steinkeller P., Whiting R. M., Jr., 1991. Earliest land tenure systems in the Near East: Ancient kudurrus. Chicago: The Oriental Institute. 303 p. (Oriental Institute Publications; Vol. 104.)

Giles D. L., Kuijpers E. P., 1974. Stratiform copper deposit, Northern Anatolia, Turkey: Evidence for Early Bronze I (2800 B. C.) mining activity // Science. 186/4166. Nov. 29. P. 823–825.

Gopher A., Tsuk T., Shalev S., Gophna R., 1990. Earliest gold artifacts discovered in the Southern Levant // Current Anthropology. Vol. 31 (4). P. 436–443.

Hoffner H. A., Jr., 1997. The Laws of the Hittites. A Critical Edition. Leiden: Brill. 136 p.

Hout Th., van der, 2005. Preise, Warenpreise (Prices) // Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie. Bd. 10 / Hrsg. D. O. Edzard. Berlin; New York: Walter de Gruyter. S. 614–616.

Joannés F., 1993. Metalle und Metallurgie. A I. In Mesopotamien // Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie. Bd. 8 / Hrsg. D. O. Edzard. Berlin; New York: Walter de Gruyter. S. 96–112.

Korfmann M., 1994. Die Schatzfunde in Moskau – ein erster Eindruck // Antike Welt. 4/94. Sonderbericht Troia-Gold. S. 3–4.

Koşay H. Z., Akok M., 1950. Amasya Mahmatlar köyü definesi // TTKY Belleten, 14. P. 481–485.

Lloyd S., Mellaart J., 1962. Beycesultan. Vol. I: The Chalcolithic and Early Bronze Age levels. London: The British Institute of Archaeology at Ankara. 296 p.

Mallowan M. E. L., 1947. Excavations at Brak and Chagar Bazar // Iraq. Vol. IX. P. 1–259.

Matthiae P., 2005. Economia palatina a Ebla nell'età degli Archivi // L'economia palazialee la nascita della moneta: dalla Mesopotamia all'Egeo. Convegno Internazionale (Roma, 12–13 febbraio 2002). Roma. P. 21–34.

Monroe C. M., 2010. Sunk costs at Late Bronze Age Uluburun // BASOR 357. P. 19–33.

Moorey P. R. S., 1994. Ancient Mesopotamian materials and industries. The archaeological evidence. Oxford; New York: Clarendon Press. 414 p.

Moortgat A., 1960. Tell Chuera in Nordost-Syrien. Vorläufiger Bericht über die zweite Grabungskampagne 1959. Wiesbaden. 35 S.

Peyronel L., 2010. Ancient Near Eastern economics. The silver question between methodology and archaeological data // Proceedings of the 6th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. May, 5th –10th 2008, Sapienza – Università di Roma. Vol. 1 / Eds P. Matthiae, F. Pinnock, L. Nigro, N. Marchetti, with the collaboration of L. Romano. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. P. 925–948.

Powell M. A., 1978. A contribution to the history of money in Mesopotamia prior to the invention of coinage // Festschrift Lubor Matouš / Eds B. Hrouška, G. Komoroczy. Vol. II. Budapest. P. 211–243.

Powell M. A., 1987. Masse und Gewichte // Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie / Hrsg. D. O. Edzard. Bd. 7. Berlin: Walter de Gruyter. S. 457–530.

Pulak C., 2008. The Uluburun shipwreck and Late Bronze Age trade // Beyond Babylon: art, trade, and diplomacy in the second millennium B. C. / Eds C. Aruz, K. Benzel, M. Evans. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven: Yale University Press. P. 289–310.

Renfrew C., 1972. The emergence of civilisation. The Cyclades and the Aegean in the third millennium B. C. London: Methuen. 624 p.

Schliemann H., 1881. Ilios: The city and country of the Trojans. London: Murray. 800 p.

Schmidt H., 1902. Heinrich Schliemann's Sammlung trojanischer Altertümer. Berlin: Reimer. 354 S.

Traill D. A., 1983. Schliemann's «discovery» of «Priam's treasure» // Antiquity. Vol. 57. P. 181–186.

Woolley C. L., 1934. Ur Excavations. Vol. 2: The Royal Cemetery. London: The British museum. 604 p.

Сведения об авторе.

Авилова Людмила Ивановна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: aviloval@mail.ru.

L. I. Avilova

On metal ingots from Anatolian hoards (Bronze Age)

Abstract. The paper considers metal ingots discovered in hoard associations known from Anatolia. The hoards date from the Late Chalcolithic and EBA II–III (Middle Bronze Age in the terms of historical-metallurgical periodization). Context of the hoards, material and morphology of finds are analysed. The author points to weight standards of gold ingots and blanks – ca. 2 g, ca. 5 g and ca. 10 g. The materials from Anatolia are compared with weight systems used in Syria and Mesopotamia in the 3rd–2nd millennia BC. Circulation of metal objects of standard shapes and weights as equivalents of value is considered as an indication of development of early policies within the Near Eastern civilization model. Some data are pointed to concerning spread of Near Eastern weight standards as far as the North Pontic zone.

Keywords: Anatolia, Chalcolithic, Bronze Age, hoards, metal objects, ingots, blanks, morphology, weight standards, social-economic development, early state formations.

REFERENCES

Amiet P., 1986. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. Paris: Editions de la Réunion des musées nationaux. 332 p.

Antonova E. V., 1998. Mesopotamiya na puti k pervym gosudarstvam [Mesopotamia on the way to first states]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva Nauka. 223 p.

Archi A., 1985. Circulations d'objets et métals précieux de poids standardisé à Ebla. *Miscellanea Babylonica*. J.-M. Durand, J.-R. Kupper, eds. Paris: Editions Recherche sur les civilisations, pp. 25–34.

Avilova L. I., 2008. Metall Blizhnego Vostoka. Modeli proizvodstva v eneolite, rannem i srednem bronzovom veke [Metal of the Near East. Models of production in the Eneolithic, Early and Middle Bronze Ages]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 227 p.

Avilova L. I., 2011. Metall Blizhnego Vostoka. Sotsial'no-ekonomicheskie i kul'turnye protsessy [Metal of the Near East. Social-economic and cultural processes]. Saarbrücken.: LAP Lambert academic publishing. 356 p.

Avilova L. I., Terejova N. N., 2007. Lingotes normalizados de metal en el Proximo Oriente desde el Eneolitico a la Edad del Bronce. *Aula Orientalis*, 25, pp. 185–193.

Avilova L. I., Terekhova N. N., 2006. Standartnye slitki metalla na Blizhnem Vostoke v epokhu eneolita – bronzovogo veka [Standard metal ingots in the Near East in epoch of Eneolitic – Bronze Age]. *KSIA*, 220, pp. 14–33.

Blegen C. W., Caskey J. L., Rawson M., 1951. Troy, II. The third, fourth and fifth settlements. Princeton: University Press. 325 p.

Blegen C. W., Caskey J. L., Rawson M., 1953. Troy, III. The sixth settlement. Princeton: University Press. 288 p.

Blegen C. W., Caskey J. L., Rawson M., Sperling J., 1950. Troy, I. General introduction. The first and second settlements. Princeton: University Press. 396 p.

Bobokhyan A., 2009. Trading implements in early Troy. *AS*, 59, pp. 20–50.

Bronzovyy vek…, 2013 – Bronzovyy vek. Evropa bez granits. Chetvertoe – pervoe tysyacheletiya do n. e.: katalog vystavki [Bronze Age. Europe without borders. Fourth – first millennia BC: catalogue of exhibition]. St. Petersburg: Chistyy list. 648 p.

Dayton J. E., 1974. Money in the Near East before coinage. *Berytus*, 23, pp. 41–52.

D'yakonov I. M., 1959. Obshchestvennyy i gosudarstvennyy stroy drevnego Dvurech'ya. Shumer [Social and state system of ancient Mesopotamia. Sumer]. V. I. Avdiev, ed. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury. 306 p.

Easton D. F., 1984. «Priam's treasure». *AS*, 34, pp. 141–169.

Easton D. F., 1994. Priam's gold: the full story. *AS*, 44, pp. 221–243.

Easton D. F., Hawkins J. D., Sherratt A. G., Sherratt E. S., 2002. Troy in recent perspective. *AS*, 52, pp. 75–109.

Flinders Petrie W. M., 1926. Ancient weights and measures. London: University College. 51 p.

Floreano E., 2001. The role of silver in the domestic economic system of the Hittite Empire. *Altorientalische Forschungen*, 28, 2, pp. 209–235.

Gelb I. J., Steinkeller P., Whiting R. M., Jr., 1991. Earliest land tenure systems in the Near East: Ancient kudurrus. Chicago: The Oriental Institute. 303 p. (Oriental Institute Publications, 104).

Giles D. L., Kuijpers E. P., 1974. Stratiform copper deposit, Northern Anatolia, Turkey: Evidence for Early Bronze I (2800 B.C.) mining activity. *Science*, 186/4166, 29, pp. 823–825.

Gopher A., Tsuk T., Shalev S., Gophna R., 1990. Earliest gold artifacts discovered in the Southern Levant. *Current Anthropology*, 31 (4), pp. 436–443.

Hoffner H. A., Jr., 1997. The Laws of the Hittites. A Critical Edition. Leiden: Brill. 136 p.

Hout van der Th., 2005. Preise, Warenpreise (Prices). *RAVA*, 10. D. O. Edzard, ed. Berlin; New York: Walter de Gruyter, pp. 614–616.

Joannés F., 1993. Metalle und Metallurgie. A I. In Mesopotamien. *RAVA*, 8. D. O. Edzard, ed. Berlin; New York: Walter de Gruyter, pp. 96–112.

Korenevskiy S. N., 2013. O ponyatiyakh «tsivilizatsiya, prototsivilizatsiya» i znakakh na keramike v kul'turakh Podunav'ya, Kavkaza i Perednego Vostoka v V–III tys. do n. e. [On concepts of 'civilization and proto-civilization' and signs on pottery in cultures of Danube region, Caucasus and Near East in V–III millennia BC]. *KSIA*, 230, pp. 63–84.

Korfmann M., 1994. Die Schatzfunde in Moskau – ein erster Eindruck. *Antike Welt*, 4/94. Sonderbericht Troia-Gold, pp. 3–4.

Koşay H. Z., Akok M., 1950. Amasya Mahmatlar köyü defines. *Türk Tarih Kurumu Belleten*. 14. P. 481–485.

Kubyshev A. I., Chernyakov I. T., 1985. K probleme sushchestvovaniya vesovoy sistemy u plemen bronzovogo veka stepey Vostochnoy Evropy (na materialakh pogrebeniya liteyshchika katakombnoy kul'tury) [On problem of existence of weight system among Bronze Age tribes in steppe of Eastern Europe (on materials from a founder's burial of Catacomb culture)]. *SA*, 1, pp. 39–54.

Lloyd S., Mellaart J. 1962. Beycesultan. Vol. I. The Chalcolithic and Early Bronze Age levels. London: The British Institute of Archaeology at Ankara. 296 p.

Mallowan M. E. L., 1947. Excavations at Brak and Chagar Bazar. *Iraq*, IX, pp. 1–259.
Masson V. M., 1989. Pervye tsivilizatsii [First civilizations]. Leningrad: Nauka. 275 p.
Matthiae P., 2005. Economia palatina a Ebla nell'età degli Archivi. *L'economia palazialee la nascita della moneta: dalla Mesopotamia all'Egeo. Convegno Internazionale*. Roma, pp. 21–34.
Monroe C. M., 2010. Sunk costs at Late Bronze Age Uluburun. *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*, 357, pp. 19–33.
Moorey P. R. S., 1994. Ancient Mesopotamian materials and industries. The archaeological evidence. Oxford; New York: Clarendon Press. 414 p.
Moortgat A., 1960. Tell Chuera in Nordost-Syrien. Vorläufiger Bericht über die zweite Grabungskampagne 1959. Wiesbaden. 35 p.
Peyronel L., 2010. Ancient Near Eastern economics. The silver question between methodology and archaeological data. *Proceedings of the 6th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East*, 1. P. Matthiae, ed. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, pp. 925–948.
Powell M. A., 1978. A contribution to the history of money in Mesopotamia prior to the invention of coinage. *Festschrift Lubor Matouš*, II. B. Hrouška, G. Komoroczy, eds. Budapest, pp. 211–243.
Powell M. A., 1987. Masse und Gewichte. *RAVA*, 7. D. O. Edzard, ed. Berlin: Walter de Gruyter, pp. 457–530.
Pulak C., 2008. The Uluburun shipwreck and Late Bronze Age trade. *Beyond Babylon: art, trade, and diplomacy in the second millennium B.C.* C. Aruz, ed. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven: Yale University Press, pp. 289–310.
Renfrew C., 1972. The emergence of civilisation. The Cyclades and the Aegean in the third millennium B.C. London: Methuen. 624 p.
Schliemann H., 1881. Ilios: The city and country of the Trojans. London: Murray. 800 p.
Schmidt H., 1902. Heinrich Schliemann's Sammlung trojanischer Altertümer. Berlin: Reimer. 354 p.
Sokrovishcha…, 1996 – Sokrovishcha Troi iz raskopok Genrikha Shlimana: katalog vystavki [Troyan treasures from Heinrich Schliemann's excavations: catalogue of exhibition]. I. A. Danilova, ed. Moscow: Gosudarstvennyy muzey izobrazitel'nykh iskusstv imeni A. S. Pushkina: Leonardo Arte. 297 p.
Traill D. A., 1983. Schliemann's «discovery» of «Priam's treasure». *Antiquity*, 57, pp. 181–186.
Treyster M. Yu., 1996. Troyanskie klady: (atributsii, khronologiya istoricheskiy kontekst) [Troyan hoards: (attributions, chronology, historic context)]. *Sokrovishcha Troi iz raskopok Genrikha Shlimana: katalog vystavki [Troyan treasures from Heinrich Schliemann's excavations: catalogue of exhibition]*. I. A. Danilova, ed. Moscow: Gosudarstvennyy muzey izobrazitel'nykh iskusstv imeni A. S. Pushkina: Leonardo Arte, pp. 197–240.
Treyster M. Yu., 2013. Troyanskie klady [Troyan hoards]. *Bronzovyy vek. Evropa bez granits. Chetvertoe – pervoe tysyacheletiya do n. e.: katalog vystavki [Bronze Age. Europe without borders. Fourth – first millennia BC: catalogue of exhibition]*. St. Petersburg: Chistyy list, pp. 140–154.
Woolley C. L., 1934. Ur Excavations, 2. The Royal Cemetery. London: The British museum. 604 p.
Yankovskaya N. B., 1986. K probleme optovoy torgovli Kanisha (XIX v. do n. e.) [On problem of wholesale trade of Kaniš (XIX c. BC)]. *VDI*, 2, pp. 17–24.

About the author.

Avilova Lyudmila I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: aviloval@mail.ru.

Е. В. Антонова

ОБ ОБРЯДАХ СОЗДАТЕЛЕЙ «ЦИВИЛИЗАЦИИ ОКСА»

Резюме. Обряды цивилизации Окса рассматриваются в контексте трансформаций культур эпохи бронзы в регионе Внешнего Ирана (П. Амье). Возникновение Аккадской империи связано с подъемом межрегионального обмена и торговли, возникновением колоний и усилением контактов. В разных частях региона в этих условиях формировались культуры, в элитарных слоях которых складывалась специфическая субкультура. Она обладала общими признаками, комплексами статусных вещей, тогда как в нижнем социальном слое продолжали бытовать региональные традиции. БМАК В. И. Сарианиди – это и есть верхушечная культура, в низовой в значительной степени сохранялись традиции анауской и связанной с ней культур. В вещественных воплощениях обрядов цивилизации Окса реализовалась геометризованная модель мира (планировка сооружений, антропоморфная скульптура, печати-амулеты, ритуальные сосуды) и образы сезонных обрядов. Особенности погребальных ритуалов и изображения божеств позволяют реконструировать представления о жизни после смерти и о божествах Мира мертвых.

Ключевые слова: цивилизация Окса, интерпретация, системный подход, В. И. Сарианиди, П. Амье, анауская культура, взаимодействия культур, Внешний Иран, Гонур Депе, образ мира, социальный строй, обереги, монументальные сооружения, погребения, захоронения баранов, антропоморфные изображения, сезонные обряды.

Исследование вещественных признаков обрядов бесписьменных культур – важный момент реконструкции бытия оставивших их людей: обряды – это системы, символически оформляющие значимые для социума события и процессы его существования. Особенно велика их роль в обществах традиционного типа, не оставивших письменных свидетельств. Большая часть объектов археологических исследований принадлежит именно обрядовым, хотя археологи, принадлежа дифференцированной культуре с четкой оппозицией рациональное – иррациональное, склонны упускать это из виду. Этнологи имеют перед нами явные преимущества, обладая достаточно полными синхронными данными, хотя не всегда могут проследить их историю. Все же степень полноты этнографических данных несравнима по объему с фрагментарными археологическими, поэтому так важны работы этнографов-теоретиков. Таких трудов много, я упомяну лишь одну из заслуживающих самого пристального внимания коллег. Это монография Е. С. Новик «Обряд и фольклор в сибирском

шаманизме» (1984). Особенный интерес в ней представляет анализ ритуала как социально-коммуникативного явления: с остатками именно таких действий нередко имеют дело археологи.

Невозможно изучать культуру, в том числе археологическую, как набор изолированных явлений. Культура – всегда система. Системные исследования в области археологии – реконструкция, сочетание в первую очередь внутреннего анализа комплекса, а также привлечение аналогичных явлений. Уже на заре становления советской археологии одним из доминирующих было стремление историзировать материальные свидетельства (можно добавить, что это была и официальная установка). Внутренние процессы развития науки, междисциплинарные исследования, изыскания «на стыке наук» способствуют участию в археологических работах специалистов, не имеющих исторического образования. Их участие необходимо, поскольку археологические источники чрезвычайно многообразны. Однако из этого не следует, что, интерпретируя материальные остатки, можно делать заключения на вкусовом уровне, по своему усмотрению и черпать основания для них где угодно, например, в иногда малограмотных интернетных энциклопедиях.

Один из путей избегнуть произвольности интерпретации археологических свидетельств – рассматривать их как принадлежащих исторически обусловленной системе. Таким образом выявляются информационные возможности источников, их «разрешающая способность». При изучении бесписьменных и раннеписьменных культур, вероятно, наиболее перспективны те, которые обладали развитой изобразительностью. Оседлая жизнь, сложная социальная организация и интенсивные внутренние и внешние взаимодействия оседлых сообществ диктовали им необходимость создания таких систем. Существование вещей и их комплексов, отмеченных сходными, хотя и неодинаковыми признаками, позволяет выявить некие общие черты. Их перекрестный анализ приводит к определению базисных образов и стоящих за ними смыслов. О роли социологических реконструкций см. ниже.

Обнаружение В. И. Сарианиди «Бактрийско-Маргианского Археологического Комплекса» уже перестало быть сенсацией не только для археологов, но и для тех историков древнего Востока, которые не ограничивают свои исследования письменными источниками. В. И. Сарианиди считал БМАК одной из мировых цивилизаций. Его открытия включили в область цивилизаций или их ближней периферии III–II тыс. до н. э. один из регионов, обитателей которого считали второстепенными участниками исторических процессов, по крайней мере, до ахеменидского времени. К настоящему времени накоплен огромный материал, позволяющий выйти за рамки первых предположений и уточнить некоторые археологические определения. В частности, представляется более приемлемым использование вместо понятия и аббревиатуры БМАК хотя и также условного, но все же менее «археологичного» наименования, предложенного А.-П. Франкфором, «цивилизация Окса». Оно имеет более широкий смысл, отсылающий не к комплексу, т. е. совокупности вещей, а к событиям древности, признаки которых удается обнаружить и пытаться объяснить.

Говоря о БМАК, В. И. Сарианиди в разные годы считал определяющими его разные категории вещей. Их набор менялся по мере накопления данных: новые

находки заставляли корректировать предшествующие заключения. Общей для этих категорий была их очевидная или предположительная принадлежность обрядовым сферам (*Сарианиди*, 1989). С течением времени к ним прибавлялись вещи из элитарных погребений Гонур Депе, умножалось количество и росло многообразие знаков высокого социального статуса.

Бактрия и Маргиана эпохи бронзы в результате раскопок В. И. Сарианиди предстали как наиболее исследованная часть обширного региона, который П. Амье почти одновременно с открытием БМАК назвал Внешним Ираном. Этот замечательный исследователь, глубокий знаток древневосточных культур, создал целостную картину трансформаций сообществ на территории Ирана и окружающих его регионов (*Amiet*, 1986). Его реконструкция не была лишена пробелов, что явилось следствием неравномерной исследованности региона, в котором политическая ситуации была очень неспокойной в течение многих десятилетий. Однако благодаря широте охвата материала представленная им картина стала не только итогом целой эпохи археологических исследований. В ней намечались перспективы разностороннего осмысления археологических свидетельств событий нескольких тысячелетий. П. Амье считал, что на окраине Иранского Плато в середине IV – середине II тыс. до н. э. сложилась культурная общность. Обитатели обширного и разнообразного в природном отношении региона, в том числе Бактрии и Маргианы античных свидетельств, находились под воздействием государств Месопотамии и юго-запада Ирана. Их объединяли исторические судьбы и торговля на далекие расстояния. В результате у насельников областей Внешнего Ирана сформировались собственные элиты. В этой среде возник своеобразный культурный язык, прослеживаемый археологически, – совокупность сходных в основном престижных вещей из металлов и минералов, отмеченных общими стилистическими чертами, а также аналогичных архитектурных сооружений, изобразительных мотивов, ритуалов. Образовалось культурное койнэ. Собственно относящиеся к субкультуре верхов вещи в Бактрии и Маргиане В. И. Сарианиди и определил как БМАК. Однако П. Амье считал, что в низовой культуре во всем регионе продолжали сохраняться местные традиции. Ко времени публикации П. Амье самые представительные материалы с северо-востока Внешнего Ирана происходили из немногочисленных раскопанных археологами архитектурных сооружений и разграбленных могильников Афганистана. Сейчас по объему и информативности их намного превосходят находки из научных раскопок памятников Маргианы. Этим наука обязана неустанной деятельности В. И. Сарианиди.

В многочисленных сочинениях, статьях и монографиях с высококачественными иллюстрациями В. И. Сарианиди ввел в научный оборот огромное количество самых разнообразных памятников Маргианы. Среди них целые архитектурные комплексы, масса вещей самого разного назначения. Он предпринял громадные усилия для определения их места на культурной карте Передней и Центральной Азии. Главным объектом многолетних раскопок стал Гонур Депе, столичное, по его определению, поселение, центр страны Маргуш с монументальными сооружениями, некрополями (в том числе «царским»), участками коллективных обрядов. Он не ограничился определением «страна», считая Маргуш царством.

Опубликованные материалы результатов раскопок Гонура представляют картину необычайной сложности. Интерпретация их требовала особой археологической смелости. Естественно, многие предположения он делал с оговорками и

сопровождал знаком вопроса. С благодарностью следует сказать, что он сделал все для того, чтобы начатые им исследования были продолжены. Одна из наиболее важных проблем – каким позволительно считать сообщество (или сообщества) его насельников? Было оно рыхлым или централизованным? От того, считать его царством или совокупностью отдельных оазисов со своими центрами, зависит понимание структуры власти, интерпретация свидетельств образа жизни людей, их обрядов и мировосприятия и т. д. От решения этой проблемы зависит и понимание и оценка периода существования «страны Маргуш».

Открытия В. И. Сарианиди произвели сильное впечатление на научную общественность уже в 80-е годы прошлого века. Одним из событий стало обсуждение монументального архитектурного сооружения Тоголок-21, чему были посвящены материалы в ВДИ (Проблема..., 1989). Дискуссия по поводу гипотезы В. И. Сарианиди об идентификации Тоголока как зороастрийского храма привлекла многих археологов и историков. Гипотезам В. И. Сарианиди были предложены альтернативы. Эта дискуссия могла стать этапом в осмыслении находок, лавинообразно умножающихся в результате деятельности главы экспедиции. Однако к этому времени основы его позиции уже сформировались, и обсуждение не имело последствий, которых можно было ждать.

На протяжении многих лет В. И. Сарианиди раскапывал самые заметные и информативные памятники на Гонур Депе, признаки которых он умел с необычайным чутьем распознавать. Среди них были монументальные постройки, как он полагал, «храмы» огня и хаомы; «царские гробницы» с изображениями на стенах, необычайно богатым инвентарем; многочисленные ритуальные вещи, драгоценные сосуды с изображениями и т. д. В анализе всех этих удивительных находок он придерживался четкой линии: рассматривал их как свидетельства свойственных их создателям зороастрийских или «протозороастрийских» представлений, в том числе основополагающих – о борьбе добра и зла. Он упорно искал и находил в особенностях погребального обряда специфически зороастрийские признаки и т. д. Он считал комплексы параллельно расположенных узких помещений кельями зороастрийских аскетов. (Обособленный комплекс такого рода обнаружен на территории «дворца» в Гонур Депе.) Его не смущало, что подобные им на всем Востоке, включая Крит, считали складами (*Amiet*, 1986. P. 194). Кстати, такое определение не противоречило определению назначения построек с «кельями» как обрядовых. В частности, на Тоголоке-21, где было много таких конструкций, обнаружены следы отправления ритуалов, в том числе множество таинственных каменных «миниатюрных колонок». Эти тяжелые, явно ритуальные, вещи, изготовление которых наверняка было трудоемким, вероятно, служили своего рода алтарями (в дальнейшем я представлю кажущуюся мне убедительной аргументацию).

В одной из своих итоговых работ В. И. Сарианиди писал: «…пришедшие в конце III до н. э. в древнюю дельту р. Мургаб племена принесли вместе с собой существовавшие у них верования и ритуалы, которые они практиковали на своей былой родине. Все эти культы по отдельности, бесспорно, были известны другим земледельческо-скотоводческим племенам древности, но все вместе они, как кажется, столь ярко выражены только у индоиранских арийских племен и теперь у маргушцев» (*Сарианиди*, 2010. С. 57). Как выглядели культы «индои-

ранских арийских племен» остается по-прежнему неясным, несмотря на усилия многих по-разному идеологически ориентированных исследователей. Столь же не выявлены «четкие следы» арийцев в Аккадском государстве и Эламе, а Митанни не было, как установлено, арийским государством. Ссылка на старую работу В. Г. Чайлда не служит весомой поддержкой (*Сарианиди*, 2010. С. 17).

Работы В. И. Сарианиди, энтузиаста-поисковика и талантливого полевого археолога (недаром его сравнивают с Г. Шлиманом), показывают, насколько актуальна в отечественной археологии проблема методов интерпретации материальных свидетельств. Они все еще не стали важной составляющей частью публикаций, а не довеском к главному разделу – сообщению о новых находках. Для того чтобы вещи стали полноценными источниками, методы интерпретаций важны не менее, чем методика раскопок.

П. Амье на основании интерпретации тех же сооружений, которые В. И. Сарианиди считал храмами, пришел к совершенно иным выводам о формировании культуры Бактрии и Маргианы бронзового века. Он считал, что возникновение поселений значительного размера было результатом освоения оазисов купцами, торговавшими на далеких путях. Он предполагал, что в начале II тыс. до н. э. из Средней Азии они могли доходить до Китая – в Сапаллитепа найден кусочек шелковой ткани (*Amiet*, 1986. P. 199). Как модель он рассматривал организацию месопотамских, в основном староассирийских, колоний-карумов, распространившихся в конце II тыс. до н. э. в Анатолии и отчасти Сирии. Кстати, необычайное обилие, богатство и разнообразие привозных вещей в Маргиане было бы естественно объяснить именно развитием международной торговли, а не появлением мигрантов, несущих с собой свой скарб.

Об обрядах цивилизации Окса целесообразно говорить, начав с предположений о ее генезисе. Могли ли пришельцы с запада и/или с юго-востока коренным образом изменить традиции, сложившиеся на юге Туркменистана и в культурно близких регионах, бытовавшие здесь на протяжении более трех тысячелетий? Были ли вообще тогда в этой части Азии такие массовые перемещения? Короче, как связана анауская культура подгорной полосы Копет Дага с поселениями Маргианы? В свое время я посвятила этой проблеме статью (*Антонова*, 2009); к ней добавлю то, что касается обрядов.

Общие положения о закономерностях формирования ранних оседлоземледельческих сообществ, как и конкретный археологический материал, явно противоречат тому, что субстратом «маргушцев» были не переселенцы из подгорной полосы Копет Дага, а пришельцы издалека. Иссушение климата могло привести в обводненные примургабские области и более далеких пришельцев из Внешнего Ирана, но вряд ли большие группы из отдаленных регионов. «Анаусцы» и их соседи, по всей вероятности, и составили здесь основу носителей той местной низовой культуры, которая явилась хранительницей традиции.

О появлении пришельцев на новых для них землях могут свидетельствовать своеобразные крепостеобразные обводные сооружения поселений Сапаллитепа (юг Узбекистана) и Дашлы 3 (север Афганистана) (*Amiet*, 1986. P. 310). Двойные стены образуют квадрат с пристроенными к ним и к углам коридорами. На Сапаллитепа таких коридоров восемь, они расположены параллельно основным стенам и смещены так, что основной квадрат и пристройки создают свастикооб-

разную композицию. На Дашлы от каждой двойной стены отходят Т-образные коридоры, а от углов – по паре Г-образных, так что создается композиция, напоминающая орнаментальный мотив «ромб с крючками» плюс перпендикулярные Т-образные коридоры у стен. Коридоры (которые сообщались проходами с внутренним пространством) образовывали в обоих поселениях восьмичленную композицию вокруг центрального квадрата. Кроме того, внутренняя застройка Сапаллитепа состоит из восьми комплексов.

Могли ли такие конструкции служить оборонительным целям? Хотя организация местного военного дела в ту пору неизвестна, это представляется маловероятным. Однако такая планировка напоминает мандалу, на что уже указывалось (*Brentjes*, 1981. S. 12–15). Мандала – космограмма, особенно детально разработанная в буддизме, хотя подобные ей распространены очень широко. Она относится к геометрическим символам организованного пространства и известна не только историкам и религиоведам, но и психоаналитикам (*Топоров*, 1992. С. 100, 101).

Примечательно, что планировка Сапаллитепа сходна со свастикой, т. е. динамичной, движущейся фигурой. Вероятно, представление о подвижности образа мира было одной из важных его характеристик у обитателей интересующего нас региона. Поэтому, вероятно, свастикообразные фигуры, как и разнообразные вихревые розетки (в том числе составленные из животных), так широко представлены в цивилизации Окса. К подвижным мотивам надо причислить орнаментальные плетенки на вещах, а также оформление ободка печатей-штампов в виде витого жгута, образующего тоже подвижную фигуру (*Антонова*, 2005).

По-разному переданный образ мира – универсальный оберег. Можно полагать, что укрепления на прежде не освоенных землях служили целям магической и, быть может, отчасти физической обороны (одна без другой не была возможна). Придя на новые земли, поселенцы должны были обезопасить себя от всех напастей. Для этого надо было «космизировать», сакральным образом упорядочить жилое пространство, отделить «свое» от «чужого»: «Чтобы жить в этом мире, его нужно основать» (*Элиаде*, 2002. С. 43).

Проследить признаки соотнесения плана построек с образом мира, если они не имеют особых признаков, удается отнюдь не всегда. Тем не менее, такая связь должна была реализоваться, так как строительство без соответствующих процедур в традиционных культурах не могло состояться. Наверняка этим целям служили ритуалы и словесные тексты, не оставившие следов. В архитектуре цивилизации Окса известны примеры такой соотнесенности, хотя и не столь выразительные, как в Сапаллитепа. Один из них – небольшое поселение Гонур 21 близ Гонур Депе (*Сариниди, Дубова*, 2012. С. 43 сл.). Внутри квадратной крепостной ограды с входом с севера (это направление света особенно отмечено у «маргушцев»: на север были ориентированы входы наиболее значимых построек в Маргиане и систематически ориентированы захоронения). Кстати, Ф. Грене отметил, что северная ориентировка входа невозможна для зороастрийского святилища, поскольку эта сторона ассоциировалась с дэвами. Однако положительные ассоциации севера присущи индийской традиции (*Грене*, 1989. С. 170). По углам Гонура 21 было расположено четыре жилых комплекса. Акцентировка четырех или восьми составляющих элементов пространства была

одной из основополагающих в образе мира носителей цивилизации Окса, как и у оседлых земледельцев вообще. Истоки этого мотива, сочетающегося с крестом, кругом, геометризованными растениями, прослеживаются в анауской культуре с энеолитического времени. Эти орнаменты продолжают бытовать в эпоху бронзы, когда при исчезновении геометрических узоров на сосудах меняются визуальные воплощения тех же образов. Они перемещаются на печати-штампы и антропоморфные фигурки семейно-родовых покровителей (в основном женского пола).

Известно множество металлических, реже каменных, печатей-штампов, вероятно, значительно более 2000. При этом большая их часть геометрические (*Sarianidi*, 1998. P. 23–47). Это – признак архаичности культуры; в Месопотамии и тесно связанных с ней областях в это время печати были цилиндрическими с многофигурными антропо- и зооморфными изображениями. На территории Внешнего Ирана такие тоже бытовали, хотя их относительно немного.

Печати строятся на основе мотивов, тяготеющих к форме круга, усложненного креста, ромба, многолучевых розеток (*Антонова*, 2010). Обычно они имеют выделенный центр, часто – дополнительные элементы, придающие им вид геометризованного растения. Сочетание геометрической фигуры и условно переданного растения очень многочисленны, что, конечно, не было случайным. При многообразии разновидностей композиций выделяются исходные и доминиующие мотивы, крестообразные и восьмиконечные, остальные являются от них производными. Эти печати были не только и не столько знаками собственности в современном смысле, сколько амулетами. Их носили люди разных статусов, в особенности женщины (даже у очевидно бедной погребенной в «царской» гробнице была простенькая крестообразная печать). Обладая такими вещами, «анаусцы» и «маргианцы» обретали устойчивость, соотнося себя (микрокосм) с образом мира (макрокосмом). Воплощение этой универсальной черты мировосприятия в разных культурах отличалось своеобразием, поэтому изучение конкретных их выражений в разных регионах и с различными традициями нельзя считать бесполезным.

В анауской культуре эпохи средней бронзы распространяются глиняные фигурки, плоские, крестообразной формы, происходящие от более ранних сидящих, но теперь они становятся стоящими. Поза подчеркивается изображениями растения и растительными мотивами, расположением ромбических фигур и их элементов. Очертания и детали указывают на отождествление женских (реже мужских) образов с геометризованной моделью мира. Такая близость антропоморфного образа с моделью мира характерна для обществ с устным типом передачи информации, где семантические цепочки были относительно короткими, почему мифологические образцы передавались во всей недифференцированной полноте. О подобной ситуации применительно к фольклору писал С. Ю. Неклюдов: народная словесность не знает изолированных областей и проникнута «теснейшими связями самого разного типа – благодаря известной однородности, клишированности и стереотипности, а также непрерывности своего развития при традиционном сохранении прежних систем. За какую нить клубка ни потяни – всегда доберешься до его середины» (*Неклюдов*, 1977. С. 193).

Весьма знаменательно, что в Маргиане женские статуэтки, явно генетически связанные с анаускими, были найдены В. И. Сарианиди во многих пунктах

Маргианы при широких разведочных работах. На них продолжали наносить знаки в виде «дерева» и геометрических фигур, хотя не столь систематично, как в период Намазга V (*Сарианиди*, 1990. Табл. XVI–XXII, LXXVIII). Не менее примечательно, что глиняные фигурки такого типа, хотя и с неизбежными модификациями, найдены при раскопках «столичного Гонура». В частности, они обнаружены в мастерской металлурга (*Дубова*, 2008. С. 98). Глиняная фигурка найдена в цисте № 3155 с множеством вещей, в том числе из слоновой кости. Несмотря на новые детали оформления и «интернациональный» набор инвентаря, она была положена в руку женщины (*Сарианиди*, 2006. С. 191). Подобные случаи помещения фигурок покровительниц в руках умерших женщин известны в анауской культуре (*Антонова*, 1990. С. 154).

Оформление глиняных фигурок анауской традиции позволяет обратиться к восприятию образа реальной женщины у их создателей. Облик мифических покровительниц преломлялся, как это было всегда, через внешность живых женщин, вероятно, высокого статуса. Весьма вероятно, что в обрядовых ситуациях женщины выступали с деталями одежды (поясами, украшениями – бусами, серьгами, венками), а также прическами, какие были у статуэток. Указания на отождествление женщины с растением не вызывает сомнений. Подтверждение этому можно видеть в богатейших уборах, обнаруженных в царском некрополе Ура «царицы» Пуаби и сопровождающих ее женщин. Головные уборы из драгоценных металлов, многорядные украшения из цветных камней должны были уподобить их плодоносным растениям и не менее благодатным, породившим мифологические растения, горам (*Антонова, Колганова*, 2013. С. 111–115). Каменные и металлические бусы, иногда очень многочисленные, многорядные, находят на Гонуре в погребениях женщин, хотя бусы, будучи оберегами, были и у мужчин и ритуальных заместителей людей – баранов и других жертвенных животных.

Итак, в погребениях некрополя Гонура и на самом поселении находят глиняные фигурки, восходящие к анауским – традиция почитать их в семейно-родовых коллективах сохраняется. Но появляются каменные составные фигурки, происходящие, по мнению П. Амье, от изображений эламских цариц первых веков II тыс. до н. э. Они изображены сидящими с головами и руками из белого и одеждами из темного камня (одежды – характерные «каунакесы»). Подобные им, как заметил П. Амье, в Иране, как и в Месопотамии, помещали в храмы, а в Бактрии – в погребения (*Amiet*, 1986. P. 200). То же имело место в Маргиане.

Каменные статуэтки – принадлежность не низовой, как глиняные, а элитарной культуры. Элита обращается к чужеземным образцам в поисках новых объектов почитания, соответствующих состоянию общества. Изготавливали такие скульптуры профессиональные ювелиры, на что есть указания в инвентаре одного погребения (*Сарианиди*, 2001. С. 71, 72). Женские мифологические персонажи более высокого статуса, богини, судя по многофигурным композициям на немногих цилиндрических печатях (аналогичные известны в Шахдаде и Тепе Яхье), были связаны с растениями и животными, они наделены цветущими растениями и рогами. Вероятно, их почитали во время весенних обрядов. Примечательно, что рядом с божествами изображали лежащего на подогнутых ногах

козла, поза которого указывает, вероятно, на его жертвенное предназначение (*Крюкова*, 2012. С. 224).

В. Ю. Крюкова приводит обширные данные о почитании богинь и весенних цветов, в первую очередь тюльпанов, в Средней Азии начиная с эпохи бронзы и до этнографически зафиксированной реальности (Там же. С. 234 сл.). Это сходство отнюдь не означает, что создатели цивилизации Окса были ираноязычными и/или зороастрийцами. Весенние обряды относятся к сезонным, которые в одинаковых климатических зонах и в общностях, принадлежащих к одному хозяйственно-культурному типу, очень похожи. О существовании весенних обрядов и важности празднеств именно этого времени позволяют судить вещи и других категорий – сосуды с налепными фигурками и печати с изображениями.

В. И. Сарианиди интерпретировал сосуды с фигурками в контексте верований иранцев и индийцев о соме-хаоме. В Тоголоке-21 таких сосудов было найдено около 10. В одной из своих статей, описывая фигурки на сосудах, он не рассматривает наиболее характерную особенность состава композиций (*Сарианиди*, 1989. С. 164). На венчиках изображены наземные животные (несмотря на условность, в некоторых случаях удается определить, что они находятся в напряженном взаимодействии, хотя эти позы можно толковать по-разному). К их животам изнутри и снаружи тянутся извивающиеся по стенкам змеи; изображены также лягушки. Но его внимание привлекли редко встречающиеся пары антропоморфных фигурок, которые он считал центральными. По его мнению, они отсылали к мифу об обожествлении растения сомы, порождения неба и земли. «Представляется заманчивым допустить, что… на фризах культовых сосудов нашло отражение содержание мифа», в котором отец-небо забирает у матери-земли их дитя и уносит его на небо. Для этого один из персонажей «делает подсечку другому», чтобы забрать к себе для обожествления «Сому-Хаому». Сами сосуды такого типа он считал предназначенными для разливания сока типы хаомы, который изготавливали в Тоголоке (а как же змеи и лягушки?).

Сосуды такого типа были, безусловно, ритуальными (*Антонова*, 2004), и нахождение их н а п о л у «помещений парадной части» Тоголока-21 – немаловажное обстоятельство. Не могло ли быть, что в этом монументальном комплексе (где было и множество пресловутых «келий аскетов», т. е. складов) происходили важные обряды по случаю его оставления? Такие обряды – распространенная традиция (*Антонова*, 2013. С. 42 сл.). Тоголок-21 мог действительно быть обрядовым центром, где собирались обитатели окрестностей. Здесь хранились общие запасы (которые контролировало важное семейство?). Поэтому в пределах ограды и в самом здании были склады («кельи аскетов»).

Изображения на сосудах указывают на то, каким мог быть этот праздник. Мотив наземного животного и змеи в области его гениталий – примечательная черта изображений на печатях-амулетах Маргианы, и его привлечение для интерпретации символического значения и применения сосудов в ритуалах представляется естественным. Мало того, эти переклички способствуют определению одного из основополагающих моментов мировосприятия людей цивилизации Окса: взаимоотношение зон мира, хтонического и наземного, и времени, когда эта связь воспринималась как исключительно важная, как поворотный момент существования космоса. Вероятно, это была весна, когда пробуждались

от спячки змеи и оживлялись влаголюбивые животные (вспомним и лягушек на сосудах), появлялся из-за южных гор перелетный орел-змееяд, цвели тюльпаны и другие растения, короче, мир обновлялся. Обряды с тюльпанами во время иранского навруза указываю на то, что время его проведения, весеннее солнцестояние, важнейший момент года, был издревле актуален для обитателей этих мест. Для весенних празднеств характерны разнообразные игры, борьба между животными и ритуальные игры людей. Поэтому сочетание в изображениях на ритуальных сосудах фигур животных и антропоморфных персонажей может объясняться контекстом этих празднеств, борьбой разных сил.

Сидячая поза изображенных на печатях растительных богинь – покровительниц растительного и животного мира, как и их атрибуты, предполагают их причастность земле. Вряд ли будет смелым предположение, что земля была важным (если не главным) объектом почитания. С ней так или иначе связывались воды и растения. К ней, источнику жизни, порождающей все живое и возрождающей к новой жизни, обращались все слои населения. То, что в ней хоронили умерших – не простая дань традиции. К этому источнику жизни, принимающей все живое и возрождающей к новой жизни, должны были обращаться и «верхи», обособленность которых от «низов» вряд ли была столь кардинальной, какой она стала уже в ранних государствах.

Одними их самых значимых для жизни обитателей Гонура были, судя по обнаруженным остаткам, ритуалы, связанные с погребениями, и поминальные обряды. Раскопан большой некрополь, погребения и состав инвентаря которого свидетельствуют о некотором различии социальных статусов и, возможно, о разном генезисе населения. Но особое место принадлежит так называемым «царским гробницам» на самом Гонуре. Эти компактно расположенные сооружения неоднократно публиковались (см. особенно: *Дубова*, 2004; *Сарианиди*, 2006). Многокамерные постройки в предварительно вырытых котлованах в некоторых случаях имели что-то вроде дворика, где размещали пары верблюдов и других упряжных животных, повозки, принесенных в жертву людей. Погребения в них множественные; для их совершения и, вероятно, поминальных ритуалов входы не заделывали наглухо, кирпичи у входов могли легко удаляться. Периодически обряды совершали около гробниц. Особенно выразительный пример – гробница № 3235, по четырем сторонам которой возжигались огни (*Сарианиди*, 2006. С. 181 сл.). Примечательно, что все гробницы были ограблены, вероятно, вскоре после совершения захоронений. О «силе» стабильности «царской» власти говорит то, что ценные вещи сразу при погребении прятали в тайники; некоторые из них только благодаря этому дождались археологов.

Особый интерес представляют три больших котлована, близость которых к трем «царским» захоронениям вряд ли случайна (*Дубова*, 2012. С. 113–115). В них не было захоронений с богатым инвентарем, но в каждом была четырехколесная повозка, пара верблюдов, ослы, собаки и убитые люди. В одном из них (погр. № 3900) находился металлический котел объемом около 200 л. Скорее всего, они связаны с коллективными обрядами; В. И. Сарианиди считал, что они содержали инвентарь для проведения коллективного празднества и трапезы. Н. А. Дубова пошла дальше, предположив, что «каждый предмет… является символом какого-то явления» (Там же. С. 115). По всей вероятности, захоронения

с жертвоприношениями людей и животных и обязательными повозками совершались во время общественных обрядов по каким-то важным, неизвестным нам, случаям. Расположение их около погребений знати («царей») можно считать указанием на поминальные ритуалы особенно значительных особ.

Самостоятельный интерес представляют захоронения животных, в особенности баранов. Эти как будто маргинальные данные дают много сведений, которые невозможно извлечь из погребений людей. Условия их захоронения и сопровождающий инвентарь (в него входят не только вещи обычные (например, сосуды), но и ценные и статусные) позволяют считать их ритуальными заместителями людей. То, что такие захоронения не подвергались систематическим ограблениям, позволяет определить назначение отдельных обрядовых вещей, обнаруженных в нарушенных контекстах.

Такие обряды, можно предположить, в ту эпоху скорее были присущи скотоводам, чем земледельцам. Гонурцы были земледельцами, хотя и разводили скот, в первую очередь – мелкий. В то же время кочевые или полукочевые скотоводы были соседями носителей цивилизации Окса и могли играть роль в ее создании (еще раз можно вспомнить исследования П. Амье о земледельческо-скотоводческой горско-ремесленной и городской, синтетической цивилизации Ирана). Возможностью оседания на землю степных скотоводов он предложил объяснить резкий подъем культуры Бактрии и Маргианы, что не могло произойти без роста населения (*Amiet*, 1986. P. 206).

Существование БМАК, т. е. верхушечного образования в среде, восходящей к отдаленному прошлому автохтонной культуры, на территории Маргианы и Бактрии завершилось около XVII в. до н. э. из-за разрушения сложной системы межрегиональных взаимосвязей. Однако древняя низовая традиция продолжала существовать, вероятно, сохраняя и новые элементы эпохи процветания, порожденной связями на далекие расстояния, на долгие времена.

ЛИТЕРАТУРА

Антонова Е. В., 1990. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.: Гл. ред. вост. литературы. 285 с.

Антонова Е. В., 2004. Еще раз о культовых сосудах БМАК // У истоков цивилизации / Ред. М. Ф. Косарев, П. М. Кожин, Н. А. Дубова. М.: Старый сад. С. 193–201.

Антонова Е. В., 2005. К интерпретации жгутовидных мотивов на вещах Бактрийско-маргианского археологического комплекса // ВДИ. № 1. С. 194–208.

Антонова Е. В., 2009. К проблеме формирования Бактрийско-Маргианского Археологического Комплекса // КСИА. Вып. 223. С. 202–223.

Антонова Е. В., 2010. О геометрических фигурах анауской культуры и БМАК // На пути открытия цивилизации: Сб. ст. к 80-летию В. И. Сарианиди / Ред. П. М. Кожин, М. Ф. Косарев, Н. А. Дубова. СПб.: Алетейя. С. 303–312.

Антонова Е. В., 2013. О символизации жилища // Текст Контекст Подтекст: Сб. в честь М. Н. Погребовой / Ред. Г. Ю. Колганова. М.: Ин-т востоковедения РАН. С. 34–57.

Антонова Е. В., Колганова Г. Ю., 2013. К реконструкции символики цветных минералов и цвета в культуре Древнего Востока // Последний энциклопедист: к юбилею со дня рожд. Б. А. Литвинского / Ред. Г. Ю. Колганова, А. А. Петрова, С. В. Кулланда. М.: Ин-т востоковедения РАН. С. 102–120.

Грене Ф., 1989. Некоторые замечания о корнях зороастризма в Средней Азии // ВДИ. № 1. С. 170–171.

Дубова Н. А., 2004. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации / Ред. М. Ф. Косарев, П. М. Кожин, Н. А. Дубова. М.: Старый сад. С. 254–281.

Дубова Н. А., 2008. Мастерская по производству сплавов на основе меди Северного Гонура (западная часть раскопа 9) // ТМАЭ / Ред. В. И. Сарианиди, П. М. Кожин, М. Ф. Косарев, Н. А. Дубова. Т. 2. М.: Старый сад. С. 94–104.

Дубова Н. А., 2012. Погребения животных в стране Маргуш // ТМАЭ / Ред. В. И. Сарианиди, П. М. Кожин, М. Ф. Косарев, Н. А. Дубова. Т. 4: Исследования Гонур Депе в 2008–2011 гг. М.: Старый сад. С. 101–139.

Крюкова В. Ю., 2012. О гонурских тюльпанах // ТМАЭ / Ред. В. И. Сарианиди, П. М. Кожин, М. Ф. Косарев, Н. А. Дубова. Т. 4: Исследования Гонур Депе в 2008–2011 гг. М.: Старый Сад. С. 222–237.

Неклюдов С. Ю., 1977. О функционально-семантической природе знака в повествовательном фольклоре // Семиотика и художественное творчество / Отв. ред. Ю. Я. Барабаш. М.: Наука. С. 193–228.

Новик Е. С., 1984. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме (Опыт сопоставления структур). М.: Гл. ред. вост. литературы. 303 с.

Проблема..., 1989 – Проблема возникновения зороастризма в Средней Азии // ВДИ. № 1. С. 151–181; № 2. С. 170–181.

Сарианиди В. И., 1989. Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма // ВДИ. № 1. С. 152–169.

Сарианиди В. И., 1990. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым. 313 с.

Сарианиди В. И., 2001. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медиа. 243 с.

Сарианиди В. И., 2006. Царский некрополь на Северном Гонуре // ВДИ. № 2. С. 155–192.

Сарианиди В. И., 2010. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). М.: Старый сад. 147 с.

Сарианиди В. И., Дубова Н. А., 2012. Археологические работы Маргианской археологической экспедиции в 2008–2010 гг. // Труды Маргианской археологической экспедиции / Ред. В. И. Сарианиди, П. М. Кожин, М. Ф. Косарев, Н. А. Дубова. Т. 4. М.: Старый сад. С. 29–63.

Топоров В. Н., 1992. Мандала // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия. С. 100–102.

Элиаде М., 2002. Оккультизм, колдовство и моды в культуре. Киев: София; М.: Гелиос. 221 с.

Amiet P., 1986. L´âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. Paris: Editions de la Réunion des musées nationaux. 332 p.

Brentjes B., 1981. Die Stadt des Yima. Leipzig: E. A. Seemann. 96 S.

Sarianidi V., 1998. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. Moscow: Pentagraphic. 335 p.

Сведения об авторе.

Антонова Елена Вадимовна, Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, 12, Москва, 107031; e-mail: kachalowa.ir@yandex.ru.

Ye. V. Antonova

On the rituals of the creators of the «Oxus civilization»

Abstract. The rites associated with the Oxus civilization are examined in the context of the cultural transformations of the Bronze Age in the region of Outer Iran (term by P. Amiet). The emergence of the Akkadian empire is bound up with the increase in inter-regional exchange and trade, the appearance of trade colonies and wider contacts. In various parts of the region archaeological cultures developed, in the élite strata of which a specific sub-culture took shape. It evidenced common features all across the region and common ranges of high-status goods, while in low social strata regional traditions continued to exist. The Bactria-Margiana Archaeological Complex (BMAC) singled out by Viktor Sarianidi was an élite culture, while in lower strata traditions of the Anau culture and others closely linked with it were retained to a significant degree. Among the artefacts embodying the rituals pertaining to the Oxus Civilization, there emerged a geometrically-styled model of the world (exhibited in the lay-out of buildings, anthropomorphic sculpture, seal-stamp amulets, ritual vessels) and images of seasonal rituals. Distinctive features of funerary rituals and depictions of divinities make it possible to piece together concepts of life after death and of divinities in the World of the dead.

Keywords: Oxus civilization, interpretation, systematic approach, V. I. Sarianidi, P. Amiet, Anau culture, interaction of cultures, Outer Iran, Gonur Depe, image of the world, social structure, talismans, monumental buildings, burials, sheep burials, anthropomorphic depictions, seasonal rituals.

REFERENCES

Amiet P., 1986. L´âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. Paris: Editions de la Réunion des musées nationaux. 332 p.

Antonova E. V., 1990. Obryady i verovaniya pervobytnykh zemledel'tsev Vostoka [Rites and beliefs of primitive farmers of the Orient]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 285 p.

Antonova E. V., 2004. Eshche raz o kul'tovykh sosudakh BMAK [Once again on cultic vessels in BMAC]. *U istokov tsivilizatsii [At the dawn of civilization]*. M. F. Kosarev, ed. Moscow: Staryy sad, pp. 193–201.

Antonova E. V., 2005. K interpretatsii zhgutovidnykh motivov na veshchakh Baktriysko-margianskogo arkheologicheskogo kompleksa [On interpretation of plait-like motifs on artefacts of Bactria-Margiana archaeological complex]. *VDI*, 1, pp. 194–208.

Antonova E. V., 2009. K probleme formirovaniya Baktriysko-Margianskogo arkheologiche-skogo kompleksa [On problem of formation of Bactria-Margiana archaeological complex]. *KSIA*, 223, pp. 202–223.

Antonova E. V., 2010. O geometricheskikh figurakh anauskoy kul'tury i BMAK [On teometric figures of Anau culture and BMAC]. *Na puti otkrytiya tsivilizatsii: sbornik statey k 80-letiyu V. I. Sarianidi [On the way of discovery of civilization: collection of articles toward 80th anniversary of V. I. Sarianidi]*. P. M. Kozhin, ed. St. Petersburg: Aleteyya, pp. 303–312.

Antonova E. V., 2013. O simvolizatsii zhilishcha [On symbolism of the dwelling]. *Tekst. Kontekst. Podtekst: sbornik v chest' M. N. Pogrebovoy [Text. Context. Implication: collection of articles in honour of M. N. Pogrebova]*. G. Yu. Kolganova, ed. Moscow: IV RAN, pp. 34–57.

Antonova E. V., Kolganova G. Yu., 2013. K rekonstruktsii simvoliki tsvetnykh mineralov i tsveta v kul'ture Drevnego Vostoka [On reconstruction of colour minerals and colour in culture of Ancient Orient]. *Posledniy entsiklopedist: k yubileyu so dnya rozhdeniya B. A. Litvinskogo [The last encyclopaedist: towards jubilee of B. A. Litvinsky's birthday]*. G. Yu. Kolganova, ed. Moscow: IV RAN, pp. 102–120.

Brentjes B., 1981. Die Stadt des Yima. Leipzig: E. A. Seemann. 96 p.
Dubova N. A., 2004. Mogil'nik i tsarskiy nekropol' na beregakh bol'shogo basseyna Severnogo Gonura [Cemetery and royal necropolis on banks of grate basin of North Gonur]. *U istokov tsivilizatsii [At the dawn of civilization]*. M. F. Kosarev, ed. Moscow: Staryy sad, pp. 254–281.
Dubova N. A., 2008. Masterskaya po proizvodstvu splavov na osnove medi Severnogo Gonura (zapadnaya chast' raskopa 9) [Workshop for production of copper-based alloys in North Gonur (west part of trench 9)]. *TMAE*, 2. V. I. Sarianidi, ed. Moscow: Staryy sad, pp. 94–104.
Dubova N. A., 2012. Pogrebeniya zhivotnykh v strane Margush [Animal burials in Land of Margush]. *TMAE, 4. Issledovaniya Gonur Depe v 2008–2011 gg. [Investigations of Gonur Depe in 2008–2011]*. V. I. Sarianidi, ed. Moscow: Staryy sad, pp. 101–139.
Eliade M., 2002. Okkul'tizm, koldovstvo i mody v kul'ture [Occultism, sorcery and fashions in culture]. Kiev: Sofiya; Moscow: Gelios. 221 p.
Grene F., 1989. Nekotorye zamechaniya o kornyakh zoroastrizma v Sredney Azii [Some notes on origins of Zoroastrianism in Central Asia]. *VDI*, 1, pp. 170–171.
Kryukova V. Yu., 2012. O gonurskikh tyul'panakh [On Gonur tulips]. *TMAE, 4. Issledovaniya Gonur Depe v 2008– 2011 gg. [Investigations of Gonur Depe in 2008–2011]*. V. I. Sarianidi, ed. Moscow: Staryy Sad, pp. 222–237.
Neklyudov S. Yu., 1977. O funktsional'no-semanticheskoy prirode znaka v povestvovatel'nom fol'klore [On functional-semantic nature of symbol in folklore narrative]. *Semiotika i khudozhestvennoe tvorchestvo [Semiotics and artistic creative activity]*. Moscow: Nauka, pp. 193–228.
Novik E. S., 1984. Obryad i fol'klor v sibirskom shamanizme (Opyt sopostavleniya struktur) [Rite and folklore in Siberian shamanism (Experience of structures comparison]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 303 p.
Problema..., 1989 – Problema vozniknoveniya zoroastrizma v Sredney Azii [Problem of emergence of Zoroastrianism in Central Asia]. *VDI*, 1, pp. 151– 181; 2, pp.170–181.
Sarianidi V., 1998. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. Moscow: Pentagraphic. 335 p.
Sarianidi V. I., 1989. Protozoroastriyskiy khram v Margiane i problema vozniknoveniya zoroastrizma [Proto-Zoroastrian temple in Margiana and problem of emergence of Zoroastrianism]. *VDI*, 1, pp. 152–169.
Sarianidi V. I., 1990. Drevnosti strany Margush [Antiquities of Land of Margush]. Ashkhabad: Ylym. 313 p.
Sarianidi V. I., 2001. Nekropol' Gonura i iranskoe yazychestvo [Gonur necropolis and Iranian paganism]. Moscow: Mir-media. 243 p.
Sarianidi V. I., 2006. Tsarskiy nekropol' na Severnom Gonure [Royal cemetery at North Gonur]. *VDI*, 2, pp. 155–192.
Sarianidi V. I., 2010. Zadolgo do Zaratushtry (Arkheologicheskie dokazatel'stva protozoroast-rizma v Baktrii i Margiane) [Long before Zarathustra (Archaeological evidences of proto-Zoroastrianism in Bactria and Margiana)]. Moscow: Staryy sad. 147 p.
Sarianidi V. I., Dubova N. A., 2012. Arkheologicheskie raboty Margianskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 2008–2010 gg. [Archaeological works of Margiana archaeological expedition in 2008–2010]. *TMAE*, 4. V. I. Sarianidi, ed. Moscow: Staryy sad, pp. 29–63.
Toporov V. N., 1992. Mandala [Mandala]. *Mify narodov mira [Myths of the people of the world]*. T. 2. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, pp. 100–102.

About the author.

Antonova Yelena V., Institute of Oriental studies Russian Academy of Sciences, ul. Rozhdestvenka, 12, Moscow, 107031; e-mail: kachalowa.ir@yandex.ru.

С. В. Дмитриев

ДОМЕСТИКАЦИЯ В КИТАЕ: ПОПЫТКА ОБОБЩЕНИЯ ДАННЫХ

Резюме. Статья призвана показать современное положение в области изучения истории одомашнивания; особенное внимание уделяется Китаю. В последнее время благодаря появлению новых методик ученым удалось сильно продвинуться в аргументации датировок одомашнивания тех или иных видов животных и локализации этих процессов. Место Китая как одного из основных центров доместикации подтверждено, хотя далеко не все виды были одомашнены здесь независимо от иных центров – большинство было привнесено извне.

Ключевые слова: Китай, одомашнивание, археология, ДНК-анализ, методология, неолит.

Данное сообщение, ни в коей мере не претендуя на научную новизну, ставит своей целью ознакомить российских специалистов с новыми результатами ученых – прежде всего археологов и генетиков – в области изучения истории одомашнивания животных в Китае, а также с методами, которые ими сейчас используются[1]. Новые находки, а также проанализированные с использованием новых методов старые материалы позволили выстроить довольно убедительную хронологию истории одомашнивания в Китае. Новые данные подтвердили старую гипотезу о том, что Китай (центральные области) входит в число трех основных центров одомашнивания (наряду с Ближним Востоком и Андами)[2].

Выражения «пять видов злаков» (*у-гу* – 五穀) и «шесть видов домашнего скота» (*лю-чу* – 六畜) расшифровываются по-разному(но чаще всего первое имеет

[1] Материал (в своей «китайской» части) основан прежде всего на статье Юань Цзина, сотрудника Центра научной археологии Института археологии Китайской академии общественных наук (*Юань Цзин*, 2010). Именно эта статья является источником данных в тех случаях, когда они не снабжены иной ссылкой. О современных представлениях западных ученых относительно одомашнивания хорошее представление дает статья Г. Ларсона и Д. Фуллера (*Larson, Fuller*, 2014).

[2] (См.: *Larson, Fuller*, 2014. P. 122). Интересно, что новейшие исследования выделяют гораздо больше центров, в которых происходило освоение земледельческих культур, – около 20.

в виду сою, пшеницу, чумизу, просо и коноплю (рис), а второе – лошадь, корову, овцу, свинью, собаку и курицу) и появляются (нередко вместе) в китайских источниках довольно рано, еще в доимперскую эпоху, в *Цзо чжуани* (左傳 «Комментарий [господина] Цзо [Цю-мина к летописи «Весны и осени»]»), составленном в IV–III вв. до н. э., и *Чжоу ли* (周禮 «Чжоуский ритуал»), составленном не позднее IV в. до н. э. (*Хань-юй*, 1997. Т. 1. С. 164, 748): к этому времени набор уже воспринимался едва ли не как константа китайской культуры[3]. Естественно, после появления в Китае современной науки ученые понимали, что это не совсем так, но конкретных данных о времени одомашнивания того или иного вида в их распоряжении почти не было. Ситуация осложнялась тем, что в течение значительной части XX в. своего рода «борьба за приоритеты» была довольно типичной чертой китайской археологии, что делало объективное изучение вопроса крайне затруднительным. Речь шла не о том, чтобы найти истину: прежде всего, необходимо было дать отпор западным империалистам (временами – также и советским ревизионистам), которые осмеливались заявлять, что не все достижения человечества пришли из Китая. К счастью, в последние десятилетия китайская наука стремительно выздоравливает от подобных «болезней роста», что, конечно, делает работы китайских археологов гораздо более ценными для зарубежных специалистов. Работы по доместикации не являются исключением.

В течение долгих лет однозначных ответов на многие вопросы в области одомашнивания, в сущности, и не могло быть получено, поскольку отличить костные останки домашнего животного от дикого бывает непросто, особенно на ранних этапах доместикации, когда одомашненные особи ничем (или почти ничем) еще не отличались от своих диких собратьев. Однако к настоящему моменту китайскими учеными разработана довольно эффективная методика анализа найденного материала.

Конечно, наибольшая удача для археолога – найти следы построек, предназначенных для разведения домашних животных, но такие находки редки и не всегда могут быть однозначно атрибутированы. С высокой степенью вероятности к числу домашних относятся животные, чьи останки находят в людских захоронениях – сопогребение животных говорит о том, что люди чувствовали с ними особую связь, они занимали важное место в их картине жизни. Дикие животные (за исключением тотемных) редко были настолько важны для древних людей[4].

Многое может сказать и анализ непосредственно костных останков. Например, дикие животные почти никогда не страдают от заболеваний зубов – в отличие

[3] Довольно характерно, что хотя в китайских мифах сохранились очень любопытные сведения о том, как люди жили до знакомства с огнем, каменными орудиями и земледелием, следов исторической памяти об одомашнивании животных в них, кажется, нет.

[4] Абсолютные лидеры в роли таких «загробных компаньонов» на территории Китая – свиньи. Собаки относительно часто встречаются в могилах только в восточной части Китая, а овцы «появляются» в погребениях только в позднем неолите. Однозначно интерпретировать эти данные непросто, но очевидно, что они многое могут сказать о хозяйстве и верованиях людей, населявших разные районы Китая, а также лишний раз подчеркивают, насколько различны были эти племена в самых разных аспектах.

от домашних[5]; у домашних лошадей и тягловых быков зубы часто деформируются из-за воздействия удил – чего, конечно, не бывает с дикими животными. В случае животных, которые, прежде всего, выращивались для мяса, важным показателем может быть примерно одинаковый возраст обнаруживаемых на стоянке особей – ведь если диких кабанов съедали в том возрасте, в котором их удалось добыть, то домашних свиней забивали примерно в одном и том же возрасте – когда они набрали достаточную массу. В последнее время интересные результаты приносит ДНК-анализ, позволяющий ответить на ряд вопросов, которые ранее решению не поддавались. Именно этот новый инструментарий делает вопросы доместикации одной из наиболее динамично развивающихся научных областей.

Первой, судя по всему, человеком была одомашнена собака. У ученых нет полной уверенности, когда и где это произошло: данные генетики говорят, что все ныне живущие собаки родственны особи, одомашненной в 16 000–11 000 тыс. до н. э. (*Freedman et al.*, 2014). Причем наиболее новые исследования, как кажется, указывают на то, что произошло это в Европе (*Thalmann et al.*, 2013), а не в Азии, как предполагалось раньше (многие, впрочем, считают так и сейчас, см., например: *Cossins*, 2013). Археологические находки позволяют датировать это событие еще более древним временем: на верхнепалеолитической стоянке Предмости (Predmosti) в Чехии, относящейся к Граветтской культуре и датирующейся 32 000–22 000 тыс. до н. э., найдено три черепа, определенных как принадлежащие собакам (они меньше и грацильнее волчьих). Важно, что эти черепа найдены неподалеку от человеческих захоронений (*Germonpréa et al.*, 2012); в зубы одного из черепов вставлен кусок кости, возможно, принадлежавшей мамонту: ученые предполагают, что кость была вставлена уже после смерти собаки (*Viegas*, 2011). Все это заставляет считать, что, с высокой долей вероятности, в данном случае мы имеем дело уже не с дикими животными, а с одомашненными или находящимися в процессе одомашнивания. Ряд костных останков, которые, с высокой долей вероятности, могут быть определены как собачьи, датируется еще более давним временем[6], однако в этих случаях нет никаких доказательств, что речь идет о домашнем животном.

Так или иначе, вполне очевидно, что собака стала спутником человека значительно раньше неолитической революции – их одомашнили охотники, для которых они стали незаменимыми помощниками. Вероятно, изначально дикие особи[7] были привлечены к стойбищам возможностью полакомиться костями

[5] Все отличительные признаки, связанные с зубами, крайне важны – ведь именно зубы сохраняются лучше других костей и достаются археологам особенно часто.

[6] Речь идет о черепе из пещеры Гуайе (Goyet) в Бельгии, датируемом 36 000 до н. э. и черепе из Разбойничьей пещеры на Алтае (33 500 до н. э.) (подробнее см.: *Thalmann et al.*, 2013).

[7] Интересно, что ряд ученых считает предком домашней собаки не волка современного вида (*Canis lupus*), а ныне исчезнувшую разновидность волков эпохи верхнего палеолита, чьи популяции генетически были несколько более разнообразны, чем современные. Эта разновидность, вероятно, населяла прежде всего Европу. Эти ученые объясняют близость генома собаки и волка не тем, что волки являются предками собак, а часто происходившим в ходе истории скрещиванием этих двух близких видов (см.: *Freedman et al.*, 2014; *Viegas*, 2014).

пойманных охотниками животных, а впоследствии они стали перемещаться вместе с охотниками, пройдя через стадию взаимовыгодного и почти равноправного сотрудничества[8] к превращению в домашних животных. Ряд исследований показал, что даже простой отбор менее агрессивных особей для дальнейшего разведения может в течение всего нескольких поколений сильно изменить не только типовое поведение, но и внешний вид животных (см., например: *Trut*, 1999).

Судя по всему, Китай не участвовал в одомашнивании собаки; как в типично земледельческом и с древности сравнительно плотно заселенном регионе, неолитическая революция здесь, очевидно, прошла раньше, чем началось одомашнивание животных. На данный момент наиболее древние неолитические стоянки, датируемые примерно 10 тыс. до н. э., найдены в Цзянси (ст. Сянжэньдун – 仙人洞) и Хунани (ст. Юйчанъянь –玉蟾岩). Степень их развития достаточно высока – например, они уже изготавливали керамические сосуды, но следов одомашнивания животных там еще, как кажется, нет. Это вполне понято – роль животноводства в Китае никогда не была даже близко сравнима с земледелием.

Древнейшей находкой, связанной с собакой на территории Китая, видимо, следует считать найденный на стоянке Наньятоу (南压头) (ок. 10 000 л. н., уезд Сюйшуй пров. Хэбэй) зуб, по размеру несколько меньший, чем волчий (79,40 мм вместо 90). Впрочем, принадлежность данного зуба именно собаке пока не может быть доказана со стопроцентной уверенностью. Однако несколько более поздние находки, связанные со ст. Цзяху (贾湖) (9000 л. н., уезд Уян, пров. Хэнань), более убедительны – в могилах и неподалеку от них найдены останки 11 особей собаки (выше мы отмечали, насколько важным, с точки зрения китайских ученых, является нахождение останков животных в захоронениях). Интересно, что зубы этих особей еще меньше – в среднем 72,68 мм.

Второй в Китае, кажется, была одомашнена свинья, и в данном случае Китай стал одним из независимых центров доместикации. Судя по всему, впервые свинья была одомашнена около 15 000 л. н. в бассейне Тигра[9]. В Китае самые ранние следы присутствия свиньи найдены на уже упоминавшейся ст. Цзяху в Хэнани (ок. 9000 л. н.). Судя по возрасту особей и состоянию их зубов, это, видимо, уже домашние свиньи. Интересно, что свиньи, чьи следы были найдены на ст. Куахуцяо (跨湖桥) (ок. 8200 л. н., уезд Сушань, пров. Чжэцзян) несколько крупнее, чем их северные собратья. Это полностью соотносится с тем фактом, что дикие свиньи юга Китая также несколько крупнее северных. Не исключено, что даже в самом Китае могло быть несколько независимых центров

[8] Практически на этой стадии взаимоотношения человека и собаки находятся в монгольских степях – стаи собак кочуют вместе с людьми, питаясь остатками пищи и иными людскими отходами. Взамен собачьи стаи, отстаивая свою территорию, фактически охраняют стоянки и стада от чужаков и волков. В этой ситуации собака (даже щенок) практически никогда не может выступать животным-компаньоном – несравнимо чаще в этой роли можно увидеть ягненка или козленка, взятого в юрту на первое время после рождения.

[9] Подробнее об этом, а также вообще о ранней истории взаимоотношений свиньи с человеком см. (Ancestors…, 1998).

одомашнивания свиньи. Ряд исследователей полагает, что свинью одомашнили в Китае и просоводы долины Хуанхэ, и земледельцы-собиратели болотистых местностей юга (*Cucchi et al.*, 2011; *Flad et al.*, 2007). Вероятно, изначально свиньи были не только объектом охоты, но и спутниками людей – их привлекали людские отходы. Интересно, что в Китае способ использования свиньи для утилизации человеческих экскрементов был разработан, вероятно, очень рано; с этой целью отхожее место строилось таким образом, чтобы экскременты попадали в стойло свиньи, которая их пожирала. Этот оригинальный способ зафиксирован не только этнографически – изображения подобных туалетов нередко встречаются среди глиняных миниатюр зданий, которые было принято класть в могилы во времена империи Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.) (см. рис. 1; 2); сейчас он уже почти не используется, так как китайские власти в последние годы начали жесточайшую борьбу с этим практичным, но не вполне отвечающим современным представлением о гигиене обыкновением (*Winblad, Kilama*, 1985. P. 13)

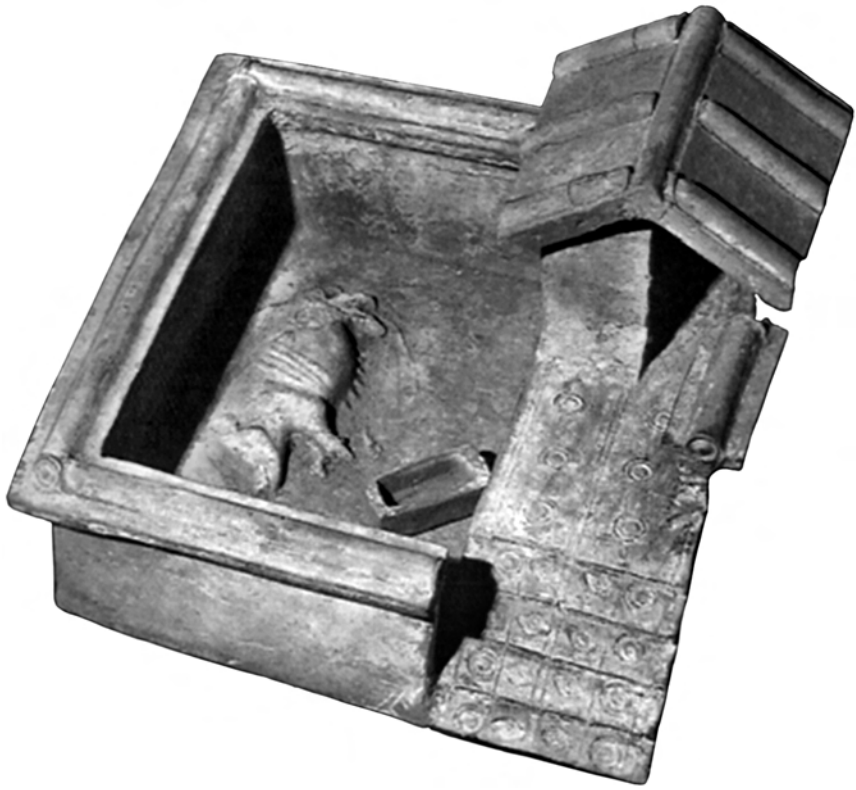


Рис. 1. Отхожее место, совмещенное со свинарником.
Глиняная скульптура эпохи Хань (Лю Сю-цзе, 1988. С. 19 (цв. врезка))

Рис. 2. Отхожее место, совмещенное со свинарником.
Глиняная скульптура эпохи Западная Хань. Исторический музей провинции Шэньси (Шэньси-шэн лиши боугуань 陕西省歷史博物館**), Сиань. Фото Дж. Хилла (John Hill)**

(URL: https -//upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/3/33/Green_glazed_toilet_with_pigsty_model._Eastern_Han_dynasty_25_-_220_CE.jpg)

Следующей, судя по всему, в Китае появилась домашняя кошка, впрочем, не перечисляемая среди «шести видов домашнего скота», вероятно, из-за того, что, в отличие от собачины, кошачье мясо никогда не считалось съедобным в северном Китае. Кошки становились спутниками земледельцев (возможно, даже собирателей), чьи запасы зерновых привлекали грызунов. Кажется, кошка впервые стала постоянным спутником человека в Европе приблизительно 11 000–10 000 л. н. (*Vigne et al.*, 2012). Самые древние находки, связанные с домашней кошкой в Китае, кажется, датируются приблизительно 5300 л. н., они найдены на стоянке Цюаньхуцунь (泉护村), уезд Хуасянь пров. Шэньси. Одна из найденных кошек по возрасту значительно превосходила диких собратьев; вторая, как кажется, питалась в основном не мясом, а просом, что также может объясняться только ее домашним статусом (*Hu et al.*, 2014). Эти датировки могут заставить нас полностью пересмотреть наши представления об истории одомашнивания кошки – ведь из-за того, что домашние кошки физически крайне мало отличаются от диких, нам совсем немного известно об этом процессе с его первых шагов (см. выше) до очевидного одомашнивания и даже обожествления

кошки в древнем Египте, наиболее ранние бесспорные свидетельства чего появляются ок. 4000 л. н. (*Faure, Kitchener*, 2009). Находки в Цюаньхуцунь, в принципе, заставляют рассматривать Китай если не как один из центров одомашнивания кошки, то, по крайней мере, как место одной из наиболее древних находок, связанных с домашней кошкой. Столь раннее появление кошки в Китае можно объяснить лишь довольно активным торговым обменом долины Хуанхэ III–IV тыс. до н. э. с Западной Азией, о чем нам на данный момент практически ничего не известно.

Овца и коза, как считается, были одомашнены в Юго-Западном Иране, в районе гор Загроса, ок. 10 500 – 10 000 л. н. (*Ensminger, Parker*, 1986. P. 4; *Naderi et al.*, 2008). В диком виде эти животные (муфлон *Ovis orientalis* и безоаровый козел *Capra aegagrus aegagrus*) были излюбленной дичью местных жителей, и именно это стало причиной их одомашнивания – пойманных охотниками ягнят и козлят приносили в поселения, где они вырастали вполне ручными. В дальнейшем дикие популяции вблизи поселений неуклонно уменьшались, а хозяйственное значение прирученных животных росло. Это, вероятно, происходило параллельно с освоением земледельческих культур.

На территории современного Китая овца и коза появляются, видимо, во второй половине VI тыс. до н. э., прежде всего на северо-западе – в Ганьсу и Цинхае. Самая ранняя точно датируемая находка овцы связана со стоянкой Шичжаоцунь (师赵村) культуры Мацзяяо (Ганьсу, г. Тяньшуй), датируемой рубежом V–IV тыс. до н. э. На этой стоянке кости обнаружены в погребении. На нескольких соседних стоянках также обнаружено много костных останков, часть из них, видимо, со следами гадания[10]. Самая древняя находка козы (3700 л. н.) относится к культуре Эрлитоу (二里头) (уезд Яньши, Хэнань), которая многими исследователями связывается с первой легендарной династией китайской истории – Ся. Анализ ДНК овец показал, что китайские овцы, очевидно, связаны с центральноазиатскими и европейскими линиями и обнаруживают сравнительно слабое родство с монгольскими и тибетскими разновидностями. Судя по всему, в Китай овцы и козы попали из Центральной Азии в уже одомашненном виде.

У ученых нет согласия относительно места, где была впервые одомашнена корова, – во многом потому, что параллельно шел процесс одомашнивания двух диких подвидов – дикого быка (тура) *Bos taurus taurus* (*Bos primigenius*) на Ближнем Востоке и зебу *Bos taurus indicus* в долине Инда, на определенном этапе две линии пересеклись; не исключено, что в формировании современных домашних коров также участвовала и независимая северо-африканская линия (основанная на одомашнивании *Bos taurus africanus*) (*McTavish et al.*, 2013). Ряд генетических исследований показывает, что все ныне живущие коровы являются потомками примерно 80 одомашненных особей, живших около 10 500 л. н. в юго-восточных районах современной Турции и на севере Ирака (*Bollongino et al.*, 2012). Домашние зебу зафиксированы в долине Инда между 9000 и 7000 л. н. (*Fuller*, 2006): возможно, они были одомашнены местными жителями вскоре после освоения

[10] Впоследствии эта практика была воспринята и в долине Хуанхэ – именно на гадательных костях появляются самые древние из дошедших до нас древнекитайских текстов.

земледелия – ранее дикие зебу входили в число их охотничьих трофеев. Впрочем, не исключено, что одомашнивание зебу началось лишь после появления в Индии одомашненных потомков ближневосточных диких быков (*Larson, Burger*, 2013). Помимо биологически вероятной, но археологически практически не доказанной северо-африканской линии, есть не слишком хорошо документированные предположения о существовании нескольких линий одомашнивания в Юго-Восточной Азии (где, возможно, исходным диким видом был бантенг *Bos javanicus*), чье изучение осложняется последующей метизацией гипотетических местных линий с привнесенными из Индии (Ibid.). Наконец, очень интересные находки недавно были сделаны в Северном Китае – была обнаружена нижняя челюсть коровы, датированная серединой IX тыс. до н. э. Характер износа зубов, как кажется, типичен именно для домашних животных. Если датировки верны, то это означает, что в Китае коровы были одомашнены примерно тогда же, когда и на Ближнем Востоке. Впрочем, как представляется, даже если предположения ученых и верны, этот эпизод одомашнивания не имел последствий – анализ генома показал, что северокитайская особь почти наверняка не является предком современных домашних коров (*Zhang et al.*, 2013).

Так или иначе, домашняя корова современного вида появляется в среднем течении Хуанхэ сравнительно поздно – ок. 4500–4000 л. н. Наиболее древние находки (начало II тыс. до н. э.) сделаны на ст. Шаньтайсы (山台寺) (уезд Чжэчэн, пров. Хэнань) в ареале культуры Луншань. Примерно в это время корова быстро распространяется по всему ареалу и становится крайне популярным животным. Очевидно, в бассейн Хуанхэ она попадает уже после доместикации, вероятно, с запада.

Лошадь, как считается, была одомашнена ок. 7000 л. н. в степях Центральной Азии кочевыми овцеводами. Возможно, вначале основной задачей, для которой использовались домашние лошади, была охота на стада их диких собратьев. 5500–4000 л. н. начинают происходить значительные морфологические изменения домашних лошадей, помимо верховой езды их начинают использовать как тягловый скот, а также для получения молока (*Anthony*, 2009). Наиболее ранние свидетельства получения от лошадей молока были найдены на ст. Ботай в Центральном Казахстане, они датируются серединой IV тыс. до н. э. (*Outram et al.*, 2009).

На ранних стоянках северного Китая довольно много находок лошадей, но все они, судя по всему, являлись дикими особями, добытыми на охоте. Самая ранняя находка (XVIII в. до н. э.), которую можно связать с домашней лошадью, сделана при исследовании стоянки Дахэчжуань (大何庄) (уезд Юнцин, пров. Ганьсу) культуры Цицзя – кости лошади найдены в погребении. В нескольких других стоянках культуры Цицзя также найдено довольно много останков лошадей. Видимо, именно из этого региона, выполняющего роль медиатора между земледельческими культурами долины Хуанхэ – «колыбелью китайской цивилизации» – и степью, домашние лошади и попали к древним китайцам. Самая древняя находка в долине Хуанхэ датируется XIII в. до н. э. – это т. н. *чэмакэны*, ямы, в которых погребены лошади, запряженные в колесницы. Такие находки сделаны в последней столице династии Шан – Иньсюе, а также в районе г. Сиань пров. Шэньси, где находились исконные земли чжоусцев, которым вскоре

суждено было уничтожить династию Шан и занять ее место. Судя по всему, домашняя лошадь в течение более чем тысячи лет была не нужна древним китайцам – ее содержание было дорого, подходящих пастбищ не хватало, а функцию тяглового и пахотного скота выполняли быки. Но когда в долине Хуанхэ сформировалось государство, правители которого нуждались в эффектном выезде и могли себе его позволить, лошадь была быстро адаптирована и распространилась достаточно широко – но, видимо, исключительно среди высшей аристократии. Эту высокопрестижную роль лошадь сохранила в Китае надолго.

Последней, судя по всему, в Китае появилась курица. Вопрос места и времени одомашнивания этой птицы вообще крайне трудно поддается решению, поскольку процесс доместикации очень долго не оказывал на внешний вид этих птиц никакого влияния[11]. На данный момент считается, что впервые курица была одомашнена в долине Инда (возможно, вначале основной целью приручения этой птицы, которую в людские поселения привлекали остатки пищи и отходы жизнедеятельности людей и животных, были не мясо и яйца, а развлечения в виде петушиных боев) приблизительно 4000–4500 л. н., и уже оттуда распространилась по всему миру (*Fuller*, 2006).

В Китае следы присутствия кур находят довольно часто, например, они найдены на стоянке Цышань (磁山) (уезд Уань, пров. Хэбэй) (8000 л. н.) и стоянке Бэйшоулин (北首岭) (г. Баоань, пров. Шэньси) (7000 л. н.), но степень одомашенности этих кур совершенно неясна (дикая форма курицы – банкивская джунглевая курица *Gallus gallus* – водится и на территории Китая). В позднем неолите и раннем бронзовом веке появляются глиняные и бронзовые фигурки, изображающие кур (особенно это характерно для культур юга Китая – пров. Хубэй (ст. Шицзяхэ – 石家河, глиняные статуэтки) и Сычуань (ст. Саньсиндуй – 三星堆, бронзовые статуэтки), однако это также не может считаться однозначными доводом в пользу того, что модели скульпторов были уже одомашнены. Впервые кости курицы находят в могиле (что, как мы видели, считается важным доводом в пользу уже произошедшего одомашнивания) на ст. Дадяньцзы (大甸子) (г. Чифэн, Внутренняя Монголия) (3600 л. н.) вместе с костями собаки и свиньи. Много находок этого же типа (в захоронениях) сделано и при раскопках шанской столицы в Иньсюе (XIV–XI вв. до н. э.)[12].

Таким образом, формирование «шести домашних животных» завершилось совсем не в такой глубокой древности, как можно подумать, исходя из данных письменных источников, – практически уже в начале письменной истории Китая. Это заставляет еще раз задуматься о том, насколько избирательна и изменчива т. н. историческая память, даже в случае с цивилизациями, развивавшимися непрерывно.

[11] К тому же у кур нет зубов, которые, как мы видели, очень помогают ученым находить ответы на многие вопросы.

[12] Костные останки кур встречаются в Иньсюе значительно чаще, чем кости иных животных – диких или домашних. Это особенно интересно, если учитывать, что курица в это время, вполне вероятно, относилась к числу животных, одомашненных сравнительно недавно.

Вместо заключения рассмотрим еще несколько видов домашних животных, которых не почтили вниманием древнекитайские авторы, но при этом, как представляется, именно Китаю (вероятнее всего, южному) принадлежит полный или частичный приоритет в их одомашнивании.

Начать, без сомнения, необходимо с тутового шелкопряда *Bombyx mori*. Наиболее древние находки коконов датируются 6000 л. н., тканей – 5300–3300 л. н., причем находки сделаны в Таиланде (*Cameron*, 2010). Впрочем, исследования генома указывают, что современные особи являются потомками шелкопрядов, одомашненных в Китае около 5000 л. н. (*Normile*, 2009). Первые археологические свидетельства шелководства в долине Хуанхэ относятся к эпохе культуры Яншао (V–III тыс. до н. э.) (*Barber*, 1992. P. 31). Некоторые специалисты полагают, что в самом примитивном виде идея использования шелковичного червя в хозяйстве появилась у народов Южного Китая, которые и сейчас изготавливают своего рода фестоны, сажая готовую окуклиться гусеницу в специальную коробочку и не давая ей соткать кокон. Гусеница, ползая в замкнутом пространстве, создает из вырабатываемой ей нити толстую подушечку, которую потом можно использовать для украшения одежды[13]. Так или иначе, именно китайцы сумели полностью оценить выгоды, которые сулит невзрачная бабочка, и поставить разведение шелкопряда и производство шелка на по-настоящему индустриальную высоту (подробнее см.: *Дмитриев, Кантор*, 2011).

Интересно, что, в отличие от иных животных, одомашнивание шелкопряда отражено в легендах, наиболее распространенная из которых приписывает открытие шелкоткачества супруге легендарного императора Хуан-ди Лэйцзу (嫘祖) (госпоже Силин – 西陵氏). Согласно легенде, кокон шелкопряда упал императрице в чай[14], она машинально стала разматывать нить и наматывать ее на палец – и вдруг ощутила, что эта тончайшая нить неплохо греет (*Kuhn*, 1984).

Китай был монополистом в производстве шелка до первой половины I в. н. э., когда шелк стали производить также в Хотане. В середине II в. секрет стал известен в Индии, около середины VI в. н. э. – в Византии. Только после захвата в 1147 г. Рожером II Сицилийским двух важных византийских шелководческих центров – Коринфа и Фив – и вывоза оттуда мастеров и оборудования в Палермо и Калабрию шелководство перестало быть ревниво хранимым секретом (*Muthesius*, 2003. P. 331).

Следующие заслуги в одомашнивании связаны, прежде всего, с рисоводами долины Янцзы – именно здесь, судя по всему, около 2000 л. н. был одомашнен

[13] Автор благодарит за эту информацию видного французского синолога и коллекционера госпожу Ольгу Родель (Olga Rodel).

[14] Что, к слову говоря, показывает, насколько поздно возникла эта легенда – ведь даже в рацион южных китайцев чай вошел не ранее III–VI вв. н. э. (*Крюков и др.*, 1984. С. 147–148) – а Хуан-ди конфуцианские историографы считали тысячи на три лет древнее. Впрочем, недавно на ст. Тяньлошань (田螺山) близ г. Юйяо в пров. Чжэцзян были, в числе прочего, найдены корни и смола чайного куста, датируемые серединой IV тыс. до н. э. В таком случае историю чая в Китае (да и в мире в целом) придется значительно удлинить (*Сунь Гопин*, 2009).

сазан *Cyprinus carpio* (одомашненную форму принято называть карпом) – вероятно, первыми садками для его разведения были рисовые поля (*Nakajima et al.*, 2012). Несколько позже карпа начали разводить и в Японии (*Nakajima et al.*, 2010). Интересно, что тут приоритет Китая спорен – примерно в то же время карпа одомашнили и римляне – археологами обнаружены следы множества прудов для разведения карпа в бассейне Дуная и в Италии (*Balon*, 1994; 2004). Впрочем, после крушения Римской империи эти достижения были забыты и возрождены монахами между XIII и XVI вв., а в Китае разведение, однажды освоенное, уже не прекращалось.

Не вполне ясна ситуация с одомашниванием утки и гуся – у нас нет археологических доказательств одомашнивания их в Китае, но письменные источники фиксируют это событие не позднее середины I тыс. до н. э. – судя по всему, начало одомашниванию водной птицы также было положено рисоводами долины Янцзы, но зоологических деталей у нас явно недостаточно (*Luff*, 2000). На Западе же гуси[15] были одомашнены, вероятно, еще в Египте (*Boessneck*, 1988), присутствовали в греческих и римских хозяйствах и оставались важной частью рациона в средние века (*Serjeantson*, 2002). Что касается утки, то, как кажется, самый древний эпизод одомашнивания в Европе связан со шведским островом Эланд в Балтийском море, где около 1000 г. н. э. была одомашнена дикая кряковая утка *Anas platyrhynchos* (*Boessneck et al.*, 1979). Так или иначе, даже в этих не вполне документированных случаях Китай может рассчитывать на одно из первых мест в борьбе за приоритеты.

Данная статья по сути своей, конечно, является компиляцией и отнюдь не претендует на полноту. Однако нам кажется, что она может сослужить неплохую службу, особенно учитывая то, что вопросы одомашнивания, столь активно обсуждающиеся сейчас в мире, по неизвестным причинам не слишком часто находят достойное отражение в отечественной историографии, особенно гуманитарной.

ЛИТЕРАТУРА

Дмитриев С. В., Кантор Г. М., 2011. Мир под властью четырех империй: сравнительный анализ властных структур и роди международной торговли во II в. н. э. // В потоке научного творчества: К 80-летию акад. В. С. Мясникова. М.: Наука. С. 185–202.

Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В., 1984. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М.: Наука. 335 с.

Лю Сю-цзе 劉銹傑, 1988. Хань минци тао-лоу 漢明器陶樓 (Миниатюрные глиняные здания эпохи Хань) // Чжунго да байкэ цюаньшу. Цзяньчжу; юаньлинь; чэнши гуйхуа 中國大百科全書。建築，園林，城市規劃 (Большая китайская энциклопедия. Строительство, парки, планирование городов). Пекин: Чжунго да байкэ цюаньшу чубань-шэ 中國大百科全書出版社 (Большая китайская энциклопедия). С. 195.

Сунь Гопин 孫國平, 2009. Чжэцзян Юйяо Тяньлошань ичжичу-ту 6000 нянь цянь ды гу ча-шу 浙江餘姚田螺山遺址出土6000年前的古茶樹 (Древнее чайное дерево возрастом в 6 тысяч лет выкопано на стоянке Тяньлошань (Юйяо, Чжэцзян) // Нинбо жибао 寧波日報 (Нинбоская газета). 10.01. P. 1.

[15] В отличие от Китая, где был одомашнен гусь-сухонос *Anser cygnoides*, домашние гуси Запада происходят от серого гуся *Anser anser*.

Хань-юй да цыдянь 漢語大詞典 (Большой словарь китайского языка), 1997 / Под ред. Ло Чжуфэна 羅竹風. Со-инь бэнь 縮印本 (Издание уменьшенного формата). Шанхай: Хань-юй да цыдянь чубань-шэ 漢 語大詞典出版社 (Издательство «Большой словарь китайского языка»). Т. 1–3. P. 7924.

Юань Цзин 袁靖, 2010. Чжунго гудай цзя-ян дунъу ды дунъу каогусюэ яньцзю 中国古代家养动物的动物考古学研究 (Изучение домашних животных древнего Китая с помощью археологии животных) // Ди сы цзи яньцзю 第四纪研究 (Поквартальные научные записки) (Quarternary sciences). Т. 30. № 2. Март. С. 298–306.

Ancestors…, 1998 – Ancestors for the Pigs. Pigs in prehistory / Ed. S. M. Nelson. Pennsilvania: University of Pennsylvania. 146 p.

Anthony D. W., 2009. The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders From the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton: Princeton University Press. 568 p.

Balon E. K., 1994. Origin and domestication of the wild carp, Cyprinus carpio: from Roman gourmets to the swimming flowers // Aquaculture. № 129. P. 3–48.

Balon E. K., 2004. About the oldest domesticates among fishes // Journal of Fish Biology. № 65. Supplement A. P. 1–27.

Barber E. J. W., 1992. Prehistoric textiles: the development of cloth in the Neolithic and Bronze Ages with special reference to the Aegean. Princeton: Princeton University Press. 471 p.

Boessneck J., 1988. Die Tierwelt des Alten Ägypten. München: Verlag C. H. Beck. 198 p.

Boessneck J., von den Driesch A., Stenberger L., 1979. Eketorp: Befestigung und Siedlung auf Őland/ Schweden; Die Fauna. Stockholm: Almqvist & Wiksell. 504 p.

Bollongino R., Burger J., Powell A., Mashkour M., Vigne J.-D., Thomas M. G., 2012. Modern Taurine Cattle Descended from Small Number of Near-Eastern Founders // Molecular biology and evolution. Vol. 29. Iss. 9. P. 2101–2104.

Cameron J., 2010. The archaeological textiles from Ban Don Ta Phet in broader perspective // 50 Years of Archaeology in Southeast Asia: Essays in Honour of Ian Glover / Eds B. Bellina, E. A. Bacus, O. Pryce, C. Weissman. Bangkok; London: River Books. P. 141–152.

Cossins D., 2013. Dogs and Human Evolving Together // The Scientist, May 16 [Electronic resource]. Access mode: http://www.thescientist.com/?articles.view/articleNo/35585/ title/Dogs-and-Human-Evolving-Together/. Date of access: 14.05.2015.

Cucchi T., Hulme-Beaman A., Yuan J., Dobney K., 2011. Early Neolithic pig domestication at Jiahu, Henan Province, China: clues from molar shape analyses using geometric morphometric approaches // Journal of Archaeological Science. № 38. P. 11–22.

Ensminger M. E., Parker R. O., 1986. Sheep and Goat Science. Fifth Edition. Danville, Illinois: The Interstate Printers and Publishers Inc. 643 p.

Faure E., Kitchener A., 2009. An archaeological and historical review of the relationships between felids and people // Anthrozoos. № 22(3). P. 221–238.

Flad R. K., Yuan J., Li S., 2007. Zooarcheological evidence for animal domestication in northwest China. Late Quaternary Climate Change and Human Adaptation in Arid China / Eds D. B. Madsen, X. Gao, F. H. Chen. Amsterdam: Elsevier. P. 167–203.

Freedman A. H., Gronau I., Schweizer R. M., Ortega-Del Vecchyo D., Han E., Silva P. M., Galaverni M., Fan Zh., Marx P., Lorente-Galdos B., Beale H., Ramirez O., Hormozdiari F., Alkan C., Vilà C., Squire K., Geffen E., Kusak J., Boyko A. R., Parker H. G., Lee C., Tadigotla V., Siepel A., Bustamante C. D., Harkins T. T., Nelson S. F., Ostrander E. A., Marques-Bonet T., Wayne R. K., Novembre J., 2014. Genome Sequencing Highlights the Dynamic Early History of Dogs // PLOS Genetics, 16 January [Electronic resource]. Access mode: http://journals.plos.org/plosgenetics/article?id=10.1371/journal.pgen.1004016. Date of access: 14.05.2015.

Fuller D. Q., 2006. Agricultural origins and frontiers in South Asia: a working synthesis // Journal of the World Prehistory. № 20. P. 1–86.

Germonpréa M., Lazkickova-Galetova M., Sablin M., 2012. Palaeolithic dog skulls at the Gravettian Predmosti site, the Czech Republic // Journal of Archaeological Science. № 39. P. 2797–2801.

Hu Y., Hu S., Wang W., Wu X., Marshall F. B., Chen X., Hou L., Wang C., 2014. Earliest evidence for commensal processes of cat domestication // Proceedings of National Academy of Sciences of the United States of America. № 111. P. 116–120.

Kuhn D., 1984. Tracing a Chinese Legend: In Search of the Identity of the First Sericulturalist // T'oung Pao. № 70. P. 213–245.

Larson G., Burger J., 2013. A population genetic theory of animal domestication // Trends in Genetic. № 29. P. 197–205.

Larson G., Fuller D. Q., 2014. The Evolution of Animal Domestication // Annual Review of Ecology, Evolution, and Systematics. № 66. P. 115–136.

Luff R., 2000. Ducks // Cambridge World History of Food / Eds K. F. Kiple, K. C. Ornelas. Cambridge: Cambridge University Press. P. 517–524.

McTavish E. J., Decker J. E., Schnabel R. D., Taylor J. F., Hillis D. M., 2013. New World cattle show ancestry from multiple independent domestication events // PNAS USA. February 21. Vol. 110 (15). P. 1398–1406.

Muthesius A., 2003. Silk in the Medieval World // The Cambridge History of Western Textiles. Vol. 1 / Ed. D. Jenkins. Cambridge: Cambridge University Press. P. 325–354.

Naderi, S., Rezaei H.-R., Pompanon F., Blum M. G. B., Negrini R., Naghash H.-R., Balkiz Ö., Mashkour M., Gaggiotti O. E., Ajmone-Marsan P., Kence A., Vigne J.-D., Taberlet P., 2008. The goat domestication process inferred from large-scale mitochondrial DNA analysis of wild and domestic individuals // PNAS USA. November 18. Vol. 105 (46). P. 17659–17664.

Nakajima T., Nakajima M., Yamazaki T., 2010. Evidence for fish cultivation during the Yayoi Period in western Japan // International Journal of Osteoarchaeology. № 20. P. 127–134.

Nakajima T., Nakajima M., Mizuno T., Sun G. P., He S. P., Liu H. Z., 2012. On the pharyngeal tooth remains of crucian and commoncarp from the Neolithic Tianluoshan site, Zhejiang Province, China, with remarks on the relationship between freshwater fishing and rice cultivation in the Neolithic Age // International Journal of Osteoarchaeology. № 22. P. 294–304.

Normile D., 2009. Sequencing 40 Silkworm Genomes Unravels History of Cultivation // Science. Vol. 325. P. 1058–1059.

Outram A. K., Stear N. A., Bendrey R., Olsen S., Kasparov A., Zaibert V., Thorpe N., Evershed R. P., 2009. The Earliest Horse Harnessing and Milking // Science. 6 March. Vol. 323. № 5919. P. 1332–1335.

Serjeantson D., 2002. Goose husbandry in Medieval England, and the problem of ageing goose bones // Acta zoologica cracoviensia. № 45 (special issue). 29 November. P. 39–54.

Thalmann O., Shapiro B., Cui P., Schuenemann V. J., Sawyer S. K., Greenfield D. L., Germonpré M. B., Sablin M. V., López-Giráldez F., Domingo-Roura X., Napierala H., Uerpmann H.-P., Loponte D. M., Acosta A. A., Giemsch L., Schmitz, R. W., Worthington B., Buikstra J. E., Druzhkova A. S., Graphodatsky A. S., Ovodov N. D., Wahlberg N., Freedman A. H., Schweizer R. M., Koepfli K.-P., Leonard J. A., Meyer M., Krause J., Pääbo S., Green R. E., Wayne R. K., 2013. Complete Mitochondrial Genomes of Ancient Canids Suggest a European Origin of Domestic Dogs // Science. Vol. 342. № 6160. 15 November. P. 871–874.

Trut L. N., 1999. Early canid domestication: the farm-fox experiment // American Scientist. № 87. P. 160–169.

Viegas J., 2011. Prehistoric dog found with mammoth bone in mouth // Discovery News. October 7. [Electronic resource]. Access mode: http://news.discovery.com/animals/zoo-animals/paleolithic-dogs-111007.htm). Date of access: 14.05.2015.

Viegas J., 2014. Dogs Not as Close Kin to Wolves as Thought // Discovery News. January 16. [Electronic resource]. Access mode: http://news.discovery.com/animals/pets/dogs-not-as-close-kin-to-wolves-as-thought-140116.htm). Date of access: 14.05.2015.

Vigne J.-D., BrioisF., Zazzo A., Willcox G., Cucchi T., Thiébault S., Carrère I., Franel Y., Touquet R., Martin A., Moreau C., Comby M., Guilaine J., 2012. First wave of cultivators spread to Cyprus at least 10,600 y ago // PNAS USA. Vol. 109. P. 8445–8449.

Winblad U., Kilama W., 1985. Sanitation without water. Hong Kong: Macmillan Press. 133 p.
Zhang H., Paijmans J. L., Chang F., Wu X., Chen G., Lei C., Yang X., Wei Z., Bradley D. G., Orlando L., O'Connor T., Hofreiter M., 2013. Morphological and genetic evidence for early Holocene cattle management in northeastern China // Nature Communications. Vol. 4. P. 2755.

Сведения об авторе.

Дмитриев Сергей Викторович, Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, 12, Москва, 107031; Институт стран Азии и Африки МГУ, ул. Моховая, 11/1, Москва, 125009, Россия; e-mail: sdmitriev@ivran.ru.

S. V. Dmitriyev

Domestication in China: an attempt to generalize data

Abstract. This article aims to demonstrate the current state of research in the study of the history of domestication: particular attention is devoted to China. In recent years thanks to the appearance of new methods, scholars have been able to make major advances in the substantiation of dates for the domestication of various species of animals and the identification of where these processes took place. China's place as one of the main centres of domestication has been confirmed, although by no means all species were first domesticated there independently of other centres: most of the species were brought into China from outside.

Keywords: China, domestication, archaeology, DNA-analysis, methodology, Neolithic period.

REFERENCES

Ancestors..., 1998 – Ancestors for the Pigs. Pigs in prehistory. S. M. Nelson, ed. Pennsilvania: University of Pennsylvania. 148 p.
Anthony D. W., 2009. The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders From the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton: Princeton University Press. 568 p.
Balon E. K., 1994. Origin and domestication of the wild carp, Cyprinus carpio: from Roman gourmets to the swimming flowers. *Aquaculture*, 129, pp. 3–48.
Balon E. K., 2004. About the oldest domesticates among fishes. *Journal of Fish Biology*, no. 65, suppl. A, pp. 1–27.
Barber E. J. W., 1992. Prehistoric textiles: the development of cloth in the Neolithic and Bronze Ages with special reference to the Aegean. Princeton: Princeton University Press. 471 p.
Boessneck J., 1988. Die Tierwelt des Alten Ägypten. München: Verlag C. H. Beck. 198 p.
Boessneck J., von den Driesch A., Stenberger L., 1979. Eketorp: Befestigung und Siedlung auf Őland/Schweden; Die Fauna. Stockholm: Almqvist & Wiksell. 504 p.
Bollongino R., Burger J., Powell A., Mashkour M., Vigne J.-D., Thomas M. G., 2012. Modern Taurine Cattle Descended from Small Number of Near-Eastern Founders. *Molecular biology and evolution*, vol. 29, iss. 9, pp. 2101–2104.
Cameron J., 2010. The archaeological textiles from Ban Don Ta Phet in broader perspective. *50 Years of Archaeology in Southeast Asia: Essays in Honour of Ian Glover*. B. Bellina, ed. Bangkok; London: River Books, pp. 141–152.

Cossins D., 2013. Dogs and Human Evolving Together. *The Scientist*, May 16. www.the-scientist.com/?articles.view/articleNo/35585/title/Dogs-and-Human-Evolving-Together/.

Cucchi T., Hulme-Beaman A., Yuan J., Dobney K., 2011. Early Neolithic pig domestication at Jiahu, Henan Province, China: clues from molar shape analyses using geometric morphometric approaches. *JAS*, 38, pp. 11–22.

Dmitriev S. V., Kantor G. M., 2011. Mir pod vlast'yu chetyrekh imperiy: sravnitel'nyy analiz vlastnykh struktur i roli mezhdunarodnoy torgovli vo II v. n. e. [World under power of four empires: comparative analysis of power structures and role of international trade in II c. AD]. *V potoke nauchnogo tvorchestva: k 80-letiyu akademika V. S. Myasnikova [In the flow of scientific activity: toward 80th anniversary of Academician V. S. Myasnikov]*. Moscow: Nauka, pp. 185–202.

Ensminger M. E., Parker R. O., 1986. Sheep and Goat Science. Fifth Edition. Danville, Illinois: The Interstate Printers and Publishers Inc. 643 p.

Faure E., Kitchener A., 2009. An archaeological and historical review of the relationships between felids and people. *Anthrozoos*, 22 (3), pp. 221–238.

Flad R. K., Yuan J., Li S., 2007. Zooarcheological evidence for animal domestication in northwest China. *Late Quaternary Climate Change and Human Adaptation in Arid China*. D. B. Madsen, ed. Amsterdam: Elsevier, pp. 167–203.

Freedman A. H., Gronau I., Schweizer R. M., Ortega-Del Vecchyo D., Han E., Silva P. M., Galaverni M., Fan Zh., Marx P., Lorente-Galdos B., Beale H., Ramirez O., Hormozdiari F., Alkan C., Vilà C., Squire K., Geffen E., Kusak J., Boyko A. R., Parker H. G., Lee C., Tadigotla V., Siepel A., Bustamante C. D., Harkins T. T., Nelson S. F., Ostrander E. A., Marques-Bonet T., Wayne R. K., Novembre J., 2014. Genome Sequencing Highlights the Dynamic Early History of Dogs. *PLOS Genetics*, 16 January. http://journals.plos.org/plosgenetics/article?id=10.1371/journal.pgen.1004016.

Fuller D. Q., 2006. Agricultural origins and frontiers in South Asia: a working synthesis. *Journal of the World Prehistory*, 20, pp. 1–86.

Germonpréa M., Lazkickova-Galetova M., Sablin M., 2012. Palaeolithic dog skulls at the Gravettian Predmosti site, the Czech Republic. *JAS*, no. 39, pp. 2797–2801.

Hu Y., Hu S., Wang W., Wu X., Marshall F. B., Chen X., Hou L., Wang C., 2014. Earliest evidence for commensal processes of cat domestication. *PNAS USA*, 111, pp. 116–120.

Han-yu da cidian 漢語大詞典 (Great Dictionary of Chinese language), 1997. Lo Zhufeng, ed. 羅竹風. Suo-yin ben 縮印本. Shanghai: Han-yu da cidian chubanshe 漢語大詞典出版社 (Great Dictionary of Chinese language Publishers), 1–3, p. 7294.

Kryukov M. V., Malyavin V. V., Sofronov M. V., 1984. Kitayskiy etnos v srednie veka (VII–XIII vv.) [Chinese ethnos in Middle Ages (VII–XIII cc.)]. Moscow: Nauka. 335 p.

Kuhn D., 1984. Tracing a Chinese Legend: In Search of the Identity of the First Sericulturalist. *T'oung Pao*, 70, pp. 213–245.

Larson G., Burger J., 2013. A population genetic theory of animal domestication. *Trends in Genetic*, 29, pp. 197–205.

Larson G., Fuller D. Q., 2014. The Evolution of Animal Domestication. *Annual Review of Ecology, Evolution and Systematics*, 66, pp. 115–136.

Luff R., 2000. Ducks. *Cambridge World History of Food*. K. F. Kiple, K. C. Ornelas, eds. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 517–524.

Liu Xiuze 劉銹傑, 1988. Han ming-qi tao-lou 漢明器陶樓 (Miniature clay buildings of Han epoch). *Zhongguo da baike quanshu. Jianzhu, yuanlin, chengshi guihua.*中國大百科全書。建築，園林，城市規劃 *(Great Chinese Encyclopaedia. Construction, parks, town planning)*. Peking: Zhongguo da baike quanshu chubanshe 中國大百科全書出版社 (Great Chinese Encyclopaedia Publishers), p. 195.

McTavish E. J., Decker J. E., Schnabel R. D., Taylor J. F., Hillis D. M., 2013. New World cattle show ancestry from multiple independent domestication events. *PNAS USA*, February 21, vol. 110 (15), pp. 1398–1406.

Muthesius A., 2003. Silk in the Medieval World // The Cambridge History of Western Textiles, 1. D. Jenkins, ed. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 325–354.

Naderi S., Rezaei H.-R., Pompanon F., Blum M. G. B., Negrini R., Naghash H.-R., Balkiz Ö., Mashkour M., Gaggiotti O. E., Ajmone-Marsan P., Kence A., Vigne J.-D., Taberlet P., 2008. The goat domestication process inferred from large-scale mitochondrial DNA analysis of wild and domestic individuals. *PNAS USA*, November 18, vol. 105 (46), pp. 17659–17664.

Nakajima T., Nakajima M., Yamazaki T., 2010. Evidence for fish cultivation during the Yayoi Period in western Japan. *International Journal of Osteoarchaeology*, 20, pp. 127–134.

Nakajima T., Nakajima M., Mizuno T., Sun G. P., He S. P., Liu H. Z., 2012. On the pharyngeal tooth remains of crucian and commoncarp from the Neolithic Tianluoshan site, Zhejiang Province, China, with remarks on the relationship between freshwater fishing and rice cultivation in the Neolithic Age. *International Journal of Osteoarchaeology*, 22, pp. 294–304.

Normile D., 2009. Sequencing 40 Silkworm Genomes Unravels History of Cultivation. *Science*, 325, pp. 1058–1059.

Outram A. K., Stear N. A., Bendrey R., Olsen S., Kasparov A., Zaibert V., Thorpe N., Evershed R. P., 2009. The Earliest Horse Harnessing and Milking. *Science*, 6 March, vol. 323, no. 5919, pp. 1332–1335.

Serjeantson D., 2002. Goose husbandry in Medieval England, and the problem of ageing goose bones. *Acta zoologica cracoviensia*, no. 45 (special issue), 29 November, pp. 39–54.

Sun Goping 孫國平, 2009. Zhejiang Yuyyao Tianluoshan yizhi chu-tu 6000 nian qian-de gu cha-shu 浙江餘姚田螺山遺址出土6000年前的古茶樹 (Ancient tea-tree 6 thousand years old excavated at Tianluoshan site (Yuyyao, Chzhetszyan)). *Ninbo zhibao* 寧波日報, 10.01, p.1.

Thalmann O., Shapiro B., Cui P., Schuenemann V. J., Sawyer S. K., Greenfield D. L., Germonpré M. B., Sablin M. V., López-Giráldez F., Domingo-Roura X., Napierala H., Uerpmann H.-P., Loponte D. M., Acosta A. A., Giemsch L., Schmitz R. W., Worthington B., Buikstra J. E., Druzhkova A. S., Graphodatsky A. S., Ovodov N. D., Wahlberg N., Freedman A. H., Schweizer R. M., Koepfli K.-P., Leonard J. A., Meyer M., Krause J., Pääbo S., Green R. E., Wayne R. K., 2013. Complete Mitochondrial Genomes of Ancient Canids Suggest a European Origin of Domestic Dogs. *Science*, 15 November, vol. 342, no 6160, pp. 871–874.

Trut L. N., 1999. Early canid domestication: the farm-fox experiment. *American Scientist*, 87, pp. 160–169.

Viegas J., 2011. Prehistoric dog found with mammoth bone in mouth. *Discovery News*, October 7. http://news.discovery.com/animals/zoo-animals/paleolithic-dogs-111007.htm.

Viegas J., 2014. Dogs Not as Close Kin to Wolves as Thought. *Discovery News*, January 16. http://news.discovery.com/animals/pets/dogs-not-as-close-kin-to-wolves-as-thought-140116.htm.

Vigne J.-D., Briois F., Zazzo A., Willcox G., Cucchi T., Thiébault S., Carrère I., Franel Y., Touquet R., Martin A., Moreau C., Comby M., Guilaine J., 2012. First wave of cultivators spread to Cyprus at least 10,600 y ago. *PNAS USA*, 109, pp. 8445–8449.

Winblad U., Kilama W., 1985. Sanitation without water. Hong Kong: Macmillan Press. 133 p.

Yuan Jing 袁靖, 2010. Zhongguo gudai jia-yan dongwu de dongwu kaoguxue yanjiu 中国古代家养动物的动物考古学研究 (Studies of domestic animals of ancient China with help of animal archaeology). *Di si ji yanjiu* 第四纪研究 *(Quarternary sciences)*, vol. 30, no. 2, Mart, pp. 298–306.

Zhang H., Paijmans J. L., Chang F., Wu X., Chen G., Lei C., Yang X., Wei Z., Bradley D. G., Orlando L., O'Connor T., Hofreiter M., 2013. Morphological and genetic evidence for early Holocene cattle management in northeastern China. *Nature Communications*, 4, p. 2755.

About the author.

Dmitriev Sergey V., Institute of Oriental studies Russian Academy of Sciences, ul. Rozhdestvenka, 12, Moscow, 107031; Institute of Asian and African States of Moscow State University, ul. Mokhovaya, 11/1, Moscow, 125009, Russian Federation; e-mail: sdmitriev@ivran.ru.

Г. Е. Афанасьев

О САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА В IX в. (ПО ДАННЫМ СИСТЕМЫ ОБОРОНЫ)*

Резюме. В статье рассматривается проблема археологических признаков, позволяющих говорить о самоидентификации Хазарского каганата в IX в. Автор обращает внимание на то, что в 30-х гг. IX в. осуществляются мероприятия по строительству цепи крепостей с помощью византийских специалистов. Это совпадает по времени с выпуском дирхемов, на которых обозначена страна Хазар как место выпуска монет. Обозначенные крепостями границы территории соответствуют плотности подкурганных хазарских погребений. Все это указывает на то, что центральными территориями каганата в IX в. были земли Нижнего Дона.

Ключевые слова: Хазарский каганат, самоидентификация, городища, подкурганные погребения, аланы, хазары, булгары, дирхемы, антропология.

Поиск археологических критериев, маркирующих самоидентификацию Хазарского каганата на разных исторических этапах его существования, основывается на понимании того, где именно в тот или иной период времени находилось интересующее нас государственное образование. Решение этой проблемы важно и для детального изучения многих этнополитических процессов, проходивших в I тыс. н. э. на юге Восточной Европы. При этом необходимо различать два самостоятельных вопроса: этническую территорию хазар (иногда ее называют хазарский «домен»), маркируемую их могилами, и обозначенную системой фортификационных сооружений территорию Хазарского каганата в целом, занятую, кроме хазар, их донскими аланскими «конфедератами», потомками оногуро-булгарского населения, а также потомками местных славянских и финских племен дохазарского времени – псевдобулгар. Представления историков о размерах и локализации Хазарии главным образом базируются на различных трактовках информации средневековых письменных источников. В одних исторических моделях занятая хазарами территория принимает обширные размеры от Арала до Киева (*Толстов*, 1948. С. 228, 229. Карта 3; *Brook*, 1999. P. 27–44; *Петрухин*, 2013. С. 107–133) и даже от Куры до Камы, в других – ограничивается скромными по площади землями Волго-Донского (*Рыбаков*, 1953; *Гумилёв*, 1966; *Галкина*,

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ 13-06-12010 офи-м.

2006) или Волго-Терского междуречья (*Семёнов*, 2009), в третьих – авторы особо подчеркивают, что этот вопрос остается открытым ввиду недостаточной изученности археологического источника (*Голб, Прицак*, 1997. Аннотация к карте). Наибольшее распространение получили две гипотезы, размещающие территорию хазарского «домена» и место его столицы. Первая заключается в том, что центр Хазарии IX в. располагался в низовьях Волги. Она основывается на убеждении, что название реки Итиль (*Фасмер*, 1986. С. 336, 337), где находилась хазарская столица, связано исключительно с Волгой (*Dunlop*, 1967. P. 50; *Заходер*, 1962. С. 167–202; *Golden*, 1980. P. 224–229; *Новосельцев*, 1990. С. 128–131; *Калинина*, 2007. С. 106–117; *Семёнов*, 2009. С. 294, 295), но допускается, что на какомто историческом этапе так мог называться и Терек (*Мудрак*, 2010. С. 374–377). Вторая гипотеза базируется на предположении, что гидроним «Итиль» имеет более широкое применение. Ряд исследователей полагает, что хазарский «домен» и даже его столица вполне могут быть локализованы к западу от Волги (*Гадло*, 1979. С. 190), в бассейне Дона, нижнее течение которого воспринималось средневековыми информаторами как параллельное русло Волги (*Коновалова*, 2007). Следовательно, название «Итиль» распространялось также и на участок Дона от переволоки до устья. В этом случае в качестве этнической территории хазар и места расположения их столицы в IX в. очерчивается южный регион бассейна Дона (*Катунин*, 2000; *Чередниченко*, *Ефанов*, 2011).

В какой степени археологический источник соответствует той или иной гипотезе? Решение этого вопроса состоит в археологической проверке исторических построений. Задача заключается в экспертной оценке археологического и палеоантропологического материала салтово-маяцкой культуры на предмет поиска в нем этнической и популяционной специфики с определением плотности соответствующих артефактов. Большинство археологов XX в., чьи научные интересы были связаны с памятниками салтово-маяцкой культуры, доверились тем историкам-востоковедам, кто считал, что река Итиль – это исключительно Волга, и размещал столицу Хазарии в низовьях Волги, очерчивая этот регион как сердцевину Хазарского каганата. Поиски там археологических памятников, оставленных хазарскими этническими группами во второй половине VII – первой половине X в., ведутся уже более ста лет, но безрезультатно. Обнаруженные на территории Волгоградской и Астраханской областей редкие разбросанные погребения хазарского времени, не связанные с долговременными или даже сезонными поселениями (Археологическое наследие…, 2013. С. 143–148; *Гумилёв*, 1966. С. 148–154), создают впечатление далекой периферии.

В 60-х годах прошлого века эту проблему пытался решить Л. Н. Гумилёв, возглавлявший в течение ряда лет специальную археологическую экспедицию Государственного Эрмитажа, безуспешно искавшую хазарский Итиль в дельте Волги. Он считал, что хазары были оседлыми земледельцами и в VI–X вв. их этническая территория располагалась в северной, наиболее пониженной части Прикаспия. По мнению Л. Н. Гумилёва, в то время уровень Каспия был значительно ниже современного, поэтому в Северном Прикаспии пустовали обширные территории плодородной земли, которые активно осваивались хазарами. Эти земли и составляли экономическую базу Хазарского каганата.

В X в. уровень Каспия поднялся на 3 м, в результате чего вся страна хазар оказалась на дне морском (*Гумилёв*, 1966).

Одновременно с Л. Н. Гумилёвым к решению этой проблемы приступила С. А. Плетнёва. В ее представлениях хазары были кочевниками, поэтому факт отсутствия их археологического наследия в Северном Прикаспии она объясняла особенностями быта (*Плетнёва*, 1982. С. 51). Что же касается города Итиль, то его руины, по мнению исследовательницы, были размыты и засыпаны песком (*Плетнёва*, 1967. С. 46). Для того чтобы археологически обозначить территорию Хазарского каганата, была выдвинута гипотеза о существовании «государственной культуры», которая отождествлялась с салтово-маяцкой культурой (*Плетнёва*, 2000. С. 206–221; *Петрухин*, 2013. С. 121–133; *Флёров*, 2012). У последователей этих взглядов (на уровне интерпретации результатов археологических разведок и раскопок) (*Петрухин и др.*, 2009. С. 90–103) главным этномаркирующим признаком в керамическом производстве именно булгаро-хазарских племен фигурируют кухонные горшки с гребенчато-волнистым орнаментом, в формовочной массе которых присутствовал песок. Этот аргумент потерял свою научную значимость после того, как стало ясно, что такие сосуды производились и донскими аланами, и северокавказскими аланами, и представителями северокавказского субстратного населения, и многими другим этнокультурными группировками Восточной Европы (*Афанасьев*, 2013. С. 13–25).

Целенаправленные разведки в низовьях Волги, проводимые московскими, петербургскими, ростовскими, калмыкскими, астраханскими, волгоградскими и дагестанскими археологами в последние 50 лет с целью обнаружить хазарскую столицу положительного результата не дали. Не удалось там найти ни города Итиль, ни вообще следов каких-нибудь хазарских долговременных поселений со слоями салтово-маяцкой культуры[1], которые можно было бы связать с Хазарским каганатом. Следовательно, нет ничего, что могло бы свидетельствовать о существовании там крупного государственного объединения, каким в письменных источниках рисуется Хазарский каганат. В то же время на Нижней Волге обнаружены многочисленные памятники других народов – сарматского, огузского и золотоордынского времени. Так в чем же дело, почему там нет следов хазарских поселений?

Вплоть до 60–70-х гг. прошлого века археологические памятники хазарских этнических групп вообще не были известны нашей науке, а в обобщающих работах по археологии Хазарского каганата эта проблема скрывалась в общих рассуждениях о полиэтничности и «государственности» салтово-маяцкой культуры (*Pletnjowa*, 1978. S. 7–162). Благодаря открытию С. И. Капошиной, Г. А. Фёдоровым-Давыдовым и Л. С. Клейном подкурганных погребений, чью этнокультурную принадлежность хазарам впервые четко сформулировал

[1] Утверждения, что на городище Самосделка обнаружены слои салтово-маяцкой культуры, остаются пока научно не обоснованными. Полученные из нижней части культурного слоя радиокарбонные даты VIII–IX вв., а также открытые там остатки круглоплановых построек вряд ли являются аргументами в пользу именно хазарской принадлежности этого памятника, а не какого-то иного этнокультурного компонента.

А. И. Семёнов, стали ясны общие археологические контуры этой проблематики (*Семёнов*, 1983. С. 101, 102; 1988. С. 97–111; *Иванов*, 1999; *Флёрова*, 2001; *Круглов*, 2005а).

Для решения вопроса о локализации этнической территории хазар во второй половине VIII – IX в. мною была предложена процедура изучения динамики плотности ареала хазарских подкурганных погребений ГИС-методами (цв. рис. 1-Б: с. 329) с помощью программы ArcView. Результаты исследований показали, что наивысшая концентрация таких памятников в IX в. приходится на бассейн Нижнего Дона (*Афанасьев, Атавин*, 2002). Оказалось, что этот ареал сопряжен и с концентрацией находок монголоидных черепов, характеризующих хазарские этнические группы (*Батиева*, 2002; *Балабанова*, 2006), и с концентрацией находок рунических надписей (*Кызласов*, 1994. С. 3–320) в Волго-Донском междуречье. Кроме того, на эту же территорию приходится основной массив находок луков хазарского типа (*Савин, Семёнов*, 1998. С. 295), хотя по этому вопросу существуют и иные суждения (*Круглов*, 2005б). Наконец, в отличие от населения, практиковавшего катакомбный и ямный обряд погребения (за исключением кремационных и биритуальных могильников лесостепной зоны), в подкурганных погребениях найдены зеркала с длинной ручкой, аналогичные зеркалам из погребений Самарской Луки, джетыасарских и кенкольских могильников (*Левина, Равич*, 1995. С. 127–129; *Богачёв*, 2000. С. 150; *Зубов*, 2006. С. 76). Возникает вопрос о степени соответствия всех этих наблюдений той ситуации, которую показывает анализ системы обороны хазарского времени региона Волго-Донского междуречья.

Как известно, этнические группы, обосновавшиеся на определенной территории и осознающие свою принадлежность к какому-то политическому образованию, стремились создать комплекс защитных мер, направленных на отражение возможных угроз со стороны враждебных им этнополитических группировок или государств. Особое значение придавалось укреплению центральных районов, где концентрировались органы власти и управления. Анализ ареалов, взаимосвязи и плотности 48 городищ хазарского времени, открытых в Волго-Донском междуречье, дает нам представление о системе обороны Хазарского каганата в целом, о расположении и «центральности» защищенных областей этой страны. Большая часть городищ (табл. 1, *тип 1*) иллюстрирует примитивную систему оборонительных сооружений, состоящую из эскарпов, рвов и грунтовых валов – традиционных способов обеспечения безопасности зоны ответственности родоплеменных групп или территориальных общин. Меньшую часть (табл. 1, *тип 2*; цв. рис. 3: с. 330) составляют крепости геометрической формы, построенные из сырцового, обожженного кирпича или обработанных каменных блоков. Они отражают совершенно новое явление в фортификационном зодчестве населения Юго-Восточной Европы, уходящее в традиции позднеантичной – ранневизантийской полевой архитектуры и воплощенное в специальных мероприятиях по обеспечению безопасности Хазарского каганата на государственном уровне в связи с возникновением угрозы со стороны Русского каганата (*Афанасьев*, 1993. С. 123–150; *Седов*, 1999. С. 67–77).

Таблица 1. Основные городища хазарского времени в бассейне Дона

№	Название	Тип	Долина реки
1	Верхнеольшанское	2	Тихая Сосна
2	Маяцкое	2	Тихая Сосна
3	Павловское	1	Тихая Сосна
4	Мухоудеровское	2	Тихая Сосна
5	Колтуновское	2	Тихая Сосна
6	Алексеевское	2	Тихая Сосна
7	Красное	2	Тихая Сосна
8	Чугуевское	1	Северский Донец
9	Верхнесалтовское	2	Северский Донец
10	Хотомлянское	1	Северский Донец
11	Кочеток-1	1	Северский Донец
12	Кабаново	1	Северский Донец
13	Мохнач	1	Северский Донец
14	Сухая Гомольша	1	Северский Донец
15	Вербовское	1	Северский Донец
16	Старосалтовское	1	Северский Донец
17	Кицевское	1	Северский Донец
18	Коробовы Хутора	1	Северский Донец
19	Афоньевское	1	Оскол
20	Ютановское	1	Оскол
21	Поминовское	1	Оскол
22	Подлысенки	1	Оскол
23	Яблоновское	1	Оскол
24	Большое Городище	1	Короча
25	Дмитриевское	1	Короча
26	Карабут	1	Дон
27	Волчанское	1	Волчья
28	Левобережное	2	Дон
29	Правобережное	2	Дон
30	Камышовское	2	Дон
31	Потайновское	1	Дон
32	Среднее	1	Дон
33	Семикаракорское	2	Дон
34	Крымское-1	2 (?)	
35	Крымское-2	1	
36	Золотовское	1	Дон
37	Золотые Горки	1	Дон
38	Великокняжеское	1	Маныч

39	Рыгинское	1	Северский Донец
40	Святогорское	1	Северский Донец
41	Татьяновское	1	Северский Донец
42	Богородичное	1	Северский Донец
43	Теплинское	1	Северский Донец
44	Кировское	1	
45	Сидоровское	1	Северский Донец
46	Царино (Маяки)	1	Северский Донец
47	Осияновогорское	1	Северский Донец
48	Райгородское	1	Северский Донец

Тип 1 – городища с насыпными из грунта валами; *тип 2* – городища со стенами из каменных блоков, обожженного или сырцового кирпича.

Анализ этой выборки ГИС-методами позволяет выделить в зонах лесостепного и степного вариантов салтово-маяцкой культуры шесть фортификационных агломераций – укрепрайонов (цв. рис. 1, *А*). Две первые, одна из которых охватывает долину Тихой Сосны, а вторая – долину Оскола, территориально сопряжены с расселением консолидированного аланского сообщества (цв. рис. 2, *А*: с. 329, табл. 2). Это – носители катакомбного обряда погребения, обладающие единством морфологического облика, проявляющегося в чертах строения черепа, посткраниального скелета и демографической структуры. Их краниологические особенности позволяют выделить два морфологических подтипа (*Кондукторова*, 1991. С. 145; *Решетова*, 2014. С. 83, 84), сложившихся на сармато-аланской основе. Возможно, что наличие двух морфологических подтипов в сообществе донских алан как-то сопряжено с двумя основными вариантами катакомбной погребальной традиции (ютановско-верхнесалтовской и нижнелубянско-дмитриевской), указывающими на уже сложившуюся племенную субкультуру (*Афанасьев*, 1993. С. 80–93), но этот вопрос требует специального рассмотрения.

Как показывают палеоантропологические данные, донские аланы сохраняли традиционную структуру брачных связей с низкими метисационными процессами (*Решетова*, 2014. С. 128). На оседлость и стационарность их образа жизни указывают результаты изотопного анализа: значительная часть растительного компонента в рационе, низкая индивидуальная изменчивость изотопных показателей (*Добровольская, Решетова*, 2014). У донских алан зафиксирован более высокий уровень травматизма, обусловленный военными столкновениями, чем у их соседей – булгар/псевдобулгар (*Решетова*, 2014. С. 107). Открытия последних лет позволяют указать и на главную особенность в специфике сельского хозяйства донских алан, выраженную в системе террасного земледелия, следы которого зафиксированы в окрестностях Маяцкого, Красного (*Афанасьев и др*., 2012; *Рябогина и др.*, 2013), Ютановского и Дмитровского городищ. Эта система землепользования, аналогичная северокавказской традиции (*Борисов, Коробов*, 2013. С. 7–233), была совершенно незнакома соседнему славянскому и булгарскому/псевдобулгарскому населению.

Таблица 2. Основные ямные, катакомбные и кремационные могильники и отдельные погребения в лесостепной зоне Донецко-Донского междуречья

№	Ямные могильники	Катакомбные могильники	Кремационные могильники
1	Дивногорье	Маяцкий	Кочеток
2	Павловск	Афоньевка	Тополи
3	Червоная Горка	Ютановка	Новая Покровка
4	Сердюково-2	Нижняя Лубянка	Сухая Гомольша
5	Мартовая	Подгоровка	Лысый Горб
6	Петровское	Дмитровка	Пятницкое
7	Хотомля	Рубежное	Червоная Горка
8	Металловка	Верхний Салтов	Вербовка
9	Червоная Гусаровка	Старый Салтов	Червоная Гусаровка
10	Бочково	Алексеевка (?)	Кицевка
11	Тишанка	Бочково (?)	
12	Титовка	Ниновка (?)	
13	Ржевка	Столбище (?)	
14	Рождественский		
15	Мандрово		
16	Храпово		
17	Утиново		
18	Терехово		
19	Большой Хутор		
20	Столбище		
21	Волоконовка-1		
22	Волоконовка-2		
23	Волоконовка-3		
24	Волоконовка-4		
25	Шелаево		
26	Белый Плёс		
27	Борки		
28	Чертовицкое		
29	Старая Тойда		
30	Старая Калитва		
31	Чибисовка		
32	Тишанская		

Третья фортификационная агломерация располагается в бассейнах Нежеголи, Волчьей и части Северского Донца до места впадения в него р. Балаклейка. Раннесредневековое население этого укрепрайона неоднородно и включает три этнокультурных компонента. Один из них, занимающий северную часть территории, состоит из носителей катакомбного обряда погребения (цв. рис. 2, *А*, табл. 2). Это представители того же аланского консолидированного сообщества,

которое было территориально сопряжено с первой и второй фортификационными агломерациями. Второй этнокультурный компонент третьей фортификационной агломерации, охватывающий южную часть укрепрайона, представлен населением, практиковавшим обряд кремации трупов (цв. рис. 2, *А*, табл. 2) (*Афанасьев*, 1987. С. 150–155. Рис. 86; *Лаптев*, 2013. С. 88–95, 178; *Аксёнов*, 2014). Этническая принадлежность этого населения продолжает активно обсуждаться: высказаны славянская, тюркская, иранская, финно-угорская версии.

Третий компонент, представленный населением, практикующим ямный обряд погребения (цв. рис. 2, *Б*, табл. 2), в этническом отношении не был однородным, о чем свидетельствуют не только археологические источники (*Афанасьев*, 1987. С. 143–167; *Лаптев*, 2013. С. 88–95, 178; *Аксёнов*, 2014), но и результаты палеоантропологических исследований. Установлено, что морфологический облик этого неконсолидированного населения, которое в исторической литературе именуется булгарами/псевдобулгарами, характеризуется пестротой и свидетельствует о степном, лесостепном и лесном происхождении различных групп населения, практикующего общий ямный обряд погребения и элементы салтово-маяцкой культуры. Результаты изотопного анализа позволили установить, что это население не имело общих традиций и в системе питания. У представителей данной этнокультурной группы зафиксирована высокая индивидуальная изменчивость, которая объясняется тем, что в последние 10 лет жизни индивидуумы вели подвижный образ жизни, пребывали в разных ландшафтно-климатических условиях с широким разнообразием традиций диеты. Их жизненный уровень был значительно ниже уровня аланского населения, что выражается в высоких показателях маркеров стресса, в практически полном отсутствии детских погребений и в ряде других характеристик (*Решетова*, 2014. С. 122–126) .

Территория четвертой фортификационной агломерации охватывает долину Сев. Донца от места впадения в него р. Оскол до места впадения в него р. Боровой. Территориально она сопряжена с населением, которое по своим погребальным традициям и антропологическим характеристикам аналогично населению, представленному третьим этнокультурным компонентом в третьей фортификационной агломерации. Таким образом, нет никаких оснований говорить о постоянном проживании каких-то хазарских этнических групп в зонах ответственности первой-четвертой фортификационных агломераций, хотя в некоторых работах можно встретить высказанные (без должной аргументации) утверждения о хазарских ханских ставках, хазарских гарнизонах или хазарских торговых факториях, якобы размещавшихся на славянском пограничье в зоне лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры.

Для темы настоящего исследования интересно то, что пятая и шестая фортификационные агломерации сопряжены с расселением на Нижнем Дону собственно хазар, практикующих подкурганный обряд захоронения и имеющих значительный монголоидный компонент в своем морфологическом облике. Здесь наивысшая плотность оборонительных сооружений приходится на территорию окрестностей Волгодонска, где выделяется Цимлянская оборонительная агломерация (Камышовское, Левобережное и Правобережное, Потайновское, Среднее городища) и Семикаракорская оборонительная агломерация (Семикаракорское, Крымское 1, Крымское 2, Золотовское, Золотые Горки, Великокня-

жеское, Рыгинское городища). Установлено, что с Цимлянской агломерацией территориально сопряжена Верхне-Сальская группа подкурганных погребений, а с Семикаракорской агломерацией – Нижне-Сальская. Все это указывает на создание в бассейне Нижнего Дона хорошо продуманной системы обороны, направленной на защиту этого микрорегиона (*Ларенок*, 2000) в пределах этнической территории хазар в IX в.

Важно обратить внимание и на время сооружения городищ, построенных в землях Хазарского каганата в византийских архитектурных и строительных традициях, в рамках реализации общегосударственной оборонительной концепции (цв. рис. 3, *А, Б*). Ряд фактов дает основание полагать, что процесс по возведению таких крепостей охватывал 30–40-е гг. IX в. На это указывает радиокарбонная дата образца бревна из Алексеевского городища (767–847 гг.), которая в рамках четвертого десятилетия IX в. синхронна с радиокарбонной датой основания Маяцкого городища (809–891 гг.) и одновременна с младшей монетой (813 г.) из клада Правобережного Цимлянского городища (с учетом поправки на время хождения монеты). Все они совпадают с миссией Петроны в Хазарию для возведения Саркела (834–840 гг.), за которой скрывается строительство цепи крепостей в бассейне Дона (*Vernadsky*, 1959. P. 186; *Obolensky*, 1971. P. 176; *Афанасьев*, 1993. С. 123–150; *Седов*, 1999. С. 72). Вряд ли можно считать случайным и то обстоятельство, что именно в первой трети IX в. в Хазарском каганате происходит политическая реформа – выдвижение на первый план шада-бека, отвечающего за безопасность государства.

Процесс государственной самоидентификации Хазарского каганата находит отражение и в денежной системе. Хазары начали чеканить свою собственную монету по образцу арабских дирхемов (*Быков*, 1974; *Фомин*, 1990; *Сидоренко*, 2002; *Noonan*, 1984), но с дополнительным изображением трезубца. К 837/838 гг. и 842 г. относятся эмиссии дирхемов с указанием места их выпуска – «Страна Хазар». Вместо традиционной легенды «Мухаммад посланник Божий» на некоторых монетах размещается легенда «Моисей посланник Божий» (*Kovalev*, 2005), что отражает известный факт принятия хазарской властью иудаизма в качестве государственной религии (*Golden*, 1983). Приведенные данные значительно корректируют понимание информации письменных источников, предложенные историками модели локализации страны в Нижнем Поволжье[2]. Они позволяют говорить о том, что в 30–40-х гг. IX в. в Хазарском каганате действительно происходят активные внутриполитические процессы, направленные на государственную самоидентификацию с четким обозначением территориальных границ государства.

Итак, археологические источники, которыми наша наука располагает в настоящее время, позволяют уточнить этническую территорию хазарских племен в IX в. Они свидетельствуют о том, что центральным регионом Хазарского каганата были земли Нижнего Дона – от Таганрогского залива до Волго-Донской переволоки. Размеры Хазарского «домена», намеченные Б. А. Рыбаковым

[2] Приписываемая мне В. С. Флёровым точка зрения о размещении хазарского города Итиль на месте Семикаракорского городища (*Флёров*, 2011. С. 116, 117) надумана и не соответствует моим взглядам.

и с некоторыми уточнениями фактически поддержанные в настоящее время Е. С. Галкиной и В. А. Шороховым (*Рыбаков*, 1953; *Галкина*, 2006; *Шорохов*, 2010. С. 89–94), в большей степени соответствуют археологическим данным, чем те гипертрофированные размеры страны, которые фигурируют в работах исследователей (*Флёров*, 2012; *Петрухин*, 2013. С. 121–133), ориентирующихся или на сильно преувеличенную информацию хазарских письменных источников, или опирающихся на устаревшую гипотезу о маркирующей Хазарский каганат свойствах «государственной культуры», представленной салтово-маяцкой культурой в ее самом расширенном понимании.

ЛИТЕРАТУРА

Аксёнов В. С., 2014. Новые материалы по вопросу освоения населением Хазарии бассейна Северского Донца // Хазарский альманах. Т. 12. Київ; Харків. С. 4–33.

Археологическое наследие…, 2013 – Археологическое наследие Волгоградской области / Под ред. А. С. Скрипкина. Волгоград: Издатель. 288 с.

Афанасьев Г. Е., 1987. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). М.: Наука. 198 с. (Археологические открытия на новостройках; Вып. 2.)

Афанасьев Г. Е., 1993. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука. 184 с.

Афанасьев Г. Е., 2013. Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры – этномаркирующий признак? // РА. № 3. С. 13–25.

Афанасьев Г. Е., Атавин А. Г., 2002. Что же такое хазарский погребальный обряд? (Проблемы материала, археологического анализа и интерпретации) // Хазары: Второй Междунар. коллоквиум: Тез. / Ред. В. Я. Петрухин, А. М. Федорчук. М.: Пробел-2000. С. 14–16.

Афанасьев Г. Е., Добровольская М. В., Борисов А. В., 2012. Ирано-тюркский кондоминиум в ресурсных и транзитных зонах восточноевропейской лесостепи и фактор византийско-хазарского противостояния русам // Мегасруктуры евразийского мира: основные этапы формирования: Мат-лы Всеросс. науч. конф. (Москва, Институт археологии РАН, 4–6 декабря 2012 г.) / Ред. и сост. Е. Н. Черных. М.: Таус. С. 77–83.

Балабанова М. А., 2006. Особенности антропологического состава погребальных комплексов хазарского времени // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии / Отв. ред. И. И. Гохман, А. В. Громов. СПб.: МАЭ РАН. С. 59–61.

Батиева Е. Ф., 2002. Антропология населения Нижнего Подонья в хазарское время // Донская археология. № 3–4. С. 71–101.

Богачёв А. В., 2000. Кочевники лесостепного Поволжья V–VIII вв.: Дисс. … докт. ист. наук. СПб. 432 с.

Борисов А. В., Коробов Д. С., 2013. Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине: итоги почвенно-археологических исследований. М.: Таус. 272 с.

Быков А. А., 1974. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы / Под ред. А. С. Тверитиновой. М.: Наука. Вып. 3. С. 67.

Гадло А. В., 1979. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Ленинградский ун-т. 216 с.

Галкина Е. С., 2006. Территория Хазарского каганата IX – первой половины X в. в письменных источниках // Вопросы истории. № 9. С. 132–145.

Голб Н., Прицак О., 1997. Хазарско-Еврейские документы X в. М.; Иерусалим: Гешарим. 239 с.

Гумилёв Л. Н., 1966. Открытие Хазарии (историко-географический этюд). М.: Наука. 189 с.

Добровольская М. В., Решетова И. К., 2014. Питание носителей традиции салтово-маяцкой культуры в Доно-Донецком междуречье по данным изотопного анализа // РА. № 2. С. 33–41.

Заходер Б. Н., 1962. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. I: Горган и Поволжье в IX–X вв. М.: Восточная литература. 279 с.

Зубов С. Э., 2006. Заселение кочевниками-болгарами Среднего Поволжья в VII–VIII вв. (к вопросу об этнокультурной компоненте): Дисс. ... канд. ист. наук. Казань. 320 с.

Иванов А. А., 1999. Раннесредневековые подкурганные кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья: Дисс. … канд. ист. наук. Волгоград. 252 с.

Калинина Т. М., 2007. Днепровско-Донской бассейн в представлениях арабо-персидских географов IX–X вв. // Хазарский альманах. Т. 6. Киев; Харьков. С. 106–119.

Катунин В. А., 2000. Итиль и Цимлянские городища: к вопросу об идентификации // Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий / Науч. ред. С. Д. Крыжицкий. Донецк: Донецкий гос. ун-т. С. 119–120.

Кондукторова Т. С., 1991. Палеоантропологические материалы Маяцкого селища // *Винников А. З., Афанасьев Г. Е.* Культовые комплексы Маяцкого селища. Воронеж: Воронежский ун-т. С. 144–170.

Коновалова И. Г., 2007. Волго-донской путь в арабской географии XII в. // Хазарский альманах. Т. 6. Киев; Харьков. С. 133–139.

Круглов Е. В., 2005а. Хазары – поиск истины // Хазары / Ред. В. Я. Петрухин и др. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим. С. 427–457. (Евреи и славяне; Т. 16.)

Круглов Е. В., 2005б. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья / Ред. А. В. Евглевский. Т. 4: Хазарское время. Донецк: Донецкий нац. ун-т. С. 73–142.

Кызласов И. Л., 1994. Рунические письменности Евразийских степей. М.: Восточная литература. 327 с.

Лаптев А. А., 2013. Ямные ингумационные могильники в салтовской лесостепи // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 3. Харьків: Савчук О. О. С. 88–96, 178–181.

Ларенок П. А., 2000. Хазария и Нижний Дон // Światowit. Т. 2 (43). С. 81–92.

Левина Л. М., Равич И. Г., 1995. Бронзовые зеркала из джетыасарских памятников // Джетыасарская культура / Ред. А. Н. Седловская. Ч. 5. М.: ИЭИА. С. 122–185.

Мудрак О. А., 2010. Ранние Хазары с точки зрения этимологии // Хазары: миф и история. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Gesharim. С. 374–389.

Новосельцев А. П., 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука 264 с.

Петрухин В. Я., 2013. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М.: Форум: Неолит. 463 с.

Петрухин В. Я., Аржанцева И. А., Зиливинская Э. Д., Флёров В. С., 2009. «Хазарский проект»: новые исследования на юге Восточной Европы // Дивногорский сборник. Вып. 1. Воронеж: Воронежский ун-т. С. 90–106.

Плетнёва С. А., 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука. 198 с.

Плетнёва С. А., 1982. Кочевники Средневековья. М.: Наука. 188 с.

Плетнёва С. А., 2000. Очерки хазарской археологии. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим. 241 с.

Решетова И. К., 2014. Население Донецко-Донского междуречья в раннем средневековье (по материалам погребальных памятников салтово-маяцкой культуры): Дисс. … канд. ист. наук. М. 263 с.

Рыбаков Б. А., 1953. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // СА. Вып. XVIII. С. 128–150.

Рябогина Н. Е., Борисов А. В., Иванов С. Н., Занина О. Г., Савицкий Н. М., 2013. Природные условия на юге Среднерусской возвышенности в хазарское время (IX–X вв.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (22). С. 182–194.

Савин А. М., Семёнов А. И., 1998. О центральноазиатских истоках лука хазарского типа // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Мат-лы Междунар. конф., 2–5 сент. 1998 г / Ред. Г. В. Вилинбахов, В. М. Массон и др. СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 290–295.

Седов В. В., 1999. Древнерусская народность. М.: Языки русской культуры. 320 с.

Семёнов А. И., 1983. Романовское погребение и донские памятники предсалтовской культуры хазарского времени // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Ростов-на-Дону: Ростовский ун-т. С. 98–102.

Семёнов А. И., 1988. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // АСГЭ. Вып. 29. С. 97–111.

Семёнов И. Г., 2009. География собственно Хазарии и вопрос о поисках иудейско-хазарских памятников // Хазарский альманах. Т. 8. Харьков; Киев. С. 289–314.

Сидоренко В. А., 2002. Подражания аббасидским дирхемам и динарам в монетном обращении Таврики хазарского времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IX. Симферополь. С. 429–453.

Толстов С. П., 1948. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.: Академия наук СССР. 328 с.

Фасмер М., 1986. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М.: Прогресс. 573 с.

Флёров В. С., 2011. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты Культуры; Иерусалим: Gesharim. 258 с.

Флёров В. С., 2012. О государственной материальной культуре и государстве Хазарский каганат // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза: XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М.: Ин-т всеобщей истории РАН. С. 260–266.

Флёрова В. Е., 2001. Курганы с квадратными ровиками: Центральная Азия или Восточная Европа // РА. № 4. С. 71–82.

Фомин А. В., 1990. Подражательный дирхем «Ард-ал-Хазар» IX в. // Восточная Европа в древности и Средневековье. Проблемы источниковедения: Чтения памяти В. Т. Пашуто (Москва, 18–20 апр. 1990 г.): Тез. докл. М.: Ин-т истории СССР. С. 136–138.

Чередниченко А. Г., Ефанов А. Н., 2011. Византийская традиция о реке Итиль-Атель // Научные Ведомости. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. № 1 (96). Вып. 17. С. 67–70.

Шорохов В. А., 2010. Хазарский каганат и сфера его влияния в IX в. (по данным «Анонимной записки» и «Книги путей и стран» Ибн Хордадбеха) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. № 2. С. 88–98.

Brook K. A., 1999. The Jews of Khazaria. Northvale; New Jersey; Jerusalim: Jason Aronson Inc. 352 p.

Dunlop D. M., 1967. The History of the Jewish Khazars. New York: Schoken Books. 293 p.

Golden P. B., 1980. Khazar Studies. An historico-philological inquiry into the origins of the Khazars. Vol. 1. Budapest: Akadémiai Kiadó. 291 p.

Golden P. B., 1983. Khazaria and Judaism // Archivum Eurasiae Medii Aevi. III. Wiesbaden. P. 127–156.

Kovalev R. K., 2005. Creating Khazar Identity through Coins: The Special Issue Dirhams of 837/8 // East Central and Eastern Europe in the Early Middle Ages. Ann Arbor: The University of Michigan Press. P. 220–253.

Noonan T. S., 1984. A Ninth-Century Dirham Hoard from Devista in Southern Russia // Numismatic Chronicle. Vol. 144. London. P. 185–209.

Obolensky D., 1971. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453. London: Weidenfeld and Nicolson. 445 p.

Pletnjowa S. A., 1978. Die Chasaren. Mittelalterliches Reich an Don und Wolga. Leipzig: Koehler-Amelang. 172 S.

Vernadsky G., 1959. The Origins of Russia. Oxford: Clarendon Press: Oxford University Press. 354 p.

Сведения об авторе.

Афанасьев Геннадий Евгеньевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: gennady.afanasiev@mail.ru.

G. Ye. Afanasyev

On the self-identification of the Khazar Khaganate in the 9th century (based on data of the defence system).

Abstract. This article examines the question of archaeological features making it possible to speak of the self-identification of the Khazar Khaganate in the 9th century. The author draws attention to the fact that in the third decade of the 9th century building projects were underway to create a chain of fortresses with the help of Byzantine experts. This process coincided in time with the emission of dirhams, with the inscriptions identifying the land of the Khazars as the point of issuing coins. The designated borders of their territory are commensurate with the density of Khazar burials in burial-mounds. All these data point to the fact that the core territories of the Khaganate in the 9th c. were the lower reaches of the Don.

Keywords: Khazar Khaganate, self-identification, city-sites, burials in burial-mounds, Alans, Khazars, Bulgarians, dirhams, anthropology.

REFERENCES

Afanas'ev G. E., 1987. Naselenie lesostepnoy zony basseyna Srednego Dona v VIII–X vv. (alanskiy variant saltovo-mayatskoy kul'tury) [Population of forest-steppe zone of Middle Don basin in VIII–X cc. (Alan variant of Saltovo-Mayatskaya culture)]. Moscow: Nauka. 198 p. (Arkheologicheskie otkrytiya na novostroykakh, 2).

Afanas'ev G. E., 1993. Donskie alany. Sotsial'nye struktury alano-asso-burtasskogo naseleniya basseyna Srednego Dona [Alans of the Don. Social structures of Alan-Ass-Burtas population of Middle Don basin]. Moscow: Nauka. 184 p.

Afanas'ev G. E., 2013. Kukhonnaya posuda saltovo-mayatskoy kul'tury – etnomarkiruyushchiy priznak? [Kitchen ware of Saltovo-Mayatskaya culture – an ethno-marking indication?]. *RA*, 3, pp. 13–25.

Afanas'ev G. E., Atavin A. G., 2002. Chto zhe takoe khazarskiy pogrebal'nyy obryad? (Problemy materiala, arkheologicheskogo analiza i interpretatsii) [What is Khazarian burial rite? (Problems of material, archaeological analysis and interpretation)]. *Khazary: Vtoroy mezhdunarodnyy kollokvium: tezisy [Khazars: Second international colloquium: Abstracts]*. V. Ya. Petrukhin, A. M. Fedorchuk, eds. Moscow: Probel-2000, pp. 14–16.

Afanas'ev G. E., Dobrovol'skaya M. V., Borisov A.V., 2012. Irano-tyurkskiy kondominium v resursnykh i tranzitnykh zonakh vostochnoevropeyskoy lesostepi i faktor vizantiysko-khazarskogo protivostoyaniya rusam [Iranian-Turkic condominium in resource and transit zones of East European forest-

steppe and factor of Byzantine-Khazarian opposition to the Rus]. *Megastruktura evraziyskogo mira: osnovnye etapy formirovaniya: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii [Mega-structure of Eurasian world: principal stages of formation: proceedings of All-Russian scientific conference]*. Moscow: Taus, pp. 77–83.

Aksenov V. S., 2014. Novye materialy po voprosu osvoeniya naseleniem Khazarii basseyna Severskogo Dontsa [New materials on the problem of settling Seversky Donets basin by population of Khazaria]. *Khazarskiy al'manakh [Khazarian miscellany]*, 12. Kiïv; Kharkiv, pp. 4–33.

Arkheologicheskoe nasledie..., 2013 – Arkheologicheskoe nasledie Volgogradskoy oblasti [Archaeological heritage of Volgograd Region]. A. S. Skripkin, ed. Volgograd: Izdatel'. 288 p.

Balabanova M. A., 2006. Osobennosti antropologicheskogo sostava pogrebal'nykh kompleksov khazarskogo vremeni [Features of anthropological structure of burial complexes of Khazarian time]. *Nekotorye aktual'nye problemy sovremennoy antropologii [Some topical problems of contemporary anthropology]*. St. Petersburg: Muzey antropologii i etnografii RAN, pp. 59–61.

Batieva E. F., 2002. Antropologiya naseleniya Nizhnego Podon'ya v khazarskoe vremya [Anthropology of Lowe Don population in Khazatian time]. *Donskaya arkheologiya [Archaeology of Don]*, 3–4, pp. 71–101.

Bogachev A. V., 2000. Kochevniki lesostepnogo Povolzh'ya V–VIII vv.: dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk [Nomads of forest-steppe Volga region in V–VIII cc.: Thesis for a Doctor's degree, History]. St. Petersburg. 432 p.

Borisov A. V., Korobov D. S., 2013. Drevnee i srednevekovoe zemledelie v Kislovodskoy kotlovine: itogi pochvenno-arkheologicheskikh issledovaniy [Ancient and medieval agriculture in Kislovodsk depression: results of soil-archaeological researches]. M.: Taus. 272 s.

Brook K. A., 1999. The Jews of Khazaria. Northvale, New Jersey, Jerusalem: Jason Aronson Inc. 352 p.

Bykov A. A., 1974. Iz istorii denezhnogo obrashcheniya Khazarii v VIII i IX vv. [From the history of currency in Khazaria in VIII and IX cc.]. *Vostochnye istochniki po istorii narodov Yugo-Vostochnoy i Tsentral'noy Evropy [Oriental sources on history of peoples of South-Eastern and Central Europe]*, 3. A. S. Tveritinova, ed. Moscow: Nauka, p. 67.

Cherednichenko A. G., Efanov A. N., 2011. Vizantiyskaya traditsiya o reke Itil'-Atel' [Byzantine tradition on Itil-Atel River]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific bulletin of Belgorod State university]*, no. 1 (96), vyp. 17, pp. 67–70.

Dobrovol'skaya M. V., Reshetova I. K., 2014. Pitanie nositeley traditsii saltovo-mayatskoy kul'tury v Dono-Donetskom mezhdurech'e po dannym izotopnogo analiza [Nutrition of bearers of Saltovo-Mayatskaya culture tradition in Don and Donets interfluve on data of isotope analysis]. *RA*, 2, pp. 33–41.

Dunlop D. M., 1967. The History of the Jewish Khazars. New York: Schoken Books. 293 p.

Fasmer M., 1986. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka [Etymological lexicon of Russian language], I. Moscow: Progress. 573 p.

Flerov V. S., 2011. «Goroda» i «zamki» Khazarskogo kaganata. Arkheologicheskaya real'nost' [«Cities» and «castles» of Khazarian khanate. Archaeological reality]. Moscow: Mosty Kul'tury; Jerusalem: Gesharim. 258 p.

Flerov V. S., 2012. O gosudarstvennoy material'noy kul'ture i gosudarstve Khazarskiy kaganat [On state material culture and the stte of Khazarian khanate]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Migratsii, rasselenie, voyna kak faktory politogeneza: XXIV Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto [Eastern Europe in antiquity and Middle Ages. Migrations, settlement, war as factors of statehood genesis: XXIV Readings in memory of corresponding member of AN SSSR Vladimir Terent'evich Pashuto]*. Moscow: Institut vseobshchey istorii RAN, pp. 260–266.

Flerova V. E., 2001. Kurgany s kvadratnymi rovikami: Tsentral'naya Aziya ili Vostochnaya Evropa [Kurgans with square ditches: Central Asia or Eastern Europe]. *RA*, 4, pp. 71–82.

Fomin A. V., 1990. Podrazhatel'nyy dirkhem «Ard-al-Khazar» IX v. [Imitation dirham «Ard-al-Hazar» of IX c.]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekov'e. Problemy istochnikovedeniya: chteniya*

pamyati V. T. Pashuto: tezisy dokladov [Eastern Europe in antiquity and Middle Ages. Problems of source science: readings in memory of V. T. Pashuto: abstracts]. Moscow: Institut istorii SSSR, pp. 136–138.

Gadlo A. V., 1979. Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza IV–X vv. [Ethnic history of North Caucasus of IV–X cc.]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 216 p.

Galkina E. S., 2006. Territoriya Khazarskogo kaganata IX – pervoy poloviny X v. v pis'mennykh istochnikakh [Territory of Khazarian khanate of IX – first half of X c. in written sources]. *Voprosy istorii [Problems of History]*, 9, pp. 132–145.

Golb N., Pritsak O., 1997. Khazarsko-Evreyskie dokumenty X v. [Khazarian-Jewish documents of X c.]. Moscow; Jerusalem: Gesharim. 239 p.

Golden P. B., 1980. Khazar Studies. An historico-philological inquiry into the origins of the Khazars, 1. Budapest: Akadémiai Kiadó. 291 p.

Golden P. B., 1983. Khazaria and Judaism. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, III. Wiesbaden, pp. 127–156.

Gumilev L. N., 1966. Otkrytie Khazarii (istoriko-geograficheskiy etyud) [Discovery of Khazaria (historic-geographic essay)]. Moscow: Nauka. 189 c.

Ivanov A. A., 1999. Rannesrednevekovye podkurgannye kochevnicheskie zakhoroneniya vtoroy poloviny VII – pervoy poloviny IX v. Nizhnego Dona i Volgo-Donskogo mezhdurech'ya: dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Early medieval nomad burials in kurgans of second half of VII – first half of IX c. of Lower Don and Volga-Don interfluve: Ph.D. thesis. History]. Volgograd. 252 p.

Kalinina T. M., 2007. Dneprovsko-Donskoy basseyn v predstavleniyakh arabo-persidskikh geografov IX–X vv. [Dnieper-Don basin in ideas of Arabic-Persian geographers of IX–X cc.]. *Khazarskiy al'manakh [Khazarian miscellany]*, 6. Kiev; Khar'kov, pp. 106–119.

Katunin V. A., 2000. Itil' i Tsimlyanskie gorodishcha: k voprosu ob identifikatsii [Itil' and Tsimlyansk fortified settlements: on problem of identification]. *Arkheologiya i drevnyaya arkhitektura levoberezhnoy Ukrainy i smezhnykh territoriy [Archaeology and ancient architecture of Ukraine, Dnieper left bank zone and adjacent territories]*. S. D. Kryzhitskiy, ed. Donetsk: Donetskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 119–120.

Konduktorova T. S., 1991. Paleoantropologicheskie materialy Mayatskogo selishcha [Palaeoanthropological materials of Mayatskoye open settlement]. *Vinnikov A. Z., Afanas'ev G. E. Kul'tovye kompleksy Mayatskogo selishcha [Cultic complexes of Mayatskoye open settlement]*. Voronezh: Voronezhsky universitet, pp. 144–170.

Konovalova I. G., 2007. Volgo-donskoy put' v arabskoy geografii XII v. [Volga-Don route in Arabic geography of XII c.]. *Khazarskiy al'manakh [Khazarian miscellany]*, 6. Kiev; Khar'kov, pp. 133–139.

Kovalev R. K., 2005. Creating Khazar Identity through Coins: The Special Issue Dirhams of 837/8. *East Central and Eastern Europe in the Early Middle Ages*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, pp. 220–253.

Kruglov E. V., 2005a. Khazary – poisk istiny [Khazars – searching the truth]. *Khazary [Khazars]*. V. Ya. Petrukhin, ed. Moscow: Mosty kul'tury; Jerusalem: Gesharim, pp. 427–457. (Evrei i slavyane, 16).

Kruglov E. V., 2005b. Slozhnosostavnye luki Vostochnoy Evropy rannego srednevekov'ya [Composite bows of Eastern Europe of early Middle Ages]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Europe in medieval epoch], 4. Khazarskoe vremya [Khazarian time]*. Donetsk: Donetskiy natsional'nyy universitet, pp. 73–142.

Kyzlasov I. L., 1994. Runicheskie pis'mennosti Evraziyskikh stepey [Runic writing systems of Eurasian steppes]. Moscow: Vostochnaya literatura. 327 p.

Laptev A. A., 2013. Yamnye ingumatsionnye mogil'niki v saltovskoy lesostepi [Pit-grave inhumation cemeteries in Saltovo forest-steppe]. *Saltovo-mayats'ka arkheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennya [Saltovo-Mayatskaya archaeological culture: problems and investigations]*, 3. Khar'kiv: Vidavets' Savchuk O. O., pp. 88–96, 178–181.

Larenok P. A., 2000. Khazariya i Nizhniy Don [Khazaria and Lower Don]. *Światowit*, 2 (43), pp. 81–92.

Levina L. M., Ravich I. G., 1995. Bronzovye zerkala iz dzhetyasarskikh pamyatnikov [Bronze mirrors from Dzhetyasar sites]. *Dzhetyasarskaya kul'tura [Dzhetyasar culture]*, 5. A. N. Sedlovskaya, ed. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, pp. 122–185.

Mudrak O. A., 2010. Rannie Khazary s tochki zreniya etimologii [Early Khazars from point of view of etymology]. *Khazary: mif i istoriya [Khazars: myth and history]*. Moscow: Mosty kul'tury; Jerusalem: Gesharim, pp. 374–389.

Noonan T. S., 1984. A Ninth-Century Dirham Hoard from Devista in Southern Russia. *Numismatic Chronicle*, 144. London, pp. 185–209.

Novosel'tsev A. P., 1990. Khazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoy Evropy i Kavkaza [Khazarian state and its role in history of Eastern Europe and Caucasus]. Moscow: Nauka. 264 p.

Obolensky D., 1971. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453. London: Weidenfeld and Nicolson. 445 p.

Petrukhin V. Ya., 2013. Rus' v IX–X vv. Ot prizvaniya varyagov do vybora very [Rus in IX–X cc. From invitation of Varangians to choice of faith]. Moscow: Forum: Neolit. 463 p.

Petrukhin V. Ya., Arzhantseva I. A., Zilivinskaya E. D., Flerov V. S., 2009. «Khazarskiy proekt»: novye issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy [«Khazarian project»: new researches in the South of Eastern Europe]. *Divnogorskiy sbornik [Divnogor'ye annual]*, 1. Voronezh: Voronezhsky universitet, pp. 90–106.

Pletneva S. A., 1967. Ot kocheviy k gorodam. Saltovo-mayatskaya kul'tura [From nomads' camps to cities. Saltovo-Mayatskaya culture]. Moscow: Nauka. 198 p.

Pletneva S. A., 1982. Kochevniki Srednevekov'ya [Nomads of Middle Ages]. Moscow: Nauka. 188 p.

Pletneva S. A., 2000. Ocherki khazarskoy arkheologii [Essays on Khazarian archaeology]. Moscow: Mosty kul'tury; Jerusalem: Gesharim. 241 p.

Pletnjowa S. A., 1978. Die Chasaren. Mittelalterliches Reich an Don und Wolga. Leipzig: Koehler-Amelang. 172 p.

Reshetova I. K., 2014. Naselenie Donetsko-Donskogo mezhdurech'ya v rannem srednevekov'e (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov saltovo-mayatskoy kul'tury): dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Population of Donets-Don interfluve in early Middle Ages (on materials of burial sites of Saltovo-Mayatskaya culture): Ph.D. thesis. History]. Moscow. 263 p.

Ryabogina N. E., Borisov A. V., Ivanov S. N., Zanina O. G., Savitskiy N. M., 2013. Prirodnye usloviya na yuge Srednerusskoy vozvyshennosti v khazarskoe vremya (IX–X vv.) [Natural conditions in the South of Middle Russian height in Khazarian time (IX–X cc.)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of archaeology, anthropology and Ethnography]*, 3(22), pp. 182–194.

Rybakov B. A., 1953. K voprosu o roli Khazarskogo kaganata v istorii Rusi [On problem of role of Khazarian khanate in history of Rus]. *SA*, XVIII, pp. 128–150.

Savin A. M., Semenov A. I., 1998. O tsentral'noaziatskikh istokakh luka khazarskogo tipa [On Central Asiatic origins of bow of Khazarian type]. *Voennaya arkheologiya. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoy i sotsial'noy perspektive: materialy mezhdunarodnoy konferentsii [Military archaeology. Weapons and warfare in historic and social perspective: materials of international conference]*. St. Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, pp. 290–295.

Sedov V. V., 1999. Drevnerusskaya narodnost': Istoriko-arkheologicheskoye issledovaniye [Medieval Russian nation: Historical-archaeological investigation]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. 320 p.

Semenov A. I., 1983. Romanovskoe pogrebenie i donskie pamyatniki predsaltovskoy kul'tury khazarskogo vremeni [Romanovo burial and Don zone sites of pre-Saltovo culture of Khazarian time]. *Problemy khronologii arkheologicheskikh pamyatnikov stepnoy zony Severnogo Kavkaza [Problems of chronology of archaeological sites in steppe zone of North Caucasus]*. V. Ya. Kiyashko, ed. Rostov-na-Donu: Rostovsky universitet, pp. 98–102.

Semenov A. I., 1988. K vyyavleniyu tsentral'noaziatskikh elementov v kul'ture rannesrednevekovykh kochevnikov Vostochnoy Evropy [Towards revealing of Central Asiatic elements in culture of early

mediaeval nomads of Eastern Europe]. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological annual of State Hermitage]*, 29, pp. 97–111.

Semenov I. G., 2009. Geografiya sobstvenno Khazarii i vopros o poiskakh iudeysko-khazarskikh pamyatnikov [Geography of Khazaria proper and problem of searching Judaic-Khazarian sites]. *Khazarskiy al'manakh [Khazarian miscellany]*, 8, pp. 289–314.

Shorokhov V. A., 2010. Khazarskiy kaganat i sfera ego vliyaniya v IX v. (po dannym «Anonimnoy zapiski» i «Knigi putey i stran» Ibn Khordadbekha) [Khazarian khanate and its sphere of influence in IX c. (according to data of «Anonymous note» and «Book of routes and countries» by Ibn Hordadbeh)]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta [Transactions of History faculty of St. Petersburg university]*, 2, pp. 88–98.

Sidorenko V. A., 2002. Podrazhaniya abbasidskim dirkhemam i dinaram v monetnom obrashchenii Tavriki khazarskogo vremeni [Imitations of Abbasid dirhams and dinars in Taurica's coinage in Khazarian time]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria]*, IX, pp. 429–453.

Tolstov S. P., 1948. Po sledam drevnekhorezmiyskoy tsivilizatsii [Following in the tracks of ancient Khorezm civilization]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 328 p.

Vernadsky G., 1959. The Origins of Russia. Oxford: Clarendon Press: Oxford University Press. 354 p.

Zakhoder B. N., 1962. Kaspiyskiy svod svedeniy o Vostochnoy Evrope [Caspian code of data on Eastern Europe], I. Gorgan i Povolzh'e v IX–X vv. [Gorgan and Volga region in IX–X cc.]. Moscow: Vostochnaya literatura. 279 p.

Zubov S. E., 2006. Zaselenie kochevnikami-bolgarami Srednego Povolzh'ya v VII–VIII vv. (k voprosu ob etnokul'turnoy komponente): dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Settling Middle Volga region by Bolgar nomads in VII–VIII cc. (on problem of ethno-cultural component): Ph. D. thesis. History]. Kazan'. 320 p.

About the author.

Afanasyev Gennady Ye., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: gennady.afanasiev@mail.ru.

ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

Н. А. Макаров, А. Н. Федорина

ФЕНОМЕН «БОЛЬШИХ ПОСЕЛЕНИЙ» СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ X–XI вв.*

Резюме. Цель настоящей публикации – обосновать выделение в качестве особого типа памятников Северо-Восточной Руси IX–XI вв. «больших поселений». Их специфический характер проясняется с накоплением новых данных о селищах Суздальского Ополья. Эти памятники представляют собой крупные, многогектарные, поселения, не имеющие оборонительных сооружений, с насыщенным культурным слоем, свидетельствующим о высокой интенсивности жизни. Присутствие на площадках поселений остатков производств и предметов, связанных с дальней торговлей, многокомпонентный характер культуры, включающей элементы, связанные с различными этническими традициями; присутствие в составе вещевых коллекций «престижных вещей» указывает на особые социальные претензии части населения. На территории Суздальского Ополья достоверно зафиксировано 8 таких поселенческих комплексов, включение в эту группу ряда памятников Северо-Восточной Руси требует дополнительных исследований и обоснований. Дальнейшее изучение «больших поселений» предполагает уточнение их экономического базиса, источников благосостояния, конкретных форм хозяйствования и социальной организации.

Ключевые слова: Северо-Восточная Русь, Суздальское Ополье, X–XI вв., сложение структуры расселения, иерархия средневековых поселений, «большие поселения».

Современные научные представления о социально-экономическом развитии Руси X–XI вв. во многом основываются на результатах археологического изучения поселений этого времени и историко-социологической интерпретации этих памятников. По мере накопления новых данных о поселениях X–XI в. в различных областях средневековой Руси ощущается потребность вновь обратиться к проблемам реконструкции иерархических структур расселения и социально-экономической дифференциации поселенческих памятников. Подобное обращение предполагает учет новейших достижений в изучении археологических памятников железного века – средневековья в Балтийском регионе и Скандинавии, где открытие и исследование раскопками большой массы поселений различного статуса

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проекты № 14-06-0042а, 14-06-1003к).

в последние десятилетия дало мощный толчок для обсуждения закономерностей в организации расселения, иерархии и социального облика поселений.

При осмыслении огромного массива новых материалов, полученного путем раскопок, обследований и учета некоторых находок из грабительских раскопок, переданных в музеи, сталкиваются разные подходы к интерпретации археологических объектов и поселенческих структур средневековой Руси, документированных археологическими картами. Один из них основывается на сложившихся в исторической науке представлениях о социальном устройстве древнерусского общества и типах поселений, существовавших на Руси в это время, и предполагает идентификацию среди археологических памятников «рядовых сельских поселений», племенных центров, центров княжеской администрации, дружинных лагерей и т. п. Историческая типология поселений проецируется, таким образом, на археологическую карту. В основе другого подхода – признание существования на территории Руси в IX–X вв. сети раннегородских торгово-ремесленных поселений, выступавших главными узлами развития новых социально-экономических отношений. Эта сеть противопоставляется массе сельских поселений. Помимо раннегородских поселений, в нее могли быть включены центры более низкого статуса на отдельных участках торговых путей, которые выделяются по находкам импортов, престижных вещей и производственных комплексов. Третий путь предполагает систематизацию археологических данных о поселениях отдельных крупных регионов без каких-либо заранее предложенных интерпретационных моделей, попытку выделить отдельные типы поселений в больших массивах археологических памятников, зафиксированных в ходе полевых исследований последнего десятилетия. С методической точки зрения он является наиболее корректным. Однако следует признать, что общая совокупность древнерусских неукрепленных поселений с трудом поддается разделению по формальным археологическим критериям: в этих материалах не просматриваются признаки, строго соответствующие различным иерархическим уровням.

Последние 30 лет стали временем глубокого обновления картины расселения и социальной организации общества в I тыс. – начале II тыс. н. э. в Балтийском регионе, преимущественно в западной его части. Основное содержание этих изменений – открытие значительного количества поселений I тыс. н. э., в том числе крупных, с большой массой неординарных находок, характеризующих эти точки как центры власти и религиозного культа. Наиболее известные из этих памятников – Уппокра в Сконе (Швеция), Гудме на острове Фюн, Тиссё и Лейре в Зеландии, Сорте Мульд на острове Борнхольм (*Larsen*, 2001. P. 51–66; *Müller-Wille*, 2005. P. 91–120; Trade…, 2010; *Jörgensen*, 2011. P. 77–89), на этих поселениях собраны тысячи металлических предметов, на некоторых открыты остатки больших культовых построек. Для обозначения поселений римского времени – средневековья, выделяющихся своими размерами и составом и качеством находок, обычно используется термин «central place» (мы переведем его как «центральное поселение» или «центральное место»), заимствованный из экономической географии (*Christaller*, 1966). Согласно В. Кристаллеру, который ввел в оборот это понятие, «центральные места» – точки с особыми функциями, предоставляющие товары и услуги для других поселений, Д. Скре указывает, что для средневековых поселений спектр функций «центральности» должен

быть существенно расширен (*Skre*, 2010. P. 220–229). В публикациях по археологии железного века – раннего средневековья термин «центральное место» принят как удобное обозначение поселений, нерядовое место которых в общей иерархии кажется очевидным, а точный статус и функции не могут быть четко установлены[2]. Многие подобные поселения, возникнув в римское время или в эпоху переселения народов, продолжали свое существование до конца эпохи викингов. М. Мюллер-Вилле десять лет назад указал на территории Дании и Южной Швеции около 40 памятников с находками предметов из цветных и благородных металлов римского времени – раннего средневековья, которые правомерно рассматривать как «центральные поселения» (*Müller-Wille*, 2005. P. 104). Авторы вводной статьи к изданию материалов конференции, специально посвященной торговле и торговым поселениям I тыс. н. э. в северной части Центральной Европы, состоявшейся в 2008 г. в Германии, полагают, что число поселений – центров дальней торговли в раннем средневековье в ареале Северного и Балтийского морей превышало 80 (Trade…, 2010. P. 6). Помимо центральных поселений на западе Балтийского региона, как на побережье, так и во внутренних районах, в последние десятилетия выявлены сотни поселений более низкого статуса, многие из которых также содержат находки, связанные с торговлей, ремеслом и престижным потреблением (*Dobat*, 2005; *Håkansson*, 2013; *Kleingärtner*, 2014). Некоторые из них представляли собой часть инфраструктуры «центральных мест» – связанные с ними сезонные торжища и ремесленные мастерские, корабельные пристани (Trade…, 2010. P. 6), другие выступали как самостоятельные структурные единицы расселения.

Английскими археологами в 1990-е гг. был введен в оборот термин «productive site», используемый для обозначения раннесредневековых поселений, на которых сборы с использованием металлодетекторов позволяют получить яркие и богатые вещевые находки, в том числе монеты и украшения. Этот термин не имеет строгих научных дефиниций, никто из исследователей не обосновал количество находок или категории и типы предметов, которые достаточны для отнесения того или иного археологического памятника к этой группе. Тем не менее, он оказался удобен и утвердился в археологическом словаре ряда стран Северо-Западной Европы, преимущественно для обозначения поселений англо-саксонского периода (Markets…, 2003). Открытие памятников группы

[2] Здесь нет возможности останавливаться на вопросах о точных археологических критериях выделения «центральных мест» среди поселений I тыс. н. э. в Скандинавии и Балтийском регионе и о правомерности отнесения всех поселений с многочисленными вещевыми находками, включающими украшения и культовые предметы из драгоценных металлов, к категории «центральных мест. Стоит отметить, что ряд скандинавских археологов полагает, что разнообразие и неординарный характер металлических вещей, собранных на археологических памятниках, не может считаться достаточным основанием, чтобы рассматривать все подобные объекты как поселения с особыми функциями «центральности», в соответствии с концепцией В. Кристаллера (*Skre*, 2010. P. 221). Тем не менее, продуктивность использования этого понятия для обозначения большой группы археологических памятников I тыс. н. в., образующих высокие иерархические уровни сети расселения, не оспаривается.

«productive sites», культурный слой которых содержит многочисленные находки монет, импорты, украшения костюма, предметы воинского обихода и престижного потребления, показало, что эмпории и вики, подобные Дорестаду и Квествику, не были единственными местами производства ремесленной продукции и организации дальней торговли. Они разделяли эту роль с торговыми поселениями более низкого статуса, находившимися во внутренних районах. Коллекции, собранные на этих поселениях, заставили пересмотреть ранее сложившиеся представления об уровне развития торговли и монетном обращении в англо-саксонский период. Конкретный исторический облик и социальная природа многих поселений, относимых к группе «productive sites», пока не могут быть прояснены. Одни из них были, вероятно, сезонными торжищами, другие – стабильными долговременными торговыми поселениями разного статуса, некоторые правомерно интерпретировать как «центральные поселения». При всех пробелах в изучении этих памятников, большинство из которых не подвергалось широким раскопкам, выявление их и накопление огромных вещевых коллекций, документирующих циркуляцию монет, торговые операции и ремесленное производство, рассматривается как важнейшее событие в изучении англо-саксонских древностей, формирующее новое видение экономической истории раннесредневековой Европы (*Pestell, Ulmschneider*, 2003. P. 10).

Открытия на северо-западе Европы, на первый взгляд, не имеют прямого отношения к проблематике изучения поселенческих памятников конца I – начала II тыс. на Севере Русской равнины. Они характеризуют ситуацию более раннего времени, документируют организацию расселения в приморских ландшафтах в условиях развития морских коммуникаций. Крупные надрегиональные центры с культовыми постройками и большим количеством вотивных вещей из драгоценных металлов, подобные Гудме и Уппокре, не имеют типологически близких соответствий среди памятников севера Восточной Европы. Однако в действительности эти материалы важны как для выработки новых практических подходов к изучению систем расселения на Севере Восточной Европы, так и для нового осмысления поселенческих памятников. Прежде всего, потому, что открытия сделаны на археологических объектах, которые по своему облику и характеру очень близки поселениям железного века – средневековья в Центре и на Севере Европейской России. Те и другие – поселения в равнинных ландшафтах с культурным слоем небольшой мощности, сильно разрушенным распашкой, содержащим яркие находки, часто не привязанные к стратиграфическим контекстам. Методы исследования этих объектов, в которых значительную роль занимает анализ пространственного распределения находок, собранных на поверхности, и данных геомагнитной съемки в сочетании с раскопками на отдельных участках (*фон Карнап-Борнхайм и др.*, 2010; von *Carnap-Bornheim et al.*, 2013), продуктивны для изучения поселений Центра и Севера России. Далее отметим, что результаты исследований, проведенных на поселениях без земляных укреплений в Дании, на юге Швеции и на севере Германии, показывают, что эти памятники, не образующие каких-либо иерархических групп по своим внешним признакам, в действительности могут представлять собой объекты разного статуса, от рядовых деревень и сельских дворов до надрегиональных центров, предшественников центров королевской власти (Markets…, 2003; *Müller-Wille*, 2005; *Jørgensen*,

2011; Hierarchies…, 2013; *Kleingärtner*, 2014). К. Фабеч разработана модель трехуровневой иерархической организации расселения, с рядовыми поселениями и центральными поселениями регионального и надрегионального уровня (*Fabech*, 1999), однако эта модель, по-видимому, не в полной мере охватывает все реальное многообразие систем расселения. Особенно важно для осмысления российских материалов выявление торгово-ремесленных поселений, статус которых, очевидно, был ниже статуса «центральных поселений» регионального значения.

Цель настоящей публикации – обоснование выделения в качестве особого типа поселений Северо-Восточной Руси X–XI вв. «больших поселений», специфический характер которых проясняется в самое последнее время с накоплением новых данных о селищах Суздальского Ополья (*Макаров*, 2012а; 2012б; *Макаров, Федорина*, 2013; *Федорина, Красникова*, 2012). Характерные особенности этих памятников, выявившиеся на современном этапе их изучения: крупные размеры (площадь более 4 га, в большинстве случаев – 7–15 га), отсутствие оборонительных сооружений, насыщенность культурного слоя вещевыми находками и разнообразными бытовыми остатками, свидетельствующая о высокой интенсивности жизни, присутствие на площадках поселений остатков производств и предметов, связанных с дальней торговлей, многокомпонентный характер культуры, включающей, как правило, элементы, связанные с различными этническими традициями, присутствие в составе вещевых коллекций «престижных вещей», указывающих на особые социальные претензии части населения. Эти особенности не соответствуют традиционным представлениям о хозяйстве и культуре средневекового сельского общества и сближают «большие поселения» с открытыми торгово-ремесленными поселениями и раннегородскими центрами. В то же время очевидно, что «большие поселения» образуют достаточно многочисленную группу памятников, отражающую один из магистральных путей организации расселения и хозяйства в IX–X вв. на территории Северо-Восточной Руси.

«Большое поселение» – условный археологический термин, не имеющий заранее заданного историко-социологического содержания. Его «нейтральность» позволяет рассматривать этот тип поселений как археологический феномен, воздерживаясь от каких-либо историко-социологических интерпретаций до более глубокого изучения самих материальных памятников. Введение этого термина в оборот представляется уместным, учитывая бедность дошедшей до нас древнерусской терминологии, относящейся к поселенческим структурам X–XIII вв., широкое значение терминов «весь», «село» и «погост», использовавшихся для обозначения поселений в источниках домонгольского времени, и недостаточную разработанность проблемы иерархии древнерусских сельских поселений, выявляемых археологией (*Макаров, Захаров*, 2009. С. 116–120). Предлагаемый подход ориентирует на выявление социальной природы «больших поселений», основываясь на особенностях самих материальных памятников, вещевых комплексов и общего археологического контекста.

В Суздальском Ополье в настоящее время известно 8 достаточно подробно документированных поселенческих комплексов, которые могут быть отнесены к этой группе: Шекшово 2 – Большое Давыдовское 2, Кибол 5, Весь 1–3–5,

Васильково 1, Тарбаево 5–6–7, Гнездилово 2, Суворотское 8, Сунгирь (см.: табл. 1, цв. рис. 1: с. 331). На всех этих памятниках определены границы распространения культурного слоя X–XI вв. и собраны большие вещевые коллекции (от 160 до 3250 предметов), определяющие их хронологические рамки, характеризующие культуру, потребление и хозяйственную деятельность. Пять из этих поселенческих комплексов были впервые открыты в 1980-е гг., однако лишь полевые работы последних лет дали возможность установить их реальные размеры, прояснить структуру и собрать материалы, необходимые для уточнения датировок. Остальные три поселенческих комплекса открыты и исследованы в последние годы. Основная часть вещевого материала на всех памятниках получена путем сбора артефактов на распаханной поверхности. Раскопки производились в 5 поселенческих комплексах на 7 селищах, в том числе на 4 селищах – Суздальской экспедицией ИА РАН в 2004–2012 гг. По 8 селищам получены серии радиоуглеродных дат. На 6 памятниках в составе трех поселенческих комплексов на больших площадях произведена геомагнитная съемка, позволяющая представить плотность застройки и пространственную организацию поселений. Таким образом, хотя раскопками вскрыты лишь небольшие части памятников, а состояние культурного слоя, сильно поврежденного распашкой, ограничивает возможности выделения закрытых комплексов, после полевых работ 2001–2013 гг. мы располагаем достаточно объемным и разнообразным материалом для характеристики «больших поселений».

Для осознания особого места этих памятников существенное значение имеет определение размеров участков с культурным слоем X–XI вв. на селищах на основании планиграфии находок лепной и раннекруговой керамики, металлических вещей – хроноиндикаторов X–XI вв. и радиоуглеродного датирования углей и органики из заполнения ям, прорезанных геобурением. На двух наиболее крупных поселенческих комплексах эти площади определены как 15 и 13 га, для 4 других известно, что они превышают 5–7 га, еще на двух они оцениваются как превышающие 3 и 4 га, однако установление реальных размеров распространения раннего культурного слоя в последних случаях затруднено присутствием на памятниках позднейших отложений. Детализация планиграфии вещевых и керамических материалов X–XI вв. с учетом новых находок во всех случаях привела к расширению первоначально намеченных границ культурного слоя X–XI вв. Геомагнитная съемка, выполненная на поселениях Шекшово 2 – Большое Давыдовское 2 и Тарбаево 5–6–7, показывает присутствие в границах распространения культурного слоя с лепной и раннегончарной керамикой участков с плотной застройкой. При сопоставлении размеров суздальских «больших поселений» с размерами раннегородских центров (Новогородское (Рюриково) городище – 7 га, Ладога – 8 га, Гнездово – 30 га) и поселений, которые рассматриваются как крупные торгово-ремесленные и административные центры (Сарское – 3 га, Тимерево – не менее 6 га, подробнее см.: *Захаров, Зозуля*, 2015. С. 158), выясняется что первые не намного уступают вторым, а иногда и превосходят. Не стоит интерпретировать эти сопоставления слишком прямолинейно, можно полагать, что более подробное изучение периферии раннегородских центров приведет к корректировке размеров в сторону увеличения. Тем не менее, после новых полевых работ очевидно, что суздальские «большие поселения»

X–XI вв. представляли собой крупные образования, вполне соразмерные тем памятникам, за которыми закрепился статус важнейших центров торговли и политической организации на Русской равнине.

Вещевые коллекции, собранные на всех восьми поселенческих комплексах, исключительно богаты и разнообразны по своему составу, они включают украшения и металлические детали костюма, бытовые вещи, орудия труда и предметы вооружения (цв. рис. 2: с. 332; рис. 3, 4). Набор женских украшений характеризуется сочетанием шумящих подвесок поволжско-финского облика (треугольных, полутрубчатых, подвесок-коньков типа XVII (по Е. А. Рябинину), двуспиральных обувных накладок, привесок-лапок и бутылковидных), украшений балтийского или северо-западного происхождения (подковообразных фибул различных типов, широкосрединных пластинчатых перстней с завязанными концами, орнаментированных «волчьим зубом» пластинчатых браслетов со штампованным орнаментом), получивших широкое распространение на севере Восточной Европы, и отдельных вещей славянских и скандинавских типов (лунниц, височного кольца «деснинского типа», различных типов круглых подвесок, в том числе со стилизованным изображением переплетенного зверя). Поясная гарнитура – накладки, поясные наконечники и пряжки найдены на всех восьми поселенческих комплексах; на селищах Шекшово 2, Гнездилово 2 и Суворотское 8 они представлены большими сериями. На 8 селищах обнаружены предметы христианского культа ранних типов: крестики с грубым изображением Распятия, кресты «скандинавского типа», равноконечный крестик с ромбическим средокрестием (Тарбаево 5), грубые равноконечные крестики из свинцово-оловянистого сплава. В коллекциях 6 селищ присутствуют амулеты-топорики. Отметим присутствие на трех поселениях амулетов скандинавских типов: железного кольца с молоточками Тора (Шекшово 2), железного кольца со стерженьками (Большое Давыдовское 2) и отдельного стерженька (Гнездилово 2). Ножи представлены преимущественно образцами с узким клиновидным лезвием, новые металлографические анализы ножей с селищ Шекшово 2 и Весь 5 подтверждают заключение об использовании техники «пакета» при изготовлении части изделий этого типа (*Щербаков*, 2014. С. 36, 37). Заслуживает внимания присутствие среди бытовых вещей железных игл с кольцами и ключей-лопаточек. Для керамических комплексов характерно сочетание лепной керамики и раннекруговой посуды славянского облика. Как индикаторы северо-западных связей существенны новые находки лепных сосудов «ладожского типа» и круговой керамики менкендорфского типа на поселении Кибол 5. Подобная керамика ранее была идентифицирована В. А. Горюновой и В. А. Лапшиным в коллекции из раскопок Гнездилова (*Горюнова, Лапшин*, 2004, С. 55–69). Хотя селища различаются по соотношению находок, отражающих различные культурные традиции, общий состав этих наборов близок, присутствие поволжско-финского, балтийского и славянского компонента прослеживается на всех памятниках.

Включение «больших поселений» Суздальского Ополья в систему товарно-денежных отношений документировано находками монет, торгового инвентаря и многочисленных импортов. В коллекциях, собранных на восьми селищах шести поселенческих комплексов, представлены целые куфические монеты и их

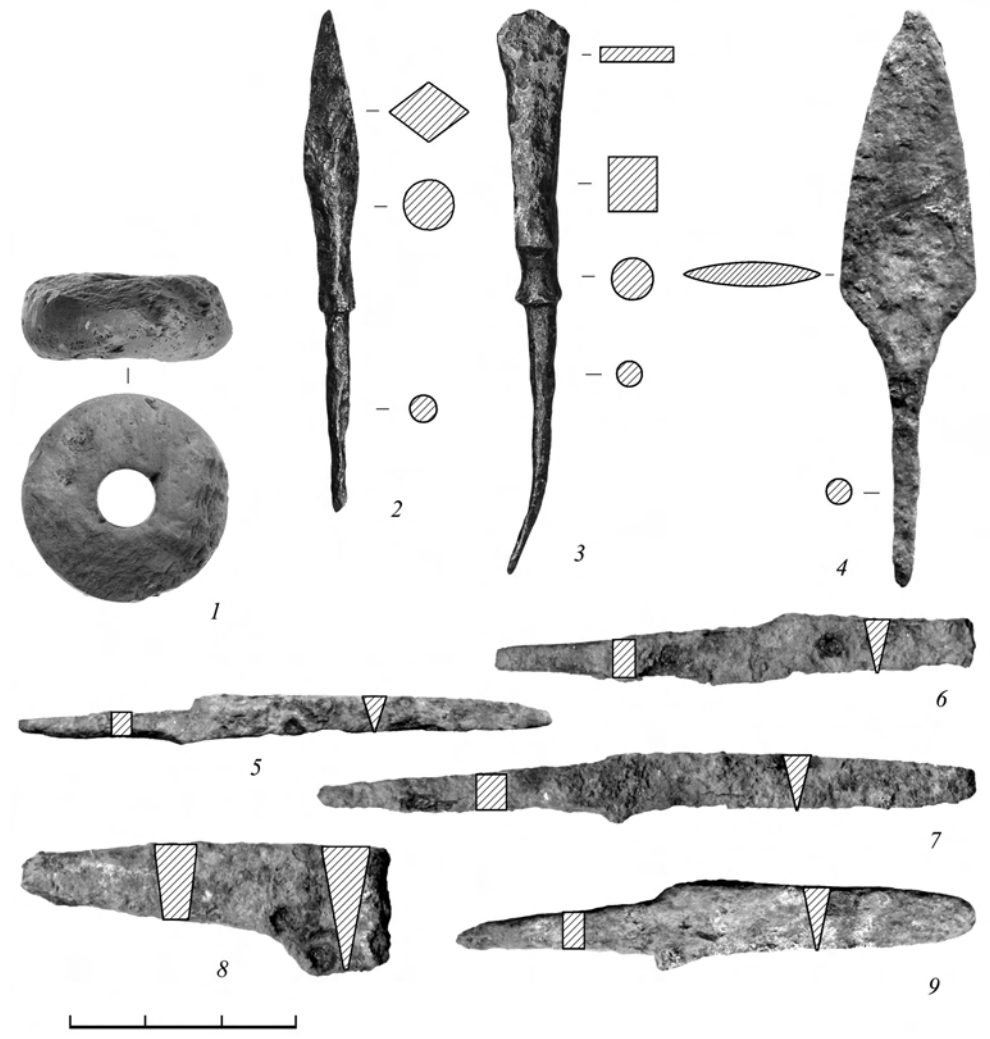


Рис. 3. Селище Суворотское 8. Находки X–XI вв.

1 – глина; *2–9* – железо

фрагменты, на пяти селищах найдены западноевропейские денарии, на двух – медные византийские монеты. Большинство дирхемов – саманидские монеты, чеканенные в середине – второй половине X в. Наиболее многочисленны находки куфических монет на селище Весь 5, на остальных поселениях найдено от одного до пяти дирхемов. На семи селищах зафиксированы находки бочонковидных весовых гирек, на двух найдены детали весов. На четырех поселениях при раскопках собраны большие коллекции стеклянных бус, наиболее высокая концентрация их отмечена на селище Весь 5. Находки тиглей, льячек, незаконченных ювелирных украшений и заготовок – слитков металла на селищах

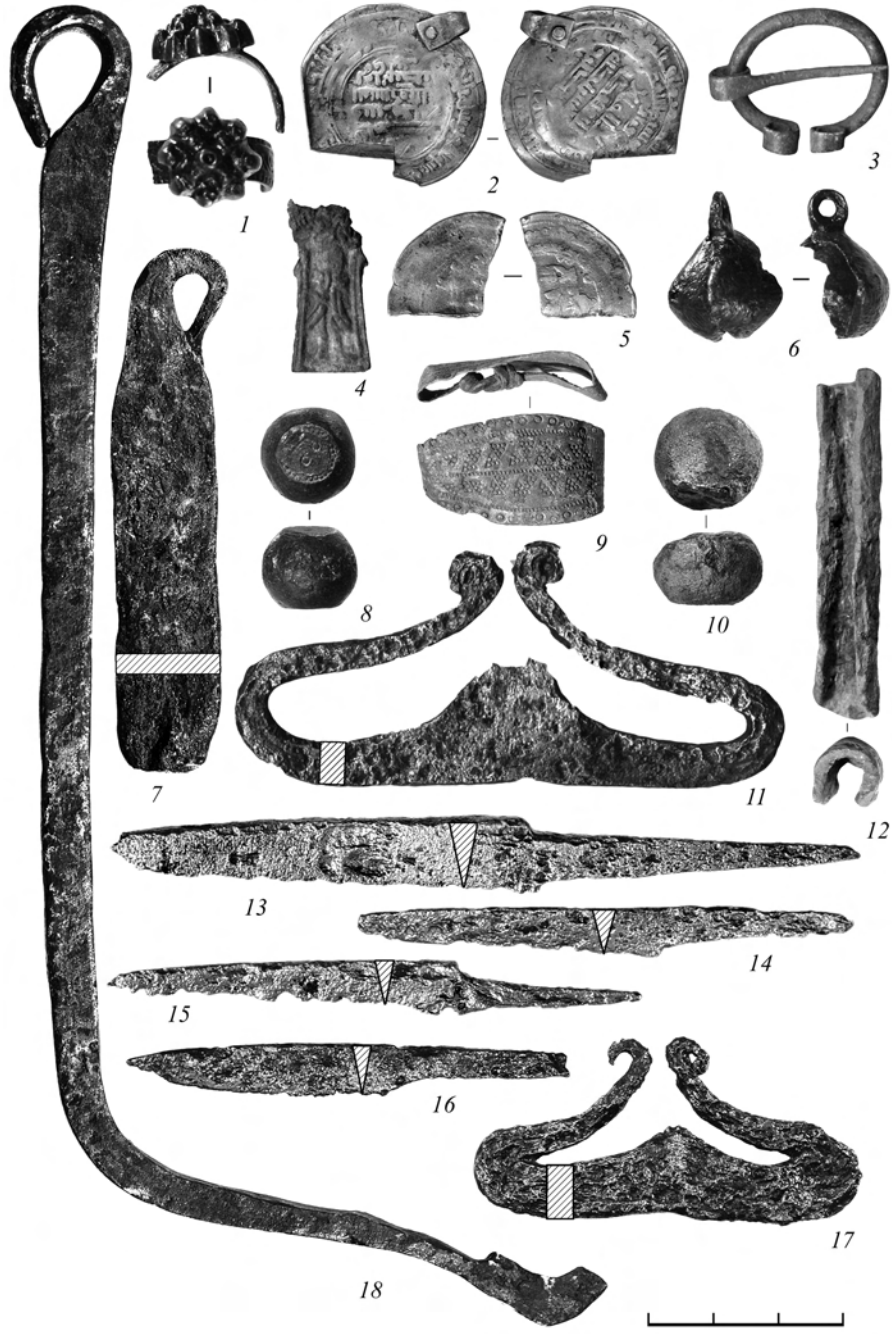


Рис. 4. Селища Тарбаево 5, 6. Находки X–XI вв.

1, 2, 6, 8, 17 – Тарбаево 6; *3–5, 7, 9–16, 18* – Тарбаево 5

1, 3, 4, 6, 9 – бронза; 2, 6 – серебро; *7, 11–18* – железо; *8, 10* – железо, медь

Весь 5, Весь 1, Большое Давыдовское 2, Гнездилово 2 и Шекшово 2 указывают на существование ювелирного производства на этих памятниках.

Археоботанические материалы из раскопок свидетельствуют о достаточно высокой и регулярной земледельческой активности и о важности продуктов земледелия в структуре питания обитателей «больших поселений». Зерновые материалы, собранные на селищах Весь 5, Кибол 5 и Большое Давыдовское 2, недостаточны для реконструкции конкретных форм земледелия на участках вблизи поселений и структуры урожая, однако присутствие макроостатков культурных растений (ячмень, рожь, пшеница-двузернянка, просо, овес) и сорняков и разнообразие культурных злаков не оставляет сомнений в том, что становление «больших поселений» сопровождалось сельскохозяйственным освоением территорий. Вопрос о масштабах пушного промысла и его динамике до конца неясен. Кости пушных животных – бобра, белки и куницы – составляют около 50 % в остеологической коллекции из культурного слоя второй половины IX–X вв. на поселении Весь 5 (*Макаров*, 2008. С. 14). Присутствие костей диких животных, в том числе куньих, зафиксировано также в культурных напластованиях X–XI вв. на поселениях Большое Давыдовское 2, Шекшово 2 и Кибол 5, однако здесь их доля невелика (2–5 %). Очевидно, на первом этапе существования «больших поселений» собственная добыча пушнины была важным источником благосостояния, но о сохранении значимых масштабов промысла во второй половине X – XI в. данных нет.

Для характеристики места «больших поселений» в системе расселения X–XI вв. существенно, что они не были «центрами», занимавшими доминирующее положение по отношению к массе рядовых поселений на окружающих территориях. «Большие поселения» образуют в Суздальском Ополье плотную сеть, расстояния между ближайшими крупными поселенческими комплексами X–XI вв. составляет от 6–7 до 13–14 км. Таким образом, хозяйственные зоны и возможные зоны административного управления «больших поселений» были невелики. Для некоторых «больших поселений» установлено, что в радиусе 3–5 км от них селища более низкого статуса, которые могли бы находиться под их административным контролем, единичны или вовсе отсутствуют. Подобная ситуация зафиксирована на участках вблизи поселенческих комплексов Гнездилово, Васильково, Сунгирь. Скромные потенциальные размеры округи снимают возможность отождествления больших поселений с погостами, центрами административных округов. «Большие поселения» были не единственными элементами сети расселения X–XI вв., она включала также и селища более скромных размеров, расположенные вблизи крупных поселенческих комплексов или удаленные от них на расстояние более 5–6 км. Однако немногочисленные «рядовые» селища в Суздальском Ополье едва ли могли быть основой для сельскохозяйственного обеспечения «больших поселений».

Основной период существования «больших поселений» ограничивается X–XI вв. Их формирование начинается в IX в., однако надежно датированные культурные напластования и вещевые материалы IX в. выявлены пока лишь на одном памятнике – селище Весь 5 (*Макаров и др.*, 2010). Период наивысшего подъема этих поселений охватывает, по-видимому, вторую половину X – XI в. Часть «больших поселений» пришла в упадок в начале XII в. (запустели или

сократились в размерах Шекшово 2, Гнездилово 2), часть дожила до середины XIII в., превратившись в обычные села (Тарбаево, Васильково 1, Большое Давыдовское 2), часть продолжает существовать в позднее средневековье и новое время (Кибол 5). Продолжение жизни на «больших поселениях» после начала XII в. сопровождалось изменением сложившегося облика культуры и хозяйственного уклада. Это подтверждает изменение пространственной организации жилых площадок, выявленное раскопками на поселениях Большое Давыдовское 2, Шекшово 2 и Кибол 5 (подробнее об этом см.: *Федорина, Красникова*, 2012; *Федорина, Красникова*, в печати; *Шполянский*, 2007).

Восемь поселенческих комплексов, выделенных в качестве «больших поселений», по-видимому, далеко не исчерпывают круг подобных памятников в Суздальском Ополье. Вопрос о правомерности включения в эту группу целого ряда крупных селищ с находками X–XI вв. (Турабьево 1–2, Шелебово 2–4, Ратницкое 4, Суворотское 3, 9; Овчухи 3–5, Кубаево 2–3, Кинобол 2; см. цв. рис. 1) остается открытым до получения более представительных материалов, которые позволили бы уточнить их датировку и подтвердить присутствие на этих памятниках импортов, престижных вещей и остатков производственной деятельности.

Таким образом, выход Северо-Восточной Руси на историческую арену в IX–X вв. сопровождался становлением особого типа поселений со сложной комплексной экономикой и, вероятно, неоднородным этническим составом обитателей. Эти поселения сложились в тот период, когда Суздаль еще только формировался как городской центр, и выступали как места сосредоточения значительной части населения Суздальской земли. Определение этих поселений как «сельские» не отражает их место в экономике и культурный облик, поскольку производство аграрных продуктов было лишь одним из направлений их хозяйственной деятельности, а культура близка раннегородской. В то же время отсутствие на этих памятниках некоторых категорий престижных украшений женского костюма (например, серебряных украшений с зернью), монетных и монетно-вещевых кладов и относительная малочисленность (по сравнению с Гнездовом и Рюриковым городищем) монетного серебра в целом, а также ограниченный набор импортов свидетельствуют о том, что по своему экономическому потенциалу, благосостоянию и уровню социальных претензий «большие поселения» заметно уступали раннегородским центрам.

«Большие поселения» Суздальского Ополья, как археологические памятники, по своему характеру близки раннесредневековым неукрепленным поселениям среднего иерархического уровня с находками импортов, престижных украшений, оружия и торгового инвентаря Западной Балтики и Южной Скандинавии. Те и другие показывают, что появление сложных форм социальной организации и высокий уровень развития торговых отношений в раннем средневековье не всегда связаны с кристаллизацией ранних городов. Существенное различие между «большими поселениями» Суздальской земли и «центральными поселениями» Западной Балтики заключается в том, что первые были скорее самодостаточными очагами расселения и экономической жизни, чем центрами округов, структура которых хорошо прослеживается в Скандинавии (*Müller-Wille*, 2005, P. 92–93, 109. Fig. 1).

Дальнейшее изучение феномена «больших поселений» предполагает, прежде всего, более точное прояснение их экономического базиса, источников благосостояния, конкретных форм хозяйствования и социальной организации, основанное на более подробном анализе полученных в последние годы археологических материалов и палеоэкологических данных, характеризующих жизнеобеспечение и состояние природной среды. Очевидно, более внимательное исследование состава вещевых коллекций, планировочных структур селищ и палеосреды даст возможность более четко представить внутренние механизмы развития поселений этого типа в центре Суздальской земли.

Другая проблема, которую предстоит прояснить, – географическое распространение подобных поселенческих комплексов в Северо-Восточной Руси и сопредельных областях. Очевидно, становление «больших поселений» как особой формы организации расселения и хозяйства нельзя считать специфическим явлением, получившим распространение лишь в Суздальском Ополье. Целый ряд селищ X–XI вв. на Плещеевом озере, Ростовском озере, в Верхнем Поволжье и на Шексне обладают признаками «больших поселений», выделяясь крупными размерами, присутствием монет, торгового инвентаря, импортов, престижных украшений, следов ремесленных производств. Среди памятников, типологически близких суздальским, поселения Городище, Криушкино и Веськово на Плещеевом озере, Благовещение и Пекуновское на Верхней Волге, Луковец и Октябрьский мост на Шексне, Маэкса I и II на Белом озере. Правомерен вопрос о возможности включения в эту группу торгово-ремесленных поселений Ярославского Поволжья, Тимерева и Петровского (подробнее см.: *Захаров, Зозуля*, 2014), которые традиционно рассматриваются изолированно от основной массы селищ Волго-Окского региона, но в действительности обнаруживают немало общего с такими поселенческими комплексами, как Шекшово и Гнездилово. Оставляя на будущее оценку степени гомогенности всей массы выявленных на территории Северо-Восточной Руси крупных селищ X–XI вв. с находками, свидетельствующими о занятиях их обитателей торговлей и ремеслом, отметим лишь, что появление суздальских «больших поселений» X–XI вв., безусловно, отражает не особую индивидуальную линию, а значимое общее явление в развитии расселения и социальной организации.

ЛИТЕРАТУРА

Горюнова В. М., Лапшин В. А., 2004. О появлении раннекруговой керамики в Северо-Восточной Руси // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. ст. пам. проф. И. В. Дубова / Ред. А. Н. Кирпичников, В. Н. Седых. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т. С. 55–72.

Захаров С. Д., Зозуля С. С., 2014. Новые данные о Тимеревском археологическом комплексе // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани (20–25 октября 2014 г.) / Ред. А. Г. Ситдиков и др. Т. III. Казань: Отечество. С. 51–53.

Захаров С. Д., Зозуля С. С., 2015. Новые полевые исследования на территории тмерёвского археологического комплекса // КСИА. Вып. 236. С. 157–161.

фон Карнап-Борнхайм К., Хильберг Ф., Кальмринг С., Шульце Й., 2010. Хедебю, поселение и порт: старые материалы и новейшие исследования // РА. № 1. С. 53–63.

Макаров Н. А., 2008. Археологическое изучение севернорусской деревни: пути, подходы, результаты // Сельская Русь в IX–XVI вв. / Отв. ред. Н. А. Макаров, С. З. Чернов; сост. И. Н. Кузина. М.: Наука. С. 5–15.

Макаров Н. А., 2012а. Средневековые селища вблизи сел Тарбаево и Туртино в Суздальском Ополье // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара / Ред. Н. А. Макаров и др.; сост. С. В. Шполянский. Вып. 4. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 65–85.

Макаров Н. А., 2012б. Суздальское Ополье // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 194–211.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., 2009. Хозяйство и культура севернорусской деревни по материалам Мининского археологического комплекса // Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере / Отв. ред. Н. А. Макаров. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура. М.: Наука. С. 55–115.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Шполянский С. В., 2010. О датировке средневекового поселения Весь 5 под Суздалем //Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рожд. Е. Н. Носова / Отв. ред. А. Е. Мусин, Н. В. Хвощинская. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 113–141.

Макаров Н. А., Федорина А. Н., 2013. Суздальская земля в IX–XI вв.: расселение, культура и балтийские связи// Археология Балтийского региона: Сб. мат-лов Междунар. науч. конф. «Археология Балтийского региона: новые открытия и исследования», 17–19 ноября 2010 г., г. Калининград / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Мастыкова, А. Н. Хохлов. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 223–240.

Федорина А. Н., Красникова А. М., 2012. Средневековое поселение Большое Давыдовское 2 под Суздалем // РА. № 4. С. 91–102.

Федорина А. Н., Красникова А. М., 2015. Средневековое расселение в Шекшовском микрорегионе // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 5. М.; СПб. С. 147–158.

Шполянский С. В., 2007. Раскопки на территории с. Кибол в 2005 г.: Опыт археологического изучения исторических сел суздальской округи // Археология Владимиро-Суздальской земли: Мат-лы науч. семинара. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 18–26.

Щербаков В. Л., 2014. О технологии древнерусских кузнечных изделий (по материалам селищ Суздальского Ополья) // РА. № 1. С. 32–39.

von Carnap-Bornheim C., Grupe G., Hilberg V., Schultze J., 2013. Hedeby – methods and results of settlement archaeology // Археология Балтийского региона / Ред. Н. А. Макаров, А. В. Мастыкова, А. Н. Хохлов. М.: СПб.: Нестор-история. P. 173–181.

Christaller W., 1966. Central Places in Southern Germany. New York. 230 p.

Dobat A., 2005. Maritime Cultural Landscapes-Recovering the Trajectories of Communication across the Baltic // Quaestiones Medii Aevi Novae. Vol. 10. Warszawa. P. 53–90.

Fabech Ch., 1999. Centrality in Sites and Landscapes // Settlement and Landscape: Proceedings of a Conference in Århus, Denmark, May 4–7 1998 / Eds Ch. Fabech, J. Ringtved. Højbjerg: Aarhus University Press. P. 455–473.

Jørgensen I., 2011. Gudme – Lundeborg on Funen as a Model for Northern Europe // The Gudme/Gudhem Phenomenon. Neuműnster: Wachoholz Verlag. P. 77–89. (Schriften des Archäologischen Landesmuseems. Ergänzungsreihe; Bd. 6.)

Hierarchies..., 2013 – Hierarchies in Rural Settlements. 26th September – 2 October 2011, Götzis, Austria / Ed. J. Klápště. Turnhout: Brepols Publishers. 462 p. (Ruralia: IX.)

Håkansson A., 2013. Beyond the Archetypes. Social Hierarchies in Rural Medieval Halland, SW Sweden // Hierarchies in Rural Settlements. 26th September – 2 October 2011, Götzis, Austria / Ed. Ja. Klápště. Turnhout: Brepols Publishers. P. 359–370. (Ruralia; IX.)

Larsen L., 2001. Uppåkra, an Iron Age Site with a Long Duration: Internal and External Perspectives // Kingdoms and Regionalit. Transactions from the 49-th Sachsensymposium 1998 in Uppsala /

Ed. B. Arrhenius. Thesis and Papers in Archaeology. B. VI. Stockholm. P. 51–66. (Thesis and Papers in Archaeology. Series B; VI.)

Kleingärtner S., 2014. Die frühe Phase der Urbanisierung an der südlichen Ostseeküste im ersten nachchristelichen Jahrtausend. 512 S. Neumünster: Wachholtz Verlag. (Studien zur Siedlungsgeschichtichte und Archäder Ostseegebiete. Bd. 13.)

Markets…, 2003 – Markets in Early Medieval Europe: Trading and «Productive» sites, 650–850 / Eds T. Pestell, K. Ulmschneider. Macclesfield: Windgather Press. 224 p.

Müller-Wille M., 2005. Between Gudme and Reric. Protohistoric Central Places of Southern Scandinavia and Adjoining Territories // Quaestiones Medii Aevi Novae. Vol. 10. Warszawa. P. 91–120.

Pestell T., Ulmschneider K., 2003. Introduction: Early Medieval Markets and «Productive» sites // Markets in Early Medieval Europe. Trading and «Productive» sites, 650–850 / Eds T. Pestell, K. Ulmschneider. Macclesfield: Windgather Press. P. 1–10.

Skre D., 2010. Centrality and Places. The Central Place in Skiringssal in Vestfold, Norway // Trade and Communication Networks of the First Millennium AD in the Northern Part of Central Europe: Central Places, Beach Markets, Landing Places and Trading Centres / Eds B. Ludowici, H. Jöns, S. Kleingärtner, J. Scheschkewitz, M. Hardt. Hannover. P. 220–231.

Trade…, 2010 – Trade and Communication Networks of the First Millennium AD in the northern part of Central Europe: Central Places, Beach Markets, Landing Places and Trading Centres / Eds B. Ludowici, H. Jöns, S. Kleingärtner, J. Scheschkewitz, M. Hardt. Hannover. 384 S.

Сведения об авторах.

Макаров Николай Андреевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036; e-mail: makarovna@iaran.ru;

Федорина Анастасия Николаевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва 117036; e-mail: nasfed@yandex.ru.

N. A. Makarov, A. N. Fedorina

Phenomenon of «large settlements» in North-Eastern Rus in the 10th and 11th centuries

Abstract. The aim of this publication is to substantiate singling out of the 10th- and 11th-century «large settlements» of North-Eastern Rus as a special type of sites. Their specific character is clarified with a wide range of new data obtained from the large settlements in the Suzdal Opolie Region. The sites are sizeable settlements covering many hectares of area, but having no defensive constructions. Their cultural deposits contain a good deal of evidence indicating that life at these sites was of a highly active nature. The sites have yielded remains of production, objects related with long-distance trade and a culture consisting of many different components including those indicating a variety of ethnic traditions. Collections of artefacts comprise «prestige items», which reflect specific social aspirations of certain part of the population. Within the territory of the Suzdal Field Region eight such sites have been reliably recorded. Further investigations are necessary to include a series of sites of North-Eastern Rus in this group. The fact that there is a cluster of such sites means that additional investigations are required in order to shed further light on the economic basis for these settlements, the sources of their prosperity and the specific forms of their economic activity and social organization.

Keywords: North-Eastern Rus, Suzdal Field Region, 10th and 11th centuries, formation of settlement patterns, hierarchy of medieval settlements, «large settlements».

REFERENCES

von Carnap-Bornheim C., Grupe G., Hilberg V., Schultze J., 2013. Hedeby – methods and results of settlement archaeology. *Arkheologiya Baltiyskogo regiona [Archaeology of Baltic egion]*. N. A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 173–181.

von Carnap-Bornheim C., Hilberg V., Kalmring S., Shultze Y., 2010. Khedebyu, poselenie i port: starye materialy i noveyshie issledovaniya [Recent research in Hedeby: old materials and new investigations]. *RA*, 1, pp. 53–63.

Christaller W., 1966. Central places in southern Germany. New York. 230 p.

Dobat A., 2005. Maritime Cultural Landscapes-Recovering the Trajectories of Communication across the Baltic. *Quaestiones Medii Aevi Novae*, 10. Warszawa, pp. 53–90.

Fabech Ch., 1999. Centrality in Sites and Landscapes. *Settlement and Landscape: Proceedings of a Conference in Århus, Denmark*. Ch. Fabech, J. Ringtved, eds. Højbjerg: Aarhus University Press, pp. 455–473.

Fedorina A. N., Krasnikova A. M., 2012. Srednevekovoe poselenie Bol'shoe Davydovskoe 2 pod Suzdalem [Medieval settlement Bol'shoe Davydovskoe 2 near Suzdal]. *RA*, 4, pp. 91–102.

Fedorina A. N., Krasnikova A. M., 2015. Srednevekovoe rasselenie v Shekshovskom mikroregione [Medieval settlement in Shekshovo micro-region]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Vladimir-Suzdal land: proceedings of scientific seminar]*, 5. Moscow: IA RAN. P. 147–158.

Goryunova V. M., Lapshin V. A., 2004. O poyavlenii rannekrugovoy keramiki v Severo-Vostochnoy Rusi [On emergence of early wheel-made pottery in North-Eastern Rus]. *Arkheologiya, istoriya, numizmatika, etnografiya Vostochnoy Evropy: sbornik statey pamyati professora I. V. Dubova [Archaeology, history, numismatics, ethnography of Eastern Europe: collection of articles in memory of Professor I. V. Dubov]*. A. N. Kirpichnikov, V. N. Sedykh, eds. St. Petersburg: Sankt-Peterburgsky universitet, pp. 55–72.

Håkansson A., 2013. Beyond the archetypes. Social hierarchies in rural medieval Halland, SW Sweden. *Hierarchies in rural settlements. 26-th September – 2 October 2011, Götzis, Austria*. J. Klápště, ed. Turnhout: Brepols Publishers, pp. 359–370. (Ruralia, IX).

Hierarchies..., 2013 – Hierarchies in rural settlements. 26-th September – 2 October 2011, Götzis, Austria. J. Klápště, ed. Turnhout: Brepols Publishers. 462 p. (Ruralia, IX).

Jørgensen I., 2011. Gudme – Lundeborg on Funen as a Model for Northern Europe. *The Gudme/Gudhem Phenomenon*. Neumünster: Wachoholz Verlag, pp. 77–89. (Schriften des Archäologischen Landesmuseems. Ergänzungsreihe, Bd. 6).

Kleingärtne S., 2014. Die frühe Phase der Urbanisierung an der südlichen Ostseeküste im ersten nachchristelichen Jahrtausend. Neumünster: Wachholtz Verlag. 512 p. (Studien zur Siedlungsgeschichtichte und Archäder Ostseegebiete, 13).

Larsen L., 2001. Uppåkra, an Iron Age Site with a Long Duration: Internal and External Perspectives. *Kingdoms and Regionalit: Transactions from the 49-th Sachsensymposium 1998 in Uppsala*. B. Arrhenius, ed. Stockholm, pp. 51–66. (Thesis and Papers in Archaeology. Series B; VI).

Makarov N. A., 2008. Arkheologicheskoe izuchenie severnorusskoy derevni: puti, podkhody, rezul'taty [Archaeological study of North Russian village: ways, approaches, results]. *Sel'skaya Rus' v IX–XVI vv. [Rural Rus in IX–XVI cc.]*. N. A. Makarov, S. Z. Chernov, eds., I. N. Kuzina, comp. Moscow: Nauka, pp. 5–15.

Makarov N. A., 2012a. Srednevekovye selishcha vblizi sel Tarbaevo i Turtino v Suzdal'skom Opol'e [Medieval open settlements near villages Tarbaevo and Turtino in Suzdal Field region]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Vladimir-Suzdal*

land: proceedings of scientific seminar], 4. Moscow: IA RAN; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 65–85.

Makarov N. A., 2012b. Suzdal'skoe Opol'e [Suzdal Field region]. *Rus' v IX–X vv.: arkheologicheskaya panorama [Rus in IX–X cc.: archaeological panorama]*. N. A. Makarov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 194–211.

Makarov N. A., Fedorina A. N., 2013. Suzdal'skaya zemlya v IX–XI vv.: rasselenie, kul'tura i baltiyskie svyazi [Suzdal land in IX–XI cc.: settlement, culture and Baltic connections]. *Arkheologiya Baltiyskogo regiona [Archaeology of Baltic region]*. N. A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 223–240.

Makarov N. A., Zakharov S. D., 2009. Khozyaystvo i kul'tura severnorusskoy derevni po materialam Mininskogo arkheologicheskogo kompleksa [Economy and culture of North Russian village on materials of Minino archaeological complex]. *Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vekov. Srednevekovye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere [Archaeology of Northe Russian village of X–XIII cc. Medieval settlements and cemeteries on Kubenskoe Lake], 3. Paleoekologicheskie usloviya, obshchestvo i kul'tura [Palaeoecological conditions, society and culture]*. N. A. Makarov, ed. Moscow: Nauka, pp. 55–115.

Makarov N. A., Zakharov S. D., Shpolyanskiy S. V., 2010. O datirovke srednevekovogo poseleniya Ves' 5 pod Suzdalem [On dating medieval settlement Ves' 5 near Suzdal]. *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoy Evropy: K 60-letiyu so dnya rozhdeniya E.N. Nosova [Dialog of cultures and peoples of medieval Europe: Towards 60th anniversary of E. N. Nosov]*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 113–141.

Markets …, 2003 – Markets in Early Medieval Europe: Trading and «Productive» sites, 650–850. T. Pestell, K. Ulmschneider, eds. Macclesfield: Windgather Press. 224 p.

Müller-Wille M. 2005. Between Gudme and Reric. Protohistoric Central Places of Southern Scandinavia and Adjoining Territories. *Quaestiones Medii Aevi Novae*, 10, pp. 91–120.

Pestell T., Ulmschneider K., 2003. Introduction: Early Medieval Markets and «Productive» sites. *Markets in Early Medieval Europe: Trading and «Productive» sites, 650–850*. T. Pestell, K. Ulmschneider, eds. Macclesfield: Windgather Press, pp. 1–10.

Shcherbakov V. L., 2014. O tekhnologii drevnerusskikh kuznechnykh izdeliy(po materialam selishch Suzdal'skogo Opol'ya) [On technology of medieval Russian blacksmith artefacts (on materials from open settlements of Suzdal Field region)]. *RA*, 1, pp. 32–39.

Shpolyanskiy S. V., 2007. Raskopki na territorii s. Kibol v 2005 g.: Opyt arkheologicheskogo izucheniya istoricheskikh sel suzdal'skoy okrugi [Excavations in territory of village Kibol in 2005: Experience in archaeological investigation of historical villages of Suzdal region]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Vladimir-Suzdal land: proceedings of scientific seminar]*, 1. Moscow: IA RAN, pp. 18–26.

Skre D., 2010. Centrality and places. The central place in Skiringssal in Vestfold, Norway. *Trade and Communication Networks of the First Millennium AD in the northern part of Central Europe: Central Places, Beach Markets, Landing Places and Trading Centres*. B. Ludowici, ed. Hannover, pp. 220–231.

Trade…, 2010 – Trade and Communication Networks of the First Millennium AD in the northern part of Central Europe: Central Places, Beach Markets, Landing Places and Trading Centres. B. Ludowici, ed. Hannover. 384 p.

Zakharov S. D., Zozulya S. S., 2014. Novye dannye o Timerevskom arkheologicheskom komplekse [New data on Timerevo archaeological complex]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani [Transactions of IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan']*, III. A. G. Sitdikov, ed. Kazan': Otechestvo, pp. 51–53.

Zakharov S. D., Zozulya S. S., 2015. Novye polevye issledovaniya na territorii timerevskogo arkheologicheskogo kompleksa [New field investigations in territory of Timerevo archaeological complex]. *KSIA*, 236, pp. 157–161.

About the authors.

Makarov Nikolaj A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: makarovna@iaran.ru;

Fedorina Anastasiya N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: nasfed@yandex.ru.

А. А. Масленников

О БОСПОРСКОЙ ХРОНОГРАФИИ И БОСПОРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
(ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНО-ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ ГОРОДИЩ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА ПЕРИОДА «ЗРЕЛОГО» ЭЛЛИНИЗМА)*

Резюме. Статья посвящена дискуссионным вопросам хронографии и хронологии боспорского государства в эллинистическую эпоху и в своих основных наблюдениях и выводах опирается на материалы многолетних раскопок автора в Крымском Приазовье. Здесь на значительной площади исследованы три сельских поселения типа городищ: Полянка, Крутой берег и Золотое Восточное. В целом полученный массовый археологический материал датируется второй третью III – началом I в. до н. э. Но приближающиеся к абсолютным даты отдельных, наиболее показательных в этом отношении и информативных, категорий находок (амфорные клейма, монеты, рельефная керамика) рисуют несколько более неоднозначную картину. Попутно рассматриваются некоторые методические и методологические проблемы анализа этих категорий археологического материала.

Ключевые слова: Боспорская хронография, хронология, сельские поселения, эпоха эллинизма, амфорные клейма, монеты, мегарские чашки, Крымское Приазовье.

В этом несколько неуклюжем названии сделаны, как нам кажется, все необходимые оговорки. Во-первых, это не обобщающая статья по всем известным памятникам, точнее, поселенческим структурам данного региона. Впрочем, других в той или иной мере исследованных – именно этого времени на пространствах сельской территории европейского Боспора – пока практически нет. Во-вторых, в ней для соответствующих выводов привлечены не все уместные в таких случаях категории археологического материала. То есть об абсолютных (насколько это позволяет современный уровень наших знаний) датировках речь пока не пойдет. В-третьих, это не окончательный результат, а всего лишь некая предварительная «заготовка», своего рода промежуточный опыт, сравнение на уровне обобщения. И, наконец, последнее замечание, о котором нам уже

* Статья написана в рамках работ по грантам РФФИ № 13-06–00081, РГНФ проект № 15-31-10125.

приходилось писать или лучше сказать, делать оговорки неоднократно: «период эллинизма на Боспоре», что это и когда? Чтобы не повторяться, условимся, что здесь речь пойдет в основном о второй четверти III – рубеже II–I вв. до н. э. В мировом антиковедении термин «зрелый» эллинизм, действительно, никогда не употреблялся. Но указанное время как бы «среднее» между эпигонами и Митридатом Евпатором. Время, когда все основные принципы, явления, характерные черты и все остальное, что собственно и составляло эпоху эллинизма, вполне сформировались, проявились и закрепились. То есть, это своего рода «зрелость». Поэтому, вовсе не стремясь к оригинальности и не являясь специалистом в области эллинистической античности, все же позволю себе применить такое определение.

И еще. Обращаясь, насколько это вообще возможно, к боспорским хронологическим реалиям, сделаем отсылку читателя к прекрасному очерку боспорской хронографии, содержащемуся в недавно вышедшей монографии А. А. Завойкина (*Завойкин*, 2013. С. 502–540). Кратко сформулированные или поддержанные им положения сводятся к следующему. Все календарно-хронологические представления и соответствующую практику боспорские греки принесли из метрополий, в основном – из Милета. Собственно же локальное (а таковое господствовало очень долго) летоисчисление в архаической и классической Греции носило эпонимный или персонафицированный характер (от выбираемых на год архонтов, стратегов, пританов, победителей олимпийских и иных состязаний, жрецов в наиболее почитаемых храмах и т. п., а также царей, например в Спарте). (Не знаю, распространялось ли это на тиранов как «ранних», так и «поздних». – *А. М.*) Списки их, как известно, публично фиксировались. При этом местные (локальные) хроники ведут свое начало от столь же местных генеалогий, в том числе основателей – ойкистов. Попыткой (и относительно поздней) введения основ общегреческой хронологии явился отсчет времени по общепринятым годичным циклам (олимпиадам). По мнению А. А. Завойкина, счет лет при ранних Спартокидах (и Археанактидах?) велся (в рамках конкретного правления того или иного «династа») по именам жрецов самого влиятельного в Пантикапее, а вероятно, и на всем Боспоре Киммерийском культа и храма – Аполлона Врача. Но со временем, вернее, по мере становления некоего надполисного (общебоспорского) государственного образования должно было сформироваться (или быть сформировано целенаправленно) столь же общебоспорское летоисчисление. Скорее всего, оно далеко не сразу вытеснило локальные (полисные) «календари». Может быть, даже таковые продолжали бытовать продолжительное время, ибо еще весьма долго (до IV в. н. э., а то и позднее) в городах Боспора (всех или крупнейших?) сохранялись какие-то традиции полисной жизни, полисные институты, то есть хотя бы некоторые признаки гражданских общин. Что же касается «боспорской глубинки», вернее, обыденного бытия и сознания ее обитателей, то для каждого времени (исторической эпохи) и места (типа поселений) с учетом разного рода этнокультурных особенностей можно ожидать самых простых и естественных «точек отсчета». Они могли опираться как на воспоминания нескольких поколений, так и на более «глубинные пласты» и события, оставшиеся в памяти того или иного коллектива (общины), так сказать, на генетическом

уровне[2]. Но это все теоретически и предположительно. На практике же об очевидном общегосударственном для Боспора летоисчислении можно говорить только с эпохи Митридата VI и то, видимо, не сразу. (Древнейшее пока эпиграфическое свидетельство – надпись «фанагорийских наемников» с указанием даты по понтийской (вифинской) эре, т. е., согласно разным точкам зрения, около 88 или 95 гг. до н. э. (*Виноградов*, 1991; *Габелко*, 2006. С. 139; *Завойкин*, 2013. С. 538–540). Нумизматические же материалы (золотой чекан Фарнака) фиксируют ее (эру) и того позже: около 50-х гг. до н. э. (*Анохин*, 1986. С. 76, 77). Возможно, Спартокиды и вели отсчет времени (вернее, своей власти) от основания династии: т. е. «по нашему» от 438 г. до н. э., а Археанактиды – от 480 г. А местный источник Диодора Сицилийского хотя и не был придворным в полном смысле этого слова, но уже оперировал «придворными категориями» времяисчисления. Еще более вероятно, что общебоспорская хронология начиналась от «коронации» Спартока III. Точная дата этого события, правда, не известна, но не исключено, что оно имело место непродолжительное время спустя после 297 г. до н. э. (*Завойкин*, 2013. С. 539). В постмитридатовскую эпоху таковая в форме понтийско-вифинской или уже боспорской «эры», синхронизируясь (но не подменяясь ими) с правлениями римских императоров, просуществовала до IV в. н. э., а то и дольше. Таким образом, общее направление развития в данном отношении очевидно: от частно-обыденного, традиционного многообразия к общегосударственной унификации, да еще с монархическим оттенком, подкрепленным в поздний период местной истории императорским авторитетом.

Теперь коснемся боспорской археологической хронологии. Исторические реконструкции той или иной глубины и достоверности, как известно, являются условно конечной и желанной целью всяких археологических изысканий. И проблема археологических датировок, а конкретнее – датировок тех или иных категорий находок, комплексов, слоев и, наконец, памятников имеет при этом принципиальное значение. Археология и хронология взаимосвязаны и взаимообусловлены, и, подчеркнем, объективное и субъективное здесь выступает достаточно очевидно.

Так называемая частная, вещеведческая хронология в своем саморазвитии время от времени «озирается» на известные исторические даты. Да и более общие, сделанные на основании только археологического материала хронологические выводы, как правило, вольно или невольно кореллируются с ними. Исследователь сплошь и рядом склонен трактовать открытое им с оглядкой на «летописные» исторические события и даты. О том, насколько при этом велик элемент не просто случайности, но и прямой исторической погрешности, говорилось уже давно и неоднократно. Ведь историческая канва, на которую археолог пытается нашить свою информацию, сама по себе очень прерывиста, и ячейки ее чем глубже в прошлое, тем крупнее. Применительно же к античному

[2] Вспомним в этой связи хотя бы известный диалог в первой главе хрестоматийной повести А. С. Пушкина «…а сколько лет Петруше? – Да вот пошел семнадцатый годок, – отвечала матушка. – Петруша родился в тот год, как окривела тетушка Настасья Герасимовна, и когда еще…».

Боспору мы и вовсе располагаем отнюдь не многочисленными абсолютными историко-хронологическими реперами, к тому же расставленными на протяжении его тысячелетнего бытования Боспора весьма неравномерно. Отсюда неизбежность не столько относительной достоверности, сколько вообще гипотетичности всяких собственно исторических реконструкций. Между тем все увеличивающийся объем нового археологического материала настоятельно требует такой интерпретации и своего места в общебоспорской событийности. В качестве примеров сошлемся на становящиеся все более многочисленными материалы, свидетельствующие о неких, видимо, достаточно значительных по масштабам негативных событиях, затронувших античные поселения по берегам Киммерийского Боспора (еще вне рамок общего государства) около рубежа второй – последней третей VI в. до н. э., а также примерно полвека спустя. А затем (уже касаясь единого государства) – через два с небольшим – и около трех с половиной веков. В этом же ряду стоят, все более тесно, археологические подтверждения местных природных катастроф. Только в доримское время их предполагается не менее трех, не считая известного землетрясения 63 г. до н. э., о котором мы узнали благодаря исторической случайности (смерть Митридата), да и то, в общеисторическом контексте. А сколько таких «реперных» дат кануло в вечность!

И в этой связи нельзя не обратиться к некоторым археологическим наблюдениям хронологической направленности. Нам уже приходилось говорить, и, кажется, не напрасно, об особом значении исследования достаточно представительных по своей сохранности, площади и количеству массового материала, но относительно несложных и недолговременных в плане общей стратиграфии и датировки памятниках сельской территории. Прежде всего, это поселения, время бытования которых приходится как раз на наименее известные и исследованные периоды местной истории. В самом деле, в боспорских городах соответствующие слои и находки хотя в той или иной степени и фиксируются, но целостной и в достаточной степени масштабной картины выявить на их основании трудно. Это происходит в силу целого ряда обстоятельств, известных каждому полевику-антиковеду. Относительно однослойные же поселенческие структуры выявлены, да, собственно, и вообще возможны, за редким исключением (например, «город» Савроматий, существовавший с конца II по примерно середину III в. н. э.), лишь на пространствах ближней или дальней хоры. Даже там, где ситуация со стратиграфией и строительными периодами неоднозначная, она предполагает и лучшую сохранность построек, и более ясные и узкие хронологические «границы» слоев. Да и всякого рода потрясения на них в силу всего только что сказанного фиксируются легче. К тому же сельская округа, особенно ее окраины, была наиболее «чувствительной» ко всем сопредельным событиям и влияниям.

Следующий момент связан с характером разного рода перемен, изменений, которые и составляют, как принято считать, суть времятечения. Иными словами, одни из них как бы протяженны во времени и хронологически фиксируются нечетко, вернее – неконкретно, в относительно широком диапазоне. Историческая хронология, как правило, их не отмечает или, лучше сказать, не замечает. Например: смена доминанты типа хозяйствования (форм собственности, поселен-

ческих структур и т. п.). Прекрасный пример этого демонстрирует эволюция организации боспорской хоры, как «дальней», так и «ближней», со всеми соответствующими переменами на ней. Это все не столько события, сколько процесс. И если он не сопровождается какими-то яркими общественно-историческими проявлениями вроде военных или природных катастроф, или массовых народных выступлений (например, братьев Гракхов в Римской республике), то и не оставляет следа в хронографии. Хотя эти глубинные процессы и определяют в итоге общий ход истории, тип государственности, форму правления и т. п.

Иное дело – некие одноразовые, скоротечные (или не очень) события-потрясения положительного или, чаще, отрицательного свойства (войны, победы или поражения, землетрясения, смены династий и т. п.). Тут как раз все крепко запечатлевается в сознании и памяти населения; что называется, попадает в историю и служит для нас точками отсчета.

И здесь, касаясь собственно боспорской хронологии и периодизации (последняя – суть, как бы обобщение только что сказанного), мы увидим всего лишь несколько более или менее четких, основополагающих вех, увязанных с общеантичной хронографией и хронологией и воспринимаемых нами в привычных годах «до» или «после». Небезынтересно, в том числе в плане методологии исследования, посмотреть, как все они соотносятся с данными современной археологии и, наоборот: некоторые археологические реалии – с хронологией. (Например, редкие известные нам даты основания городов и соответствующий археологический материал с учетом т. н. «эффекта бабушкиного сервиза».) Гораздо более счастливое исключение – известное землетрясение 63 г. до н. э. Но и здесь в археологическом отношении ясность не столь очевидная. Ведь более или менее однозначно и точно продатировать то, что можно связать с этой катастрофой, пока не удается даже на тех памятниках, где, казалось бы, для этого есть максимально благоприятные условия и имеются разного рода наблюдения и признаки. Этому мешает знакомая всем широта (хотя медленно, но все же сужающаяся) принятых частно-вещеведческих датировок. Прекрасный пример такого полигона – городище Полянка, датировка которого вроде бы ограничена I в. до н. э. и даже немного у́же. Но и тут с полной уверенностью, исходя из стратиграфии и иных моментов, трудно сказать: что именно из соответствующих артефактов и аномалий можно отнести к 63 г., а что к аналогичным катастрофам, случившимся несколько ранее, или позже. На других памятниках ситуация и того менее «узкочитаемая» и однозначно интерпретируемая (Пантикапей, Нимфей, Мирмекий, Китей, некоторые городища сельской округи европейской части Боспора). В не меньшей степени все это относится и к периоду около середины – третьей четверти III в. н. э., т. е. ко времени, когда всякого рода катаклизмов и потрясений в местной (да и в общесредиземноморской) истории было предостаточно. Отделить и точно датировать их антропогенные и (или) природные следы вообще крайне непросто и спорно. Еще один яркий пример – события воцарения на Боспоре римского ставленника Полемона. С ними принято связывать целый ряд объектов, точнее, их состояния, на Тамани и в Восточном Крыму, а также археологически установленный факт разрушения Танаиса. Последнее обстоятельство, как известно, имеет прямое письменное подтверждение, указывающее если и не на точную дату,

то на «виновника» этого события. Прочие же артефакты и наблюдения в данном контексте являются всего лишь более или менее удачными объяснениями. И абсолютной даты, исходя из археологии, для них, кажется, еще не получено. (Это время в истории Боспора также было смутным, и некие локальные катастрофы вполне могли иметь место с периодичностью всего в несколько лет.) Пожалуй, самый «безукоризненный» пример узкой датировки и удачного соотношения исторического события и археологических реалий – слой пожара и разрушения 44–45 гг. н. э. на городище Артезиан (раскопки Н. И. Винокурова) (*Сапрыкин и др.*, 2014). Но и тут вроде бы имеются нумизматические сложности, не говоря уже о том, что восстановление утраченного текста «Истории» Тацита, видимо, навсегда или до счастливой случайности останется только в разной степени вероятной гипотезой. О прочих примерах совпадения археологических аномалий и исторической событийности говорить и подавно следует крайне осторожно. Здесь возможностей археологии еще явно недостаточно. По крайней мере, на уровне методики и предметной хронологии ее сегодняшнего дня.

Наконец, особая тема: датировка находок вне контекста всякого или соответствующего им культурного слоя, а также в местах особо специфических, например, святилищах и погребениях. Первое приобретает значение в свете известных всем обстоятельств (массовое ограбление объектов культурного наследия, в том числе памятников археологии, в последние два десятилетия, в том числе вследствие бесконтрольного использования металлодетекторов) и требует особой методики работ. Второе также хорошо знакомо всякому специалисту-полевику и является нередко сложно или вообще неразрешимой задачей. Третье – реалии, но реалии еще не только малоизученные, но и не всегда обращающие на себя внимание.

Значит ли все это, что разного рода временные (хронологические) гипотезы и предположения не являются историческими интерпретациями? Вовсе нет. Всякий исследователь имеет на это право. Только это все за редчайшим исключением будет как бы виртуальная история. Впрочем, с этим никто и не спорит.

В пояснение к прозвучавшему тезису о «выгодной» с точки зрения относительной и абсолютной хронологии специфике части (и немалой) поселенческих памятников сельской территории античных государств, в том числе и Боспора, остановимся на некоторых самых общих и свежих примерах из Восточного Крыма.

В последнее время уже неоднократно и многими исследователями отмечался наш практически повсеместный общеисторический и чисто археологический пробел в отношении вышеуказанного периода – т. н. зрелого эллинизма на Боспоре, то есть примерно с конца первой трети III в. до н. э. по конец II в. до н. э., или рубежа двух последних веков до Рождества Христова. Вряд ли вызовет возражение и утверждение о том, что культурные напластования и строительные остатки соответствующего времени на городских памятниках по разным причинам сохранились неодинаково хорошо, нередко труднодоступны, изучены по большей части неравномерно, неполно, местами выявляются с трудом, подчас малоинформативны в том или ином отношении или вовсе фактически

отсутствуют. Разумеется, есть и обратные примеры: Нимфей, Мирмекий, Порфмий. Но почти везде мы имеем дело с многослойностью, точнее – сложной и, если так можно сказать, хронологически протяженной стратиграфией, что в немалой степени затрудняет саму хроно-историческую идентификацию данного периода в общем археологическом контексте того или иного памятника. Понятное дело, те из них, которые, так сказать, по определению имеют более узкую общую датировку в силу относительно недолгого бытования, а следовательно, и менее сложную и запутанную стратиграфию, гораздо более привлекательны и показательны.

Вот почему несколько последних лет Восточно-Крымская экспедиция ИА РАН специально посвятила раскопкам трех таких, как представляется, наиболее перспективных объектов на территории Караларского побережья Керченского п-ова. В сущности, их исследование продолжает наши многолетние изыскания на местных, но несколько более ранних и по-своему также очень информативных, эталонных памятниках, связываемых с т. н. царской хорой европейского Боспора эпохи первого расцвета этого государства (усадебные комплексы Генеральское-западное, Бакланья скала и др.). Не останавливаясь на целом ряде закономерно возникающих или возможных при этом вопросов (тема отдельного рассмотрения), подведем в данном случае лишь, как отмечалось выше, самые общие и предварительные итоги, относящиеся к поставленной проблематике.

Напомним, что все три базовых поселения располагаются в одном из наиболее примечательных в целом ряде отношений районов Крымского Приазовья, относительно недалеко друг от друга. Следуя в направлении с востока на запад, это: Полянка, Крутой берег и Золотое Восточное (Сююрташ). Должно также отметить, что данные памятники здесь не одиноки. Синхронные населенные пункты или слои известны и подвергались раскопкам на мысе Зюк (восточнее первого из упомянутых), а также на востоке мыса Казантип (много западнее последнего из них). Отдельные же или даже массовые находки и целые комплексы интересующего нас времени (правда, в основном не поселенческого, а сакрального характера) были обнаружены и исследованы еще в ряде мест Крымского Приазовья.

Первые два поселения были открыты и достаточно интенсивно раскапывались в середине 80-х гг. прошлого века. Третье – известно уже давно, и работы на нем велись в 1953, 1987 и 1989–1992 гг. Раскопки были возобновлены соответственно: в 2007, 2009 и 2010 гг. И основные, так сказать, статистические показатели на сегодняшний день (по итогам сезона 2014 г.) таковы. На поселении Полянка общей площадью примерно 0,60–0,65 га раскопано около 3370 м^2 (1920 – после возобновления работ). Почти все строительные остатки и часть культурных напластований относятся в целом к I в. до н. э. Но им практически повсеместно предшествуют нередко очень мощные и насыщенные разнообразным материалом зольно-мусорные слои приблизительно еще двух веков. Среди находок, наиболее важных в качестве хроноиндикаторов, перечислим (помимо известных Полянкинских кладов) 43 медные монеты и 340 амфорных клейм. Первые (примерно наполовину) и вторые (за редчайшим исключением) относятся именно к интересующему нас периоду.

Поселение Крутой берег – несколько меньшей площади (0,45–0,5 га) также раскопано достаточно основательно: около 2200 м^2 (750 – после возобновления работ). Из находок упомянем: 34 медные монеты и 253 амфорных клейм.

Самое большое городище – Сююрташ – занимает площадь около 1,5–1,8 га, из которых в разное время было раскопано в общей сложности 3320 м^2 (1400 – в последние пять лет). Найдено 20 монет и 406 амфорных клейм.

Разумеется, в качестве датирующего материала чрезвычайно большое значение имеет самая массовая категория находок – амфорная тара, вернее, ее фрагменты. И таковые (естественно, профильные части) исчисляются многими сотнями. Но все знают, что типология и хронология амфорной тары примерно с середины III по конец следующего века и по сей день остается наименее разработанным разделом соответствующего направления исследований. Достаточно уверенно выделяется практически абсолютное большинство центров ее производства, которых, кстати, становится меньше (Синопа, Родос, т. н. Колхида, Косс, Книд, возможно, Гераклея – при абсолютном доминировании двух первых). Но чисто морфологические признаки перемен в формах тары, изготовленной в одних и тех же (даже ведущих) центрах, пока улавливаются с трудом. Сколько-нибудь обстоятельных изысканий на сей счет, по крайней мере, в отечественном, точнее – северопричерноморском, амфороведении нам не известно. Аналогично, задачей на будущее остается определение числа условно целых сосудов (амфор) для хотя бы приблизительного подсчета общего объема винного (что более вероятно) импорта на рассматриваемых памятниках и сравнения этого показателя с тем, что мы в настоящее время имеем в отношении местных же поселенческих структур предшествовавшего периода.

Следующий по значимости хроноиндикатор – амфорные клейма, естественно, связан с только что упомянутым и, пожалуй, на сегодняшний день является самым надежным и научно разработанным, при всех остающихся спорных вопросах и разночтениях. Сделаем и мы по этому поводу несколько замечаний, оговорив, что всякое решающее слово, основные выводы, разумеется, остаются за специалистами-клеймоведами.

Прежде всего, количественный показатель. Само по себе общее число клейм мало что значит, хотя бы исходя из самой простой посылки: чем больше копалось, тем больше находок. Но вот что любопытно: средний показатель насыщенности клеймами культурного слоя (соотношение количества клейм к раскопанной площади) на всех трех памятниках, при всех отличиях их культурных напластований индивидуальных отличиях в стратиграфии и генезисе, весьма близок: 0,1; 0,11 и 0,12 соответственно. Несмотря на всю спорность данного показателя и даже его целесообразность (что автор осознает), приведенные цифры, как нам кажется, вряд ли случайны. Много это или мало? Смотря, с чем сравнивать. Относительно синхронных слоев боспорских городов информации у нас нет. А вот для поселений (усадебных комплексов) «царской» хоры Приазовья (Бакланья скала, Генеральское западное и Генеральское западное (юго-западный склон)), т. е. для непосредственно предшествовавшей эпохи в этом же районе боспорской хоры, эти цифры следующие: 0,1; 0,34 и 0,1. Иными словами, за исключением во всех отношениях особо примечательного Генеральского западного, данный показатель на протяжении трех веков оставался как бы неизменным.

Впрочем, если рассматривать клейма как косвенный, неполный и не вполне точный, но, все же, некий оценочный критерий объема импорта в амфорной таре, то это не совсем так. Ведь известно, что практически все родосские амфоры, в отличие от подавляющего большинства прочих, имели клейма на обеих ручках. Вместимость их была в целом меньше, чем у тары других центров, особенно предшествовавшей им по времени. Между тем, как будет сказ но ниже, именно родосские амфорные клейма составляют вторую по численности группу среди керамических клейм на памятниках и в слоях интересующего нас периода, по крайней мере, применительно к сельской территории европейского Боспора. Так что до проведения соответствующих подсчетов собственно по амфорной таре вышеприведенное сравнение не вполне корректно в плане невольного сопоставления числа клейм и объема винно-масленного импорта. Тем не менее, некая статика насыщенности слоя вроде бы имеет место, но что именно за всем этим стоит (средняя и почти неизменная величина, натурного потребления вина местным населением или что-то еще), судить с уверенностью трудно. Проводить аналогичные сравнения с последующими эпохами не имеет смысла, хотя вино, конечно, продолжали пить.

Хронология распределения амфорных клейм – тема отдельных и, подчеркнем, глубоко специальных изысканий, на которые автор не претендует. Тут остается ждать. Отметим лишь попутно, что, опять-таки, в отличие от местных памятников IV–III вв. до н. э., черепичных клейм на рассматриваемых поселениях эпохи «зрелого» эллинизма не найдено вовсе. Да и обломки самих керамид буквально единичны. Но эти наблюдения к собственно хронологии отношения не имеют. Они, скорее, характеризуют всю эпоху. Однако вернемся к амфорным клеймам нашего собрания.

Естественно, велик соблазн привести хотя бы предварительные и неполные сведения о самых ранних и поздних из амфорных клейм. Для большей объективности остановимся на материалах рассматриваемых поселений, полученных за одинаковое и недавнее время (раскопки 2010–2014 гг.). Основную их часть и в целом, и по отдельности (по памятникам) составляют клейма Синопы, затем следует Родос и все прочие (Херсонес, Кос, Книд, Гераклея, Колхида и неизвестные центры) (рис. 1). Обращает на себя внимание известная близость диаграмм двух памятников: Крутой берег и Золотое восточное. Ниже мы еще вернемся к этому сравнению.

На Полянке из определенных (88 из 118 экз.) к самым ранним как будто относятся редкие (по 2 экз.) клейма 290/285 гг. и 280/275 гг. (Здесь и далее все датировки клейм приводятся исходя из определений, сделанных к. и. н. Н. Ф. Федосеевым, которому автор выражает самую искреннюю признательность. Естественно, его дальнейшая работа над всем соответствующим материалом (уточнения в прочтениях и датировках) может заметно изменить нижепредставленные выводы. 270/250 гг. датируются уже 15 экз. 280/220 гг. – 8. Почти все остальные – второй половиной III в. до н. э. (точнее – и в то же время условно: до 210 г. до н. э.). Наконец, после 180 г. и еще менее определено – II в. до н. э. – всего два клейма (рис. 2).

Родосских клейм – 95. Предварительно определены 63. Самые ранние датируются второй половиной III в. до н. э. (7 экз.); 5 – рубежом III–II вв. Первой

Рис. 1. Диаграммы соотношения центров производства амфорных клейм из раскопок поселений Полянка, Крутой берег и Золотое восточное (Сююрташ)

половиной II в. до н. э. – 36, а серединой – второй половиной этого века – 10 клейм. Концом II в. до н. э. – 2 клейма и I в. до н. э. (началом) – предположительно 3 (рис. 2).

Из редких отметим клейма Фасоса (1), Гераклеи (1), Коса (3), Книда (3), вероятно, Колхиды (2) и неизвестных центров (7). Первые два – явно еще IV в. до н. э. (последняя четверть).

Таким образом, казалось бы налицо сокращение синопского импорта, вернее, его вытеснение Родосом во II в. до н. э. Однако вновь напомним, что одно синопское клеймо как бы равноценно двум родосским и, вероятно, книдским. Тем не менее, общая тенденция динамики импорта очевидна. Разумеется, еще раз подчеркнем, что все наши рассуждения не претендуют не только на выводы, но даже и на наблюдения, пока не будут сделаны хотя бы выборочные и самые простые (по амфорным ножкам) подсчеты самой амфорной тары.

Крутой берег (рис. 1–2). Синопских клейм всего 64 (датировано 55). Особняком стоит клеймо 340/330 гг. до н. э., найденное в одной из ям. Самые же ранние из непрерывной серии (15 экз.) уверенно датируются первой половиной III в. до н. э. (290/280; 260/250 гг.). Несколько (7) – менее определенно: 260–228 гг. Ко второй половине того же века относятся 28 клейм; 3 – к последней трети III в. (227–216 гг.); началом II в. до н. э. – одно клеймо. Родосских клейм всего 7 (2 не датированы). Одно – последней четверти III в. до н. э. Все остальные – первой половины (до 160 г.) II в. до н. э. Кроме того, упомянет по одному клейму «Колхиды», Гераклеи (нач. III в. до н. э.) и неизвестного центра. В принципе, ситуация примерно та же.

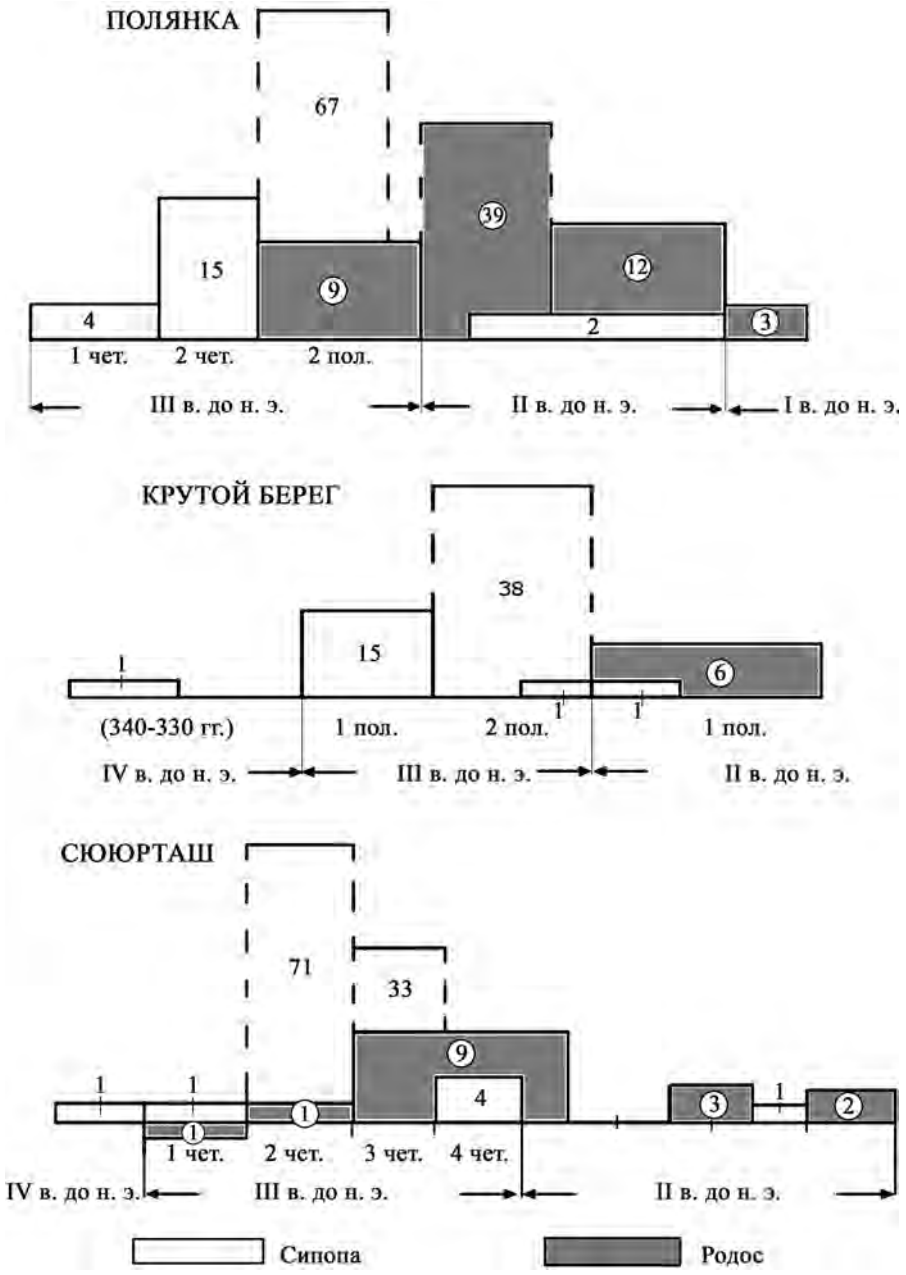


Рис. 2. Графики хронологии амфорных клейм Синопы и Родоса из раскопок указанных поселений

Золотое восточное представлено собранием из 125 синопских клейм (15 – не датировано) (рис. 1; 2). Одно как будто бы датируется 317/308 гг. до н. э. Также одно – 275/270 гг. Ко второй четверти III в. до н. э. (270–250 гг.) относится 67 экз. Девять клейм датируется очень широко: 280 – 220 гг. Заметно меньше (28) – третьей четвертью этого же века. И всего четыре – 220/210 гг.

Родосских клейм мало: 29 (12 не датированы). Самые ранние – первой половины III в. до н. э. Затем: 234/220 (1 экз.) и 234/199 (4 экз.) гг. до н. э. Четыре клейма – последние два десятилетия III – самое начало следующего века. Три – около середины II в. до н. э. и два клейма датируются последней четвертью II в. до н. э. Одно – неопределенно: вторая половина II в. до н. э. Добавим сюда херсонесское клеймо конца III начала II вв. до. н. э., клеймо на венчике «колхидской» амфоры и одно клеймо неизвестного центра. Картина хронологического замещения двух ведущих центров и здесь, в принципе, выглядит аналогичной предыдущим. Разве что Синопа во II в. до н. э. не представлена совсем.

Попутно отметим, что помимо этой важной, хотя и предварительной во всех отношениях статистики, небезынтересно и следующее наблюдение. Оно касается особенностей взаимовстречаемости клейм разных центров и датировок в одних и тех же слоях.

На Полянке таких примеров более всего, на поселении Крутой берег такое сочетание зафиксировано всего один раз, зато на Золотом восточном их заметно больше и они весьма показательны (см. табл. 1).

Таблица 1. Взаимовстречаемость клейм разных центров и датировок на поселениях Полянка (*1–12*), Крутой берег (*13*) и Золотое восточное (*14–22*)

№ п/п	Слой, комплекс	Синопа (датировка/число)	Родос (датировка/число)
1	кв. 88–81, сл. III	270/260; 230/220	145/108; 198/161; 210\180; 198/161 и нач. I в. до н. э.
2	кв. 91, сл. II	250/240	около 111 г. до н. э.
3	кв. 92, сл. III	255/245	234/199; 234/220; 160/153; ок. 125 г.; 198/161
4	кв. 92, сл. IV	255/245	234/199
5	кв. 32, сл. I	250/240	ок. 187 г.
6	кв. 30, сл. II	235/225; 220/210	234/199
7	помещение 60	260/250; 250/240	ок. 147 г.; ок. 180/150; 180/178; 160/153; 171/169; 198/161; 198/161
8	кв. 2, шт. 1	230/220; 230/220	172/170; I в. до н. э.?
9	кв. 3, шт. 5	220/210	ок. 174 г.; 220/180
10	кв. 109–110, сл. VII	245/235	ок. 185 г.
11	кв. 23, шт. 3	220/210; 270/260	ок. 161 г.

12	кв. 119–121, сл. III–II вв.	280/220 (8 экз.)	193/188;201/194;174/146; 145/133; 174/146; 193/188; 2 пол. II в. до н. э.
13	кв. А-4, шт. 6	240/230	170/168
14	кв. 6, сл. III	270/260; 220/210	220/180
15	кв. 3, сл. III	270/260; 260/250; 270/260; 270/260; 260/250/;260/250	234/220
16	кв. 13, сл. III	270/260	234/199
17	кв. 15, сл. III	270/260; 270/260; 260/250; 260/250	234/199; ок. 199 г.
18	кв. 15, сл. II	265/255; 265/255; 255/245; 235/225	234/199
19	кв. Зап. сл. III	260/250; 270/260; 270/260; 270/260; 260/250	1 пол. III в. до н. э.
20	Вост. уч. сл. IV	240/230; 260/250	219/210
21	Южн. уч. сл. I	230/220; 270/260; 260/250; 250/240; 250/240; 265/255; 270/260; 260/250; 260/250; 230/220; 245/235; 260/250; 260/250; 260/250; 250/240; 250/240; 255/245; 270/260	ок. 120; 145/135; ок. 150
22	Сл. I (2014 г.)	317/308; 280/220; 280/220; 220/210	2 пол. II в. до н. э.

Вряд ли на основании только этих данных можно делать какие-то выводы, да и это дело специалистов-клеймоведов. Но налицо, как будто бы, в целом ряде случаев некая асинхронность, общее запаздывание датировок синопских клейм по отношению к родосским (или наоборот?) на 50, а то и 150 лет. Правда, это хотя бы отчасти находит свое объяснение в специфике формирования слоя на соответствующих исследованных участках наших памятников (или это относительно поздние напластования с включением раннего материала, или «скользящие слои» на крутом склоне). Более всего вопросов вызывает картина с т. н. южного участка раскопа на городище Золотое восточное. Но слой I тут самый верхний, и это тоже отчасти может считаться объяснением.

Вместе с тем повторим, что среди поздних (условно II в. до н. э.) клейм родосские (при всех вышесказанных оговорках) – явно доминируют. Насколько это отражало какие-то торговые реалии еще предстоит проверить. Другое дело, что, опять-таки, исходя из общей приведенной по клеймам статистики, импорт в амфорной таре на рассматриваемые поселения в сравнении с предшествовавшим временем заметно сократился. Но и этот вывод может оказаться преждевременным, ибо нам совершенно неведом, в отличие от Родоса, процент клеймения синопской тары тогда и тем более в III–II вв. до н. э.

Монеты как датирующий артефакт, на первый взгляд, – самый предпочтительный и точный. Но всякий археолог знает, что именно монеты в загадочном процессе формирования культурных напластований (а это именно так, поскольку это всегда уравнение со многими известными и неизвестными) имеют обыкновение в наибольшей степени «путешествовать» вверх, а иногда и вниз по хронологической шкале. Но рассматриваемые памятники тем, в очередной

раз, и хороши, что, за непродолжительным исключением Полянки (напомним, здесь наличествуют слои, строения и разного рода, в том числе и нумизматические, находки I в. до н. э.), эти «странствия» по определению ограничены весьма узкими временными рамками. Вне контекста, как некая случайность или свидетельство местопосещения (наряду с единичными клеймами, а также обломками раритетной посуды), их наличие теоретически возможно. Но такие находки здесь отсутствуют. Впрочем, общеизвестно также, что монеты в их основной функции – в качестве денег – имели подчас довольно продолжительный срок бытования.

О монетных находках с этих памятников, сделанных в 80–90-е гг. прошлого века, прежде нами уже писалось. Напомним: в основном это пантикапейская медь с надчеканками в виде восьмилучевой звезды, треножника и головки Афины, т. е. второй половины III в. до н. э. Но на поселении Крутой Берег и в меньшем количестве – Полянка встречено несколько экземпляров и более ранней датировки (конец IV – первая половина III в. до н. э.), в том числе с надчеканкой в виде восьмиконечной звезды или горита с луком. Новые находки мало что добавили в этом отношении. Да их и немного. За указанные выше годы соответственно: 33, 2, 7 экз. К тому же по большей части (до 50–60 %) они плохой и очень плохой сохранности. Нередко об их предполагаемой датировке III–II вв. до н. э. можно судить лишь по общей характеристике (размеры, вес, форма, наличие литиков, следов надчеканок). Почти ничего сколь-либо примечательного среди этого собрания нет. Представлены пантикапейские эмиссии начиная со второй четверти III в. до н. э. и до третьей, может быть, последней четверти следующего века. При этом на городище Золотое восточное монет II в. до н. э. вроде бы не встречено вовсе, а самая ранняя – датируется началом III в. до н. э. А на Полянке, как только что упоминалось, значительная часть «новых» монет датируется I в. до н. э.

Следующий, весьма показательный хроноиндикатор – обломки рельефной посуды: т. н. мегарские чаши. Их в общей сложности в нашей коллекции более двух сотен. Общеизвестно, что господствующая датировка этих изделий – последняя четверть III – начало I в. до н. э. (*Rotroff*, 1982. P. 6, 12; *Гжегжулка*, 2010. С. 24). Причем, и по большей части, в публикациях северопричерноморских находок, в том числе самых крупных музейных коллекций, преобладает датировка второй половиной II в. до н. э. (*Гжегжулка*, 2010), но есть и исключения с более дробной и несколько более ранней хронологией (*Шкрибляк*, 2012; *Bild*, 2010). Последняя, вероятно, более соответствующая современному уровню наших знаний и археологическим контекстам. Вопрос о центрах производства, в настоящее время более разработанный, в данном случае имеет для нас существенно меньшее значение, нежели датировка. Поскольку местное (боспорское) изготовление мегарских чашек считается не только доказанным, но и, по сути своей, вообще рассматривается как бы заключительным вариантом и этапом бытования столовой посуды данного типа, то ее верхняя хронология приобретает особое значение. Специалисты вот уже почти четверть века полагают, что таковой можно считать начало (первую четверть или даже половину) I в. до н. э. (*Внуков, Коваленко*, 1998. С. 71). Внешние признаки боспорских мегарок легко узнаваемы: серая, точнее – светло-серая, глина без блесток и отсутствие лакового покрытия,

наряду с иногда встречаемыми надписями – клеймами – на донцах сосудов. Менее ясно происхождение сероглиняных изделий с тускло-блестящей, по-видимому, лаковой поверхностью. Поэтому их наличие в том или ином слое, комплексе или на целом памятнике весьма и весьма показательно в плане хронологии последних. При этом так и напрашивается предположение, что само появление и бытование местной (боспорской) разновидности этой керамики было связано с событиями митридатовых войн. (В ходе их, а также римской морской блокады традиционные восточноионийские (Эфес, Пергам) и греческие (Афины, Мегары) источники и поступления в Северное Причерноморье пресеклись. Но мода на такую посуду еще существовала, что и обусловило ее некачественное воспроизводство на месте.)

Соответствующий статистический анализ прежде нами уже предпринимался. Материалы старых и новых раскопок свидетельствуют о следующем. Более всего фрагментов мегарских чаш было найдено на поселении Полянка: 125. На Крутом берегу – 46 и Золотом восточном – 51 фрагмент (включая два условно целых сосуда на Полянке и Сюрташе). Предположительно боспорского производства (т. е. сероглиняных вообще) в том же порядке выделено: 32, 11 и 7 (примечательно, что все с Сюрташа происходят из прежних раскопок, которые проводились в противоположной части городища). Если же подходить к этим определениям максимально строго (только сероглиняные сосуды без лакового покрытия), то число таковых для Полянки сократится вдвое, а на прочих памятниках не фиксируется вовсе. При этом надо отметить, что относительная многочисленность данных находок с полянкинского городища объясняется не только его заведомо более широкой хронологией, но и тем, что слои предшествовавшего времени, как уже отмечалось, – это исключительно зольно-мусорный сброс, по определению более насыщенный обломками различной посуды, нежели культурные напластования иного происхождения. Встречающиеся редкие исключения, в том числе святилища внутри поселенческих структур с их инвентарем, эсхарами и т. п., естественно, не в счет. Аналогично, почти все соответствующие фрагменты с Сюрташа также происходят из районов местных зольников. На оставшемся «участнике» нашей поселенческой триады (Крутой берег) зольно-мусорные сбросы, как особый участок памятника, не исследовались, да они здесь и не зафиксированы. Что же касается боспорских чашек, то сам факт их наличия/отсутствия представляется достойным внимания. Остается только сопоставить эти находки с другими относительно узкодатируемыми категориями артефактов, что сделать пока совсем не просто. Иными словами, уточнить хотя бы до четверти века хронологию именно этой группы рельефной керамики пока мы не можем. Впрочем, не исключено, что, исходя из общеисторической ситуации таковой можно посчитать все тот же 63 г. до н. э.

Что еще остается в нашем распоряжении? Естественно, обломки чернолаковой и краснолаковой посуды соответственно поздних и ранних типов. В целом их немного. Точными или даже относительно точными цифрами мы в данном случае пока не располагаем, но совершенно очевидно, что первых стало много меньше, чем на серии памятников предшествовавшего времени. Да и то, что имеется в нашем распоряжении, еще не обработано. Ясно лишь,

что среди чернолаковой есть отдельные находки первой трети III в. до н. э. и даже (что еще реже и не вполне уверенно) последней четверти предыдущего века. Специфика «появления» таковых очевидна. Относительно же поздних типов и форм мы говорить пока не готовы. Собственно же краснолаковая, как, кстати, и сероглиняная, лощеная столовая посуда встречена только на городище Полянка, что естественно ввиду уже неоднократно указанного обстоятельства. По той же причине только там были найдены и обломки посуды в стиле barbatin. Но к настоящему повествованию, точнее – теме, это не имеет прямого отношения.

Итак, перед нами определенный материал для сравнений и некоторых выводов. Еще раз подчеркнем, что сейчас речь идет не об абсолютных датах бытования упомянутых памятников, а лишь о некоем общем фоне, исходя при этом из набора, общей характеристики и корреляции наиболее информативных и массовых хроноиндикаторов. Именно массовых, ибо индивидуальных, особо примечательных находок, прежде всего, эпиграфических, в нашем распоряжении почти нет, а нарративных – никогда и не будет. Выводы же эти таковы. Все три городища Караларского побережья появились, скорее всего, около конца первой трети III в. до н. э. Вероятнее всего, жизнь на них замерла приблизительно в середине последней четверти II в. до н. э. или немного позднее. Затем, почти сразу или через очень непродолжительное время она возрождается на поселении Полянка. Впрочем, в сущности, это было уже другое поселение, в другом месте, хотя и непосредственно рядом с предшествовавшим. Его история, вернее хронология (в рамках I в. до н. э.), – тема отдельных изысканий.

Наконец, как нам кажется, на данном примере, помимо вопросов датировок, вырисовывается гораздо более сложная методологическая проблема. Точнее – проблемы.

Первая – старая история про «бабушкин сервиз». То есть, как относиться к заведомо более ранним, так сказать, эксклюзивным находкам? Насколько здесь велик элемент случайности, традиционности, бытовой практики, моды, экономической целесообразности, общей и частной психологии (бережливости) и т. п.? А главное, насколько эти находки должны учитываться при определении абсолютной и относительной хронологии памятников или комплексов? Думается, не лишено некоторого смысла предположение, что таковые вообще не должны браться в расчет при явной временной лакуне, отделяющей их от массового или относительно массового материала, если таковая имеет протяженность более средней жизни одного поколения (условно: 30–40 лет). Все-таки «прабабушкин сервиз» – это уже совершенный раритет, статус которого может рассматриваться сродни сакральному. Вместе с тем то, что стало характерно для нашего материального быта (весьма короткий период службы или ценности предметов обихода, гардероба и даже длительного пользования), еще сравнительно недавно могло служить их владельцам достаточно продолжительное время. Разумеется, фактор места, времени, традиций, значимости и ценности конкретной вещи и реальных обстоятельств всегда при этом играл самую существенную роль. Тем не менее, для так называемого массового археологического материала и, прежде всего, амфорной тары и почти всей прочей керамики, по крайней мере –

в нашем случае, трудно предположить срок реального бытования более продолжительный, нежели от нескольких лет до одного-двух десятилетий. Даже с учетом особенностей местоположения и хронологии рассматриваемых объектов. (Пусть и не очень отдаленная, но все же сельская глубинка одного из окраинных государств античного мира, причем, как принято считать, в не самый благополучный период его истории.)

Таким образом, соответствующие находки, скорее всего, следует рассматривать как бы вне общего контекста данного памятника: скорее, как свидетельства предшествовавших местопосещений или существования здесь либо поблизости неких объектов, хронологически, типологически и генетически не связанных с ним. Исключений же обратного (в плане хронологии) порядка все только что сказанное касается еще в большей степени. Естественно, в полной мере, вернее – с полным правом, говорить все это можно только после завершения всех археологических и аналитических работ на том или ином объекте.

Вторая методологическая проблема, пожалуй, даже еще более деликатная. Суть ее в ответе на вопрос, с какого момента не вещи-находки помогают датировать памятники археологии, а сами эти памятники становятся основанием для все более точных вещеведческих датировок. То есть, когда и при каких обстоятельствах происходит замена определенных причинно-следственных связей. Если быть кратким, то, думается, все это имеет место с того момента, когда исследователь берет на себя смелость подводить черту, сделать некий обобщающий вывод, заключение. В нашем конкретном случае такие окончательные выводы делать еще рано. Но вот поставить точку в изложении, пожалуй, пора.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин В. А., 1986. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка. 182 с.

Виноградов Ю. Г., 1991. Фанагорийские наемники // ВДИ. № 4. С. 14–33.

Внуков С. Ю., Коваленко С. А., 1998. Мегарские чашки с городища Кара-Тобе // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М. С. 61–77. (Труды ГИМ; Вып. 102.)

Габелко О. Л., 2006. О летоисчислении на Боспоре в правление Митридата VI Евпатора // ДБ. Вып. 10. С. 122–143.

Гжегжулка С., 2010. Мегарские чаши из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Ч. 1. Warsaw: The National Museum in Warsaw: DiG. 344 с. (From the collection of the Kerch History and Culture Reserve.)

Завойкин А. А., 2013. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов // Симферополь; Керчь: ВТС Принт. 592 с. (Боспорские исследования; Suppl. 10.)

Сапрыкин С. Ю., Винокуров Н. И., Белоусов А. В., 2014. Городище Артезиан в Восточном Крыму (Его жители и культы) // ВДИ. № 3. С. 134–162.

Шкрибляк И. И., 2012. Мегарские чаши из раскопок Неаполя Скифского (предварительный анализ) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э.: Мат-лы Междунар. науч. конф., 16–19 октября 2012 г. Тирасполь: Приднестровский гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко. С. 197–205.

Bild G. P., 2010. Mouldmade Bowls // Black Sea studies. 13. Aarhus: Aarhus University press. P. 269–288.

Rotroff S., 1982. Hellinistic Pottery, Athenian and Imported Moldmade Bowls. Princeton: American School of Classical Studies at Athens. 135 p. (The Athenian Agora; Vol. 22.)

Сведения об авторе.

Масленников Александр Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036; e-mail: iscander48@mail.ru.

A. A. Maslennikov

On Bosporan chronography and Bosporan archaeology. (Comparative-relative chronology of fortified settlements in the European Bosporus in the period of «mature» Hellenism)

Abstract. This article is devoted to controversial questions regarding the chronography and chronology of the Bosporan state in the Hellenistic era: in its main observations and conclusions it draws on materials from the many years of excavations work carried out by the author in the Crimean part of the region surrounding the Sea of Azov. Over an extensive area three rural settlements of a fortified type have been investigated: Polyanka, Krutoy Bereg and Zolotoye Vostochnoye. In general the mass-scale archaeological materials date from the second third of the 3rd century BC to the beginning of the 1st century BC. Yet the dates of certain categories of finds which are particularly informative and revealing as date indicators (amphora stamps, coins and pottery with relief decoration) point to a picture that is somewhat less uniform. At the same time the author examines a number of methods and methodological questions used to analyse these categories of archaeological material.

Keywords: Bosporus chronography, chronology, rural settlements, Hellenistic era, amphora stamps, coins, Megara bowls, Crimean part of the Azov Sea region.

REFERENCES

Anokhin V. A., 1986. Monetnoe delo Bospora [Bosporan coinage]. Kiev: Naukova dumka. 182 p.

Bild G. P., 2010. Mouldmade Bowls. *Black Sea studies*, 13. Aarhus: Aarhus University press, pp. 269–288.

Gabelko O. L., 2006. O letoischislenii na Bospore v pravlenie Mitridata VI Evpatora [On chronological system in Bosporus in Mithridates VI Eupator's reign]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of Bosporus]*, 10, pp. 122–143.

Gzhegzhulka S., 2010. Megarskie chashi iz sobraniya Kerchenskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika [Megara bowls from collection of Kerch history and culture reserve], 1. Warsaw: The National Museum in Warsaw: DiG. 344 p.

Rotroff S., 1982. Hellinistic Pottery, Athenian and Imported Moldmade Bowls. Princeton: American School of Classical Studies at Athens. 135 p. (The Athenian Agora, 22).

Saprykin S. Yu., Vinokurov N. I., Belousov A. V., 2014. Gorodishche Artezian v Vostochnom Krymu (Ego zhiteli i kul'ty) [Fortified settlement Artezian in East Crimea (its inhabitants and cults)]. *VDI*, 3, pp. 134–162.

Shkriblyak I. I., 2012. Megarskie chashi iz raskopok Neapolya Skifskogo (predvaritel'nyy analiz) [Megara cups from excavations of Neapolis Scythian (preliminary analysis)]. *Drevnosti Severnogo*

Prichernomor'ya III–II vv. do n. e. [Antiquities of North Pontic zone of III–II cc. BC.]. Tiraspol': Pridnestrovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 197–205.

Vinogradov Yu. G., 1991. Fanagoriyskie naemniki [Phanagoria mercenaries]. *VDI*, 4, pp. 14–33.

Vnukov S. Yu., Kovalenko S. A, 1998. Megarskie chashki s gorodishcha Kara-Tobe [Megara cups from fortified settlement Kara-Tobe]. *Ellinisticheskaya i rimskaya keramika v Severnom Prichernomor'e [Hellenistic and Roman pottery in North Pontic zone]*, 1. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 61–77. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 102).

Zavoykin A. A., 2013. Obrazovanie Bosporskogo gosudarstva: Arkheologiya i khronologiya stanovleniya derzhavy Spartokidov [Formation of Bosporan state: Archaeology and chronology of Spartokides' power emergence]. Simferopol'; Kerch': VTS Print. 592 p. (Bosporskie issledovaniya, 10).

About the author.

Maslennikov Alexander A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: iscander48@mail.ru.

Я. Б. Березин, В. Е. Маслов

ПОГРЕБЕНИЯ С КРОМЛЕХОМ У СЕВЕРНОГО ПОДНОЖИЯ ГОРЫ МАШУК

Резюме. В ходе исследования могильника западнокобанской культуры Энергетик близ Пятигорска было открыто погребальное сооружение с кромлехом, состоявшим из рядов вертикально установленных каменных плит. Немногочисленные находки позволяют отнести его к раннескифскому времени – второй половине VII – началу VI в. до н. э. Ближайшие аналогии данной конструкции имеются среди памятников эпохи поздней бронзы в Абхазии и Южной Осетии.

Ключевые слова: кромлех, кобанская культура, раннескифская культура.

В 2003 г. археологическая экспедиция ГУП «Наследие» под руководством Я. Б. Березина проводила охранные раскопки аланского городища Энергетик[1] близ северной окраины г. Пятигорска, у северо-восточного подножия горы Машук.

В ходе исследования культурного слоя городища было обнаружено семь погребений и отдельное скопление находок, относившихся к могильнику западнокобанской культуры, общие размеры которого остались не выясненными. Основная масса погребений располагалась на довольно крутом склоне плато.

Среди открытых комплексов могильника выделяется сооружение, возведенное над ***погребениями 2 и 3***[2]. До раскопок погребальная конструкция хорошо просматривалась на неровной вершине плато как небольшое всхолмление. В ходе исследований выяснилось, что это сложная каменная конструкция, основой которой являлся кромлех, составленный из крупных плит, торцами врытых в суглинок и установленных непосредственно на каменное скальное основание (рис. 1). Кольцо кромлеха было двойное, а на отдельных участках даже тройное. Его ширина достигала 0,80–0,90 м. Наружный диаметр кромлеха: 6,10 м (С–Ю), 6,90 м (З–В). Вершины многих камней выступали на современной дневной

[1] Непосредственным производителем работ и держателем Открытого листа был А. Л. Чухаркин. Авторы приносят ему благодарность за возможность использовать материалы раскопок.

[2] Нумерация погребений соответствует сквозной нумерации исследованных в 2003 г. захоронений.

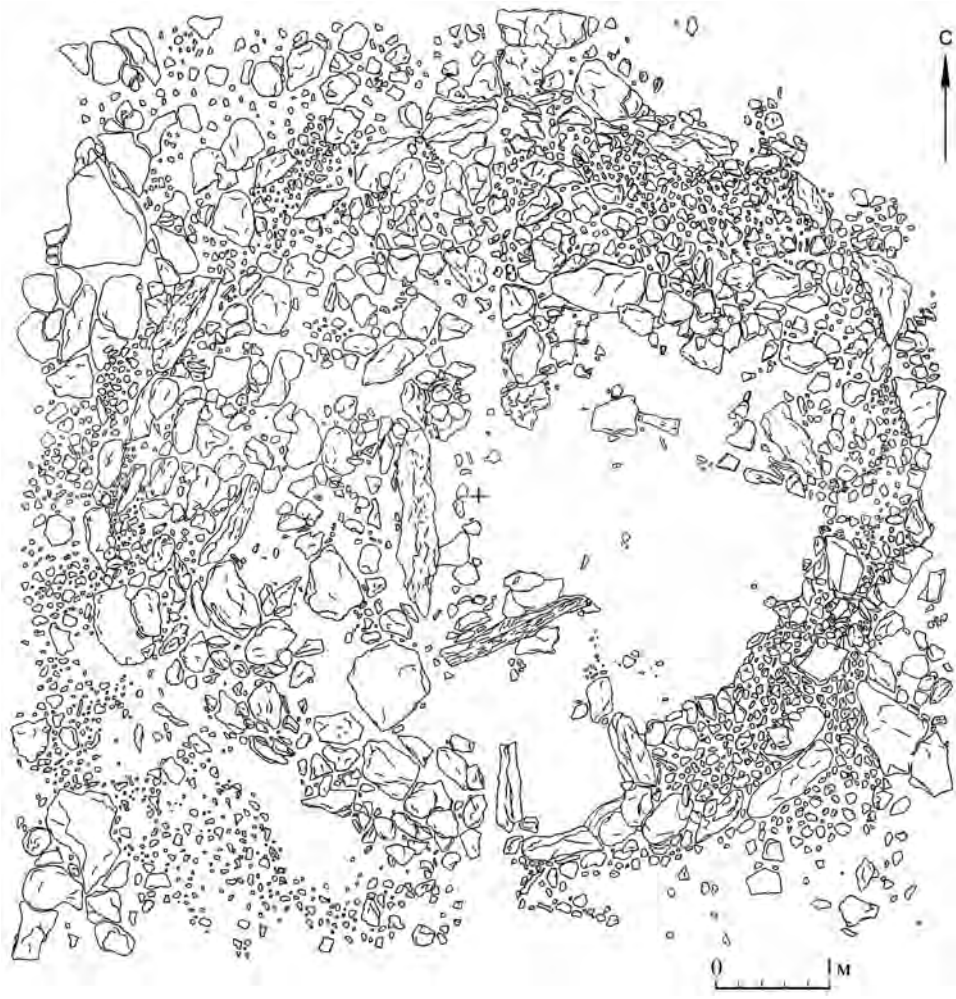


Рис. 1. Могильник Энергетик. Кромлех, план верхнего уровня расчистки

поверхности. Максимальный размер плит достигал размеров 1,10 × 0,50 × 0,30 м. Наиболее крупные камни были установлены с внешней стороны кольца. Впрочем, основная масса плит имела размер меньше максимального примерно в два раза. Внутренняя площадь, ограниченная кромлехом, была засыпана сверху, до уровня верха плит ограждения, мелким камнем и щебнем. Забутовка из мелких камней перекрывала сверху и камни кромлеха. Какой-либо системы в их укладке проследить не удалось. Центральная часть конструкции была нарушена грабительскими перекопами.

В ходе исследования конструкции были открыты два погребения (рис. 2):

– ***погребение 3*** – могильная яма, с частичной каменной обкладкой, дно которой было вырублено в материковой скале, располагалось в центре конструкции, с небольшим смещением к югу;

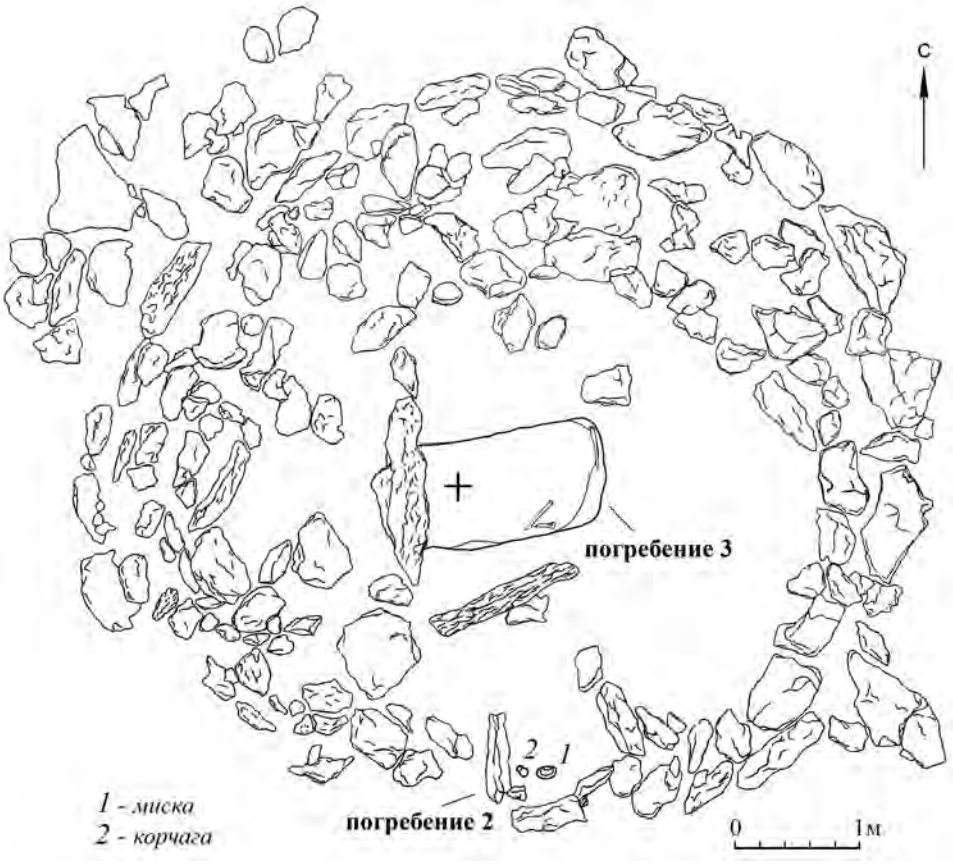


Рис. 2. Могильник Энергетик. Кромлех, план нижнего уровня расчистки

– ***погребение 2*** – каменный ящик без северной стенки, который или нарушил кромлех, или сразу был в него встроен в его южной части.

Между погребениями расчищена врытая в материковый суглинок плита, которая была установлена на ребро и вытянута длинной осью по линии ВСВ–ЗЮЗ. Размеры плиты – 1,3 × 0,92 × 0,11 м. Место расположения внутри сооружения позволяет рассматривать ее как своеобразную перегородку, отгораживавшую одно погребение от другого.

Каменный ящик имел форму, близкую к квадратной, и был ориентирован по осям ССВ (1,38 м) – ЮЮЗ (1,10 м). Его западная и восточная стенки сделаны из одинарных плит, под которые были подложены небольшие плитки и камни, южная – из двух крупных плит, промежуток между которыми был заложен. Верх северной стенки был выровнен кладкой из небольших камней. Высота стенок колебалась от 0,32 до 0,45 м, дно зафиксировано на уровне основания камней кромлеха. Следов костей на дне ящика обнаружено не было. В его юго-западной части были расчищены два керамических сосуда – миска (1) и корчажка (2). Возможно, это погребение являлось кенотафом.

Инвентарь: 1. Керамическая миска (рис. 4, *1*). Неорнаментирована, поверхности заглажены, цвет – коричневый. С-видный борт с округлой губой загнут внутрь, дно ровное, плоское. Диаметр устья – 12,5 см, наибольший диаметр – 14,2 см, диаметр дна – 6 см, высота – 6 см.

2. Лепная миниатюрная корчажка коричневого цвета. Она имеет отогнутый наружу венчик, намеченную шейку, покатое плечо и массивное, подчеркнутое прогибами, предплечье (рис. 4, *2*). Сосуд немного неровный – скошен на бок. Дно ровное, плоское. На предплечье нанесено несколько коротких неглубоких вертикальных и диагональных борозд, но орнаментальную композицию они не составляли. Диаметр устья – 4,8 см, наибольший диаметр – 6,3 см, диаметр дна – 3,5 см, высота – 7,5 см.

Форма сосудов позволяет надежно датировать погребальный комплекс раннескифским временем – второй половиной VII – началом VI в. до н. э., поскольку на территории Кавминвод они не встречаются в комплексах предскифского горизонта. Формирование этих типов сосудов, очевидно, связано с предгорными районами Кабардино-Балкарии и Северной Осетии.

Так, в качестве прототипов миски можно рассматривать серию мисок из Змейского поселения (*Крупнов*, 1960. Табл. XXII). Нижнюю дату существования данного памятника, благодаря находкам смычковых фибул и фрагмента бронзового серпа, можно относить к XI–X вв. до н. э. (*Кашуба*, 2011) или даже XII в. до н. э. (*Козенкова*, 1996. С. 37. Рис. 15, *5, 15*).

Яма центрального погребения 3 имела форму, близкую к прямоугольной, и была ориентирована длинной осью в направлении восток – запад, с небольшим отклонением к северу. Размеры ямы – 1,45 × 0,90 м. Дно ямы было заглублено в скальный материк на 0,4 м (рис. 2).

Западной стенкой могилы являлась каменная плита размерами 1,56 × 0,70 × 0,25 м. Северный и восточный края плиты далеко выходили за пределы могильной ямы.

Погребение было потревожено: сохранились лишь несколько длинных костей, лежавших у южной и восточной стенок. Сопровождающего инвентаря не обнаружено.

Последовательность сооружения данного погребального комплекса представляется нам следующей.

Сначала была очищена от дерна до уровня желто-коричневого суглинка округлая площадка диаметром свыше 6 м. Затем был сооружен каменный кромлех из поставленных на ребро плит.

В центре площадки, огороженной кромлехом, было совершено погребение 3. Не совсем ясно его хронологическое соотношение с погребением 2. Последнее могло быть как впущено в уже законченное сооружение, так и совершено одновременно с погребением 3 (рис. 3, *1*).

Но очевидно, что только после того как были совершены оба захоронения, комплекс был засыпан сверху, до уровня верха плит ограждения, мелким камнем и щебнем[3] (рис. 3, *2*).

[3] Графическая реконструкция комплекса представлена на рисунках художника экспедиции С. П. Ворожбита.

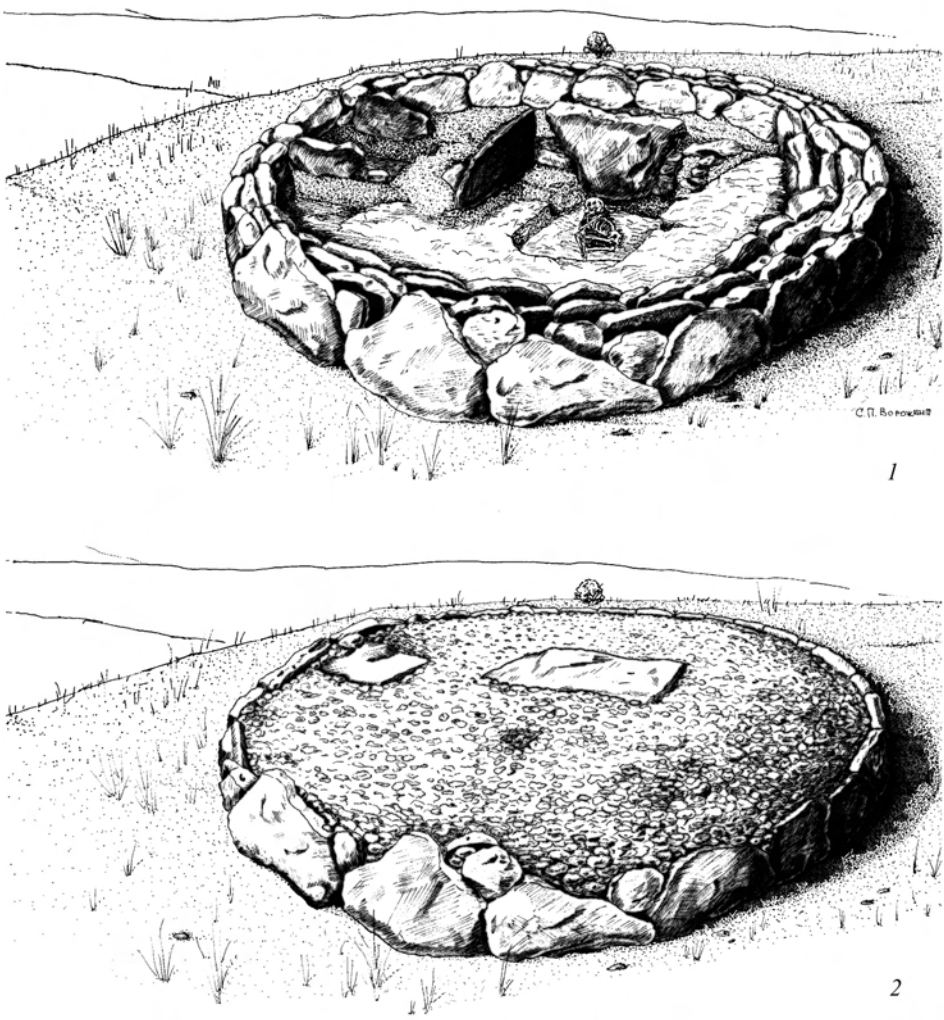


Рис. 3. Могильник Энергетик. Реконструкция внешнего вида кромлеха. Вид с СВ

1 – после совершения погребений; *2* – после засыпки погребений

Каменные ящики, составленных из плит с земляным дном, встречаются во всем ареале западнокобанской культуры и характерны для широкого хронологического диапазона. Традиция сооружения подобных погребальных конструкций, несомненно, восходит к эпохе бронзы. Но сочетание каменного ящика и захоронения в яме с многорядным кромлехом является для памятников западно-кобанской культуры Кавминводской группы совершенно новым типом погребальных сооружений.

В. И. Козенкова отметила, что каменные ящики, заключенные в округлые или прямоугольные оградки, которые она считает кромлехами, появляются только

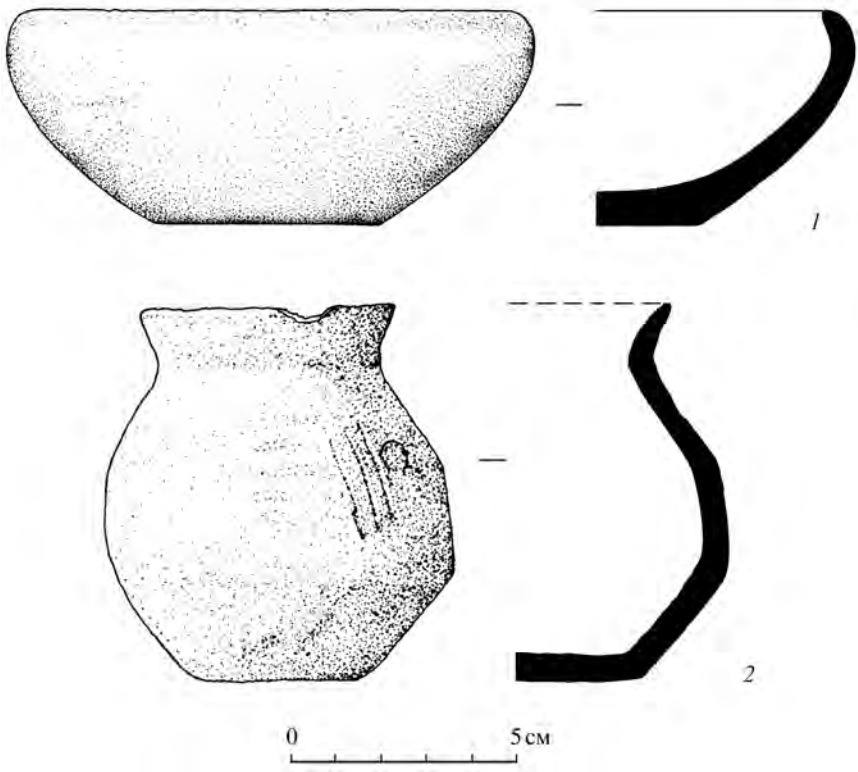


Рис. 4. Могильник Энергетик. Находки из погр. 2

1 – миска керамическая; *2* – корчажка керамическая

в скифский период. В качестве примера приводятся погр. 16 Этокского могильника[4], погр. 1 и 4 внутри оградки с вымосткой в могильнике Султан-гора III (*Козенкова*, 1989. С. 76, 77. Табл. XXVIII, *8*; *Членова*, 1984. С. 236, 237. Рис. 1). Однако эти конструкции представляют собой компактные выкладки из горизонтально уложенных камней, диаметр которых не превышает 3 м.

Гораздо более похожи на кромлехи кольцевые выкладки из гальки (иногда дополненные ровиками, служившими, возможно, для создания своеобразной имитации курганных насыпей), открытые в ходе исследований могильника раннескифского времени Марьинская 1 в Ставропольском крае (*Канторович и др.*, 2011). Эти конструкции имеют близкие параллели в могильниках VI–V вв. до н. э. в Ингушетии – Нестеровском и Луговом (*Крупнов*, 1960. С. 251. Рис. 40, 42; *Мунчаев*, 1963. С. 201).

[4] Плана погребения 16 Этокского могильника, который приведен в своде В. И. Козенковой, нет в отчете Г. И. Ионе, где содержится только описание данного комплекса (*Ионе*, 1961. С. 66).

В отношении интерпретации северокавказских конструкций с кромлехами эпохи раннего железа давно возобладала точка зрения, что они являются своеобразным пережиточным явлением, истоки которого следует искать в традициях эпохи средней бронзы (*Мунчаев*, 1963. С. 202). Очевидно, это заключение вполне справедливо и для кромлеха из окрестностей Пятигорска. Его основной конструктивной особенностью является то, что камни, составляющие кромлех, были установлены вплотную вертикально, в несколько рядов. Ближайшие параллели такому приему можно найти среди памятников Абхазии и Южной Осетии.

Из крупных булыжных камней, установленных вертикально, были сооружены два кромлеха из четырех кругов в с. Нижняя Эшера близ Сухума (*Шамба*, 1974. С. 4–7. Табл. XV, XVI). Основания камней кромлехов были установлены в специально вырытые канавки. Материалы, найденные при расчистке этих сооружений, позволяют рассматривать их как погребально-поминальные конструкции, связанные с обрядом вторичного захоронения, которые функционировали длительное время – начиная примерно с середины II тыс. до н. э. до начала I тыс. н. э. (Там же. С. 43, 44). Судя по обнаруженным железным предметам вооружения, кромлехи использовались и в раннескифский период (Там же. Табл. XVII, *1–13*). В пользу этого свидетельствует находка коленчатого однолезвийного кинжала «урартского» типа. Подобные кинжалы в коллективных погребальных ямах колхидских могильников были найдены вместе с акинаками и наконечниками стрел скифских типов (*Папуашвили*, 2011. С. 83. Табл. III, *23, 24*).

Кромлех большого диаметра (вероятно, окружавший дольмен), составленный из двух рядов камней разных размеров, внутренний ряд которых состоял из стоявших на ребре известняковых плит, был открыт в с. Анхуа в Гудаутском районе Абхазии (*Хибба*, 1990. Рис. 12, *1*).

В ущелье реки Большой Лиахви в отрогах южного склона Кавказского хребта был исследован Стырфазский могильник, состоявший из 11 кромлехов, составленных из одного – реже двух рядов крупных речных камней, установленных на ребро впритык друг к другу, окружая заглубленные погребальные площадки, перекрытые засыпкой и каменной наброской (*Техов*, 1974. С. 15; 2000. С. 32–34. Рис. 4, 5). Благодаря многочисленному и разнообразному погребальному инвентарю стырфазские кромлехи достаточно надежно датированы Б. В. Теховым XIV–IX вв. до н. э. (*Техов*, 2000. С. 113, 114). Связь этих материалов с древностями такого ключевого для свиты кобанских культур памятника, как Тлийский могильник, не вызывает сомнения.

Очевидно, что ныне сходство отдельных деталей погребальных конструкций не может рассматриваться в качестве этногенетических маркеров, как это предполагалось раннее (*Козенкова*, 1981. С. 51). Скорее это показатель, который позволяет проследить вектор устойчивых историко-культурных связей на фоне существования в регионе многочисленных локальных культурных групп (*Скаков*, 2009), исследование динамики взаимоотношений которых дело достаточно далекого будущего.

ЛИТЕРАТУРА

Ионе Г. И., 1961. Археологические раскопки КБНИИ в 1961 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2306.

Канторович А. Р., Маслов В. Е., Петренко В. Г., 2011. Раскопки могильника Марьинская 1 в Кировском районе Ставропольского края // АО 2008 г. М.: ИА РАН. С. 289–290.

Кашуба М., 2011. Ранняя фибула из поселения кобанской культуры Змейское и северопонтийские смычковые фибулы XI–X вв. до н. э. // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х. М. Мамаев. М.; Грозный: Ин-т гуманитарных исследований. С. 64–81.

Козенкова В. И., 1981. Некоторые археологические критерии в этногенетических исследованиях (на материалах кобанской культуры) // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии / Отв. ред. М. Б. Мужухоев. Грозный. С. 45–57.

Козенкова В. И., 1989. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. В2–5. М.: Наука. 196 с.

Козенкова В. И., 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: ОНТИ ПНЦ РАН. 164 с.

Крупнов Е. И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.: АН СССР. 520 с.

Мунчаев Р. М., 1963. Луговой могильник // Древности Чечено-Ингушетии / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: АН СССР. С. 139–211.

Папуашвили Р., 2011. К вопросу об абсолютной хронологии могильников Колхиды эпохи ранней бронзы – раннего железа // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х. М. Мамаев. М.: ИА РАН; Грозный: Ин-т гуманитарных исследований. С. 82–94.

Скаков А. Ю., 2009. Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // КСИА. Вып. 223. С. 143–172.

Техов Б. В., 1974. Стырфазские кромлехи. Цхинвал: Ирыстон. 98 с.

Техов Б. В., 2000. Новый памятник эпохи поздней бронзы в Южной Осетии (Стырфазские кромлехи). Владикавказ; Цхинвал: СО научный центр. 240 с.

Хибба З. А., 1990. Раскопки в с. Анхуа // Археологические открытия в Абхазии в 1985 г. Тбилиси: Мецниереба. С. 22–23.

Членова Н. Л., 1984. Могильник VI в. до н. э. Султан-гора III под Кисловодском // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. Г. Петренко. М.: Наука. С. 235–241.

Шамба Г. К., 1974. Эшерские кромлехи. Сухуми: Алашара. 72 с.

Сведения об авторах:

Березин Яков Борисович, ООО «Наследие» Министерства культуры Ставропольского края, г. Ставрополь, ул. Орджоникидзе, 75; e-mail: yakov_berezin@mail.ru;

Маслов Владимир Евгеньевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: maslovlad@mail.ru.

Ya. B. Berezin, V. Ye. Maslov

Burials with cromlech near the northern foothill of Mashuk Mountain

Abstract. During the examination of the Energetik burial ground of the Koban culture located near Pyatigorsk a burial construction with a cromlech made of vertically installed stone slabs was uncovered. Scarce finds allow us to date it to the early Scythian period, i. e. the second half of the 7th century – the early 6th century BC. The closest similar

constructions of this design have been identified among Late Bronze Age sites in Abkhazia and South Ossetia.

Keywords: cromlech, Koban culture, early Scythian culture.

REFERENCES

Chlenova N. L., 1984. Mogil'nik VI v. do n. e. Sultan-gora III pod Kislovodskom [Cemetery Sultan-gora III of VI c. BC near Kislovodsk]. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya [Antiquities of Eurasia in Scythian-Sarmatian time]*. A. I. Melyukova, M. G. Moshkova, V. G. Petrenko, eds. Moscow: Nauka, pp. 235–241.

Ione G. I., 1961. Arkheologicheskie raskopki KBNII v 1961 g. [Archaeological excavations of KBNII in 1961]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).

Kantorovich A. R., Maslov V. E., Petrenko V. G., 2011. Raskopki mogil'nika Mar'inskaya 1 v Kirovskom rayone Stavropol'skogo kraya [Excavations of cemetery Mar'inskaya 1 in Kirovsky district, Stavropol Region]. *AO 2008.* Moscow: IA RAN, pp. 289–290.

Kashuba M., 2011. Rannyaya fibula iz poseleniya kobanskoy kul'tury Zmeyskoe i severopontiyskie smychkovye fibuly XI–X vv. do n. e. [An early fibula from Koban culture settlement Zmeyskoye and North Pontic violin fibulae of XI–X cc. BC]. *Voprosy drevney i srednevekovoy arkheologii Kavkaza [Problems of ancient and medieval archaeology of Caucasus]*. Kh. M. Mamaev, ed. Moscow: IA RAN; Groznyy: Institut gumanitarnykh issledovaniy, pp. 64–81.

Khibba Z. A., 1990. Raskopki v s. Ankhua [Excavations in village Ankhua]. *Arkheologicheskie otkrytiya v Abkhazii v 1985 g. [Archaeological discoveries in Abkhazia in 1985]*. Tbilisi: Metsniereba, pp. 22–23.

Kozenkova V. I., 1981. Nekotorye arkheologicheskie kriterii v etnogeneticheskikh issledovaniyakh (na materialakh kobanskoy kul'tury) [Some archaeological criteria in ethno-genetic researches (on materials of Koban culture)]. *Pamyatniki epokhi rannego zheleza i srednevekov'ya Chechено-Ingushetii [Sites of Early Iron Age and Middle Ages of Chechen-Ingush Republic]*. Groznyy, pp. 45–57.

Kozenkova V. I., 1989. Kobanskaya kul'tura. Zapadnyy variant [Koban culture. Western variant]. Moscow: Nauka. 196 p. (SAI).

Kozenkova V. I., 1996. Kul'turno-istoricheskie protsessy na Severnom Kavkaze v epokhu pozdney bronzy i v rannem zheleznom veke (Uzlovye problemy proiskhozhdeniya i razvitiya kobanskoy kul'tury) [Cultural-historical processes in North Caucasus in Late Bronze Age and Early Iron Age (Crucial problems of origins and development of Koban culture)]. Moscow: Otdel nauchno-tekhnicheskoy informatsii Pushchinskogo nauchnogo tsentra RAN. 164 p.

Krupnov E. I., 1960. Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza [Ancient history of North Caucasus]. Moscow: AN SSSR. 520 p.

Munchaev R. M., 1963. Lugovoy mogil'nik [Lugovoy cemetery]. *Drevnosti Checheno-Ingushetii [Antiquities of Chechnya-Ingushetia]*. E. I. Krupnov, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 139–211.

Papuashvili R., 2011. K voprosu ob absolyutnoy khronologii mogil'nikov Kolkhidy epokhi ranney bronzy – rannego zheleza [On problem of absolute chronology of Colchis cemeteries of Early Bronze – Early Iron Ages]. *Voprosy drevney i srednevekovoy arkheologii [Problems of ancient and medieval archaeology of Caucasus]*. Kh. M. Mamaev, ed. Moscow: IA RAN; Groznyy: Institut gumanitarnykh issledovaniy, pp. 82–94.

Shamba G. K., 1974. Esherskie kromlekhi [Eshera cromlehs]. Sukhumi: Alashara. 72 p.

Skakov A. Yu., 2009. Nekotorye problemy istorii Severo-Zapadnogo Zakavkaz'ya v epokhu pozdney bronzy – rannego zheleza [Some problems of history of North-Western Caucasus in Late Bronze – Early Iron Ages]. *KSIA*, 223, pp. 143–172.

Tekhov B. V., 1974. Styrfazskie kromlekhi [Styrfaz cromlechs]. Tskhinval: Iryston. 98 p.

Tekhov B. V., 2000. Novyy pamyatnik epokhi pozdney bronzy v Yuzhnoy Osetii (Styrfazskie kromlekhi) [New site of Late Bronze Age in South Ossetia (Styrfaz cromlechs)]. Vladikavkaz; Tskhinval: Severo-Osetinskiy nauchnyy tsentr. 240 p.

About the authors.

Berezin Yakov B., «Naslediye» Foundation of the Ministry of Culture of Stavropol krai, Stavropol, ul. Ordzhonikidze, 75; e-mail: yakov_berezin@mail.ru;

Maslov Vladimir Ye., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: maslovlad@mail.ru.

С. Ю. Внуков

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АНТИЧНЫХ ВИННЫХ АМФОР

Резюме. В статье рассматривается вопрос о продолжительности использования эллинистических и римских винных амфор и о точности датировок археологических комплексов по амфорной таре. Для его решения используются комплексы, содержащие по несколько гераклейских или родосских амфор с клеймами, или тару, имеющую пометки с датой розлива вина. При анализе отдельно рассматриваются комплексы, в которых амфоры использовались только первично, т. е. как винная тара, и комплексы с вторично использованными сосудами. Установлено, что амфоры с вином обычно не хранились дольше 5–7 лет (табл. 1). Вторичное их использование, как правило, продолжалось до 12–20 лет, в редких случаях дольше (табл. 1; 2). Таким образом, предельно возможная точность датировки закрытых комплексов первичного использования составляет порядка 5–7 лет, комплексов вторичного использования – в основном в пределах 20 лет.

Ключевые слова: транспортные амфоры, археологический комплекс, использование амфор, продолжительность использования, археологическое датирование.

Амфоры – самый массовый материал на греко-римских и многих варварских памятниках античного времени в Средиземноморье и Причерноморье. Их формы заметно изменялись со временем. Это делает амфорную тару важнейшим датирующим материалом для определения времени различных комплексов и слоев. Поэтому очень важно установить, как долго амфоры обычно находились в первичном и вторичном употреблении, т. е. насколько точно они позволяют датировать комплексы.

Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, следует сделать несколько предварительных замечаний. Античные амфоры – узкоспециализированный вид тары, приспособленный для транспортировки в основном жидких и некоторых других продуктов на судах. Наиболее часто в них перевозили вино, масло и рыбопродукты. Некоторые эллинистические амфоры имеют клейма, которые позволяют определить дату изготовления сосуда; в римское время встречаются сосуды с надписями, указывающими на дату заполнения амфоры.

Весь период использования амфор можно разделить на несколько этапов. Первый этап начинается с изготовления амфор и заканчивается доставкой товара

потребителю. Его дату можно приблизительно определить по клейму (если речь идет о клейменых сосудах) или по времени первичного заполнения амфор (если присутствуют надписи с датой розлива). Это своего рода «технический» этап, который проходят все сосуды. И виноделы, и виноторговцы были заинтересованы как можно скорее распродать свой товар. Помимо экономических причин, их побуждала к этому и необходимость освобождать емкости и склады до поступления продукции нового урожая. Часто товарное вино продавалось виноделом оптовым торговцам непосредственно в пифосах (долиях) и его розлив по амфорам производился уже покупателем (торговцем-посредником или прямым потребителем). Перед этим проводилась дегустация готового вина. Удаленным потребителям и перепродавцам для этого могли высылаться специальные пробники с продуктом из каждого пифоса (*Ильяшенко*, 2013. С. 46–49). По информации Катона, пифосы должны были быть освобождены покупателем до следующих октябрьских календ, то есть до нового урожая (*Cato*, 147; 148).

Лишь в исключительных случаях розлитое вино дополнительно выдерживалось в амфорах на солнце в течение 2–4 лет. В частности, Катон сообщает о необходимости такой выдержки при изготовлении имитации косского вина (*Cato*, 105, 113; *Pliny*, HN, XIV, 10). Но, видимо, такая технология не была широко распространена.

Таким образом, первый этап использования амфор, как правило, был непродолжительным (*Finkielsztejn*, 2004. P. 279). Обычно он занимал от нескольких недель (при потреблении товара в пределах центра-изготовителя) до 1 – максимум 2 лет (при поставках в прочие центры первичного потребления в сроки ближайшей навигации)[1]. В любом случае его длительность при регулярных поставках практически везде была одинакова и значительно меньше достижимой точности наших датировок археологического материала.

Второй этап использования тары – период хранения товара в амфорах от их доставки в место потребления до самого потребления. Часть амфор после этого больше не использовалась и выходила из употребления. Рассмотрение этого этапа является одной из основных задач этой работы.

Последний этап – время вторичного использования амфор. Далеко не все амфоры использовались вторично. После опорожнения винных амфор их не могли вновь использовать для транспортировки вина в массовых количествах. Для этого потребовалось бы наладить прием, сортировку, мытье и дезинфекцию пустой тары (без этого содержимое бы скисло), что требовало заметных затрат и было в большинстве случаев нерентабельно. Амфоры из-под масла и рыбы не могли повторно использоваться как тара для пищевых продуктов, так как их невозможно полностью отмыть. Поэтому в крупных античных центрах, имеющих стабильные поставки товаров в амфорах, большое количество тары просто выбрасывали (холм Монте Тестаччо в Риме) или их приспосабливали для вторичного, порой неожиданного, применения, не связанного с хранением продуктов, например, в строительстве или для детских погребений (*Peña*, 2007. P. 119–192).

[1] Здесь не идет речь о спорадическом попадании амфор в отдаленные варварские регионы, такие как Южная Белоруссия или Северный Казахстан, путь до которых мог занимать несколько лет.

В небольших сельских поселениях, особенно варварских, не имевших постоянного массового импорта вина, опорожненные амфоры ценились выше. Их использовали как емкости для воды, сыпучих продуктов, кратковременного хранения вина и других целей. С. Ю. Монахов отмечает, что чем менее интенсивно поступали товары в амфорах на какое-либо поселение, тем выше там ценилась тара, и в среднем она дольше вторично использовалась, и наоборот (*Монахов*, 1999. С. 418, 419). Действительно, там и тогда, где и когда импорт был незначительный, каждый пустой сосуд ценился выше, сохранялся и использовался до последней возможности. Как греческие, так и варварские поселения Причерноморья дают много примеров такого использования и хранения даже битых амфор и их крупных фрагментов (*Opait*, 1987. *Монахов*, 1999. С. 457).

В идеале для определения продолжительности использования амфор для каждого сосуда необходимо знать две даты: его изготовления или первичного заполнения и дату его отложения в слое. Такие случаи уникальны. Поэтому приходится оперировать другими датами, отмечающими определенные этапы использования амфор.

Для периода эллинизма в этих целях могут быть использованы комплексы клейменых гераклейских и родосских сосудов с именами эпонимов – магистратов или жрецов. Хронология эпонимных клейм этих центров, разработанная С. Ю. Монаховым (1999) и Дж. Финкельштейном (*Finkielsztejn*, 2001), имеет достаточную точность (как минимум относительную) для решения поставленных задач. Оба типа амфор являлись исключительно винной тарой. Для римского времени в тех же целях могут быть использованы амфоры с датированными *tituli picti* (надписями краской), связанными с их первоначальным заполнением, происходящие из датированных комплексов.

Очевидно, что для такого анализа необходимы комплексы с несколькими датированными амфорами. Кроме того, необходима информация о характере используемых комплексов. Они могут быть разделены на несколько групп в зависимости от продолжительности накопления и синхронности отложения составляющих их объектов. В первую группу входят закрытые комплексы, которые содержат амфоры, заведомо использовавшиеся только по первоначальному назначению, т. е. в которых на момент отложения находилось вино. Это могут быть партии товаров с затонувших кораблей или из некоторых внезапно погибших винных складов и лавок, сосуды, поставленные с вином в одиночные или коллективные синхронные погребения, опорожненные во время тризны, и ряд других. Это комплексы короткого накопления, все объекты в которых отложились одновременно. Сосуды из них были произведены в течение довольно короткого периода.

Вторую группу представляют комплексы амфор, произведенных в разное время, но использовавшиеся и отложившиеся практически одновременно. Они происходят из мусорных ям, внезапно погибших сооружений и т. п. Обычно в них содержатся сосуды как первичного, так и вторичного использования, которые не могут быть разделены без специального анализа. Объекты, составляющие такие комплексы, накапливались продолжительное время, но отложились одновременно.

В третью группу входят закрытые комплексы, содержащие амфоры, которые раньше вышли из употребления, но по каким-то соображениям хранились в хозяйстве некоторое время до их отложения. Это собрания заведомо разновременных объектов. Сосуды, их составляющие, были изготовлены и использованы (первично или вторично) в различное время, но формально отложились одновременно, хотя и вышли из активного употребления в разное время. Это комплексы длительного накопления: так называемые «склады» пустой тары, амфоры, использованные в сооружениях в качестве строительного материала и элементов конструкций, комплексы долго существовавших и внезапно погибших помещений и хранилищ и некоторые другие.

Другие разновидности закрытых, а тем более открытых комплексов непригодны для решения поставленной в работе задачи. Поэтому комплексов, отвечающих указанным условиям и содержащих серии клейменых гераклейских или родосских амфор, очень немного. Кроме того, здесь рассматриваются только целые клейменые амфоры или их крупные фрагменты. Небольшие обломки с клеймами в расчет не принимались, так как они могли попасть в комплекс случайно.

Следует также иметь в виду, что точную дату отложения комплексов можно установить лишь в исключительных случаях. Поэтому период, прошедший от выпуска амфор до их отложения, как правило, точно определить невозможно. Время отложения комплекса традиционно определяется по дате самой поздней находки в нем. Действительно, мало вероятно, что представительный комплекс мог отложиться по прошествии длительного времени после изготовления самого позднего объекта в нем. В него обязательно попали бы более близкие ко времени отложения, а потому на тот момент более массовые вещи. Таким же образом определяются и даты захоронения монетных кладов. Вместе с тем с уменьшением размера комплекса увеличивается вероятность ошибки определения реального времени его отложения (*Finkielsztejn*, 2004. P. 281, 282, 284).

Таким образом, описанный подход позволяет определить не период между изготовлением (заполнением) амфоры и ее отложением, а интервал между изготовлением конкретного сосуда комплекса и изготовлением самого позднего сосуда в нем. Как правило, время бытования самой поздней амфоры не было продолжительным. Поэтому данный метод все же позволяет получить представление о продолжительности использования входящих в состав комплекса амфор.

Комплексы гераклейских клейменых амфор Причерноморья опубликованы С. Ю. Монаховым (1999). В большинстве случаев предельная точность, с которой он датирует деятельность магистратов, чьи имена встречаются на клеймах, составляет 5 лет. Поэтому дата таких клейм обычно представлена как период продолжительностью до 5 лет. Этого достаточно для решения задач работы.

Сводка С. Ю. Монахова содержит 35 комплексов, включающих по несколько клейменых гераклейских сосудов, которые отвечают указанным выше условиям. Из них 26 комплексов (74,3 %) содержат амфоры с клеймами, даты которых различаются не более чем на 10 лет. Только 9 комплексов (25,7 %) содержат клейма, даты которых различаются на 11–20 лет (табл. 1). Нет ни одного комплекса, в котором разница в датах клейм превышала бы 20 лет.

Двадцать один опубликованный комплекс происходит из одиночных погребений или из тризн, т. е., несомненно, принадлежит группе 1 и содержит тару, использовавшуюся только первично. Из них в 18 комплексах разница в датах клейм колеблется от 0 (все клейма несут одно и то же магистратское имя, а следовательно, сделаны в один год) до 7 лет. Эти различия лежат практически в пределах точности датировки клейм. Только в 3 комплексах (погр. 72 некрополя Пантикапея (1862 г.), погр. 2 кургана 1 у с. Прибугское, тризна кургана 69 могильника Царский) различия достигают 10–15 лет (*Монахов*, 1999. С. 258–260, 271, 272, 281–283). Примечательно, что эти комплексы содержат клейма, дата которых установлена не очень надежно, или же природа комплексов не совсем ясна.

Средняя разница в датировке клейм этих комплексов с использованием минимально возможных значений хронологических различий – 3,7 лет, максимальных значений – 5,0 лет (табл. 1). Это показывает, что в большинстве комплексов амфоры практически синхронны или различия в их датах минимальны. Таким образом, можно заключить, что, согласно гераклейским клеймам, вино в амфорах при первичном использовании не хранилось после розлива долго. Обычно оно выпивалось в течение 5–7 лет после розлива (с учетом времени доставки) или даже раньше.

Анализ амфор из складов пустой тары, конструкций в погребальных сооружениях, мусорных ям, единовременно погибших помещений и т. п. дает несколько иную картину. Формально эти комплексы относятся к выделенным группам 2 и, возможно, 3. С. Ю. Монахов публикует 14 таких комплексов с несколькими гераклейскими амфорами, имеющими магистратские клейма. Они включают тару, находившуюся как в первичном, так и во вторичном использовании. Разброс датировок клейм в каждом из этих комплексов составляет от 0 до 20 лет. Средняя минимально возможная продолжительность использования амфор в них составляет 9,7 лет, средняя максимальная – 12,5 лет (табл. 1). Некоторые из этих комплексов содержат практически синхронные амфоры, другие – разновременные. Так, в заполнении ямы-склада 1968 г. на Березани найдено 4 клейма магистрата Аристокла в комбинации с именами 3-х различных фабрикантов (Там же. С. 202, 203). Несомненно, в этом хранилище находились гераклейские сосуды из одной партии товаров. Схожую картину дает и ранний комплекс из подвала 1 1960 г. из Никония (Там же. С. 227–229). Он содержит 3 клейма с сокращенным именем эпонима ПА(-) и одно клеймо эпонима ІА(-), который исполнял свои обязанности 1–2 годами ранее. Эти сосуды явно использовались только первично, и подобные комплексы можно рассматривать вместе с комплексами группы 1.

С другой стороны, гераклейские эпонимные клейма из ямы 312 в Горгиппии различаются по датам до 20 лет (Там же. С. 278–280), из ямы 5 1987 г. в Порфмии – до 15 лет (Там же. С. 260–263), в складе использованной тары 1947 г. в Ольвии – до 10 лет (Там же. С. 194–201). Эти комплексы содержат разновременные, долго бытовавшие до отложения находки, или сами комплексы формировались продолжительное время.

Таким образом, судя по гераклейским клейменым амфорам, продолжительность первичного использования этих сосудов в качестве винной тары в Северном

Таблица 1. Продолжительность использования гераклейских и родосских клейменых амфор с именами магистратов и эпонимов

Место находки (центр производства)	Комплексы					
	Все		Первичного использования		Вторичного использования	
			Возможная разница дат			
	до 10 лет	11–20 лет	*Min*.	*Max*.	*Min*	*Max*
Причерноморье (Гераклея)	74,3 %	25,7 %	3,7 года	5,0 лет	9,7 года	12,5 лет
Некрополь Неа Пафос, Кипр (Родос)	100 %	0 %	2,0 года	4,3 года	–	–

Причерноморье достигала 5–7 лет. Во вторичном использовании они могли находиться до 20 лет, а в редких случаях, видимо, даже дольше.

Этот вывод можно проверить на основании материалов средиземноморских памятников. С. Баркер опубликовал 7 пар клейменых родосских амфор из погребений могильника в Неа Пафосе на Кипре (*Barker*, 2004). Они датированы от 184 до 124–120 гг. до н. э. В могилы сосуды были помещены с вином. Родосские клейма могут быть в большинстве случаев датированы с точностью в 1–3 года. Различие в датах каждой пары амфор в могилах составляет от 0 (обе амфоры выпущены в год одного и того же эпонима) до 5–9 лет. Общее среднее различие составляет 3,1 года, среднее различие, высчитанное по минимально возможным значениям, составляет 2 года, по максимальным значениям – 4,3 года (табл. 1).

Таким образом, проведенный анализ показал, что родосское вино хранилось в амфорах максимум до 5–9 лет перед помещением в погребения, в среднем немногим более 3 лет. Эти цифры очень близки тем, что были получены при рассмотрении гераклейских клейменых амфор, находившихся в первичном использовании.

Также следует отметить, что к близким выводам приходит и Дж. Финкельштейн, который проанализировал комплексы клейменых родосских амфор из помещений трех памятников в Израиле. Время их разрушения определяется по письменным источникам. По-видимому, это комплексы длительного накопления группы 3 (см. выше). По данным Дж. Финкельштейна, большинство родосских амфор в них были изготовлены за 1 – 17–24 года до разрушения или оставления этих памятников, а самая старая амфора находилась в хозяйстве 53 года. Он заключает, что рассмотренные амфоры использовались вторично примерно до 20 лет (*Finkielsztejn*, 2004. P. 287)[2]. Это согласуется с результатами нашего анализа аналогичных комплексов.

[2] Результаты алогичного анализа Дж. Финкельштейном родосских амфор из гробниц в Марисе не очень надежны. Эти гробницы многократно использовали для повторных захоронений, и невозможно надежно соотнести конкретные погребения с клейменными амфорами и с найденными там же датированными погребальными надписями (*Finkielsztejn*, 2004. P. 285, 286).

Анализ амфор с датированными *tituli picti* из Западного Средиземноморья является еще одним способом проверки полученных результатов. Первичные данные по этим сосудам были опубликованы Т. Пенья (*Peña*, 2007. P. 51–54). Наиболее важной для нас является находка 24 таких амфор в Помпеях (Ibid. P. 51. Tabl. 4.1). По-видимому, большинство их использовалось к моменту извержения, но было ли это первичное или вторичное использование, неясно. Вместе с тем какая-то часть этих сосудов уже могла выйти из активного использования, но по какой-то причине их сохраняли в хозяйстве. Поэтому мы можем получить только общее усредненное представление о продолжительности использования амфор в Помпеях.

Судя по опубликованным данным, 15 таких амфор (62,5 %) использовались на протяжении не более 10 лет до извержения Везувия, 6 амфор (25 %) использовались от 11 до 23 лет и 3 сосуда (12,5 %) – более 30 лет (максимум 54 года) (табл. 2).

Таблица 2. Продолжительность использования амфор с датированными *tituli picti* из трех средиземноморских центров

	Все комплексы				
Памятник	до 10 лет	11–23 года	24–30 лет	более 31 лет	примечания
Помпеи	62,5 %	25,0 %	0 %	12,5 %	
Карфаген, Первая амфорная стена	69,2 %	23,1 %	7,7 %	0 %	разрыв между 9–14 гг.
Рим, район Castro Pretorio	27,3 %	18,2 %	0%	54,5 %	

Полученные цифры сопоставимы с теми, что были получены при анализе описанных выше гераклейских амфор и данными Дж. Финкельштена. Основное различие заключается в сравнительно большей доле в Помпеях амфор, использовавшихся очень продолжительное время. Они отделены от основной массы сосудов отрезком в 7 лет. Объяснить это затруднительно. Примечательно, что 7 таких сосудов (29,2 %) были изготовлены до предыдущего катастрофического землетрясения 62 г. н. э. в городе и должны были бы пережить его, что не очень вероятно. Не могут ли они происходить из комплексов, оставшихся от этого землетрясения?

Близкие результаты были получены при анализе 13 датированных *tituli picti* из Первой амфорной стены в Карфагене (*Peña*, 2007. P. 54. Tabl. 4.3). Эта стена была сооружена после 15 г. до н. э. из пустых амфор, которые использовались как строительный материал. Амфоры для строительства, видимо, специально собирались и хранились какое-то время. Срок хранения собранной тары после ее выхода из активного использования неизвестен, но мало вероятно, что он занимал несколько десятилетий.

Самая ранняя из датированных амфор помечена 43 г. до н. э., самая поздняя – 15 г. до н. э.; разница составляет 28 лет. Поздняя амфора дает *terminus post quem* сооружения стены. По данным Т. Пенья, 9 датированных амфор (69,2 %) впервые использовались в период до 8 лет и 4 (30,8 %) – от 15 до 29 лет до даты самого позднего сосуда (табл. 2). Примечательно, что амфор, заполненных в период с 23 до 28 г. до н. э., не обнаружено.

Для сравнения таким же образом были проанализированы 22 датированные амфоры из заполнения рва в районе Castro Pretorio в Риме (*Peña*, 2007. P. 53. Tabl. 4.2). Они, вопреки мнению Т. Пенья, дают совершенно иную картину. Даты примерно 73 % амфор существенно (от 11 до 69 лет) отличаются от даты самого позднего сосуда комплекса. Очевидно, они откладывались продолжительное время. Комплекс рва формировался в других условиях, и, в отличие от прочих проанализированных комплексов, он не может быть использован для целей данной работы.

В заключение анализа всех приведенных комплексов Т. Пенья отмечает, что «значительное количество этих амфор продолжало использоваться на протяжении до двух десятилетий, а в некоторых случаях и значительно дольше» (Ibid. P. 54). В целом это согласуется с результатами анализа нашего материала.

Таким образом, датированные по клеймам винные амфоры, обнаруженные в погребениях, первично использовались до 5–7 лет и лишь в редких случаях до 10 лет. Вторично амфоры могли использоваться значительно дольше. Средняя продолжительность повторного использования амфор – около 10 лет, но некоторые закрытые комплексы содержат сосуды, которые различаются по датам до 20 лет, а в единичных случаях даже более. Таким образом, эти цифры показывают возможную точность датирования археологических комплексов по целым амфорам, которая зависит от характера комплекса. Отдельные находки амфорных клейм дают недостаточно надежные даты (*Finkielsztejn*, 2004. P. 281, 282, 284). Период первичного использования тары для масла, рыбопродуктов или фруктов, как правило, короче, так как эти продукты быстро портятся (*Peña*, 2007. P. 50).

ЛИТЕРАТУРА

Ильяшенко С. М., 2013. Стандартные *dipinti* на узкогорлых светлоглиняных амфорах Танаиса и его округи III–IV вв. н. э. Симферополь; Керчь: Фонд «Деметра». 287 с.

Монахов С. Ю., 1999. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Саратов: Саратовский ГУ. 678 с.

Barker C., 2004. The use of Rhodian amphorae in Hellenistic graves at Nea Paphos, Cyprus // Transport amphorae and trade in the Eastern Mediterranean: Acts of the international colloquium at the Danish institute at Athens, 26–29 September, 2002 / Eds J. Eiring, J. Lund; Aarhus: University Press. P. 73–84. (Monographs of the Danish institute at Athens; Vol. 5.)

Finkielsztejn G., 2001. Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens de 270 a 108 av. J.-C. environ. Premier bilan. Oxford: Archaeopress. 260 p. (BAR International Series; 990.)

Finkielsztejn G., 2004. Interests and limits of amphorae to date other pottery in Hellenistic contexts // Στ′ επιστημονικη συναντηση για τησ Ελληνισκη κεραμικη. Προβληματα χρονολογησησ κλειστα συνολα – εργαστηρια. Βολοσ, 17–23 απριλιου 2000. Athens: Ταμειου αρχαιολογικων πορων και απαλλοτριωσεων. Σ. 279–288.

Opait A., 1987. Un dépôt d'amphores découvert à Aegyssus // Dacia, NS. Vol. XXXI. № 1–2. P. 145–155.

Peña J. T., 2007. Roman pottery in the archaeological record. Cambridge: University press. 430 p.

Сведения об авторе.

Внуков Сергей Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: vnukovs@mail.ru.

S. Yu. Vnukov

Duration of the period Classical wine amphorae were used

Abstract. This article examines the length of time Hellenistic and Roman wine amphorae were used and the exact dating of archaeological assemblages on the basis of amphorae used as wine containers. For this purpose complexes are used containing several Heraklean or Rhodian stamped amphorae or those on which the date when they were filled with wine is marked. Assemblages in which the amphorae were used only once, i. e. as containers for wine in transit, are examined separately from those including amphorae which were used subsequently as vessels. It has been established that amphorae used to transport wine usually did not last longer than 5–7 years (Plate 1). Amphorae used again for secondary purposes usually survived for between 12 and 20 years and in rare cases even longer (Plates 1 and 2). This makes it possible to date closed complexes of amphorae used just for transporting wine to within 5–7 years and assemblages of amphorae subsequently used as vessels generally to within 20 years.

Keywords: transport amphorae, archaeological assemblage, use of amphorae, duration of use, archaeological dating.

REFERENCES

Barker C., 2004. The use of Rhodian amphorae in Hellenistic graves at Nea Paphos, Cyprus. *Transport amphorae and trade in the Eastern Mediterranean: Acts of the international colloquium at the Danish institute at Athens*. J. Eiring, J. Lund, eds. Aarhus: University Press, pp. 73–84. (Monographs of the Danish institute at Athens, 5).

Finkielsztejn G., 2001. Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens de 270 a 108 av. J.-C. environ. Premier bilan. Oxford: Archaeopress. 260 p. (BAR International Series, 990).

Finkielsztejn G., 2004. Interests and limits of amphorae to date other pottery in Hellenistic contexts. *Στ′ επιστημονικη συναντηση για τησ Ελληνισκη κεραμικη. Προβληματα χρονολογησησ κλειστα συνολα – εργαστηρια.* Βολοσ, 17–23 απριλιου 2000. Athens: Ταμειου αρχαιολογικων πορων και απαλλοτριωσεων, Σ. 279–288.

Il'yashenko S. M., 2013. Standartnye *dipinti* na uzkogorlykh svetloglinyanykh amforakh Tanaisa i ego okrugi III–IV vv. n. e. [Standard *dipinti* on narrow-necked light-clay amphorae from Tanais and its environs in III–IV cc. AD]. Simferopol'; Kerch': Fond «Demetra». 287 p.

Monakhov S. Yu., 1999. Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoy tary [Greek amphorae in Pontic zone. Complexes of ceramic containers]. Saratov: Saratovskiy gosudarstvennyy universitet. 678 p.

Opait A., 1987. Un dépôt d'amphores découvert à Aegyssus. *Dacia*, NS, XXXI, 1–2, pp. 145–155.

Peña J. T., 2007. Roman pottery in the archaeological record. Cambridge: University press. 430 p.

About the author.

Vnukov Sergey Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: vnukovs@mail.ru.

И. Н. Храпунов, М. М. Казанский

ПОГРЕБЕНИЕ № 114 НА МОГИЛЬНИКЕ НЕЙЗАЦ (ПРЕДГОРНЫЙ КРЫМ) И ДРЕВНОСТИ КОЧЕВНИКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ V – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VI в.

Резюме. В статье публикуется погребение «постгуннского» времени (приблизительно 430/470–530/570-е гг.), открытое на могильнике Нейзац, около Симферополя (рис. 1, *А*). Это ингумация женщины в могиле с подбоем, сопровождавшаяся захоронением коня и жеребенка (рис. 1, *БII-2*). Погребальный инвентарь состоит из украшений, бытовых предметов, конского снаряжения (рис. 3–5; цв. рис. 9: с. 333). Аналогии погребальному обряду и инвентарю (рис. 5–7) свидетельствуют о принадлежности данного погребения кругу древностей степных народов «постгуннского» времени (рис. 8). Привлекают внимание параллели погребальному обряду и инвентарю, имеющиеся у центральноазиатских кочевников (Шамси), а также наличие в костюме погребенной в Нейзаце женщины элементов ранневизантийского костюма.

Ключевые слова: кочевники, постгуннское время, Крым, погребения.

Цель данной статьи – публикация результатов раскопок погребения № 114 некрополя Нейзац. Памятник расположен приблизительно в 20 км к востоку от Симферополя, в долине реки Зуя (рис. 1, *А*). Он находится в самом начале предгорной зоны. Примерно в 2 км к северу от него долина Зуи заметно расширяется и ландшафт визуально воспринимается как степной, обрамленный кое-где невысокими безлесыми холмами. В 7 км к северу начинается уже сплошная равнина. В южном направлении простираются покрытые лесом постепенно повышающиеся горы. Предварительная информация о публикуемой могиле введена в научный оборот (*Храпунов*, 2011. С. 17. Рис. 6–8). Данное захоронение, на наш взгляд, относится к числу редких для Крыма находок кочевнического облика т. н. шиповского, или «постгуннского», горизонта (приблизительно 430/470–530/570-е гг.)[1] и поэтому заслуживает особого внимания. Оно

[1] Здесь и далее используется следующая археологическая периодизация эпохи Великого переселения народов (*Мастыкова*, 2009. С. 19, 20; *Казанский, Мастыкова*, 2010):

было совершено, когда некрополь, в целом относящийся к римскому времени, уже не функционировал (*Храпунов*, 2011. С. 17, 18). Представляется необходимым отнести данное погребение к определенному культурно-историческому контексту.

Описание погребения

Могила № 114 относится к числу подбойных (рис. 1, *БII-2*). Входная яма округлая в плане, ко дну она расширяется. Ее диаметр на уровне материка – 0,9 м, по дну – 1,2 м, глубина – 1,5 м. Подпрямоугольный в плане подбой сделан в северо-восточной стене входной ямы. Его размеры 2,15 × 0,7 м. Пол подбоя расположен на 0,1 м ниже дна входной ямы. В подбое, на земляной подсыпке (0,05 м) обнаружена ингумация (рис. 2). Костяк находился в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Правая рука была плотно прижата к телу и согнута в локте, кисть лежала на тазовых костях. Ноги плотно сведены в щиколотках. Погребена женщина приблизительно 20-летнего возраста. Ее череп искусственно деформирован, отмечено уплощение на уровне теменных и лобной костей. Искусственная деформация теменных костей может быть непреднамеренной. Наиболее вероятная причина – это использование колыбели типа «бешик». Практически по всем расоопределяющим признакам, череп можно атрибутировать как монголоидный (антропологические определения принадлежат В. Ю. Радочину).

В головах обнаружено керамическое пряслице (рис. 3, *10*), на черепе – две серьги. Одна серьга серебряная позолоченная калачевидная, с декором в виде напаянных проволок, имитирующих зернь (рис. 3, *4*; цв. рис. 9, *2*), другая – бронзовая с 14-гранником на конце (рис. 3, *2*). На месте шеи найдено ожерелье, состоящее из шести круглых одинаковых серебряных подвесок, одной серебряной листовидной подвески, все со стеклянными вставками, и серебряных спиралевидных трубочек-пронизок (рис. 3, *1*; цв. рис. 9, *1*). На левую руку надеты два бронзовых браслета (рис. 3, *7, 9*), на правую – один (рис. 3, *8*). На пальце левой руки обнаружен бронзовый перстень с круглым щитком, украшенным сердоликовой вставкой (рис. 3, *5*), на пальце правой руки – еще один бронзовый

– «гуннский» период: 360/370─470/480-е гг., соответсвующий периодам D1, D2 и D2/D3 хронологии среднеевропейского Барбарикума;

– «постгуннский» (правильнее было бы «постаттиловский») период, или горизонт Шипово: 430/470─530/570-е гг., соответствующий периодам D2/D3, D3, D3/E1, MD 4 b MD 5 хронологии среднеевропейского Барбарикума. Название периода, конечно, условно, поскольку гуннские племена и после середины V в. продолжали удерживать понтийские степи.

Разумеется, предлагаемые здесь абсолютные даты являются, как и в любой археологической периодизации, ориентировочными. В целом данная периодизация соответствует хронологии, предложенной И. П. Засецкой для Боспора Киммерийского (последняя версия: *Засецкая*, 2003), Г. Е. Афанасьевым (последняя версия: *Афанасьев, Рунич*, 2001) и, с некоторыми оговорками, И. О. Гавритухиным и М. Ю. Малашевым (*Малашев*, 2001; *Гавритухин*, 2001) для Пятигорья.

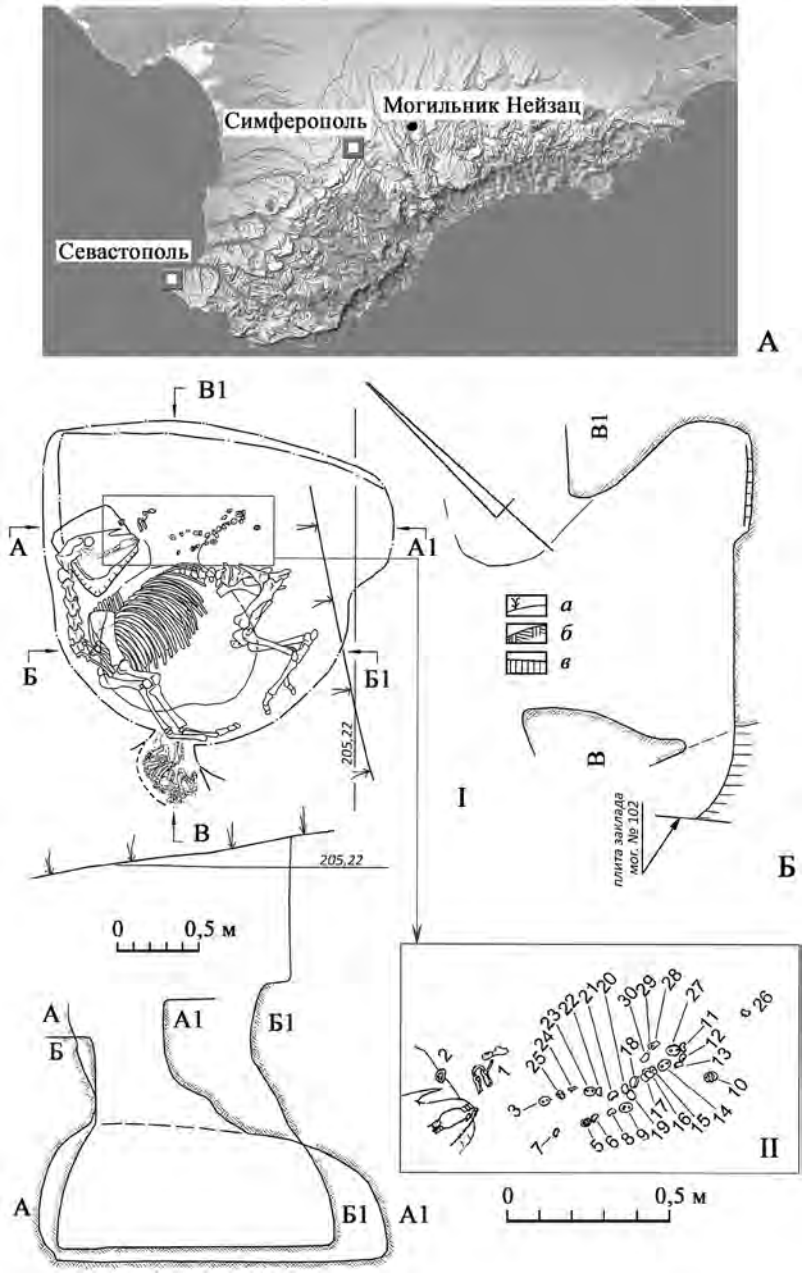


Рис. 1. Расположение могильника Нейзац (А). Могила № 114 (Б)

Условные обозначения: *а* – дерн; *б* – материк; *в* – подсыпка

I – план и разрезы; *II* – план расположения погребального инвентаря в погребении лошади

1 – удила железные; *2, 4, 10* – пряжки железные; *3, 5, 9, 14, 18, 23, 27* – бляхи со стеклянными вставками; *6–8, 11–13, 15–17, 19–22, 24–26, 28–30* – бляшки серебряные

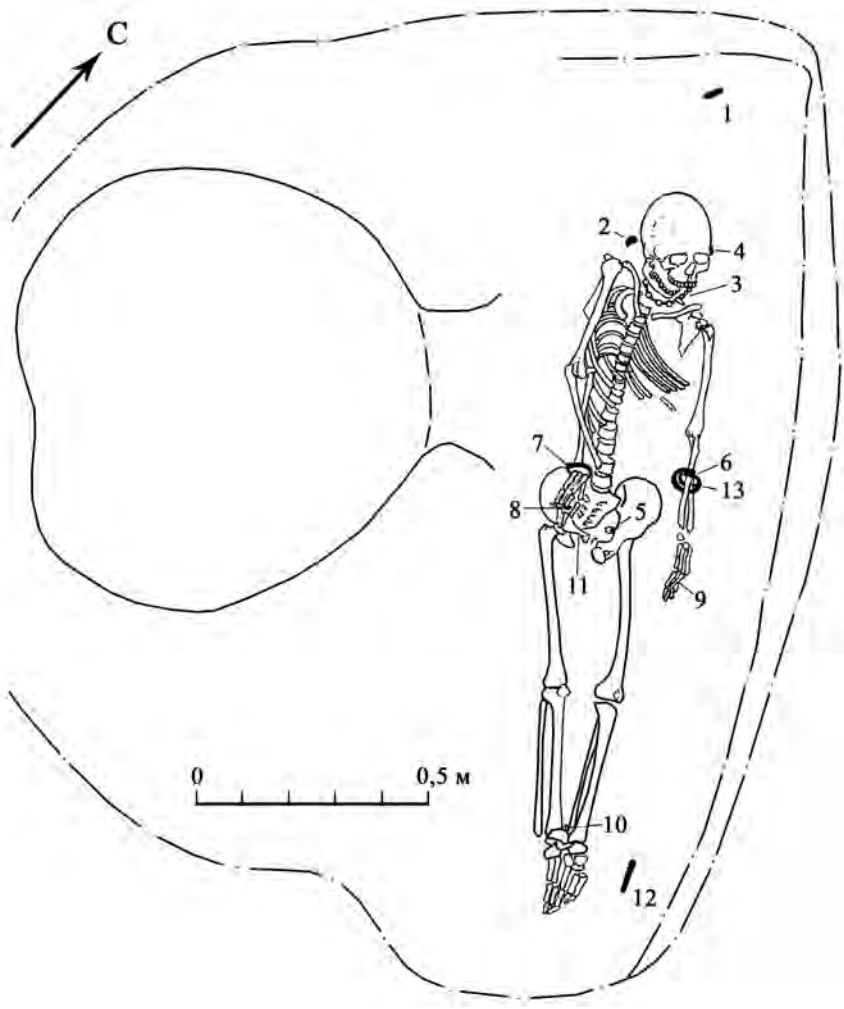


Рис. 2. Могильник Нейзац. Могила № 114. План погребения

1 – пряслице из песчаника; *2* – серьга серебряная; *3* – ожерелье из металлических пронизей; *4* – серьга бронзовая; *5* – вставка от перстня; *6, 7, 13* – браслеты бронзовые; *8, 9* – перстни бронзовые; *10* – пряжка бронзовая; *11* – пряжка железная; *13* – нож железный

перстень с круглым щитком со стеклянной вставкой (рис. 3, *3*). На тазовых костях находилась железная пряжка (рис. 3, *11*). У щиколоток лежала бронзовая пряжка с округлой рамкой, утолщенной в передней части, и с язычком, выходящим за предел рамки (рис. 3, *6*), слева от щиколоток – железный нож с выгнутыми спинкой и лезвием (рис. 3, *12*). Обращает на себя внимание положение пряжки. Она найдена у плотно сведенных щиколоток погребенной. По отношению к погребениям другой, более ранней, крымской культуры высказано предположение, что детали ременной гарнитуры, найденные у ног, могли относиться к рем-

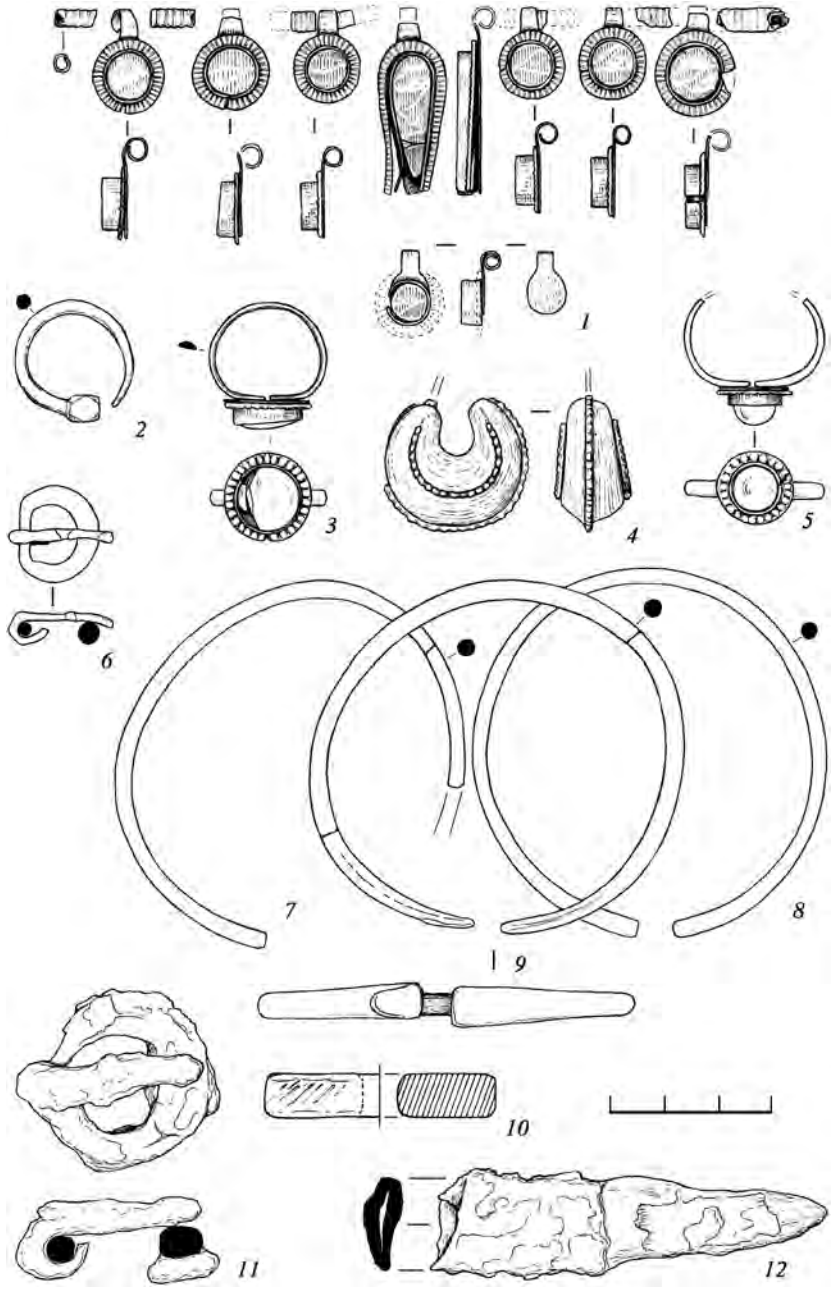


Рис. 3. Могильник Нейзац. Могила № 114. Погребальный инвентарь

1 – ожерелье из серебряных подвесок со стеклянными вставками; *2* – серьга бронзовая; *3* – перстень бронзовый со стеклянной вставкой; *4* – серьга серебряная; *5* – перстень бронзовый с сердоликовой вставкой; *6* – пряжка бронзовая; *7–9* – браслеты бронзовые; *10* – пряслице из песчаника; *11* – пряжка железная; *12* – фрагмент железного ножа

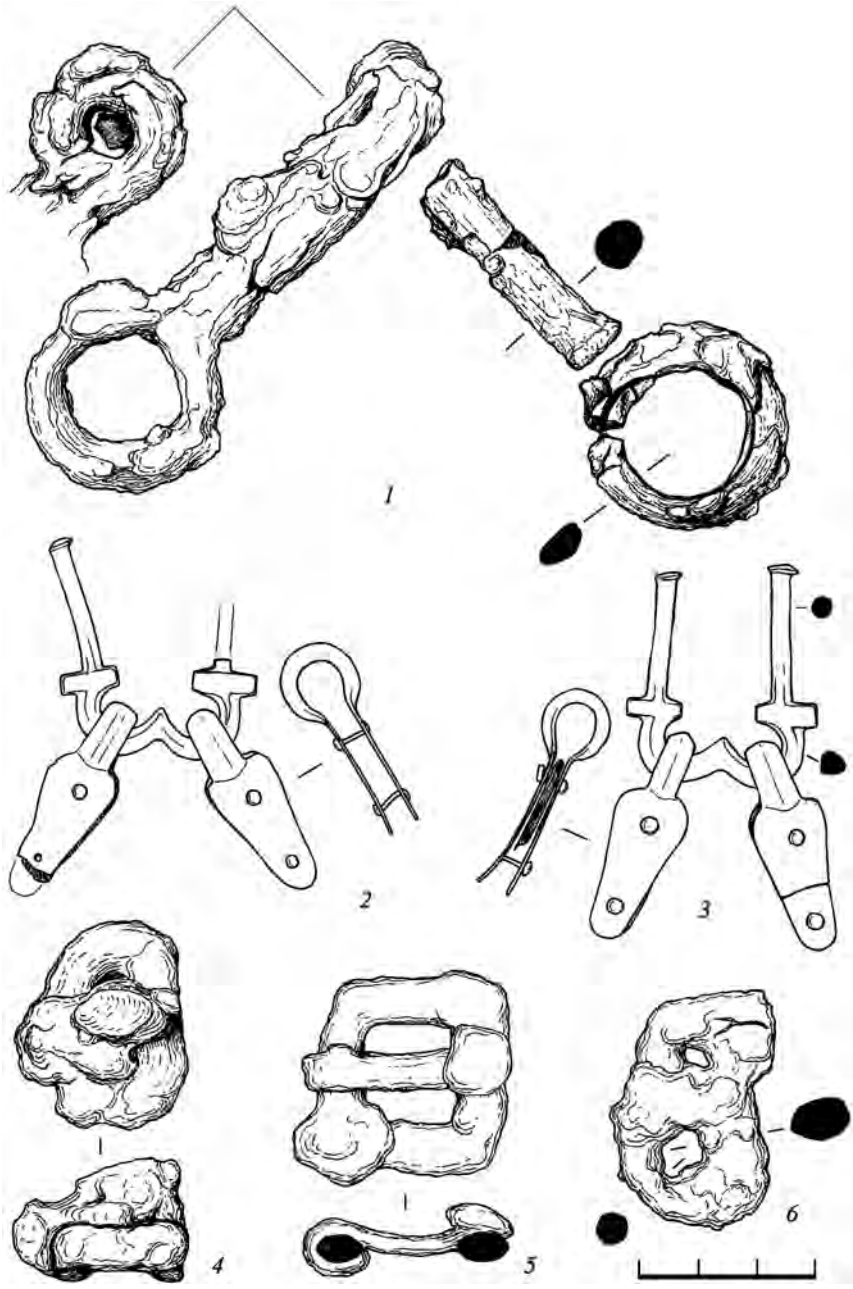


Рис. 4. Могильник Нейзац. Могила № 114. Погребальный инвентарь

1 – фрагменты железных удил; *2, 3* – детали сбруи бронзовые, соединяющие удила с деревянными псалиями; *4–6* – пряжки железные

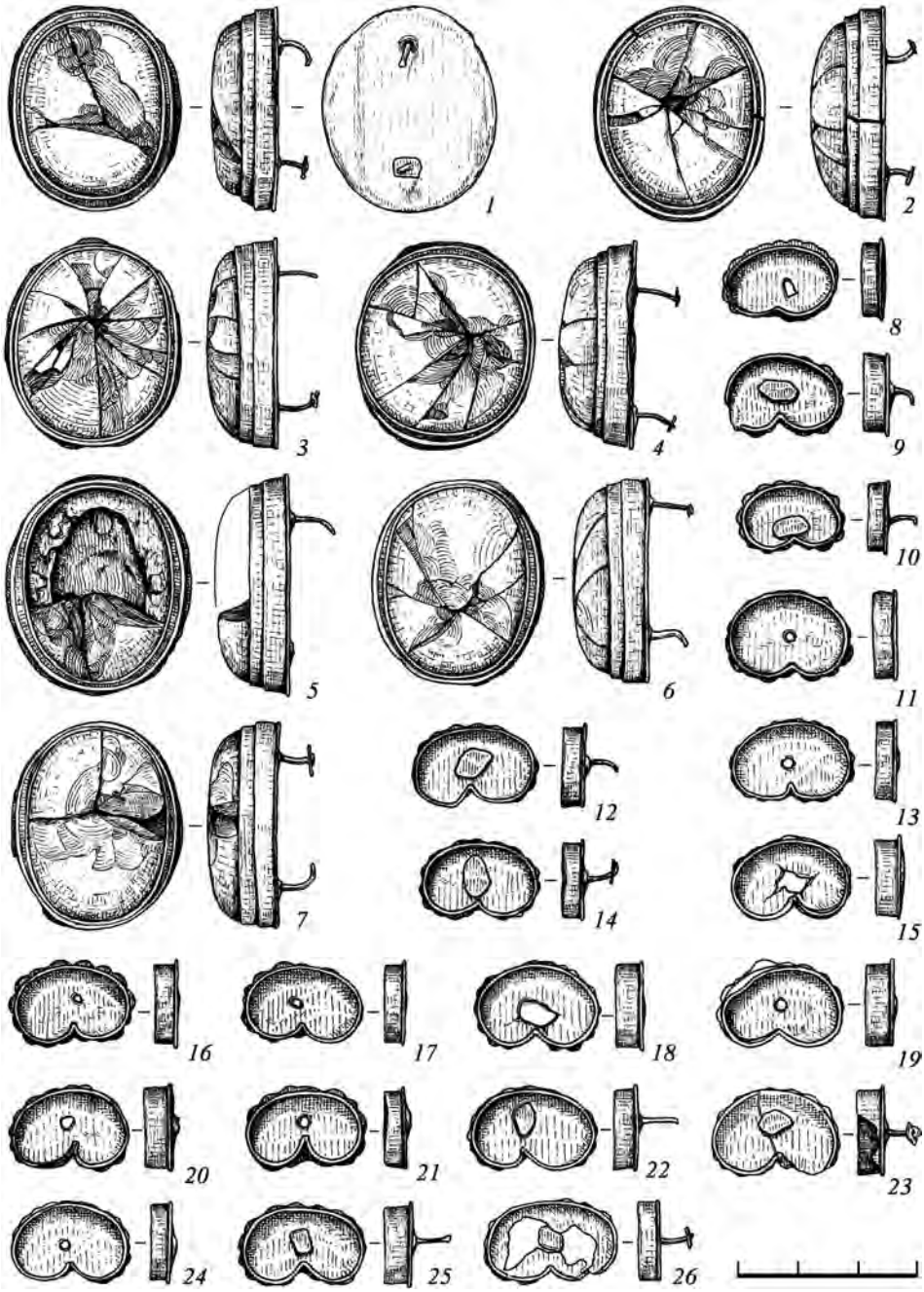


Рис. 5. Могильник Нейзац. Могила № 114. Погребальный инвентарь. Серебряные позолоченные бляхи со стеклянными вставками

ням, которыми связывали ноги (*Пуздровский*, 2007. С. 140). Это предположение на первый взгляд кажется несколько экзотическим, но, действительно, трудно иначе объяснить необычное положение пряжки. Вряд ли она могла быть частью обувной гарнитуры, что предполагало бы наличие, по меньшей мере, второй такой же пряжки.

Во входной яме, на правом боку с подогнутыми ногами, захоронена лошадь. Головой она была ориентирована на север, шея вывернута на 161º. У черепа и между ребрами найдено по железной пряжке (рис. 4, *5, 6*). Около челюсти лошади лежали двучастные кольчатые удила, состоящие из железных и бронзовых деталей, таких как В-образные соединители псалий (сами псалии отсутствуют, видимо, они были из дерева) с поводьями и закрепленные на них обоймы ремней миндалевидной формы (рис. 4, *1–3*). В 0,2 м от черепа обнаружены лежавшие в ряд длиной 0,5 м серебряные позолоченные бляхи двух типов – крупные со стеклянными вставками (рис. 5, *1–7*; цв. рис. 9, *4*) и мелкие с пустыми гнездами для вставок (рис. 5, *8–26*; цв. рис. 9, *3*). Завершался этот ряд железной пряжкой (рис. 4, *4*). Вероятно, бляхи служили украшениями повода.

У передних ног лошади в стене входной ямы было сделано отверстие диаметром 0,3 м, которое пробило стену могилы № 102. В это отверстие на боку с подогнутыми ногами был помещен маленький жеребенок (рис. 1, *БІ*).

Аналогии инвентарю и датировка погребения

Калачевидная серьга (рис. 3, *4*; цв. рис. 9, *2*). Подобные украшения встречаются достаточно редко и обнаружены почти исключительно в Северном Причерноморье. Две серьги происходят из кочевнического погребения № 1 небольшого могильника Морской Чулек близ дельты Дона. Здесь в составе богатого убора, обнаружена пара золотых серег в виде калачика с двумя проволочными петельками, с лицевой и оборотной стороны серьги украшены рядами зерни (рис. 6, *1, 2*). В 1905 г. пара аналогичных серег была найдена местным жителем около станицы Верхне-Курмоярской 2-го Войско-Донского округа (рис. 6, *3*). Вместе с ними находчик представил типичную пряжку гуннского времени (приблизительно 360/370–470/480-е гг.), но в архивных документах нет данных, указывающих на условия находки (или находок?) этих предметов[2]. Еще одна такая серьга, происходящая из Поднепровья, до революции находилась в коллекции древностей А. Н. Поля в Екатеринославе. Наконец, аналогичная золотая серьга была найдена в 1980-х гг. в одном из погребений могильника Лисьи Могилы на Херсонщине (рис. 6, *4*). Это впускное погребение с конем, сопровождавшееся бронзовой поясной гарнитурой, относительно которой нет никакой опубликованной информации (*Засецкая и др.*, 2007. С. 12, 13; там же библиография по данным находкам). Похожие подвески (рис. 6, *5, 6*) найдены и в раннеаварском могильнике Фелдьё (Felgyő), в погр. 6, которое венгерские

[2] В этом же районе в 1892–1893 гг. у хутора Красноярского (близ станицы Верхне-Курмоярской) в размытой водой части холма или кургана была случайно найдена еще одна пара серег в виде калачика (*Засецкая и др.*, 2007. С. 12).

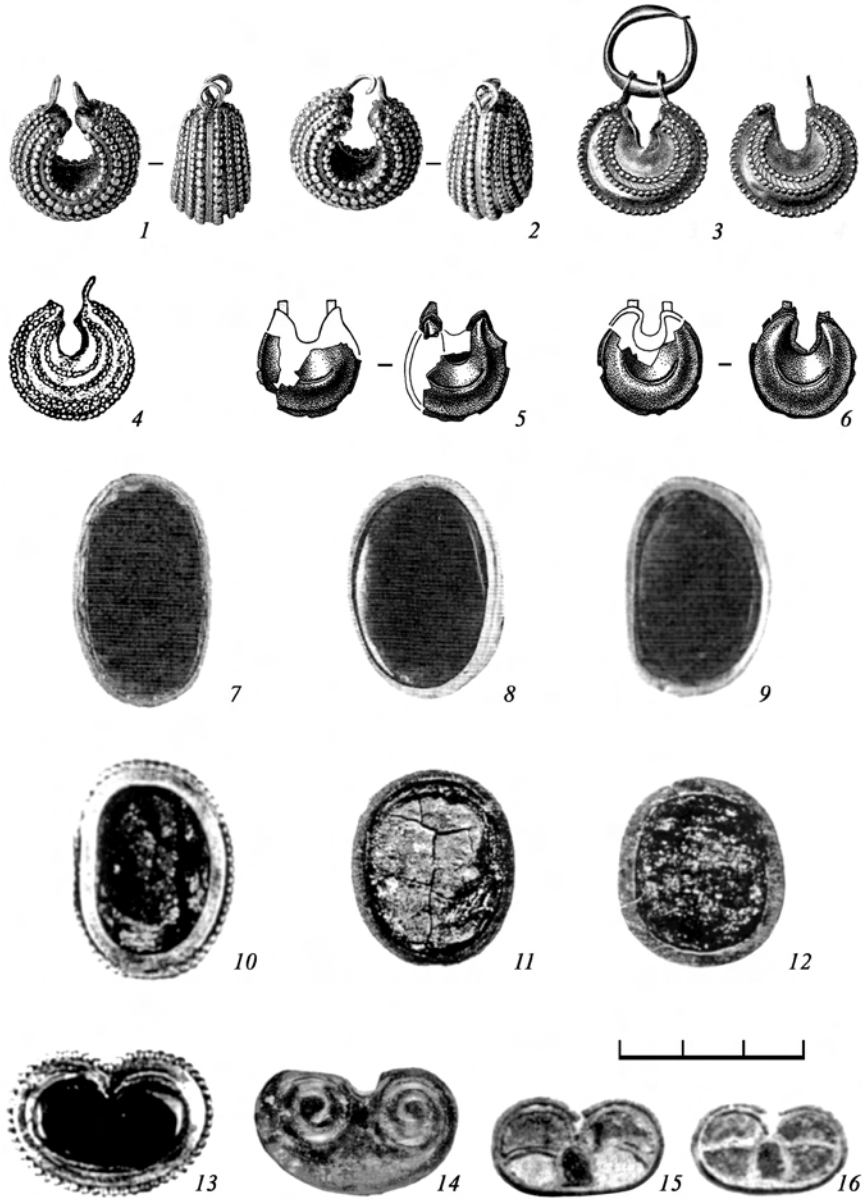


Рис. 6. Аналогии серьгам и элементам конского снаряжения из могильника Нейзац

1, 2 – Морской Чулек; *3* – Верхне-Курмоярская; *4* – Лисьи Могилы; *5, 6* – Фелдьё; *7–13* – Шамси; *14* – Керчь; *15* – Мокрая Балка

(*1–3* – по: *Засецкая и др*., 2007; *4* – по: *Ратнер, Костюк*, 1989; 5; *6* – по: *Balogh*, 2014; *7–13* – по: *Kohomberdieva et al.*, 1998; *14* – по: *Damm*, 1988; *15; 16* – по: *Ковалевская*, 2005)

4–6, 14 – без масштаба

коллеги датируют приблизительно 625–650 гг. (*Balogh*, 2014. Fig. 10, *2, 3*; 11, *1*). Они бронзовые, декор из двух напаянных проволочек, имитирующих зернь, отсутствует. Скорее всего, речь идет о позднем деривате понтийских украшений. Создается впечатление, что серьга из Нейзаца занимает в типологии этих украшений промежуточное положение между донскими находками, с одной стороны, и аварской подвеской, с другой.

Аналогичные серьги никогда не встречаются в памятниках гуннской эпохи. Поэтому можно предположить, что они появляются только в «постгуннское» время и получают дальнейшее развитие в ювелирных изделиях VI–VII в. н. э. (см. подробнее: *Засецкая и др.*, 2007. С. 12–18, 27, 28). Если принять во внимание хронологию погребения 1 в Морском Чулеке (о времени находок в Морском Чулеке см.: Там же. С. 83–91) и аварского погребения в Фелдьё, то дата серьги из Нейзаца, скорее всего, соответствует шиповскому горизонту.

В поисках прототипов подобных украшений можно обратить внимание на несколько находок, сделанных в погребениях первой половины V в. н. э. Ближайшая из них территориально происходит из захоронения, совершенного в полу античного склепа, открытого на некрополе, примыкающем к античному городищу Беляус в Северо-Западном Крыму (*Дашевская*, 1969. С. 53. Рис. 3, *1*). Еще несколько сходных находок приводит И. П. Засецкая (*Засецкая*, 1994. С. 65, 66). Они сделаны из золота, электра или позолоченного серебра, украшены зернью и полихромными вставками из полудрагоценных камней или стеклянной пасты. Каждая из серег обладает индивидуальными особенностями. В основе формы, так же как и у нейзацкого экземпляра, лежит лунница. Техника изготовления нейзацкой и более ранних серег одинакова: каждая из них спаяна из двух половинок. Отметим еще наличие на публикуемом экземпляре расчлененной проволоки, имитирующей зернь. Не исключено, что речь идет о возможных прототипах гуннского времени, на основе которых и сформировался интересующий нас тип сережек.

Серьга с полиэдрическим окончанием (рис. 3, *2*). Она относится к типу, широко распространенному по всей Европе в V–VII вв., в первую очередь у оседлого населения (см. напр.: *Kazanski*, 2009. P. 137, 138; *Мастыкова*, 2009. С. 72–74; там же библиография). В целом такие серьги для кочевников не типичны, однако они есть в погребениях гуннского времени в Беляусе (в Северо-Западном Крыму), принадлежавших, скорее всего, кочевому населению (*Дашевская*, 2014. С. 91. Табл. 174, *2, 3*).

Перстни (рис. 3, *3, 5*). Три золотых перстня подобной формы, украшенные гранатовыми вставками, происходят из уже упоминавшегося погребения 1 в Морском Чулеке. Эта форма отражает традиции античного ювелирного искусства, поскольку такие перстни хорошо известны в ранневизантийских и позднеантичных памятниках конца IV – VII в. н. э. (*Засецкая и др.*, 2007. С. 33) Несколько экземпляров перстней этого типа найдены на Боспоре (напр.: *Damm*, 1988. № 76–78. Abb. 139–141).

Круглые и миндалевидные инкрустированные подвески ожерелья с трубчатыми спиралевидными пронизками (рис. 3, *1*; цв. рис. 9, *1*). Вне всякого сомнения, речь идет об имитации престижного ранневизантийского костюма, для которого типичны колье с круглыми или овальными бляхами (напр.:

Vierck, 1981. S. 90–93. Abb. 11; *Garam*, 2001. S. 44). Роскошные экземпляры колье с круглыми и овальными подвесками обнаружены в женском «княжеском» погребении Михаэльсфельд на Тамани (*Засецкая*, 2010. Ил. 3, 4), у англо-саксов (Epsom, Milton) (*Arrhenius*, 1985. Fig. 10; 196), у авар (*Vierck*, 1981. Abb. 15, *2*). В Крыму такие подвески известны в Гурзуфе (место находки сомнительно: *Damm*, 1988. № 49; Abb. 97, 98), а также в коллекции Бертье-Делагарда (*Andrási*, 2008. Cat. 11. Pl. 6).

Браслеты из круглого в сечении стрежня без декора (рис. 3, *7, 8*). Такие браслеты имеют очень широкие временные и территориальные рамки (напр.: *Мастыкова*, 2009. С. 66, 67). Для «постгуннского» времени похожие браслеты в степной зоне отмечены в следующих находках: Шипово, курган 3 (*Засецкая и др.*, 2007. Рис. 41, *12*), Ольвия (место находки сомнительно: *Ross*, 1965. Pl. LXXXI, *C*), Ясырев, курган 2, погр. 1 (*Мошкова, Федорова-Давыдова*, 1974. Табл. II, *6, 7*).

Браслет с уплощенными концами (рис. 3, *9*). В позднеримское время подобные браслеты известны в предгорном Крыму (могильник Курское, погр. 4: *Труфанов, Колтухов*, 2001. Рис. 1, *15*). В целом, в эпоху переселения народов такие бралеты распространяются довольно широко, они известны, в частности, на Северном Кавказе, в Абхазии, в Египте, Малой Азии (*Мастыкова*, 2009. С. 69, 70; там же библиография).

Овальные бляхи конского убора (рис. 5, *1–7*; цв. рис. 9, *4*). Округлые бляхи разных типов, принадлежавшие конскому снаряжению, довольно широко представлены в комплексах «постгуннского» времени. Назовем находки из таких памятников, как Морской Чулек (погр. 2), Шамси (Киргизия), Боровое (Восточный Казахстан), Апахида (Apahida), погр. 2 (Трансильвания), Былым-Кудинетово (Кабардино-Балкария) (*Засецкая и др.*, 2007. С. 60–82; там же библиография). Из них наиболее близкими представляются овальные накладки из Шамси (рис. 6, *7–12*) (*Kožomberdieva et al*., 1998. Abb. 10, *3, 4*). Похожие бляхи с кабошонами, однако меньшего размера, известны в Крыму, в коллекции Бертье-Делагарда (*Andrási*, 2008. Cat. № 30. Pl. 20).

Почковидные накладки узды (рис. 5, *8–26*; цв. рис. 9, *3*). Почковидные бляхи со вставками сердолика в напаянных из узкой полоски гнездах, окруженных ободками из зерни и расположенной между ними гладкой узкой полоской, известны в уже упоминавшемся погребении Шамси (рис. 6, *13*) (*Kožomberdieva et al*., 1998. Abb. 9, *2*; 10, *7*; Памятники культуры…, 1983. Кат. № 205, 208). Стоит упомянуть и почкообразные накладки на ремень, обнаруженные в погр. 4 аланского могильника Мокрая Балка в Пятигорье (раскопки В. Б. Ковалевской: *Ковалевская*, 2005. Рис. 90, *2*; 103, *4, 5*) (рис. 6, *15, 16*), относящегося к шиповскому горизонту (*Kazanski, Mastykova*, 1999. Fig. 13, *15, 16*). В составе конского снаряжения почковидные инкрустированные бляхи найдены под стенами крепости в Цебельде (рис. 7, *1*). Данная находка не имеет контекста, позволяющего уточнить его датировку (*Воронов*, 2010. Рис. 34, *6*; *Ахмедов*, 2005. Рис. 4, *1*). Необходимо вспомнить и происходящую якобы из Керчи золотую почковидную пластину с гранатовой вставкой с резным спиралевидным декором на камне (рис. 6, *14*) (*Damm*, 1988. № 112, Abb. 214–215). Как показал А. К. Амброз, спиралевидный декор типичен для украшений «постгуннского» времени в Центральной и Восточной Европе (*Амброз*, 1970. Рис. 1, *1, 2, 6, 7*; 2, *6*). Итак, почковидные

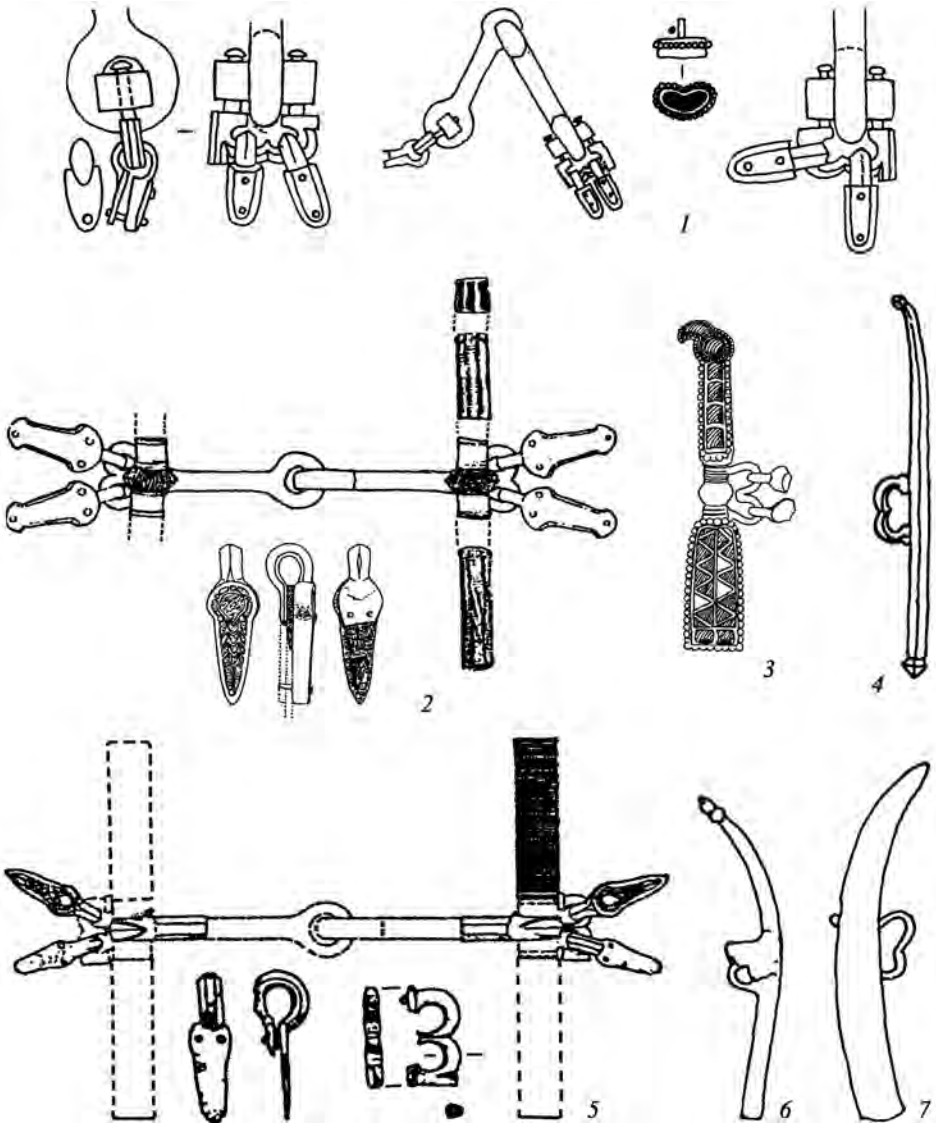


Рис. 7. Аналогии элементам конского снаряжения из могильника Нейзац

1 – Цебельда; *2* – Апахида; *3* – Былым-Кудинетово; *4* – Сардис; *5* – Деерсхейм; *6, 7* – Кустул (по: *Ахмедов*, 2005. Рис. 4).

Без масштаба

накладки, судя по приведенным параллелям, служат репером для отнесения могилы 114 в Нейзаце к шиповскому горизонту.

Обоймы ремней узды (рис. 4, *2, 3*). Держатели ремней узды имеют ряд параллелей в контексте древностей V – первой половины VI в. (рис. 7, *2, 5*).

Назовем лангобардские удила из Вескень[3] (Veszkény) в Венгрии (*Bóna*, 1976. Fig. 16; Pl. 77), уже упоминавшееся погр. 2 в Апахиде (рис. 7, *2*) (*Harhoiu*, 1998. Taf. LXV, *5*), находку в Даллерупе (Dallerup) в Дании (*Geisslinger*, 1967. Taf. 19, *36*), аламанские удила в Альдингене (Aldingen), погр. 1969 г. и Плейдельсхайме (Pleidelsheim) (*Oexle*, 1992. Taf. 1, *1.1*; 71, *125*) а также удила из погр. 9 в тюрингском могильнике Деерсхайм (Deersheim) (рис. 7, *5*) (*Schneider*, 1983. S. 220, Abb. 74, *1–3, 8*).

В-образные элементы псалий (рис. 4, *2, 3*). В-образные петли псалий также хорошо известны на удилах V–VI вв. (рис. 7). Назовем находки из таких памятников, как уже упоминавшиеся Былым-Кудинетово, Апахида, Деерсхейм, а также Кустул (Qustul) в Нубии, Сарды (Sardis) в Малой Азии (*Ахмедов*, 2005. Рис. 4, *2–6*), только что упомянутые Альдинген, погр. 1969 г., Плейдельсхайм и, наконец, Либенау (Liebenau), могильник в Северной Германии (*Oexle*, 1992. Taf. 1, *1.1*; 71, *125*; 199, *440.1*; 200, *439.1*). Интересно отметить, что в нубийском могильнике Кустул, на южной периферии Римской империи, в погр. 2, датированном 410–420 гг., обнаружены роговые псалии (рис. 7, *7*) (*Emery, Kirvan*, 1938. Pl. 60A; дата по: *Török*, 1988. P. 108, 109, Tabl. 1), что подтверждает гипотезу о присутствии в публикуемой могиле псалий из органического материала.

Остальные вещи – пряжки, нож – имеют очень широкое распространение и не могут служить надежными индикаторами для уточнения датировки и культурной принадлежности данного погребения. Стоит, впрочем, отметить, что небольшая бронзовая пряжка со значительным утолщением рамки в передней части (рис. 3, *6*) в крымском контексте скорее характерна для конца римского времени и эпохи переселения народов (см. напр.: *Kazanski*, 2009. P. 117, 118).

Итак, судя по погребальному инвентарю, хронологические рамки могилы № 114 из могильника Нейзац более всего соответствуют шиповскому («постгуннскому») горизонту (430/470–530/570-е гг.). Это одиночное, сопровождаемое конем погребение, совершенное на территории заброшенного могильника, по всей вероятности, принадлежало кочевнице. Почему для захоронения выбрали именно это место, сказать сложно. Возможно, ко времени погребения еще сохранялись признаки ранее использовавшегося могильника. Например, над поверхностью земли могли возвышаться крупные камни, которые закапывали в заполнение многих сарматских могил как опознавательные знаки. Вероятно, кочевники эпохи переселения народов, как до них скифы, а затем сарматы, проникали иногда в предгорья из степей, где находились их кочевья.

Культурно-исторический контекст погребения

Ко времени совершения публикуемого захоронения в могильнике Нейзац в южнорусских и украинских степях относятся некоторые другие памятники, которые можно связать с кочевниками (рис. 8) (сводки и карты: *Засецкая и др*., 2007. С. 109–118; *Kazanski*, 2010; *Казанский, Мастыкова*, 2014). В Крыму это

[3] Авторы благодарят Валерию Кульчар за помощь в работе над текстом данной статьи.

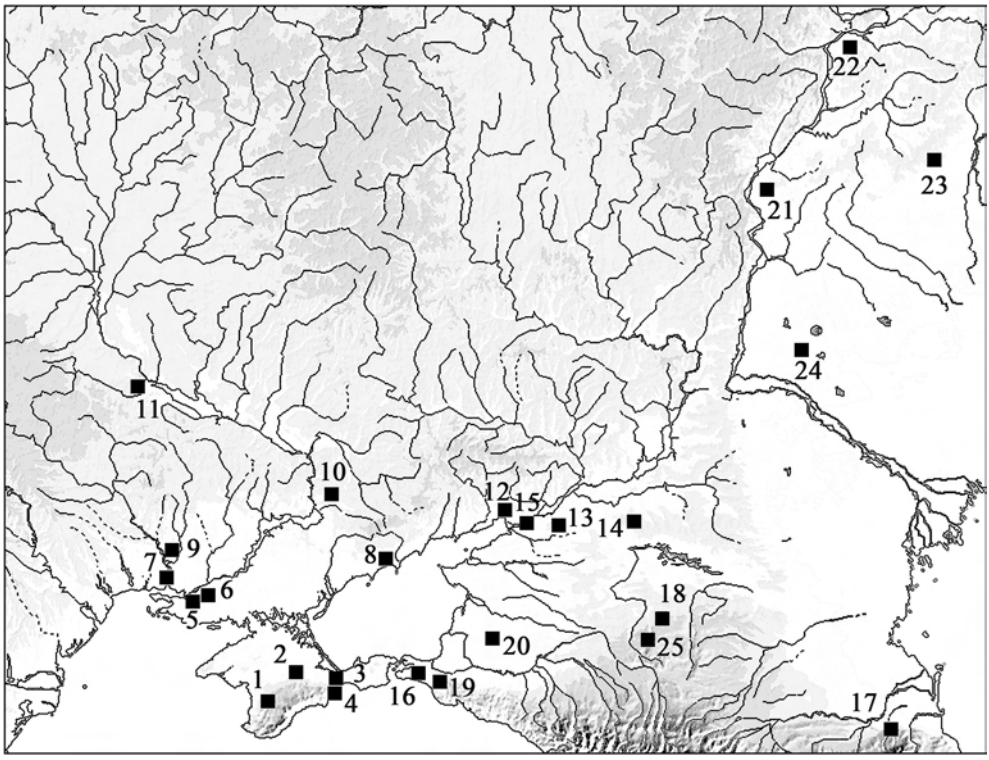


Рис. 8. Карта памятников кочевников шиповского («постгуннского») горизонта

1 – Нейзац; *2* – Чикаренко; *3* – Новопокровка; *4* – Айвазовское; *5* – Лисьи Могилы; *6* – Малые Копани; *7* – Ольвия; *8* – Дмитриевка-Вольная Вода; *9* – Новая Одесса; *10* – Новогригорьевка; *11* – Бабичи; *12* – Морской Чулек; *13* – Ясырев I; *14* – Верхне-Курмоярская; *15* – Ливенцовский; *16* – Тамань; *17* – Хасав-Юрт; *18* – Тугулук; *19* – Михаэльсфельд; *20* – Малай; *21* – Покровск; *22* – Владимирское; *23* – Шипово; *24* – Царева; *25* – Татарка

погребения в Чикаренко (*Баранов*, 1973) и Новопокровке (*Гаврилов*, 1996)[4]. Возможно, к этому же времени относится погребение Айвазовское (*Кругликова*, 1957), поскольку антропоморфные фигурки, вроде найденной в этой могиле, наиболее характерны для V–VI вв. (*Kazanski*, 2009. P. 174; *Мастыкова*, 2009. С. 82, 83). В степях Северного Причерноморья и Приазовья «постгуннским» временем, на наш взгляд, датируются такие находки, как Лисьи Могилы (*Ратнер, Костюк*, 1989. С. 77, 78), Малые Копани (*Засецкая и др.*, 2007. С. 120), Ольвия (*Ross*, 1965. Cat. № 166), Дмитриевка-Вольная Вода (Отчет…, 1907. С. 123), возможно, также Новая Одесса I, курган 7, погр. 4, и Новая Одесса IV, курган

[4] Впервые сведения о степных погребениях Крыма эпохи переселения народов объединил А. И. Айбабин (*Ajbabin*, 1995; *Айбабин*, 1999. С. 73–77, 97, 173–178; некоторые уточнения датировок см.: *Засецкая и др.*, 2007. С. 15–24).

1, погр. 3 (*Комар*, 2008. С. 94, 95)[5]. Несколько севернее, в бассейне Днепра, шиповский горизонт у кочевников представлен кочевническими могилами Бабичи (*Гавритухин*, 2004. Рис. 1, *3*; *Засецкая и др.*, 2007. С. 120, 121), Новогригорьевка, погр. VII (*Засецкая*, 1994. С. 165. Табл. 6, *1–10*).

Восточнее, в бассейне Дона, известны следующие памятники: Морской Чулек, погр. 1 и 2 (*Засецкая и др.*, 2007), Ясырев I, курган 2, погр. 1 (*Мошкова, Федорова-Давыдова*, 1974. С. 29), Верхне-Курмоярская (*Засецкая и др.*, 2007. С. 12), Ливенцовский VII, курган 35 (*Безуглов, Ильюков*, 2007), датируемый концом шиповского периода по элементам ременной гарнитуры так называемого геральдического стиля, характерного для второй трети VI – второй трети VII в. (см., в частности: *Богачев*, 2010). В степях между Азовским и Каспийским морями к шиповскому горизонту можно отнести находки в Хасав-Юрте (*Kazanski, Mastykova*, 1999. Fig. 25), в могильнике Тугулук-3, курган 4, погр. 5 (*Ляхов, Мячин*, 2010), вероятно, в Тамани, курган 1912 г.[6] (Эпоха меровингов…, 2007. С. 327. Кат. № I.34,5; *Засецкая и др.*, 2007. С. 110), в Татарке – балка Каряжская (*Засецкая*, 1994. С. 172, Табл. 17, *3–12*)[7], а также в Михаэльсфельде – эта находка датируется по нумизматическим данным временем Юстиниана (*Засецкая*, 2010) и в могильнике Малаи, курган 1, погр. 12 (*Лимберис, Марченко*, 2011. С. 420–443). Последний комплекс, как и Михаэльсфельд, относится к финалу шиповского горизонта, поскольку там найдена Р-образная скоба меча, появившаяся в VI в., а также элементы геральдической гарнитуры.

Еще восточнее, в степном Поволжье и в степях к западу от р. Урал, к интересующему нас периоду относятся такие погребения и/или ритуальные комплексы, как Покровск, курганы 17 и 18 (*Засецкая,* 1994. С. 183, 184. Табл. 31), Владимирское, курган 4 (Там же. С. 186, 187. Табл. 35), Шипово, курганы 2 и 3 (Там же. С. 188–191. Табл. 40–42). Не исключено, что к этому же хронологическому периоду относится и Царева, курган 66, погр. 2 (*Комар*, 2008. С. 97–99)[8].

Как видим, это довольно разнородная и немногочисленная группа памятников; систематизация их характерных черт – дело будущего[9]. Тем не менее,

[5] Эти погребения отнесены А. В. Комаром к группе Суханово (со второй половины VI в.), в данном случае ко второй половине VI в., но происходящие оттуда пряжки имеют более широкую дату, охватывающую и поздний V – ранний VI в., что подчеркивает и сам А. В. Комар (2008. С. 99, 100).

[6] Разумеется, не исключена и принадлежность этого погребения оседлому населению Таманского поселения.

[7] Найденная здесь пряжка с прямоугольной рамкой (*Засецкая*, 1994. Табл. 17, *11*), на наш взгляд, является прямым прототипом т. н. средиземноморских пряжек 520/530–600/610-х гг. (см.: *Legoux et al.*, 2009. № 161).

[8] Это погребение датировано А. В. Комаром концом VI в., но пряжки из данного комплекса на самом деле имеют более широкую дату, включающую и более раннее время, что, впрочем, отмечено и самим А. В. Комаром (2008. С. 103, 104).

[9] В периодизации, предложенной А. В. Комаром для степных древностей, к «постгуннскому» времени второй половины V – первой половины VI в. относятся две территориальные группы степных древностей: Шипово в Поволжье и группа Лихачевка в северопричерноморских степях. Последняя представлена такими памятниками, как

уже сейчас в этом материале можно указать параллели погребальному обряду могилы из Нейзаца. Так, ориентировка погребенных головой на север отмечена в степных могилах Новопокровки, Шипова (курган 2), а также Царевой (курган 66, погр. 2), отнесенной к данному хронологическому периоду условно. Северо-восточная ориентировка зафиксирована в погребениях Шипово, курган 3 и Тугулук-3, курган 4, погр. 5, последнее, кстати, совершено в подбое, как и захоронение Нейзац 114. Ту же северо-восточную ориентировку имеют костяки в Новой Одессе (курган 7, погр. 4) и в Айвазовском, отнесение которых к «постгуннскому» времени нуждается в подтверждении. Подбойным является и погребение 12 кургана 1 могильника Малаи, где скелет покойного имеет ориентировку на запад-северо-запад.

Следы искусственной деформации черепа, распространенной у степных народов уже в сарматское время, зафиксированы в могильниках Шипово (курганы 2 и 3), возможно, Морской Чулек (погр. 2). Интересно отметить, что обычай деформации головы и признаки монголоидности отмечены в детских погребениях, совершенных кочевниками гуннского времени на месте античного поселения Беляус в Крыму (*Дашевская*, 1969. С. 53; *Дашевская*, 2014. С. 89).

Конские кости и целые скелеты отмечены в следующих степных захоронениях шиповского горизонта: Чикаренко (конские кости, погребение разрушено), Дмитриевка-Вольная Вода (скелет), Лисьи Могилы (видимо, скелет), Тамань, курган 1912 г. (видимо, скелет), Ясырев, курган 2, погр. 1 (скелет в насыпи кургана), Малай, курган 1, погр. 12 (скелет в верхней части подбойной ямы), Царева, кург. 66, погр. 2 (череп и кости конечностей коня).

Что же касается вещей из могилы в Нейзаце, то мы уже отмечали параллели для них в Морском Чулеке, Верхне-Курмоярской, Лисьих Могилах, Шипове, Ясыреве, Ольвии. Добавим, что нож (как составляющий элемент погребального инвентаря) присутствует в могилах Новопокровки, Чикаренко, Новой Одессы (кург. 1, погр. 3), Ливенцовскго могильникаVII (курган 35), Малаев (курган 1, погр. 12), Тугулука-3 (курган 4, погр. 5), Покровска (курган 17), Шипова (курганы 2 и 3). Керамическое пряслице, обнаруженное в нейзацкой могиле, отмечено также в кург. 2 Шипова . Наконец, элементы обувной гарнитуры, как в Нейзаце, зафиксированы в погребениях Шипова (курган 2), Тугулука-3 (курган 4, погр. 5), Царевой (курган 66, погр. 2).

Животинное, Сахарная Головка, Лихачевка, Константиноград, Старая Сарата, Ново-Подкряж (*Комар*, 2004). По мнению А. В. Комара, «постгуннские» находки группы Лихачевка отражают появление новой волны кочевников. Ее характеризуют впускные ямные ингумации с ориентировкой на север и северо-восток, присутствие сосуда в головах покойных. От гуннских памятников предшествующего времени перечисленные памятники отличает отсутствие костей коня и сбруи и наличие бытовых предметов – горшков, ножей, пряслиц (*Комар*, 2004. С. 192). Но погребения в Сахарной Головке и Животинном, скорее всего, принадлежат не кочевникам, а оседлому населению, остальные перечисленные А. В. Комаром памятники имеют более широкую дату, включающую и гуннское время (см. подробнее: *Засецкая и др.*, 2007. С. 109, 110). Поэтому выделение группы Лихачевка вряд ли можно признать удачным.

Этнокультурная ситуация в степях Северного Причерноморья в интересующее нас время в целом реконструируется по сообщениям письменных источников. Судя по информации Иордана (*Иордан*, Getica, 37), крымские степи тогда занимали гунны-альциагиры, которым, видимо, и принадлежат погребения в Нейзаце, Чикаренко, Новопокровке, возможно – Айвазовском. Не исключено, что это тот же народ, что и ультидзуры Денгезиха, отступившие после 456 г. из Подунавья, потомки нижнедунайских гуннов Ульдиса (см. аргументацию: *Засецкая и др.* 2007. С. 101–107; *Казанский*, 2014. С. 76, 77). Вместе с тем стоит обратить внимание и на указание Иордана о том, что крымские альциагиры вместе с савирами составляют две ветви гуннов[10]. Но савиры не позднее 515 г. приходят из азиатских степей и оседают на Северном Кавказе (*Прокопий Кесарийский*, Война с персами, II.29.15; см. о них: *Артамонов*, 1962. С. 62, 65, 66, 69–78). Таким образом, речь может идти не о старожилах понтийских степей, известных здесь со времен Ульдиса, а о какой-то новой, продвинувшейся с востока группе кочевников, пришедшей уже после смерти Аттилы и краха его «империи». Наконец, следует вспомнить и проход с запада на восток через крымские степи утигур, это событие имело место после 429 гг. (подробнее: *Артамонов*, 1962. С. 85; *Засецкая и др*., 2007. С. 102–105). Возможно, что и они оставили в Крыму какие-то археологические следы.

В заключение необходимо отметить два момента, касающихся культурно-исторического контекста погребения в Нейзаце. Во-первых, это явные восточные элементы, проявляющиеся в наличии параллелей с инвентарем погребения Шамси в Киргизии. Возможно, они не случайны, ведь те же параллели отмечаются и для находок в могильнике Морской Чулек, который можно связать с гуннами-оногурами, пришедшими около 463 г. откуда-то с востока (*Артамонов*, 1962. С. 62; *Засецкая и др*., 2007. С. 103, 106, 107). Вслед за оногурами и их союзниками, сарагурами и урогами (уграми), также с востока приходят, как уже говорилось, савиры. Может быть, все-таки не случайно Иордан объединяет альциагир и савир как две ветви гуннов? Необходимо отметить и еще одну параллель между погребениями в Нейзаце и в Шамси – в обоих случаях входная яма в погребении имеет округлую форму (рис. 2, ср.: *Kožomberdieva et al*., 1998. Abb. 1), в то время как у восточноевропейских кочевников постгуннского времени входные ямы, когда они прослеживаются (Тугулук-3, курган 4, погр. 5; Малай, курган 1, погр. 12), имеют прямоугольную форму.

Второй момент – это наличие в костюме погребенной в Нейзаце женщины элементов ранневизантийского костюма. Женская византийская престижная мода надежно фиксируется в богатых погребениях степных кочевников шиповского горизонта, в то время как она здесь совершенно не характерна для предшествующего периода (*Казанский, Мастыкова*, 2014). Видимо, эта новая мода показывает культурную и, возможно, военно-политическую ориентацию гуннских племен, доминирующих в степях в это время.

[10] Похоже, что к той же группе гуннов Иордан относит и оногур (*Иордан*, Getica, 37).

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И., 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар. 150 с.

Амброз А. К., 1970. Южные художественные связи населения верхнего Поднепровья в VI в. // Древние славяне и их соседи / Отв. ред. Ю. В. Кухаренко. М.: Наука. С. 70–74. (МИА; № 176).

Артамонов М. И., 1962. История хазар. Л.: Государственный Эрмитаж. 524 с.

Афанасьев Г. Е., Рунич А. П., 2001. Мокрая Балка. Вып. 1: Дневник раскопок. М.: Научный Мир. 250 с.

Ахмедов И. Р., 2005. Конский убор из некрополей Цебельдинской долины (к истории сложения «понтийского» стиля узды в эпоху Великого переселения народов) // II Городцовские Чтения. Мат-лы науч. конф., посвящ. 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. / Отв. ред. И. В. Белоцерковская. М.: Гос. исторический музей. 2005. С. 240–253. (Труды ГИМ; Вып. 145.)

Баранов И. А., 1973. Погребение V в. н. э. в Северо-Восточном Крыму // СА. № 3. С. 243–245.

Безуглов С. И., Ильюков Л. С., 2007. Памятник позднегуннской эпохи в устье Дона // Средневековые древности Дона / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. М.; Иерусалим: Мосты культуры. С. 25–48. (Материалы и исследования по археологии Дона; Вып. II.)

Богачев А. В., 2010. В поисках стиля: состав и хронология комплексов с пряжками предгеральдического стиля // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. Вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара: Офорт. С. 155–168.

Воронов Ю. Н., 2010. Тайна Цебельдинской долины // *Воронов Ю. Н.* Научные труды. Т. 3. Сухум: Абхазский ин-т гуманитарных исследований. С. 5–140.

Гаврилов А. В., 1996. Погребение кочевника на античном поселении в Восточном Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. V. С. 111–113.

Гавритухин И. О., 2001. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла // *Малашев В. Ю.* Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: ИА РАН. С. 40–49.

Гавритухин И. О., 2004. Среднеднепровские ингумации второй половины V – VI в. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье / Отв. ред. В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 208–220.

Дашевская О. Д., 1969. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма // Древности Восточной Европы / Отв. ред. Л. А. Евтюхова. М.: Наука. С. 52–61.

Дашевская О. Д., 2014. Некрополь Беляуса. Симферополь: Предприятие Феникс. 284 с.

Засецкая И. П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в.). СПб.: Эллипс ЛТД. 222 с.

Засецкая И. П., 2003. Боспорский некрополь как эталонный памятник древностей IV – начала VII в. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. М.: Наука. С. 31–40. (Археология.)

Засецкая И. П., 2010. Михаэльсфельд – эталонный памятник раннего средневековья (к вопросу о датировке и этнокультурной принадлежности) // АСГЭ. Вып. 38. С. 123–159.

Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С., 2007. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Государственный Эрмитаж. 212 с.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Текст, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2001.

Казанский М. М., 2014. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 45–137. (РСМ; Вып. 15.)

Казанский М. М., Мастыкова В. А., 2010. Хронологические индикаторы древностей постгуннского времени на Северном Кавказе // Верхнедонской археологический сборник / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. Вып. 5. Липецк: ЛГПУ. С. 93–104.

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2014. Женские могилы знати постгуннского времени в понтийских степях и константинопольская мода // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа / Ред. Т. А. Павленко, Р. Б. Схатум, В. В. Улитин. Краснодар: Традиция. С. 97–108.

Ковалевская В. Б., 2005. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I до н. э. – I н. э. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН. 398 с.

Комар А. В., 2004. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник / Ред. Н. М. Куковальская. Вып. I. Киев; Судак: Академпериодика. С. 169–200.

Комар А. В., 2008. Памятники типа Суханово: к вопросу о культуре болгар Северного Причерноморья 2-й половины VI – начала VII в. // Сугдейский сборник / Ред. Н. М. Куковальская. Вып. III. Киев; Судак: Горобец. С. 87–117.

Кругликова И. Т., 1957. Погребение IV–V вв. н. э. у дер. Айвазовское // СА. № 2. С. 253–257.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2011. Погребения из курганов степного Прикубанья // Петербургский Апокриф. Послание от Марка / Отв. ред. О. В. Шаров. СПб.; Кишинев: Ун-т «Высшая антропологическая школа». С. 417–442. (Библиотека Stratum plus.)

Ляхов С. В., Мячин С. В., 2010. Кочевническое погребение «постгуннского» времени в с. Тугулук Ставропольского края // Археология Восточноевропейской степи. Вып. 8. С. 225–230.

Малашев В. Ю., 2001. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: ИА РАН. 150 с.

Мастыкова А. В., 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. М.: ИА РАН. 502 с.

Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А., 1974. Работы Цимлянской экспедиции 1970 года // Археологические памятники Нижнего Подонья. I / Отв. ред. М. Г. Мошкова, Д. Б. Шелов. М.: Наука. С. 21–127.

Отчет…, 1907 – Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1904 г. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1907. 185 с.

Памятники культуры…, 1983 – Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и средневековье. Каталог выставки / Ред. А. Канимедов, Б. И. Маршак, В. М. Плоских, Я. А. Шер. Л.: Искусство, 1983. 80 с.

Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., вступит. ст. и коммент. А. А. Чекаловой. СПб.: Алетейя, 2001. 544 с.

Пуздровский А. Е., 2007. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ. 480 с.

Ратнер И. Д., Костюк Л. И., 1989. Древности Херсонщины. Симферополь: Таврия. 110 с.

Труфанов А. А., Колтухов С. Г., 2001. Могильник III–IV вв. у с. Курское на западной периферии Боспора // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Государственный Эрмитаж. С. 186–189.

Храпунов И. Н., 2011. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Иследования могильника Нейзац / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Доля. С. 13–113.

Эпоха меровингов…, 2007 – Эпоха меровингов. Европа без границ. Берлин: Minerva, 2007. 592 с.

Ajbabin A., 1995. Les tombes de chefs nomades en Crimée de la fin du IVe siècle au VIe siècle // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne. P. 207–216. (Mémoires; Vol. IX.)

Andrási J., 2008. The Berthier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and Related Material. London: The Trustees of the British Museum. 169 p.

Arrhenius B., 1985. Merovingian Garnet Jevellery, emergence and social implications. Stockholm: Almqvist & Wiksell International. 229 p.

Balogh C., 2014. Kora avar sírok Felgyő-Kettő dűblőben // Avarum Solitudines: Archaeological studies presented to Gábor Lőrinczy on his sixtieth birthday / Eds A. Anders, C. Balogh, A. Türk. Budapest: MTA BTK Magyar Őstörténeti. S. 243–278 (Opitz Archaeologica; 6.)

Bóna I., 1976. A l'aube du Moyen Age. Gépides et Lombards dans le bassin des Carpates. Budapest: Crovina. 122 p.

Damm I. G., 1988. Goldschmiedarbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzenmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Bd. 21. S. 65–210.

Emery W. B., Kirwan L. P., 1938. The Royal Tombs of Ballana and Qustul. Cairo: Government press. 407 p., 118 pl.

Garam E., 2001. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum. 250 S. (Monumenta Avarorum Archaeologica; Vol. 5.)

Geisslinger H., 1967. Horte als Geschichtsquelle. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag. 262 S. (Offa-Bücher; Bd. 19.)

Harhoiu R., 1998. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest: Editura Enciclopedică. 268 S. CXL Taf.

Kazanski M., 2009. Archéologie des peuples barbares. Bucarest-Brăila: Editura Academiei Române, 489 p. (Florilegium magistrorum historiae archaeologiaeque Antiquitatis et Medii Aevi V.)

Kazanski M., 2010. Les Hunnugours et le commerce de fourrure au VIe siècle // Zwischen Fjorden und Steppe. Festschrift für Johan Caller zum 65. Geburtstag / Hrsg. C. Theune, F. Biermann, R. Struwe, G. H. Jeute. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH. P. 225–238. (Internationale Archäologie, Studia Honoraria; 31.)

Kazanski M., Mastykova A., 1999. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e–6e siècles. A propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare // Eurasia Antiqua. Bd. 5. P. 523–573.

Kožomberdieva E. I., Kožomberdiev I. K., Kožemjako P. N., 1998. Ein Katakombengrab aud der Schlucht Samsi // Eurasia Antiqua. Bd. 4. S. 451–471.

Legoux R., Périn P., Vallet F., 2009. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Saint-Germain-en Laye: AFAM. 66 p.

Oexle J., 1992. Studien zu merwingerzeitlichem Pferdgeschirr am Beispiel der Trensen. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern. 307 S., 240 Taf.

Ross M. C., 1965. Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Volume Two. Washington: the Dumbarton Oaks Center or Byzantine Studies. 144 p.

Schneider J., 1983. Deersheim. Ein völkerwanderungszeitliches Gräberfeld im Nordharzvorland // Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte. Bd. 66. S. 75–358.

Török L., 1988. Late antique Nubia. History and archaeology of the southern neighbour of Egypt in the 4th–6th. c. A. D. Budapest: Archaeological Institute of Sciences. 280 p., 189 pl. (Antaeus; 16.)

Vierck H., 1981. *Imitatio imperii* und *interpretatio Germanica* vor der Wikingerzeit // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance) / Dir. R. Zeitler. Uppsala: Almqvist & Wiksell International. S. 64–113. (Acta Universitatis Upsaliensis. Figura. Nova Series; 19.)

Сведения об авторах.

Храпунов Игорь Николаевич, Крымский федеральный университет, ул. Ялтинская, 20, Симферополь, 295007, Россия; e-mail: igorkhrapunov@mail.ru;

Казанский Михаил Михайлович, Centre national de la recherche scientifique, UMR 8167 «Orient et Méditerranée», rue de cardinal Lemoine, 52, Paris, 75005, France; e-mail: michel.kazanski53@gmail.com.

I. N. Khrapunov, M. M. Kazansky

Burial No. 114 at the Neizats cemetery (the foothills of the Crimea Mountains) and antiquities of the nomads of the North Pontic region in the second half of the 5th – first half of the 6th cc.

Abstract. The paper publishes a burial from the «post-Hun» period (approximately 430-s/470-s – 530-s/570-s) discovered at the Neizatscemetery near Simferopol (Fig. 1A). This was the inhumation of a woman in a grave with a side niche accompanied with the burial of a full-grown horse and a foal (Fig. 1Б; 2). The grave goods consisted of jewellery, household objects, horse harness details (Figs. 3–5; colour plate). Parallels for this funerary rite and range of grave goods (Figs 5–7) evidence that the burial belonged to the range of antiquities used by steppe peoples of the the «post-Hun» period (Fig. 8). What attracts attention is the similarity between the funerary rite and grave goods used here and those of the Inner Asian nomads (Shamsi) and also the inclusion of Early Byzantine elements in the costume of the woman buried in Neizats.

Keywords: nomads, post-Hun period, Crimea, burials.

REFERENCES

Afanas'ev G. E., Runich A. P., 2001. Mokraya Balka [Mokraya Balka], 1. Dnevnik raskopok [Excavations diary]. Moscow: Nauchnyy Mir. 250 p.

Ajbabin A., 1995. Les tombes de chefs nomades en Crimée de la fin du IVe siècle au VIe siècle. *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle*. F. Vallet, M. Kazanski, eds. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, pp. 207–216. (Mémoires, Vol. IX).

Ajbabin A. I., 1999. Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryma [Ethnic history early Byzantine Crimea]. Simferopol': Dar. 150 s.

Akhmedov I. R., 2005. Konskiy ubor iz nekropoley Tsebel'dinskoy doliny (k istorii slozheniya «pontiyskogo» stilya uzdy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [Horse harness details from cemeteries of Tsbelda valley (on history of formation of «Pontic» bridle style in Migration period]. *II Gorodtsovskie chteniya [II Gorodtsov readings]*. I. V. Belotserkovskaya, ed. Moscow: Gosudarstvenny istoricheski muzey, pp. 240–253. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 145).

Ambroz A. K., 1970. Yuzhnye khudozhestvennye svyazi naseleniya verkhnego Podneprov'ya v VI v. [Souther artistic connections of population of Upper Dnieper region in VI c.]. *Drevnie slavyane i ikh sosedi [Early Slavs and their neighbours]*. Yu. V. Kukharenko, ed. Moscow: Nauka, pp. 70–74. (MIA, 176).

Andrási J., 2008. The Berthier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and Related Material. London: The Trustees of the British Museum. 169 p.

Arrhenius B., 1985. Merovingian Garnet Jevellery, emergence and social implications. Stockholm: Almqvist & Wiksell International. 229 p.

Artamonov M. I., 1962. Istoriya khazar [History of the Khazars]. Leningrad: Gosudarstvenny Ermitazh. 524 p.

Balogh C., 2014. Kora avar sírok Felgyő-Kettő dűblőben. *Avarum Solitudines: Archaeological studies presented to Gábor Lőrinczy on his sixtieth birthday*. A. Anders, ed. Budapest: MTA BTK Magyar Őstörténeti, pp. 243–278. (Opitz Archaeologica, 6).

Baranov I. A., 1973. Pogrebenie V v. n. e. v Severo-Vostochnom Krymu [Burial of V c. AD in North-East Crimea]. *SA*, 3, pp. 243–245.

Bezuglov S. I., Il'yukov L. S., 2007. Pamyatnik pozdnegunnskoy epokhi v ust'e Dona [Site of late Hun epoch in Don estuary]. Srednevekovye drevnosti Dona [Medieval antiquities of Don]. Yu. K. Guguev, ed. Moscow; Jerusalem: Mosty kul'tury, pp. 25–48. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona, II).

Bogachev A. V., 2010. V poiskakh stilya: sostav i khronologiya kompleksov s pryazhkami predgeral'icheskogo stilya [In search of style: structure and chronology of complexes with buckles of pre-heraldic style]. *Kul'tury evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n. e. Voprosy mezhetnicheskikh kontaktov i mezhkul'turnogo vzaimodeystviya [Cultures of Eurasian steppes of second half of I millennium AD. Problems of inter-ethnic contacts and inter-cultural interaction]*. D. A. Stashenkov. Samara: Ofort, pp. 155–168.

Bóna I., 1976. A l'aube du Moyen Age. Gépides et Lombards dans le bassin des Carpates. Budapest: Crovina. 122 p.

Damm I. G., 1988. Goldschmiedarbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzenmeergebiet: Katalog der Sammlung Diergardt 2. *Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte*, 21, pp. 65–210.

Dashevskaya O. D., 1969. Pogrebenie gunnskogo vremeni v Chernomorskom rayone Kryma [Burial of Hun time in Chernomorsk region, Crimea]. *Drevnosti Vostochnoy Evropy [Antiquities of Eastern Europe]*. L. A. Evtyukhova, ed. Moscow: Nauka, pp. 52–61.

Dashevskaya O. D., 2014. Nekropol' Belyausa [Belyaus necropolis]. Simferopol': Feniks. 284 p.

Emery W. B., Kirwan L. P., 1938. The Royal Tombs of Ballana and Qustul. Cairo: Government press. 407 p., 118 pl.

Epokha merovingov..., 2007 – Epokha merovingov. Evropa bez granits. Merovingian period. Europe without borders. Berlin: Minerva. 592 p.

Garam E., 2001. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum. 250 p. (Monumenta Avarorum Archaeologica, 5).

Gavrilov A. V., 1996. Pogrebenie kochevnika na antichnom poselenii v Vostochnom Krymu [Burial of a nomad at antique settlement in East Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria]*, V, pp. 111–113.

Gavritukhin I. O., 2001. Periodizatsiya rannesrednevekovykh drevnostey Kislovodskoy kotloviny na osnove keramiki v svete izucheniya izdeliy iz metalla [Periodisation of early medieval antiquities of Kislovodsk depression based on pottery in light of metal artefacts studies]. *Malashev V. Yu. Keramika rannesrednevekovogo mogil'nika Mokraya Balka [Pottery of early medieval cemetery Mokraya Balka]*. Moscow: IA RAN, pp. 40–49.

Gavritukhin I. O., 2004. Srednedneprovskie ingumatsii vtoroy poloviny V – VI v. [Middle Dnieper inhumations of second half of V–VI c.]. *Kul'turnye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'e [Cultural transformations and mutual influences in Dnieper region in the end of Roman time and in early Middle Ages]*. V. M. Goryunova, O. A. Shcheglova, eds. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, pp. 208–220.

Geisslinger H., 1967. Horte als Geschichtsquelle. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag. 262 p. (Offa-Bücher, 19).

Harhoiu R., 1998. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bucharest: Editura Enciclopedică. 268 p., CXL Taf.

Jordan 2001. O proiskhozhdenii i deyaniyakh getov (Getica) [The origin and deeds of Getes (Getica)]. E. Ch. Skrzhinskoy, ed. 2nd edition. St. Petersburg: Aleteyya. 506 p.

Kazanski M., 2009. Archéologie des peuples barbares. Bucarest-Brăila: Editura Academiei Române. 489 p. (Florilegium magistrorum historiae archaeologiaeque Antiquitatis et Medii Aevi, V).

Kazanski M., 2010. Les Hunnugours et le commerce de fourrure au VIe siècle. *Zwischen Fjorden und Steppe. Festschrift für Johan Caller zum 65. Geburtstag*. C. Theune, ed. Rahden: Verlag Marie Leidorf GmbH, pp. 225–238. (Internationale Archäologie, Studia Honoraria, 31).

Kazanski M. M., 2014. Arkheologicheskaya situatsiya v Srednem Podneprov'e v VII v. [Archaeological situation in Middle Dnieper region in VII c.]. *Problemy vzaimodeystviya naseleniya Vostochnoy Evropy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [Problems of interaction of East European population in Migration period]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 45–137. (RSM,15).

Kazanski M., Mastykova A., 1999. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e–6e siècles. A propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare. *Eurasia Antiqua*, 5, pp. 523–573.

Kazanski M. M., Mastykova V. A., 2010. Khronologicheskie indikatory drevnostey postgunnskogo vremeni na Severnom Kavkaze [Chronological indications of post-Hun time antiquities in North Caucasus]. *Verkhnedonskoy arkheologicheskiy sbornik [Upper Don archaeological annual]*, 5. A. N. Bessudnov, ed. Lipetsk: Lipetskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 93–104.

Kazanski M. M., Mastykova A. V., 2014. Zhenskie mogily znati postgunnskogo vremeni v pontiyskikh stepyakh i konstantinopol'skaya moda [Female aristocracy burials of post-Hun time in Pontic steppes and Constantinople fashion]. *IV «Anfimovskie chteniya» po arkheologii Zapadnogo Kavkaza [IV «Anfimov readings» on archaeology of West Caucasus]*. T. A. Pavlenko, ed. Krasnodar: Traditsiya, pp. 97–108.

Khrapunov I. N., 2011. Nekotorye itogi issledovaniy mogil'nika Neyzats [Some results of investigations of Neizats cemetery]. *Issledovaniya mogil'nika Neyzats [Investigations of Neizats cemetery]*. I. N. Khrapunov, ed. Simferopol': Dolya, pp. 13–113.

Komar A. V., 2004. Kutrigury i utigury v Severnom Prichernomor'e [Kutrigurs and utigurs in North Pontic zone]. *Sugdeyskiy sbornik [Sugdeya annual]*, I. N. M. Kukoval'skaya, ed. Kiev; Sudak: Akademperiodika, pp. 169–200.

Komar A. V., 2008. Pamyatniki tipa Sukhanovo: k voprosu o kul'ture bulgar Severnogo Prichernomor'ya 2-y poloviny VI – nachala VII v. [Sites of Sukhanovo type: on problem of Bulgars' culture in North Pontic zone in 2nd half of VI – beginning of VII c.]. *Sugdeyskiy sbornik [Sugdeya annual]*, III. N. M. Kukoval'skaya, ed. Kiev; Sudak: Gorobets, pp. 87–117.

Kovalevskaya V. B., 2005. Kavkaz – skify, sarmaty, alany I v. do n. e. – I v. n. e. [Caucasus – Scythians, Sarmates, Alans of I c. BC – I c. AD]. Pushchino: Otdel nauchno-tekhnicheskoy informatsii Pushchinskogo nauchnogo tsentra RAN. 398 p.

Kožomberdieva E. I., Kožomberdiev I. K., Kožemjako P. N., 1998. Ein Katakombengrab aus der Schlucht Samsi. *Eurasia Antiqua*, 4, pp. 451–471.

Kruglikova I. T., 1957. Pogrebenie IV–V vv. n. e. u der. Ayvazovskoe [Burial of IV–V cc. AD near village Ayvazovskoe]. *SA*, 2, pp. 253–257.

Legoux R., Périn P., Vallet F., 2009. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Saint-Germain-en Laye: Association Francaise d'Archéologie Mérovingienne. 66 p.

Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2011. Pogrebeniya iz kurganov stepnogo Prikuban'ya [Burials from kurgans of Kuban steppe zone]. *Peterburgskiy Apokrif. Poslanie ot Marka [Petersburg apocrypha. Epistle from Marcus: Collection of articles devoted to memory of M. B. Shchukin]*. O. V. Sharov, ed. St. Petersburg; Kishinev: Universitet «Vysshaya antropologicheskaya shkola», pp. 417–442. (Biblioteka Stratum plus).

Lyakhov S. V., Myachin S. V., 2010. Kochevnicheskoe pogrebenie «postgunnskogo» vremeni v s. Tuguluk Stavropol'skogo kraya [Burial of a nomad of «post-Hun» time in village Tuguluk, Stavropol Region]. *Arkheologiya Vostochnoevropeyskoy stepi [Archaeology of East European steppe]*, 8, pp. 225–230.

Malashev V. Yu., 2001. Keramika rannesrednevekovogo mogil'nika Mokraya Balka [Pottery of early Medieval cemetery Mokraya Balka]. Moscow: IA RAN. 150 p.

Mastykova A. V., 2009. Zhenskiy kostyum Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV – seredine VI v. n. e. [Female costume of Central and West Caucasus Piedmont in the end of IV – middle VI c. AD]. Moscow: IA RAN. 502 p.

Moshkova M. G., Fedorova-Davydova E. A., 1974. Raboty Tsimlyanskoy ekspeditsii 1970 goda [Works of Tsimlyank expedition in 1970]. *Arkheologicheskie pamyatniki Nizhnego Podon'ya [Archaeological site of Lower Don region]*, I. M. G. Moshkova, D. B. Shelov, eds. Moscow: Nauka, pp. 21–127.

Oexle J., 1992. Studien zu merwingerzeitlichem Pferdgeschirr am Beispiel der Trensen. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern. 307 p., 240 pl.

Otchet..., 1907 – Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii za 1904 g. [Report of Imperial Archaeological Commission for 1904]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1907. 185 p.

Pamyatniki kul'tury..., 1983 – Pamyatniki kul'tury i iskusstva Kirgizii. Drevnost' i srednevekov'e: katalog vystavki [Monuments of culture and art of Kirgizia. Antiquity and Middle Ages: catalog of exhibition]. A. Kanimedov, ed. Leningrad: Iskusstvo, 1983. 80 p.

Procopius of Caesarea. Voyna s persami. Voyna s vandalami. Taynaya istoriya [War with the Persians. The war with the vandals. The secret history]. A. A. Chekalova, ed. St. Petersburg: Aleteyya, 2001.

Puzdrovskiy A. E., 2007. Krymskaya Skifiya II v. do n. e. – III v. n. e. Pogrebal'nye pamyatniki [Crimean Scythia of II c. BC – III c. AD. Burial sites]. Simferopol': Biznes-Inform. 480 p.

Ratner I. D., Kostyuk L. I., 1989. Drevnosti Khersonshchiny [Antiquities of Kherson land]. Simferopol': Tavriya. 110 p.

Ross M. C., 1965. Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection, 2. Washington: the Dumbarton Oaks Center or Byzantine Studies. 144 p.

Schneider J., 1983. Deersheim. Ein völkerwanderungszeitliches Gräberfeld im Nordharzvorland. *Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte*, 66, ss. 75–358.

Török L., 1988. Late antique Nubia. History and archaeology of the southern neighbour of Egypt in the 4th–6 th. c. A. D. Budapest: Archaeological Institute of Sciences. 280 p., 189 pl. (Antaeus, 16).

Trufanov A. A., Koltukhov S. G., 2001. Mogil'nik III–IV vv. u s. Kurskoe na zapadnoy periferii Bospora [Cemetery of III–IV cc. near village Kurskoe in western periphery of Bosporus]. *Bosporskiy fenomen. Kolonizatsiya regiona, formirovanie polisov, obrazovanie gosudarstva [Bosporan phenomenon. Colonization of the region, formation of city-states, emergence of state]*. V. Yu. Zuev, ed. St. Petersburg: Gosudarstvenny Ermitazh, pp. 186–189.

Vierck H., 1981. Imitatio imperii und interpretatio Germanica vor der Wikingerzeit. *Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance)*. R. Zeitler, ed. Uppsala: Almqvist & Wiksell International, pp. 64–113. (Acta Universitatis Upsaliensis. Figura. Nova Series, 19).

Voronov Yu. N., 2010. Tayna Tsebel'dinskoy doliny [Mystery of Tsebeld valley]. *Voronov Yu. N. Nauchnye trudy [Scientific works]*, 3. Sukhum: Abkhazskiy institut gumanitarnykh issledovaniy, pp. 5–140.

Zasetskaya I. P., 1994. Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu (konets IV – V v.) [Culture of nomads of South Russian steppes in Hun epoch (end of IV – V c.)]. St. Petersburg: AO Ellips Ltd. 222 p.

Zasetskaya I. P., 2003. Bosporskiy nekropol' kak etalonnyy pamyatnik drevnostey IV – nachala VII v. [Bosporus necropolis as a reference site for antiquities of IV – early VII c.]. *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya. IV–XIII vv. [Crimea, North-Eastern Pontic zone and Transcaucasia in the epoch of Middle Ages: IV–XIII cc.]*. T. I. Makarova, S. A. Pletneva, eds. Moscow: Nauka, pp. 31–40.

Zasetskaya I. P., 2010. Mikhael'sfel'd – etalonnyy pamyatnik rannego srednevekov'ya (k voprosu o datirovke i etnokul'turnoy prinadlezhnosti) [Mikhaelsfeld – reference site of early Middle Ages (on problem of dating and ethno-cultural attribution)]. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvenogo Ermitazha [Archaeological annual of State Hermitage]*, 38, pp. 123–159.

Zasetskaya I. P., Kazanskiy M. M., Akhmedov I. R., Minasyan R. S., 2007. Morskoy Chulek. Pogrebeniya znati iz Priazov'ya i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ya v postgunnskuyu epokhu [Morskoy Chulek. Burials of aristocracy from Azov Sea region and their position in history of tribes of North Pontic zone in post-Hun epoch]. St. Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh. 212 p.

About the authors.

Khrapunov Igor N., Taurida National V. I. Vernadsky University, Academician Vernadsky ave., 4, Simferopol, 295051, Russian Federation; e-mail: igorkhrapunov@mail.ru;

Kazanski Mikhail M., CNRS – UMR 8167 «Orient et Méditerranée», Centre d'histoire et civilisation de Byzance, 52, rue du cardinal Lemoine, Collège de France, 75006, Paris, France; e-mail: michel.kazanski53@gmail.com.

А. А. Гиппиус, Вл. В. Седов

НАДПИСЬ-ГРАФФИТО НА СТЕНЕ НИКОЛО-ДВОРИЩЕНСКОГО СОБОРА

Резюме. Статья посвящена ранее неизвестной надписи начала XII в., сохранившейся на стене Николо-Дворищенского собора в Великом Новгороде, заложенного в 1113 г., и доступной для исследования благодаря прориси, сделанной известным новгородским реставратором Г. М. Штендером. Надпись фиксирует время окончания какого-то этапа работ по строительству собора – 28 сентября. В лингвистическом отношении интерес представляет форма, в которой в надписи выступает название сентября.

Ключевые слова: Великий Новгород, граффити, строительная история, реставрация, хронология строительства, лингвистика, древнерусский язык.

Новгородский архитектор-реставратор В. А. Дружинин, руководивший вместе с Е. В. Скрипцовой в 1994–1999 гг. реставрацией Николо-Дворищенского собора в Великом Новгороде, позволил Вл. В. Седову в 2001 г. сделать фотографии с хранящихся в домашнем архиве реставратора двух графических листов. На одном из этих листов находится зарисовка надписи-граффито (рис. 1), выполненная, судя по подписи на одном из листов, известным новгородским архитектором-реставратором и историком архитектуры Г. М. Штендером (1927–1992), а на втором – обмер части восточного фасада собора (рис. 2), выполненный, вероятно, в мастерской Г. М. Штендера и под его руководством.

На первом листе карандашом слева вверху передана сама надпись: СЄТАВРАКИ, справа помещена схема восточного фасада с обозначением того места на обмазке арки над конхой северного бокового алтарного полукружия, где размещена была древняя надпись, а ниже, под этими графическими изображениями, расположена надпись, сделанная рукой Г. М. Штендера: «Николодворищенский собор || Граффити над северной конхой (вост. фасад) || Прежде была закрыта ее кладкой (*зачеркнуто* – конхи) (сводом конхи – *шариковой ручкой*) || Находится на растворе утопленного || шва арки, к которой конха || примыкает (в верхней части)». Справа подпись и дата: 6 февр || 1978 г. || Штендер.

Есть еще второй лист, на котором точно передано место, где расположена надпись (там есть поясняющая надпись: «граффити»). Это место сочленения

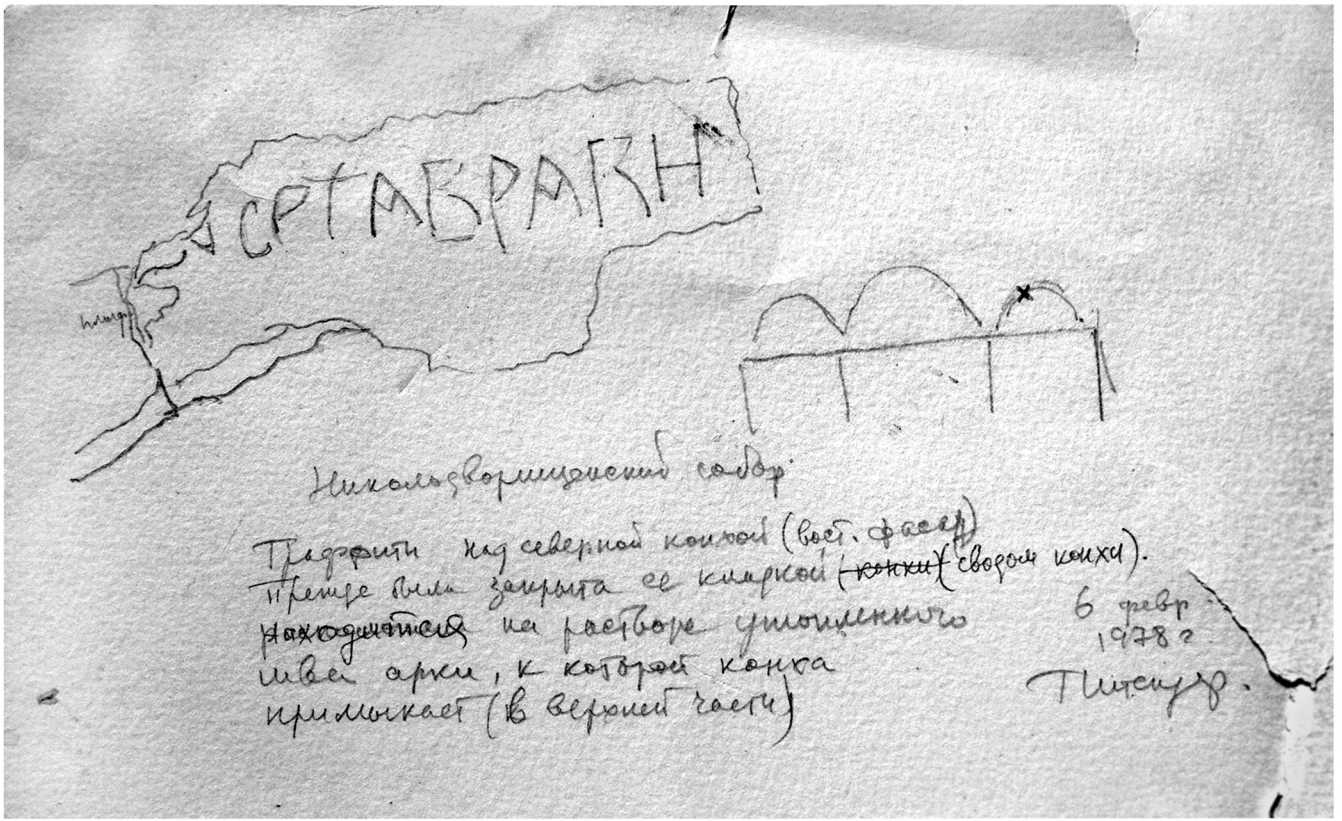


Рис. 1. Великий Новгород. Николо-Дворищенский собор. Лист с зарисовкой граффити. Автограф Г. М. Штендера, 1978 г.

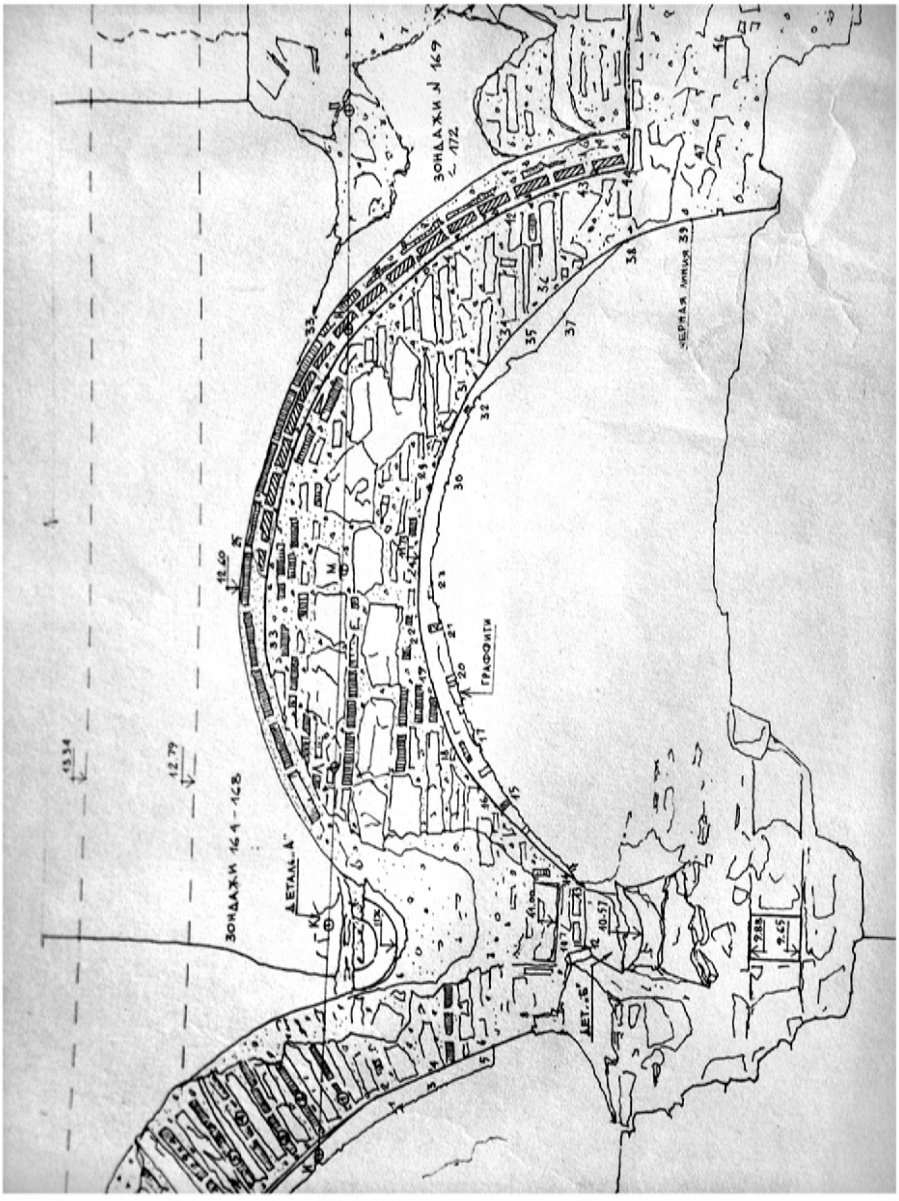


Рис. 2. Великий Новгород. Николо-Дворищенский собор. Чертеж восточного фасада с обозначением места нахождения надписи-граффити. Мастерская Г. М. Штендера, конец 1970-х гг.

конхи северной абсиды и арки (закомары) над ней, где на известково-цемяночной затирке основания арки и была помещена надпись. Конха, пристроенная к арке в тот же строительный период, эту надпись не закрыла, но всякие кровельные конструкции должны были ее прикрыть. И в настоящее время эта надпись недоступна: она закрыта медными кровлями над алтарными выступами.

В этой короткой надписи, сделанной, без сомнения, во время строительства собора, отражена очень краткая информация: надпись сообщает о каком-то этапе, завершившемся 28 сентября. Можно думать, что кладка этой части собора или даже всего собора была окончена 28 сентября.

Конец сентября – почти крайнее время для строительства в Северо-Западной Руси. Мы знаем не так много о датах окончания строительства в XII в.

В 1195/6703 г. новгородский архиепископ Мартирий заложил церковь Ризоположения на воротах Детинца, причем работу начали 4 мая, а окончили 2 августа (НПЛ, 1950. С. 41, 42, 234).

В том же 1195 г. архиепископ Мартирий осенью заложил каменную церковь Воскресения в женском монастыре на Мячине, но не успел достроить (Там же. С. 42, 234); строительство было продолжено и окончено на следующий год, причем 13 сентября владыка уже освящал полностью оконченный храм (Там же. С. 42, 235).

В 1196/6704 г. братья Константин и Дмитр заложили монастырскую церковь Кирилла на Нелезене, причем работы начались в апреле, а закончены были 8 июля (Там же).

Еще два подобных известия находим в летописной статье 1198/6706 г., рассказывающей о построении каменных храмов Спаса Преображения в монастыре в Русе и Спаса-Преображения в монастыре на Нередице. Первый храм был начат 21 мая, а окончен 31 июля (Там же. С. 44, 237), а второй – начат 8 июня, а закончен в сентябре (Там же. С. 44, 237, 238; см. также специальную работу: *Гимон*, 2003).

Нам представляется, что основной массив кладки Никольского собора, заложенного в 1113 г. (НПЛ, 1950. С. 20, 204), был окончен 28 сентября и этот этап, когда уже делалась кровля собора, был отражен в надписи, которая видна была только с лесов. Можно думать, что надпись сделана до 1117 г., когда в Новгороде был заложен следующий каменный храм, собор Рождества Богородицы Антониева монастыря.

По своему роду эта ранее не известная надпись-граффити принадлежит к записям строительных или живописных мастеров, сделанным «на память» на самой постройке и не предназначенным для всеобщего обозрения. Это как будто почти «тайные» надписи, делавшиеся в труднодоступных местах.

В лингвистическом отношении представляет известный интерес форма, в которой в надписи выступает название сентября. В славянской письменности оно обнаруживает чрезвычайную вариативность – рекордную по сравнению с названиями других месяцев. Так, в источниках пражского Словаря старославянского языка засвидетельствованы 14 вариантов полного написания этого слова: **сєптабр-**, **сєптємбрии**, **сєп'тавр-**, **сєбтабр-**, **сєвтєбр-**, **сєвтєвр-**, **сєтєбр-**, **сєктєбр-**, **сєк'тємьбр-**, **сєктабр-**, **сєктєбр-**, **сємтабр-**, **сєхтабр-**, **сєптєврии**. (SJS, 1997. T. 4. S. 60). Положение дел в ранней восточнославянской письменности иллюстри-

руют приводимые ниже данные семи древнерусских рукописей XI–XII вв.: четырех списков Евангелия (Остромирова – ОЕ, Архангельского – АЕ, Мстиславова – МЕ, Добрилова – ДЕ), Изборника 1073 г. (И73), Минеи за сентябрь 1095 г. (М95), Типографского устава (ТУ), Устава Студийского XIIв. (УС), Успенского сборника (УСб), а также древнейшей части Синодального списка Новгородской 1-й летописи (НЛ), содержащей текст за XI–XIIвв.:

сєптѧбр'-	ОЕ (2), ДЕ (7), М95 (1), УСб (1), УС (1), СП (2), ТУ (7), НЛ (11)
сєптѧмбр'-	АЕ (33)
сєптємбр'-	МЕ (passim)
сєптєбр'-	МЕ (2)
сєптѧбрии	И73 (1)
сємптѧмбр'-	УС (1)
сємтѧбр'-	ДЕ (2)
сєтєбр-	И73 (2)
сєтѧбр'-	И73 (1)
сєтємбр-	И73 (1)

Такое множество вариантов – следствие их противопоставления сразу по нескольким признакам. Перечислим элементы греч. σεπτέμβριος, в передаче которых имеют место колебания, а также вариантные способы передачи этих элементов:

πτ:	т	п(ь)т	мпт	мт	нт	бт	вт	кт	хт
έμ:	ем(ь)	е	ѧ	ѧм(ь)					
β:	б	в							
оформление основы:	-р'ь	-ръ	-р'ии						

Варьирование *б*/*в* объясняется, по-видимому, ориентацией на разные варианты греческого произношения сочетания μβ (в котором губно-губное произношение виты сохранялось дольше, чем в других положениях): более древний – [mb] и более новый – [mv]. В передаче έμ противопоставлены фонетически закономерный вариант с носовым гласным и написание, ориентированное на греческую орфографию (*ем*); варианты с *е* и *ѧм* носят компромиссный характер. Обилие способов передачи πτ восходит к двум первичным вариантам. Отсутствовавшее в славянском сочетание согласных должно было или упроститься в *п* или же быть разделено неорганическим редуцированным, впоследствии утратившимся (*пьт*>*пт*); все остальные варианты производны от варианта с *пт*. Из варианта *септѧмбрь*, согласно А. И. Соболевскому (1907. С. 150), произошел представленный в Студийском уставе XII в. *семптѧбрь*, откуда, в свою очередь, *семтѧбрь* и, наконец, современный русский *сентябрь* (впервые фиксируется в Прологе 1388 г.); ср. цепочку, восстанавливаемую М. Фасмером (1909. С. 177): *сепътѧбрь* > *септѧбрь* > *семптѧбрь* > *семтѧбрь* > *сентѧбрь*. Остальные варианты из списка в SJS маргинальны: вариант с *бт* следует, вероятно, объяснять гиперкорректным отталкиванием от *пт* (трактованного как результат оглушения), а вариант с *вт* – распространением на это сочетание варьирования

б/в в исходе основы. Варианты *кт/хт* объясняются, видимо, влиянием вариантных форм названия смежного октября (*окт-/охт-*).

Представленный в нашей надписи вариант *сетѧврь* не находит точного соответствия в приведенном материале. Это не удивительно, учитывая множественность возможных комбинаций варьирующихся элементов слова. Более интересен тот факт, что в данном написании выступает один из двух «базовых» вариантов передачи сочетания πτ, представленный на древнерусской почве лишь тремя примерами из Изборника 1073 г. Эти примеры, компактно располагающиеся в двух главах из заключительной части кодекса, стоят в нашем материале особняком, очевидно, представляя южнославянскую традицию, отличную от той магистральной для Руси книжной традиции, которую отражают календарные заголовки богослужебных книг и летописные даты. Примечательно, что кроме вариантов с *т* (**сєтєбра** 248г27, **сєтѧбрѧ** 249а14, **сєтємбра** 251б7), в тех же разделах Изборника один раз фиксируется и вариант с *пт*, причем в специфическом контексте: **въпрьвыи**[*месяц*]**иже въримлѧнєхънарицаѥтьсѧсєптѧбрии** (249а12). По всей вероятности, переводчик Изборника употребил этот вариант, чтобы по возможности точно передать латинское название месяца, тогда как обиходной для него была одна из форм на *сет-*. Форма, использованная в нашей надписи, неслучайно сближается именно с этой обиходной южнославянской традицией. Употребивший ее мастер – человек грамотный, но не книжник, – очевидно, усвоил эту форму не из богослужебной письменности, но из живого употребления, свойственного его среде. О том же говорит и появление *в*, а не *б*, в исходе словоформы. В ранней восточнославянской письменности другие случаи подобной записи слова, как кажется, неизвестны. На южнославянской почве основа *севтевр-* (наряду с *сетебр-*) впервые фиксируется в Охридском апостоле нач. XIII в. (SJS, 1997. T. 4. S. 60). Однако написания **октоврѧ** и **дєкѧврѧ**, встретившиеся в тех же разделах Изборника 1073 г. (л. 251а3 и л. 251а6), позволяют предполагать существование в эпоху создания его оригинала и варианта *сетѧврь*.

Стоит заметить, что такой вариант названия месяца мог, в принципе, появиться на Руси и без южнославянского посредства – как результат фонетической адаптации разговорной греческой формы. Любопытно, однако, что фонетической уникальности этой формы в восточнославянском материале соответствует одна столь же необычная для раннедревнерусской эпиграфики палеографическая черта – написание буквы Ѧ с V-образным язычком. В берестяных грамотах такая форма появляется лишь с XIV в. (*Зализняк*, 2000. С. 213. Табл. 40). Из ранних надписей она единственный раз представлена в граффито № 9 Софии Киевской (запись о смерти Святослава Ярославича) (см.: *Рыбаков*, 1962. Табл. I–II; *Высоцкий*, 1976. С. 169). Между тем в древнеболгарской эпиграфике такое начертание является одним из основных (*Добрев, Попконстантинов*, 1985. С. 665).

ЛИТЕРАТУРА

Высоцкий С. А.,1976. Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI–XVII вв.). Киев: Наукова думка. 455 с.

Гимон Т. В., 2003. Закономерности в освещении новгородскими летописцами XII–XIII вв. фактов каменного строительства // Древнейшие государства Восточной Европы: [ежегодник]. 2000 г.: Проблемы источниковедения. М.: Вост. литература. С. 326–345.

Добрев И., Попконстантинов К., 1985. Епиграфика старобългарска // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 1: А–З. София: Българска академия на науките. С. 662–667.

Зализняк А. А., 2000. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // *Янин В. Л., Зализняк А. А*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М.: Русские словари. С. 134–429.

НПЛ, 1950 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Академия наук СССР. 640 с.

Рыбаков. Б. А., 1962. Русские датированные надписи XI–XIV вв. М.: Наука. 48 с. (САИ; Вып. Е1–44.)

Соболевский А. И., 1907. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. СПб.: Университет. 309 с.

Фасмер М., 1909. Греко-славянские этюды. 3: Греческие заимствования в русском языке. СПб.: Академия наук. 230 с.(Сборник ОРЯС; Т. 86. № 1.)

SJS, 1997 – Slovník jazyka staroslověnského. T. 4. Praha: Academia. 1050 s.

Сведения об авторах.

Гиппиус Алексей Алексеевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, 21/4, Москва; Институт славяноведения РАН, Ленинский пр., 32-А, Москва, 119991, Россия; e-mail: agippius@mail.ru;

Седов Владимир Валентинович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036; Россия; e-mail: sedov1960@mail.ru.

A. A. Gippius, Vl. V. Sedov

A graffito inscription on the wall of St. Nicolas in Dvorishche cathedral (Novgorod)

Abstract. The article presents the inscription of the early 12th century preserved on the wall of St. Nicolas cathedral in Novgorod the Great founded in 1113. The inscription was not known before. It has been preserved thanks to the copy drawn by the known Novgorodan restorer G. M. Shtender. The inscription contains the date when some stage of construction works was completed – September 28. In linguistic aspect of interest is the form used to denote the month of September.

Keywords: Novgorod the Great, graffiti, construction history, restoration, chronology of construction, linguistics, old Russian language.

REFERENCES

Dobrev I., Popkonstantinov K., 1985. Epigrafikastarob’’lgarska [Old Bulgarian epigraphy]. *Kirilo-Metodievska entsiklopediya [Cyryl and Methodius encyclopedia]*, 1. A–Z. Sofiya: B’’lgarskaakademiyananaukite, pp. 662–667.

Fasmer M., 1909. Greko-slavyanskieetyudy [Greek-Slavic essays], 3. Grecheskie zaimstvovaniya v russkom yazyke [Greek borrowings in Russian language]. St. Petersburg: Akademiya nauk. 230 p.

(Collection of articles, Department of Russian language and literature of Imperial Academy of Sciences, 86, no. 1).

Gimon T. V., 2003. Zakon o mernosti v osveshchenii novgorodskimi letopistsami XII–XIII vv. faktov kamennogo stroitel'stva [Regularities in interpretation of stone construction works by Novgorod chroniclers of XII–XIII cc.]. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy: ezhegodnik, 2000 god. Problemy istochnikovedeniya [Earliest states of Eastern Europe: annual, year 2000. Problems of source study]*. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 326–345.

NPL, 1950 – Novgorodskaya pervaya letopis' starshego I mladshego izvodov [First Novgorod Chronicle of early and later versions]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 640 p.

Rybakov B. A., 1964. Russkie datirovannye nadpisi XI–XIV vv. [Russian dated inscriptions of XI–XIV cc.]. Moscow: Nauka. 48 p. (SAI).

SJS, 1997 – Slovník Jazyka Staroslověnského, 4. Praha: Academia. 1050 p.

Sobolevski A. I., 1907. Lektsii po istorii russkogo yazyka [Lectures on history of Russian language]. 4th Edition. St. Petersburg: Universitet. 309 p.

Vysotski S. A., 1976. Srednevekovye nadpisi Sofii Kievskoy (po materialam graffiti XI–XVII vv.) [Medieval inscriptions of St. Sophia of Kiev cathedral (based on materials of graffiti of XI–XVII cc.)]. Kiev: Naukova dumka. 455 p.

Zaliznyak A. A., 2000. Paleografiya berestyanykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie [Paleography of birch bark charters and their non-stratigraphic dating]. *Yanin V. L., Zaliznyak A. A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.) [Novgorod birch bark charters (from excavations of 1990–1996)]*. Moscow: Russkie slovari, pp. 134–429.

About the authors.

Gippius Aleksey A., National research university «Higher School of Economics», ul. Staraya Basmannaya, 21/4, Moscow; The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Leninsky pr., 32-A, Moscow, 119334, Russian Federation; e-mail: agippius@mail.ru;

Sedov Vladimir V. Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: sedov1960@mail.ru.

В. Л. Щербаков

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ РАБОЧИХ ТОПОРОВ В ЦЕНТРЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

Резюме. Рабочие топоры IX–XIV вв. из коллекций археологических памятников центральных районов Северо-Восточной Руси меньше изучены в технологическом отношении по сравнению с топорами сопредельных регионов. Опубликованные результаты металлографического исследования восьми топоров были дополнены данными по еще 13 изделиям. На основании результатов металлографического анализа топоров раскрыты особенности технологии изготовления данной группы орудий в центральных районах Северо-Восточной Руси в IX–XIV вв.

Ключевые слова: Северо-Восточная Русь, металлография, топоры, технология изготовления.

Характеризуя продукцию железообрабатывающего ремесла Новгорода Великого, Б. А. Колчин отмечал, что «на Неревском раскопе в подавляющей массе жилищ, независимо от рода занятий их владельцев, археолог находит среди многочисленного хозяйственного инвентаря один-два топора или их обломки» (*Колчин*, 1959. С. 25). Топор, несомненно, входит в число наиболее распространенных универсальных орудий населения лесной полосы Восточной Европы в средневековье. Понимание этого факта специалистами способствовало серьезной разработке вопросов типологии и хронологии восточноевропейских топоров (Там же. С. 5–26; *Кирпичников*, 1966. С. 26– 46; Культура Биляра…, 1985. С. 36–50; и др.). Технология изготовления топоров освещалась в работах Б. А. Колчина (1953; 1959), В. И. Завьялова (1987 и др.), Л. С. Розановой (1994 и др.), Н. Н. Тереховой (1997 и др.), Ю. А. Семыкина (1996 и др.) и других авторов. Наиболее изученными в этом отношении следует считать топоры Северо-Запада Руси, в частности, Новгорода Великого (*Колчин*, 1959. С. 25–29), и Белозерья (*Завьялов и др.*, 2012. С. 57–187). На основании данных металлографического анализа 15 изделий, дополненного данными травления[1] еще 9 топоров, Б. А. Колчиным был сделан

[1] Отличие от металлографического анализа, предполагающего извлечение образца и его микроскопическое изучение после обработки реактивами, состоит в том, что травлению кислотой подвергается весь предмет, что позволяет в ряде случаев определить технологию визуально, без специальных средств. Недостатком метода является ограниченное количество получаемых технологических сведений.

вывод о том, что схема наварки или варки стального лезвия была доминирующей в производстве новгородских топоров (*Колчин*, 1959. С. 29). Интересные наблюдения были сделаны исследователями при изучении топоров из коллекций памятников Белозерья (более 40 универсальных орудий): выразительные материалы селищ и некрополей, расположенных на волоках, продемонстрировали отсутствие здесь топоров с наваренным лезвием на протяжении конца X – первой половины XIII в. (*Завьялов и др.*, 2012. С. 179). Универсальные топоры центра Северо-Восточной Руси также оказывались в поле зрения специалистов. Аналитические данные по немногочисленным образцам (Суздаль – 1 экз., Ярополч Залесский – 3 экз., Семьинское городище – 2 экз., Михайловский могильник – 1 экз.; Владимирские курганы – 1 экз.; всего 8 экз.) были опубликованы (*Колчин*, 1953. С. 105, 106; *Завьялов и др.*, 2012. С. 201, 206, 209, 212, 223) (табл. 1).

Таблица 1. Сводка опубликованных данных по топорам центра Северо-Восточной Руси (по: *Колчин*, 1953; *Завьялов и др.*, 2012)

Памятник, датировка изученных топоров	Технологические схемы изготовления топоров				Всего
	Целиком из железа	Целиком из стали	Вварка	Наварка	
Михайловский могильник, IX–Xвв.		1			1
Владимирские курганы, X–XIIвв.		1			1
Суздаль, X–XIII вв.		1			1
Ярополч-Залесский, XII–XIIIвв.		1	1	1	3
Семьинское городище, XII – первая половина XIVв.	1		1		2
Всего	1	4	2	1	8

В последнее время банк аналитических данных по топорам Волго-Клязьминского междуречья и прилегающих районов пополнен результатами микроструктурного изучения трех топоров из коллекций сельских поселений (селище Весь 5 – 2 экз., селище Яковлевское 3 – 1 экз.) и десяти топоров из коллекции курганов западной части Костромского Поволжья (рис. 1). На основании имеющихся данных стало возможным охарактеризовать технологию изготовления топоров, бытовавших в указанном регионе в IX–XIV вв. Следует отметить, что изученные топоры из Костромских курганов были найдены в ходе масштабных исследований XIX в., и к настоящему времени связать их с конкретным курганным могильником не представляется возможным. Коллекции селищ Весь 5 и Яковлевское 3 были получены в результате современных археологических исследований. Селище Весь 5 в Суздальском Ополье изучалось в 2004, 2006, 2009 гг. Суздальской археологической экспедицией ИА РАН под руководством академика РАН Н. А. Макарова (*Макаров*, 2008. С. 12, 13; Русь..., 2012. С. 206, 207). Археологические исследования на селище Яковлевское 3 в Угличском Поволжье с 2010 г. проводит археологическая экспедиция Ярославского государственного университета под руководством В. В. Праздникова (*Праздников, Пакин*, 2014).

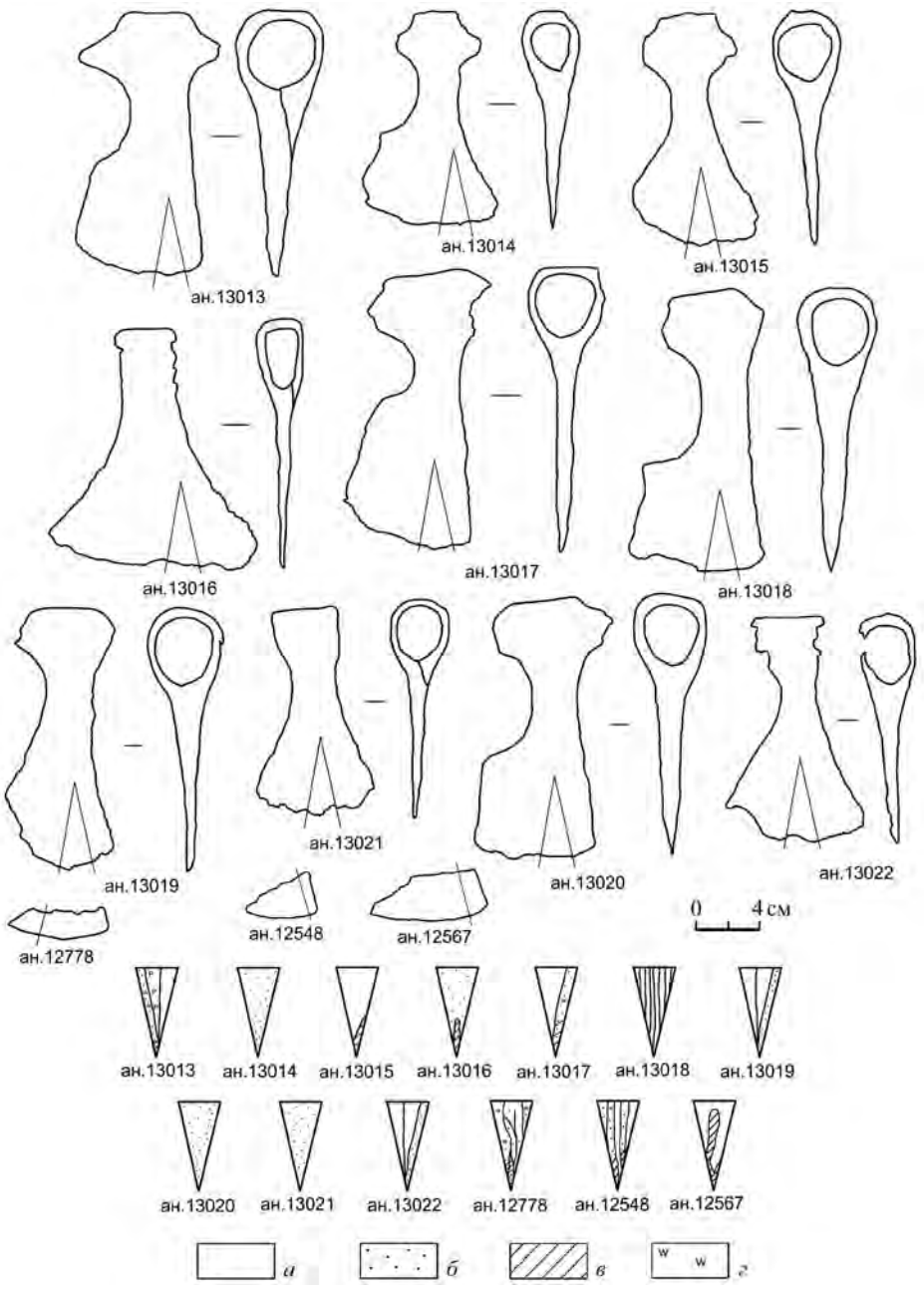


Рис. 1. Внешний вид и технология изготовления топоров из курганов западной части Костромского Поволжья и селищ Весь 5, Яковлевское 3

Ан. 13013–13022 – Костромское Поволжье; ан. 12778 – Яковлевское 3; ан. 12548, 12567 – Весь 5

Условные обозначения: *а* – железо; *б* – сталь; *в* – термообработанная сталь; *г* – видманштетт (структура перегретого металла)

Два топора, относящиеся к одному из периодов функционирования селища Весь 5 – IX–X вв. или второй половине XII – XIII в. (*Макаров*, 2008. С. 12), продемонстрировали разные технологические схемы (рис.1): изготовление по схеме пакетирования и V-образной наварки. Топор XII–XIII вв. из коллекции селища Яковлевское 3 был выполнен по схеме пакетирования с выводом стальной полосы на острие (рис. 1). Из десяти топоров XII–XIII вв., происходящих из коллекции курганов Костромского Поволжья, на половине зафиксирована схема наварки, еще на одном топоре – вварки, целиком из стали было отковано три топора, по схеме пакетирования – один (рис. 1).

На основании результатов изучения 16 топоров, хронологически укладывающихся в рамки XII – первой половины XIV в., представляется возможным выделить доминирующую в это время в центре Северо-Восточной Руси технологию изготовления этих орудий. Из прилагаемого графика (рис. 2) видно, что количественно преобладают схемы, основанные на соединении стального лезвия с основой топора путем кузнечной сварки. Среди последних доминирует технология наварки.

Интересный результат дает сопоставление графиков распределения схем в хронологических рамках XII – первой половины XIV в. и в более широких рамках IX – первой половины XIV в. (рис. 2). Выясняется, что при рассмотрении всей совокупности материалов, укладывающейся в хронологические рамки IX – первой половины XIV в., преобладающими при изготовлении топоров будут простые схемы: ковка целиком из железа, сырцовой стали или изготовление путем пакетирования металла. Разница в соотношении технологических схем изготовления топоров XII – первой половины XIV в. и IX – первой половины XIV в. обусловлена характеристиками изделий, рамки бытования которых частично или полностью совпадают с периодом IX–XI вв. Из пяти таких топоров три откованы целиком из стали, один из пакетированного металла, еще один имел наваренное лезвие. Это позволяет нам предположить, что технологическая простота свойственна в большей мере изделиям, возможно, бытовавшим в IX–XI вв.

Приведенные графики свидетельствуют, что доминирование наварки и вварки при изготовлении топоров имело место с XII в. Схема наварки лезвия на средневековых топорах изучаемого региона вряд ли могла получить распространение прежде, чем она распространилась на ножах, т. е. ранее конца XI – начала XII в. (*Щербаков*, 2014. С. 37). Такое предположение основывается на том, что и ножи, и топоры представляют собой орудия, лезвие которых должно было иметь стойкую заточку и достаточную прочность. Использование наварки для получения орудия с требуемыми эксплуатационными характеристиками уместно в обоих случаях. Распространение технологической схемы наварки при производстве орудий с высокими требованиями к качеству лезвийной части примерно в одно время представляется нам вероятным. Это справедливо не только в отношении ножей и топоров, но и сельскохозяйственного инвентаря (серпов и кос)[2].

Имеющиеся материалы позволяют соотнести форму изученных топоров с технологией их изготовления. Представление о морфологии орудий дают материалы Владимирских и Костромских курганов.

[2] Материалы готовятся нами к публикации.

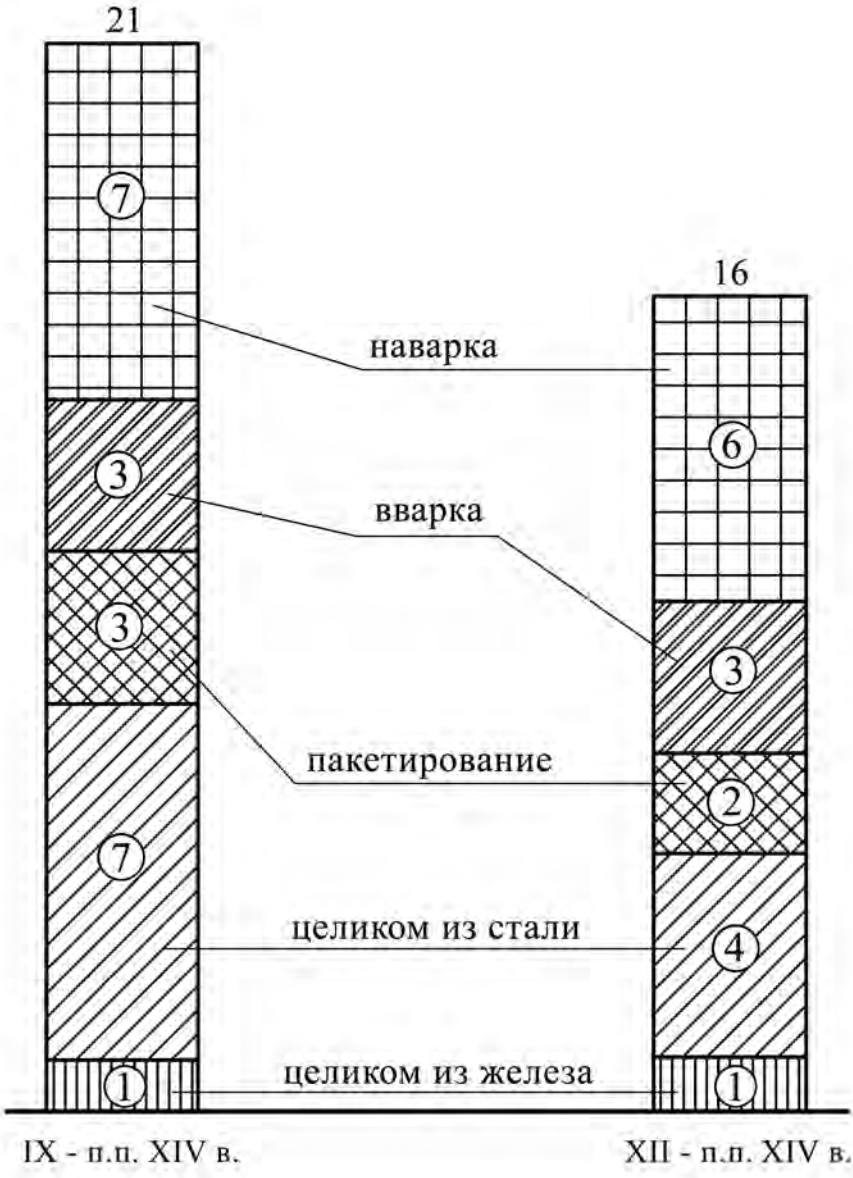


Рис. 2. Количественное соотношение технологических схем, использовавшихся при изготовлении топоров

Изученные металлографически экземпляры делятся на две морфологические группы: к первой относятся шесть предметов (Владимирские курганы – 1 экз., Костромские – 5 экз.), топоры подобного облика в литературе характеризуются как «бородовидные», «с оттянутым книзу лезвием» (*Кирпичников*, 1966. С. 38). Орудия имеют широкое массивное опущенное лезвие с выемкой. Более

дробного деления в нашем случае не наблюдается. Топоры этой группы имеют округлый обух, овальное или округлое проушное отверстие и две пары щекавиц. В качестве аналогий топорам первой морфологической группы мы рассматриваем топоры шестого типа, по А. Н. Кирпичникову, датируемые им X–XII вв. (*Кирпичников*, 1966. С. 30, 38. Рис. 6), в пределах X–XII вв. датирует топоры с опущенным лезвием Б. А. Колчин (1982. С. 163). С учетом приведенных аналогий и общей хронологии Костромских курганов, разработанной Е. А. Рябининым (1986. С. 91, 94), топоры такого облика могут быть датированы в пределах XII в. Изученные нами топоры первой морфологической группы изготовлены целиком из стали (три случая), из пакетированного металла (один случай) и по схеме наварки стальной полосы (два случая).

Во вторую группу объединены четыре топора с клиновидным лезвием без выемки, с округлым обухом и круглым или овальным проушным отверстием. Два топора имеют по две пары щекавиц, еще у двух экземпляров щекавиц нет. Орудия с двумя парами щекавиц схожи с топорами переходной формы из Новгорода (по Б. А. Колчину), которые датируются XIII в. (*Колчин*, 1959. С. 25, 27. Рис. 10). А. Н. Кирпичников выделяет орудия такой формы с двумя парами щекавиц в тип VII и датирует X–XIII вв., правда, костромские топоры по внешнему виду можно отнести к поздним вариантам этого типа XI–XII и XII– XIII вв. (*Кирпичников*, 1966. С. 30, 38. Рис. 6). Топоры этой группы без щекавиц аналогичны новгородским топорам типа II, бытовавшим на протяжении XIII–XIV вв. (*Колчин*, 1982. С. 163). В технологическом отношении вторая группа топоров более однородна: три изделия имели наварное лезвие, один топор без щекавиц был выполнен целиком из сырцовой стали.

Форма еще одного топора, имеющего уплощенный обух и подтреугольное проушное отверстие, не позволила нам включить его в одну из описанных выше морфологических групп. Отметим, что такая форма проуха характеризует новгородские топоры начиная с XIV в. (*Колчин*, 1959. С. 26, 27, 30. Рис. 10, 12; 1982. С. 163). Технология изготовления этого топора не уникальна: стальное лезвие вварено в основу из сырцовой стали.

Соотнесение формы топоров с технологией их изготовления позволяет отметить преобладание технологически простых изделий (целиком из стали и из пакетированного металла) в первой морфологической группе. Иная картина наблюдается во второй морфологической группе: можно предварительно отметить тенденцию к сочетанию клиновидного лезвия без выемки со схемой наварки стальной полосы на основу топора. В данном случае следует обратить внимание на некоторую разновременность выделенных на ограниченном материале морфологических групп, первая из которых, вероятно, датируется в пределах XII в., а вторая – XII–XIII вв.

Относительно использования термической обработки при изготовлении топоров отметим следующее: термообработке подвергнуты четыре топора с наваренным и один топор с вваренным лезвием, два пакетированных топора из 13 изученных нами[3].

[3] Для характеристики по данному признаку опубликованные другими авторами топоры не использовались.

Для трех топоров (рис. 1), дополнительно подвергнутых макротравлению 25 % раствором соляной кислоты, удалось установить способ конструирования проушного отверстия – полоса металла была согнута на оправке и сварена у основания проуха.

Таким образом, технологическое изучение топоров из коллекций средневековых памятников центральных районов Северо-Восточной Руси позволило установить способ формовки топора и набор технологических схем, использовавшихся при изготовлении орудий в разное время. Для периода до XII в., вероятно, характерно преобладание простых конструкций (изготовление целиком из железа и стали, пакетирование), в XII – первой половине XIV в. доминируют сварные конструкции. Кроме того, удалось наметить возможное сочетание «бородовидной», с «оттянутым книзу лезвием» формы топора (первая морфологическая группа) преимущественно с простыми технологическими схемами и клиновидной без выемки формы топора (вторая морфологическая группа) с технологией наварки стальной полосы. Полученная информация о времени распространения схемы наварки при изготовлении топоров с конца XI – XII в. в ряде случаев позволит реализовать датирующий потенциал даже фрагментированных топоров, форму которых определить затруднительно.

ЛИТЕРАТУРА

Завьялов В. И., 1987. Деревообрабатывающий инструментарий прикамских племен // Новые археологические исследования на территории Урала / Ред. Р. Д. Голдина и др. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т. С. 156–161.

Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н., 2012. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М.: Анкил. 376 с.

Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука. 181 с. (САИ; Вып. Е1–36.)

Колчин Б. А., 1953. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. М.: АН СССР. 259 с. (МИА; № 32.)

Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. Труды новгородской археологической экспедиции. Т. II. М.: АН СССР. С. 7–119. (МИА; № 65.)

Колчин Б. А., 1982. Хронология Новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Ред. Б. А. Колчин, В. Л. Янин. М.: Наука. С. 156–177.

Культура Биляра…, 1985 – Болгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / Отв. ред. А. Х. Халиков. М.: Наука. 215 с.

Макаров Н. А., 2008. Средневековое расселение в Суздальском Ополье: новые результаты и перспективы исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара / Ред. Н. А. Макаров и др.; сост. С. В. Шполянский. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 3–22.

Праздников В. В., Пакин А. А., 2014. Селище 3 у д. Яковлевское Угличского района: результаты первых исследований // Археология: история и перспективы: Шестая межрегиональная конференция: Сб. ст. / Под ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль; Рыбинск: Рыбинский Дом печати. С. 59–66.

Розанова Л. С., 1994. К вопросу о технических приемах изготовления железных изделий из Старой Ладоги в докняжеский период // Новгородские археологические чтения: Мат-алы науч. конф., посвящ. 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рожд. основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского (Новгород, 28 сент. – 2 окт. 1992 г.) / Под ред. В. Л. Янина, П. Г. Гайдукова. Новгород. С. 175–179.

Русь..., 2012 – Русь в IX–X вв.: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности севера. 496 с.

Рябинин Е. А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука. 159 с.

Семыкин Ю. А., 1996. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ. С. 89–153.

Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М., 1997. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. Москва: Металлургия. 318 с.

Щербаков В. Л., 2014. О технологии древнерусских кузнечных изделий (по материалам селищ Суздальского Ополья) // РА. № 1. С. 32–39.

Сведения об авторе.

Щербаков Виталий Леонидович, Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, пр. Мира, 7, Кострома, 156000, Россия; e-mail: Scherbakov-V-L@yandex.ru.

V. L. Shcherbakov

Technology used for manufacturing working axes in the centre of North-Eastern Rus

Abstract. The technology used for manufacturing working axes of the 9th–14th centuries in the collections from archaeological sites in the central areas of North-Eastern Rus has been studied to a lesser extent than that used for axes from neighbouring regions. The published results of the metallographic analysis of eight axes are supplemented here by data from a further 13 specimens. Drawing on the results of metallographic analysis of axes, it has proved possible to shed light on features of the technology used for manufacturing tools of this kind in the central areas of North-Eastern Rus in the 9th–14th centuries.

Keywords: North-Eastern Rus, metallography, axes, technology of manufacture.

REFERENCES

Kirpichnikov A. N., 1966. Drevnerusskoe oruzhie [Medieval Russian weapons], 2: Kop'ya, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteni IX–XIII vv. [Spearheads, javelins, battle axes, maceheads, bludgeons of IX–XIII cc.]. Moscow; Leningrad: Nauka. 181 p. (SAI).

Kolchin B. A., 1953. Chernaya metallurgiya i metalloobrabotka v drevney Rusi [Ferrous metallurgy and metalworking in medieval Rus]. Moscow: AN SSSR. 259 p. (MIA, 32).

Kolchin B. A., 1959. Zhelezoobrabatyvayushchee remeslo Novgoroda Velikogo [Ironworking craft of Novgorod the Great]. *Trudy novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Transactions of Novgorod archaeological expedition]*, II. Moscow: AN USSR, pp. 7–119. (MIA, 65).

Kolchin B. A., 1982. Khronologiya Novgorodskikh drevnostey [Chronology of Novgorod antiquities]. *Novgorodskiy sbornik. 50 let raskopok Novgoroda [Novgorod annual. 50 years of excavations in Novgorod]*. B. A. Kolchin, V. L. Yanin, eds. Moscow: Nauka, pp. 156–177.

Kul'tura Bilyara..., 1985 – Kul'tura Bilyara. Bolgarskie orudiya truda i oruzhie X–XIII vv. [Culture of Bilyar. Bulgarian tools and weapons of X–XIII cc.]. A. Kh. Khalikov, ed. Moscow: Nauka. 215 p.

Makarov N. A., 2008. Srednevekovoe rasselenie v Suzdal'skom Opol'e: novye rezul'taty i perspektivy issledovaniy [Medieval settlement in Suzdal Field region: new results and perspectives of research-

es]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Vladimir-Suzdal land: proceedings of scientific seminar]*, 2. Moscow: IA RAN, pp. 3–22.

Prazdnikov V. V., Pakin A. A., 2014. Selishche 3 u d. Yakovlevskoe Uglichskogo rayona: rezul'taty pervykh issledovaniy [Open settlement 3 near village y d. Yakovlevskoe, Uglich district: results of first researches]. *Arkheologiya: istoriya i perspektivy: Shestaya mezhregional'naya konferentsiya: sbornik statey [Archaeology: history and perspectives: Sixth inter-regional conference: collection of articles]*. A. E. Leont'ev, ed. Yaroslavl'; Rybinsk: Rybinskiy Dom pechati, pp. 59–66.

Rozanova L. S., 1994. K voprosu o tekhnicheskikh priemakh izgotovleniya zheleznykh izdeliy iz Staroy Ladogi v doknyazheskiy period [On problem of technical modes of producing iron artefacts from Staraya Ladoga in pre-princely period]. *Novgorodskie arkheologicheskie chteniya: materialy nauchnoy konferentsii [Novgorod archaeological readings: proceedings of scientific conference]*. V. L. Yanin, P. G. Gaydukov, eds. Novgorod, pp. 175–179.

Rus'..., 2012 – Rus' v IX–X vv.: arkheologicheskaya panorama [Rus in IX–X cc.: archaeological panorama]. N. A. Makarov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti severa. 496 p.

Ryabinin E. A., 1986. Kostromskoe Povolzh'e v epokhu srednevekov'ya [Kostroma zone of Volga region in Middle Ages]. Leningrad: Nauka. 159 p.

Semykin Yu. A., 1996. Chernaya metallurgiya i metalloobrabotka na Bolgarskom gorodishche [Ferrous metallurgy and metalworking at Bolgar fortified settlement]. *Gorod Bolgar: remeslo metallurgov, kuznetsov, liteyshchikov [Bolgar city: craft of metallurgists, blacksmiths, founders]*. G. A. Fedorov-Davydov, ed. Kazan': Institut yazyka, literatury i iskusstva, pp. 89–153.

Shcherbakov V. L., 2014. O tekhnologii drevnerusskikh kuznechnykh izdeliy (po materialam selishch Suzdal'skogo Opol'ya) [On technology of Ancient Russian forged objects (based on materials from open settlements of Suzdal Field region)]. *RA*, 1, pp. 32–39.

Terekhova N. N., Rozanova L. S., Zav'yalov V. I., Tolmacheva M. M., 1997. Ocherki po istorii drevney zhelezoobrabotki v Vostochnoy Evrope [Essays on history of ancient ironworking in Eastern Europe]. Moscow: Metallurgiya. 318 p.

Zav'yalov V. I., 1987. Derevoobrabatyvayushchiy instrumentariy prikamskikh plemen [Wood-working instruments of Kama tribes]. *Novye arkheologicheskie issledovaniya na territorii Urala [New archaeological investigations in the territory of Urals]*. Izhevsk: Udmurtskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 156–161.

Zav'yalov V. I., Rozanova L. S., Terekhova N. N., 2012. Traditsii i innovatsii v proizvodstvennoy kul'ture Severnoy Rusi [Traditions and innovations in the production culture of Northern Rus]. Moscow: Ankil. 376 p.

About the author.

Shcherbakov Vitaliy L., Kostroma History and Architecture Museum-Reserve, Pr. Mira, 7, Kostroma, 156000, Russian Federation; e-mail: Scherbakov-V-L@yandex.ru.

В. И. Завьялов, Н. Н. Терехова

К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОЙ ИНДУСТРИИ НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ
(ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

К 90-летию Леонида Романовича Кызласова

Резюме. На основании археометаллографических данных сделан вывод о том, что в истории железной индустрии в Минусинской котловине ключевыми являются два инновационных фактора. Первый (V–III вв. до н. э.) отмечен появлением железных артефактов, привнесенных в местную среду пришлым населением. Однако это не послужило толчком к возникновению самостоятельного железообрабатывающего производства. Второй фактор (II в. до н. э. – I в. н. э.) маркирует начало местного железопроизводства под влиянием пришлых мастеров, которые внедрили опыт производства и обработки черного металла.

Ключевые слова: тагарская культура, тесинский этап, археометаллография, железная индустрия, артефакты, биметаллические кинжалы.

Леонид Романович Кызласов был инициатором изучения черного металла Южной Сибири с привлечением метода археологической металлографии. В начале 70-х гг. прошлого века эта тема была поручена аспиранту лаборатории естественнонаучных методов Института археологии Хоангу Ван Кхоану (Демократическая Республика Вьетнам). В 1974 г. им была защищена диссертация: «Черная металлургия и металлообработка в Южной Сибири от начала железного века до монгольской эпохи». Результаты проделанной работы не опубликованы в полной мере, а такой важный вопрос, как происхождение железной индустрии, вообще не был затронут. В начале 2000-х гг. к нам обратился Л. Р. Кызласов (научный куратор Хоанга Ван Кхоана) с просьбой вновь вернуться к этой теме на основе архивных данных, хранящихся в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН.

К сожалению, при жизни Леонида Романовича эта работа не была осуществлена. Выполняя просьбу Л. Р. Кызласова и опираясь на активную поддержку Игоря Леонидовича Кызласова, мы сочли возможным рассмотреть южносибирские материалы на новом методическом уровне. При этом ставились задачи, не нашедшие отражения в работах Хоанга Ван Кхоана, такие как: время зарождения местной железообработки, истоки происхождения черной металлур-

гии на территории Южной Сибири, культурно-исторические контакты народов Южной Сибири в производственной сфере. Вновь обратиться к южносибирским материалам нам позволило значительное увеличение за прошедшие десятилетия банка сравнительных аналитических данных по материалам из памятников на территории Евразии и совершенствование методики археометаллографического исследования.

Появление первых железных предметов на памятниках Среднего Енисея связывают с тагарской археологической культурой. С. В. Киселёв, Л. Р. Кызласов, М. А. Дэвлет считают, что черная металлургия у тагарских племен появляется одновременно с первыми изделиями из железа, и относят это к V–III вв. до н. э.

Непосредственно проблеме развития черной металлургии в Хакасско-Минусинской котловине посвящена монография Я. И. Сунчугашева (1979). Автором предприняты широкомасштабные археологические разведки и раскопки соответствующих объектов. Однако в результате этих работ, как отмечает автор, «в Минусинском крае не удалось найти железоплавильни тагарского времени» (*Сунчугашев*, 1979. С. 20).

На основании типологического анализа Н. Л. Членова приходит к выводу, что первые изделия из железа на памятниках тагарской культуры представляли собой импорты с территории ахеменидского Ирана. Начало местного производства черного металла исследователь связывает с проникновением в Южную Сибирь нового – таштыкского – населения в конце I тыс. до н. э. (*Членова*, 1992. С. 222).

Привлечение технологических характеристик готовой продукции, основанных на археометаллографических данных, в определенной степени может помочь в решении проблемы становления местной железной индустрии. Известно, что в истории освоения человеком железа выделяются основные этапы – стадии, связанные с открытием различных способов обработки черных металлов. Переход на новый уровень сопряжен с длительным (многовековым) предшествующим опытом. В случаях, когда наблюдается появление вещей, изготовленных в технологиях, отражающих развитую стадию производства, можно говорить о происхождении предметов из центров железообработки, уже прошедших ряд уровней овладения новым металлом.

Первые металлографические анализы железных предметов из Минусинской котловины – четыре ножа и кинжал – были выполнены сотрудником Московского института стали и сплавов А. В. Королёвым в 1955 г. и опубликованы Ю. С. Гришиным (1960. С. 181). Предметы отнесены Ю. С. Гришиным к скифо-тагарскому времени. Основной вывод аналитика сводился к тому, что «металл ковался не из литого состояния» и у одного ножа «наблюдается цементированный слой у поверхности» (Там же. С. 204).

К большому сожалению, и с чисто археологической, и с археометаллографической точки зрения, приведенные аналитические данные малоинформативны. Прежде всего, отсутствуют ссылки на паспорт конкретного предмета (дата, место находки, археологический контекст) и тем более на его изображение. Автор анализов явно не был знаком с методикой металлографического исследования археологического (сыродутного) железа. Как показало многолетнее изучение древнего металла, для реконструкции технологии изготовлении артефакта необходим подробный анализ структуры металла (структурные

составляющие, размер зерна, характеристика шлаковых включений, наличие и распределение углерода, данные о микротвердости структурных составляющих), выявление и характеристика сварных швов (*Завьялов, Терехова*, 2013. С. 33). При этом анализы должны сопровождаться подробной документацией (графическое изображение технологической схемы в масштабе, фотографии микроструктур).

Есть замечания и по хронологии исследованных предметов. К тагарской культуре Ю. С. Гришиным отнесены кольчатые ножи, хотя эти орудия были распространены на переходном – тесинском – этапе от тагарской к таштыкской культуре, который по последним данным датируется II в. до н. э. – I в. н. э. (*Савинов*, 2009. С. 80; *Членова*, 1967. С. 167).

Таким образом, перед нами часто встречающийся факт, когда аналитик и археолог не смогли выработать единый подход к изучению древних изделий – аналитик не понял задач, которые стоят перед археологией, а археолог не сумел сформулировать эти задачи и интерпретировать полученные результаты.

Впервые массовым археометаллографическим исследованиям железных предметов из южносибирских памятников, как уже отмечалось, была посвящена работа аспиранта Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР Хоанга Ван Кхоана (1974а; 1974б). В коллекции 191 предмет середины I тыс. до н. э. – середины II тыс. н. э.

Напомним основные выводы Хоанга Ван Кхоана. Из орудий, датированных тагарским временем и относящихся к V–III вв. до н. э., исследовано восемь предметов (два ножа и шесть кинжалов). Как следует из аналитических данных, основная технология изготовления ножей в это время – ковка из сырцовой стали (*Хоанг*, 1974б. С. 111). Кинжалы (рис. 1–2) откованы или целиком из стали (один экземпляр из сырцовой стали, другой – из цементованной стали), или с использованием приема цементации (*Хоанг*, 1974а. С. 22). Один кинжал (ан. 200)[1] подвергнут резкой закалке. Клинок кинжала из сырцовой стали был обмеднен (ан. 199). Таким образом, можно констатировать, что в технологическом плане все шесть исследованных кинжалов демонстрируют развитый уровень технологии железообработки. Приемы изготовления ножей, как и их форма, были просты.

В конце 70-х гг. XX в. к проблеме освоения железа в Минусинской котловине обратился Н. М. Зиняков (1980. С. 66–73). Автором металлографически исследовано 29 предметов раннего железного века, из них семь датированы V–III вв. до н. э. На основании микроструктурного исследования кинжалов-акинаков тагарского времени Н. М. Зиняков приходит к выводу, что характерной особенностью железобрабатывающего производства в это время «является многочисленное производство стальных изделий» (Там же. С. 70), на основании чего автор заключает: «Проведенные технологические исследования тагарского металла не фиксируют начального этапа обработки железа. По всей вероятности, железо, а также определенные эмпирические знания о нем проникали на Средний Енисей от народа, достигшего к тому времени значительных успехов в технике

[1] Нумерация анализов приводится в соответствии с описанием в Приложении к диссертации Хоанга Ван Кхоана (Архив ИА РАН, Р-2, № 2210).

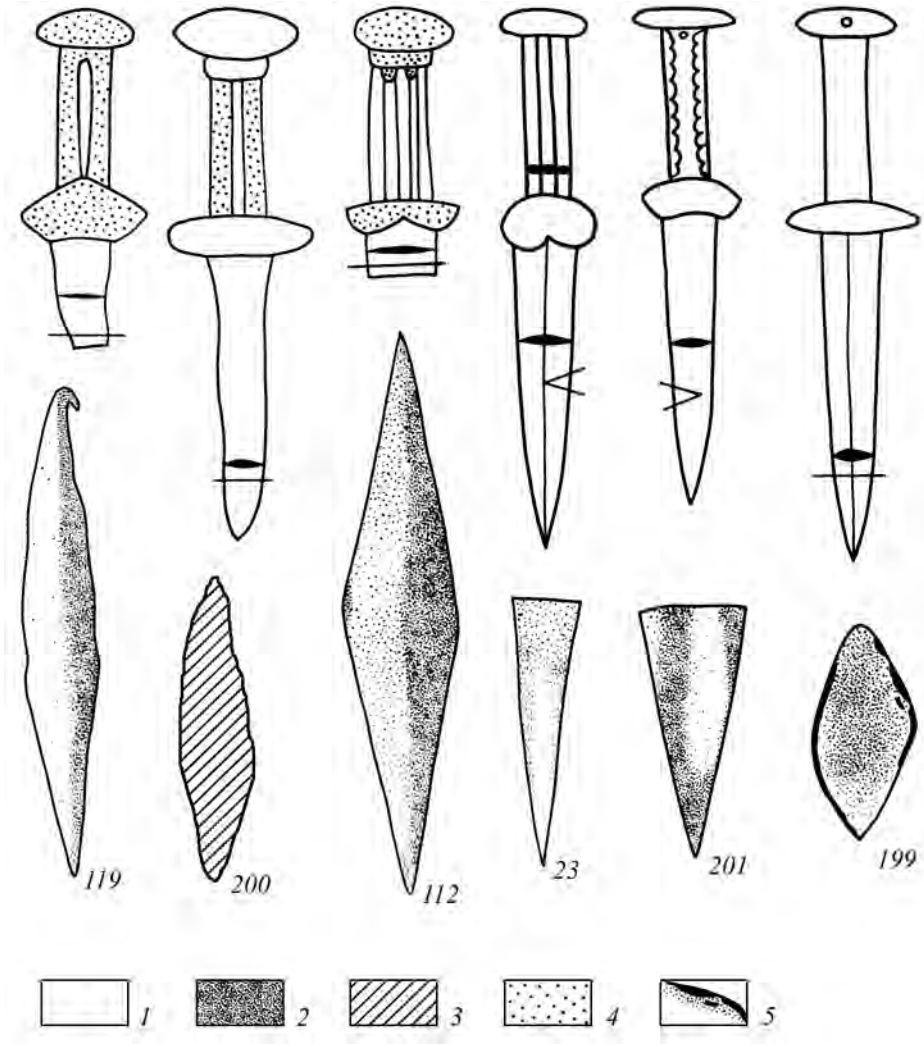


Рис. 1. Кинжалы тагарского времени и технологические схемы их изготовления

1 – железо; *2* – сталь; *3* – термообработанная сталь; *4* – бронза; *5* – покрытие бронзой

добычи и обработки железа» (*Зиняков*, 1980. С. 73). Однако, остановившись на этом важном выводе, исследователь не предпринял попыток определить возможный источник технологических знаний.

К сожалению, выводы Н. М. Зинякова невозможно использовать для сравнительного анализа: они не подкреплены описанием анализов со ссылкой на конкретный предмет; отсутствуют металлографические характеристики: структурные составляющие, их микротвердость, степень загрязненности металла шлаковыми включениями; автор путает такие понятия, как конструктивная и технологическая схема (Там же. С. 69).

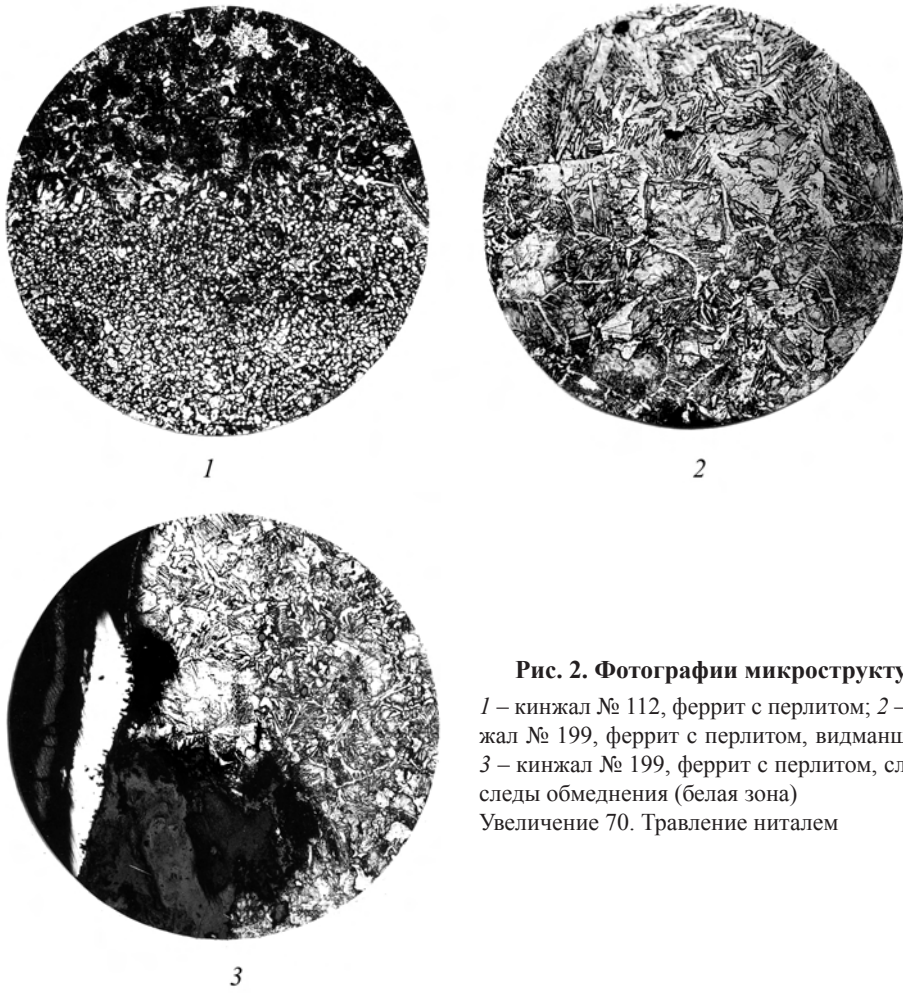


Рис. 2. Фотографии микроструктур

1 – кинжал № 112, феррит с перлитом; *2* – кинжал № 199, феррит с перлитом, видманштетт; *3* – кинжал № 199, феррит с перлитом, слева – следы обмеднения (белая зона)
Увеличение 70. Травление ниталем

Попробуем оценить приведенные выше результаты на фоне известных этапов истории развития железной индустрии. Использование приема цементации маркирует целенаправленное производство стали (цементованая сталь), в отличие от стали, полученной непреднамеренно при металлургическом процессе (сырцовая сталь). Сложный и трудоемкий процесс цементации предполагает выдержку железных предметов или заготовок в углеродосодержащей среде в течение длительного времени при высокой температуре (порядка 900°С) (*Колчин*, 1953. С. 52; *Wheeler, Maddin*, 1980. P. 118). Другими словами, овладение приемом цементации являлось осознанием основного качества черного металла – способности повышать механические свойства за счет насыщения железа углеродом. Для раннего железного века это было эпохальным открытием. Следует отметить, что прием цементации никак не вытекает из опыта мастеров-бронзолитейщиков и может

расцениваться как второй после открытия металлургического способа получения железа революционный скачок в овладении человеком нового металла. На примере древнейших ближневосточных центров железообработки установлено, что путь к этой стадии, начиная от первых опытов по обработке черного металла, занял много сотен лет (*Pleiner*, 2000. P. 21; *Snodgrass*, 1980. P. 366; *Wheeler, Maddin*, 1980. P. 125).

Среди кинжалов-акинаков, исследованных Хоангом Ван Кхоаном, во всех случаях цементации подвергалось готовое изделие. Содержание углерода на лезвии достигало 0,8 % (твердая сталь). Обратим внимание на то, что при изготовлении двух кинжалов использован специфический прием химико-термической обработки – односторонняя цементация (ан. 112, 119). Данная операция требовала особого подхода – необходимо было предохранять от диффузии углерода одну из сторон клинка (по-видимому, покрывать глиной).

Огромным достижением в истории освоения свойств черного метала было открытие приема термической обработки. Если основываться на известных примерах технологического анализа изделий раннего железного века, то между открытием приемов цементации и термообработки существовал достаточно длительный промежуток времени (*Вознесенская*, 1975. С. 91).

При изготовлении сложных фигурных наверший кинжалов-акинаков (это относится, прежде всего, к грифоновидным навершиям) помимо искусного мастерства требовался специфический набор инструментария, в частности штампы, оправки, пуансоны. Сами эти орудия должны отличаться высокой твердостью.

Приведенные данные свидетельствуют, что изделия из черного металла, появившиеся на территории Минусинской котловины в V–III вв. до н. э., не могли быть продукцией местных мастеров, впервые познакомившихся с черным металлом. Полученный вывод подкрепляет заключение Н. Л. Членовой, основанное на типологическом анализе, об импортном характере ранних артефактов из черного металла (*Членова*, 1992. С. 214). Добавим от себя, что это была продукция развитых центров со сложившимися традициями железообработки.

По имеющимся данным, первое знакомство тагарцев с черным металлом в виде готовых изделий происходит не раннее V в. до н. э., когда в Минусинскую котловину начинают проникать отдельные группы кочевников с территории Восточного Казахстана и Алтая (саки) (*Членова*, 1967. С. 217). С их приходом, видимо, связано появление в среде тагарских племен орудий из железа. Судя по литературным данным, сакские племена познакомились с черным металлом в VIII–VI вв. до н. э. и уже во второй половине I тыс. до н. э. железо в производстве оружия у них вытесняет бронзу (*Боковенко, Заднепровский*, 1992. С. 146). К сожалению, мы не располагаем технологическими характеристиками железных предметов с территории распространения саков, однако известно, что часть сакских племен входила в орбиту влияния державы Ахеменидов (*Геродот*, III. 93) и, возможно, именно с этим связаны их достижения в освоении черного металла.

Среди тагарских материалов выделяется серия биметаллических предметов: кинжалы, чеканы, ножи. Как правило, у биметаллических орудий, представленных в коллекциях многих памятников раннего железного века, рабочая часть железная, а рукоять бронзовая. Особый интерес вызывают биметаллические кинжалы с бронзовыми клинками и сложными фигурными железными

рукоятями. В статье М. А. Дэвлет учтено девять таких предметов (1968. С. 29). Большинство артефактов представлены случайными находками. Ю. С. Гришин считал, что железо в таких орудиях заменяло высоко ценившуюся бронзу (1960. С. 181). М. А. Дэвлет высказала мнение, что, напротив, рассматриваемые орудия демонстрируют высокую ценность железа и то, что мастера еще не осознали свойств нового металла (*Дэвлет*, 1968. С. 30).

Особенностью биметаллических кинжалов с бронзовыми клинками является распространение их исключительно на территории Среднего Енисея. Стоит заметить, что у древнейших биметаллических орудий, несмотря на ценность железа (а его цена в несколько раз превосходила цену серебра – *Арешян*, 1976. С. 88), черный металл использовался исключительно для рабочих частей, к которым приливались бронзовые рукояти. В качестве примеров можно привести кинжал XIV в. до н. э. из гробницы Тутанхамона (*Pleiner*, 2000. P. 8. Fig. 1, *2*) и долотовидное орудие XVIII в. до н. э. из могильника Болдырево I (*Терехова и др.*, 1997. С. 33). Эти находки, как и большинство биметаллических орудий с железными клинками, свидетельствуют, что уже на ранней стадии освоения черного металла мастера быстро осознали его физические преимущества перед бронзой и использовали при изготовлении рабочих частей предметов, оставляя бронзе декоративные функции.

На примере одного биметаллического кинжала с бронзовым клинком и железной рукоятью из собрания ГИМ (№ 36518, Оп. Б. 1464/8)[2], осмотренного нами, мы можем предположительно восстановить технологию его изготовления. Рукоять кинжала представлена плоской железной прямоугольной в сечении пластиной, входящей в бронзовый клинок (цв. рис. 3: с. 334). Навершие не сохранилось, в верхней части рукоять имеет с двух сторон расширение, что, возможно, свидетельствует о фигурном оформлении навершия. У рассматриваемого экземпляра бронзовый клинок обломан примерно наполовину. В сломе железо не просматривается. Из этого можно сделать вывод, что железный стержень, к которому приливался клинок, не доходил до середины клинка. Соединение клинка с рукоятью очень прочное, хотя сама отливка небрежная, грань между перекрестием и клинком нечеткая, перекрестие почковидное, составляет с клинком одно целое. Вдоль клинка проходит ребро жесткости, заходящее на перекрестие.

Не исключено, что биметаллические кинжалы с бронзовыми клинками представляют уникальный технологический прием ремонта сломанных или сточенных железных клинков. Отметим, что большинство биметаллических кинжалов с бронзовыми клинками имело фигурные рукояти с грифоновидными навершиями (*Дэвлет*, 1968. С. 30). Как отмечалось выше, сложная технология изготовления железных кинжалов не позволяет связывать их с продукцией местных мастеров, только недавно познакомившихся с новым металлом. По всей видимости, железные орудия с фигурными рукоятями поступали из развитых металлургических центров. Несомненно, импортные изделия обладали высокой ценностью. В случае поломки или сильного стачивания клинка рукоять исполь-

[2] В статье М. А. Дэвлет этот кинжал значится под номером: Бирское, № 4939 (1968. Рис. 1, *7*)

зовали вторично: к сохранившейся части кинжала приливали бронзовый клинок. О присутствии внутри бронзовых кинжалов железных стержней говорил и Д. Клеменц (1886. С. 63).

Следует отметить, что в упомянутой группе биметаллических кинжалов не все предметы имели действительно бронзовый клинок. Из рассматриваемых предметов выделяются три кинжала, клинки которых были цельножелезными, но «облитыми тонким слоем бронзы», по словам Н. Л. Членовой (1967. С. 23). Таким образом, эти клинки нельзя считать бронзовыми. Судя по этнографическим данным, которые приводит Б. А. Колчин, покрытие железа цветными металлами было чрезвычайно сложной операцией. Для того чтобы получить покрытую бронзой поверхность, железный предмет «травили в кислоте, затем обсыпали медными опилками и обмазывали густым глиняным тестом. После того, как тесто подсыхало, весь комок клали в горн и раздували огонь. Через некоторое время ком вынимали, глину разбивали и получали обмедненный предмет» (*Колчин*, 1953. С. 182).

Металлографические данные подтверждают использование приема обмеднения железных клинков кинжалов-акинаков из Минусинской котловины. Так, при микроскопическом изучении образца № 199, взятого с полного поперечного сечения клинка, по периметру шлифа обнаружен тонкий слой цветного металла (рис. 2, *3*). Сам клинок откован из сырцовой малоуглеродистой стали и сохранил структуру видманштетта, которая связана с перегревом металла. Перегрев мог возникнуть в процессе обмеднения клинка. Использование подобного приема – лишнее свидетельство того, что мы имеем дело с продукцией высокоразвитых железообрабатывающих центров.

Суммируя все имеющиеся на сегодняшний день данные по тагарскому периоду, мы можем констатировать следующее.

- В тагарское время железо было крайне редким металлом. По подсчетам Н. Л. Членовой, железные артефакты составляют меньше 1 % (55 железных и биметаллических орудий на 6000 бронзовых) от всех металлических орудий (*Членова*, 1992. С. 221, 222)[3]. Ограничен категориальный состав железных предметов – железный инвентарь представлен всего тремя-четырьмя категориями.
- На сегодняшний день нет обоснованных доказательств существования в Южной Сибири в тагарское время местной черной металлургии.
- Железо во второй половине I тыс. до н. э. поступало в Южную Сибирь в виде готовых изделий, что знаменовало начало знакомства местного населения с новым металлом.

Принципиально важным в истории развития культур народов Южной Сибири является переходное время от тагарской к таштыкской культуре (II в. до н. э. – I в. н. э.). С. В. Киселёв вслед за С. А. Теплоуховым отнес этот период

[3] Следует подчеркнуть, что за последние сорок лет, несмотря на интенсивные археологические работы на памятниках I тыс. до н. э. в Южной Сибири, в ходе которых были сделаны замечательные открытия в области материальной культуры (*Кирюшин, Тишкин*, 1997. С. 23–30; *Полосьмак*, 2001; *Чугунов*, 2009), коллекция железных предметов существенно не увеличилась.

к переходной III стадии тагарской культуры (*Киселёв*, 1951. С. 276–285). В последнее время, благодаря широкомасштабным спасательным археологическим раскопкам на Енисее в 70–90-х гг. XX в. и накоплению нового материала, выделенный С. А. Теплоуховым и С. В. Киселёвым III период тагарской культуры получил название «тесинский этап» (*Вадецкая*, 1999. С. 133; *Пшеницына*, 1975; *Савинов*, 2009. С. 4). Наиболее подробно этот этап охарактеризован в работе Д. Г. Савинова «Минусинская провинция хунну» (2009). Главная отличительная черта тесинского этапа в археологическом плане – распространение на территории Южной Сибири нового типа погребальных памятников – грунтовых могильников. Основной предметный комплекс из грунтовых могильников составляют изделия из железа (ножи, пряжки, кольца, шилья), в то время как в подкурганных склепах, отождествляемых с позднетагарским населением, преобладают бронзовые предметы. Ведущие категории железных предметов (ножи с кольчатым навершием, пряжки с 8-образной формой рамки и подвижным язычком, железные трехлопастные наконечники стрел) не имеют типологических предшественников в тагарской культуре (*Савинов*, 2009. С. 73, 74). Похожая ситуация складывается и в соседних с Минусинской котловиной регионах – в Туве и на Алтае.

По мнению большинства авторов, происходящие изменения связаны с приходом нового населения. Считается, что население это не было моноэтничным (*Кызласов*, 1979. С. 8; *Пшеницына*, 1979. С. 89). Как полагает Э. В. Вадецкая, в сложении культуры тесинского этапа в Минусинской котловине основную роль играли «представители нескольких этнических групп, по той или иной причине оказавшиеся на Енисее, – хунны и китайцы из Восточного Туркестана» (*Вадецкая*, 1999. С. 192). Д. Г. Савинов считает, что «новое (тесинское) население, не будучи хуннами, обладало культурой хуннского типа» (*Савинов*, 2009. С. 102).

В контексте нашей темы особый интерес приобретает тот факт, что именно начиная с тесинского этапа фиксируется широкое распространение разнообразного железного инвентаря (Там же. С. 64). Именно с этим временем связаны хорошо документированные сыродутные горны, разрабатывается «устойчивая технология сыродутного способа получения железа из руды и обработка железа» (*Сунчугашев*, 1979. С. 27). В бассейне Среднего Енисея появляются первые ремесленные поселки, население которых занималось черной металлургией. Такое селище, датированное автором раскопок Я. И. Сунчугашевым I в. до н. э., раскопано в урочище Сагыт Минусинской котловины (Там же. С. 66, 67). На производственный характер памятника указывают остатки 12 сыродутных горнов в 150 м восточнее поселения. При археологических раскопках поселения обнаружены железные шлаки, небольшие крицы, сопла. Крупный ремесленный центр гунно-сарматского времени с остатками железоделательного производства располагался на Иволгинском городище в Забайкалье (*Давыдова*, 1995. С. 51). На тесинском этапе, по-видимому, начинает складываться своеобразный набор железных инструментов по обработке металла (*Кызласов*, 1985а; 1985б).

К сожалению, при проведении металлографического анализа Хоангом Ван Кхоаном орудия тесинского периода не рассматривались в отдельной хронологической группе, а были объединены вместе с предметами таштыкской культуры. Нам удалось из общей массы железных изделий на основании датировок,

приведенных Л. Р. Кызласовым, выделить группу артефактов II–I вв. до н. э. (всего 33 предмета), относящихся непосредственно к тесинскому этапу. В основном они представлены ножами с кольцевым навершием. По данным металлографического анализа, большинство из этих предметов откованы из сырцовой стали (17 экз.). Остальные схемы распределяются следующим образом: восемь предметов откованы из цементованной стали, три из железа, один изготовлен с применением цементации, три пакетированных и на одном обнаружена технологическая схема наварки. Анализируя имеющиеся аналитические данные, мы пришли к выводу, что технологической особенностью кузнечных изделий тесинского этапа является использование особого вида термической обработки стальных изделий – нормализации (рис. 4). Структурным выражением этой технологии является сорбитообразный перлит (такая структура обнаружена на 18 образцах) (табл.). На этом факте следует остановиться особо. Как видно из таблицы, в предшествующее время на территории Южной Сибири ни на одном предмете такая структура не зафиксирована (за исключением изделий с широкой датировкой, но обязательно включающих II в. до н. э. – I в. н. э.). Появление в Минусинской котловине изделий, рабочие свойства которых улучшены нормализацией, носит взрывной характер: они появляются сразу и в значительном количестве.

Таблица. Хронологическое распределение технологических схем изготовления железных предметов из Минусинской котловины

Хронология	Технология						Всего
	из железа	из сырцовой стали	из цементированной стали	цементация	пакетирование	наварка	
V–III вв. до н. э.				▲▲▲			3
IV–III вв. до н. э.		▲▲	●	▲			4
III–II вв. до н. э.		▲▲▲ ■					4
III–I вв. до н. э.		▲▲ ■	■■				5
II–I вв. до н. э.	▲▲▲	▲▲▲▲▲▲ ■■■■■■ ■■■■■	▲ ■■■■■■■	▲	▲▲▲	▲	33
II в. до н. э. – V вв. н. э.	▲	▲ ●		■	▲▲		6
I–V вв. н. э.		▲ ■		▲			3

Условные обозначения: ▲ – отсутствие термообработки; ■ – нормализация; ● – закалка. Выделена зона концентрации изделий, изготовленных с применением нормализации

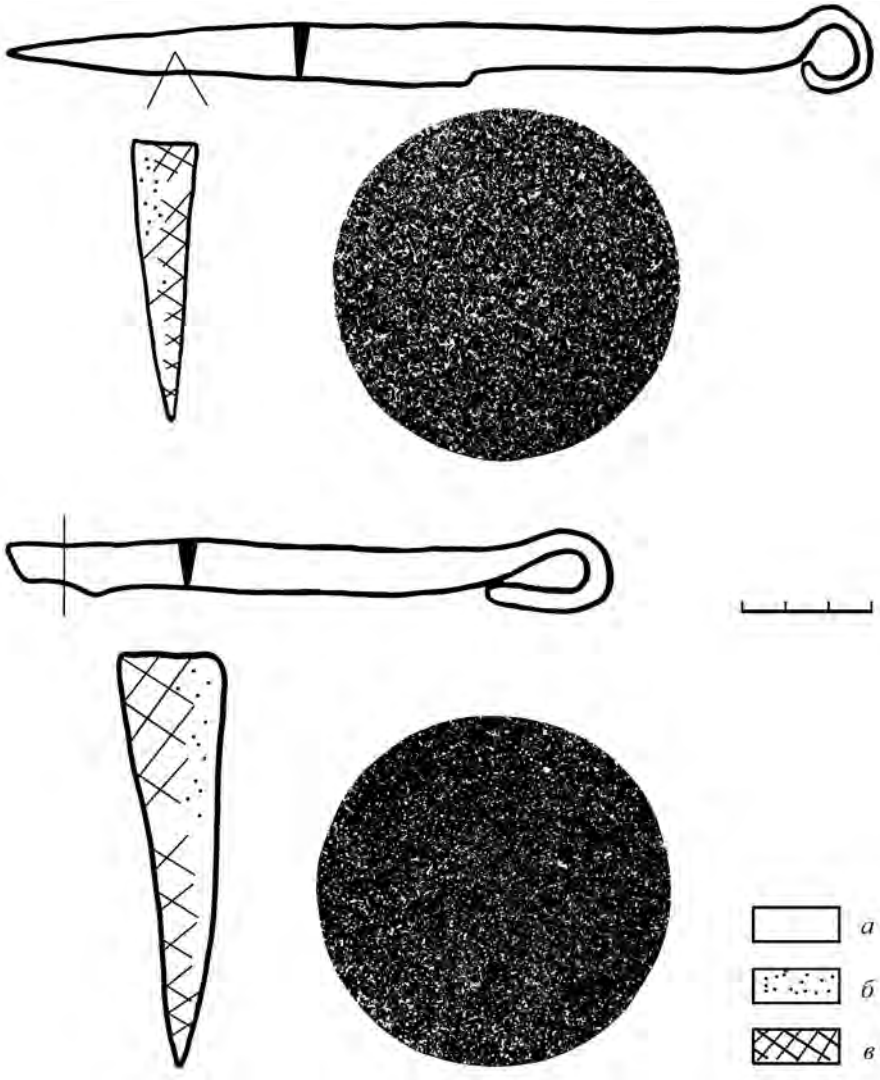


Рис. 4. Ножи тесинского этапа, технологические схемы их изготовления и фотографии микроструктуры сорбитообразного перлита

а – железо; *б* – сталь; *в* – нормализация

Увеличение 115. Травление ниталем

Результаты археометаллографического исследования дают основание полагать, что индустрия железа появляется в рассматриваемом регионе уже в сложившемся виде. В связи с этим встает вопрос о поиске центра (или центров?), откуда происходил инновационный технологический импульс. Тесинский этап исторически связывают с экспансией хунну, которые на рубеже III и II вв. до н. э. распространили свое влияние на обширные территории, охватывавшие значи-

тельную часть Монголии и Южной Сибири. Более того, по мнению Д. Г. Савинова, на Среднем Енисее находилась одна из провинций государства Хунну (*Савинов*, 2009. С. 102). В этом смысле перспективным, на наш взгляд, является обращение к территории Восточного Туркестана (Синьцзян). Именно отсюда на рубеже III–II в. до н. э. китайцам удалось вытеснить хуннов. Очевидно, с этими событиями и связано появление в Минусинской котловине нового населения, среди которого, вероятно, были и выходцы из Синьцзяна.

По мнению исследователей, «…именно хунны явились создателями и носителями в Центральной Азии и во всех сопредельных областях нового железоделательного производства, вызвавшего массовое изготовление железных изделий и окончательно вытеснившего бронзу из бытовой сферы и практики военных действий» (Там же. С. 70, 71). Несомненно, нельзя недооценивать роль хуннов в появлении и распространении железа в Южной Сибири. Однако, на наш взгляд, приписывать именно им роль «создателей железоделательного производства» было бы некорректно. Следует учитывать, что такое сложное производство, как металлургия, требующее определенных условий (наличие стационарных пиротехнических сооружений, приуроченность к сырьевым источникам), плохо согласуется с менталитетом кочевников, для которых престижным занятием являлись выпас скота и военные набеги. Однако переход к более высокой степени организации общества – государственности – стимулировал номадов к созданию ремесленно-земледельческих поселений. Эти поселения складывались из смешанного населения, состоящего «из оседлых сюнну, китайских перебежчиков и военнопленных, в основном ремесленников и земледельцев… а также, по-видимому, из потомков местного, покоренного сюнну населения» (*Давыдова*, 1995. С. 60). Как пример таких поселений можно привести Иволгинское городище в Забайкалье.

Возвращаясь к Восточному Туркестану, заметим, что, по данным китайских исследователей, развитие железообработки здесь имеет давние корни. Благодаря последним археологическим раскопкам в Синьцзяне установлено, что железные изделия появляются в местной культуре уже в начале I тыс. до н. э. (*Wu Guo*, 2009. P. 108): X–IX вв. до н. э. датируется нож из погребения 31 могильника Янбулак (Yanbulaq). Начиная с VIII в. до н. э. по всей территории Синьцзяна, особенно в районе Тянь-Шаня, идет быстрое распространение и расширение категориального состава железных изделий (мечи, ножи, шилья, серпы). Такое раннее появление черного металла и само становление железообрабатывающего производства исследователи объясняют тесными связями населения Восточного Туркестана с государствами Западной Азии (Ново-Ассирийское царство, позднее – государство Ахеменидов), где железо известно с конца II тыс. до н. э. (*Wu Guo*, 2009. P. 109). Имеются и лингвистические свидетельства о распространении черной металлургии в Восточном Туркестане с запада. На это, по мнению исследователей, указывает связь названия «железа» в памятниках второй половины I тыс. до н. э. на территории Синьцзяна с хорезмийским термином «сталь» (*Иванов*, 1983. С. 49). Напомним, что, согласно Геродоту, Хорезм составлял 16-й округ державы Ахеменидов (*Геродот*, III. 93).

Как было отмечено выше, железные изделия тесинского этапа изготовлены с использованием высокотехнологичных приемов, характерных для высокоразвитых центров Западной Азии (получение цементованной стали, особый прием

термообработки – нормализация). Например, нормализация использовалась при изготовлении изделий в Ново-Ассирийском царстве уже в VIII–VII вв. до н. э. Так, подобный прием обнаружен при металлографическом исследовании лезвий железных луристанских кинжалов (*Pleiner*, 1969. P. 32, 46). Как установлено, тесные контакты, в том числе и в производственной сфере, между Луристаном и Восточным Туркестаном восходят к рубежу II и I тыс. до н. э. (*Wu Guo*, 2009. P. 109–112). Есть все основания полагать, что технология нормализации была заимствована мастерами Синьцзяна из Западного Ирана (рис. 5). В дальнейшем благодаря миграции ремесленников в период хуннской экспансии на территорию Среднего Енисея прием нормализации распространяется здесь во II в. до н. э. – I в. н. э. Разумеется, за отсутствием аналитических исследований железных предметов из Синьцзяна наши выводы носят гипотетический характер. Остается надеяться, что со временем они найдут объективное подтверждение.

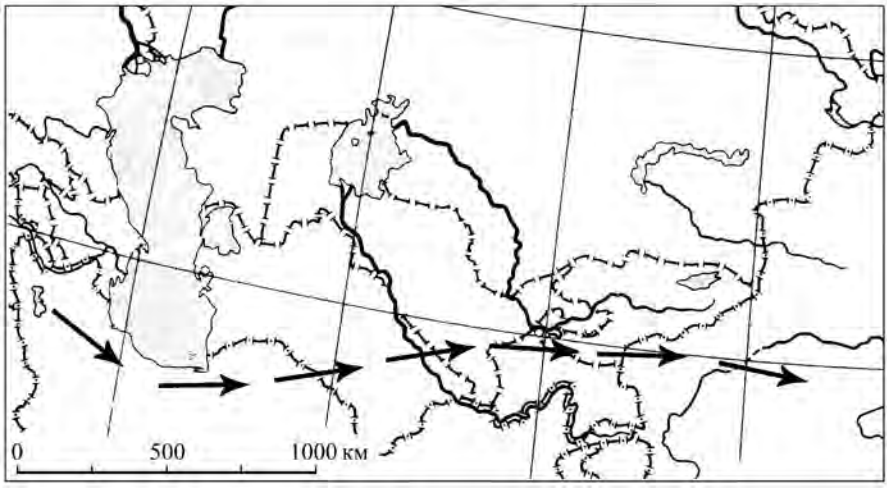


Рис. 5. Предположительный путь распространения металлургии железа в Восточный Туркестан и Южную Сибирь (по: *Иванов*, 1983. С. 24; *Wu Guo*, 2009. P. 113)

Таким образом, можно констатировать, что в производственной сфере у народов Южной Сибири во II в. до н. э. – I в. н. э. происходят кардинальные изменения:

- Начинается местное, хорошо документированное металлургическое производство железа.
- Появляются специализированные поселки по производству черного металла.
- В производстве железных изделий распространяется особый вид технологии обработки черного металла – нормализация.

Учитывая все вышесказанное, можно заключить, что в истории железной индустрии в Минусинской котловине ключевыми являются два инновационных

фактора. Первый (V–III вв. до н. э.) отмечен появлением железных артефактов, привнесенных в местную среду пришлым населением. Однако это не послужило толчком к возникновению самостоятельного железообрабатывающего производства. Второй фактор (II в. до н. э. – I в. н. э.) маркирует начало становления местного железопроизводства под влиянием мастеров, которые внедрили опыт получения и обработки черного металла. Есть основания полагать, что эти мастера были связаны с ремесленными центрами Восточного Туркестана.

ЛИТЕРАТУРА

Арешян Г. Е., 1976. Железо в культуре древней Передней Азии и бассейна Эгейского моря (по данным письменных источников) // СА. № 1. С. 87–99.

Боковенко Н. А., Заднепровский Ю. А., 1992. Ранние кочевники Восточного Казахстана // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 140–148. (Археология СССР.)

Вадецкая, 1999. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение. 440 с. (Archaeologica Petropolitana; VII.)

Вознесенская Г. А., 1975. Технология производства железных предметов Тлийского могильника // Очерки технологии древнейших производств / Под общ. ред. Б. А. Колчина. М.: Наука. С. 76–116.

Гришин Ю. С., 1960. Производство в тагарскую эпоху // *Гришин Ю. С., Тихонов Б. Г.* Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. М.: АН СССР. С. 116–206. (МИА; № 90.)

Давыдова А. В., 1995. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб.: АзиатИКА. 288 с.

Дэвлет М. А., 1968 Из истории освоения металлургии железа на Среднем Енисее // СА. № 1. С. 28–38.

Завьялов В. И., Терехова Н. Н., 2013. Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского. М.: ИА РАН. 272 с.

Зиняков Н. М., 1980. К истории освоения железа в Минусинской котловине // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Мат-лы I Всесоюзной археологической конф. / Отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т. С. 66–73.

Иванов Вяч. Вс., 1983. История славянских и балканских названий металлов. М.: Наука, 197 с.

Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., 1997. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Алтайский гос. ун-т. 232 с.

Киселёв С. В., 1951. Древняя история Южной Сибири. М.: АН СССР. 642 с.

Клеменц Д., 1886. Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Томск: И. Кузнецов. 185 с.

Колчин Б. А., 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. М.: АН СССР. 258 с. (МИА № 32).

Кызласов И. Л., 1985а. Орудия таштыкских ювелиров (к истории ремесленного производства в Южной Сибири) // СА. № 1. С. 107–121.

Кызласов И. Л., 1985б. Гуннский напильник // КСИА. Вып. 184. С. 27–30.

Кызласов Л. Р., 1979. Итоги и задачи изучения тагарской культуры // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: Тез. докл. 1 Всесоюзной археологической конф. Кемерово. С. 7–9.

Полосьмак Н. В., 2001. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс. 336 с.

Пшеницына М. Н., 1975. Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири. Л. С. 150–162.

Пшеницына М. Н., 1979. Тесинский этап // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука. С. 70–89.

Савинов Д. Г., 2009. Минусинская провинция хунну. СПб.: ИИМК РАН. 224 с.

Сунчугашев Я. И., 1979. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука. 192 с.

Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М., 1997. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.: Металлургия. 318 с.

Хоанг Ван Кхоан, 1974а. Чёрная металлургия и металлообработка в Южной Сибири от начала железного века до монгольской эпохи: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М. 31 с.

Хоанг Ван Кхоан, 1974б. Технология изготовления железных и стальных орудий труда Южной Сибири (VII в. до н. э. – XII в. н. э.) // СА. № 4. С. 110–124.

Членова Н. Л., 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука. 297 с.

Членова Н. Л., 1992. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 206–223. (Археология СССР.)

Чугунов К. В., 2009. Кинжал-акинал из кургана Аржан 2. URL: http://www.icape.ru/index_ru.html.

Pleiner R., 1969. The beginning of the Iron Age in Ancient Persia // Annals of the Náprstek Museum. № 6. Praha. P. 9–72.

Pleiner R., 2000. Iron in Archaeology. The European Bloomery Smelters. Praha: Archeologický Ústav AVČR. 400 p.

Snodgrass A. M., 1980. Iron and Early Metallurgy in the Mediterranean // The Coming of the Age of Iron. New Haven; London: Yele University Press. P. 335–374.

Wheeler T. S., Maddin R., 1980. Metallurgy and Ancient Man // The Coming of the Age of Iron. New Haven; London: Yele University Press. P. 99–126.

Wu Guo, 2009. From western Asia to the Thianshan Mountains: on the early iron artefacts found in Xinjang // Metallurgy and Civilization: Eurasia and Beyond. London: Archetype Publications Ltd. P. 107–115.

Сведения об авторах.

Завьялов Владимир Игоревич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036; e-mail: v_zavyalov@list.ru;

Терехова Наталия Николаевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036; e-mail: нет.

V. I. Zavyalov, N. N. Terekhova

On the question of the development of an iron industry in the middle reaches of the Yenisei River (technological aspect)

Abstract. On the basis of archaeometallographic data, the conclusion has been reached that in the history of iron industry in the Minusinsk depression two innovations were of key importance. The first (5th–3rd centuries BC) was the appearance of iron artefacts imported by a newly arrived population. This, however, had not provided an impetus for the emergence of independent local iron-working. The second factor (2nd century BC – 1st century AD) marks the beginning of local iron production under the influence of craftsmen arriving from outside, who introduced their experience of the production and processing of ferrous metal.

Keywords: Tagar culture, Tes stage, archaeometallography, iron industry, artefacts, bimetallic daggers.

REFERENCES

Areshyan G. E., 1976. Zhelezo v kul'ture drevney Peredney Azii i basseyna Egeyskogo morya (po dannym pis'mennykh istochnikov) [Iron in culture of ancient Western Asia and Aegean basin (based on written sources' data)]. *SA*, 1, pp. 87–99.

Bokovenko N. A., Zadneprovskiy Yu. A., 1992. Rannie kochevniki Vostochnogo Kazakhstana [Early nomads of Eastern Kazakhstan]. *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppe belt of Asian part of the USSR in Scythian-Sarmatian time]*. M. G. Moshkova, ed. Moscow: Nauka, pp. 140–148. (Arkheologiya SSSR).

Chlenova N. L., 1967. Proiskhozhdenie i rannyaya istoriya plemen tagarskoy kul'tury [Origins and early history of Tagar culture tribes]. M.: Nauka. 297 p.

Chlenova N. L., 1992. Tagarskaya kul'tura [Tagar culture]. *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppe belt of Asian part of the USSR in Scythian-Sarmatian time]*. M. G. Moshkova, ed. Moscow: Nauka, pp. 206–223. (Arkheologiya SSSR).

Chugunov K. V., 2009. Kinzhal-akinak iz kurgana Arzhan 2 [Akinak-type dagger from kurgan Arzhan 2]. Electronic resource. http://www.icape.ru/index_ru.html.

Davydova A. V., 1995. Ivolginskiy arkheologicheskiy kompleks [Ivolgino archaeological complex], 1. Ivolginskoe gorodishche [Ivolgino fortified settlement]. St. Petersburg: AziatIKA. 288 p.

Devlet M. A., 1968. Iz istorii osvoeniya metallurgii zheleza na Srednem Enisee [From history of mastering iron metallurgy on Middle Yenisey]. *SA*, 1, pp. 28–38.

Grishin Yu. S., 1960. Proizvodstvo v tagarskuyu epokhu [Production in Tagar epoch]. *Grishin Yu. S., Tikhonov B. G. Ocherki po istorii proizvodstva v Priural'e i Yuzhnoy Sibiri v epokhu bronzy i rannego zheleza [Essays on history of production in Eastern Urals and South Siberia in Bronze Age and Early Iron Age]*. Moscow: AN SSSR, pp. 116–206. (MIA, 90).

Ivanov Vyach. Vs., 1983. Istoriya slavyanskikh i balkanskikh nazvaniy metallov [History of Slavic and Balkan names of metals]. Moscow: Nauka. 197 p.

Khoang Van Khoan, 1974a. Chernaya metallurgiya i metalloobrabotka v Yuzhnoy Sibiri ot nachala zheleznogo veka do mongol'skoy epokhi: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Ferrous metallurgy and metalworking in South Siberia from beginning of Iron Age to Mongol epoch: Thesis presented for the degree of Doctor of Philosophy. History]. Moscow. 31 p.

Khoang Van Kkhoan, 1974b. Tekhnologiya izgotovleniya zheleznykh i stal'nykh orudiy truda Yuzhnoy Sibiri (VII v. do n. e. – XII v. n. e.) [Technology of production of iron and steel tools in South Siberia (VII c. BC – XII c. AD)]. *SA*, 4, pp. 110–124.

Kiryushin Yu. F., Tishkin A. A., 1997. Skifskaya epokha Gornogo Altaya [Scythian epoch of High Altai], I. Kul'tura naseleniya v ranneskifskoe vremya [Population culture in early Scythian time]. Barnaul: Altaiskiy gosudarstvennyy universitet. 232 p.

Kiselev S. V., 1951. Drevnyaya istoriya Iuzhnoy Sibiri [Early history of South Siberia]. M.: AN SSSR. 642 p.

Klements D., 1886. Drevnosti Minusinskogo muzeya. Pamyatniki metallicheskikh epokh [Antiquities of Minusinsk museum. Monuments of metal epochs]. Tomsk: I. Kuznetsov. 185 p.

Kolchin B. A., 1953. Chernaya metallurgiya i metalloobrabotka v Drevney Rusi [Ferrous metallurgy and metalworking in medieval Rus]. Moscow: AN SSSR. 258 p. (MIA, 32).

Kyzlasov I. L., 1985a. Orudiya tashtykskikh yuvelirov (k istorii remeslennogo proizvodstva v Yuzhnoy Sibiri) [Implements of Tashtyk jewelers (towards history of craft production in South Suberia)]. *SA*, 1, pp. 107–121.

Kyzlasov I. L., 1985b. Gunnskiy napil'nik [A Hun file]. *KSIA*, 184, pp. 27–30.

Kyzlasov L. R., 1979. Itogi i zadachi izucheniya tagarskoy kul'tury [Results and tasks of Tagar culture sudies]. *Problemy skifo-sibirskogo kul'turno-istoricheskogo edinstva: tezisy dokladov 1 Vsesoyuznoy arkheologicheskoy konferentsii [Problems of Scythian Siberian cultural-historical unity: Abstracts of I All-Union archaeological conference]*. Kemerovo, pp. 7–9.

Pleiner R., 1969. The beginning of the Iron Age in Ancient Persia // Annals of the Náprstek Museum, 6. Praha, pp. 9–72.

Pleiner R., 2000. Iron in Archaeology. The European Bloomery Smelters. Praha: Archeologický Ústav AVČR. 400 p.

Polos'mak N. V., 2001. Vsadniki Ukoka [Ukok riders]. Novosibirsk: INFOLIO-press. 336 p.

Pshenitsyna M. N., 1975. Tretiy tip pamyatnikov tesinskogo etapa [Third type of sites of Tes stage]. *Pervobytnaya arkheologiya Sibiri [Prehistoric archaeology of Siberia]*. Leningrad, pp. 150–162.

Pshenitsyna M. N., 1979. Tesinskiy etap [Tes stage]. *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Enisee [Complex of archaeological sites near Tepsey mountain on Yenisey]*. Novosibirsk: Nauka, pp. 70–89.

Savinov D. G., 2009. Minusinskaya provintsiya khunnu [Minusinsk province of Hsiunnu]. St. Petersburg: IIMK RAN. 224 p.

Snodgrass A. M., 1980. Iron and Early Metallurgy in the Mediterranean // The Coming of the Age of Iron. New Haven; London: Yale University Press, pp. 335–374.

Sunchugashev Ya. I., 1979. Drevnyaya metallurgiya Khakasii. Epokha zheleza [Early metallurgy of Khakasia. Epoch of iron]. Novosibirsk: Nauka. 192 p.

Terekhova N. N., Rozanova L. S., Zav'yalov V. I., Tolmacheva M. M., 1997. Ocherki po istorii drevney zhelezoobrabotki v Vostochnoy Evrope [Essays on history of ancient ironworking in Eastern Europe]. Moscow: Metallurgiya. 318 p.

Vadetskaya E. B., 1999. Tashtykskaya epokha v drevney istorii Sibiri [Tashtyk epoch in early history of Siberia]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 440 s. (Archaeologica Petropolitana, VII).

Voznesenskaya G. A., 1975. Tekhnologiya proizvodstva zheleznykh predmetov Tliyskogo mogil'nika [Technology of production of iron objects from Tli cemetery]. *Ocherki tekhnologii drevneyshikh proizvodstv [Essays of earliest crafts' technology]*. B. A. Kolchin, ed. Moscow: Nauka, pp. 76–116.

Wheeler T. S., Maddin R., 1980. Metallurgy and Ancient Man // The Coming of the Age of Iron. New Haven; London: Yale University Press, pp. 99–126.

Wu Guo, 2009. From western Asia to the Thianshan Mountains: on the early iron artefacts found in Xinjang // Metallurgy and Civilization: Eurasia and Beyond. London: Archetype Publications Ltd, pp. 107–115.

Zav'yalov V. I., Terekhova N. N., 2013. Kuznechnoe remeslo velikogo knyazhestva ryazanskogo [Blacksmith's craft of the Ryazan Principality]. Moscow: IA RAN. 272 p.

Zinyakov N. M., 1980. K istorii osvoeniya zheleza v Minusinskoy kotlovine [Towards the history of mastering iron in Minusinsk depression]. *Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo: materialy I Vsesoyuznoy arkheologicheskoy konferentsii [Scythian Siberian cultural-historical unity: Abstracts of I All-Union archaeological conference]*. Kemerovo: Kemerovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 66–73.

About the authors.

Zav'yalov Vladimir I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: v_zavyalov@list.ru;

Terekhova Nataliya N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation.

А. А. Ковалев

СИНЬЧЖУАНТОУ М30 – ПОГРЕБЕНИЕ ЗНАТНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПАЗЫРЫКЦЕВ-«ЛОУФАНЕЙ» НА СЛУЖБЕ ВАНА КИТАЙСКОГО ЦАРСТВА ЯНЬ
(СЕРЕДИНА III в. до н. э.)

Резюме. Настоящая статья посвящена элитному погребению Синьчжуантоу М30 (середина III в. до н. э.), открытому при раскопках Нижней столицы царства Янь (уезд Исянь, провинция Хэбэй, КНР). Большинство престижных предметов, входивших в инвентарь этого погребения, обнаруживают сходство с артефактами, относящимися к пазырыкской культуре Алтая, а также с предметами из элитных ордосских комплексов IV–III вв. до н. э. Данные письменных источников («*Ши цзи*», «*Шо юань*», «*Чжаньго цэ*») свидетельствуют о присутствии в эпоху Чжаньго на территориях Ордоса и царства Янь некитайского народа «лоуфань». В царстве Янь для расселения лоуфаней были образованы особые административные единицы; тем самым, видимо, обеспечивалась защита его северных рубежей. Сопоставление данных письменных и археологических источников позволяет высказать предположение о переселении части пазырыкцев в конце IV в. до н. э. в Ордос и далее в пределы китайских государств, где они получили имя «лоуфань». Могила Синьчжуантоу М30, видимо, принадлежала представителю этого народа, занимавшему высочайшее положение в яньской элите.

Ключевые слова: скифский звериный стиль, пазырыкская культура, Чжаньго, Янь, лоуфань, ордосские бронзы.

В 1977–1978 гг. при раскопках Нижней столицы царства Янь (Янь ся ду) в современном уезде Исянь провинции Хэбэй (100 км к юго-западу от Пекина) была исследована могила Синьчжуантоу М30, содержащая десятки предметов, выполненных в изобразительных традициях, характерных для памятников Алтая позднескифского времени. Наименование «могильник Синьчжуантоу» объединяет 8 могил, исследованных в пределах западного городища Нижней столицы Янь, в районе современной деревни Синьчжуантоу. Могила Синьчжуаньтоу М30 была обнаружена с юго-запада от деревни при строительстве шоссейной дороги. Прямоугольная в плане могильная яма была ориентирована длинной осью в меридиональном направлении, в верхней части длина ее

составляла 12, а ширина – 9,5 м. С севера и юга были устроены пандусы-коридоры длиной соответственно 8 и 4 м. С запада и востока были устроены по две ступени, ниже которых яма имела отвесные стенки. Вплотную к этим стенкам была устроена деревянная камера размерами в плане 6 × 5 м, высотой около 4,8 м, в центре которой был установлен деревянный саркофаг. Западная часть ямы погребальной камеры и саркофаг подверглись ограблению. В пределах грабительского хода были собраны фрагменты многочисленных глиняных копий бронзовых сосудов, составлявших ритуальный набор «7 сосудов *дин* и 6 сосудов *гуй*». По правилам чжоуского ритуала, такой набор полагался *чжухоу* – владетельным князьям, однако к финалу этой эпохи столь престижный комплект мог быть помещен и в погребение иных высокопоставленных лиц (*Крюков*, 2009. С. 208–210).Китайские историки отмечают, что погребенный должен был принадлежать к высшим слоям аристократии царства Янь (*Хэбэй шэн*…, 1996. Т. 1. С. 730; *Го Дашунь, Чжан Синдэ*, 2004. С. 568; *Чэнь Пин*, 2006. С. 362). О высоком статусе погребенного свидетельствует и монументальность погребального сооружения, и богатство погребального инвентаря, значительная часть которого сохранилась нетронутой в восточной половине погребальной камеры. Здесь, с востока от саркофага, были в основном уложены престижные предметы вооружения и детали мужского костюма (*Хэбэй шэн*…, 1996. Т. 1. Рис. 396).

Рассмотрев вопрос о хронологии могилы на основании аналогий в погребальном обряде, формах ритуальных сосудов, а также предметов вооружения, Цяо Лян приходит к выводу о ее датировке поздним периодом Чжаньго (*Цяо Лян*, 2004), что соответствует примерно 300–222 гг. до н. э. То же мнение было высказано ранее авторами раскопок на основании аналогий форме погребального сооружения, находок свинцового клевца «гэ» и свинцового кинжала (*Хэбэй шэн*…, 1996. Т. 1. С. 730). Чэн Цзинтан считает, что наличие в могиле типичного корейского бронзового клевца «гэ» без бородки дает основание предложить более узкую дату – «около 250 г. до н. э.» (*Чэн Цзинтан*, 2009. С. 13).

Публикация материалов комплекса в двухтомном издании отчета о раскопках яньской столицы (*Хэбэй шэн*…, 1996. Т. 1. С. 685–731) является практически единственным источником информации о погребальном инвентаре. К сожалению, публикация не дает представления о месте нахождения многих предметов в погребальной камере. Кроме того, рисунки не всегда соответствуют фотографиям, ряд предметов отрисованы и отфотографированы нереставрированными, в некоторых случаях фотографии отсутствуют. Уточнить прорисовки невозможно в связи с недоступностью артефактов для исследования (хранятся в Институте культурного наследия провинции Хэбэй). Некоторую помощь оказывают оригинальные цветные фотографии наиболее престижных находок, которые были опубликованы в журнале «Чжунхуа вэньхуа хуабао» («China Culture Pictorial») (*Ши Юнши*, 1997). Тем не менее, на основании опубликованных материалов можно составить представление о роли в погребальном обряде и месте производства престижных предметов, входивших в состав погребального инвентаря, а также о центре происхождения изобразительных традиций, воплощенных в этих артефактах.

Большинство предметов, обнаруженных in situ с востока от саркофага, составляли изделия «северных» типов, богато украшенные изображениями в зве-

рином стиле (*Хэбэй шэн*…, 1996. Т. 1. С. 705–724). Здесь, в частности, обнаружены золотые прямоугольные поясные пластины с изображением сцен терзания: на двух (парных из одного набора?) пластинах имеются зеркально-симметричные изображения сцены нападения кошачьего хищника и «дракона» на лошадь, между которыми вписана голова винторогого козла анфас (рис. 1, *1*), задняя часть тела хищника вывернута на 180 градусов; на трех других – зеркально-симметричные изображения сцены нападения кошачьего на лошадь, здесь уже вывернута задняя часть тела копытного (рис. 1, *2*). Здесь же были найдены пять прямоугольных серебряных пластин: композиция на двух из них аналогична композиции на золотой пластине с кошачьим и драконом, а три других пластины имеют зеркально-симметричные изображения лошади с «козлиными» рогами. Все пластины снабжены с изнанки прямоугольными петлями, по краю лицевой стороны выполнена выпуклая кайма, имитирующая шнур.

Особый интерес вызывает находка двух железных мечей (общая длина каждого около 71,5 см) с отделкой золотом в деревянных ножнах с золотыми накладками (*Хэбэй шэн*…, 1996. Т. 1. С. 707–709). Центральная часть рукояти первого из мечей обернута тонким золотым шнуром, на плакированном золотом навершии изображены два копытных с вывернутыми крупами, перекрестие оформлено в виде двух головок баранов, также покрытых золотым листом (рис. 2, *2*). Рукоять второго меча полностью плакирована золотом, изображение частично скрыто окислами железа, на дисковидном навершии нанесено изображение горного козла с вывернутым крупом, обрамленное выпуклым «шнуром» (рис. 2, *1*). Ножны одного из мечей украшены, в частности, золотыми накладками в виде фигуры хищной птицы с опущенными крыльями; на тех и других ножнах имелись дисковидные плакетки, обрамленные выпуклым «шнуром» с «вихреобразным» изображением двух хищных птиц (к сожалению, в нашем распоряжении имеется только схематичный рисунок) (рис. 2, *4, 5*). Ножны имели окончания в виде золотых муфт с инкрустацией полудрагоценными камнями. Одна из двух муфт несет гравированное изображение двух противопоставленных фигур фантастического зверя («копытного грифона», см.: *Полосьмак*, 1994.С. 9, 10; *Шульга*, 2010) с вывернутым крупом. К сожалению, нам доступна только лишь оборотная сторона рисунка, на которой можно видеть заднюю вывернутую ногу, окончание хвоста, край головы и рога каждого из монстров (рис. 2, *3*). Окончания отростков рогов и хвостов оформлены в виде грифоньих головок. По краям предмета пущен выпуклый шнуровой орнамент.

Среди найденных украшений имелись две золотые (со вставками) выпуклые округлые бляшки с изображением четырех грифонов и выпуклого шнура по краю (рис. 3, *2*), две золотые (со вставками) выпуклые бляшки с изображением сильно схематизированной фигуры барана, свернутой в кольцо, а также одна золотая округлая выпуклая бляшка с более детально проработанной фигурой барана со свернутым в кольцо туловищем и перекрученным крупом (рис. 3, *3*). На двух золотых выпуклых бляшках (рис. 1, *4*) изображена композиция, в центре которой находится фантастический зверь («копытный грифон») с вывернутым крупом. Рога «грифона» полностью окружают его фигуру; отростки рогов и кончик хвоста оформлены в виде грифоньих головок. По краю бляхи, вокруг рогов «копытного грифона», изображены три сцены терзания копытного животного.

Рис. 1. Могила Синьчжуантоу М30. Золотые изделия

1, 2 – поясные пластины (длина 10,8 см; 5,6 см); *3* – бляха в форме розетки (высота 5,1 см); *4* – выпуклая бляха (диаметр 4,7 см) (прорисовки по фотографиям из: *Хэбэй шэн*, 1996; *Ши Юнши*, 1997)

Рис. 2. Могила Синьчжуантоу М30

1, 2 – рукояти железных мечей, плакированные золотом (высота 13 см; 12,2 см); *3* – золотой наконечник ножен с инкрустацией (высота 8,7 см); *4, 5* – золотые накладки на ножны

(*1–3* – прорисовки по фотографиям из: *Хэбэй шэн*, 1996; *Ши Юнши*, 1997; *4, 5* – по: *Хэбэй шэн*, 1996. Рис. 412)

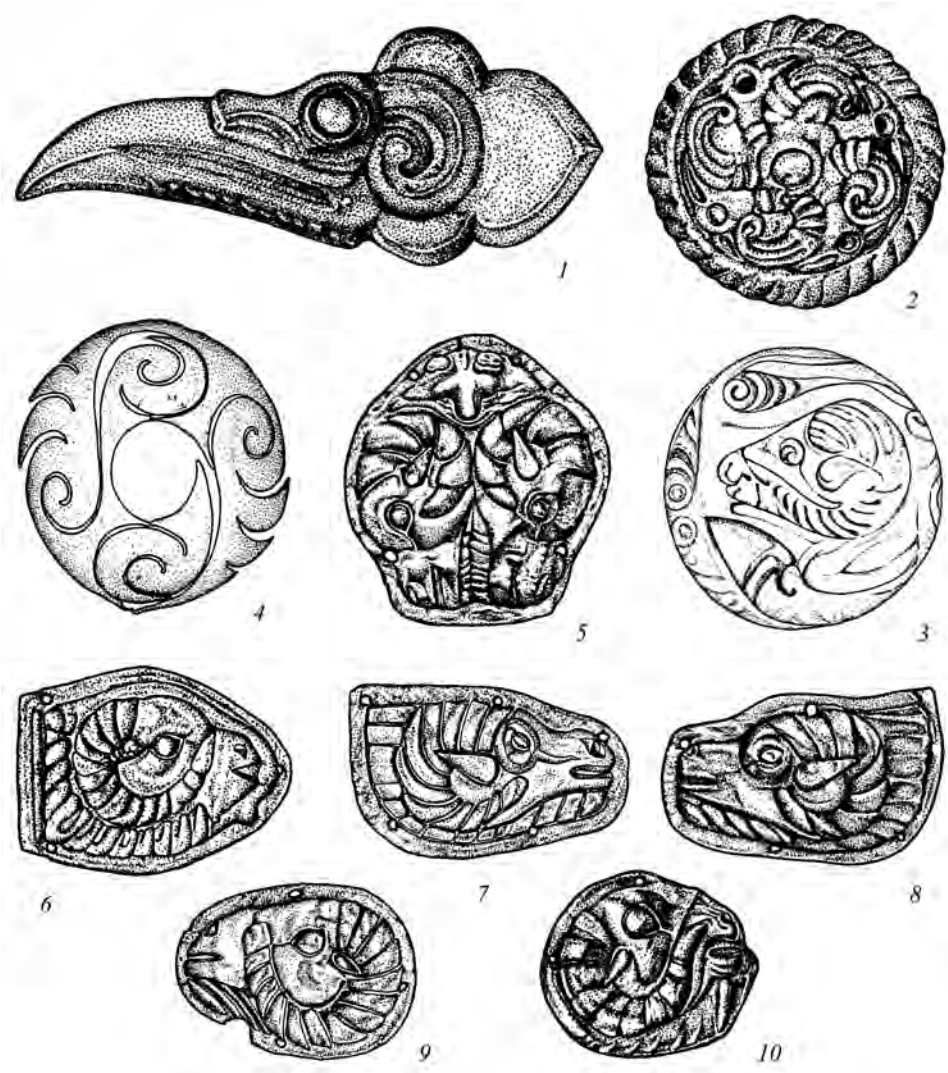


Рис. 3. Могила Синьчжуантоу М30

1–3 – литые золотые украшения

1 – бляха в форме головы птицы (длина 8,1 см); *2* – выпуклая бляха с инкрустацией (диаметр 3,1 см); *3* – выпуклая бляха (диаметр 2,4 см); *4* – выпуклая плакетка, вырезанная из золотого листа (ширина 3,7 см); *5–10* – штампованные накладки из золотой фольги (ширина 2,9 см; 2,4 см; 3,2 см; 3,2 см; 2,4 см; 2,3 см) (прорисовки по фотографиям из: *Хэбэй шэн*, 1996)

С восточной стороны саркофага были найдены также девять золотых украшений в виде розетки с изображением человеческой головы (рис. 1, *3*), две золотые бляшки в форме стилизованной головы хищной птицы (рис. 3, *1*), два комплекта золотых височных колец с ярусными подвесками из золота и полу-

драгоценных камней, бляшки с изображениями противопоставленных фигур лошадей с вывернутым крупом, двух фигур газелей и головы медведя (?) и т. п.

При разборе заполнения погребальной камеры были найдены 20 накладок из тисненой золотой фольги с изображениями бараньих головок (рис. 3, *5–10*). Также были обнаружены четыре выпуклых бляшки-накладки из тонкого золотого листа с вырезанным вихреобразным орнаментом (рис. 3, *4*).

Найденные в могиле предметы «северного стиля» в подавляющем большинстве были изготовлены китайскими мастерами, о чем свидетельствуют не только их стилистические особенности, но и нанесенные на золотые изделия китайские надписи, фиксирующие вес драгоценного металла (*Хэбэй шэн*…, 1996. Т. 1. С. 721. Табл. 12).

Особый характер инвентаря гробницы, на наш взгляд, может указывать на то, что захороненный в ней человек происходил из варварского рода, включенного в административную систему царства Янь и занимавшего в ней высокое положение. Китайские ученые, считая рассматриваемую могилу уникальным свидетельством «тесных культурных связей» или союзнических отношений государства Янь и «северных народов» (*Ху Чуаньсун*, 2007. С. 7, 8; *Чэн Цзинтан*, 2009. С. 13), все же воздерживаются от предположения о чужеродном этническом происхождении погребенного.

В то же время исторические источники содержат прямые указания на то, что в период позднего Чжаньго административная система царства Янь включала инородный этнический компонент. Сочинение «*Шо юань*» (цзюань 1 «Цзюнь дао») содержит следующий пассаж (перевод уточнен мной по сравнению с опубликованным ранее (*Ковалев*, 2002. С. 153): «Яньский Чжао-ван, спрашивая Го Вэя, сказал: «Мои земли утеснены, населения мало. Цисцы отобрали и уничтожили восемь [моих] крепостей, сюнну изо всех сил стремятся покорить лоуфаней» (*Шо юань*…, 1976. С. 33; *Сюн Цуньжуй*, 1983. С. 112). Судя по содержанию текста, Чжао-ван воспринимает нападение сюнну на лоуфаней как угрозу могуществу своего государства – Янь. Лоуфани оказываются в роли как минимум союзников яньского двора. Датировку события можно установить достаточно уверенно. Приведенный отрывок взят из диалога Чжао-вана и мудреца Го Вэя. Чжао-ван сокрушается о потерях, понесенных Янь вследствие нашествия войск царства Ци, и вопрошает мудреца о способах восстановить утраченное положение. Го Вэй в ответ предлагает вану созвать ко двору мудрецов со всех концов Поднебесной. Совещания Чжао-вана с Го Вэем на эту тему имели место сразу после воцарения вана, т. е. в 312 году до н.э. (*Чэнь Пин*…, 1995.Т. 2. С. 2–4).

В сборнике «*Чжаньго цэ*» (цзюань 12 «Ци цэ 5», параграф «Су Цинь шуй Ци Минь-ван») приведена фраза: «Су Цинь, увещевая циского Минь-вана, сказал: «...однажды Ци, Янь сражались в извилинах Хуань, Янь не справилось [с Ци], потеряло сто тысяч рядовых. Хусцы напали на несколько яньских уездов лоуфаней, угнали их быков и лошадей...» (*Чжаньго цэ*…, 1995.С. 434). Даю собственный перевод, поскольку опубликованные переводы К. В. Васильева (1968. С. 211) и Дж. Крампа (*Chan Kuo Ts'e*…, 1970. P. 198) содержат принципиальные ошибки (см.: *Ковалев*, 2002. С. 154).

На основании детального анализа корреспондирующих источников Сюй Чжуншу сделал вывод (которому следуют и современные специалисты), что

указанная в рассматриваемом отрывке битва между Янь и Ци, в которой Янь проиграло и понесло значительные потери, произошла непосредственно перед тем, как Чжао в 296 г. до н. э. окончательно захватило царство Чжуншань (*Сюй Чжуншу…*, 1964. С. 147–150; *Чжан Циньчан, Ван Яньдун*, 1993. С. 294; *Ян Куань*, 2001. С. 695).

Для нас ключевым в этом отрывке является упоминание «уездов» («сянь») как административной единицы племени «лоуфань», поскольку это свидетельствует о включении неких территорий, заселенных лоуфанями, непосредственно в состав яньских земель под управлением назначенных ваном лиц. Развитию института уездов («сянь») как административной единицы в китайских государствах эпохи Восточного Чжоу в середине XX в. были посвящены исследования Д. Бодде и Г. Крила (*Bodde*, 1938. P. 238–246; *Creel*, 1964), впоследствии проблема уездов была подробно разобрана Хансом Штрумпфельдтом в его работе о территориальном устройстве Древнего Китая (*Strumpfeldt*, 1970. S. 159–176), а также Л. С. Васильевым в монографиях 1983 и 2006 гг. (*Васильев*, 1983. С. 271–276; 2006. С. 160–170); вопроса о «сянях» в труде по древней истории Китая касается также и К. В. Васильев (1998. С. 203, 204, 244). На основании анализа упоминаний термина «сянь» в древнекитайских источниках применительно к царствам Цинь и Ци Х. Штрумпфельдт приходит к выводу о том, что таким образом начиная, по крайней мере, с VII в. до н. э. именовались большие окраинные поселения, подведомственные столице государства (правителю) либо каким-либо крупным городам (вассалам правителя). Х. Штрумпфельдт указывает, что пояс «сяней», подведомственных правителю, простирался по границе княжеского домена. Население «сяня» несло воинскую повинность. Впоследствии, с обособлением княжеств, усилением личной власти их правителей и увеличением их территории за счет поглощения пограничных земель, термином «сянь» стали обозначать пограничные населенные пункты (часто на вновь завоеванных землях с сохранившимся покоренным населением), которые имели особое значение для обороны. В период Чжаньго, по мнению Л. С. Васильева (2006. С. 169), одни «сяни» включались в административную систему непосредственно, ими управляли назначенные из столицы чиновники, а другие уезды, напротив, сохраняли свой статус личных владений – условных или даже наследственных пожалований правителя. К. В. Васильев, констатируя, что сяни в эпоху Чуньцю могли быть объектом царских пожалований и кормлений, все же считает, что административную власть в них и тогда «осуществлял царский управитель – дафу»; в эпоху Чжаньго, по его мнению, внутренние земли «сражающихся царств» были полностью поделены на сяни как «стандартные административные районы» (*Васильев*, 1998. С. 202–203, 244).

Необходимо отметить, что недавно высказанное С. С. Миняевым (2014. С. 128) мнение о тождестве событий, упоминаемых в обоих приведенных отрывках, не имеет никакого текстологического обоснования. Также легковесным выглядит и стремление С.С.Миняева здесь же поставить под сомнение аутентичность древних текстов, вошедших в состав сборников «*Шо юань*» и «*Чжаньго цэ*», в частности, предположив «вторичность» «*Чжаньго цэ*» относительно «*Ши цзи*». Вопрос об источниках «*Чжаньго цэ*» и «*Шо юань*» и методах работы составителя обоих сборников – Лю Сяна – подробно исследованы китайскими,

западными и российскими учеными (см.: *Васильев*, 1968; *Tsuen-hsuin Tsien*, 1993; *Knechtges*, 1993). Сам Лю Сян об источниках своих сочинений подробно повествовал в предисловиях к сборникам, а о методах рассказал в труде «Бе лу», описывая правило «двойного сличения», в котором принимают участие два человека, взаимно проверяющих текст оригинала и копии (см.: *Тайпин юйлань*…. Цзюань 618).

Приведенные в настоящей статье предметы, сюжеты и стилистические особенности изображений на них имеют множество аналогий в круге артефактов пазырыкской культуры. Это относится к изображениям «копытного грифона», животных с вывернутым крупом, отдельных голов животных и птиц, парных противопоставленных голов и фигур копытных, отходящих из центра голов и крыльев грифонов либо вихреобразных завитков, хищных птиц с опущенными крыльями, «человеческих» голов анфас; к использованию мотива шнура для обрамления края предмета, наличию в погребальном инвентаре прямоугольных поясных блях и серег с многоярусными подвесками (см. напр.: *Руденко*, 1953. Рис. 181–185; 1960. Рис. 125, 136, 140, 145, 148, 150–152; *Кубарев*, 1987. Рис. 27 (*4, 7*), 29 (*1*); 1991. Рис. 17, 20 (*5*), 31, 34. Табл. XLIII, *6, 7*; 1992. Рис. 32 (*8–10*); *Полосьмак*, 2001. Рис. 16, *б*; 26–28; 65; 82; 111; 151; *Кирюшин, Степанова*, 2004. Рис. 39, *12*; *Баркова, Панкова*, 2005. Рис. 2; *Кубарев, Шульга*, 2007. Рис. 5; 6; 62 (*13*); *Шульга*, 2010; *Самашев*, 2011. С. 29, 115. Рис. 36, 121, 123, 327, 374– 377, 403; *Молодин и др.*, 2012. Рис. 88–90, 168–174, 239).

Сходство субкультуры высшего слоя кочевого общества Ордоса и пазырыкских памятников в IV–III вв. до н. э. не раз отмечалось в литературе (*Полосьмак*, 1994. С. 9, 10; *Ковалев*, 1999), на этом основании нами было высказано предположение о переселении части пазырыкского населения в конце IV в. до н. э. в Ордос (*Ковалев*, 1999). Предметы, изготовленные китайскими мастерами для человека, погребенного в могиле Синьчжуантоу М30, аналогичны артефактам, изготавливавшимся в этот период китайцами для ордосской элиты (*Ковалев*, 1999; *Ху Чуаньсун*, 2007. С. 6, 7; *Кэвалефу*, 2009. С. 398–404). Согласно данным письменных источников, Ордос в конце IV–II в. до н.э. был территорией уже упомянутого племени «лоуфань» (*Ковалев*, 2002; 2008; *Кэвалефу*, 2009). Более того, широкое распространение специфических «пазырыкских» мотивов в прикладном искусстве Центральной Равнины и Южного Китая во II–I вв. до н. э. можно также связать не с «сюнну», на которых обычно указывают китайские археологи, а с «лоуфанями», которые принимали активное участие в действиях китайских войск в период ханьско-чуской войны и, видимо, продолжили свою службу после установления династии Хань (*Ковалев*, 2008; *Кэвалефу*, 2009. С. 404–410).Показательно, что обнаруживаемые на территории Центрального и Южного Китая поясные пластины II–I вв. до н.э. относятся к особым типам, практически не встреченным на хуннской территории; большинство из них имеет прямоугольные петли на оборотной стороне и шнуровое окаймление, что подчеркивает их генетическую связь с ордосскими и яньскими (Синьчжуантоу М30) пластинами периода Чжаньго (*Пань Лин*, 2005). Таким образом, можно обоснованно предположить, что китайцы знали пришедших с Алтая воинственных кочевников под именем «лоуфань».

Элитное погребение в могиле Синьчжуантоу М30, как и ордосские комплексы этого времени, является ярким свидетельством проникновения алтайских кочевников под именем «лоуфань» не только на границы, но и в пределы китайских государств в III в. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Баркова Л.Л., Панкова С.В., 2005. Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы) // АЭАЕ. № 2. С. 48–59.

Васильев К. В., 1968. «Планы сражающихся царств» (исследование и переводы) / Отв. ред. Л. Н. Меньшиков. М.: Наука. 255 с.

Васильев К. В., 1998. Истоки китайской цивилизации. М.: Восточная литература. 320 с.

Васильев Л. С., 1983. Проблемы генезиса китайского государства. (Формирование основ социальной структуры и политической администрации). М.: Наука. 326 с.

Васильев Л. С., 2006. Древний Китай. Т. 3: Период Чжаньго (V–III вв. до н. э.). М.: Восточная литература. 678 с.

Го Дашунь, Чжан Синдэ, 2004. Дунбэй вэньхуа ю Ю Янь вэньмин (Культура Северо-Востока и цивилизация Ю-Янь). Нанкин: Фэнхуан чубаньшэ. 735 с., илл.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф., 2004. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул: Алтайский ун-т. 291 с.

Ковалев А. А., 1999. О связях населения Алтая и Ордоса в V–III вв. до н. э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Алтайский ун-т. С. 75–82.

Ковалев А. А., 2002. Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // Европа – Азия: проблемы этнокультурных контактов / Сост. Ю. Ю. Шевченко.СПб.: Петроскандика: ЛЕМА. С. 150–194.

Ковалёв А.А., 2008. Локализация народов VI–III вв. до н.э. на северных границах китайских государств (по археологическим и письменным источникам) // Записки ИИМК РАН. № 3. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН. С. 181–202.

Крюков В. М., 2009. Неумолимый червь познанья: Избранные мысли об истории и культуре Китая и России. М.: Памятники исторической мысли. 678 с.

Кубарев В. Д., 1987. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука. 210 с.

Кубарев В. Д.,1991. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука. 189 с.

Кубарев В. Д., 1992. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука. 218 с.

Кубарев В. Д., Шульга П. И., 2007. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Алтайский ун-т. 281 с.

Кэвалефу А. А., 2009. Гунъюань цянь 4 – цянь 2 шицзи лоуфань дэ фанвэй цзи ци дуй Чжунъюань хэ Наньфан дицю вэньхуа дэ инсян (Ковалев А. А. Локализация лоуфаней в IV–II вв. до н. э. и их влияние на культуру Центральной Равнины и Юга) // Ээрдосы цинтунци гоцзи сюэшу яньтао хуй луньвэнь цзи. The collection of International Symposium on Ordos Bronze Wares. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ. С. 383–414.

Миняев С. С., 2014. Чжаоский полководец Ли Му и его борьба с «сюнну» // Записки ИИМК РАН. № 9. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН. С. 123–131.

Молодин В. И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д., 2012. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). М.: Триумф принт. 566 с.

Пань Лин, 2005. Цзюйсин дунъу вэнь пайши дэ сянгуань вэньти яньцзю (Исследование вопросов, относящихся к прямоугольным пластинам с изображениями в зверином стиле) // Бяньцзян каогу яньцзю. Вып. 3. С. 126–146.

Полосьмак Н. В., 1994. «Стерегущие золото грифы» (Ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука.120 с.

Полосьмак Н. В., 2001. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс. 336 с.

Руденко С. И., 1953.Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР. 404 с.

Руденко С. И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР. 360 с.

Самашев З., 2011. Берел. Алматы: Таймас. 326 с.

Сюй Чжуншу, 1964. Лунь «*Чжаньго цэ*» дэ бяньсе цзи югуань Су Цинь чжу вэньти (О составлении «*Чжаньго цэ*», а также вопросы, касающиеся Су Циня) // Лиши яньцзю. № 1. С. 133–150.

Сюн Цуньжуй, 1983. Сянь Цинь сюнну цзи ци юй гуань дэ цзигэ вэньти (Сюнну в доциньское время, а также некоторые имеющие касательство к этому вопросы) // Шэхуй кесюэ чжаньсянь. № 1. С. 110–113.

Тайпин юйлань (Энциклопедия, составленная в годы Тай пин [син го] и высочайше просмотренная). URL: http://www.guoxue123.com/zhibu/0201/03tpyl/0617.htm.

ХуЧуаньсун, 2007. Дун Чжоу Янь вэньхуа ю чжоубянь каогусюэ вэньхуа дэ гуаньси яньцзю(ся) (Исследование связей культуры царства Янь и окружающих археологических культур в период Восточная Чжоу (вторая часть)) // Вэньу чуньцю. № 2. С. 3–9.

Хэбэй шэн…, 1996 – Хэбэй шэн вэньу яньцзюсо. Янь ся ду. (Институт культурного наследия провинции Хэбэй. Нижняя столица Янь). Пекин: Вэньу чубаньшэ. Т. 1: 947 с., 9 илл.; 2: 56 с., 192 илл.

Цяо Лян, 2004. Синьчжуантоу 30 хао му дэ дай цзита (Датировка могилы Синьчжуантоу М30, а также иное) // Хуася каогу. № 2. С. 58– 67.

Чжан Циньчан, Ван Яньдун, 1993. *Чжаньго цэ* цзяньчжу (Толкование «*Чжаньго цэ*»). Тяньцзин: Нанькай дасюэ чубаньшэ. 919 с.

Чжаньго цэ… (Планы сражающихся царств), 1995 / Автор-сост. Лю Сян. Т. 1–3. Издание четвертое. Шанхай, Шанхай гу цзи чубаньшэ. 1390 с.

Чэн Цзинтан, 2009. Гуанью Янь ся ду дуань нэй гэ дэ цзигэ вэньти (Некоторые вопросы касательно клевца «гэ» с коротким обушком «нэй» из Нижней столицы Янь) // Вэньу чуньцю. № 3. С. 10–13, 55.

Чэнь Пин, 1995. Янь ши цзи ши бянь нянь хуй ань (Распределенное по годам собрание материалов по зафиксированным событиям истории Янь). Т. 1: 375 с.; Т. 2: 365 с. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ.

Чэнь Пин, 2006. Бэйфан Ю Янь вэньхуа яньцзю (Исследование культуры северной Ю-Янь). Пекин: Цюньянь чубаньшэ. 523 с.

Ши Юнши, 1997. Хэбэй шэн цзин нэй дэ Янь ся ду ичжи (Руины Нижней столицы Янь в пределах провинции Хэбэй) // Чжунхуа вэньхуа хуабао. № 4. С. 9–19.

Шо юань… (Сад высказываний), 1976 / Автор-сост. Лю Сян. Пекин. (Чжунго цзысюэ минчжу цзи чэн, 26). 413 с.

Шульга П. И., 2010. Изображения копытных грифонов из Дунхэйгоу (Синьцзян) // Древности Сибири и Центральной Азии. № 3 (15). Горно-Алтайск: ГАГУ. С. 63–72.

Ян Куань…, 2001. Чжаньго шиляо бянь нянь цзичжэн (Распределенное по годам собрание исторических источников по периоду Чжаньго). Шанхай: Жэньминь чубаньшэ. 1195 с.

Bodde D., 1938. China's First Unifier. Leiden: E. J. Brill. 270 p.

Chan-kuo ts`e, 1970 / Tr. J. I. Crump. Oxford: Clarendon Press. 602 p. (The Oxford Library of East Asian Literatures; xxviii).

Creel H.G., 1964. The Beginning of Bureaucracy: The origin of the hsien // Journal of Royal Asiatic Society. Vol. 23 (1963–1964). P. 155–184.

Knechtges D. R., 1993. Shuo yuan // Early Chinese Texts: a Bibliographical Guide / Ed. M. Loewe. Berkeley: Institute of East Asian Studies. P. 443–445. (Early China special monographs series; No. 2)

Strumpfeldt H., 1970. Staatsferfassung und Territorium im antiken China. Über die Ausbildung einer territorialen Staatsferfassung. Düsseldorf; Osnabrück: Schriftenreihe des Arnold-Bergtraesser-Instituts für kulturwissenschaftliche Forschung. 428 S. (Freiburger Studien zu Politik und Gesellshaft überseeischer Länder; Bd. 8).

Tsuen-hsuin Tsien, 1993. Chan kuo ts'e // Early Chinese Texts: a Bibliographical Guide / Ed. by M. Loewe. Berkeley: Institute of East Asian Studies. P. 1–11. (Early China special monographs series; No. 2).

Сведения об авторе.

Ковалев Алексей Анатольевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: chemurchek@mail.ru.

A. A. Kovalev

The tomb Xinzhuangtou M30 – burial of the member of elite of Loufan tribe (kindered to Pazyryk culture people) in Yan kingdom's service (middle 3 century BC).

*Abstract.*This article is devoted to gorgeous artifacts from the elite burial Xinzhuangtou M30 from the Lover Capital of the Yan state (Yixian, Hebei province). These things have stylistic similarity with artifacts belonged to the Pazyryk culture of Altai. Basing on the examination of these artifacts, and of similar gold, silver and bronze objects from Ordos on one hand and on Chinese written sources on the other hand, a conclusion is made that the discussed tomb belonged to a member of the part of Loufan tribe, which had been in Yan kingdom's service as frontier guards. The author improves his opinion that «Loufan» was the title of nomads which had resettled to Ordos and to the northern frontiers of China from Mountain Altai at the end of IV century BC.

Keywords: Scythian animal style, Pazyryk culture, Zhanguo (Warring States) period, Yan State, Loufan, Ordos bronzes.

REFERENCES

Barkova L. L., Pankova S. V., 2005. Tatuirovki na mumiyakh iz Bol'shikh Pazyrykskikh kurganov (novye materialy) [Tattoo on mummies from Big Pazyryk kurgans (new materials)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]*, 2, pp. 48–59.

Bodde D., 1938.China's First Unifier. Leiden: E. J. Brill. 270 p.

Chan-kuo ts`e, 1970. J. I. Crump, tr. Oxford: Clarendon Press, 602 p. (The Oxford Library of East Asian Literatures, xxviii).

Chen Jingtang, 2009. Guangyu Yan xia du duan nei ge de jige wenti [Some problems concerning dagger-axe "ge" with short butt "nei" from Yan Lower capital]. *Wenwu chunqiu*, 3, pp. 10–13, 55.

Chen Ping, 1995.Yan shi ji shi bian nian hui an [Distributed by years collection of materials for recorded events of Yan history], 1, 2. Beijing: Beijing daxue chubanshe. Vol. 1 – 376 p. Vol. 2 – 365 p.

Chen Ping, 2006 Beifang Yu Yan wenhua yanjiu [Investigation of culture of North Yu Yan]. Beijing: Qiunyan chunbanshe. 523 p.

Creel H. G., 1964. The Beginning of Bureaucracy: The origin of the hsien. *Journal of Royal Asiatic Society*, 23 (1963–1964), pp. 155–184.

Guo Dashun, Zhang Xingde, 2004. Dongbei wenhua yu Yu Yan wenming [Culture of North-East and civilisation Yu-Yan]. Nanjing: Fenghuang chubanshe. 735 p.

Hebei sheng…, 1996. Hebei sheng wenwu yanjiuso [Institute of cultural heritage of Hebei province]. Yan xia du [Lower capital of Yan State]. Beijing: Wenwu chubanshe, 1, 2. 947 p., ill.

Hu Chuansong, 2007. Dong Zhou Yan wenhua yu zhoubian kaoguxue wenhua de guanxi yanjiu (xia) [Research of connections of Yan kingdom and surrouding archaeological cultures in period of Eastern Zhou (second part)]. *Wenwu chunqiu*, 2, pp. 3–9.

Kewaliefu A. A., 2009. Gongyuan qian 4 – qian 2 shiji loufan de fangwei ji ci dui Zhongyuan he Nanfang diqiu wenhua de yingxiang [Location of Loufan in 2nd – 4th centuries BC and their influence over culture of Central Plain and South]. *Eerduosi qingtongqi guoji xueshu yantao hui lunwen ji [The collection of International Symposium on Ordos Bronze Wares]*. Beijing: Kexue chubanshe, pp. 383–414.

Kiryushin Yu. F., Stepanova N. F., 2004. Skifskaya epokha Gornogo Altaya [Scythian epoch of High Altai], III: Pogrebal'nye kompleksy skifskogo vremeni Sredney Katuni [Burial complexes of Scythian time on Middle Katun']. Barnaul: Altaysky universitet. 291p.

Knechtges D. R., 1993. Shuo yuan. *Early Chinese Texts: a Bibliographical Guide*. M. Loewe, ed. Berkeley: Institute of East Asian Studies, pp. 443–445. (Early China special monographs series, 2).

Kovalev A. A., 1999. O svyazyakh naseleniya Altaya i Ordosa v V–III vekakh do n. e. [On connections of population of Altai and Ordos in V–III centuries BC]. *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy [Results of investigations of of Scythian epoch in Altai and adjacent territories]*. Barnaul: Altaysky universitet, pp. 75–82.

Kovalev A. A., 2002. Proiskhozhdenie khunnu soglasno dannym istorii i arkheologii [Hsiunnu origins according to data of history and archaeology]. *Evropa – Aziya: problemy etnokul'turnykh kontaktov [Europe –Asia: problems of ethno-cultural contacts]*. St. Petersburg: Petroskandika: LEMA, pp. 150–194.

Kovalev A. A., 2008. Lokalizatsiya narodov VI–III vv. do n. e. na severnykh granitsakh kitayskikh gosudarstv (po arkheologicheskim i pis'mennym istochnikam) [Location of peoples of VI–III cc. BC on northern borders of Chinese states (based on archaeological and written sources)]. *Zapiski IIMK RAN*, 3. St. Petersburg: DMITRIY BULANIN, pp. 181–202.

Kryukov V. M., 2009. Neumolimyy cherv' poznan'ya: Izbrannye mysli ob istorii i kul'ture Kitaya i Rossii [Inexorable worm of perception: Selected thoughts on history and culture of Russia and China]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 678 p.

Kubarev V. D., 1987. Kurgany Ulandryka [Kurgans of Ulandryk]. Novosibirsk: Nauka. 210 p.

Kubarev V. D., 1991. Kurgany Yustyda [Kurgans of Yustyd]. Novosibirsk: Nauka. 189 p.

Kubarev V. D., 1992. Kurgany Saylyugema [Kurgans of Saylyugem]. Novosibirsk: Nauka. 218 p.

Kubarev V. D., Shul'ga P. I., 2007. Pazyrykskaya kul'tura (kurgany Chui i Ursula) [Pazyryk culture (kurgans of Chuya and Ursul)]. Barnaul: Altaysky universitet. 281 p.

Minyaev S. S., 2014. Chzhaoskiy polkovodets Li Mu i ego bor'ba s «syunnu» [Chzhao commander Li Mu and his struggle with «Hsiunnu»]. *Zapiski IIMK RAN*, 9. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 123–131.

Molodin V. I., Partsinger G., Tseveendorzh D., 2012. Zamerzshie pogrebal'nye kompleksy pazyrykskoy kul'tury na yuzhnykh sklonakh Saylyugema (Mongol'skiy Altay) [Frozen burial complexes of Pazyryk culture on southern slopes of Saylyugem (Mongol Altai)]. Moscow: Triumf print. 566 p.

Pan Ling, 2005. Juxing dongwu wen paishi de xiangguan wenti yanjiu [Research of problems related with rectangular plaques with images in animal style]. *Bianjiang kaogu yanjiu. Vol. 3*, pp. 126–146.

Polos'mak N. V., 1994. «Steregushchie zoloto grify» (ak-alakhinskie kurgany) [«Vultures guarding gold» (Ak-Alakha kurgans)]. Novosibirsk: Nauka. 120 p.

Polos'mak N. V., 2001. Vsadniki Ukoka [Ukok riders]. Novosibirsk: INFOLIO-press. 336 p.

Qiao Liang, 2004. Xinzhuangtou 30 hao mu de dai jita [Dating of tomb Xinzhuangtou M30, and other]. *Huaxia kaogu*, 2, pp. 58–67.

Rudenko S. I., 1953. Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya [Culture of High Altai population in Scythian time]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 404 p.

Rudenko S. I., 1960. Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya [Culture of Central Altai population in Scythian time]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 360 p.

Samashev Z., 2011. Berel [Berel]. Almaty: Taymas. 326 p.

Shi Yongshi, 1997. Hebei sheng jing nei de Yan xia du yizhi [Ruins of Yan Lower capital in confines of Hebei province]. *Zhonghua wenhua huabao*, 4, pp. 9–19.

Shul'ga P. I., 2010. Izobrazheniya kopytnykh grifonov iz Dunkheygou (Sin'tszyan) [Images of hoofed griffins from Dunheygou (Xinjiang)]. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii [Antiquities of Siberia and Central Asia]*, 3 (15). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysky gosudarstvenny universitet, pp. 63–72.

Shuo yuan [Utterance garden], 1976. Liu Xiang (comp.). Beijing. (Zhongguo zixue mingzhu ji cheng, 26).

Strumpfeldt H., 1970. Staatsverfassung und Territorium im antiken China. Über die Ausbildung einer territorialen Staatsverfassung. Düsseldorf; Osnabrück: Schriftenreihe des Arnold-Bergtraesser-Instituts für kulturwissenschaftliche Forschung. 428 p. (Freiburger Studien zu Politik und Gesellshaft überseeischer Länder, 8.)

Taiping yulan [Encyclopedia compiled in Taiping era [xing guo] and revised by the most high official]. Electronic resource http://www.guoxue.com/zhibu/0201/03tpyl/0617.htm.

Tsuen-hsuin Tsien, 1993.Chan kuo ts'e.*Early Chinese Texts: a Bibliographical Guide*. M. Loewe, ed. Berkeley: Institute of East Asian Studies, pp. 1–11. (Early China special monographs series, № 2).

Vasil'ev K. V., 1968. «Plany srazhayushchikhsya tsarstv» (issledovanie i perevody) [«Plans of warring states» (research and translations)]. L. N. Men'shikov, ed. Moscow: Nauka. 255 p.

Vasil'ev K. V., 1998. Istoki kitayskoy tsivilizatsii [Origins of Chinese civilization]. Moscow: Vostochnaya literatura. 320 p.

Vasil'ev L. S., 1983. Problemy genezisa kitayskogo gosudarstva. (Formirovanie osnov sotsial'noy struktury i politicheskoy administratsii) [Problems of Chinese state genesis. (Formation of foundations of social structure and political administration)]. Moscow: Nauka. 326 p.

Vasil'ev L. S., 2006. Drevniy Kitay, 3. Period Zhanguo (V–III vv. do n. e. [Ancient China, 3. Period Zhanguo (V–III cc. BC).]. Moscow: Vostochnaya literatura. 678 p.

Xiong Cunrui, 1983. Xian Qin xiongnuji qi yu guande jige wenti [Xiongnu in Pre-Qin time and some related problems]. *Shehui kexue zhanxian*, 1, pp. 110–113.

Xu Zhongshu, 1964. Lun "Zhanguo ce" de bianxie ji youguan Su Qin zhu wenti [Concerning compiling of "Zhanguo ce" and problems related to Su Qin]. *Lishi yanjiu*, 1, pp. 133–150.

Yang Kuan, 2001. Zhanguo shiliao bian nian ji zheng [Distributed by years collection of historic sources on Zhanguo period]. Shanghai: Renmin chubanshe. 1195 p.

Zhang Qinchang, Wang Yandong, 1993. Zhanguo ce jianzhu [Interpretaton Zhanguo ce]. Tianjing: Nankai daxue chubanshe, 919 p.

Zhanguo ce [Plans of Warring States], 1995. Liu Xiang – comp. 1–3. 4th edition. Shanghai: Shanghai gu ji chubanshe, 1390 p.

About the author.

Kovalev Alexey A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: chemurchek@mail.ru

БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

М. Б. Медникова

БИОАРХЕОЛОГИЯ НЕАНДЕРТАЛЬСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ С ТЕРРИТОРИИ ФРАНЦИИ И КРЫМА*

Резюме. Статья представляет результаты нового исследования неандертальских скелетов из гротов Ля Феррасси во Франции и Киик-Коба в Крыму. Основное внимание уделялось описанию останков ювенильных особей. Обнаружены палеопатологические проявления, в том числе благодаря использованию цифрового микроскопа, у неандертальских младенцев периода грудного вскармливания – Ля Феррасси 8, 6, 4, 4 бис, а также у младенца Киик-Коба 2. Среди выявленных симптомов: последствия эндокраниальных геморрагий, истончение компактного слоя подвздошной кости, оссифицированные гематомы, периостит и криброзные изменения на крупных костях конечностей (преимущественно на бедренных и костях голени). В рамках дифференциальной диагностики рассмотрены возможные причины патологий. Наиболее вероятной представляется гипотеза о пищевой недостаточности, а именно об авитаминозе С, провоцировавшем развитие младенческой цинги. Эти данные позволяют уточнить диагноз взрослого неандертальца Ля Феррасси 1, возможно, страдавшего, помимо легочного заболевания, тем же недугом. Результаты рассмотрены на фоне сведений о питании неандертальцев. Сделан вывод, что условия ледникового периода и специфика пищевых традиций создавали отдельные риски для здоровья европейских палеоантропов.

Ключевые слова: неандертальцы, Ля Феррасси, Киик-Коба, дети, палеопатология, биоархеология, пищевой стресс, витаминная недостаточность, младенческая цинга.

Введение

Изучение ископаемых форм в эволюционной антропологии традиционно ставит во главу угла обсуждение таксономического положения представителей рода Homo. Успехи в этом направлении, в том числе благодаря интенсивным палеогенетическим исследованиям последних лет, затеняют другие важные области, в которых может быть достигнут существенный прогресс. Так, чрезвычайно перспективной представляется разработка биоархеологических аспектов

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 13-06-1224 офи_м.

изучения памятников, сопряженных с существованием неандертальского таксона.

На современном этапе развития антропологии считается общепринятым, что неандертальцы – древняя человеческая популяция Европы и частично Западной и Центральной Азии по меньшей мере от 200 тыс. до 30 тыс. л. н., которая отличалась значительной морфологической и поведенческой изменчивостью, была очень динамична и способна к быстрым миграциям на большие расстояния (*Hawks*, 2012). После открытия, что неандертальцы обладали способностью членораздельно говорить и что они даже изготавливали музыкальные инструменты, произошло радикальное изменение взглядов на этих ископаемых людей: от «полуобезьяны» до разумного вида-двойника или дублера современного человека (*Вишняцкий*, 2010).

Данная публикация посвящена контекстуальному обсуждению хорошо известных палеоантропологических находок – Ля Феррасси во Франции и Киик-Коба в Крыму. В основе нашей работы лежат оригинальные наблюдения. Обследованию были подвергнуты материалы из коллекции Музея Естественной Истории (Музея Человека) в Париже и Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) РАН в Санкт-Петербурге. Производилась фиксация палеопатологических проявлений. Измерения проводились электронным калипером. Микросъемки выполнены цифровым микроскопом Levenhuk DTX 90, позволяющим увеличивать изображение до 300 раз. Основное внимание уделялось описанию останков ювенильных особей.

Ля Феррасси

Ля Феррасси – одно из двух местонахождений во Франции, предоставивших убедительные доказательства преднамеренных неандертальских захоронений (*Chase, Dibble*, 1987). Человеческие кости были обнаружены здесь еще в 1909 г. (*Capitan, Peyrony*, 1912; 1921; *Peyrony*, 1934; *Heim*, 1976; 1982).

Первые исследователи не проследили края погребальной ямы. Однако зафиксировано, что двое взрослых, мужчина (Феррасси 1) и женщина (Феррасси 2), были найдены голова к голове, наподобие погребенным в верхнепалеолитическом двойном захоронении Сунгирь 2/3.

Другие останки принадлежали детям. Археологическая информация достаточно противоречива, число детей Феррасси и их порядковые номера в разных публикациях отличались.

К примеру, Ф. Чейз и Х. Диббл (*Chase, Dibble*, 1987. P. 276) в обзорной статье, посвященной символизму в эпоху среднего палеолита, отмечали: «Четыре других индивидуума, ребенок 10 лет (Феррасси 3), новорожденный (Феррасси 4a, 4b), трехлетний ребенок (Феррасси 5) и остатки плода (Феррасси 6) были извлечены из ямок или углублений. Кроме того, были обнаружены девять небольших земляных насыпей вдоль других углублений».

Упомянутое выше количество неандертальских детей противоречит большинству антропологических работ, в которых останки индивидуумов с шифрами Ля Феррасси 4/Ле Мустье 2a и Ля Феррасси 4b/Ля Феррасси 4 соответствуют двум новорожденным, а Феррасси 6 – это трехлетний ребенок.

В наиболее детальном описании Эйма (*Heim*, 1982) так называемый Блок А включает останки трех маленьких детей: Ля Феррасси 4 (№ 23.647 А 1, fetus), Ля Феррасси 4 бис (№ 23.647 А 2, новорожденный). К Блоку В относятся Ля Феррасси 3 (№ 23.647В, 10 лет). Ля Феррасси 5 – это плод, Ля Феррасси 6 (№ 23.648) – ребенок 3 лет, Ля Феррасси 8 – ребенок 2 лет. В книге Эйма (Ibid.) описаны останки 6 неполовозрелых неандертальцев, и вместе с взрослыми общее количество из Феррасси составляет 8 человек.

Ю. А. Смирнов (1991. С. 125, 126), опиравшийся в своем фундаментальном труде на несколько более раннюю работу Эйма, приводит другое обозначение детей Феррасси: погребение 3 – 10-летний, погребение 4а – «доношенный зародыш», погребение 4б – 15-дневный ребенок, погребение 5 – 7–8 месяцев, погребение 6 – ребенок 3 лет, погребение 7 – ребенок 2 лет. В более поздней работе Ю. А. Смирнов (2010. С. 123) приводит следующую нумерацию: № 1 – мужчина 45 лет, № 2 – женщина 25–30 лет, № 3– ребенок 10 лет, № 4бис – новорожденный (15 дней), № 5 – новорожденный (7–8 месяцев), № 6 – ребенок 3 лет, № 7 – ребенок (23 месяца).

Во избежание путаницы в данной работе мы будем опираться на шифры Музея человека, возрастные определения из поздней работы Эйма и корректировать их собственными наблюдениями.

П. Петтит (*Pettitt*, 2002) предложил разностороннее обсуждение обращения неандертальцев с умершими. Его главный вывод – в позднем среднем плейстоцене они помещали покойных в нетронутом природном окружении. В то же время, после 70 тыс. л. н. неандертальские группы погребали детей, иногда парциально, в ямах; и взрослых, и детей хоронили в неглубоких могилах. По Петтиту, возможно, некоторые места служили погребальными центрами, и тогда их функцией было сохранять память неандертальских групп через физические обозначения могил или через социальную традицию. Жизнь неандертальского социума фокусировалась на телесности, лежавшей в основе личностных связей, и неудивительно, что человеческое тело подлежало посмертному обращению.

Примечательно, что даже Петитт называет другое число останков: «Грот Ля Феррасси в Дордони сохранил семь **(**! – *М. М.*) неандертальских скелетов. Два из них (Ля Феррасси 1 и 2) были почти полными,… такая сохранность слишком экстраординарна, чтобы быть случайной (Ossa, comment to Gargett: 183). Почти полностью сохранившиеся останки взрослого мужчины Ля Феррасси 1 находились в задней части грота... В первоначальном докладе комиссии, включавшей очевидцев раскопок 1912 г. (*Peyrony*, 1934), было определенно отмечено, что эти ямы появились в результате преднамеренных действий» (*Pettitt*, 2002. P. 6) (рис. 1).

«Капитан и Пейрони (*Capitan, Peyrony*, 1912. P. 439, 440) идентифицировали две погребальные ямы в мустьерском слое C/D в Ля Феррасси. Каждая из них на плане почти округлая, около 70 см в диаметре, 30–40 см глубиной, в сечении полусферическая, в форме миски. Одна из них содержала останки 10-летнего ребенка (Ля Феррасси 3), среди которых отсутствовали туловище и нижние конечности, в другой яме были плечевая и бедренная кости плода (Ля Феррасси 4) и новорожденного (Ля Феррасси 4а). Еще одна яма, в которой найден Ля Феррасси 5, диаметром 30–40 см, не была должным образом зафиксирована в момент

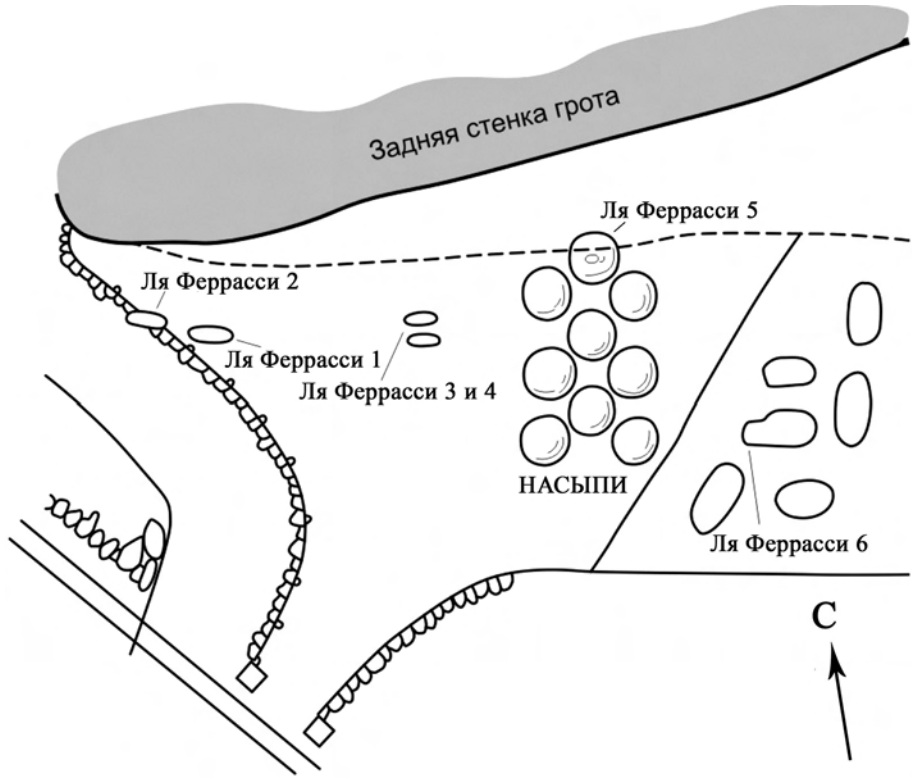


Рис. 1. План грота Ля Феррасси с обозначением локализации погребенных, ям и насыпей (по: *Peyrony*, 1934). На плане отсутствует место находки Феррасси 8, обнаруженного в 1973 г. между Ля Феррасси 5 и задней стенкой грота (по: Heim, 1982. P. 7)

раскопок, и ее глубина осталась неизвестной, но не меньше 5 см. Хотя сложно представить, что насыпь над этой ямой – погребальный маркер, можно, по крайней мере, предположить преднамеренное размещение парциальных останков плода на дне ямы. В дополнение, очень большое углубление, возможно, естественного происхождения вместило парциальный скелет ребенка (Ля Феррасси 6). Оно накрыто блоком известняка, поверхность которого гравирована углублениями, которые Пейрони считал делом рук неандертальцев» (*Capitan, Peyrony*, 1912. P. 12).

Принимая во внимание состав выборки из грота Ля Феррасси, которая включает взрослых мужчину и женщину, новорожденных, детей завершения периода грудного вскармливания (2–3 года), десятилетнего ребенка, можно констатировать, что это репрезентативное отражение местного неандертальского социума в целом. Данные антропологии и палеопатологии могут прояснить обстоятельства жизни европейских палеоантропов в этот период.

Патологические особенности неандертальских детей из грота Ля Феррасси

Коробка 48. № 28106. Ребенок Феррасси 8. По Эйму (*Heim*, 1982. P. 12), биологический возраст индивидуума составляет не более 2 лет или 22–26 месяцев от рождения. Имеются затылочная и фрагментарные теменные кости, небольшие части лицевого скелета (?), зубные остатки, элементы 12 позвонков и крестца, 47 элементов ребер, части тазового пояса и фаланга.

Используя увеличение примерно в 20 раз, нам удалось обнаружить атипичные структурные изменения на внутренней поверхности затылочной кости, где отчетливо видны оссифицированные гематомы (цв. рис. 2*а, б*: с. 335).

Среди останков этого же ребенка имеется 7 ребер. При визуальном осмотре на их поверхности распознаются пластинчатые периостальные структуры, особенно хорошо заметные на трех крупных фрагментах. Они могли быть результатом витаминной недостаточности, инфекции или тафономическими изменениями (цв. рис. 2, *в*).

Осмотр выявил, что фрагменты таза тоже несут поротические изменения. Но микроскопическая картина крыла подвздошной кости показывает, как на поверхности проступает сеть массивных трабекул, типичных для неандертальцев в целом (цв. рис. 2, *г*). Это означает, что компактный слой, прикрывавший губчатую ткань, был слишком тонок, что не характерно для ребенка такого возраста и может отражать сильный пищевой стресс. Подобное состояние также способствовало повышенной кровоточивости, поскольку спонгиоза насыщена кровеносными сосудами, подходившими в этом случае очень близко к поверхности.

Коробка 53. № 23648. Феррасси VI (6).

Ребенок около 3 лет. Обнаружены признаки возможной патологии: крибротические периостальные изменения на задней поверхности метафиза правого бедра (цв. рис. 3, *а*: с. 336). Они отличаются по цвету от прилегающей поверхности. Криброзные изменения также распространяются вокруг нижнего метафиза левого бедра, кроме того, затронутого в передней и задней части периоститом. Периостальные изменения покрывают переднюю и заднюю поверхность правой большеберцовой, верхняя часть которой, к сожалению, разрушена, а также поверхность правой малоберцовой.

Коробка 53. № 23647. Феррасси 4. Блок А. «Плод», по Эйму (Ibid.).

Поверхность левой бедренной кости целиком затронута криброзным периоститом, наиболее отчетливым в области шейки и в нижнем метафизе (цв. рис. 3, *б*).

Коробка 53. Феррасси 4 bis. № 23645. «Плод», по Эйму (Ibid.).

Периостальная реакция распространена на передней поверхности левой бедренной кости (цв. рис. 3, *в*).

Киик-Коба 2

История изучения

Скелет неандертальского младенца в гроте Киик-Коба обнаружен Г. А. Бонч-Осмоловским в 1925 г. Он был найден рядом с погребением взрослого человека, в 30 см на север от места первоначального положения его головы на участке № 13 в маленькой, вытесанной на дне пещеры яме. Положение тела ребенка – скорченное на левом боку. На плане видно, что скелеты взрослого индивидуума и младенца были ориентированы головами друг к другу (*Vlcek*, 1973. P. 538. Fig. 1).

Останки взрослого неандертальца Киик-Коба 1 были подробнейшим образом описаны автором раскопок (*Бонч-Осмоловский*, 1941; 1954). Кости ребенка впервые исследовал Е. Влчек (*Vlcek*, 1973), которому принадлежит и их первая реконструкция. Он определил возраст младенца в 5–7 месяцев после рождения, реконструировал длину тела (около 64 см) с использованием разных формул, выявил присутствие некоторых особенностей, характерных для взрослых неандертальцев (искривление костей предплечья, переднезадний изгиб диафиза бедра, ретроверсия верхнего эпифиза большеберцовой, массивность костей).

В недавнем прошлом кости были осмотрены Э. Тринкаусом, который опубликовал работу, посвященную типично неандертальским особенностям строения лопатки у младенца Киик-Коба 2 (*Trinkaus*, 2008).

В первый раз останки ребенка из Киик-Кобы были обследованы нами в апреле 2009 г., тогда же был выполнен микрофокусный рентген крупных трубчатых костей (плечевой, бедренной, большеберцовой). Повторное изучение проведено в 2014 г. В этот раз особое внимание было уделено не только макроморфологическим, но и некоторым микроструктурным особенностям останков, в том числе связанным с патологическими проявлениями.

Целью нашей работы было выявление морфологических и палеопатологических особенностей ребенка Киик-Коба 2 в свете новых сравнительных данных.

Сохранность скелета

При первоначальном осмотре обследованы правая плечевая кость, лопатка, акромиальный отросток левой лопатки, кости правого предплечья в монолите, левые локтевая и лучевая, правая и левая бедренные, рукоятка грудины, крыло левой тазовой (подвздошной) кости, правой седалищной, правого надколенника, левых малоберцовой и большеберцовой (верхняя половина), правой стопы, 12 тел позвонков (3 шейных, 5 грудных, 4 поясничных), фаланги кисти.

При повторном осмотре подробнее обследованы дуги позвонков, ребра, возможный фрагмент ключицы.

Несмотря на то, что в описи первоначально указано 20 фрагментов ребер, в настоящий момент сохранилось 17 фрагментов, из них 11 уверенно ассоциируются с ребрами, один фрагмент, возможно, представляет собой латеральный (?)

конец ключицы. Кроме того, имеется еще 5 фрагментов с нарушенной морфологией. Размах длины фрагментов – от 16,99 до 11,83 мм. Спинальные отростки и дуги позвонков представлены 22 фрагментами. По описи их должно было быть 19. Среди 14 «фрагментов тел позвонков» один, по-видимому, представляет собой рукоятку грудины.

Следы двигательной активности

Несмотря на то, что останки принадлежат младенцу в возрасте до года, некоторые морфологические особенности позволяют говорить о степени тренированности отдельных групп мышц. Так, на правой плечевой кости уже сформирована область дельтовидной бугристости, акцентирован большой бугорок. Левая лучевая кость в метафизарной области расширена, возможно, вследствие функциональной нагрузки. На левой локтевой кости уже заметно развитие т. н. дистального латерального гребня. Можно говорить о тренированности *m. brachiradialis*. При этом рельеф костей нижней конечности не выражен.

Эту картину можно интерпретировать следующим образом: неандертальский младенец постоянно держался за свою мать, прикладывая большие усилия, что способствовало гипертрофии мышц плечевого пояса и верхней конечности.

Патология

Поверхность обломков ребер без патологий, в том числе при увеличении. Сохранившийся верхний фрагмент правой плечевой кости несет отчетливо выраженные периостальные изменения. Аналогичные поротические изменения фиксируются на костях левого предплечья (правое сохранилось в монолите).

Правое бедро – относительно целое. Левое состоит из двух крупных фрагментов, что позволяет без дополнительных усилий изучить слом в центральной части диафиза.

На поверхности диафиза и метафизов левого бедра отчетливо выражены вертикально идущие периостальные изменения. Аналогичные дефекты костной поверхности имеются и справа. Морфологически эти изменения больше всего соответствуют картине, типичной для оссифицированных гематом.

Криброзные периостальные изменения видны в метафизах малоберцовой кости. Обширные периостальные изменения присутствуют на поверхностях диафизов большеберцовых костей.

На предмет присутствия патологий осмотрены правая лопатка и подвздошная кость.

На снимке коракоидного отростка лопатки, выполненном с увеличением, видна неровная, бугристая поверхность, но геморрагических проявлений не выявлено.

При рассмотрении внутренней поверхности крыла подвздошной кости заметно скопление питательных отверстий (начальная стадия геморрагических проявлений?). Крыло характеризуется большой толщиной и, соответственно,

увеличенным объемом губчатой ткани, что типично и для взрослых неандертальцев.

Итак, при рассмотрении достаточно полно сохранившегося скелета младенца Киик- Коба 2 патологические изменения в виде периостита и оссифицированных геморрагий обнаружены на поверхности плечевой, бедренных, костей предплечья и голени (цв. рис. 3, *г*). На поверхности лопатки таких признаков не выявлено. На подвздошной кости наблюдаются скопления питательных отверстий, которые могут относиться как к нормальной морфологической изменчивости, так и к началу патологического процесса. Указанные признаки говорят о генерализованной патологии.

Обсуждение

Взрослый мужчина, представитель группы Ля Феррасси, считается одним из наиболее «патологических» неандертальских индивидуумов. Кроме парадонтопатии, остеоартрита позвоночника, сломанного большого вертела бедра, ЛФ1 демонстрирует двусторонний симметричный периостит в нижней части бедренных и особенно большеберцовых костей, слабее выраженный в проксимальных сегментах (*Fennell, Trinkaus*, 1997). Новообразованные периостальные образования не проникают вглубь компактного слоя, внутрь сочленовной капсулы или в субхондральную кость. Патологический процесс в меньшей степени был распространен на крупные кости верхней конечности, при этом кости кисти и стопы им не затронуты. Симметрично выраженная и очень активная на момент смерти патология была определена американскими исследователями как результат гипертрофической пульмонарной остеоартропатии (HPO), также называемой вторичной гипертрофической остеоартропатией, спровоцированной инфекцией органов грудной клетки или даже карциномой легких. Мы можем предположить, что, если мужчина ЛФ1 скончался от генерализованного процесса, связанного с легочным воспалением, это, скорее всего, произошло в холодное время года – осенью, зимой или весной, которая в период ледникового похолодания не могла быть теплой.

Патологические проявления, отмеченные нами на детских скелетах из этого грота, по-видимому, совсем другой природы. Итак, нами встречены: оссифицированные последствия внутричерепного кровотечения и истончение кортикального слоя на крыле подвздошной кости у двухлетнего ребенка (ЛФ8); периостит на костях нижней конечности у трехлетнего (ЛФ6); криброзные и периостальные изменения на плечевой кости у новорожденного (ЛФ4); криброзные изменения, оссифицированные гематомы у другого новорожденного (ЛФ4 бис)[2].

Дифференциальная диагностика всех этих случаев должна включать витаминную недостаточность или инфекцию. Если это инфекция, локализация

[2] Хотя Эйм в своей публикации определил ЛФ4 как еще не рожденного ребенка, идентичные размеры ЛФ4 и ЛФ4 бис позволяют отнести этих детей к более старшей категории младенцев до полугода.

периостита сходна с таковой у мужчины ЛФ1. Была ли это легочная инфекция, аналогичная вызвавшей синдром НРО у взрослого неандертальца?

Второй вариант связан с детской цингой, или т. н. болезнью Моллера-Барлоу. Локализация периостита также типична для этой болезни. Для заболевания характерна повышенная кровоточивость, и поэтому эндокраниальная геморрагия и оссифицированные гематомы говорят в поддержку этого диагноза. Впрочем, внутричерепное кровотечение ЛФ8 могло быть вызвано травмой, но, судя по локализации и выраженности патологических изменений на внутренней стороне свода черепа неандертальского младенца, кровоизлияния носили хронический характер, более типичный для недостатка витамина С.

У современных детей последствия авитаминоза С могут быть заметны спустя 5 месяцев после рождения, наиболее очевидные признаки проявляются в 8–10 месяцев (*Ortner*, 2003). Например, похолодание климата в XVI–XVII столетиях спровоцировало эпидемию детской цинги и пик смертности пятимесячных – годовалых младенцев в русских городах (*Торопова, Бужилова*, 2012; *Медникова и др.*, 2013а; 2013б). От болезни Моллера-Барлоу страдало средневековое население русского севера (*Бужилова*, 2005).

Д. Ортнер с соавторами (*Ortner*, 2003; *Ortner, Ericksen*, 1997; *Ortner et al.*, 1999; 2001) предложил новые критерии для палеопатологической диагностики младенческой цинги. Он выделил два наиболее специфических признака заболевания, связанных с порозностью и гипертрофией двусторонних повреждений большого крыла сфеноидной кости. Часто они сопровождаются такими неспецифическими симптомами, как *cribra orbitalia* или поротический гиперостоз негипертрофированного свода черепа.

По классификации Б. Богина (*Bogin*, 2009. P. 568), обратившего особое внимание на пищевое поведение обществ традиционной культуры, младенчество продолжается от рождения до 30–36 месяцев и характеризуется грудным вскармливанием с прикормом, начиная с годовалового возраста. Переход к собственно детству означает отказ от материнского молока и прорезывание полного комплекта зубов первой генерации. Функциональные ограничения, связанные с молочными зубами и малым объемом пищеварительной системы, приводят к тому, что дети должны употреблять хорошо пережевываемую и питательную еду.

Итак, неандертальские дети, на костях которых мы обнаружили патологические изменения (ЛФ4/ЛМ2а, ЛФ4b/ЛФ4, ЛФ8, ЛФ6), все еще питались материнским молоком.

Могла ли у неандертальских детей развиваться болезнь Моллера-Барлоу? Проблема витаминной недостаточности у неандертальцев никогда не обсуждалась, возможно, по причине их высокого положения в трофической цепи и их широко известной плотоядности (*Добровольская*, 2005).

Однако, если задуматься над этим вопросом, следует констатировать, что палеоантропы нуждались в необходимом количестве витамина С так же, как и все другие люди. Приматы, и в том числе представители рода Homo, неспособны конвертировать глюкозу в аскорбиновую кислоту, поэтому обязательно должны получать витамин С с едой. В теплых регионах, с которыми связано происхождение ранних людей, питание свежими фруктами и овощами предупреждало

развитие авитаминозов, но, когда мигранты освоили более северные территории, они должны были столкнуться с новым вызовом.

На внутриутробной стадии развития ребенок получает необходимое количество питательных веществ от матери. Однако после рождения, если его мать страдает от авитаминоза С, грудничок может заболеть младенческой цингой. Витаминная недостаточность нарушает синтез коллагена, так развиваются самые заметные симптомы цинги – нарушения костеобразования и хрупкость кровеносных сосудов, часто приводящая к геморрагиям (*Brickley, Ives*, 2006). Нарастает остеокластическая резорбция и это проявляется в истончении кортикального слоя, трабекул, в увеличении пространства между трабекулами. У детей эти признаки могут развиваться очень быстро. Заметим, что упомянутые признаки обнаружены нами у неандертальских «грудничков» из Ля Феррасси.

В палеопатологии последних лет тема младенческой цинги разрабатывалась особенно интенсивно (e. g., *Brickley, Ives*, 2006; *Carli-Thiele*, 1996; *Maat*, 1982; *Melikian, Waldron*, 2003; *Ortner*, 1984; *Ortner, Putschar*, 1981; *Ortner, Ericksen*, 1997; *Halcrow et al.*, 2014; *Zuckerman et al.*, 2014 и др.).

Цинга обсуждается как сезонное заболевание, в прошлом распространенное в периоды, когда свежие фрукты и овощи бывали менее доступны (*Melikian, Waldron*, 2003). Очевидно, что условия ледникового периода мало способствовали вегетации и теоретически могли создавать предпосылки для недостатка витамина С. Впрочем, недавние палеопатологические работы обнаруживают цингу даже в тропических условиях (*Halcrow et al.*, 2014).

Можно предположить, что необходимое для неандертальцев количество витамина С не сильно отличалось от современных норм. Сегодня здоровье взрослого человека поддерживается суточным употреблением около 10 мг витамина С.

Холкроу и соавторы (Ibid.) предложили список факторов, влияющих на концентрацию аскорбиновой кислоты в теле современного человека: например, низкий социоэкономический статус, пищевые ограничения, психиатрические нарушения, недостаток внимания детям, грудное вскармливание матерями, страдающими от авитаминоза, серьезные травмы, ожоги, болезни, воспаления, диабет, инфекции, например, вызванные возбудителями *Helicobacterpylori*, *Plasmodiumfalciparum*. Также в группе риска новорожденные, кто не получил от матери достаточно витамина С на внутриутробной стадии. У некоторых людей выявлена генетическая предрасположенность – так, полиморфизм гаптоглобина Hp2-2 сопряжен с пониженными уровнями аскорбиновой кислоты в организме. В этом списке нами выделены наиболее вероятные факторы развития авитаминоза С в неандертальской группе.

Недавно, с использованием математических моделей, обсуждались различия в траекториях роста неандертальских и современных детей (*Martin-Gonzalez et al.*, 2012). Выявлены расхождения в скорости, начиная с пяти месяцев после рождения, когда неандертальские младенцы демонстрируют сильное замедление темпов роста по сравнению с современными детьми. Авторы исследования объясняли эту закономерность генетическими предпосылками или метаболическим стрессом. Выборка маленьких неандертальцев, для которой производились расчеты, включала детей из Ля Феррасси.

Четыре месяца после рождения – это тот возраст, когда у современных младенцев может проявиться болезнь Моллера-Барлоу. Поэтому замедление процесса роста, отмечаемое в цитируемой работе, может быть обеспечено не генетическими особенностями неандертальцев, а пищевым стрессом, если принять во внимание наше предположение о смертности грудных младенцев от цинги.

И если авитаминоз С присутствовал в группе Феррасси, патология мужчины ЛФ1 должна быть рассмотрена и с этой точки зрения.

Цинга трактуется как индикатор социального или природного стресса (*Ortner et al.*, 1999; 2001). Но диагностировать ее на взрослых скелетных останках сложно. Впрочем, в палеопатологической литературе обсуждались манифестации болезни у взрослых. Дж. Маат (*Maat*, 1982) описал останки голландских китобоев семнадцатого века со Шпицбергена и пришел к выводу, что именно цинга была причиной черных пятен («макул») на сочленовных поверхностях нижних конечностей, симптомов т.н. гемартрозов. Цинга была также диагностирована у взрослых рудокопов конца XIX в. из Южной Африки (*Van der Merwe et al.*, 2010a; 2010b). В этом случае патология проявлялась в оссифицированных субпериостальных гематомах вдоль костей нижней конечности и в болезни периодонта. Т. Крист, М. Сорг (*Crist, Sorg*, 2014) обсудили возможные свидетельства цинги по итогам изучения останков колонистов семнадцатого века из Новой Франции. Диагноз подтверждается аномальной порозностью неба от питательного отверстия позади первого моляра до, в некоторых случаях, поперечного небного шва. Порозность симметричная и без заживления, отверстия – от 0,5 до 1 мм. Она встречена вдоль лингвальной поверхности горизонтальной ветви нижней челюсти; сильнее всего она выражена по краям лунок моляров. Массивные трабекулы отражают воспалительный процесс и резорбцию альвеолярного отростка. На диафизах бедренных и большеберцовых костей выражена обширная периостальная реакция и, в одном случае, остеомиелит. В некоторых случаях присутствуют гемартрозы и оссифицированные геморрагии.

У мужчины Ля Феррасси 1 имелся парадонтоз, впрочем, у неандертальцев были такие длинные корни зубов, что это состояние не угрожало их утратой. Не отвергая диагноз НРО, поставленный американскими антропологами, все же обратим внимание на коричневато-черный цвет периостальных отложений на бедренных и большеберцовых костях (цв. рис. 3, *д*). Как отмечалось выше, локальное изменение цветности характерно для гемартрозов и периостальных реакций при цинге у взрослых. Примечательно, что, судя по планиграфии находок в гроте, останки этого мужчины и больных младенцев ЛФ4 и ЛФ4 бис захоронены очень близко. Это может отражать общий негативный эпизод в жизни неандертальской группы Феррасси.

Дифференциальная диагностика неандертальского младенца из Крыма также может включать инфекцию или витаминную недостаточность, приведшую к метаболическим нарушениям. В пользу второго диагноза, как и в случае детей из Ля Феррасси, говорит множественное присутствие оссифицированных геморрагий. К сожалению, окончательный диагноз здесь невозможен по причинам отсутствия черепа, на котором должны были быть выражены признаки, используемые для наиболее достоверного определения болезни Моллера-Барлоу. Однако, если рассматривать этот случай в контексте других

находок неандертальских детей в возрасте грудного вскармливания, этот диагноз выглядит более весомым. Биологический возраст киикобинского ребенка определен Е. Влчеком в 5–7 месяцев. Если ориентироваться на длину бедренной кости (ок. 95 мм), то с использованием данных М. Мареш по крупным современным американским детям (*Schaeferetal.*, 2009), этот ребенок скорее попадает в интервал 3–5 месяцев. Впрочем, цитированная выше статья говорит об отставании неандертальских младенцев от современных в размерах.

Результаты нашей работы побуждают вновь обратиться к вопросу о диете жителей Европы в среднем плейстоцене. Неандертальцы традиционно воспринимались как охотники на крупных наземных (травоядных) животных, охота на птиц, ловля ими рыбы или употребление в пищу растений первоначально не рассматривались исследователями.

В обстоятельном обзоре, посвященном пищевым привычкам неандертальцев, реконструированным по данным изотопного анализа, Э. Бошерен (*Bocherens*, 2009) приводит в том числе результаты исследования образцов со стоянки Маррилак во Франции (стадия OIS3). Все эти неандертальцы демонстрируют изотопные сигналы, аналогичные крупным хищникам, таким как гиена, волк или лев. Однако, как подчеркивает Бошерен, это лишь означает, что в основе рациона лежало мясо наземных животных, но не исключает растительных пищевых добавок.

Хотя считается, что неандертальцы Европы были приспособлены к исключительно холодным условиям, на протяжении плейстоцена палеоантропы испытали огромное разнообразие климатических флуктуаций (*Hardy*, 2010. P. 663). Адаптированные к холоду неандертальцы употребляли крупных животных, тоже приспособленных к холоду (мамонт, бизон, северный олень и др.). В целом, природная среда высоких широт, казалось бы, подразумевает отказ от растительной пищи. Применительно к неандертальцам она действительно долгое время игнорировалась, поскольку они воспринимались как «вершина» хищничества. Б. Л. Харди, тем не менее, обращает внимание, что постное мясо (например, от истощенных зимними холодами и бекормицей животных) способно обеспечивать не более 35 % диетарной энергии, когда будет достигнут допустимый предел в потреблении белковой пищи. Исключительно протеиновое питание имеет негативные физиологические последствия. Чрезмерное употребление постного мяса приводит к растяжению желудка, тревожному расстройству, диарее, если в организм не поступают жир или карбогидраты. Это связано с ограниченной способностью печени обеспечивать производство энзимов (Ibid. P. 666). Поэтому неандертальцы должны были получать энергию и из альтернативных источников, особенно, если им доставалась истощенная добыча.

Таким источником энергии Б. Л. Харди считает корни и клубни растений, особенно полезные поздней осенью и зимой. Крахмалсодержащие клубни были доступны даже в самые холодные периоды. Показательно, что анализ поверхности орудий со стоянки Рауге ранних неандертальцев на юге Франции (125–250 тыс. л. н.) доказал манипуляции с крахмалсодержащими растениями (*Hardy, Moncel*, 2011).

Современным аналогом неандертальцев часто выступают коренные жители Арктики. Как показывают этнографические исследования, роль растительной

пищи в этих группах была недостаточно оценена. Сегодня известно о растительном питании в условиях тундры. В высоких широтах Северной Америки аборигенное население, как отмечают Х. Кунлейн и Н. Тернер, знает до 1000 видов съедобных растений (*Hardy*, 2010. P. 665). Чтобы нормально функционировать, на 65 % мясной пищи у неандертальцев должно было приходиться 35 % растений. Витамин С в северных странах содержался прежде всего в ягодах, например, в чернике, но это сезонная пища. Он мог поступать к неандертальцам из сырой печени и других внутренних органов убитых животных (Ibid. P. 668). Коренья и клубни многих растений выживают при зимней температуре до минус 40 градусов. Мало того, их можно было собирать круглогодично, в отличие от наземных частей. Среди наиболее вероятных добавок к неандертальскому рациону рассматриваются *Typha latifolia*, *Polygonum bistorta*, *P.viviparium*, *Sagittaria saggittifolia*, *Erythronium dens-canis*, *Arctium lappa*, *Daucus carota*, *Pastinacasativa.*

А. Г. Хенри и соавторы (*Henry et al.*, 2011), изучив зубной камень на неандертальских зубах из Шанидара в Ираке и Спи в Бельгии, получили прямые доказательства питания растениями (соответственно пальмовыми *Phoenix spp.* и травянистыми *Tricidae*). Другие исследователи зубного камня пришли к выводу о поедании испанскими неандертальцами лекарственных растений наподобие ромашки (*Hardy et al.*, 2012. P. 617). Впрочем, последнее утверждение подверглось обстоятельной критике английскими антропологами, предполагающими, что подобно многим поздним охотникам-собирателям неандертальцы ели желудки растительноядных животных вместе с содержимым (*Buck, Stringer*, 2013. P. 5). Например, для инуитов ключевой источник витамина С – желудок северного оленя.

Заключение

Учитывая мнения разных авторов, следует признать, что выживание неандертальцев в условиях ледникового периода было неизбежно связано не только с их высоким положением в трофической цепи как охотников-мясоедов, но и с употреблением некоторого количества растительной пищи. Обнаруженные нами патологические проявления на скелетах младенцев грудного возраста из гротов Ля Феррасси и Киик-Коба, возможно, имеют сходную этиологию. Хотя сохранность этих уникальных материалов не позволяет со стопроцентной точностью поставить диагноз, многие признаки, прежде всего оссифицированные геморрагии, говорят в пользу пищевой недостаточности, вызванной недостатком витамина С. Не исключено, что авитаминоз С был также патологией, сопутствовавшей тяжелому заболеванию взрослого неандертальца Ля Ферраси 1, погребенного в непосредственной близости от младенцев, предположительно страдавших младенческой цингой. Таким образом, условия ледникового периода создавали серьезные риски для здоровья европейских палеоантропов, связанные с недостаточным поступлением в организм жизненно важных веществ.

Благодарности

Автор пользуется случаем принести глубокую благодарность за разрешение работать с коллекцией Музея естественной истории (MNH) и за неоценимую помощь на разных этапах исследования Филиппу Менесье, Алану Фроману, Вероник Лаборд, а также Валерию Ивановичу Хартановичу – за возможность обследовать находку из Киик-Кобы.

ЛИТЕРАТУРА

Бонч-Осмоловский Г. А., 1941. Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба. М.; Л.: АН СССР. 170 с. (Палеолит Крыма; Вып. II.)

Бонч-Осмоловский Г. А., 1954. Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба. М.; Л.: АН СССР. 398 с. (Палеолит Крыма. Вып. III.)

Бужилова А. П., 2005. Homo sapiens. История болезни. М.: Языки славянской культуры. 320 с.

Вишняцкий Л. Б., 2010. Неандертальцы: история несостоявшегося человечества. СПб.: Нестор-История. 312 с.

Добровольская М. В., 2005. Человек и его пища. М.: Научный мир. 367 с.

Медникова М. Б., Энговатова А. В., Решетова И. К., Шведчикова Т. Ю., Васильева Е. Е., 2013а. Эпидемиология войны и смуты: антропологические и письменные источники в изучении качества жизни населения русского города XVI–XVII вв. (на примере Ярославля) // КСИА. Вып. 231. С. 154–171.

Медникова М. Б., Энговатова А. В., Шведчикова Т. Ю., Решетова И. К., Васильева Е. Е., 2013б. «Дети Смутного времени»: новые данные о качестве жизни в г. Ярославле XVI–XVII вв. по антропологическим материалам из раскопок детских погребений // КСИА. Вып. 228. С. 15–126.

Смирнов Ю. А., 1991. Мустьерские погребения Евразии. М: Наука. 340 с.

Смирнов Ю. А., 2010. Вновь о неандертальских погребениях Европы // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Отв. ред. И. С. Каменецкий, А. Н. Сорокин. М.: Гриф и К. С. 123–126.

Торопова Е. В., Бужилова А. П., 2012. Детские погребения на раскопе в Старой Русе: археологический комментарий к Новгородской первой летописи // РА. № 3. С. 72–78.

Bocherens D., 2009. Neanderthal Dietary Habits: Review of the Isotopic Evidence // The Evolution of Hominin Diets // Integrating Approaches to the Study of Palaeolithic Subsistence / Eds J.-J. Hublin, M. P. Richards. Leipzig: Springer Science: Bisness Media B. V. P. 241–250.

Bogin B., 2009. Childhood, Adolescence, and Longevity: A Multilevel Model of the Evolution of Reserve Capacity in Human Life History // American Journal of Human Biology. Vol. 21. P. 567–577.

Brickley M., Ives R., 2006. Skeletal Manifestations of Infantile Scurvey // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 129. P. 163–172.

Buck L. T., Stringer C. D., 2013. Having the stomach for it: a contribution of Neanderthal diets? // Quaternary Science Reviews. P. 1–7. URL: http://dx.doi.org/10.10.16/j.quascirev.2013.09.003. Date of access: 14.05.2015.

Capitan L., Peyrony D., 1912. Trois nouvaeux squellettes humains fossiles // Revue Anthropologique. Vol. 22. P. 439–442.

Capitan L., Peyrony D., 1921. Decouverte d'un 6 squelette mousterien a La Ferrassie // Revue Anthropologique. Vol. 31. P. 382–388.

Carlie-Thiele P., 1996. Spuren von Mangelerkrankungen an steinzeitlichen Kinderskeletten. Goettingen: Verlag Erich Goetze. 267 S.

Chase Ph. G., Dibble H. L., 1987. Middle Paleolithic Symbolism: A Review of Current Evidence and Interpretations // Journal of Anthropological Archaeology. Vol. 6. P. 263–296.

Crist T. A., Sorg M. H., 2014. Adult scurvy in New France: Samuel de Champlain's «Mal de la terre» at Saint Croix Island, 1604–1605 // International Journal of Paleopathology. URL: http://dx.doi.org/10.1016/j.ijpp.2014.04.002. Date of access: 14.05.2015.

Fennell K. J., Trinkaus E., 1997. Bilateral Femoral and Tibial Periostitis in the La Ferrassie Neanderthal // Journal of Archaeological Science. Vol. 24. P. 985–995.

Halcrow S. E., Harris N. J., Beavan N., Buckley H. R., 2014. First bioarchaeological evidence of probable scurvy in Southeast Asia: Multifactorial etiologies of vitamin C deficiency in a tropical environment // International Journal of Paleopathology. URL: http://dx.doi.org/10.1016/j.ijpp. Date of access: 2014.01.04.

Hardy B. L., 2010. Climatic variability and plant food distribution in Pleistocene Europe: Implications for Neanderthal diet and subsistence // Quaternary Science Reviews. Vol. 29. P. 662–679.

Hardy B. L., Moncel M.-H., 2011. Neanderthal Use of Fish, Mammals, Birds, Starchy Plants and Wood 125–250,000 Years Ago // Plos One. Vol. 6. Issue 8. P. 1–10.

Hardy K., Buckley S., Collins M. J., Estallrich A., Brothwell D., Copeland L., Garcia-Tabernero A., Garcia-Vargas S., de la Rasilla M., Lalueza-Fox C., Huguet R., Bastir M., Santamaria D., Madella M., Wilson J., Cortes A., Rosas A., 2012. Neanderthals medics? Evidence for food, cooking and medical plants entrapped in dental calculus // Naturwissenschaften. Vol. 99. P. 617–626.

Hawks J., 2012. Dynamics of genetic and morphological variability within Neanderthals // Journal of Anthropological Science. Vol. 90. P. 81–97.

Heim J.-L., 1976. Les Hommes fossiles de La Ferrassie (Dordogne). Paris: Masson. T. 1. 368 p. (Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine; Vol. 35.)

Heim J.-L., 1982. Les Enfants Neandertaliens de La Ferrassie. Etude Anthropologique et Analyse Ontogenique des Hommes de Neandertal. Paris: Masson. 169 p.

Henry A. G., Brooks A. S., Piperno D. R., 2011. Microfossils in calculus demonstrate consumption of plants and cooked foods in Neanderthal diets (Shanidar III, Iraq; Spy I and II, Belgium) // PNAS. Vol. 108. № 2. P. 486–491.

Maat G. J. R., 1982. Scurvey in Dutch whalers buried at Spitzbergen // Proceedings of the Paleopathology Association 5th European Meeting, Middleburg; Antwerpen. P. 82–93.

Martin-Gonzalez J. A., Mateos A., Goikoetxea I., Leonard R. W., Rodriguez J., 2012. Differences between Neanderthal and modern human infant and child growth models // Journal of Human Evolution. Vol. 63. P. 140–149.

Melikian V., Waldron T., 2003. An Examination of Skulls from Two British Sites for Possible Evidence of Scurvy // International Journal of Osteoarchaeology. Vol. 13. P. 207–212.

Ortner D., 1984. Bone lesions in a probable case of scurvey from Metlatawik, Alaska // MASCA. Vol. 3. P. 79–81.

Ortner D., 2003. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. New York: Academic Press. 645 p.

Ortner D., Ericksen M. F., 1997. Bone changes in the skull probably resulting from scurvey in infancy and childhood // International Journal of Osteoarchaeology. Vol. 7. № 3. P. 212–220.

Ortner D., Putschar W., 1981. Identification of pathological condition in human skeletal remains. Washington: Smithsonian Institution Press. 480 p.

Ortner D. J., Kimmerle E. H., Diez M., 1999. Probable evidence of scurvy in subadults from archaeological sites in Peru // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 108. P. 321–331.

Ortner D. J., Butler W., Cafarella J., Milligan L., 2001. Evidence of probable scurvy from archaeological sites in North America // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 114. P. 343–351.

Pettitt P. B., 2002. The Neanderthal dead: exploring mortuary variability in Middle Palaeolithic // Eurasia Before Farming. Vol. 1 (4). P. 1–19.

Peyrony D., 1934. La Ferrassie. Mousterien, Perigordien, Aurignacien // Prehistoire. Vol. III. P. 1–92.

Schaefer M., Black S., Scheuer L., 2009. Juvenile osteology. A laboratory and field manual. Amsterdam: Elsevier. 369 p.

Trinkaus E., 2008.Kiik-Koba 2 and Neandertal axillary border ontogeny // Anthropological Science. Vol. 116 (3). P. 231–236.

Van der Merwe A. E., Maat G. J. R., Steyn M., 2010a. Ossified hematomas and infectious bone changes on the anterior tibia; histomorphological features as an aid for accurate diagnosis // International Journal of Osteoarchaeology. Vol. 20. P. 227–239.

Van der Merwe A. E., Steyn M., Maat G. J. R., 2010b. Adult scurvey in skeletal remains of late 19th century mineworkers from Kimberley, South Africa // International Journal of Osteoarchaeology. Vol. 20. P. 307–316.

Vlcek E., 1973. Postcranial skeleton of a Neanderthal child from Kiik-Koba, USSR // Journal of Human Evolution. Vol. 2. P. 537–544.

Zuckerman M. K., Garofalo E. M., Frohlich B., Ortner D. J., 2014. Anemia or scurvy: A pilot study on differential diagnosis of porous and hyperostotic lesions using differential cranial vault thickness in subadult humans // International Journal of Paleopathology. URL: http://dx.doi.org/10.1016/j.ijpp.2014.02.001. Date of access: 14.05.2015.

Сведения об авторе.

Медникова Мария Борисовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: medma_pa@mail.ru.

M. B. Mednikova

Bioarchaeology of Neanderthal burials in the territory of France and the Crimea

Abstract. The paper presents the results of new research carried out on Neanderthal skeletons from the La Ferrassie grotto in France and the Kiik-Koba grotto in the Crimea. Particular attention was paid to the description of the remains of juveniles. Features of palaeopathology were discovered on the skeletons of the Neanderthal juveniles using, among other pieces of equipment, a digital microscope: La Ferrassie 8, 6, 4, 4bis and also on the infant skeleton in the Kiik Koba grotto 2. The identified symptoms included: consequences of endocranial haemorrhages, thinning of the compact layer of the ilium, calcified haematomas, periostitis and cribrotic changes on the long bones of the extremities. Possible causes of these diseases are considered within a framework of differential diagnosis. The most likely is the hypothesis regarding malnutrition, in particular lack of vitamin C which led to infantile scurvy. These data specify more accurately the cause of death of the adult Neanderthal individual – La Ferrassie 1, who possibly suffered from scurvy as well as a lung disease. The results are examined against a background of information relating to the diet of Neanderthals. The conclusion is drawn that the conditions pertaining during the Glacial Age and the specific nature of their dietary traditions led certain risks for the health of European primitive man.

Keywords: Neanderthals, La Ferrassie, Kiik-Koba, children, palaeopathology, bioarchaeology, nutritional stress, vitamin deficiency, infantile scurvy.

REFERECES

Bocherens D., 2009. Neanderthal Dietary Habits: Review of the Isotopic Evidence. *The Evolution of Hominin Diets: Integrating Approaches to the Study of Palaeolithic Subsistence*. J.-J. Hublin, M.P. Richards, eds. Leipzig: Springer Science: Bisness Media B. V, pp. 241–250.

Bogin B., 2009. Childhood, Adolescence, and Longevity: A Multilevel Model of the Evolution of Reserve Capacity in Human Life History. *American Journal of Human Biology*, 21, pp. 567–577.

Bonch-Osmolovskiy G. A., 1941. Kist' iskopaemogo cheloveka iz grota Kiik-Koba [Wrist of fossil man from Kiik-Koba rock-shelter]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 170 p. (Paleolit Kryma, II).

Bonch-Osmolovskiy G. A., 1954. Skelet stopy i goleni iskopaemogo cheloveka iz grota Kiik-Koba [Skeleton of feet and shin of fossil man from Kiik-Koba rock-shelter]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 398 p. (Paleolit Kryma, III).

Brickley M., Ives R., 2006. Skeletal Manifestations of Infantile Scurvy. *American Journal of Physical Anthropology*, 129, pp. 163–172.

Buck L. T., Stringer C. D., 2013. Having the stomach for it: a contribution of Neanderthal diets? *Quaternary Science Reviews. Electronic resource*. http://www.academia.edu/4628394/Having_the_stomach_for_it_a_contribution_to_Neanderthal_diets.

Buzhilova A. P., 2005. Homo sapiens. Istoriya bolezni [Homo sapiens. Case history]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 320 p.

Capitan L., Peyrony D., 1912. Trois nouveaux squelettes humains fossiles. *Revue Anthropologique*, 22, pp. 439–442.

Capitan L., Peyrony D., 1921. Decouverte d'un 6 squelette mousterien a La Ferrassie. *Revue Anthropologique*, 31, pp. 382–388.

Carlie-Thiele P., 1996. Spuren von Mangelerkrankungen an steinzeitlichen Kinderskeletten. Goettingen: Verlag Erich Goetze. 267 p.

Chase Ph., G., Dibble H. L., 1987. Middle Paleolithic Symbolism: A Review of Current Evidence and Interpretations. *Journal of Anthropological Archaeology*, 6, pp. 263–296.

Crist T. A., Sorg M. H., 2014. Adult scurvy in New France: Samuel de Champlain's «Mal de la terre» at Saint Croix Island, 1604–1605. *International Journal of Paleopathology. Electronic resource*. http://dx.doi.org/10.1016/j.ijpp.2014.04.002.

Dobrovol'skaya M. V., 2005. Chelovek i ego pishcha [Man and his food]. Moscow: Nauchnyy mir. 367 p.

Fennell K. J., Trinkaus E., 1997. Bilateral Femoral and Tibial Periostitis in the La Ferrassie Neanderthal. *Journal of Archaeological Science*, 24, pp. 985–995.

Halcrow S. E., Harris N. J., Beavan N., Buckley H. R., 2014. First bioarchaeological evidence of probable scurvy in Southeast Asia: Multifactorial etiologies of vitamin C deficiency in a tropical environment. *International Journal of Paleopathology. Electronic resource*. http://dx.doi.org/10.1016/j.ijpp.2014.01.004.

Hardy B. L., 2010. Climatic variability and plant food distribution in Pleistocene Europe: Implications for Neanderthal diet and subsistence. *Quaternary Science Reviews*, 29, pp. 662–679.

Hardy B. L., Moncel M.-H., 2011. Neanderthal Use of Fish, Mammals, Birds, Starchy Plants and Wood 125–250,000 Years Ago. *PlosOne*, vol. 6, issue 8, pp. 1–10.

Hardy K., Buckley S., Collins M. J., Estallrich A., Brothwell D., Copeland L., Garcia-Tabernero A., Garcia-Vargas S., de la Rasilla M., Lalueza-Fox C., Huguet R., Bastir M., Santamaria D., Madella M., Wilson J., Cortes A., Rosas A. 2012. Neanderthals medics? Evidence for food, cooking and medical plants entrapped in dental calculus. *Naturwissenschaften*, 99, pp. 617–626.

Hawks J., 2012. Dynamics of genetic and morphological variability within Neanderthals. *JAS*, 90, pp. 81–97.

Heim J.-L., 1976. Les Hommes fossiles de La Ferrassie (Dordogne), 1. Paris: Masson. 368 p. (Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine, 35).

Heim J.-L., 1982. Les Enfants Neandertaliens de La Ferrassie. Etude Anthropologique et Analyse Ontogenique des Hommes de Neandertal. Paris: Masson. 169 p.

Henry A. G., Brooks A. S., Piperno D. R., 2011. Microfossils in calculus demonstrate consumption of plants and cooked foods in Neanderthal diets (Shanidar III, Iraq; Spy I and II, Belgium). *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 108, no. 2, pp. 486–491.

Maat G. J. R., 1982. Scurvy in Dutch whalers buried at Spitzbergen. *Proceedings of the Paleopathology Association 5th European Meeting*. Middleburg. Antwerpen, pp. 82–93.

Martin-Gonzalez J. A., Mateos A., Goikoetxea I., Leonard R. W., Rodriguez J., 2012. Differences between Neanderthal and modern human infant and child growth models. *Journal of Human Evolution*, 63, pp. 140–149.

Mednikova M. B., Engovatova A. V., Reshetova I. K., Shvedchikova T. Yu., Vasil'eva E. E., 2013. Epidemiologiya voyny i smuty: antropologicheskie i pis'mennye istochniki v izuchenii kachestva zhizni naseleniya russkogo goroda XVI–XVII vv. (na primere Yaroslavlya) [The epidemiology of war and times of unrest: anthropological and written sources used in the study of the quality of life of the urban population in the 16th and 17th centuries (using Yaroslavl as an example)]. *KSIA*, 231, pp. 154–171.

Mednikova M. B., Engovatova A. V., Shvedchikova T. Yu., Reshetova I. K., Vasil'eva E. E., 2013. «Deti Smutnogo vremeni»: novye danye o kachestve zhizni v g. Yaroslavle XVI–XVII vv. po antropologicheskim materialam iz raskopok detskikh pogrebeniy [«Interlunation children»: New data on the quality of life in Yaroslavl in the 16th–17th cc. according to the anthropological materials from children burials]. *KSIA*, 228, pp. 115–126.

Melikian V., Waldron T., 2003. An Examination of Skulls from Two British Sites for Possible Evidence of Scurvy. *IJO*, 13, pp. 207–212.

Ortner D., 1984. Bone lesions in a probable case of scurvy from Metlatawik, Alaska // *Museum Applied Science Center for Archaeology Journal*, 3, pp. 79–81.

Ortner D. J., 2003. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. New York: Academic Press, 645 p.

Ortner D., Ericksen M. F., 1997. Bone changes in the skull probably resulting from scurvy in infancy and childhood. *IJO*, vol. 7, no. 3, pp. 212–220.

Ortner D., Putschar W. 1981. Identification of pathological condition in human skeletal remains. Washington: Smithsonian Institution Press. 480 p.

Ortner D. J., Kimmerle E. H., Diez M., 1999. Probable evidence of scurvy in subadults from archaeological sites in Peru. *American Journal of Physical Anthropology*, 108, pp. 321–331.

Ortner D. J., Butler W., Cafarella J., Milligan L., 2001. Evidence of probable scurvy from archaeological sites in North America. *American Journal of Physical Anthropology*, 114, pp. 343–351.

Pettitt P. B., 2002. The Neanderthal dead: exploring mortuary variability in Middle Palaeolithic. *Eurasia Before Farming*, vol. 1 (4), pp. 1–19.

Peyrony D., 1934. La Ferrassie. Mousterien, Perigordien, Aurignacien. *Prehistoire*, III, pp. 1–92.

Schaefer M., Black S., Scheuer L., 2009. Juvenile osteology. A laboratory and field manual. Amsterdam: Elsevier. 369 p.

Smirnov Yu. A., 1991. Must'erskie pogrebeniya Evrazii [Mousterian burials of Eurasia]. Moscow: Nauka. 340 p.

Smirnov Yu. A., 2010. Vnov' o neandertal'skikh pogrebeniyakh Evropy [Once again on Neanderthal burials of Europe]. *Chelovek i drevnosti: Pamyati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928–2009) [Man and antiquities: In memory of Aleksandr Aleksandrovich Formozov (1928–2009)]*. I. S. Kamenetskiy, A. N. Sorokin, eds. Moscow: Grif i K, pp. 123–126.

Toropova E. V., Buzhilova A. P., 2012. Detskie pogrebeniya na raskope v Staroy Russe: arkheologicheskiy kommentariy k Novgorodskoy pervoy letopisi [Children burials in excavation trench in Staraya Russa: archaeological comments to Novgorod first Chronicle]. *RA*, 3, pp. 72–78.

Trinkaus E., 2008. Kiik-Koba 2 and Neandertal axillary border ontogeny. *Anthropological Science*, 116 (3), pp. 231–236.

Van der Merwe A. E., Maat G. J. R., Steyn M., 2010a. Ossified hematomas and infectious bone changes on the anterior tibia; histomorphological features as an aid for accurate diagnosis. *IJO*, 20, pp. 227–239.

Van der Merwe A. E., Steyn M., Maat G. J. R., 2010b. Adult scurvy in skeletal remains of late 19th century mineworkers from Kimberley, South Africa. *IJO*, 20, pp. 307–316.

Vishnyatskiy L. B., 2010. Neandertal'tsy: istoriya nesostoyavshegosya chelovechestva [Neanderthals: history of might-have-been mankind]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 312 p.

Vlcek E., 1973. Postcranial skeleton of a Neanderthal child from Kiik-Koba, USSR. *Journal of Human Evolution*, 2, pp. 537–544.

Zuckerman M. K., Garofalo E. M., Frohlich B., Ortner D. J., 2014. Anemia or scurvy: A pilot study on differential diagnosis of porous and hyperostotic lesions using differential cranial vault thickness in subadult humans. *International Journal of Paleopathology. Electronic resource*. http://dx.doi.org/10.1016/j.ijpp.2014.02.001.

About the author.

Mednikova Mariya B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: medma_pa@mail.ru.

Н. И. Шишлина, Ю. О. Ларионова, В. Р. Эрлих,
Д. С. Ковалев, Й. ван дер Плихт

ПОГРЕБЕНИЕ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА СИНЮХА: РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗОТОПНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

Резюме. В статье приводятся результаты комплексного геохимического исследования погребенного человека майкопской культуры из могильника Синюха в Адыгее. Вариации изотопного состава стронция позволили предположить, что женщина родилась в том месте, где она позже была похоронена. Данные стабильных изотопов азота и углерода указывают, что в системе питания индивида преобладали наземные растения группы C_3, произрастающие в умеренном климате, и мясо/молоко травоядных животных. Согласно результатам ^{14}C датирования, погребение относится к костромскому этапу развития майкопской культуры – к началу четвертой четверти IV тыс. до н. э.

Ключевые слова: стабильные изотопы азота и углерода; вариации изотопного состава стронция, майкопская культура, ^{14}C датирование, реконструкция образа жизни и вероятного места рождения индивида.

Введение

Благодаря методам изотопной геохимии, изучая археологический памятник, можно получить важную историческую информацию. Это не означает, что при анализе элементов погребального обряда, стратиграфического соотношения погребений в курганах или культурных слоев поселений и стоянок, разработанных типологических или классификационных схем, данные комплексного исследования могут заменить результаты, полученные при использовании традиционных методов археологии: типологического, стратиграфического, картографического, метода аналогов. Являясь независимыми от субъективных мнений исследователей дополнительными фактами, полученные естественнонаучные результаты позволяют верифицировать исторические гипотезы, которые выдвигаются при анализе традиционного археологического источника.

* Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 13-06-12003 офи_м.

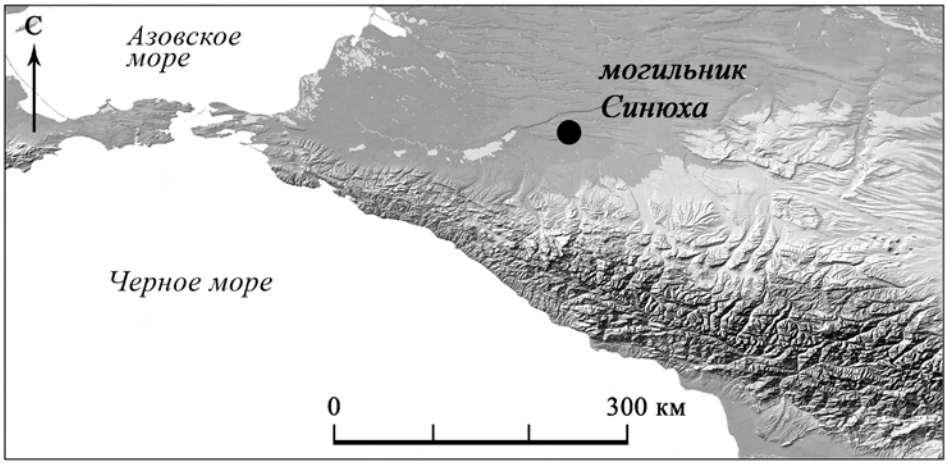


Рис. 1. Географическое расположение могильника Синюха

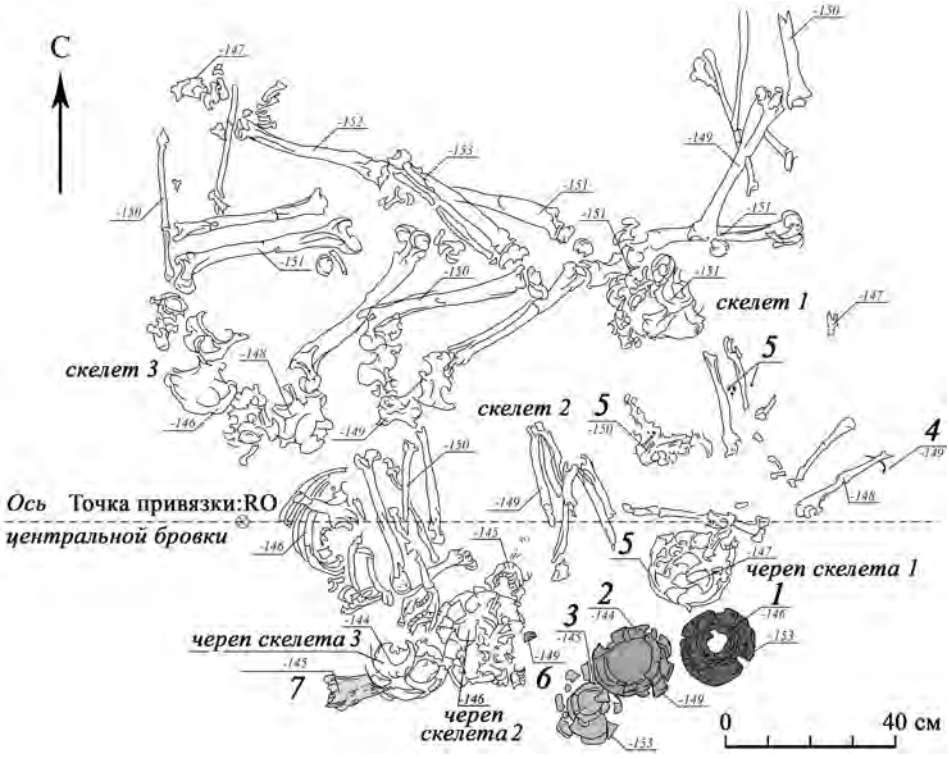


Рис. 2. Могильник Синюха. Курган 1, погребение 12. План

Условные обозначения: *1* – сосуд черноглиняный; *2* – сосуд красноглиняный; *3* – сосуд коричнево-глиняный; *4* – булавка бронзовая; *5* – бисер; *6* – фрагмент керамического сосуда; *7* – органический тлен. Пунктир – ось центральной бровки

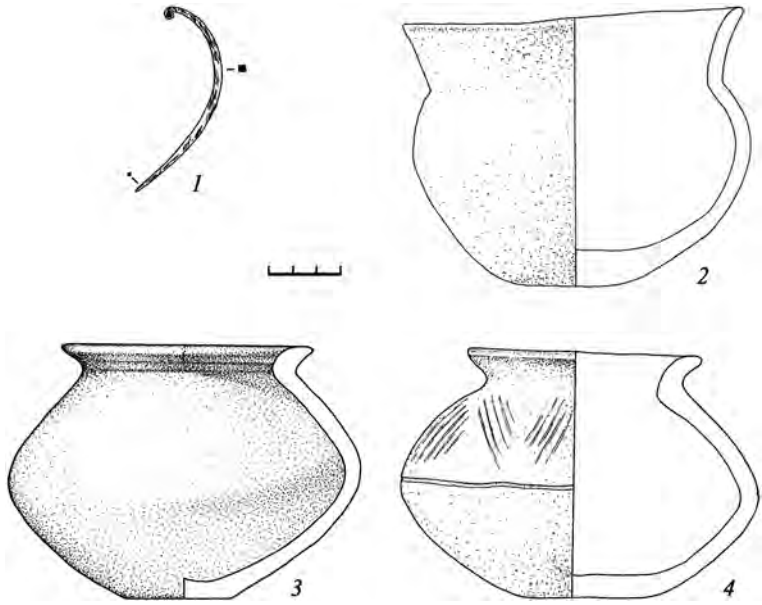


Рис. 3. Могильник Синюха. Курган 1, инвентарь погребения 12

1 – булавка бронзовая; *2–4* – сосуды керамические

Рождаясь и проживая в определенной природной и геохимической среде, человек с рождения сохранял в своем организме (костной ткани) точную геохимическую информацию о месте, где он родился, и экологических нишах, которые мог осваивать в течение всей жизни, употребляя те или иные продукты питания. Такие данные позволяют уточнить предлагаемую историческую интерпретацию отдельных археологических комплексов и, в дальнейшем, целых культур.

Для проведения пилотного геохимического исследования выбрано основное погребение 12 кургана 1 в могильнике Синюха в окрестностях г. Майкопа, которое относится к майкопской культуре эпохи бронзы (рис. 1).

Коллективное погребение было сооружено на уровне древней дневной поверхности, могильная яма не прослеживалась. В захоронении найдено три скелета, принадлежавшие двум женщинам 25–30 лет и юноше 15–19 лет (рис. 2). Все погребенные лежали скорченно на правом боку, с руками перед лицом, черепом ориентированы на юг. Инвентарь состоял из глиняных сосудов, предположительно, каменных бусин, бронзовой булавки (рис. 3, *1–4*) (*Эрлих и др.*, 2013).

Сопоставительный анализ погребального инвентаря позволил В. А. Трифонову отнести погребение 12 кургана 1 ко времени существования майкопских захоронений типа Костромская-Иноземцево (*Трифонов*, 2014. С. 278, 279).

Для получения дополнительных данных о комплексе при раскопках погребения 12 кургана 1 могильника Синюха Д. С. Ковалевым были отобраны следующие образцы:

– образец зуба (M_1, женский скелет 1) для определения соотношения изотопов стронция $^{87}Sr/^{86}Sr$ в зубной эмали (для идентификации вероятного места рождения человека);

– грунт под челюстью женского скелета 1 – для определения соотношения изотопов стронция $^{87}Sr/^{86}Sr$ в подстилающих почвах (для идентификации «местного» сигнала изотопов стронция $^{87}Sr/^{86}Sr$);

– образец зуба (M_2, женский скелет 1) для определения маркеров системы питания ($\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$);

– образец зуба (M_3, женский скелет 1) для проведения радиоуглеродного датирования и определения времени совершения захоронения.

Полученные результаты сравнивались с имеющейся геохимической и радиоуглеродной базой данных. Особое внимание уделялось образцам кости человека, которые относятся к майкопской культуре. Использовались опубликованные изотопные данные по погребениям майкопской культуры (*Hollund et al.*, 2010) и материалы Степной археологической экспедиции Исторического музея (*Shishlina et al*., 2012; *Шишлина, Ларионова*, 2013).

Методы и подходы

Метод определения вариаций изотопного состава стронция $^{87}Sr/^{86}Sr$ в эмали и дентине зубов погребенного человека. Зубная эмаль человека представляет собой кристаллический массив, сложенный несколькими видами апатита. Кристаллы в эмали имеют микроскопический размер и не могут быть восстановлены, кроме как путем внешнего привнесения требуемых ионов в ротовую полость и строгого соблюдения физико-химических условий равновесия продуктов в растворе. Дентин – живая ткань, реагирующая на эти факторы и изменяющаяся, чтобы соответствовать своим функциональным особенностям. Только минеральный состав эмали количественно и структурно фиксирован после ее формирования. На этом основан метод установления места рождения и первых лет жизни человека по изотопному составу стронция, зафиксированному в его зубной эмали (*Montgomery et al.*, 2005; *Bentley*, 2006; *Gerling et al*., 2012). Соотношение $^{87}Sr/^{86}Sr$ в горной породе или минерале, содержащем Rb (рубидий), зависит от возраста и соотношения Rb/Sr в источнике или материнской породе и представлено вариациями. В пищевую трофическую цепочку стронций попадает преимущественно из растений, которые, в свою очередь, поглощают его из почвы, поверхностных и подземных вод. Таким образом, геолого-геохимическая обстановка, характерная для того или иного региона, определяет изотопный состав стронция, который входит в растения и живые организмы, обитающие на изучаемой территории. Человек и животные получают стронций с водой и пищей. Накопление стронция в зубной эмали человека происходит с момента его рождения и в детские годы; его изотопный состав отражает систему питания, компоненты которой происходят из определенного геолого-геохимического региона или нескольких регионов. Значение $^{87}Sr/^{86}Sr$ в зубной эмали не меняется со временем. Таким образом, полагая, что в системе питания древнего человека при рождении и во время первых лет жизни преобладали продукты питания местного происхождения, определив

изотопный состав стронция в образцах его зубной эмали, учитывая региональные геологические и изотопно-геохимические характеристики предполагаемых районов проживания древнего населения, можно определить, где человек родился и жил (*Evans et al.*, 2006; *Chenery et al.*, 2010; *Price et al*., 2012). Для этого используются локальные карты вариаций изотопов стронция для регионов с разной геологической историей (*Chenery et al.*, 2010; *Шишлина, Ларионова*, 2013).

Полученные по зубу женщины из погребения 12 данные сравнивались с вариациями изотопов стронция в грунте под челюстью погребенной и с данными, полученными по современным природным объектам (улитки и вода), а также с вариациями изотопов стронция в эмали представителей степной майкопской группы. Все исследования проводились в ИГЕМ РАН.

Стабильные изотопы ($\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$) в коллагене костей человека благодаря трофической пищевой цепочке отражают употребление основных компонентов системы питания. Существенные различия в изотопном составе углерода и азота в коллагене костей отмечаются у групп населения, употребляющих преимущественно «наземную» (растения, мясо/молоко травоядных животных) и «водную» (озерную, речную, морскую) пищу. Кроме этого, учитывается, что если такие компоненты происходят из разной геохимической среды, то они также могут различаться по изотопной «подписи» (*Loftus, Sealy*, 2012). Значения $\delta^{13}C$ в коллагене костей человека обычно на 3–5 ‰ меньше, чем в компонентах системы питания. Травоядные, плотоядные и всеядные животные обычно различаются по значению $\delta^{15}N$ в костях, как и водные компоненты системы питания, происходящие из моря (морепродукты) или из речных или озерных водоемов (*Ambrose, DeNiro*,1986; *Ambrose, Norr*, 1993).

Для нашего исследования важно, что данные по ^{13}C позволяют также выявить, какие растения, различающиеся по фотосинтезу C_3 или C_4, преобладали в растительном рационе, поскольку для теоретических потребителей только растений C_3 значение ^{13}C в коллагене костей будет -21 ‰, а у потребителей растений C_4 такие значения будут достигать -5 ‰. Однако надо учитывать и тот факт, что употребление рыбы может вызывать более высокие значения ^{13}C, а аридный климат и другие факторы отражаться в высоких значениях ^{15}N (*Hollund et al.*, 2010; *Shishlina et al*., 2012; *Murphy et al*., 2013).

Зубная эмаль формируется в короткий временной промежуток во время роста зубов человека, и изотопный состав зуба отражает систему питания человека именно в этот период. Минерализация первого моляра начинается с рождением человека, третьего моляра – между 7 и 10 годом, завершаясь к 12–16 годам. Изотопный состав третьего моляра наиболее всего соответствует изотопному составу в коллагене костей уже взрослого индивида (*Loftus, Sealy*, 2012. P. 500).

Образцы кости имели вес 2–5 г. Коллаген выделялся по усовершенствованной методике Лонгина (*Longin*, 1971; *Mook, Streurman*, 1983), сохранность коллагена хорошая.

Измерения проводились в ГЕОХИ РАН на изотопном масс-спектрометре DELTAPlusXP (ThermoFisher, Bremen, Germany), соединенном с элементным анализатором FlashEA 1112.

Образец зуба погребенной женщины был продатирован в радиоуглеродной лаборатории Гронингенского университета в Голландии.

Полученные результаты и обсуждение

Вариации изотопного состава стронция $^{87}Sr/^{86}Sr$ в эмали зуба человека из погребения 12 кургана 1 могильника Синюха и сопоставительные материалы

Для определения вариаций изотопов стронция был проанализирован зуб M_1 женщины из погребения, формирование которого происходит в 1–4-й годы жизни ребенка. Полученные результаты позволяют определить значение вариаций стронция в эмали зуба человека как 0.7097. Данные, полученные по грунту, взятому под челюстью скелета, совпадают с данными по зубу человека (табл. 1).

Таблица 1. Вариации изотопного состава стронция $^{87}SR/^{86}Sr$ в эмали зуба женщины из погребения 12 кургана 1 могильника Синюха и грунта под челюстью скелета

№	Образец	$^{87}Sr/^{86}Sr$	±2
Синюха,			
1	женщина, M_1	0,70975	0,000008
2	Грунт под челюстью	0,70978	0,000009

Вариации изотопного состава стронция $^{87}Sr/^{86}Sr$ в образце зуба женщины из погребения кургана Синюха далее сравнивались с данными по вариациям изотопов стронция $^{87}Sr/^{86}Sr$ в образцах современных улиток, происходящих из разных регионов Северного Кавказа (*Шишлина, Ларионова*, 2013. Рис. 3). Вдоль побережья Северо-Западного Кавказа в природных образцах $^{87}Sr/^{86}Sr$ варьирует от 0,7074 (Абрау-Дюрсо) до 0,7089 (Темрюк), опять снижаясь до 0,7075 на побережье Черного моря в Абхазии (Гагры). В равнинно-предгорной полосе Северо-Западного Кавказа $^{87}Sr/^{86}Sr$ меняется от 0,7075–0,7076 (Отхара, Лыхны, Псыбе, Шепси) до 0,7087 (Старокорсунская), варьируя в горных районах в пределах 0,7093–0,7099 (Нижний Афон и др.).

Проведенный сравнительный анализ позволяет высказать предположение, что женщина из могильника Синюха родилась и провела первые годы своей жизни в том же месте, где ее потом похоронили – в предгорьях Северного Кавказа, в районе современного г. Майкопа.

Данные стабильных изотопов углерода $\delta^{13}C$ и азота $\delta^{15}N$ в зубах человека из погребения 12 кургана 1 могильника Синюха и сопоставительные материалы

Для определения системы питания индивида был отобран зуб M_2, изотопные данные по зубу M_3 получены при ^{14}C датировании. Таким образом, можно предположить, что изотопный состав второго постоянного моляра M_2 женщины

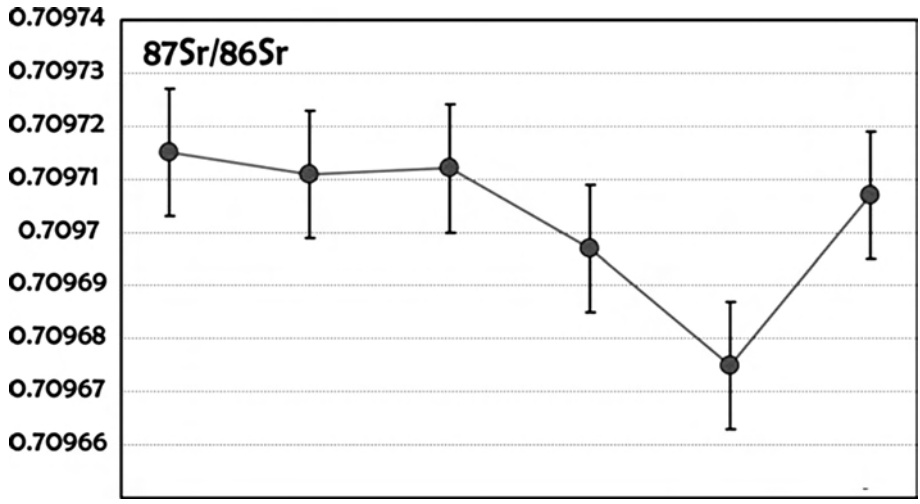


Рис. 4. Могильник Синюха. Курган 1, погребение 12.
Вариации изотопного состава стронция 87Sr/86Sr в эмали зуба женщины по слоям

из погребения могильника Синюха отражает систему ее питания в 12–14 лет; а третий моляр M_3 – примерно в 16 лет и, вероятно, позже[2].

В качестве сравнительного материала использовались проанализированные образцы майкопской культуры из этого же могильника: кости человека из погребения 1 кургана 1 и кость быка из погребения 3 кургана 2; зуб еще одного майкопского индивида, похороненного в могильнике Лиманов Кут, также расположенного в предгорной Адыгее; данные по коллагену костной ткани представителей степной майкопской группы из Южных Ергеней и Сальско-Манычской гряды (материалы Степной археологической экспедиции), костей животных из майкопских погребений из коллекции Исторического музея, опубликованные результаты по материалам майкопской культуры (люди и животные) Северного Кавказа (*Hollund et al*., 2010). Результаты сопоставительного анализа представлены в табл. 2 и 3 и на рис. 4.

Сравнение результатов, полученных по погребенной из могильника Синюха, с данными, имеющимися для других представителей майкопской культуры, позволяет предположить, что компоненты системы питания изучаемой женщины были близки к системе питания других представителей этой культуры, проживавших в близком по типу геохимическом и географическом регионе – в предгорной зоне Северного Кавказа (Лиманов Кут, Кудахурт). Эта группа людей употребляла наземные растения группы C_3, произрастающие в умеренном климате, и мясо/молоко травоядных животных. У других представителей этого

[2] К сожалению, не были отобраны образцы длинных костей, изотопный состав которых отражает систему питания в последние 10–15 лет жизни. Это не позволяет оценить, насколько стабильными были обсуждаемые компоненты системы питания у изучаемого индивида в течение жизни.

Таблица 2. Данные стабильных изотопов углерода $\delta^{13}C$ и азота $\delta^{15}N$ в костях индивидов майкопской культуры

№	Памятник	Курган/погребение	Пол/возраст	$\delta^{13}C$, ‰	$\delta^{15}N$, ‰
Предгорья Северного Кавказа					
1	Синюха	курган 1, погребение 12	женщина 25–30 лет, зуб M_2	-19,7	+6,6
2	Синюха	курган 1, погребение 12	женщина 25–30 лет, зуб M_3	-19,8	+9,6
3	Синюха	курган 1, погребение 1	взрослая женщина	-20,5	+6,6
4	Лиманов Кут	курган 1, погребение 1	человек, зуб M_3	-20,0	+9,0
5	Кудахурт*	погребение 1	человек	-19,5	+9,8
6	Нежинская*	курган 5, погребение 13	человек	-19,5	+11,0
7	Заманкуль*	курган 1, погребение 70	человек	-19,6	+10,2
8	Заманкуль *	курган 1, погребение 70	человек	-18,8	+11,4
9	Горячеводский-2*	курган 3, погребение 3	человек	-19,4	+10,9
10	Горячеводский-2*	курган 3, погребение 3	женщина 35–45	-19,1	+12,0
11	Горячеводский-2*	курган 3, погребение 5	человек	-19,2	+11,1
12	Горячеводский-2*	курган 3, погребение 6	мужчина старше 55	-18,6	+11,3
13	Горячеводский-2*	курган 3, погребение 8	человек	-19,4	+10,5
14	Занозина Балка*	курган 1, погребение 1	взрослый	-19,1	+11,6
Степные районы					
15	Айгурский-2*	курган 22, погребение 15	женщина 45–55	-16,8	+14,6
16	Айгурский-2*	курган 22, погребение 16	ребенок 4–5	-17,6	+12,7
17	Золотаревка-1*	курган 25, погребение 11	мужчина 55+	-18,3	+12,1
18	Ипатово-3*	курган 2, погребение 183	ребенок 6–7	-18,2	+12,8
19	Ипатово-3*	курган 2, погребение 185	мужчина 19–22	-16,1	+14,1
20	Ипатово-5*	курган 4, погребение 6	человек	-17,6	+13,6
21	Шарахалсун-6*	курган 5, погребение 7	женщина 35–45	-16,8	+15,2
22	Шарахалсун-6*	курган 2, погребение 17	младенец менее 1 года	-18,4	+13,5
23	Шарахалсун-6*	курган 2, погребение 18	взрослый	-16,7	+15,1
24	Уашихту *	курган 2, погребение 26а	человек	-19,8	+11,2
25	Манджикины-1	курган 15, погребение 13	мужчина	-18,8	+11,6
26	Сухая Термиста 1	курган 1, погребение 10	женщина 35–45 лет	-17,3	+14,6
27	Улан-4	курган 3, погребение 20	человек	-18,2	+15,1

* Примечание: по: *Hollund et al.*, 2010

Таблица 3. Данные стабильных изотопов углерода $\delta^{13}C$ и азота $\delta^{15}N$ в костях животных майкопской культуры

№	Памятник	Курган/погребение	Пол/возраст	$\delta^{13}C$, ‰	$\delta^{15}N$, ‰
Предгорья Северного Кавказа					
1	Синюха	курган 2, погребение 3	кость быка	-20,5	+7,0
2	Лиманов Кут	курган 1, погребение 1	кость быка	-19,4	+4.5
3	Клады	курган 31	копытное	-21,4	+4,1
4	Клады	курган 31	копытное	-20,6	+5,1
5	Царская	курган 2	зуб оленя	-22,1	+4,0
6	Царская	курган 1	зуб оленя	-20,2	+5,7
7	Костромская	курган	зуб оленя	-20,4	+7,1
	Чекон**	раскоп 1, кв. 23, хозяйственная яма 55, II уровень	кости животных	-19,6	+5,1
8	Чекон**	раскоп 1, кв. 23, хозяйственная яма 55, I уровень	кости животных	-20,1	+4,5
9	Чекон**	раскоп 1, кв. 15, полуземлянка № 54, IIуровень	кости животных	-19,4	+5,8
10	Горячеводский-2*	курган 3, погребение 3	лошадь	-19,5	+7,4
11	Горячеводский-2 *	курган 3, погребение 5	овца	-20,0	+5,1
12	Иноземцево-1*	курган 3, погребение 8	овца	-19,0	+5,5
13	Иноземцево-1*	курган 3, погребение 26	овца	-19,3	+5,9
14	Иноземцево	основное погребение	рог оленя	-19,6	+6,0
Степные районы					
15	Айгурский-2*	курган 22, погребение 9	овца-коза	-16,4	+9,5
16	Айгурский-2*	курган 22, погребение 16	овца	-17,7	+12,1
17	Айгурский-2*	курган 22, погребение 16	овца	-17,4	+8,8
18	Айгурский-2*	курган 22, погребение 16	овца	-19,0	+9,9
19	Айгурский-2*	курган 2, погребение 16	овца	-18,6	+9,4
20	Айгурский-2*	курган 2, погребение 16	овца-коза	-18,2	+8,8
21	Айгурский-2 *	курган 2, погребение 16	овца-коза	-15,9	+9,5
22	Айгурский-2 *	курган 2, погребение 16	овца-коза	-15,1	+9,5
23	Айгурский-2 *	курган 2, погребение 16	овца	-19,1	+7,8
24	Айгурский-2 *	курган 2, погребение 16	овца	-16,3	+10,4
25	Айгурский-2 *	курган 2, погребение 16	лошадь	-20,3	+6,9
26	Айгурский-2*	курган 2, погребение 16	осел	-16,6	+9,6
27	Айгурский-2 *	курган 2, погребение 16	осел	-18,2	+10,1
28	Айгурский-2 *	курган 2, погребение 16	лошадь	-20,3	+10,2

Примечание:

* - по: *Hollund et. al*., 2010; ** - по: *Гей, Зазовская*, 2013

же региона зафиксировано более высокое значение $\delta^{15}N$ (до 12 ‰). Без дополнительных анализов объяснить такую разницу пока затруднительно. Изотопные данные по травоядным животным (олени, копытные), также происходящим из предгорных памятников майкопской культуры, соотносятся с данными, полученными по человеку (рис. 4).

Более высокие значения $\delta^{15}N$ в зубе M_3 по сравнению с зубом M_2 свидетельствуют, что в детском возрасте женщина из могильника Синюха употребляла больше растительной пищи, которая в юношеском возрасте стала постепенно замещаться высокопротеиновыми продуктами, вероятно, мясом и молочными продуктами (*Loftus, Sealy*, 2012).

Анализ данных стабильных изотопов азота и углерода сравнительно небольшой выборки представителей степной майкопской группы Кумо-Манычской впадины и Южных Ергеней, а также результаты археоботанического анализа содержимого сосудов и желудков умерших позволили высказать предположение, что система питания носителей степной майкопской культуры могла быть более разнообразной и включала, кроме диких растений C_3 (овес, овсец), мясо/молоко травоядных животных и, возможно, рыбный (речной, озерный) компонент (*Шишлина*, 2007. Табл. 29).

Холлунд с соавторами (*Hollund et al.*, 2010) продолжили комплексный анализ изотопного состава костной ткани индивидов майкопской культуры, включив в свое исследование более многочисленную выборку ее представителей из степной и предгорной зон Северного Кавказа. Они отметили, что выявленные вариации изотопного состава азота и углерода в костной ткани индивидов, проживавших в разных природных условиях, вызвано в первую очередь географическими и климатическими факторами (Ibid. P. 2972). Авторы полагали, что при отсутствии прямых свидетельств употребления водных (речных) компонентов системы питания (костей рыб, раковин моллюсков) в материалах майкопской культуры предположение об употреблении людьми этой культуры водных компонентов системы питания требует более весомых доказательств. Тем более, что ^{14}C датирование синхронных наземных образцов и костей человека этого времени, происходящих из одного погребения (Ibid. Tabl. 3), показали незначительную разницу в радиоуглеродном возрасте или ее отсутствие. Это также не подтверждало употребление речных продуктов[3].

Представленные на рисунке 4 значения стабильных изотопов азота и углерода в костной ткани человека майкопской культуры показывают, что система питания ее представителей, проживавших в разных природно-ландшафтных зонах, различалась, что уже было отмечено ранее (*Hollund et al.*, 2010). Люди из предгорной зоны Северного Кавказа имели иную «изотопную подпись», нежели степные жители.

У последних отмечены более высокие показатели $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$. Было ли это связано с употреблением речной рыбы, проживанием в более аридном климате

[3] Однако отметим, что имеющиеся пока неопубликованные данные по парному радиоуглеродному датированию костей животных и костей человека майкопской культуры, происходящих из одного погребения, позволяют предположить, что водный (речной и озерный) компонент мог присутствовать в системе питания части населения.

или частой сменой природных зон с разными изотопными сигналами осваиваемых пищевых ресурсов, вызванных более мобильным образом жизни, следует решать с привлечением еще более многочисленной исследовательской выборки, археозоологических и археоботанических данных и проведением парного ^{14}C датирования наземных образцов и костей человека из одного погребения. Более мобильный образ жизни представителей степной группы майкопской культуры подтверждается и вариативностью изотопных показателей в костях травоядных животных, вызванных сезонным использованием в степи пастбищ с разнообразным растительным покровом, включающих, возможно, и растения C_4, изотопный состав которых отличен от изотопного состава растений C_3 группы: $\delta^{13}C$ = -16–9 и -34–22 ‰ соответственно (*Hollund et al.*, 2010. P. 2919).

Вероятно, освоение новых экологических зон (в данном случае, степных ниш Ставропольской возвышенности, Кумо-Манычской впадины, южного и западного склона Средних Ергеней), расширение доступных пищевых источников питания, возможно, какие-то экономические причины способствовали освоению степным майкопским населением пищевых компонентов со специфическим изотопным сигналом. Это выразилось в иных показателях стабильных изотопов азота и углерода в коллагене костей этих людей, отличных от показателей, полученных для носителей майкопской культуры, проживавших в предгорных районах Северного Кавказа. Вариации изотопного состава костей травоядных животных, происходящих из разных степных регионов, также подтверждают бóльшую мобильность степных жителей этого времени, что отмечали Холлунд с соавторами (*Hollund et al.*, 2010. С. 2979, 2980).

Сравнение изотопных данных женщины, похороненной в могильнике Синюха, с изотопными данными выборки, полученной по свыше 200 образцам костей жителей соседних степных и приморских регионов эпохи бронзы (например: *Shishlina et al*., 2012), позволяет исключить эти регионы как место длительного проживания исследуемого индивида, по крайней мере, в детстве и в юности. Скорее всего, основным местом ее проживания были предгорные районы Северо-Западного Кавказа.

Результаты ^{14}C AMC-датирования

В лаборатории Гронингенского университета было проведено радиоуглеродное AMS-датирование образца зуба погребенной женщины, а также костных образцов индивидов из степных майкопских погребений Сальско-Манычской гряды (табл. 4).

Таблица 4. Результаты AMS-датирования образца зуба женщины из могильника Синюха, курган 1, погребение 12

Лаб.№	образец	^{14}C возраст (BP)	Калиброванные значения 1σ (BC) [начало : конец]	$\delta^{13}C$, ‰	$\delta^{15}N$, ‰
GrA-57656	Зуб женщины	4490 ± 35	[3340: 3210] 0,45 [3190: 3150] 0,13 [3130: 3090]0,10	-19,8	+9,6

Заключение

Полученные данные изотопной геохимии важны для интерпретации захоронения 12 кургана 1 могильника Синюха. Женщина родилась и выросла в предгорьях Северо-Западного Кавказа, вероятно, не покидала родные места надолго. Ее система питания в период детства и юности отличалась от системы питания степных жителей этого времени. Постепенное распространение носителей майкопской традиции за пределами основной территории их проживания приводило к использованию ресурсов освоенных территорий, в том числе и пищевых. Это нашло отражение в ином, по сравнению с предгорной группой, изотопном сигнале, характерном для коллагена костей степных майкопских индивидов.

Радиоуглеродная дата по зубу женщины из могильника Синюха вписывается в предложенный В. А. Трифоновым интервал существования погребений костромского этапа майкопской культуры (между ранним устьджегутинским и поздним бамутским этапами) и соотносится с имеющимися для этой культуры ^{14}C данными (*Shishlina*, 2008. Tabl. 11).

Аналогичный комплексный анализ других майкопских погребений позволит в будущем решать многие вопросы происхождения, развития и хронологии этой культуры с привлечением дополнительных данных «изотопного архива».

ЛИТЕРАТУРА

Гей А. Н., Зазовская Э. П., 2013. Новые радиокарбонные даты поселения Мысхако из майкопского поселения Чекон // Шестая Междунар. кубанская археологическая конф. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Экоивест. С. 81–83.

Трифонов В. А., 2014. Западные пределы распространения майкопской культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 16. № 3. С. 276–284.

Шишлина Н. И., 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.). М.: ГИМ. 398 с. (Труды ГИМ; Вып. 165.)

Шишлина Н. И., Ларионова Ю. О., 2013. Вариации изотопного состава стронция в образцах современных улиток юга России: первые результаты // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология, краеведение, музееведение. Вып. XI / Отв. ред. А. Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли. С. 159–168.

Эрлих В. Р., Ковалев Д. С., Маслов В. Е., 2013. Погребения эпохи бронзы курганного могильника «Синюха» в Адыгее (предварительные данные) // Шестая Междунар. археологическая конф. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Экоивест. С. 481–485.

Ambrose S. H., DeNiro M. J., 1986. The isotopic ecology of East Africa mammals // Oecologia. Vol. 69. P. 395–406.

Ambrose S. H., Norr L., 1993. Experimental evidence for the relationship of the carbon isotope ratios of whole diet and dietary protein to those of bone collagen and carbonate // Prehistoric Human Bone: Archaeology at the Molecular Level / Eds J. B. Lambert, G. Grupe. New York: Springer-Verlag. P. 1–37.

Bentley R. A., 2006. Strontium isotopes from the earth to the Archaeological skeleton: a review // Journal of Archaeological Method and Theory. Vol. 13. № 3. P. 135–187.

Chenery C., Müldner G., Evans J., Eskaedt H., Lewis M., 2010. Strontium and stable isotope evidence for diet and mobility in Roman Gloucester, UK // JAS. Vol. 37. P. 150–163.

Evans J., Stoodley N., Chenery C., 2006. A strontium and oxygen isotope assessment of a possible fourth century immigrant population in a Hampshire cemetery, southern England // JAS. Vol. 33. P. 265–272.

Gerling C., Bánffy E., Dani J., Köhler K., Kulcásr G., Pike A., Szeverényi V., Heyd V., 2012. Immigration and transhumance in the Early Bronze Age Carpathian Basin: the occupants of a *kurgan* // Antiquity. Vol. 86. P. 1097–1111.

Hollund H. L., Higham T., Belinski A., Korenevski S., 2010. Investigation of paleodiet in the North Caucasus (South Russia) Bronze Age using stable isotope analysis and AMS dating of human and animal bones // JAS. Vol. 37. P. 2971–2983.

Loftus E., Sealy J., 2012. Technical Note: Interpreting Stable Carbon Isotopesin Human Tooth Enamel: An Examination of Tissue Spacings From South Africa // Journal of Physical Anthropology. № 147. P. 499–507.

Longin R.,1971. New method of collagen extraction for radiocarbon dating // Nature. Vol. 230. P. 241–242.

Montgomery J., Evans J. A., Powlesland D., Roberts Ch. A., 2005. Continuity or Colonization in Anlo-Saxon England? Isotope Evidence for Mobility, Subsistence Practice, and Status at West Heslerton // American Journal of Physical Anthropology. № 126. P. 123–138.

Mook W. G., Streurman H. J., 1983. Physical and Chemical Aspects of Radiocarbon Dating // Proceedings of the First International Symposium ^{14}C and Archaeology, Groningen / Eds W. G. Mook, H. T. Waterbolk. Strasbourg: Council of Europe. P. 31–55. (PACT, 8.)

Murphy E. M., Schilting R., Beer N., Chistov Y., Kasparov A., Pshenitsina M., 2013. Iron Age pastoral nomadism and agriculture in the Eastern Eurasian Steppe: implications from dental paleopathology and stable carbon and nitrogen isotopes // Journal of Archaeological Sciences. Vol. 40. P. 2547–2560.

Price T. D., Frei K. M., Tiesler V., Gestsdottir H., 2012. Isotopes and mobility: Case studies with large samples // Population Dynamics in Prehistory and Early History. New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics / Eds E. Kaiser, J. Burger, W. Schier. Berlin; Boston: De Gruyter. P. 287–322.

Shishlina N. I., 2008. Reconstruction of the Bronze Age of the Caspian Steppes. Life styles and life ways of pastoral nomads.Oxford: Archaeopress. 299 p. (BAR International Series; 1876.)

Shishlina N. I., Sevastyanov V., Hedges R., 2012. Isotope ratio study of Bronze Age samples from the Eurasian Caspian steppes // Population Dynamics in Prehistory and Early History. New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics/ Eds J. Burger, E. Kaiser, W. Schier. Berlin: Walter de Gruyter & Co. P. 177–197.

Сведения об авторах.

Шишлина Наталья Ивановна, Государственный Исторический музей, Красная площадь, д. 1, Москва 109012, Россия; e-mail: nshishlina@mail.ru;

Ларионова Юлия Олеговна, Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН; Старомонетный пер., 35, Москва, 119017, Россия; e-mail: ukalarionova@gmail.com;

Эрлих Владимир Роальдович, Государственный музей искусства народов Востока, Никитский бул., 12а, Москва, 119019, Россия; e-mail: verlikh@bk.ru;

Ковалев Денис Станиславович, археолог; e-mail: prudon@yandex.ru;

ван дер Плихт Йохан, Гронингенский университет, Center for Isotope Research, Nijenborgh 4, 9747 AG Groningen, The Netherlands; e-mail: van.der.Plicht@rug.nl.

N. I. Shishlina, Yu. O. Larionova, V. R. Erlikh,
D. S Kovalev, J. van der Plicht

Maikop grave from the Sinyukha burial ground: results of stable isotope study

Abstract. The paper provides results of a comprehensive geochemical study of Maikop culture representative buried in the Sinyukha burial ground in Adygea. Strontium isotopic variations suggest that the buried woman had been born in the area where she was later buried. It is confirmed by data on stable nitrogen and carbon isotopes, which show that terrestrial C_3 plants growing in a temperate climate as well as meat/milk of the herbivore predominated in the diet of this individual. ^{14}C dating attributes this grave, which is dated to the early fourth quarter of the 4th mill. BC, to the Kostromskaya stage of the Maikop culture.

Keywords: stable nitrogen and carbon isotopes, strontium isotopic variations, Maikop culture, ^{14}C dating, reconstruction of the individual's life style and place of birth.

REFERECES

Ambrose S. H., DeNiro M. J., 1986. The isotopic ecology of East Africa mammals. *Oecologia*, 69. P. 395–406.

Ambrose S. H., Norr L., 1993. Experimental evidence for the relationship of the carbon isotope ratios of whole diet and dietary protein to those of bone collagen and carbonate. *Prehistoric Human Bone: Archaeology at the Molecular Level*.: J. B. Lambert, G. Grupe, eds. New York: Springer-Verlag, pp. 1–37.

Bentley R. A., 2006. Strontium isotopes from the earth to the Archaeological skeleton: a review. *Journal of Archaeological Method and Theory*, vol. 13, no. 3, pp. 135–187.

Chenery C., Muldner G., Evans J., Eskaedt H., Lewis M., 2010. Strontium and stable isotope evidence for diet and mobility in Roman Gloucester, UK. *JAS*, 37, pp. 150–163.

Erlikh V. R., Kovalev D. S., Maslov V. E., 2013. Pogrebeniyaepokhi bronzy kurgannogomogil'nika «Sinyukha» v Adygee (predvaritel'nyedannye) [Bronze Age burials from kurgan cemetery «Sinyukha» in Adygea (preliminary data)]. *Shestaya mezhdunarodnaya kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya [Sixth international Kuban archaeological conference]*. Krasnodar: Ekoinvest, pp. 481–485.

Evans J., Stoodley N., Chenery C., 2006. A strontium and oxygen isotope assessment of a possible fourth century immigrant population in a Hampshire cemetery, southern England. *JAS*, 33, pp. 265–272.

Gerling C., Bánffy E., Dani J., Köhler K., Kulcásr G., Pike A., Szeverényi V., Heyd V., 2012. Immigration and transhumance in the Early Bronze Age Carpathian Basin: the occupants of a *kurgan. Antiquity*, 86 (2012). P. 1097–1111.

Gey A. N., Zazovskaya E. P., 2013. Novye radiokarbonnye daty poseleniya Myskhako iz maykopskogo poseleniya Chekon [New radiocarbon dates from Myskhako settlement from Maikop settlement Chakon]. *Shestaya mezhdunarodnaya kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya [Sixth international Kuban archaeological conference]*. Krasnodar: Ekoinvest, pp. 81–83.

Hollund H. L., Higham T., Belinskij A., Korenevskij S., 2010. Investigation of paleodiet in the North Caucasus (South Russia) Bronze Age using stable isotope analysis and AMS dating of human and animal bones. *JAS*, 37, pp. 2971–2983.

Loftus E., Sealy J., 2012. Technical Note: Interpreting Stable Carbon Isotopes in Human Tooth Enamel: An Examination of Tissue Spacings From South Africa. *Journal of Physical Anthropology*, 147, pp. 499–507.

Longin R., 1971. New method of collagen extraction for radiocarbon dating. *Nature*, 230, pp. 241–242.

Montgomery J., Evans J. A., Powlesland D., Roberts Ch. A., 2005. Continuity or Colonization in Anlo-Saxon England? Isotope Evidence for Mobility, Subsistence Practice, and Status at West Heslerton. *American Journal of Physical Anthropology*, 126, pp. 123–138.

Mook W. G., Streurman H. J., 1983. Physical and Chemical Aspects of Radiocarbon Dating. *Proceedings of the First International Symposium ^{14}C and Archaeology, Groningen*.: W. G. Mook, H. T. Waterbolk, eds. Strasbourg: Council of Europe, pp. 31–55. (PACT, 8).

Murphy E. M., Schilting R., Beer N., Chistov Y., Kasparov A., Pshenitsina M., 2013. Iron Age pastoral nomadism and agriculture in the Eastern Eurasian Steppe: implications from dental paleopathology and stable carbon and nitrogen isotopes. *JAS*, 40, pp. 2547–2560.

Price T. D., Frei K. M., Tiesler V., Gestsdottir H., 2012. Isotopes and mobility: Case studies with large samples. *Population Dynamics in Prehistory and Early History. New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics*. E. Kaiser, J. Burger, W. Schier, eds. Berlin; Boston: De Gruyter, pp. 287–322.

Shishlina N. I., 2007. Severo-Zapadnyy Prikaspiy v epokhu bronzy (V–III tys. do n. e.) [North-Western Caspian Sea region in Bronze Age (V–III mill. BC)]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey. 400 p. (Transactions of State Historic Museum, 165).

Shishlina N. I., 2008. Reconstruction of the Bronze Age of the Caspian Steppes. Life styles and life ways of pastoral nomads. Oxford: Archaeopress. 298 p. (BAR International Series, 1876).

Shishlina N. I., Larionova Yu. O., 2013. Variatsii izotopnogo sostava strontsiya v obraztsakh sovremennykh ulitok yuga Rossii: pervye rezul'taty [Variations of strontium isotope ratio in samples of modern helixes from South Russia: first results]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Arkheologiya, kraevedenie, muzeevedenie [Materials on research of historical-cultural heritage of North Caucasus]*, XI. A. B. Belinskiy, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 159–168.

Shishlina N. I., Sevastyanov V., Hedges R., 2012. Isotope ratio study of Bronze Age samples from the Eurasian Caspian steppes. *Population Dynamics in Prehistory and Early History. New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics*. J. Burger, ed. Berlin: Walter de Gruyter & Co, pp. 177–197.

Trifonov V. A., 2014. Zapadnye predely rasprostraneniya maykopskoy kul'tury [Western borders of Maikop culture area]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk [Proceedings of Samara scientific centre RAS]*, vol. 16, no. 3, pp. 276–284.

About authors.

Shishlina Natal'ya I., The State History Museum, Krasnaya pl. 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: nshishlina@mail.ru;

Larionova Yuliya O., Institute of Geology of Ore Deposits, Petrography, Mineralogy and Geochemistry Russian Academy of Sciences, Staromonetny per., 35, Moscow, 119017, Russian Federation; e-mail:ukalarionova@gmail.com;

Erlikh Vladimir R., The State Museum of Oriental Art, Nikitskiy boul., 12a, Moscow, 119019, Russian Federation; e-mail: verlikh@bk.ru;

Kovalev Denis S., Russian Federation, free lance archaeologist; e-mail: prudon@yandex.ru;

van der Plicht Johan, Center for Isotope Research, Nijenborgh 4, 9747 AG Groningen, The Netherlands; e-mail: J.van.der.Plicht@rug.nl.

А. А. Казарницкий, И. С. Туркина

ФОРМА МОГИЛЬНОЙ ЯМЫ И ПОЛОЖЕНИЕ СКЕЛЕТА: ОПЫТ АНАЛИЗА ИЗМЕНЧИВОСТИ МЕТОДАМИ ГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ МОРФОМЕТРИИ*

Резюме. В статье продемонстрированы возможности применения методов геометрической морфометрии для анализа изменчивости форм археологических объектов на примере могильных ям и положения скелетов в погребениях ямной культуры Северо-Западного Прикаспия. В результате проведенного исследования предложено внести коррективы в имеющуюся типологию ям и поз погребенных. Овальная и отчетливо прямоугольная формы могилы являются не самостоятельными типами, а крайними проявлениями нормальной вариации единственного типа подпрямоугольных ям. Стандартное положение тел погребенных скорченно на спине также обладает нормальной изменчивостью, включающей и сильно скорченные позы, и различные варианты слабо согнутых или вытянутых вдоль тела рук. Двумя другими типами положения погребенного на спине, нарушающими нормальность распределения вариантов поз, являются положение с сильно согнутыми руками (под прямым или острым углом в локтевых суставах) и положение со слабо скорченными ногами.

Ключевые слова: геометрическая морфометрия, погребальный обряд, ямная культура, Северо-Западный Прикаспий, поза погребенного, форма могильной ямы.

В рамках комплексного исследования археологических и антропологических материалов ямной культуры Северо-Западного Прикаспия (рис. 1) были собраны данные о погребальном обряде и морфологии черепов 74 индивидов. Объем выборки был ограничен обязательным условием наличия и археологических, и краниологических данных одновременно, хотя общая численность известных в этом регионе погребений ямной культуры составляет более 700 (*Шишлина*, 2007. С. 61). В процессе работы возникла необходимость проверить некоторые традиционно используемые характеристики погребального обряда на предмет того, являются ли они действительно разными признаками или крайними проявлениями нормальной изменчивости одного и того же. К примеру, форму верхнего края могильной ямы не всегда удавалось описать при

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 13-06-00031.

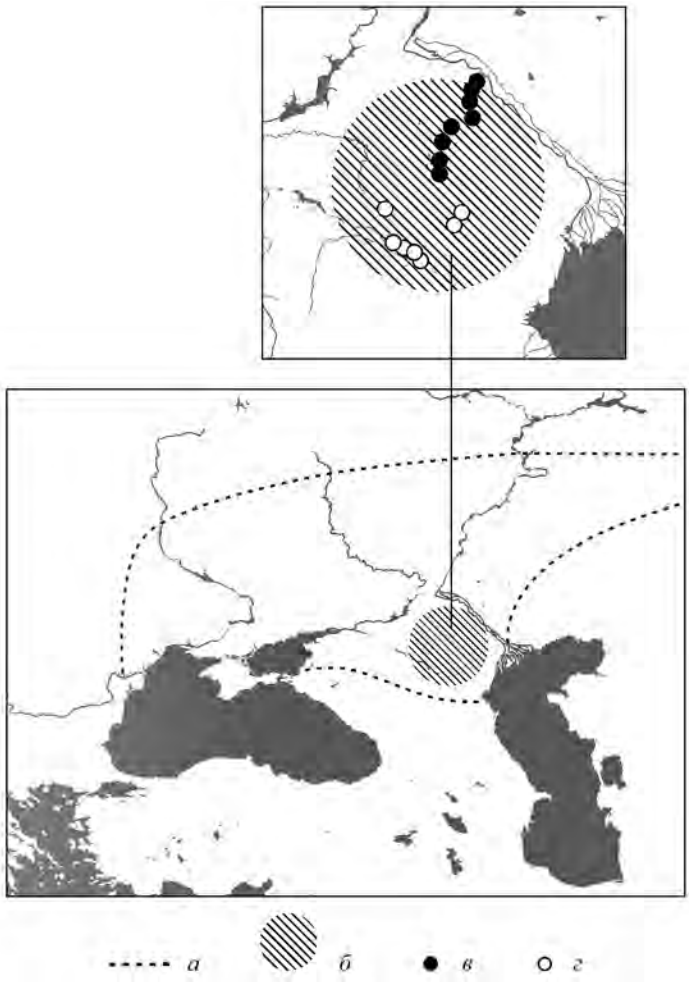


Рис. 1. Карта анализируемых памятников

Условные обозначения: *а* – ямная КИО (*Мерперт*, 1974; *Черных*, 2008); *б* – памятники ямной культуры Северо-Западного Прикаспия; *в* – памятники ямной культуры Астраханской обл. и северной части Калмыкии; *г* – памятники ямной культуры южной части Калмыкии

помощи определений «овальная» или «прямоугольная», и вынужденной мерой становилось использование категории «промежуточная», что навело на подозрение о наличии непрерывного вариационного ряда. Аналогичное затруднение возникло и при попытке выделения различных вариантов позы погребенного на дне могилы по положению костей рук и ног.

Для анализа изменчивости формы могил и поз были привлечены методы геометрической морфометрии, реализованные в программах tpsDig и MorphoJ (*Rohlf*, 2006; *Klingenberg*, 2011). Любые вариации признака в пределах нормального распределения интерпретировались как тот же самый признак,

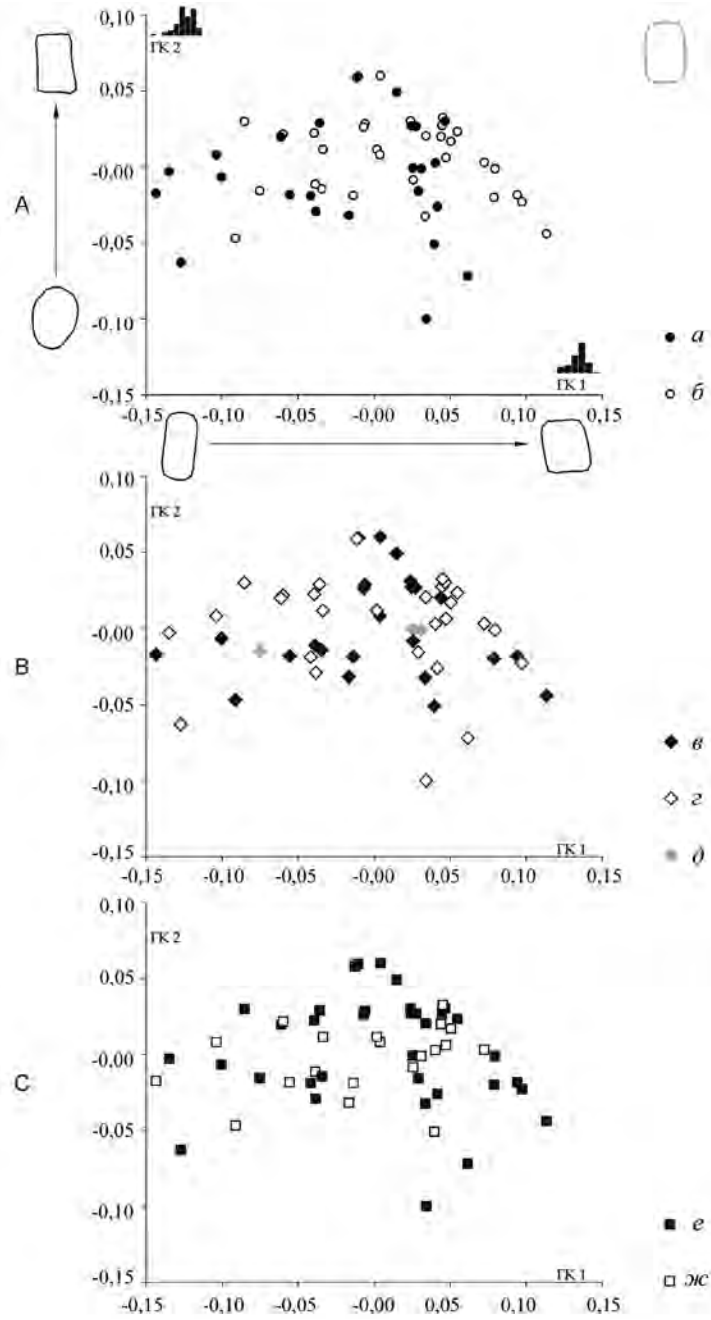


Рис. 2. Результаты анализа формы могильных ям

A – *а* – северные могильники; *б* – южные могильники;
B – *в* – впускные погребения; *г* – основные погребения; *д* – положение в кургане неизвестно;
C – *е* – мужские погребения; *ж* – женские погребения

и лишь те варианты, объяснить которые случайными отклонениями не удавалось, считались новыми признаками. Степень соответствия распределений нормальному оценивалась критерием Шапиро-Уилка в программе Statistica 12.0. Материалом для исследования послужили чертежи и фотографии погребений ямной культуры из раскопок в Астраханской области (могильники Кривой Луки), в северной части Калмыкии (Шолмун-Толга, Улан-Толга, Иджил, Эвдык, Канал Волга-Чограй) и в южной части Калмыкии (могильники Восточного Маныча, Зунда-Толга, Архара, Яшкуль, Цаган-Усн). К сожалению, не для всех интересующих нас погребений удалось обнаружить соответствующие архивные изображения, однако численность выборки осталась хотя и малой, но репрезентативной, составив 55 объектов[2].

Первым был проведен анализ вариации формы могильных ям. В программе tpsDig по изображению верхнего края каждой ямы были расставлены 23 точки на равном расстоянии друг от друга. Полученные по координатам точек контуры были подвергнуты прокрустову анализу в программе MorphoJ с последующим сопоставлением показателей сходства между формами контуров (прокрустовых расстояний) методом главных компонент. В конечном итоге первая и вторая главные компоненты (ГК) отразили в совокупности 76,5 % общей изменчивости формы (рис. 2, *А*). Наиболее вариабельна оказалась относительная ширина ямы, представленная в ГК1 (59,4 %). В заметно меньшей степени варьирует форма от овальной к прямоугольной в ГК2 (17,1 %). Стандартная конфигурация могилы показана серым контуром.

Распределение анализируемых объектов в координатном пространстве каждой ГК не имеет статистически значимых отличий от нормального (см. гистограммы на рис. 2, *А*). По-видимому, в погребальной традиции населения этого региона был принят единственный тип верхнего контура могильной ямы, близкий к прямоугольнику. Отклонения от этого стандарта в наблюдаемых пределах от узких ям к широким или от овальных до отчетливо прямоугольных объясняются случайностью. Таким образом, использование при описании формы могилы категорий «овальная» или «прямоугольная» на данном материале неоправданно, так как в результате конструируются два искусственных типа вместо одного реального, варьирующего естественным образом.

Наблюдается небольшая и статистически недостоверная асимметрия гистограмм распределения координат в компонентах: узких ям в нашей выборке немного больше, чем широких, а овальных чуть больше, чем прямоугольных. Возможно, процесс создания нешироkой ямы без прямых четких контуров и углов менее сложен, отчего и встречается немного чаще, чем более трудозатратные варианты. Это подтверждается на материалах Н. И. Шишлиной (2007), подсчитавшей средние коэффициенты (К) относительной ширины могил ямной культуры Северо-Западного Прикаспия для 21 группы могильников с учетом 733 комплексов. Проведенная нами проверка распределения значений К показала его соответствие нормальному распределению вероятностей и аналогичную нашей небольшую асимметрию из-за чуть более частой встречаемости относительно

[2] Авторы выражают искреннюю признательность Н. В. Панасюк за помощь в сборе архивных материалов.

узких ям. Следовательно, анализ даже десятой доли известных в Северо-Западном Прикаспии ямных погребений, предпринимаемый в настоящей работе, имеет не только методический, но и практический смысл.

При маркировании погребений согласно их географической локализации (северные/южные, рис. 2, *A*) или по положению в кургане (основное/впускное, рис. 2B) не удается выявить какую-либо связь этих характеристик с формой могилы. Можно заметить более частую встречаемость самых широких ям в мужских захоронениях (рис. 2, *C*), но это скорее имеет характер слабо выраженной тенденции, чем отчетливого правила.

Далее аналогичной последовательности анализов были подвергнуты позы скелетов. Известно, что типичным для данного региона положением погребенных является скорченное на спине с вытянутыми вдоль тела руками, наряду с которым встречаются почти аналогичные случаи, но с сильно либо слабо согнутыми руками, или одна рука согнута, а другая вытянута, а также позы скорченно на боку и вытянуто на животе (Там же. С. 66, 71, 73, 78, 79, 83). Нашей задачей было выяснить, какие из этих вариантов являются действительно самостоятельными и какие – случайными вариациями типичного.

Семь скелетов из нашей выборки были уложены на дно могильной ямы изначально на бок, о чем свидетельствует положение одной из плечевых костей поверх грудной клетки (правой при положении на левом боку и наоборот). Шестеро из них происходят из северных могильников Кривой Луки и Улан-Толга и только один – из южной группы Восточного Маныча. Реальность существования такого типа положения тела, отсутствие переходных к нему вариантов не вызывает сомнений, в связи с чем эти индивиды были исключены из дальнейшего анализа. Скелеты, погребенные ничком, редки, и неудивительно, что в исследуемой нами малой выборке они не встретились.

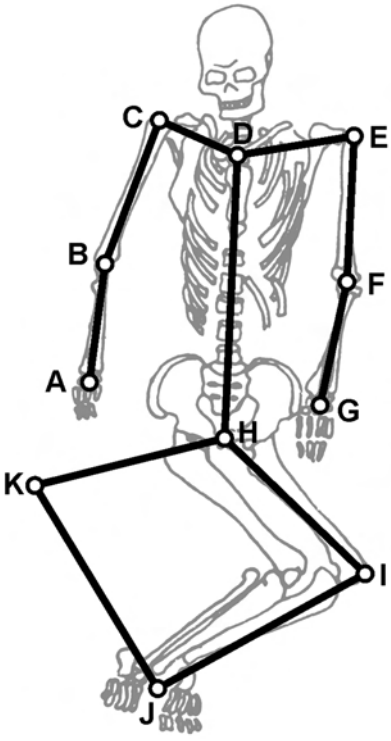


Рис. 3. Точки и контуры позы скелета

Итак, анализу были подвергнуты только изображения скелетов, лежавших в могилах на спине, положение которых представлено контурами по 11 точкам (рис. 3): A и G – на запястьях; B и F – на локтевых суставах; C и E – на проксимальных концах плечевых костей; D – на рукоятке грудины; H – на лобковом симфизе; I – на дистальном конце левой бедренной кости, если ноги завалились на левую сторону; J – между дистальными концами таранных костей стоп. Точка K представляет собой зеркальное отображение точки I, в получившемся ромбе отрезок HI равен отрезку HK, также равны друг другу отрезки IJ и JK. В случае когда ноги погребенного завалены

на правую сторону, точка K ставилась на дистальном конце правой бедренной кости, а точка I – зеркально ей по тому же принципу. Форма ромба позволяет оценить степень скорченности ног (по длине отрезка HJ) независимо от того, на какую сторону в процессе тафономических изменений завалились ноги, изначально устанавливаемые, по-видимому, коленями вверх.

Более половины (63,7 %) общей изменчивости поз погребенных отражено в пространстве первых двух ГК (рис. 4), наиболее часто встречающееся положение изображено серым контуром. Первый вектор (46,6 %) демонстрирует последовательный ряд различной степени скорченности ног. Гистограмма распределения координат здесь не соответствует нормальному из-за сильной правосторонней асимметрии (коэф. 0,7 ± 0,3). Это можно интерпретировать как свидетельство неоднородности выборки по данному признаку – количество скелетов со слабо согнутыми ногами (в правой части графика) больше, чем следовало бы ожидать в силу случайных обстоятельств.

Нужно отметить, что даже если мы имеем дело с естественной вариацией изменчивости положения ног вокруг некоего стандарта, то она необязательно должна соответствовать гипотезе нормального распределения, так как возможно ослабление скорченности из-за произвольного вытягивания ног уже после погребения, в то время как самостоятельного усиления скорченности по тафономическим причинам быть не может. И все-таки, в нашей серии слабо скорченные скелеты происходят исключительно из южной части ареала (рис. 4, *А*). Единственный представитель северной группы в правом поле – скелет из впускного безынвентарного погребения 2 кургана 1 могильника Канал Волга-Чограй 239, т. е. самый южный среди северных. Такое увеличение изменчивости признака только на юге, где встречаются и погребенные в более типичной позе, свидетельствует о локальных особенностях погребального обряда. Возможно, это следствие менее строгих стандартов положения ног погребенных в районе Восточного Маныча по сравнению с тщательным соблюдением этого элемента обряда в низовьях Волги (*Мерперт*, 1974). Однако более вероятно, что слабо скорченные индивиды являются относительно самостоятельной обрядовой группой, так как распределение координат южных индивидов в ГК1 двухвершинное – соответственно двум соседствующим традициям укладки ног.

Аргументами в пользу последней версии являются нехарактерные для местной ямной культуры черты, наблюдаемые в могилах со слабо скорченными скелетами. Так, в комплексах ВМЛБ II к. 21 п. 4, ВМЛБ II к. 42 п. 6, ВМЛБ II к. 42 п. 5, ВМПБ к. 1 п. 9 ямы имеют заплечики и уступы (*Синицын*, 1978). В погребении 4 кургана 21, кроме этого, обнаружено костяное кольцо, аналогии которому известны в катакомбной культуре (*Братченко*, 1976. С. 54). В погребении 21 кургана 1 могильника Яшкуль скелет был почему-то плотно прижат к северной стенке могилы (*Верещагин*, 2004).

Во второй ГК (17,2 %) проявилась изменчивость угла, под которым согнуты руки в локтевых суставах. Распределение координат здесь имеет и левостороннюю асимметрию (-2,3 ± 0,3), и повышенный эксцесс (7,6 ± 0,7). Первая вызвана наличием нескольких индивидов с сильно согнутыми руками (поле минимальных значений ГК2), а второй – редкостью таких скелетов, так как у большинства руки вытянуты вдоль тела и либо совершенно прямые, либо слабо или очень

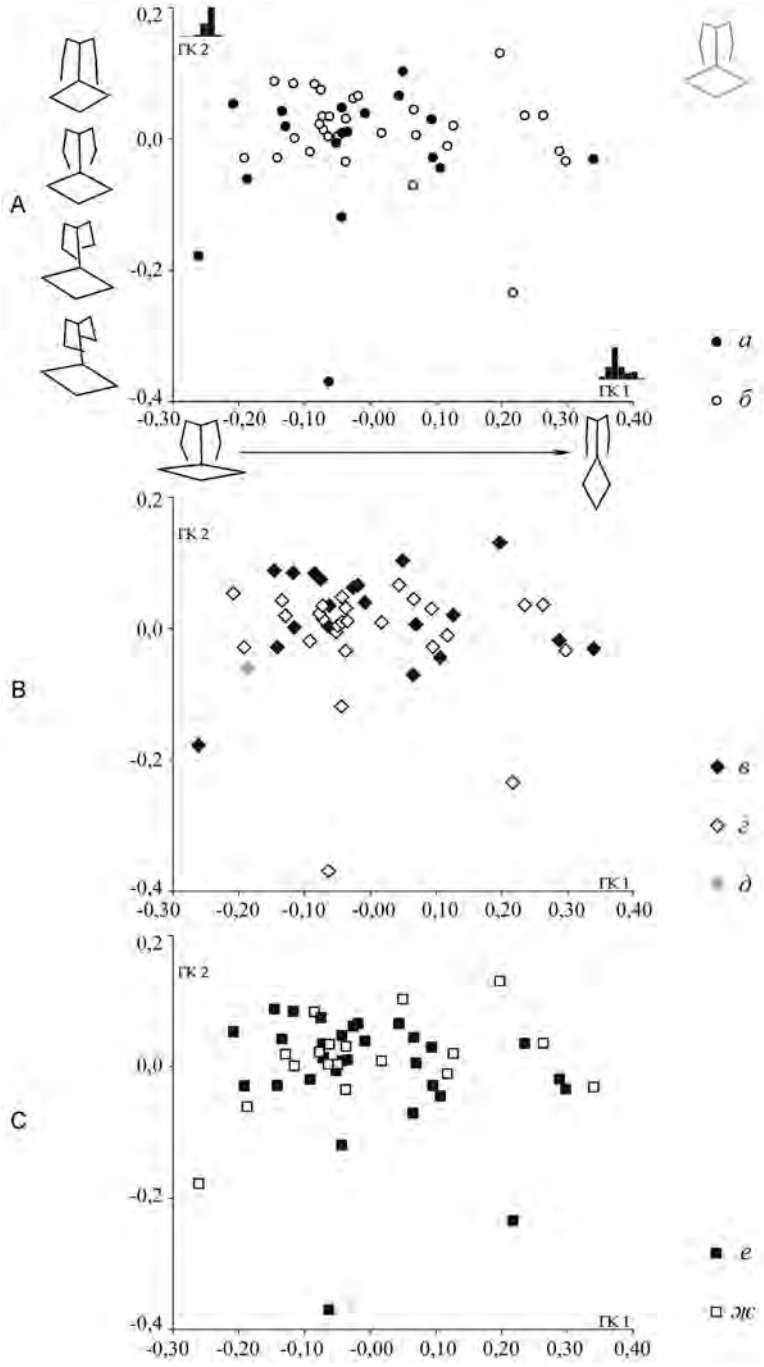


Рис. 4. Результаты анализа поз скелетов.
Условные обозначения см. в подписи к рис. 2

слабо согнутые в локтях (одна или обе). Три из четырех выделившихся по второй компоненте погребения своеобразны не только по позе скелета, но и хронологически: ВМЛБ II к. 38 п. 5 и Кривая Лука XV к. 6 п. 5 описаны авторами полевых отчетов как сравнительно поздние (*Синицын*, 1965; *Дворниченко и др.*, 1975), а в погребении 1 кургана 1 могильника Иджил находился плоскодонный лепной сосуд эпохи средней бронзы (*Шилов*, 1981; *Шишлина*, 2007. С. 94).

Исходя из результатов факторного анализа, пределы нормальной вариации типичного положения тела можно описать традиционными определениями «скорченный» и/или «сильно скорченный» индивид с вытянутыми вдоль тела или слабо согнутыми руками (одной или обеими). Более существенные отклонения уже не могут быть случайными: ни слабо скорченные скелеты, ни индивиды, руки которых согнуты под прямым или острым углом. При этом позы скелетов никак не связаны с расположением могилы в кургане (рис. 4, *B*) и с половой принадлежностью погребенных (рис. 4, *C*).

Итак, использование методов геометрической морфометрии существенно облегчает работу с вариацией морфологических признаков в археологии и может использоваться для верификации разрабатываемых типологий (см., напр.: *Cardillo*, 2009; *Thulman*, 2012; *Громов, Казарницкий*, 2014; и др.). На приведенном примере удалось продемонстрировать безосновательность деления могил ямной культуры Северо-Западного Прикаспия по форме на овальные и прямоугольные, так как оба варианта являются крайними, но естественными проявлениями одного типа подпрямоугольных ям. Изменчивость положения тел на спине, напротив, не может объясняться случайными колебаниями некоего единого стандарта. В 65 % случаев перед нами варианты одного типа – скорченно на спине с более или менее вытянутыми вдоль тела руками. Кроме него, самостоятельными и, возможно, поздними типами являются позы на спине со слабо согнутыми ногами и скорченно на спине с сильно согнутыми руками.

ЛИТЕРАТУРА

Братченко С. Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка. 252 с.

Верещагин В. В., 2004. Отчет об охранных археологических работах на кургане № 1 курганного могильника Яшкуль IX на территории Яшкульского района Республики Калмыкия в 2004 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 33934.

Громов А. В., Казарницкий А. А., 2014. Применение методов геометрической морфометрии при изучении форм керамической посуды // Труды IV (XX) Всеросс. археологического съезда в Казани (20–25 октября 2014 г.) / Ред. А. Г. Ситдиков и др. Т. IV. Казань: Отечество. С. 140–142.

Дворниченко В. В., Куйбышев А. В., Малиновская Н. В., Федоров-Давыдов Г. А., 1975. Отчет о раскопках курганов в Черноярском районе Астраханской области в зоне 1-й очереди строительства Астрахано-Калмыцкой рисовой оросительной системы в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5250.

Мерперт Н. Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука. 175 с.

Синицын И. В., 1965. Отчет об археологических работах в Калмыцкой АССР в 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №3321.

Синицын И. В., 1978. Древние памятники Восточного Маныча. Т. I–II. Саратов: Саратовский ун-т.

Черных Е. Н., 2008. Формирование Евразийского «Степного пояса» скотоводческих культур: Взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // АЭАЕ. № 3 (35). С. 36–53.

Шилов В. П., 1981. Исследование Волго-Донской археологической экспедиции в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10968.

Шишлина Н. И., 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–II тыс. до н. э.). М. 400 с. (Труды ГИМ; Вып. 165.)

Cardillo M., 2009. Temporal trends in the morphometric variation of the lithic projectile points during the Middle Holocene of Southern Andes (Puna Region). A coevolutionary approach // Theoretical and Methodological Issues in Evolutionary Archaeology: Toward an Unified Darwinian Paradigm / Eds H. Muscio, G. López. Oxford: Archaeopress. P. 13–20. (BAR International Series; 1915.)

Klingenberg C. P., 2011. Morphoi: an integrated software package for geometric morphometrics // Molecular Ecology Resources. Vol. 11. P. 353–357.

Rohlf F. J., 2006. TpsDig, digitize landmarks and outlines, 2.05. Department of Ecology and Evolution, State University of New York at Stony Brook. URL: http://life.bio.sunysb.edu/morph/index.html. Date of access: 14.05.2015.

Thulman D. K., 2012. Discriminating Paleoindian point types from Florida using landmark geometric morphometrics // JAS. Vol. 39. P. 1599–1607.

Сведения об авторах.

Казарницкий Алексей Александрович, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Университетская наб., 3, Санкт-Петербург; Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7–9. Санкт-Петербург, 199034; Россия; e-mail: kazarnitski@mail.ru;

Туркина Ирина Сергеевна, Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов, ул. Куйбышева, 32, Сочи, 354348, Краснодарский край, Россия; e-mail: cannamell@yandex.ru.

A. A. Kazarnitsky, I. S. Turkina

Burial pit shape and skeleton positions: experiment to analyse the variability of geometic morphometry

Abstract. This article demonstrates the possibilities for applying methods of geometric morphometry for the analysis of variability of archaeological features taking grave shape as an example and also positions of skeletons in the Pit-Grave culture of the North-West Caspian region. In the light of this completed research it is suggested that various modifications should be introduced into the typology of pit-graves and the positions of the deceased. Oval and clearly rectangular shapes of graves are not distinct types, but extreme manifestations of a normal variation of the only type of sub-rectangular grave. The standard position of the dead – contracted on the back – is also subject to a normal degree of variability including strong contracting and several variants for the arms position: either slightly bent or stretched out along the sides of the body. Two other types of position for the deceased laid on their backs, which are not covered by the normal range of variants for positions of the dead, are a position with tightly bent arms (with elbows at a right angle or sharp angle) and with slightly contracted legs.

Keywords: geometric morphometry, funerary rite, Pit-grave culture, North-West Caspian region, position of the dead, pit-grave shape.

REFERENCES

Bratchenko S. N., 1976. Nizhnee Podon'e v epokhu sredney bronzy [Lower Don region in Middle Bronze Age]. Kiev: Naukova dumka. 252 p.

Cardillo M., 2009. Temporal trends in the morphometric variation of the lithic projectile points during the Middle Holocene of Southern Andes (Puna Region). A coevolutionary approach. *Theoretical and Methodological Issues in Evolutionary Archaeology: Toward an Unified Darwinian Paradigm*. H. Muscio, G. López, eds. Oxford: Archaeopress, pp. 13–20. (BAR International Series, 1915).

Chernykh E. N., 2008. Formirovanie Evraziyskogo «Stepnogo poyasa» skotovodcheskikh kul'tur: Vzglyad skvoz' prizmu arkheometallurgii i radiouglerodnoy khronologii [Formation of Eurasian Steppe belt of stock-breeding cultures: Prospection through prism of archaeometallurgy and radiocarbon chronology]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]*, 3 (35), pp. 36–53.

Dvornichenko V. V., Kuybyshev A. V., Malinovskaya N. V., Fedorov-Davydov G. A., 1975. Otchet o raskopkakh kurganov v Chernoyarskom rayone Astrakhanskoy oblasti v zone 1-y ocheredi stroitel'stva Astrakhano-Kalmytskoy risovoy orositel'noy sistemy v 1975 g. [Report on excavations of kurgans in Cherny Yar district, Astrakhan Region in zone of 1st series of Astrakhan-Kalmyk irrigation system construction in 1975]. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished).

Gromov A. V., Kazarnitski A. A., 2014. Primenenie metodov geometricheskoy morfometrii pri izuchenii form keramicheskoy posudy [Application of methods of geometric morphometrics for research of pottery shapes]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani [Transactions of IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan']*, IV. A. G. Sitdikov, ed. Kazan': Otechestvo, pp. 140–142.

Klingenberg C. P., 2011. MorphoJ: an integrated software package for geometric morphometrics. *Molecular Ecology Resources*, 11, pp. 353–357.

Merpert N. Ya., 1974. Drevneyshie skotovody Volzhsko-Ural'skogo mezhdurech'ya [Earliest stock-breeders of Volga-Urals interfluve]. Moscow: Nauka. 175 p.

Rohlf F. J., 2006. TpsDig, digitize landmarks and outlines, 2.05. Department of Ecology and Evolution, State University of New York at Stony Brook. Electronic resource. http://life.bio.sunysb.edu/morph/index.html.

Shilov V. P., 1981. Issledovanie Volgo-Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1981 g. [Researches of Volga-Don archaeological expedition in 1981]. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished).

Shishlina N. I., 2007. Severo-Zapadnyy Prikaspiy v epokhu bronzy (V–III tys. do n. e.) [North-Western Caspian Sea region in Bronze Age (V–III mill. BC)]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey. 400 p. (Transactions of State Historic Museum, 165).

Sinitsyn I. V., 1965. Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh v Kalmytskoy ASSR v 1965 g. [Report on archaeological works in Kalmyk ASSR in 1965]. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished).

Sinitsyn I. V., 1978a. Drevnie pamyatniki Vostochnogo Manycha [Ancient sites of Eastern Manych], I. Saratov: Saratovsky universitet. 132 p.

Sinitsyn I. V., 1978b. Drevnie pamyatniki Vostochnogo Manycha [Ancient sites of Eastern Manych], II. Saratov: Saratovsky universitet. 118 p.

Thulman D. K., 2012. Discriminating Paleoindian point types from Florida using landmark geometric morphometrics. *JAS*, 39, pp. 1599–1607.

Vereshchagin V. V., 2004. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh rabotakh na kurgane №1 kurgannogo mogil'nika Yashkul' IX na territorii Yashkul'skogo rayona Respubliki Kalmykiya v 2004 g. [Report on rescue archaeological works at kurgan No. 1 of kurgan cemetery Yashkul' IX in territory of Yashkul' district, Kalmyk Republic in 2004]. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished).

About the authors.

Kazarnitsky Aleksey A., Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Universitetskaya prom., 3, St.-Petersburg; St Petersburg State University, Universitetskaya prom., 7–9, St.-Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: kazarnitski@mail.ru;

Turkina Irina S., Sochi Institute (branch) of the Peoples' Friendship University of Russia, ul. Kuybysheva, 32, Sochi, 354348, Krasnodarsky kr., Russian Federation; e-mail: cannamell@yandex.ru.

А. А. Тарасова

ОЦЕНКА СТЕПЕНИ РОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЯРОСЛАВЛЯ ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ

Резюме. Масштабные раскопки экспедиции ИА РАН под руководством А. В. Энговатовой в 2005–2008 гг. на территории древнего Ярославля вскрыли 9 санитарных захоронений, относящихся к периоду гибели города под ударом войска хана Батыя в 1238 г. В данной работе представлена оценка встречаемости некоторых передаваемых по наследству признаков на костных останках из этих санитарных захоронений. Регистрировалось наличие метопического шва на лобной кости, остеом на своде черепа, межмыщелкового отверстия на плечевой кости, аномалий крестца. Для жителей Ярославля первой трети XIII века показатели частоты встречаемости этих генетически детерминированных аномалий завышены. К примеру, синхронная группа из города Тверь демонстрирует сравнительно низкие показатели по тем же признакам. Основной результат исследования свидетельствует о высокой частоте встречаемости останков родственников в серии из Ярославля домонгольского периода. Этот вывод не противоречит данным археологии, согласно которым погибшие жители города составляли население нескольких крупных усадеб.

Ключевые слова: средневековый русский город, антропология, дискретно-варьирующие признаки на черепе и костях скелета, Ярославль, домонгольский период.

Введение

Археологические раскопки открывают возможность всестороннего изучения древнерусских городов. Актуальной задачей остается выявление характера брачных связей у горожан домонгольского периода. В современных палеопатологических исследованиях особое место уделяется фиксации и интерпретации наследственно детерминированных (эпигенетических) признаков на костях черепа и посткраниального скелета, которые используются антропологами для определения степени родства в изучаемых сериях древнего населения. Генетические маркеры, получив однажды свое фенотипическое выражение, практически не меняются под влиянием условий окружающей

среды, что обуславливает определенную легкость в их фиксации. В зарубежной и отечественной историографии не раз предлагались различные программы учета и определения наследственных аномалий на черепе (*Finnegan*, 1978; *Мовсесян и др.*, 1975; *Козинцев*, 1988) и посткраниальном скелете (*Saunders*, 1978; *Бужилова*, 1998). Общее количество дискретно-варьирующих признаков, которые могут быть учтены, достаточно велико и сильно разнится, в том числе в зависимости от степени сохранности антропологического материала. В биоархеологических работах последних лет, однако, практически обязательно присутствует информация о некоторых из них. При характеристике древних популяций исследователи обсуждают такие генетические аномалии, как остеомы (доброкачественные опухоли) на плоских костях черепа, метопический шов на лобной кости, различные вставочные кости в черепных швах, аномалии количества и положения зубов (гипер- и гиподонтия, краудинг), наличие межмыщелкового отверстия на дистальных эпифизах плечевых костей, незаращение дужек позвонков крестца (т. н. Spina bifida occulta, spina bifida cystica) и др.

На индивидуальном уровне исследование вышеупомянутых дискретно-варьирующих признаков позволяет установить биологическое родство. Анализ частоты встречаемости эпигенетических маркеров в сериях древнего населения может быть основанием для рассмотрения степени метисации или инбридинга в палеопопуляциях (*Бужилова*, 1995. С. 22). Так, низкие показатели встречаемости генетически детерминированных признаков могут свидетельствовать о широком круге брачных связей в группе, высокие же, напротив, говорят о наличии определенной «замкнутости» в выборке.

Масштабные раскопки 2005–2008 гг. на территории «Рубленого города» в Ярославле под руководством А. В. Энговатовой позволили вскрыть 9 санитарных захоронений, относящихся к периоду гибели города под ударом войска хана Батыя в феврале 1238 г. Разностороннее изучение антропологической коллекции из Ярославля не только помогает понять обстоятельства смерти людей, погребенных в скудельницах[1], но и сделать выводы о многих аспектах жизни древнерусского города в домонгольский период (Археология древнего Ярославля…, 2012; *Энговатова и др.*, 2012; 2013). В частности, А. П. Бужиловой было обращено внимание на завышение частоты встречаемости некоторых дискретно-варьирующих признаков на костных останках индивидов, погребенных в крупнейшем санитарном захоронении сооружение № 9, что позволило сделать вывод о биологическом родстве части из них (*Бужилова и др.*, 2012. С. 241).

Нами была проведена оценка встречаемости некоторых эпигенетических маркеров в других санитарных захоронениях на территории «Рубленого города», что позволяет более полно оценить возможную степень биологического родства жителей средневекового Ярославля.

[1] Имеется в виду «место для погребения умерших внезапной («невольной») смертью (без покаяния и причастия)» (Православная энциклопедия…, 2009. Т. 5. С. 564).

Материал и метод

Материалом послужили оригинальные наблюдения частоты встречаемости наличия метопического шва на лобной кости, остеом на плоских костях черепа, межыщелкового отверстия на плечевой кости (рис. 1, *1*), а также аномалии крестцовых позвонков (**Spina bifida occulta, spina bifida cystica**) (рис. 1, *2*). Признаки учитывались только на костях взрослых индивидов, пол которых возможно было определить. Вычислялась частота встречаемости от общего числа индивидов, на останках которых было возможно наблюдать тот или иной признак. Подсчет межмыщелковых отверстий производился по костям правой и левой стороны отдельно. Количество индивидов и число наблюдений по каждому признаку приводится в табл. № 1 и 2.

Рис. 1. Ярославль. «Рубленый город». Материалы из санитарных захоронений

1 – межмыщелковое отверстие на плечевой кости;
2 – полное незаращение крестцового канала (*Spina bifida sacralis totalis* (*cystica*))

Исследованы останки людей, погребенных в наиболее крупных санитарных захоронениях: ямы 110, 42, сооружения 60, 76, 200. Так как данные об аномалиях развития крестца в средневековых русских палеопопуляциях встречаются в публикациях не часто, основным сравнительным фоном при рассмотрении материалов ярославской коллекции послужила обследованная нами палеоантропологическая серия из 150 погребений (предварительно датированных XII–XIII вв.), раскопанных экспедицией ИА РАН под руководством Л. А. Беляева и А. Н. Хохлова у Спасо-Преображенского собора в г. Твери в 2012–2014 гг.

Таблица 1. Частота встречаемости некоторых эпигенетических признаков в серии из санитарных захоронений г. Ярославля

Маркер/название объекта	Яма 110			Яма 42			Сооружение 60			Сооружение 76			Соор. 200, яма 125			В целом по группе		
	№/%			№/%			№/%			№/%			№/%			№/%		
	Муж	Жен	Всего	Муж	Жен	Всего	Муж	Жен	Всего	Муж	Жен	Всего	Муж	Жен	Всего	Муж	Жен	Всего
Метопический шов	31/9,6	19/21,1	50/14,0	9/11,1	3/0	12/8,3	9/0	3/0	12/0	3/66,7	5/0	8/25,0	3/0	1/0	4/0	55/10,9	31/12,9	86/11,6
Остеомы	31/12,9	19/5,2	50/10,0	3/0	6/0	9/0	9/0	3/0	12/0	3/66,7	5/20,0	8/37,5	3/0	1/0	4/0	49/12,2	34/5,8	83/9,6
Межмыщелковое отверстие	19/10,5	9/22,2	28/14,3	4/0	6/33,3	10/20,0	4/0	5/20,0	9/11,1	5/20,0	6/33,3	11/27,3	4/50,0	5/20,0	9/33,3	36/13,8	31/25,8	67/20,8
Spina bifida	11/27,3	20/40,0	31/35,4	2/50,0	4/25,0	6/33,3	5/20,0	1/100	6/33,3	1/0	2/50,0	3/33,3	5/40,0	4/25,0	9/33,3	29/24,1	31/41,9	60/33,3

N – число наблюдений; % – частота встречаемости

Таблица 2. Сравнительная характеристика частоты встречаемости некоторых эпигенетических признаков у древнерусского населения

Маркер/название объекта	Ярославль			Ярославль. Сооружение 9			Тверь (XII-XIII вв)			Новохарьковский могильник*			Любеч**			Витичев**		
	№/%			№/%			№/%			№/%			№/%			№/%		
	Муж	Жен	Всего	Муж	Жен	Всего	Муж	Жен	Всего	Муж	Жен	Всего	Муж	Жен	Всего	Муж	Жен	Всего
Метопический шов	55/10,9	31/12,9	86/11,6	-	-	-/21,5	41/7,3	42/9,5	83/8,4	29/10,3	29/6,9	58/8,6	18/11,1	16/12,6	34/11,8	17/0	12/0	29/0
Остеомы	36/13,8	31/25,8	67/20,8	-	-	-/25,3	42/2,3	43/11,6	85/7,1	29/-	29/3,5	58/1,7	18/0	16/0	34/0	17/11,8	12/8,3	29/10,5
Межмыщелковое отверстие	36/13,8	31/25,8	67/20,8	-	-	-/25,3	42/2,3	43/11,6	85/7,1	29/-	29/3,5	58/1,7	18/0	16/0	34/0	17/0	12/0	29/0
Spina bifida	29/24,1	31/41,9	60/33,3	-	-	-/27	22/9,0	20/15,0	42/11,9	-	-	-	-	-	-	-	-	-

N – число наблюдений; % – частота встречаемости; * – данные А. П. Бужиловой (*Бужилова*, 1995; *Бужилова и др.*, 2012); ** – данные А. П. Бужиловой, М. Б. Медниковой (Новохарьковский…, 2002)

Результаты

Наши данные по частоте встречаемости генетических маркеров у средневековых ярославцев представлены в табл. 1. В целом можно констатировать повышенную частоту эпигенетических признаков в группе. Самые высокие значения, отмеченные для санитарного захоронения сооружение № 76, позволяют предположить, что в данном месте были захоронены в основном близкие родственники или люди, чей брачный круг связей был по каким-либо причинам ограничен.

По материалам из других санитарных захоронений (Яма 110, 42, сооружения 60, 200) мы получаем среднеширокие интервалы изменчивости: 0–14 % (по наличию метопического шва) и от 0 до 10 % по наличию остеом на плоских костях черепа. В среднем по группе метопический шов и остеомы встречены в 11,6 и 9,6 % .

Особого внимания заслуживают высокие значения частоты встречаемости эпигенетических признаков, фиксируемых на посткраниальном скелете. Так, случаи межмыщелкового отверстия на плечевых костях зарегистрированы на останках людей во всех подгруппах. В суммарной выборке из Ярославля частота встречаемости межмыщелкового отверстия составила 20,8 % (табл. 1). У женщин Ярославля встречаемость данного признака почти в 2 раза выше, чем у мужчин. Это соответствует общемировой тенденции, согласно которой подобные отверстия чаще наблюдаются на грацильных (женских) плечевых костях (*Saunders*, 1978). Поэтому пока нет оснований говорить о более тесных родственных связях среди женщин в группе. Однако в целом встречаемость межмыщелкового отверстия по выборке достаточно высока и может косвенно свидетельствовать о низкой степени экзогамии в домонгольском Ярославле. В контрольной серии из Твери значение по данному признаку составило всего 7,1 % (табл. 2).

Исследуемая серия наиболее ярко выделяется завышением показателей частоты встречаемости различных вариантов аномалий развития крестцовых позвонков. Были учтены два варианта: 1) **Spina bifida sacralis totalis (cystica)** – полное незаращение крестцового канала; 2) **Spina bifida occulta** («occulta» в переводе с латинского «скрытый»), характеризующаяся лишь небольшим дефектом или щелью в крестцовых позвонках (*Armstrong et al*., 2013. P. 21). Как и в случае с межмыщелковым отверстием, аномалии развития крестца были встречены на останках людей из всех исследуемых захоронений. Примечательно, что интервал вариаций признака небольшой при крайне высоких значениях – 27–35,4 % (с учетом данных А. П. Бужиловой). Среди средневекового населения Твери аномалии крестца выявлены в 11,9 % случаев. Причины подобного завышения значения частоты встречаемости аномалий развития крестцовых позвонков требуют отдельного рассмотрения.

Обсуждение

Выборка из Ярославля, в отличие от большинства доступных для изучения палеоантропологических серий, представляет собой одномоментный «срез» городского населения и отражает сообщество людей, застигнутых в городе

монгольским войском. Таким образом, по своему составу эта группа не похожа на традиционно изучаемые «палеопопуляции», так как в последних исследователь имеет дело с несколькими сменяющими друг друга поколениями (*Алексеев*, 1989. С. 116; *Медникова*, 1995. С. 12). Однако именно этот факт позволяет предположить, что серия из санитарных захоронений Ярославля может быть близка биологической выборке из реально существовавшей популяции. Продолжительность существования палеопопуляции, ее развернутость во времени – один из критериев, которому, прежде всего, не соответствует изучаемая антропологическая серия. Данное обстоятельство теоретически может провоцировать завышение некоторых показателей биологических маркеров, в том числе и наследственно детерминированных.

В рассмотренной А. П. Бужиловой выборке из Сооружения 9 в 21,5 % случаев был зарегистрирован метопический шов (незакрытие шва на лобной кости), у 25,3 % индивидов обнаружено межмыщелковое отверстие на плечевых костях, а у 27 % погребенных зафиксировано несращение дуг позвонков крестца (Spina bifida) (*Бужилова и др.*, 2012. С. 241, 242). Причем, если первые две указанные аномалии встречаются довольно часто (как в палеоантропологических сериях, так и у современного населения), то последняя в больших популяциях регистрируется в среднем в 4,6 % случаях на десять тысяч рождений (*Lary, Edmonds*, 1996).

Частота встречаемости метопического шва, определенная нами в других подгруппах ярославцев, лежит в пределах нормы (8–12 %), как в целом для европеоидной расы (*Козинцев*, 1988), так и для населения Северо-Восточной Руси (0–19,2 %) (*Бужилова*, 2001. С. 266). То же можно сказать и о частоте встречаемости остеом. По данным А. П. Бужиловой, для городского населения Древней Руси характерен относительно небольшой размах изменчивости по данному признаку: от 0 до 18 % (*Бужилова*, 1995. С. 26). Значения частоты встречаемости эпигенетических маркеров на черепе в контрольной группе из Твери в среднем ниже, чем в Ярославле (табл. 2). Так, метопический шов встречен здесь в 8,4 % случаев, а остеомы зафиксированы только у 4,3 % индивидов. Значение по метопическому шву в ярославской серии наиболее близко группе из Любеча (табл. 2).

Обращает на себя внимание почти двукратное превышение частоты встречаемости метопического шва на черепах из Сооружения 9 по сравнению с исследованной нами суммарной выборкой из Ярославля. На наш взгляд, данная ситуация может быть объяснена спецификой скудельницы. Сооружение № 9 отличалось не только наибольшей массовостью, но также своим расположением в непосредственной близости от Успенского собора (т. е. в «самом сердце» древнего города), что обусловило захоронение в нем в основном женщин, детей и стариков (*Бужилова и др.*, 2012. С. 240, 241). Как известно, в большинстве популяций мужская часть населения более мобильна, и возможность попадания в мужскую выборку «чужеземцев» гораздо больше. Косвенно об этом может говорить и вывод А. П. Бужиловой о том, что во втором по численности санитарном захоронении яма № 110, расположенном ближе к городским стенам, выделилось не менее четырнадцати высокорослых мужчин, по ряду признаков ассоциированных автором с дружинниками. Если предположить, что дружина

в Древней Руси могла состоять не столько из представителей местной элиты, сколько из профессионалов, которые могли набираться из разных местностей (Древняя Русь…, 1985. С. 299), то ситуация с двукратным завышением значения данного показателя в захоронении с преобладанием наверняка местного женского населения не кажется необъяснимой.

В синхронной группе средневекового населения Твери эпигенетические признаки демонстрируют умеренные частоты встречаемости. Скорее всего, среди погребенных на кладбище при Спасо-Преображенском соборе также были представлены родственники, однако в целом группа может быть охарактеризована как более «открытая система» по сравнению с биологической выборкой из Ярославля. Впрочем, здесь также необходимо учитывать тот факт, что Тверская выборка более соответствует классическому определению «палеопопуляции» и представляет несколько поколений средневековых горожан.

Хотя эпигенетические признаки, как правило, имеют наследственную природу, некоторые из них могут формироваться под воздействием внешних факторов. По мнению многих авторов, присутствие различных аномалий, в том числе и передающихся по наследству, может объясняться и существованием негативных стрессоров. В частности, на сегодняшний день накоплены свидетельства влияния недостатка фолиевой кислоты в организме матери на риск возникновения у плода такой генетически детерминированной аномалии, как **Spina bifida (***Werler*, 1993; *Van der Put et al.*, 1995; *Mitchell et al.*, 2004; *Armstrong et al.*, 2013). Поэтому нельзя также исключить, что завышенные показатели, которые демонстрирует серия из Ярославля, могут в какой-то степени отражать негативные влияния окружающей среды.

Заключение

При обследовании обширной палеоантропологической коллекции, полученной в результате раскопок экспедиции ИА РАН 2005–2008 гг. под руководством А. В. Энговатовой на территории «Рубленого города» в Ярославле, была определена частота встречаемости некоторых дискретно-варьирующих признаков, которые традиционно используются в палеопатологии для определения степени близкородственных связей в группах. Анализ полученных данных позволил установить, что для исследованной группы жителей Ярославля первой трети XIII в. характерны завышенные показатели частоты встречаемости таких генетически детерминированных аномалий, как наличие межмыщелкового отверстия на плечевых костях и несращение дуг крестцовых позвонков (т. н. **Spina bifida** sacralis totalis (cystica) **и spina bifida occulta**).

Сопоставимая по времени антропологическая серия с территории некрополя у Спасо-Преображенского собора г. Твери демонстрирует сравнительно низкие показатели значений по частоте встречаемости учитываемых в данной работе признаков, что свидетельствует о большей экзогамии в данной палеопопуляции.

Исходя из гипотезы, согласно которой большинство эпигенетических признаков, фиксируемых на костных останках, отражает биологическое родство

погребенных, основным результатом настоящего исследования может быть вывод о большой степени близкородственных связей в рассматриваемой серии из Ярославля. Как замечает В. П. Алексеев, повышение доли инбридинга может объясняться целым рядом причин, одной из которых является определенная социальная изоляция внутри популяции (*Алексеев*, 1989. С. 113), что, на наш взгляд, играет немалую роль и в ярославской выборке. Такой вывод не противоречит данным археологии (устное сообщение А. В. Энговатовой), согласно которым застигнутые в момент разрушения города войсками хана Батыя жители могли представлять население нескольких крупных усадеб.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность руководителю работ Ярославской археологической экспедиции Института археологии РАН Асе Викторовне Энговатовой, а также руководителям раскопок ИА РАН в г. Твери Леониду Андреевичу Беляеву и Александру Николаевичу Хохлову за предоставленную возможность исследовать антропологические материалы.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В. П., 1989. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука. 436 с.

Археология древнего Ярославля…, 2012 – Археология древнего Ярославля: загадки и открытия / Авт.-сост. А. В. Энговатова. 2-е изд. М.: ИА РАН. 296 с.

Бужилова А. П., 1995. Древнее население (палеопатологические исследования). М.: ИА РАН. 167 с.

Бужилова А. П., 1998. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований / Отв. ред. Е. З. Година. М.: Старый Сад. С. 87–147.

Бужилова А. П., 2001. Биологическая и социальная адаптация населения Русского Севера (по антропологическим материалам Белозерья и Поонежья) // *Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П.* Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры. С. 227–276.

Бужилова А. П., Гончарова Н. Н., Добровольская М. В., 2012. Гибель города // Археология древнего Ярославля: загадки и открытия / Авт.-сост. А. В. Энговатова. 2-е изд. М.: ИА РАН. С. 231–264.

Древняя Русь…, 1985 – Древняя Русь. Город. Замок. Село / Отв. Ред. Б. А. Колчин. М.: Наука. 427 с. (Археология СССР.)

Козинцев А. Г., 1988. Этническая краниоскопия. Расовая изменчивость швов черепа современного человека. Л.: Наука. 168 с.

Медникова М. Б., 1995. Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М.: ИА РАН. 216 с.

Мовсесян А. А., Мамонова Н. Н., Рычков Ю. Г., 1975. Программа и методика исследования аномалий черепа // Вопросы антропологии. Вып. 51. С. 127–150.

Новохарьковский…, 2002 – Новохарьковский могильник эпохи Золотой орды / Отв. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. 200 с.

Православная энциклопедия…, 2009 – Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. Т. 5. URL: http://www.pravenc.ru /text/149649.html.

Энговатова А. В., Антипина Е. Е., Власов Д. В., Добровольская М. В., Карпухин А. А., Осипов Д. О., 2012. Девятое коллективное захоронение 1238 г. на территории Рубленого города в Ярославле (результаты коллективного исследования) // Археология: история и перспективы: Сб. ст. / Отв. ред. А. Е. Леонтьев. Ярославль; Рыбинск: Рыбинский Дом печати. С. 185–208.

Энговатова А. В., Добровольская М. В., Антипина Е. Е., Зайцева Г. И., 2013. Коллективные захоронения в Ярославле. Реконструкция системы питания на основе результатов изотопного анализа // КСИА. Вып. 228. С. 96–115.

Armstrong S., Cloutier L., Arredondo C., Roksandic M., Matheson C., 2013. Spina bifida in a pre-Columbian Cuban population: A paleoepidemiological study of genetic and dietary risk factors // International Journal of Paleopathology. Vol. 3. P. 19–29.

Finnegan M., 1978. Non-metric variation of the infracranial skeleton // Journal of Anatomy. Vol. 125 (1). P. 23–37.

Lary M. J., Edmonds D. L., 1996. Prevalence of spina bifida at birth – United States, 1983–1990: a comparison of two surveillance systems // Morbidity and Mortality Weekly Report. Surveillance Summaries. Vol. 45. P. 15–26.

Mitchell L., Adzick S. N., Melchionne J., Pasquariello P. S., Sutton L., Whitehead A., 2004. Spina bifida // Lancet. Vol. 364. № 9448. P. 1885–1895.

Saunders Sh. R., 1978. The development and distribution of discontinuous morphological variation of the human infracranial skeleton. Ottawa: National Museums of Canada. 549 p.

Van der Put N. M., Steegers-Theunissen R. P., Frosst P., Trijbels F. J., Eskes T. K., van den Heuvel L. P., Mariman E. C., den Heyer M., Rozen R., Blom H. J., 1995. Mutated methylenetetrahydrofolate reductase as a risk factor for spina bifida // Lancet. Vol. 346. № 8982. P. 1070–1071.

Werler M. M., Shapiro S., Mitchell A. A., 1993. Periconceptional folic acid exposure and risk of occurrent neural tube defects // Journal of the American Medical Association. Vol. 269. P. 1257–1261.

Сведения об авторе.

Тарасова Анна Анатольевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: taa-volga@yandex.ru.

A. A. Tarasova

Assessment of the degree of kinships in the population of medieval Yaroslavl based on anthropological data

Abstract. Large-scale excavations of the Institute of Archeology's expedition led by A. V. Engovatova in 2005–2008 within the territory of medieval Yaroslavl discovered 9 mass graves, organized for sanitary reasons in the period when the town was laid waste by the onslaught of Batu Khan's forces in 1238. This article provides an assessment the incidence of certain epigenetic traits on the skeletal remains from these mass graves. Metopic suture on the frontal bone, osteomas on the cranial vault, septal aperture on the humerus, anomalies of the sacrum have been registered. For the inhabitants of Yaroslavl in the first third of the 13th century, indices of the frequency of these genetically determined anomalies are above average. A group of skeletons from the same period in Tver' shows rather low indices for the same anomalies. The main result of this study shows a high degree of endogamy in medieval Yaroslavl of the pre-Mongol period. This conclusion is not contradicted by archeological data from the period, according to which the buried inhabitants of the town formed the population of several large properties.

Keywords: medieval Russian town, anthropology, discrete variable features on the skull and bones of a skeleton, Yaroslavl, pre-Mongol period.

REFERENCES

Alekseev V. P., 1989. Istoricheskaya antropologiya i etnogenez [anthropology and ethno-genesis]. Moscow: Nauka. 436 p.

Arkheologiya drevnego Yaroslavlya..., 2012 – Arkheologiya drevnego Yaroslavlya: zagadki i otkrytiya [Archaeology of ancient Yaroslavl': mysteries and discoveries]. A. V. Engovatova, comp. 2nd edition. Moscow: IA RAN. 296 p.

Armstrong S., Cloutier L., Arredondo C., Roksandic M., Matheson C., 2013. Spina bifida in a pre-Columbian Cuban population: A paleoepidemiological study of genetic and dietary risk factors. *International Journal of Paleopathology*, 3, pp. 19–29.

Buzhilova A. P., 1995. Drevnee naselenie (paleopatologicheskie issledovaniya) [Ancient population (palaeopathological studies)]. Moscow: IA RAN. 167 p.

Buzhilova A. P., 1998. Paleopatologiya v bioarkheologicheskikh rekonstruktsiyakh [Palaeopathology in bioarchaeological reconstructions]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy [Historic ecology of man. Methodic of biological investigations]*. Moscow: Staryy Sad, pp. 87–147.

Buzhilova A. P., 2001. Biologicheskaya i sotsial'naya adaptatsiya naseleniya Russkogo Severa (po antropologicheskim materialam Belozer'ya i Poonezh'ya) [Biological and social adaptation of population of North Russia (based on anthropological materials from Beloe and Onega lakes zone)]. *Makarov N. A., Zakharov S. D., Buzhilova A. P. Srednevekovoe rasselenie na Belom ozere [Medieval settlement in Beloe Lake region]*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, pp. 227–276.

Buzhilova A. P., Goncharova N. N., Dobrovol'skaya M. V., 2012. Gibel' goroda [Destruction of city]. *Arkheologiya drevnego Yaroslavlya: zagadki i otkrytiya [Archaeology of ancient Yaroslavl': mysteries and discoveries]*. A. V. Engovatova, comp. 2nd edition. Moscow: IA RAN, pp. 231–264.

Drevnyaya Rus'..., 1985 – *Drevnyaya Rus'. Gorod, zamok, selo [Medieval Rus'. City, castle, village]*. B. A. Kolchin, ed. Moscow: Nauka. 427 p. (Arkheologiya SSSR).

Engovatova A. V., Antipina E. E., Vlasov D. V., Dobrovol'skaya M. V., Karpukhin A. A., Osipov D. O., 2012. Devyatoe kollektivnoe zakhoronenie 1238 g. na territorii Rublenogo goroda v Yaroslavle (rezul'taty kollektivnogo issledovaniya) [Ninth mass burial of 1238 in territory of Rubleny gorod in Yaroslavl' (results of collective research)]. *Arkheologiya: istoriya i perspektivy: sbornik statey [Archaeology: history and perspectives]*. A. E. Leont'ev, ed. Yaroslavl'; Rybinsk: Rybinskiy Dom pechati, pp. 185–208.

Engovatova A. V., Dobrovol'skaya M. V., Antipina E. E., Zaytseva G. I., 2013. Kollektivnye zakhoroneniya v Yaroslavle. Rekonstruktsiya sistemy pitaniya na osnove rezul'tatov izotopnogo analiza [Mass burials in Yaroslavl. Reconstruction of nutrition system based on isotope analysis]. *KSIA*, 228, pp. 96–115.

Finnegan M., 1978. Non-metric variation of the intracranial skeleton. *Journal of Anatomy*, 125 (1), pp. 23–37.

Kozintsev A. G., 1988. Etnicheskaya kranioskopiya. Rasovaya izmenchivost' shvov cherepa sovremennogo cheloveka [Ethnic cranioscopy. Race variability of cranial sutures of modern man]. Leningrad: Nauka. 168 p.

Lary M. J., Edmonds D. L., 1996. Prevalence of spina bifida at birth-United States, 1983–1990: a comparison of two surveillance systems. *Morbidity and Mortality Weekly Report. Surveillance Summaries*, 45, pp. 15–26.

Mednikova M. B., 1995. Drevnie skotovody Yuzhnoy Sibiri: paleoekologicheskaya rekonstruktsiya po dannym antropologii [Ancient stock-breeders of Siberia: palaeoecological reconstruction based on anthropological data]. Moscow: IA RAN. 216 p.

Mitchell L., Adzick S. N., Melchionne J., Pasquariello P. S., Sutton L., Whitehead A., 2004. Spina bifida. *Lancet*, vol. 364, no. 9448, pp. 1885–1895.

Movsesyan A. A., Mamonova N. N., Rychkov Yu. G., 1975. Programma i metodika issledovaniya anomaliy cherepa [Peogram and method of skull anomalies research]. *Voprosy antropologii [Problems of anthropology]*, 51, pp. 127–150.

Novokhar'kovskiy..., 2002 – Novokhar'kovskiy mogil'nik epokhi Zolotoy ordy [Novokhar'kovskiy cemetery of Golden Horde period]. A. D. Pryakhin, ed. Voronezh: Voronezhsky gosudarstvenny universitet. 200 p.

Pravoslavnaya entsiklopediya…, 2009 – Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia], 5. Patriarkh Moskovsky i Vseya Rusi Kirill, ed. *Electronic resource*. http://www.pravenc.ru / text/149649.html.

Saunders Sh. R., 1978. The development and distribution of discontinuous morphological variation of the human intracranial skeleton. Ottawa: National Museums of Canada. 549 p.

Van der Put N. M., Steegers-Theunissen R. P., Frosst P., Trijbels F. J., Eskes T. K., van den Heuvel L. P., Mariman E. C., den Heyer M., Rozen R., Blom H. J., 1995. Mutated methylenetetrahydrofolate reductase as a risk factor for spina bifida. *Lancet*, vol. 346, no 8982, pp. 1070–1071.

Werler M. M., Shapiro S., Mitchell A. A., 1993. Periconceptional folic acid exposure and risk of occurrent neural tube defects. *Journal of the American Medical Association*, 269, pp. 1257–1261.

About the author.

Tarasova Anna A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: taa-volga@yandex.ru.

С. А. Горбаненко

ПАЛЕОЭТНОБОТАНИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПРАЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Резюме. В научный оборот вводятся палеоэтноботанические данные пражской культуры с территорий от Днепра до Днестра. Четыре памятника исследованы автором (Великая Бугаевка, Кодын I, Кодын II, Лука-Каветчинская); к анализу привлечены материалы из Рашкова III и Тетеревки I, проанализированные Г. А. Пашкевич (рис. 1; табл.). Материалы из Великой Бугаевки (рис. 2) интересны исключительно для оценки мировоззрения древних славян и не привлечены для статистического анализа. К последнему могут быть привлечены четыре памятника: Кодын I, Кодын II, Лука-Каветчинская, Рашков III (рис. 3; таблица). Днища с отпечатками проса на керамике (рис. 4), известные в значительном количестве, также не привлечены к статистическому анализу ввиду неслучайного попадания зерновок проса в керамику. Анализ зернового хозяйства произведен после пересчета данных на показатели по массе: первое место занимает ячмень пленчатый; далее следуют рожь и пшеницы мягкие голозерные; наименее стабильные показатели пшеницы двузернянки; просо представлено от 1/10 доли до 1/6; показатели овса стабильно незначительны (рис. 5, *а*). Кластерный анализ показал достаточно высокую степень сходства (около 90 %) (рис. 5, *б*). Присутствие сорняков может свидетельствовать об использовании старопахотных полей, а наличие разноцикличных растений указывает на существование яровых и озимых посевов.

Ключевые слова: пражская культура, палеоэтноботанические материалы, культ земледелия, зерновое хозяйство, статистический анализ.

Введение. Памятники раннеславянской пражской культуры распространены от Припяти и Среднего Днепра на северо-востоке до Дуная на юге и междуречья Эльбы и Заале на западе. В целом ее датируют V–VII вв. н. э. (с определенными нюансами)[1]. До последнего времени для памятников с территорий от Днепра на востоке до Днестра на западе было осуществлено всего два определения палеоэтноботанических материалов. Первое – определения материалов по отпечаткам на изделиях из глины из поселения Рашков III, осуществленные

[1] Подробно о дискуссионных вопросах хронологических и территориальных рамок пражской культуры см.: (*Гавритухин*, 2009).

Г. А. Пашкевич в ходе археологических исследований в 1970-х гг.; на памятнике также были обнаружены обгоревшие зерновки культурных растений (пшеницы, ржи, проса) (*Баран*, 1988. С. 48), из которых, судя по всему, на анализ были переданы только спекшиеся в комок зерновки проса. Второе определение было проведено Г. А. Пашкевич и Н. А. Кирьяновой: исследована в целом незначительная коллекция изделий из глины с поселения Тетеревка I, а также небольшое количество зерновок (*Томашевский, Гавритухин*, 1992. С. 26). Результаты определений из поселения Рашков III не были своевременно введены в научный оборот, а имеющиеся публикации (*Пашкевич*, 1991. С. 10–11; *Пашкевич, Горбаненко*, 2010. Табл. 9; *Горбаненко, Пашкевич*, 2010. Табл. 2.9) не давали возможности провести статистический анализ полученных результатов; материалы из Тетеревки I представлены статистически недостаточным количеством. Неудовлетворительность уровня исследований палеоэтноботанических данных для памятников пражского типа в целом и для исследуемой нами территории, в частности, отметили чешские ученые, на момент публикации статьи по палеоэкологии пражского поселения Розтоки (район Прага-запад, центральная Чехия) (*Kuna et al.*, 2013. P. 91)[2]. Однако за последнее время ситуация несколько изменилась: в 2014 г. Г. А. Пашкевич опубликовала подробную информацию об исследованиях на Рашкове III (*Пашкевич*, 2014), что сделало возможным анализ имеющихся данных (*Горбаненко*, 2014а. С. 184). Автор данной статьи в последнее время также провел исследования материалов с четырех памятников пражской культуры, три из которых могут быть привлечены к статистическому анализу (*Горбаненко*, 2014а; 2014б), один не представляет статистической ценности, но интересен с точки зрения оценок мировоззрения древних славян (*Горбаненко*, 2013; *Петраускас, Горбаненко*, 2014). Таким образом, считаем, что ныне стало возможным подведение промежуточных итогов палеоэтноботанического исследования материалов пражской культуры.

Материалы и методы. Для сбора информации в основном исследованы изделия из глины (лепная керамика, а также фрагменты обмазки и т. п.) шести памятников пражской культуры (рис. 1)[3]. Материал пересмотрен с целью снятия отпечатков зерновок и семян культурных и сорных растений. Снятие отпечатков проводилось по общеупотребительной методике, впервые использованной в СССР З. В. Янушевич (*Янушевич, Маркевич*, 1970). Затем материал, собранный нами, определен благодаря его сравнению с ранее определенными аналогичными образцами, а также широкому кругу публикаций на эту тему; отпечатки зерновок сорняков определены по атласу-определителю сорняков (*Веселовський та ін.*, 1988).

На этапе сбора информации по отпечаткам на изделиях из глины важной является фиксация условий их расположения. Доказано, что подсыпка под днища горшков проводилась целенаправленно (*Бобринский*, 1978. С. 39), поэтому такие

[2] Авторы исследования подсчитали, что на момент выхода статьи были проанализированы палеоэтноботанические материалы всего с 10 памятников пражской культуры, результаты анализов восьми из них опубликованы: четыре (надо полагать, кроме Розток) в Чехии, два (неопубликованных) в Словакии, один в Польше, два в Украине (*Kuna et al.*, 2013. P. 91).

[3] Нумерация памятников сквозная (см.: рис. 1; 3; 5; табл.; по тексту).

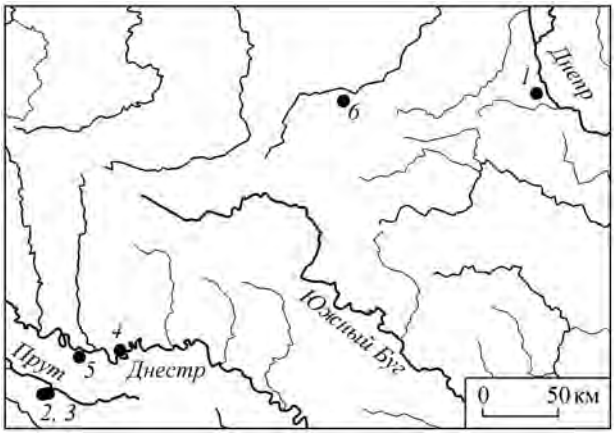


Рис. 1. Схема расположения пражских памятников с произведенными палеоэтноботаническими анализами

1 – Великая Бугаевка; *2* – Кодын I; *3* – Кодын II; *4* – Лука-Каветчинская; *5* – Рашков III; *6* – Тетеревка I

данные следует исключать из статистических расчетов. Следует обращать внимание и на случаи скопления отпечатков зерновок одной культуры на незначительном расстоянии друг от друга и также исключать их из подлежащих анализу данных[4]. Таким образом, уже на данном этапе мы несколько изменяем понятие ПБС (по количеству), введенное Н. М. Кравченко и Г. А. Пашкевич (*Кравченко, Пашкевич*, 1985). Кроме того, для получения достоверной информации необходимой предпосылкой является использование сопоставимых категорий. Поэтому к анализу привлечена только категория злаковых, выращивание которых не вызывает сомнений. К таковым относятся просо, ячмень пленчатый, пшеница двузернянка, пшеницы мягкие голозерные, рожь, овес. К анализу не привлечен ячмень голозерный, поскольку он мог быть сопутствующей культурой основных посевов, а также не учтены зернобобовые и технические культуры.

1. Великая Бугаевка, поселение (Васильковский р-н, Киевская обл., Украина). Находится на восточном и западном склонах балки, по дну которой протекает безымянный ручей (левый приток р. Стугна, правого притока р. Днепр). На комплексе проводились планомерные исследования совместной археологической экспедицией Института археологии НАН Украины (Киев; далее – ИА НАН Украины) и Национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова (Киев; далее – НПУ) под руководством О. В. Петраускаса и Р. Г. Шишкина в 1995–1996, 1998–2005 гг. На северо-западной части черняховского могильника частично исследовано примыкавшее поселение, на котором обнаружено четыре жилища. Три из них датированы черняховским временем. Одно жилище (объект 3) интерпретировано исследователями как жилище постчерняховского времени и по материалам зачислено к кругу пражских древностей (*Петраускас, Шишкин*, 2009. С. 207–209, Рис. 5–7; 2013. С. 63. Рис. 211, 212). Материал хранится в фондах научно-исследовательской лаборатории археологических исследований НПУ. Анализ С. А. Горбаненко. Обнаружены: массовые отпечатки зерновок проса (более сотни) на одном днище и в сколах керамики; более

[4] Критические замечания по поводу интерпретаций палеоэтноботанических материалов см., напр.: (*Лебедева*, 2007; 2008).

50 отпечатков ячменя пленчатого минимум на трех реставрированных формах; два отпечатка пшениц мягких голозерных рядом, на одном днище (табл.; рис. 2) (*Горбаненко*, 2013; *Петраускас, Горбаненко*, 2014).

2. Кодын I, поселение (Глубокский р-н, Черновицкая обл., Украина). Находится на правом берегу р. Прут. Исследовано в 1971, 1974–1975 гг. Славянской экспедицией Института археологии Академии наук СССР (Москва; далее – ИА АН СССР) под руководством И. П. Русановой и экспедицией Черновицкого университета под руководством Б. А. Тимощука. Исследована практически вся площадь поселения (*Русанова, Тимощук*, 1984). Материал хранится в фондах Черновицкого областного краеведческого музея (далее – ЧОКМ). Анализ С. А. Горбаненко. Обнаружено 49 случайных отпечатков зерновок, из которых 43 принадлежит культурным растениям (42 – зерновых, 1 – зернобобовых), 6 – к сорнякам (табл.; рис. 3). Также обнаружены скопления отпечатков проса: на 8 днищах, 4 стенках (*Горбаненко*, 2014б).

3. Кодын II, поселение (Глубокский р-н, Черновицкая обл., Украина). Находится на правом берегу р. Прут. Исследовано в 1971, 1976–1979 гг. Славянской экспедицией ИА АН СССР под руководством И. П. Русановой и экспедицией Черновицкого университета под руководством Б. А. Тимощука. Исследована практически вся площадь поселения (*Русанова, Тимощук*, 1984). Материал хранится в фондах Буковинского центра Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича и ЧОКМ. Анализ С. А. Горбаненко. Обнаружено 79 случайных отпечатков зерновок культурных растений, из которых 78 принадлежит к зерновым, 1 – к зернобобовым (табл.; рис. 3). Также обнаружены скопления отпечатков проса: на 23 днищах, 3 стенках (*Горбаненко*, 2014б).

4. Лука-Каветчинская (ур. Лука), поселение (Каменец-Подольский р-н, Хмельницкая обл., Украина). Находится на левом берегу р. Днестр. Археологические исследования проведены Сокольским отрядом Днестровской комплексной новостроечной экспедиции под руководством Л. В. Вакуленко, О. М. Приходнюка в 1974–1977 гг. На памятнике обнаружены материалы черняховской, пражской культур, древнерусского времени. Исследована большая часть площади поселения (*Вакуленко, Приходнюк*, 1984. С. 44–88). Материал хранится в Научных фондах ИА НАН Украины (Киев; далее НФ ИА НАН Украины). Просмотрены части коллекций № 828, 889, 898, 1065, репрезентирующие пражскую культуру (Колекції …, 2007. С. 188, 189). Анализ С. А. Горбаненко. Обнаружено 72 случайных отпечатка, из которых 70 принадлежит культурным растениям (68 – зерновым, 2 – зернобобовым), 2 – сорнякам (табл.; рис. 3) Кроме случайных находок отпечатков, обнаружено просо: 6 фрагментов стенок горшков с отпечатками от 3–5 до десятка (жилища 6, 8, 13, 29; ямы 11, 23); 15 днищ горшков с различным количеством отпечатков (жилища 2, 3, 5–7, 13, 20, 21, 29); фрагмент сковородки с большим количеством отходов (пленок) и зерновок (жилище 2) (*Горбаненко*, 2014а).

5. Рашков III, поселение (Хотынский р-н, Черновицкая обл., Украина). Находится на правом берегу р. Днестр. Раскопки поселения проведены в 1975–1978 гг. в рамках Днестровской комплексной новостроечной экспедиции ИА АН УССР под руководством В. Д. Барана. Исследована практически вся площадь поселения (около 4800 м^2) (*Баран*, 1988). Материал просмотрен в ходе археологических

Таблица. Определения зерен и семян культурных и сорных растений из материалов памятников пражской культуры

№	Памятник	Культурные растения												Сорняки			Итого
		Зерновые								Зернобобовые		Технические					
		Panicum miliaceum	*Triticum dicoccon*	*T. aestivum* s. l.	*Hordeum vulgare*	*H. vulgare* var. *coeleste*	*Secale cereale*	*Avena sativa* / sp.	*Cerealia*	*Pisum sativum* / sp.	*Vicia* sp.	*Cannabis sativa*	*Linum usitatissimum*	*Bromus* sp.	*Setaria glauca*	Brassicaceae	
1	Великая Бугаевка	+	–	+	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+
2	Кодын I	15	5	6	8	–	7	1	–	1	–	–	–	2	4	–	49
3	Кодын II	37	8	8	10	–	13	2	–	1	–	–	–	–	–	–	79
4	Лука-Каветчинская	28	10	6	11	–	10	3	–	2	–	–	–	2	–	–	72
5	Рашков III	25	2	5	7	1	8	–	5	2	–	1	1	7	–	–	63
6	Тетеревка I	**6**, 1	–	–	**1**	–	–	**1**	–	–	**10**	–	–	–	**1**	**8**	28

Примечания. **Полужирным** выделены обгоревшие материалы. *Panicum miliaceum* – просо; *Triticum dicoccon* – пшеница двузернянка; *T. aestivum* s. l. – пшеницы мягкие голозерные; *Hordeum vulgare* – ячмень пленчатый; *H. vulgare* var. *coeleste* – ячмень голозерный; *Secale cereale* – рожь; *Avena sativa* – овес посевной; *Cerealia* – злак, не определен; *Pisum sativum* – горох посевной; *Vicia* sp. – вика; *Cannabis sativa* – конопля; *Linum usitatissimum* – лен обыкновенный; *Bromus* sp. – костер; *Setaria glauca* – щетинник сизый; Brassicaceae – крестоцветные; sp. – не определено до вида

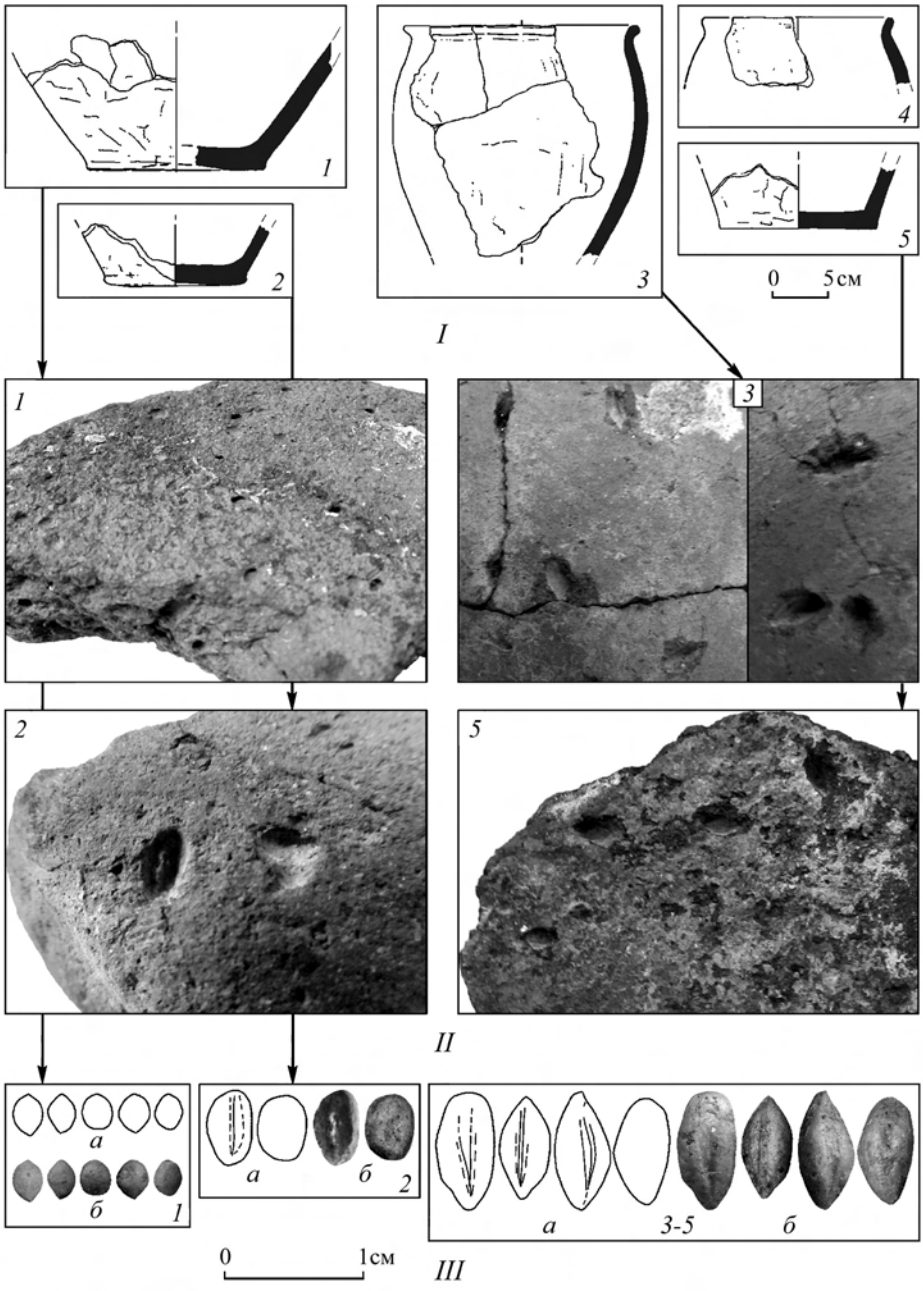


Рис. 2. Лепная керамика с отпечатками зерновок культурных растений из объекта 3 поселения Великая Бугаевка

I – прорисовки (по: *Петраускас, Шишкин*, 2009. С. 207–209. Рис. 5–7; 2013. С. 63. Рис. 211–212); *II* – фото керамики с отпечатками; *III* – отпечатки (*а* – прорисовка; *б* – пластилиновые модели)

1 – просо; *2* – пшеницы мягкие голозерные; *3–5* – ячмень пленчатый

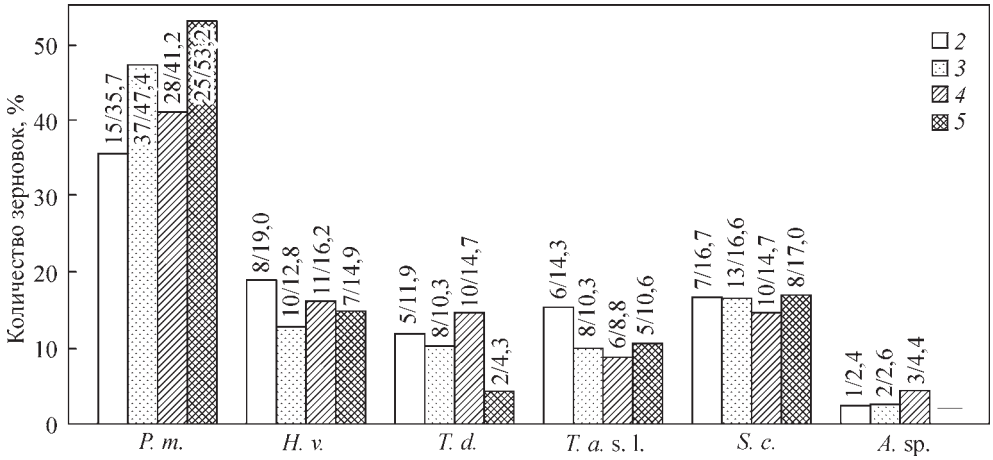


Рис. 3. Палеоэтноботанические спектры зерновок злаковых культурных растений по отпечаткам на изделиях из глины (по количеству)

P. m. – Panicum miliaceum (просо); H. v. – Hordeum vulgare (ячмень пленчатый); T. d. – Triticum dicoccum (пшеница двузернянка); T. a. s. l. – Triticum aestivum s. l. (пшеницы мягкие голозерные); S. c. – Secale cereale (рожь); A. sp. – Avena sp. (овес)
Над столбцами даны: количество зерновок / процент

исследований. Исследовано 1250 фрагментов керамики, ныне составляющих коллекции № 878, 922, 947 в НФ ИА НАН Украины (Колекції …, 2007. С. 200). Анализ Г. А. Пашкевич (*Пашкевич*, 1991; 2014). Также исследованы спеченные в комья зерновки проса (рис. 4, *1*) (*Горбаненко, Пашкевич*, 2010. Рис. 5.19), проведена промывка заполнения нескольких объектов. Обнаружено 63 случайных отпечатка зерновок и семян, из которых 51 принадлежит культурным растениям (47 – зерновые, 2 – зернобобовые, 2 – технические), 7 – сорнякам; 5 отпечатков злаковых не определены (табл.; рис. 3). Также 83 отпечатка зерновок проса обнаружены на днищах (рис. 4, *2*) и /или на других фрагментах керамики, в скоплениях (*Пашкевич*, 2014. Табл. 1; *Горбаненко*, 2014а).

6. Тетеревка I, поселение (Житомирский р-н, Житомирской обл., Украина). Расположено на правой надпойменной террасе р. Гнилопять, в ее излучине. Раскопки проведены в 1963–1964 гг. Древлянским отрядом Приднепровской экспедиции ИА АН СССР под руководством И. П. Русановой (непосредственный руководитель исследований – И. К. Фролов). Исследована практически вся площадь поселения (более 3000 м^2). Материалы хранятся в Государственном историческом музее (Санкт-Петербург), Институте археологии Российской академии наук (Москва). В начале 1980-х гг. небольшие исследования проведены А. А. Тарабукиным. В 1990-х гг. место раскопок было обследовано, материал собран и упорядочен; полностью опубликован (*Томашевский, Гаврутухин*, 1992). Просмотрены: результаты промывки 11 кг заполнения печи-каменки из жилища, а также спорадически почва культурного слоя, часть изделий из глины. На изделиях из глины обнаружено 3 отпечатка зерновок культурных

растений; в промывке из печи – 27 зерновок и семян растений: 18 – культурных (8 – зерновые; 10 – зернобобовые), 9 – сорных (табл.; рис. 3). Анализ Н. А. Кирьяновой, Г. А. Пашкевич (*Пашкевич*, 1991. С. 10, 11; *Томашевский, Гавритухин*, 1992. С. 26[5]; *Пашкевич, Горбаненко*, 2010. Табл. 9; *Горбаненко, Пашкевич*, 2010. С. 155. Табл. 2.9).

Таким образом, интересными для различного рода анализов и интерпретаций являются следующие данные: 1) подсыпка под днища; 2) керамический комплекс Великой Бугаевки; 3) зерновое хозяйство; 4) наличие сорняков. Для анализа зернового хозяйства необходимо наличие статистического минимума данных (в 30 единиц), которыми представлены четыре из шести памятников: Кодын I и II, Лука-Каветчинская, Рашков III.

Результаты. Подсыпание под дно делалось для того, чтобы формовочная масса не приставала к лавке или подставке, на которой изготавливали посуду (*Бобринский*, 1978. С. 39). Наиболее подходящими, а следовательно, и применяемыми были зерновки проса, наименьшие среди зерновых, или отходы от шелушения зерновых (также довольно часто – от проса). Ярким примером именно такого технологического приема является одно из доньев с Рашкова III (см.: рис. 4, *2*). Заметим, что, по нашим наблюдениям, использование этого приема является массовым и присуще носителям многих археологических культур, в том числе славянским культурам второй половины I тыс. н. э. на значительных территориях юга Восточной Европы, а также многим другим, основным занятием носителей которых было земледелие и в обиходе которых преобладала лепная керамика. Из материалов проанализированных памятников такие случаи достоверно зафиксированы в пяти из шести случаев, кроме Тетеревки I. Вполне вероятно, что в последнем случае негативную роль сыграла избирательность анализа материалов[6].

Среди опубликованных ныне материалов для славянских памятников третьей четверти I тыс. н. э. на территории Европы имеются примеры нахождения на днищах отпечатков как проса, так и других культурных растений. Так, днище с отпечатками зерновок проса и чечевицы привлекло внимание исследователей поселения Сухоград (Suchohrad) (Малцки окр., Братиславский край, Словакия) (*Fusek, Zábojník*, 2010. S. 163. Abb. 6). Примером использования других злаковых (по рисунку – возможно, рожь) является днище из Шмерзке (Scmerzke) (Бранденбург, Германия) (*Biermann et al*., 1999, S. 226. Abb. 9, *4*; 13). Однако, учитывая то, что отпечатки зерновок расположены компактно, не исключено их случайное попадание на подставку. Наличие отпечатков ржи на днище сосуда нам известно из поселения киевской культуры Роище (Черниговский р-н, Черниговской обл., Украина). Там на днище миски из ямы 168 обнаружено 11 отпечатков (*Пашкевич, Терпиловский*, 1981. С. 101, 102; *Горбаненко, Пашкевич*, 2010. Рис. 5.10). На поселении Нижна Мышля (Nižná Myšľa) (Кошицкий край, Словакия) было

[5] Ввиду несколько некорректной публикации данных, ныне достаточно трудно разделить материал на пражский и райковецкий. Поэтому в таблицу включены только данные, принадлежность которых к пражской культуре не вызывает сомнений.

[6] Насколько нам известно, керамический комплекс Тетеревки I не был полностью просмотрен специалистом по палеоэтноботанике.

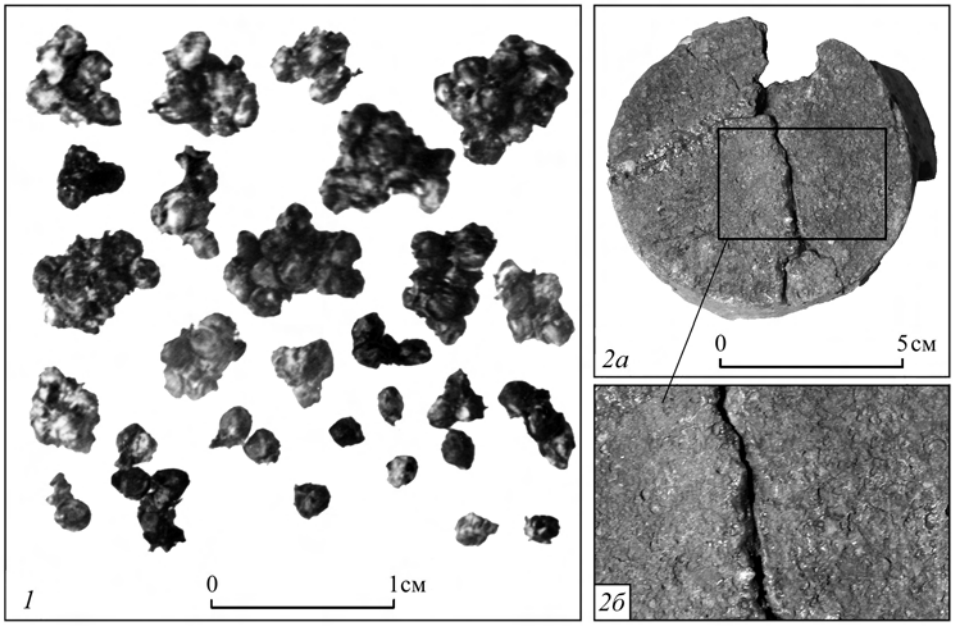


Рис. 4. Поселение Рашков III

1 – обгоревшие зерновки проса; *2* – пример массовых отпечатков зерновок проса на днищах сосудов (б – М 1 – 1) (НФ ИА НАН Украины)

обнаружено днище с тремя отпечатками боба обыкновенного (*Faba vulgaris*) (*Fusek et al.*, 2010. P. 344. Obr. 10).

Довольно интересным для понимания мировоззрения древних славян является комплекс керамики из объекта 3 поселения Великая Бугаевка (см. выше; рис. 2). Там был обнаружен и отреставрирован комплекс сосудов больших размеров слабопрофилированных форм. Вполне вероятно, что их использовали в качестве зерновиков. При визуальном обследовании этих изделий была замечена интересная особенность. Вся керамика из жилья обильно покрыта отпечатками зерновок злаков. Среди них четко определяются отпечатки ячменя пленчатого (минимум на трех формах) и проса в большом количестве, а также два отпечатка пшениц мягких голозерных на одном из днищ (*Горбаненко*, 2013; *Петраускас, Горбаненко*, 2014). Присутствие в каждой отдельной форме только одного злака, их расположение на керамике, а также практически отсутствие других органических примесей исключает возможность случайного попадания этих зерновок в тесто. Очевидно, что мы имеем дело с проявлением «бытовой магии», когда обычные повседневные предметы имеют сакральную культовую окраску.

До сих пор таких случаев из собственного опыта и литературы также имеем немного. Но и уникальными, видимо, их назвать нельзя; вероятно, на это ранее обращали мало внимания. Среди характерных примеров следует назвать комплекс праславянской керамики с поселения Дмитровка III (черняховская

культура; г. Комсомольск, Полтавская обл., Украина) (*Башкатов и др.*, 2010; *Башкатов, Горбаненко*, 2013). В результате реставрации была восстановлена одна из форм: биконический зерновик больших размеров, со следами ремонта (*Башкатов*, 2010. Рис. 10, 6). Отпечатки, обнаруженные на этом горшке (просо, ячмень пленчатый, рожь, пшеница двузернянка), указывают на то, что в качестве добавки в глиняную массу использовали смесь, тем не менее, отдавая предпочтение ячменю пленчатому. Судя по размерам горшка, его вполне могли использовать для хранения продуктов земледелия. Вероятно, и в этом случае следует признать «ритуальность» акта добавления зерновых. Синхронный аналогичный пример известен с черняховского поселения Комаров (Кельменецкий р-н, Черновицкая обл., Украина), где в ходе раскопок 2014 г. был исследован объект 4 – хозяйственная (мусорная?) яма, в нижней части заполнения которой найден развал лепного горшка раннеславянской традиции (*Петраускас*, 2014). В тесте этого горшка присутствует большое количество отпечатков зерновок проса. По их спорадическому расположению (внутренняя и внешняя поверхности, изломы) с уверенностью можно утверждать, что мастер сознательно домешал злаки в глиняную массу в ходе формовки (*Петраускас, Горбаненко*, 2014. С. 128).

Еще один известный нам пример – развал зерновика с пола жилища 1 участка 2 райковецкого поселения Малая Снитынка (Фастовский р-н, Киевская обл., Украина) (*Дубицький, Філюк*, 1995; *Філюк*, 1996). Диаметр венчика этой тары составляет около 40 см. Также велика вероятность, что его использовали для хранения определенного количества зерна непосредственно в жилище, «под рукой» для повседневных нужд. Форма не отреставрирована, поэтому пока сложно с точностью установить ее объем. Но по аналогиям можно утверждать, что такой объем мог быть около 100 л, что составляет около 77 кг сухой массы зерна (ЭСБЕ…). Глиняная масса, из которой изготовлен зерновик, содержит незначительное количество примесей. Однако присутствующая органическая примесь представлена исключительно отпечатками зерновок ржи (*Горбаненко*, 2015).

В примере, известном нам по публикации, описана технология изготовления керамики поселения на памятнике вблизи г. Мурска-Собота (Murska Sobota) (рег. Прекмурье, Словения). И. Бахор отметил, что в глиняное тесто могли целенаправленно добавлять зерновки злаковых, а также и другие примеси растительного происхождения. На фото, приведенном для примера, представлена небольшая форма горшка, сплошь (и в изломах) усеянная отпечатками зерновок злаковых одного вида. Исследователь отмечает, что древние славяне занимались сельским хозяйством, и у них постоянно в большом количестве находились запасы урожая и отходы обмолота, пригодные для смешивания с глиной (*Bahor*, 2010. P. 180, 181, Sl. 6.3[7]). Такой вариант попадания зерновок культурных растений в изделия из глины, как один из четырех возможных вариантов, упомянут ранее Н. М. Кравченко и Г. А. Пашкевич (1985).

Отметим, что в нашей практике еще не было аналогичных находок: приведенные выше примеры славянских материалов I тыс. н. э. связаны с крупными

[7] По фото – возможно, ячмень?

формами, а насыщенность отпечатков на порядок ниже. Поэтому считаем, что в рассмотренных нами примерах следует говорить именно о сакральном культовом оформлении будничных бытовых вещей для «гармонизации» тары и ее содержимого. Очевиден и культ: культ плодородия в земледелии.

Зерновое хозяйство[8]. Для интерпретации статистически достаточных палеоэтноботанических материалов нами предложено введение индексации соотношений массы зерновок (*Горбаненко*, 2012). Дальнейший анализ проведен с учетом разницы в массах зерновок, где за основу взята зерновка проса как наименьшая; для всех остальных зерновок установлен индекс пересчета массы[9] (зерновка … культурного растения = *n* зерновок проса). Результаты расчета такие (подробно см.: *Горбаненко, Колода*, 2013. С. 41): просо – 1; ячмень пленчатый – 5,5; пшеница двузернянка – 6,2; пшеницы мягкие голозерные – 5,7; рожь – 4,8; овес – 3,4. На этой основе составлен ПБС по массе ($ПБС_м$), который более адекватно отражает зерновое хозяйство в жизнедеятельности людей. По результатам этого пересчета первое место занимает ячмень пленчатый (в трех случаях – около 1/4 доли; максимальный разлет данных – 5,8 %). Далее следуют показатели ржи (1/4–1/5 доли; 6,1 %) и пшениц мягких голозерных (1/5 доли и менее; 7,1 %). Наименее стабильные показатели у пшеницы двузернянки (1/4 – один памятник, 1/5 – два, менее 1/10 – один; 16,8 %). Просо представлено от 1/10 доли до 1/6 (разлет данных 6,2 %). Показатели овса стабильно незначительны (от 0 до 4,2 %) (рис. 5, *а*).

О значении овса традиционно судить достаточно сложно, поскольку его соотнесение с культурным либо сорным видом по палеоэтноботаническим данным проблематично. Однако ряд находок овса в большом количестве на памятниках I тыс. н. э. территории юга Восточной Европы дает основания предполагать именно его культурную принадлежность. В виде отдельной культуры он представлен еще со второй четверти I тыс. н. э. на таких памятниках, как Пылыпы 4 культуры карпатских курганов (*Вакуленко*, 2004, определения Г. А. Пашкевич), Йосиповка 3 вельбарской культуры (*Пашкевич, Милян*, 2010). Находка, состоящая в основном из ячменя пленчатого и овса, происходит с поселения салтовской культуры Рогалик (*Пашкевич, Горбаненко*, 2004). Подчеркнем, что в описанных случаях проанализирован обгоревший материал из находок скоплений.

Просо представлено в целом незначительными показателями, которые, однако, несколько выше, чем у райковецкой культуры (ср.: *Горбаненко*, 2014а;

[8] Под зерновым хозяйством подразумеваем соотношение долей основных зерновок по массе – показатель, который может соответствовать объемам выращивания и/или употребления в пищу зерновых культур. Сюда не включаются единичные («случайные») зерновые, которые, возможно, были сопутствующими для основных посевов, а также зернобобовые, которые невозможно причислить к полевым или огородным культурам.

[9] Пересчет полученных палеоэтноботанических результатов с количественных показателей на процентные данные по массе был применен учеными и для материалов из пражского поселения Розтоки (см.: *Kuna et al.*, 2013). На необходимость использования подобной интерпретационной схемы указывают и археозоологи (с определенными нюансами) (*Підоплічко*, 1937; *Журавлев*, 2001, с. 63; *Антипина*, 2007; 2008), а также ихтиологи (*Яниш*, 2014).

2014б; 2015). Сумма значений по массе неприхотливых, проверенных временем и издавна традиционных зерновых культур (просо, ячмень пленчатый, пшеница двузернянка) составляет от 55 % (в трех случаях) $ПБС_{м}$. Соответствуют этому и показатели прихотливых культур, которые, как считается, являются важными маркерами интенсификации земледелия – пшениц мягких голозерных и ржи; суммарно в трех случаях они составляют немногим более 2/5 доли.

Отметим также, что по ряду показателей полученные данные близки аналогичным материалам из Розток. Для этого памятника (в пересчете на массу) также получен невысокий процент овса (около 5 %). Немногим более 10 % составляло просо; ячмень – в пределах 20 %; незначительный показатель пшеницы двузернянки (менее 5 %) компенсирован другим видом пленчатых – спельтой, составляющей около 10 %. Таким образом, неприхотливые культуры составляют около 45 %. Показатель пшениц мягких голозерных на этом памятнике наибольший – около 40 %, что несколько компенсируется низким показателем ржи (менее 10 %) (см.: *Kuna et al.*, 2013. Obr. 24). Отметим, что из упоминаемых здесь памятников Розтоки – наикрупнейшее поселение пражской культуры (Počátky…, 2005; *Kuna, Profantová*, 2011) и, очевидно, должно было иметь наиболее высокий уровень интенсификации жизнедеятельности в целом и сельского хозяйства в частности. Среди памятников, приведенных нами, таковым является Рашков III[10]. Именно общие показатели в паре неприхотливые – прихотливые этих двух памятников наиболее близки.

Кластерный анализ показал достаточно высокую степень сходства палеоэтноботанических данных между собой (около 90 %): минимальная разбежность в паре Кодын I и Кодын III, максимальная – между показателями Рашкова III и остальными памятниками (рис. 5, *б*).

К этому добавим, что население пражской культуры выращивало также зернобобовые, в том или ином виде обнаруженные на пяти памятниках, а также технические культуры, в том числе служившие сырьем для ткачества (см. табл.).

Важным для восстановления систем земледелия является наличие сорняков. Обнаружено три различных сорняка: костер, щетинник сизый, крестоцветные. Оба вида костра (ржаной и полевой) являются однолетними озимыми сорняками ржи и пшеницы. Щетинник – однолетний яровой сорняк, также является сегетальным растением (маркером антропогенного влияния); его зерновки также могут быть использованы в еду. Крестоцветные – это семейство растений, насчитывающее более 3 тыс. видов, поэтому определения такого уровня не могут дать дополнительной информации. Тем не менее, присутствие значительного количества сорняков в принципе может свидетельствовать об использовании старопахотных полей, а наличие разноцикличных растений указывает на существование яровых и озимых посевов. Укажем, что для двух памятников

[10] Следует также помнить, что рядом находилось синхронное поселение Рашков II, видимо, не меньших размеров. А после затухания жизни на этих двух поселениях невдалеке, фактически в той же ресурсной зоне было основано поселение следующего хронологического периода – Рашков I (*Баран*, 1988; *Баран*, 2004). Как вполне обоснованно считают исследователи, данное поселение могло быть местом переселения жителей из поселений Рашков III и II (*Баран*, 2004. С. 83).

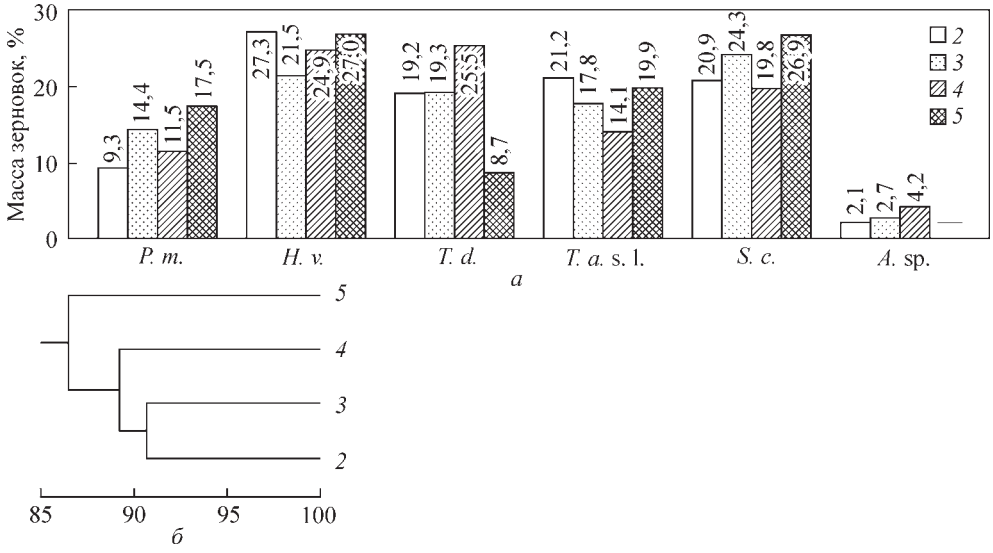


Рис. 5. Палеоэтноботанические спектры зерновок злаковых культурных растений по отпечаткам на изделиях из глины (по массе)

Над столбцами даны: проценты (а); кластерный анализ палеоэтноботанических данных из памятников пражской культуры (б)

количество составляет около 10 % от определенных зерновок, что, по нашему мнению, является достаточным подтверждением высокого уровня засоренности полей, возможного именно для старопахотных полей.

Таким образом, палеоэтноботанические изыскания материалов с пражских памятников (на данный момент, по сути, – довольно спорадические) не оставляют сомнений в том, что у славян в третьей четверти I тыс. н. э. земледелие было распространено и занимало важное место как в хозяйстве, так и в мировоззрении.

ЛИТЕРАТУРА

Антипина Е. Е., 2007. Методы моделирования относительной численности домашних животных в хозяйстве древних поселений: от остеологического спектра к составу стада // Матеріали та дослідження з археології Східної Європи: від неоліту до кімерійців. № 7. Луганськ. С. 297–303.

Антипина Е. Е., 2008. Состав древнего стада домашних животных: логические аппроксимации // Opus: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 6 / Ред. А. П. Бужилова. М.: ИА РАН. С. 67–85.

Баран В. Д., 1988. Пражская культура Поднестровья (по материалам поселений у с. Рашков). К.: Наукова думка. 160 с.

Баран Я. В., 2004. Слов'янська община. Київ; Чернівці: Зелена Буковина. 192 с.

Башкатов Ю. Ю., 2010. Новые исследования черняховских памятников на Юге Среднего Поднепровья // Germania-Sarmatia. Т. II. Калининград; Курск. С. 215–239.

Башкатов Ю. Ю., Горбаненко С. А., 2013. Земледелие древних жителей поселения Дмитровка III // От Римского Лимеса до Великой Китайской Стены. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест: Высшая антропологическая школа. С. 313–324. (Stratum plus. № 4/2012).

Башкатов Ю. Ю., Горбаненко С. А., Пашкевич Г. О., 2010. Матеріали з землеробства середини І тис. н. е. // Старожитності Лівобережного Подніпров'я: зб. наук. праць і матеріалів X науково-практичного семінару «Охорона та дослідження пам'яток археології» (м. Комсомольськ, 14–16 серпня 2010 р.). Полтава: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК, Центр охорони та досліджень пам'яток археології управління культури Полтавської ОДА. С. 48–58.

Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука. 272 с.

Вакуленко Л. В., 2004. Землеробство як економічна основа господарства прикарпатського населення в III–IV ст. н. е. // Археологія давніх слов'ян. Дослідження і матеріали. Київ: ІА НАН України. С. 189–214.

Вакуленко Л. В., Приходнюк О. М., 1984. Славянские поселения I тыс. н. э. у с. Сокол на Среднем Днестре. К.: Наукова думка. 108 с.

Веселовський І. В., Лисенко А. К., Манько Ю. П., 1988. Атлас-визначник бур'янів. К.: Урожай. 72 с.

Гавритухин И. О., 2009. Понятие пражской культуры // Сложение русской государственности в контексте раннесредневекой истории Старого Света: Мат-лы Междунар. конф. (14–18 мая 2007 г., Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж). СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 7–25. (Тр. ГЭ; Вып. XLIX.)

Горбаненко С. А., 2012. Сельское хозяйство до образования Киевской Руси // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. И. И. Ляпушкина (1902–1968) (3–5 декабря 2012 г., Санкт-Петербург) / Сост., ред. О. А. Щеглова. СПб.: Соло. С. 106–109.

Горбаненко С. А., 2013. Приложение 5. Палеоэтноботанические определения // *Петраускас О. В., Шишкин Р. Г.* Могильник и поселение черняховской культуры у с. Великая Бугаевка (археологический источник). Киев: ИА НАН Украины. С. 384–388. (Oium; № 2.)

Горбаненко С. А., 2014а. Палеоетноботанічні матеріали з НФ ІА НАН України зі слов'янських пам'яток // Колекції Наукових фондів Інституту археології НАН України: результати досліджень. Київ. С. 180–186 (АДІУ; Вип. 1 (12)).

Горбаненко С. А., 2014б. Палеоетноботанічні дослідження слов'янських пам'яток Буковини // Археологічні студії. Вип. 5. Київ; Чернівці: Черемош. С. 200–211.

Горбаненко С. А., 2015. Палеоетноботанічні дані з поселення райковецької культури Мала Снітинка // Археологія. № 1. С. 109–116.

Горбаненко С. А., Колода В. В., 2013. Сільське господарство на слов'яно-хозарському порубіжжі. Київ: ІА НАН України. 238 с.

Горбаненко С. А., Пашкевич Г. О., 2010. Землеробство давніх слов'ян (кінець I тис. до н. е. – I тис. н. е.). Київ:Академперіодика. 316 с.

Дубицький О. С., Філюк О. В., 1995. Охоронні дослідження багатошарового поселення біля с. Мала Снітинка на Київщині // Древние культуры и цивилизации Восточной Европы: Матлы 3-й Междунар. археол. конф. студентов и молодых ученых (Одесса, февраль 1995 г.). Одесса. С. 75–76.

Журавлев О. П., 2001. Остеологические материалы из памятников эпохи бронзы лесостепной зоны Днепро-Донского междуречья. Киев: ИА НАН Украины. 200 с.

Колекції …, 2007 – Колекції Наукових фондів Інституту археології НАН України. Каталог. Київ: Академперіодика. 356 с.

Кравченко Н. М., Пашкевич Г. А., 1985. Некоторые проблемы палеоботанических исследований (по материалам Обуховской территориальной группы памятников I тыс. н. э.) // Археология и методы исторических конструкций / Отв. ред. В. Ф. Генинг. К.: Наукова думка. С. 177–190.

Лебедева Е. Ю., 2007. Методические аспекты археоботанических исследований // Матеріали та дослідження з археології Східної Європи: від неоліту до кімерійців. № 7. Луганськ. С. 289–296.

Лебедева Е. Ю., 2008. Археоботаническая реконструкция древнего земледелия (методические критерии) // Opus: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 6 / Ред. А. П. Бужилова. М.: ИА РАН. С. 86–109.

Пашкевич Г. А., 1991. Палеоэтноботанические находки на территории Украины. Памятники I тыс. до н. э. – II тыс. н. э.: Каталог II. Препр. Киев: Институт археологии. 47 с.

Пашкевич Г. О., 2014. Палеоетноботанічні дослідження поселень біля с. Рашків // Колекції Наукових фондів Інституту археології НАН України. Результати досліджень. Київ. С. 174–179 (АДІУ; Вип. 1 (12).)

Пашкевич Г. А., Горбаненко С. А., 2004. К вопросу о земледелии племен салтовской культуры (по материалам поселения Рогалик) // Древности. Харьков. С. 225–236.

Пашкевич Г. О., Горбаненко С. А., 2010. Каталог палеоботанічних матеріалів пам'яток слов'янських культур // Колекції Наукових фондів Інституту археології НАН України: матеріали та дослідження. Київ. С. 105–123 (АДІУ; Вип. 3.)

Пашкевич Г. О., Милян Т. Р., 2010. Палеоботанічні знахідки з поселення Йосипівка-III у Побужжі. Львів: Ліга-Прес. 64 с.

Пашкевич Г. А., Терпиловский Р. В., 1981. Сельское хозяйство деснинских племен III–V вв. // Использование методов естественных наук в археологии / Собр., ред., предисл. В. И. Бидзиля и др. Киев: Наукова думка. С. 93–113.

Петраускас О. В., 2014. Деякі підсумки досліджень комплексу пам'яток пізньоримського часу біля с. Комарів // Черняхівська культура: до 120-річчя від дня народження В. П. Петрова / Відп. ред. О. В. Петраускас, С. А. Горбаненко. Київ. С. 165–183 (Oium; № 4.)

Петраускас О. В., Горбаненко С. А., 2014. Особливості керамічного комплексу з поселення Велика Бугаївка // Археологія. № 4. С. 126–130.

Петраускас О. В., Шишкин Р. Г., 2009. Некоторые результаты исследования поселения черняховской культуры Великая Бугаевка 1 // Vita Antiqua. № 7–8. С. 201–226.

Петраускас О. В., Шишкин Р. Г., 2013. Могильник и поселение черняховской культуры у с. Великая Бугаевка (археологический источник). Киев. 412 с. (Oium; № 2.)

Підоплічко І. Г., 1937. До питання про свійські тварини трипільських поселень Халеп'я, Андріївка, Усатове // Наукові записки ІІМК. Кн. 2. С. 111–120.

Русанова Н. П., Тимощук Б. А., 1984. Кодын – славянские поселения V–III вв. на р. Прут. М.: Наука. 88 с.

Томашевский А. П., Гавритухин И. О., 1992. Славянское поселение Тетеревка-1. Препр. Киев: Институт археологии. 92 с.

Філюк О. В., 1996. Слов'янські старожитності біля с. Мала Снітинка // Фастівський державний-краєзнавчий музей. Прес-музей: Науково-інформаційний бюлетень. Фастів. № 6. С. 31–32.

ЭСБЕ… – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: http://gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedic-dictionary/index.htm. Дата обращения: 14.05.2015.

Яниш Е. Ю., 2014. Приложение 3. Результаты определения таксономической принадлежности остатков костей рыб из раскопок Животинного городища // *Винников А. З.* Юго-Восточная окраина славянского мира в VII – начале XIII в. (Животинное городище на р. Воронеж). Воронеж: Кварта. С. 360–367.

Янушевич З. В., Маркевич В. И., 1970. Археологические находки культурных злаков на первобытных поселениях Пруто-Днестровского междуречья // Интродукция культурных растений / Ред. З. В. Янушевич. Кишинев. С. 83–110.

Bahor I., 2010. 6. Opis tehnologije izdelave posodja praškega tipa z Nove table // Zgodnjesrednjeveška naselbina na blejski Pristavi: tafonomija, predmeti in čas. Ljubljana: Inštitut za arheologijo Znanstvenoraziskovalnega centra Slovenske akademije znanosti in umetnosti, pp. 179–184 (Opera Instituti Archaeologici Sloveniae, 19).

Biermann F., Dalitz S., Heussner K.-U., 1999. Der Brunnen von Scmerzke, Stadt Brandenburg a. d. Havel, und die absolute Chronologie der frühslavischen Besiedlung im nordostdeutscher Raum // Praehistorische Zeitschrift. Bd. 74. Berlin; New York: Walter de Gruyter. S. 219–243.

Fusek G., Olexa L., Zábojník J., 2010. Nové sídliskové nálezy z Nižnej Myšle. K problematike včasnoslovanského osídlenia horného Potisia // Slovenská Archeológia. LVIII. 2. P. 337–363.

Fusek G., Zábojník J., 2010. Frühslawisches Siedlungsobjekt aus Suchohrad. Zur Problematik der langobardisch-slawischen Beziehungen // Archeolygia barbarov 2009. Archaeologica Slovaca Monographiae. T. X. Nitra. S. 155–180.

Kuna M., Profantová N., 2011. Prague-Type culture houses. Aspects of form, function and meaning // Histria Antiqua. 20. P. 415–426.

Kuna M., Hajnalová M., Kovačiková L. et al., 2013. Raně středověký areál v Roztokách z pohledu ekofaktů // Památky archeologické. CIV. P. 59–147.

Počátky…, 2005. Počátky raného středověku v Čecháh. Praha: Vydání první. 593 p.

Сведения об авторе.

Горбаненко Сергей Анатольевич, Институт археологии, Национальная академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда, 12, Киев, 04210, Украина; e-mail: gorbanenko@gmail.com.

S. A. Gorbanenko

Palaeobotanical materials of the Prague culture

Abstract. Palaeobotanical data relating to the Prague culture from territories ranging from the Dnieper valley to that of the Dniester are introduced. Four sites were investigated by the author (Velikaya Bugaevka, Kodyn I, Kodyn II, Luka-Kavetchinskaya); materials from the sites Rashkov III and Teterevki I analysed by G. A. Pashkevich (Fig. 1; Table) were also used for the investigation. Materials from Velikaya Bugayevka (Fig. 2) are only of interest for evaluation of the world-view of medieval Slavs and they are not used for statistical analysis. For the latter materials have been used from four sites: Kodyn I, Kodyn II, Luka-Kavetchinskaya, Rashkov III (Fig. 3; Table). The bases of vessels with imprints of millet (Fig. 4) are also not used for statistical analysis, because grains of millet do not find their way into pottery vessels by chance. Analysis of grain production is carried out after recalculation of data relating to indices of mass: in first place is filmy barley; then there follow rye and soft hull-less wheat varieties; the least stable indices are those for emmer wheat; the index for millet is between 1/10 and 1/6; the indices for oats are stable at a low level (Fig. 5а). Cluster analysis showed that there is a fairly high level of similarity with between the sites (ca. 90%) (Fig. 5б). The presence of weeds can testify to the use of old-arable fields and the presence of plants with different cycles would point to the use of both spring and winter sewing.

Keywords: the Prague culture, palaeoethnobotanical materials, agricultural cults, grain-based economy, statistical analysis.

REFERENCES

Antipina E. E., 2007. Metody modelirovaniya otnositel'noy chislennosti domashnikh zhivotnykh v khozyaystve drevnikh poseleniy: ot osteologicheskogo spektra k sostavu stada [Methods of modeling of relative number of domestic animals in ancient sites' economy: from osteological spectrum to herd structure]. *Materiali ta doslidzhennya z arkheologiï Skhidnoï Єvropi: vid neolitu do kimeriytsiv*

[Materials and investigations from archaeology of Eastern Europe: from Neolithic till Cimmerians], 7. Lugans'k, pp. 297–303.

Antipina E. E., 2008. Sostav drevnego stada domashnikh zhivotnykh: logicheskie approksimatsii [Structure of domestic animals herd in antiquity: logical approximations]. *Opus: mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii [Opus: interdisciplinary investigations in archaeology]*, 6. A. P. Buzhilova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 67–85.

Bahor I. 2010. 6. Opis tehnologije izdelave posodja praškega tipa z Nove table. *Zgodnjesrednjeveška naselbina na blejski Pristavi: tafonomija, predmeti in čas*. Ljubljana: Inštitut za arheologijo Znanstvenoraziskovalnega centra Slovenske akademije znanosti in umetnosti, pp. 179–184 (Opera Instituti Archaeologici Sloveniae, 19).

Baran V. D., 1988. Prazhskaya kul'tura Podnestrov'ya (po materialam poseleniy u s. Rashkov) [Prague culture of Dniester region (based on materials from settlements near village Rashkov)]. Kiev: Naukova dumka. 160 p.

Baran Ya. V., 2004. Slov'yans'ka obshchina [Slavic community]. Kiïv; Chernivtsi: Zelena Bukovina. 192 p.

Bashkatov Yu. Yu., 2010. Novye issledovaniya chernyakhovskikh pamyatnikov na Yuge Srednego Podneprov'ya [New investigations of Chernyakhov-type sites in the south of Middle Dniester region]. *Germania-Sarmatia*, II. Kaliningrad; Kursk, pp. 215–239.

Bashkatov Yu. Yu., Gorbanenko S. A., 2012. Zemledelie drevnikh zhiteley poseleniya Dmitrovka III [Agriculture of early inhabitants of settlement Dmitrovka III]. *Ot Rimskogo Limesa do Velikoy Kitayskoy Steny [From Roman Limes to Great Chinese wall]*. St. Petersburg; Kishinev; Odessa; Bucharest: Vysshaya antropologicheskaya shkola, pp. 313–324. (Stratum plus, 4/2012).

Bashkatov Yu. Yu., Gorbanenko S. A., Pashkevich G. O., 2010. Materiali z zemlerobstva seredini I tis. n. e. [Materials on agriculture of mid I mill. AD]. *Starozhitnosti Livoberezhnogo Podniprov'ya: zbirnik naukovikh prats' i materialiv X naukovo-praktichnogo seminaru «Okhorona ta doslidzhennya pam'yatok arkheologiï» [Antiquities of Dnieper left bank zone: collection of articles and materials of X scientific-practical seminar «Protection and investigations of archaeological sites»]*. Kiev; Poltava: Tsentr pam'yatkoznavstva NANU, pp. 48–58.

Biermann F., Dalitz S., Heussner K.-U., 1999. Der Brunnen von Scmerzke, Stadt Brandenburg a. d. Havel, und die absolute Chronologie der frühslavischen Besiedlung im nordostdeutscher Raum. *Praehistorische Zeitschrift*, 74. Berlin; New York: Walter de Gruyter, pp. 219–243.

Bobrinskiy A. A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy [Pottery-making of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 272 p.

Dubits'kiy O. S., Filyuk O. V., 1995. Okhoronni doslidzhennya bagatosharovogo poselennya bilya s. Mala Snitinka na Kiïvshchini [Protective investigations of multilayer settlement near village Mala Snitinka, Kiev region]. *Drevnie kul'tury i tsivilizatsii Vostochnoy Evropy: materialy 3 mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh [Ancient cultures and civilizations of Eastern Europe: proceedings of 3rd international conference of students and young scientists]*. Odessa, pp. 75–76.

ESBE… – Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona. Elektronnyy resurs [Encyclopaedic dictionary of Brokgauz and Efron. Electronic resource]. http://gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedic-dictionary/index.htm.

Fusek G., Olexa L., Zábojník J., 2010. Nové sídliskové nálezy z Nižnej Myšle. K problematike včasnoslovanského osídlenia horného Potisia // *Slovenská Archeológia*, LVIII, 2, pp. 337–363.

Fusek G., Zábojník J., 2010. Frühslawisches Siedlungsobjekt aus Suchohrad. Zur Problematik der langobardisch-slawischen Beziehungen. *Archeolygia barbarov 2009. Archaeologica Slovaca Monographiae*, X. Nitra, pp. 155–180.

Filyuk O. V., 1996. Slov'yans'ki starozhitnosti bilya s. Mala Snitinka [Slavic antiquities near village Mala Snitinka]. *Fastivs'kiy derzhavniy kraeznavchiy muzey. Pres-muzey: Naukovo-informatsiyniy` byuleten' [Fastov state museum of local lore. Press-museum: Scientific-information bulletin]*, 6. Fastiv, pp. 31–32.

Gavritukhin I. O., 2009. Ponyatie prazhskoy kul'tury [Term Prague culture]. *Slozhenie russkoy gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekoy istorii Starogo Sveta: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii [Formation of Russian statehood in context of early medieval history of Old World: transactions of international conference]*. St. Petersburg: Gosudarstvenny Ermitazh, pp. 7–25. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha, XLIX).

Gorbanenko S. A., 2012. Sel'skoe khozyaystvo do obrazovaniya Kievskoy Rusi [Farming before formation of Kievan Rus']. Slavyane Vostochnoy Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [*Slavs of Eastern Europe on the eve of formation of Medieval Russian state. Proceedings of international conference*]. O. A. Shcheglova, ed., comp. St. Petersburg: Solo, pp. 106–109.

Gorbanenko S. A., 2013. Prilozhenie 5. Paleoetnobotanicheskie opredeleniya [Appendix 5. Palaeoethnobotanic determinations]. *Petrauskas O. V., Shishkin R. G. Mogil'nik i poselenie chernyakhovskoy kul'tury u s. Velikaya Bugaevka (arkheologicheskiy istochnik) [Cemetery and settlement of Chernyakhov culture near village Velikaya Bugaevka (archaeological source)]*. Kiev: IA NANU, pp. 384–388 (Oium, № 2).

Gorbanenko S. A., 2014a. Paleoetnobotanichni materiali z Naukovikh fondiv IA NAN Ukraïni zi slov'yans'kikh pam'yatok [Palaeoethnobotanic materials from Scientific stock IA NANU from Slavic sites]. *Kolektsiï Naukovikh fondiv Institutu arkheologiï Natsional'noï akademiï nauk Ukraïni: rezul'tati doslidzhen' [Collections of scientific stock of IA NANU: results of investigations]*. Kiev: Akademperiodika, pp. 180–186. (Arkheologiya i davnya istoriya Ukraïni, 1 (12).

Gorbanenko S. A., 2014b. Paleoetnobotanichni doslidzhennya slov'yans'kikh pam'yatok Bukovini [Palaeoethnobotanic researches of Slavic sites in Bukovina]. *Arkheologichni studiï [Archaeological studies]*, 5. Kiev; Chernivtsi: Cheremosh, pp. 200–211.

Gorbanenko S. A., 2015. Paleoetnobotanichni dani z poselennya raykovets'koï kul'turi Mala Snitinka [Palaeoethnobotanic data from Raykovetskaya culture settlement Mala Snitinka]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 1, pp. 109–116.

Gorbanenko S. A., Koloda V. V., 2013. Sil's'ke gospodarstvo na slov'yano-khozars'komu porubizhzhi [Agriculture on Slavic-Khazarian frontier]. Kiev: IA NANU. 238 p.

Gorbanenko S. A., Pashkevich G. O., 2010. Zemlerobstvo davnikh slov'yan (kinets' I tis. do n. e. – I tis. n. e.) [Agriculture of ancient Slavs (end of I mill. BC – I mill. AD)]. Kiev: Akademperiodika. 316 p.

Kolektsiï …, 2007 – Kolektsiï Naukovikh fondiv Institutu arkheologiï Natsional'noï akademiï nauk Ukraïni: katalog [Collections of Scientific stocks of IA NANU: catalogue]. Kiev: Akademperiodika. 356 p.

Kravchenko N. M., Pashkevich G. A., 1985. Nekotorye problemy paleobotanicheskikh issledovaniy (po materialam Obukhovskoy territorial'noy gruppy pamyatnikov I tys. n. e.) [Some problems of palaeoethnobotanic researches (based on Obukhovo territorial group of sites of I mill. AD)]. *Arkheologiya i metody istoricheskikh konstruktsiy [Archaeology and methods of historic reconstructions]*. V. F. Gening, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 177–190.

Kuna M., Hajnalová M., Kovačiková L. et al., 2013. Raně středověký areál v Roztokách z pohledu ekofaktů // *Památky archeologické*, CIV, pp. 59–147.

Kuna M., Profantová N., 2011. Prague-Type culture houses. Aspects of form, function and meaning. *Histria Antiqua*, 20, pp. 415–426.

Lebedeva E. Yu., 2007. Metodicheskie aspekty arkheobotanicheskikh issledovaniy [Methodic aspects of archaeobotanic investigations]. *Materiali ta doslidzhennya z arkheologiï Skhidnoï Єvropi: vid neolitu do kimeriytsiv [Materials and investigations from archaeology of Eastern Europe: from Neolithic till Cimmerians]*, 7. Lugans'k, pp. 289–296.

Lebedeva E. Yu., 2008. Arkheobotanicheskaya rekonstruktsiya drevnego zemledeliya (metodicheskie kriterii) [Archaeobatanic reconstruction of early agriculture (methodic criteria)]. *Opus: mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii [Opus: interdisciplinary investigations in archaeology]*, 6. A. P. Buzhilova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 86–109.

Pashkevich G. A., 1991. Paleoetnobotanicheskie nakhodki na territorii Ukrainy. Pamyatniki I tys. do n. e. – II tys. n. e.: katalog II [Palaeoethnobotanic finds in territory of Ukraine. Sites of I mill. BC – II mill. AD: catalogue II]. Preprint. Kiev: IA NANU. 47 p.

Pashkevich G. O., 2014. Paleoetnobotanichni doslidzhennya poselen' bilya s. Rashkiv [Palaeoethnobotanic researches near village Raskov]. *Kolektsiï Naukovikh fondiv Institutu arkheologiï Natsional'noï akademiï nauk Ukraïni: rezul'tati doslidzhen' [Collections of Scientific stock of IA NANU: results of researches]*. Kiev. S. 174–179. (Arkheologiya i davnya istoriya Ukraïni, 1(12).

Pashkevich G. A., Gorbanenko S. A., 2004. K voprosu o zemledelii plemen saltovskoy kul'tury (po materialam poseleniya Rogalik) [On problem of agriculture of Saltovo culture tribes (based on materials of settlement Rotalik)]. *Drevnosti [Antiquities]*. Khar'kov, pp. 225–236.

Pashkevich G. O., Gorbanenko S. A., 2010. Katalog paleobotanichnikh materialiv pam'yatok slov'yans'kikh kul'tur [Catalogue of palaeobotanic materials from sites of Slavic cultures]. *Kolektsiï Naukovikh fondiv Institutu arkheologiï Natsional'noï akademiï nauk Ukraïni: materiali ta doslidzhennya [Collections of Scientific stock of IA NANU: materials and researches]*. Kiev, pp. 105–123. (Arkheologiya i davnya istoriya Ukraïni, 3).

Pashkevich G. O., Milyan T. R., 2010. Paleobotanichni znakhidki z poselennya vel'bars'koï kul'turi Yosipivka-III u Pobuzhzhi [Palaeobotanic finds from Wielbarsk culture settlement Yosipovka-III in Bug region]. L'viv: Liga-Pres. 64 p.

Pashkevich G. A., Terpilovskiy R. V., 1981. Sel'skoe khozyaystvo desninskikh plemen III–V vv. [Farming of Desna tribes of III–V cc.]. *Ispol'zovanie metodov estestvennykh nauk v arkheologii [Using natural scientific methods in archaeology]*. V. I. Bidzilya, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 93–113.

Petrauskas O. V., 2014. Deyaki pidsumki doslidzhen' kompleksu pam'yatok pizn'orims'kogo chasu bilya s. Komariv [Some results of investigations of sites cluster of Late Roman time near village Komarov]. *Chernyakhivs'ka kul'tura: do 120-richchya vid dnya narodzhennya V. P. Petrova [Chernyakhov culture: toward 120th anniversary of V. P. Petrov]*. O. V. Petrauskas, S. A. Gorbanenko, eds. Kiev, pp. 165–183 (Oium, 4).

Petrauskas O. V., Gorbanenko S. A., 2014. Osoblivosti keramichnogo kompleksu z poselennya Velika Bugaïvka [Features of pottery complex from settlement Velika Bugaivka]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 4, pp. 126–130.

Petrauskas O. V., Shishkin R. G., 2009. Nekotorye rezul'taty issledovaniya poseleniya chernyakhovskoy kul'tury Velikaya Bugaevka 1 [Some results of investigation of Chernyakhov culture settlement Velikaya Bugaevka 1]. *Vita Antiqua*, 7–8, pp. 201–226.

Petrauskas O. V., Shishkin R. G., 2013. Mogil'nik i poselenie chernyakhovskoy kul'tury u s. Velikaya Bugaevka (arkheologicheskiy istochnik) [Cemetery and settlement of Chernyakhov culture near village Velikaya Bugaevka (archaeological source)]. Kiev. 412 p. (Oium, 2).

Počátky…, 2005 – Počátky raného středověku v Čecháh. Praha: Vydání první. 593 p.

Pidoplichko I. G., 1937. Do pitannya pro sviys'ki tvarini tripil's'kikh poselen' Khalep'ya, Andriïvka, Usatove [On problem of domestic animals from Tripolye culture settlements Khalep'ye, Andreevka, Usatovo]. *Naukovi zapiski IIMK [Scientific transactions of IIMK]*, 2, pp. 111–120.

Rusanova I. P., Timoshchuk B. A., 1984. Kodyn – slavyanskie poseleniya V–VIII vv. na r. Prut [Kodyn – Slavic settlement of V–VIII cc. on River Prut]. Moscow: Nauka. 88 p.

Tomashevskiy A. P., Gavritukhin I. O., 1992. Slavyanskoe poselenie Teterevka-1 [Slavic settlement Teterevka-1]. Preprint. Kiev: IA NANU. 92 p.

Vakulenko L. V., 2004. Zemlerobstvo yak ekonomichna osnova gospodarstva prikarpats'kogo naselennya v III–IV st. n. e. [Agriculture as base of economy of Carpathian population in III–IV cc. AD]. Arkheologiya davnikh slov'yan. Doslidzhennya i materiali [Archaeology of early Slavs. Investigations and materials]. Kiev: IA NANU, pp. 189–214.

Vakulenko L. V., Prikhodnyuk O. M., 1984. Slavyanskie poseleniya I tys. n. e. u s. Sokol na Srednem Dnestre [Slavic settlements of I mill. AD near village Sokol on Middle Dniester]. Kiev: Naukova dumka. 108 p.

Veselovs'kiy I. V., Lisenko A. K., Man'ko Yu. P., 1988. Atlas-viznachnik bur'yaniv [Atlas-qualifier of weeds]. Kiev: Urozhay. 72 s.

Yanish E. Yu., 2014. Prilozhenie 3. Rezul'taty opredeleniya taksonomicheskoy prinadlezhnosti ostatkov kostey ryb iz raskopok Zhivotinnogo gorodishcha [Appendix 3. Determination results of taxonomic attribution of fish bones remains from excavations of Zhivotinnoe fortified settlement]. *Vinnikov A. Z. Yugo-Vostochnaya okraina slavyanskogo mira v VII – nachale XIII vv. (Zhivotinnoe gorodishche na r. Voronezh) [South-Eastern periphery of Slavic world in VII – early XIII cc. (Zhivotinnoe fortified settlement on Voronezh River)]*. Voronezh: Kvarta, pp. 360–367.

Yanushevich Z. V., Markevich V. I., 1970. Arkheologicheskie nakhodki kul'turnykh zlakov na pervobytnykh poseleniyakh Pruto-Dnestrovskogo mezhdurech'ya [Archaeological finds of cultivated cereals at prehistoric settlements of Prut-Dniester interfluve]. *Introduktsiya kul'turnykh rasteniy [Introduction of cultivated plants]*. Z. V. Yanushevich, ed. Kishinev, pp. 83–110.

Zhuravlev O. P., 2001. Osteologicheskie materialy iz pamyatnikov epokhi bronzy lesostepnoy zony Dnepro-Donskogo mezhdurech'ya [Osteological materials from Bronze Age sites in forest-steppe zone of Dnieper-Don interfluve]. Kiev: IA NANU. 200 p.

About the autor.

Gorbanenko Sergej A., Institute of Archaeology National Academy of Sciences of Ukraine, av. Geroev Stalingrada 12, Kiev, 04210, Ukraine; e-mail: gorbanenko@gmail.com.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДІУ – Археологія і давня історія України
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ДБ – Древности Боспора. М.
ИА НАН Украины – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и искусства
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН. М.
ЛГПУ – Липецкий государственный педагогический университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НФ ІА НАН України – Наукові фонд и Інституту археології Національної академії наук України
ОДА – обласна державна адміністрація
ОНТИ ПНЦ РАН – Отдел научно-технической информации Пущинского научного центра РАН
ОРЯС – Отделение русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб.
РА – Российская археология. М.
РСМ – Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. М.
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников. М.
ТМАЭ – Труды Маргианской археологической экспедиции
УТОПІК – Українське товариство охорони пам'яток історії та культури
ЦЦРИ РАН – Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН

AN SSSR – Akademiya nauk SSSR [Academy of Sciences of USSR]
AO – Arkheologicheskiye otkrytiya [Archaeological discoveries]. Moscow
AP – Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow region]. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN
AS – Anatolian Studies. Ankara.
AV – Arkheologicheskiye vesti [Archaeological News]. St. Petersburg
BAR – British Archaeological Reports International Series. Oxford
BASOR – Bulletin of the American School of Oriental Research. Boston
IA NANU – Institut arkheologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy [Institute of Archaeology National Academy of Sciences of Ukraine]
IA RAN – Institut arkheologii RAN [Institute of Archaeology RAS]
IAE SO RAN – Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN [Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of RAS]
JAS – Journal of Archaeological Science
IIMK RAN – Institut istorii material'noy kul'tury RAN [Institute for the History of Material Culture RAS]
IJO – International Journal of Osteoarchaeology
IV RAN – Institut vostokovedeniya Rossiyskoy akademii nauk [Institute of Oriental Studies RAS]

KSIA – Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]. Moscow
MAK – Materialy po arkheologii Kavkaza [Materials for the Archaeology of the Caucasus]
MIA – Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and investigations for archaeology of USSR]
MIASK – Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and investigations for archaeology of North Caucasus]
PNAS USA – Proceedings of National Academy of Sciences of the United States of America
RA – Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. Moscow
RAN [RAS] – Rossiyskaya akademiya nauk [Russian Academy of Sciences]
RAVA – Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie. Berlin
RSM – Ranneslavyanskiy mir [Early Slavic world]
SA – Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. Moscow
SAI – Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov. Moscow: Nauka
TMAE – Trudy Margianskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Transactions of Margiana archaeological expedition]
TTKY – Türk Tarih Kurumu Yayinlarinda, Istanbul
VDI – Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]
Zapiski IIMK RAN – Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg. Dmitry Bulanin

ОТ РЕДАКЦИИ

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Периодический сборник «Краткие сообщения Института археологии РАН» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, информацию о работе археологических экспедиций.

Направляемые в сборник материалы должны быть оформлены в соответствии с принятыми правилами.

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике сборника. Иные материалы (письма в редакцию, заявления и пр.) публикуются только по специальному решению редколлегии.

2. Рукопись в электронном варианте в формате Microsoft Word.

3. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из основного текста, списка литературы, списка подрисуночных подписей, резюме и ключевых слов (не более 10) на русском языке (см. п. 11), списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы, см. п. 7), сведений об авторе (авторах; см. п. 12). Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

4. Общий объем рукописи не должен превышать 0,8 печатного листа (32 тыс. знаков с пробелами) и 3 иллюстраций. В объем рукописи включается: основной текст, список литературы, список подрисуночных подписей, резюме, цифровые (математические, статистические и другие не рисованные) таблицы. Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию без пропусков и дополнительных литер (а, б...).

5. Статья (включая список литературы, подрисуночные подписи и др.) должна быть напечатана четким, контрастным шрифтом кегля 14 через полтора интервала. В заголовке инициалы ставятся перед фамилиями авторов. Название печатается обычным шрифтом (прописными не набирать).

6. Все нестандартные буквы и знаки в тексте рукописи должны быть четко вписаны от руки в распечатку рукописи. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписан, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию.

7. Иллюстрации предоставляются в отдельных файлах (не вставлять в текст). Они должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. Фрагменты (части 1, 2, а, б) одного рисунка должны быть обязательно скомпонованы с учетом их последующего уменьшения в сборнике. Нескомпонованные части рисунка будут считаться самостоятельными рисунками при подсчете

общего количества иллюстраций к статье. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

Иллюстрации представляются в электронном виде, в отдельных файлах формата TIF. В текстовый файл иллюстрации не вставляются.

Все черно-белые иллюстрации должны быть сканированы в режиме «градации серого», в масштабе 1:1, при этом фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, а штриховые рисунки – не ниже 600 dpi.

Возможна публикация цветных иллюстраций, если цвет несет обязательную смысловую нагрузку.

8. Таблицы представляются в отдельных файлах. Они должны иметь тематический заголовок и номер. Текст заголовка в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений. Диагональные линейки в головке не допускаются. Колонки должны отделяться вертикальными линиями и нумероваться только в тех случаях, когда на них даются ссылки в тексте (но не для замены головки при переходе таблицы на следующую страницу).

9. Текстовые примечания даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: 1, 2...

10. Список литературы дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей. Первая часть – издания на кириллице, вторая – на латинице. Названия отчетов о полевых исследованиях включаются в соответствующую часть. За фамилией и инициалами указывается год издания и далее сведения в соответствии с библиографическим описанием. Труды одного автора располагаются в хронологическом порядке. При ссылке на разные произведения одного автора, вышедшие в одном году, в библиографическом списке и в тексте статьи к году добавляются литеры в порядке алфавита. Источником библиографического описания является титульный лист издания.

Например: *Мелюкова А. И.*, 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4. Псковские летописи, 1941. Т. 1. М.; Л. *Смирнов К. Ф.*, 1964. Савроматы. М. *Чернов С. З.*, 1977. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 4 // Архив ИА РАН. Р-1. № 6695.

В тексте в круглых скобках указываются фамилия автора (на языке издания) или сокращенное название (если издание автора не имеет), год издания, ссылка на страницу, рисунок, таблицу (*Смирнов*, 1964. С. 50). Ссылки на источники – оригинальные работы древних авторов, архивные материалы (кроме полевых отчетов), музейные коллекции – приводятся в скобках в тексте и в список литературы не включаются.

11. К статье, помимо списка сокращений, необходимо приложить ключевые слова (до 10) и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом не более 0,5 страницы). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением. Помимо

русского текста резюме, автор может приложить и свой вариант английского текста резюме (summary) и ключевых слов (key words).

12. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны всеми авторами. На отдельном листе прилагаются сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового домашнего адреса, места работы и рабочего адреса, телефонов, адреса электронной почты и даты отправления.

13. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Рис. 2. Телль Хазна I. Аэрофото.
Концентрическая планировка монументальных сооружений Телля Хазна I
Желтый цвет – монументальные сооружения

(к с. 39)

Рис. 3. Фото. Монументальные сооружения «теменоса» Телль Хазны I

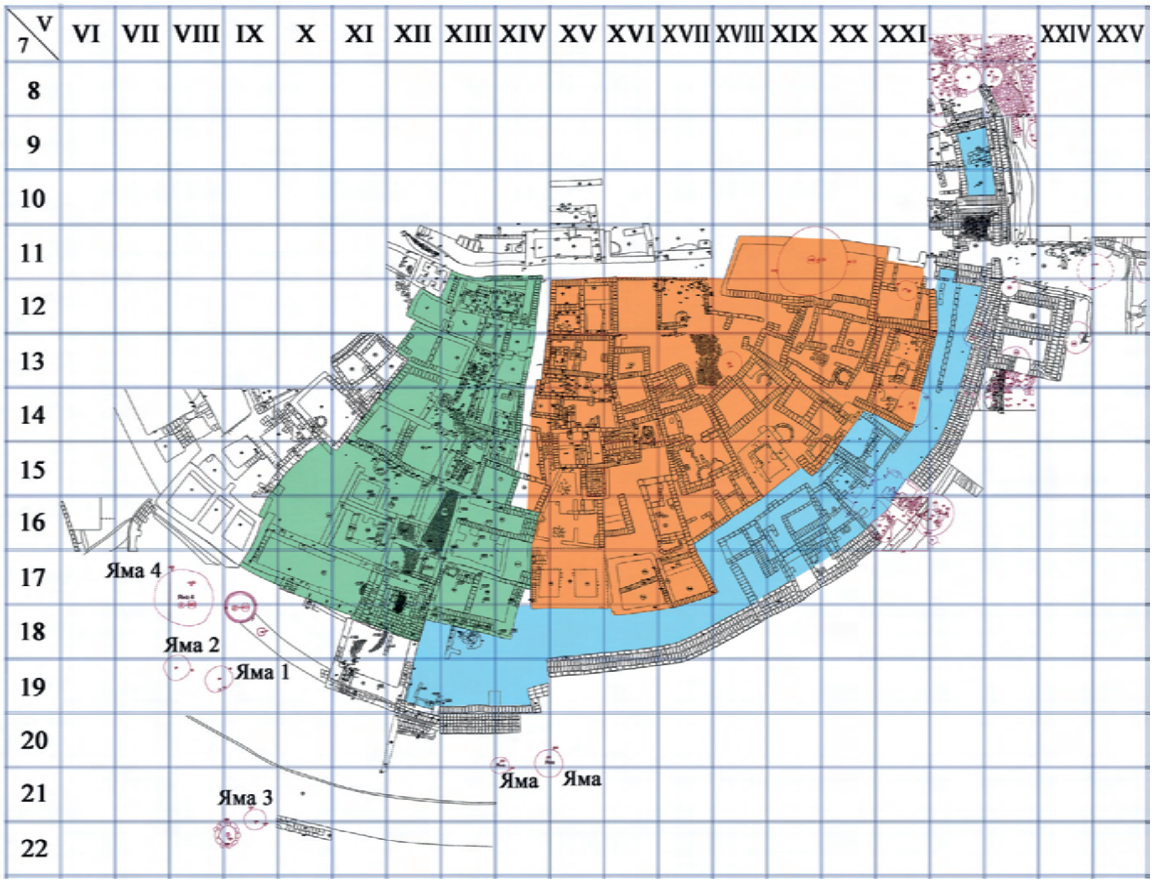


Рис. 4. Телль Хазна I. План III яруса.

Условные обозначения: зеленый цвет – ритуально-жертвенный участок «теменоса»; коричневый цвет – административно-хозяйственный участок «теменоса»; голубой цвет – участок с бытовыми домостроениями

(к с. 39)

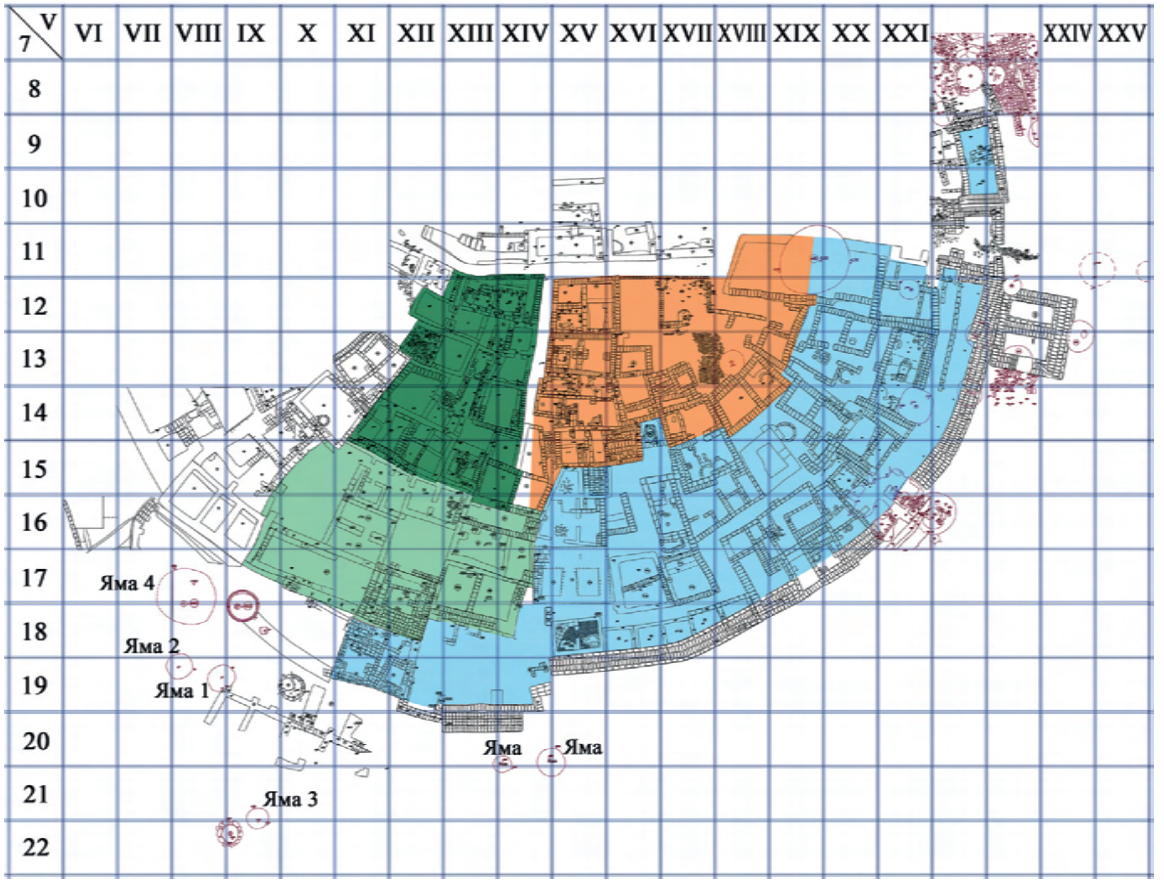


Рис. 5. Телль Хазна I. План II яруса

Условные обозначения см. в подписи к рис. 4

(к с. 41)

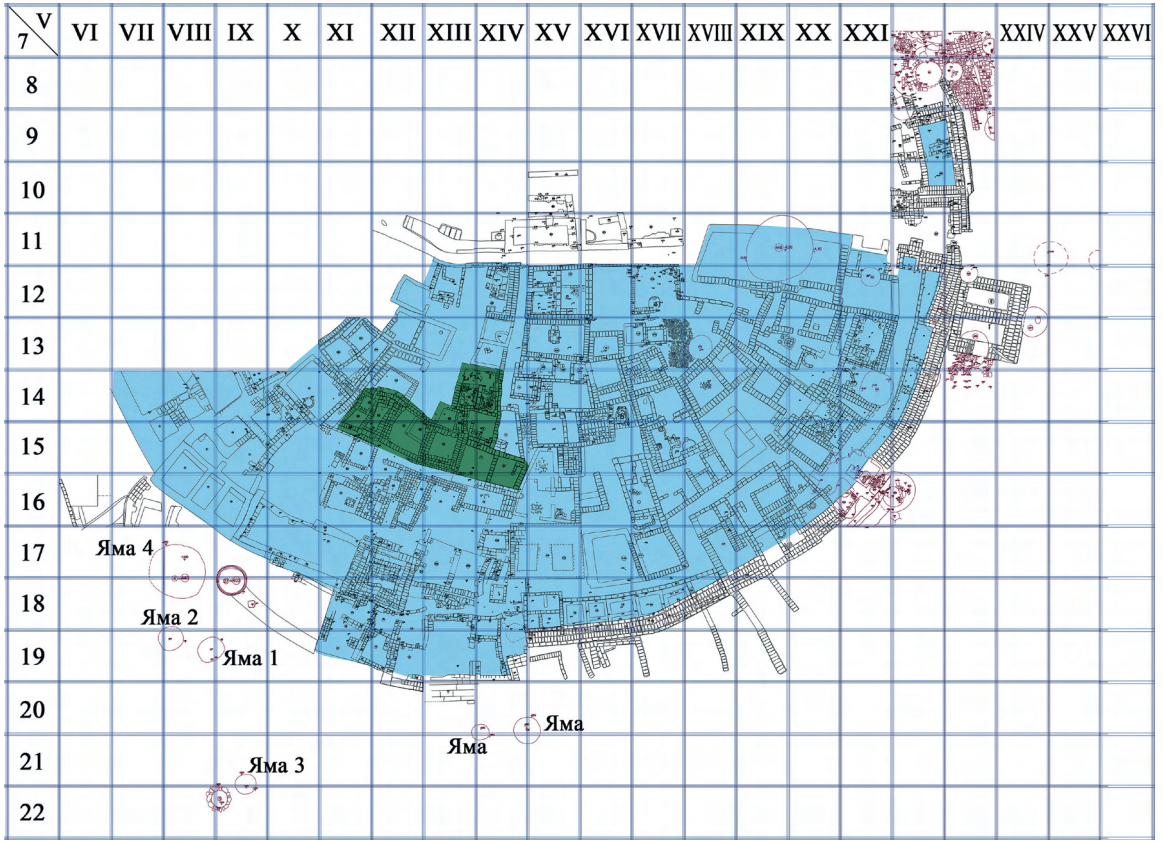


Рис. 6. Телль Хазна I. План I яруса

Условные обозначения см. в подписи к рис. 4

(к с. 41)

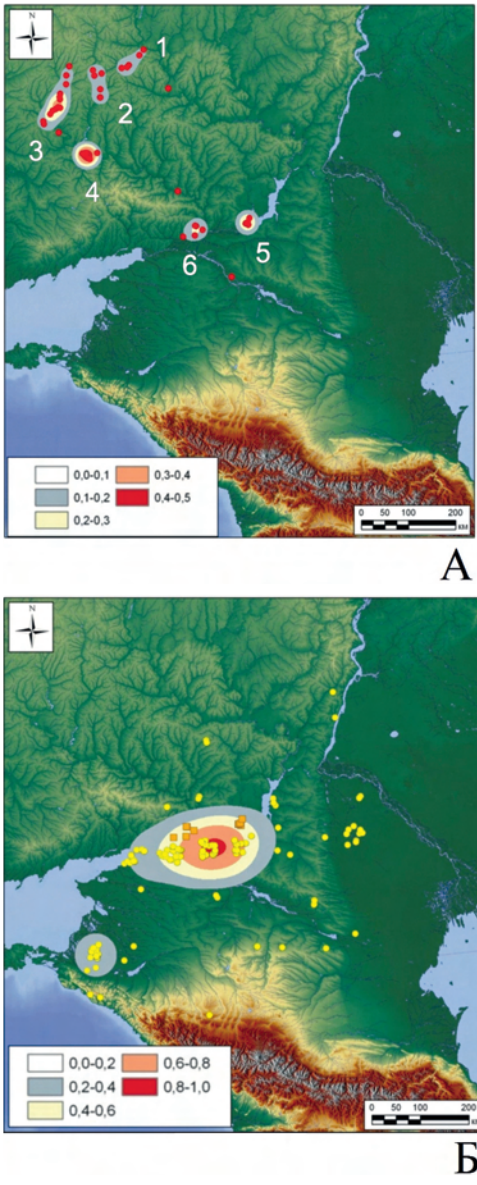


Рис. 1. Городища и подкурганные погребения салтово-маяцкой культуры в Волго-Донском междуречье

А. Оборонительные агломерации салтово-маяцкой культуры в Волго-Донском междуречье; Б. Плотность ареала подкурганных погребений салтово-маяцкой культуры в Волго-Донском междуречье. *Цветовая шкала*: количество памятников на 100 км^2

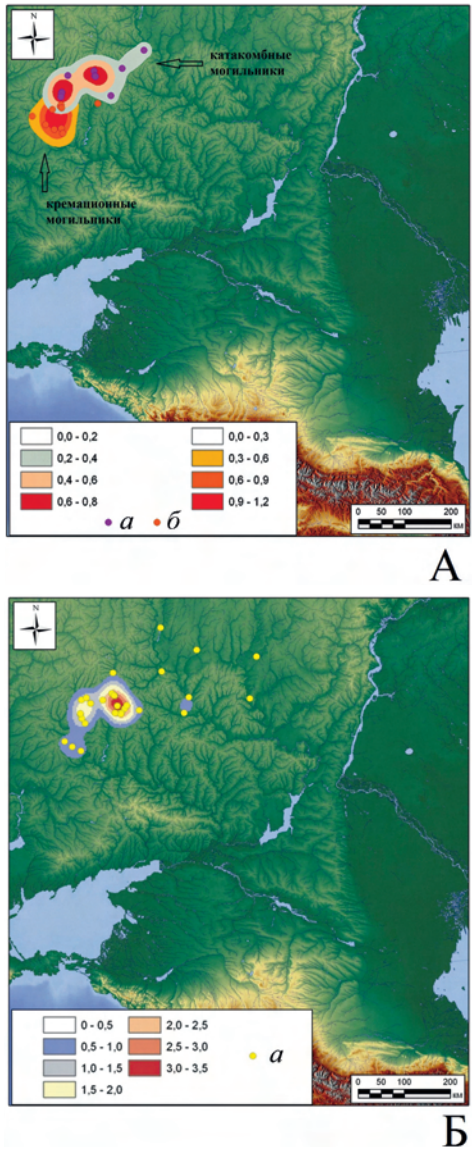
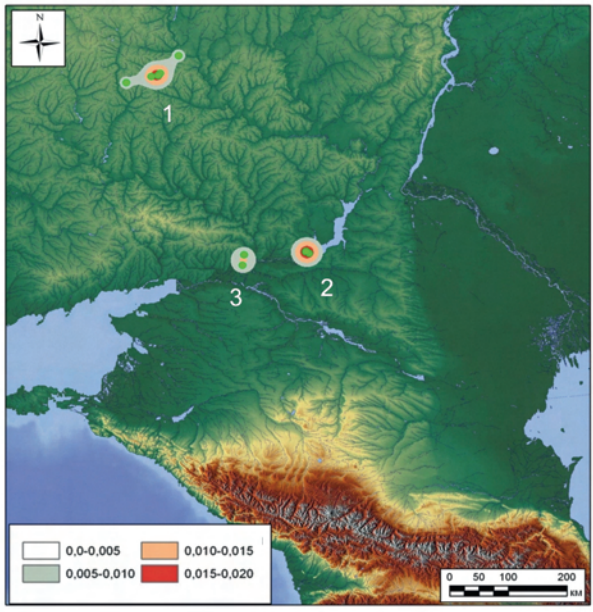


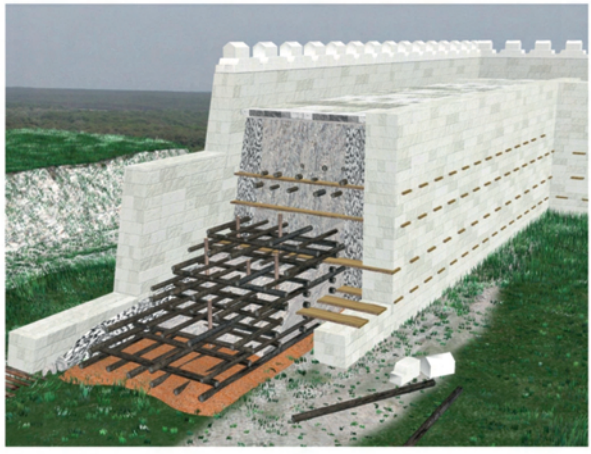
Рис. 2. Ареалы катакомбных, кремационных и ямных могильников салтово-маяцкой культуры в лесостепной зоне Донецко-Донского междуречья

А. Плотность ареалов катакомбных и кремационных могильников. *Цветовая шкала*: количество памятников на 60 км^2. *Условные обозначения могильников*: *а* – катакомбные; *б* – с кремациями; Б. Плотность ареала ямных могильников. *Цветовая шкала*: количество памятников на 50 км^2. *Условное обозначение*: *а* – ямные могильники

(к с. 103)



А



Б

Рис. 3. Крепости византийского облика на территории салтово-маяцкой культуры

А. Плотность ареалов крепостных агломераций византийского облика. *Цветовая шкала*: количество памятников на 100 км^2; Б. Инженерное решение конструкции крепостных стен Маяцкого городища

Автор дизайна А. Кириллов, научный консультант Г. Е. Афанасьев

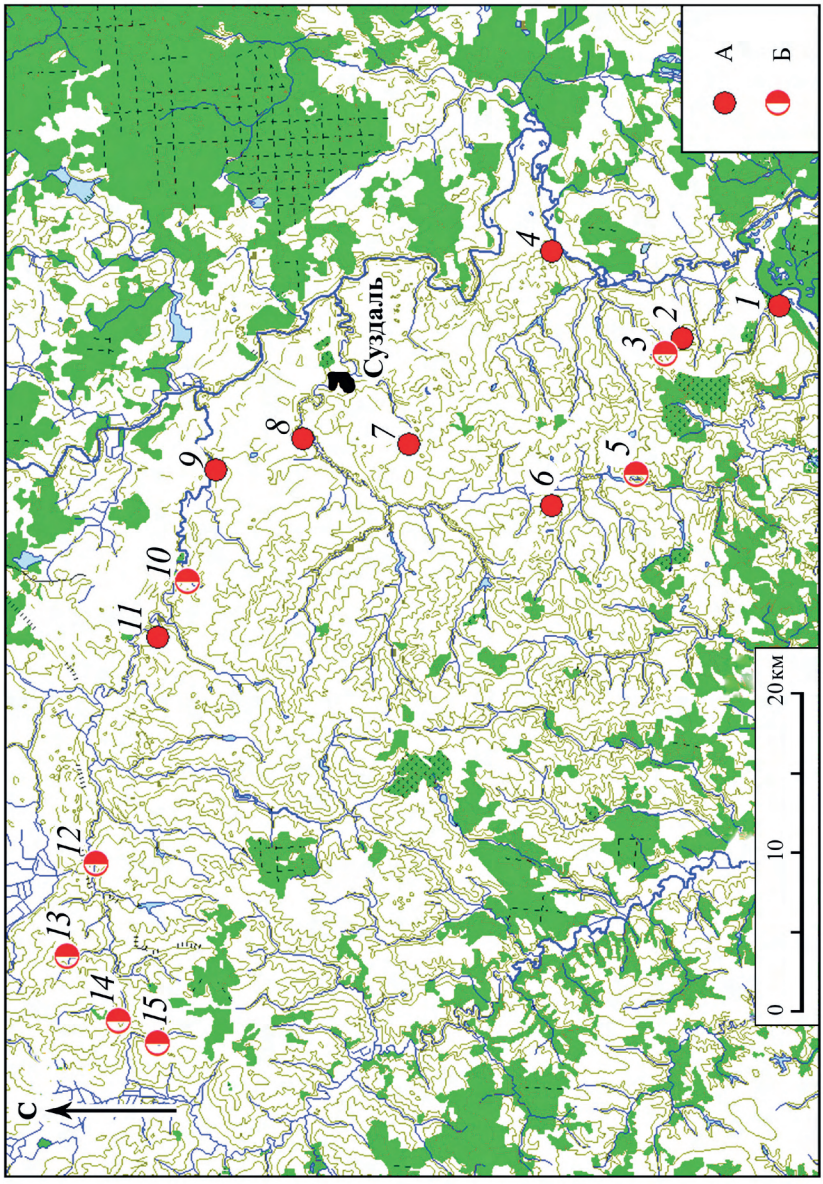


Рис. 1 – «Большие поселения» Суздальского Ополья. Карта

А – поселенческие комплексы X–XI вв., выделенные как «большие поселения»; Б – поселенческие комплексы X–XI вв., принадлежность которых к «большим поселениям» требует уточнения

1 – Сунгирь; *2* – Суворотское 8; *3* – Суворотское 3,9; *4* – Васильково 1; *5* – Овчухи 3-5; *6* – Тарбаево 5-7; *7* – Гнездилово 2; *8* – Кибол 5; *9* – Весь 1-3-5; *10* – Ратницкое 4; *11* – Шекшово 2-Большое Давыдовское 2; *12* – Шелебово 2-4; *13* – Турабьево 1-2; *14* – Кубаево 2-3; *15* – Кинобол 2

(к с. 121)

Рис. 2. Селище Суворотское 8. Находки X–XI вв.

1–2 – железо, медь; *3–8, 10, 11–12, 14, 16–19* – бронза; *9, 15* – билон; *13* – свинцово-оловянистый сплав

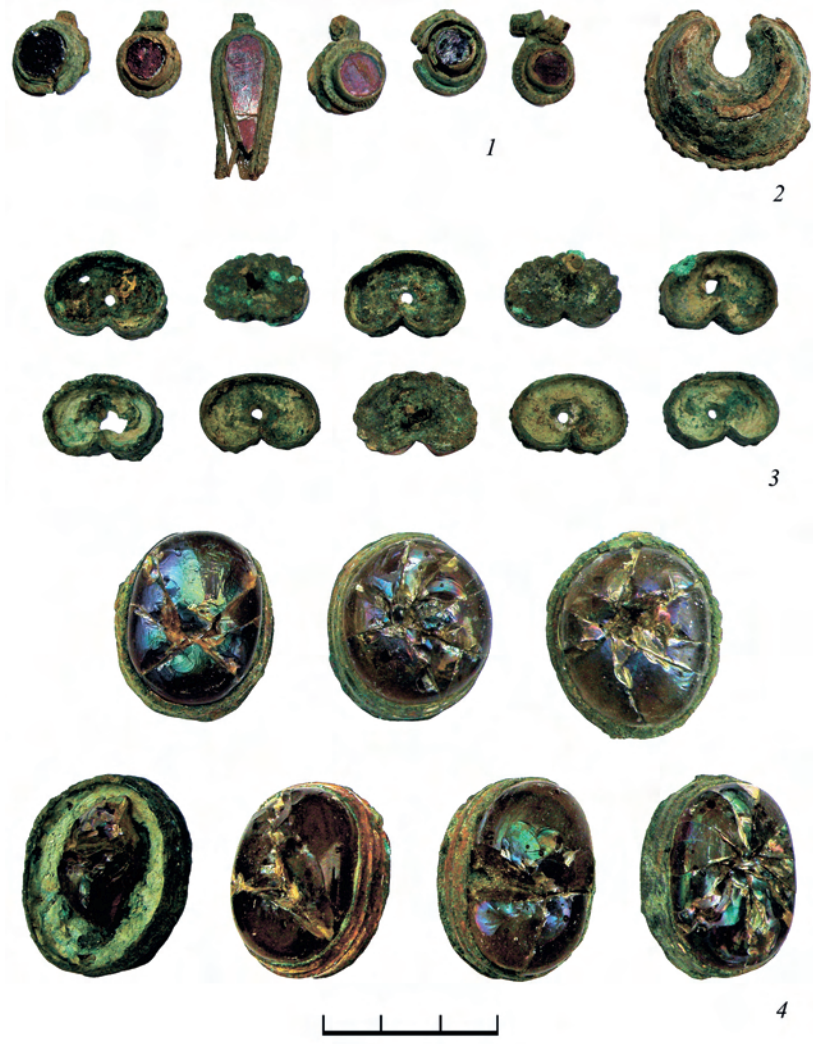


Рис. 9. Вещи полихромного стиля из погребения 114 могильника Нейзац

Рис. 3. Биметаллический кинжал с бронзовым клинком

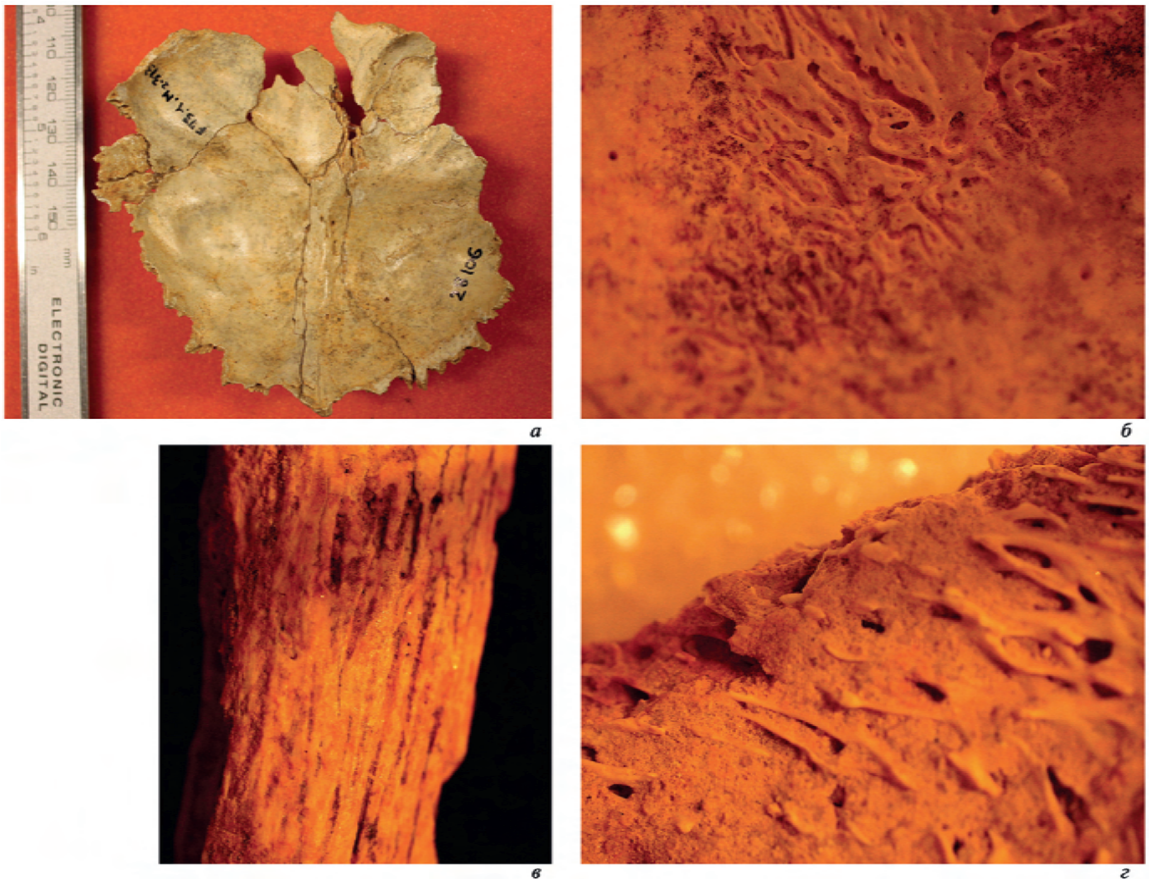


Рис. 2. Ля Феррасси 8, кости двухлетнего неандертальского ребенка

а – затылочная кость, общий вид со стороны эндокрана; *б* – геморрагические изменения в левой затылочной ямке. Увеличение 20 раз; *в* – внешняя поверхность ребра ребенка; *г* – верхний внутренний край крыла правой подвздошной кости с увеличением. Из-за истончения компакты поверхность повторяет ориентацию внутренних трабекул

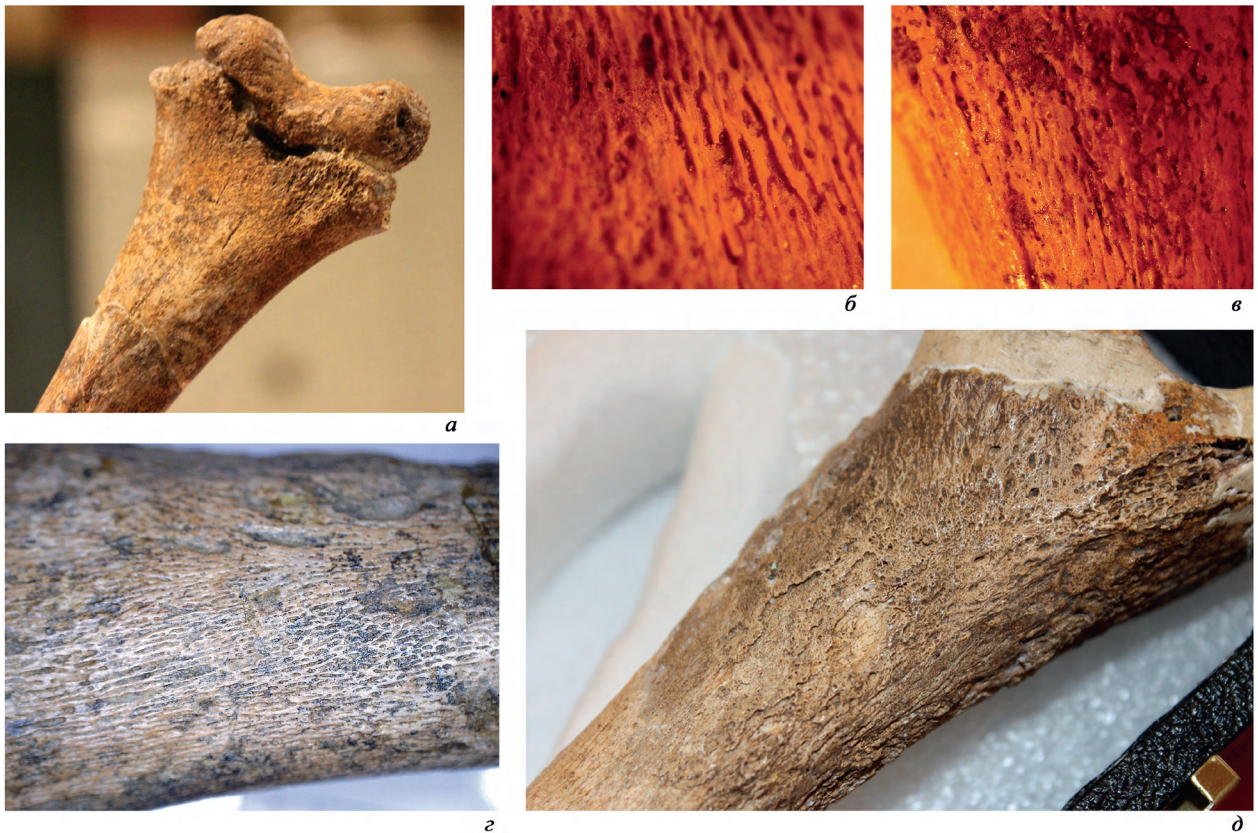


Рис. 3. Материалы Ля Феррасси и Киик-Коба

а – Ля Феррасси 6. Патологические проявления в области метафиза бедренной кости трехлетнего неандертальца; *б* – Ля Феррасси 4. Метафиз, правая бедренная кость. При увеличении видны оссифицированные гематомы; *в* – Ля Феррасси 4 бис; *г* – Киик-Коба. Периостальные изменения на передней поверхности верхнего метафиза левого бедра младенца Киик-Коба 2. Оссифицированные гематомы; *д* – Ля Феррасси 1. Патологические изменения в нижнем метафизе большеберцовой кости

(к с. 247)

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Выпуск 238

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук

Корректор Н. Бельченко
Художники А. Голикова, Н. Сафронова
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Подписано в печать 26.06.2015. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 27,09. Тираж 300. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры». № госрегистрации 1037739118449.
Phone: +7 (495) 624-35-92. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: http://www.lrc-press.ru, http://www.lrc-lib.ru

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4